Čechov

36
5079

25238/12
[illegible]

<36631491700015

<36631491700015

Bayer. Staatsbibliothek

6В52

Антонъ Чеховъ.

6.В33

ОСТРОВЪ САХАЛИНЪ.

(ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ).

8749

ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА
„РУССКАЯ МЫСЛЬ".

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

МОСКВА.
Типо-лит. Высочайше утвер. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, собствен. домъ.
1895.

Р.т. 5176

Bayerische
Staats-
Bibliothek
München

Aus dem Tausch der Notgemeinschaft der Deutschen Wissenschaft *
NdDW

ОСТРОВЪ САХАЛИНЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. Г. Николаевскъ на Амурѣ. — Пароходъ *Байкалъ*. — Мысъ Пронге и входъ въ Лиманъ.—Сахалинъ полуостровъ.—Лаперузъ, Браутонъ, Крузенштернъ и Невельской. — Японскіе изслѣдователи. — Мысъ Джаоре.— Татарскій берегъ. — Де-Кастри . 1

II. Краткая географія. — Прибытіе въ Сѣверный Сахалинъ. — Пожаръ.—Пристань.—Въ слободкѣ.—Обѣдъ у г. Л.—Знакомства.—Ген. Кононовичъ.—Пріѣздъ генералъ-губернатора.— Обѣдъ и иллюминація. 21

III. Перепись.—Содержаніе статистическихъ карточекъ.—О чемъ я спрашивалъ и какъ отвѣчали мнѣ.—Изба и ея жильцы.— Мнѣнія ссыльныхъ о переписи. 43

IV. Рѣка Дуйка.—Александровская долина.—Слободка Александровка.—Бродяга Красивый.—Александровскій постъ.—Его прошлое.—Юрты.—Сахалинскій Парижъ 58

V. Александровская ссыльно-каторжная тюрьма.—Общія камеры.—Кандальныя.—Золотая Ручка.—Отхожія мѣста.—Майданъ.—Каторжныя работы въ Александровскѣ.—Прислуга.— Мастерскія . 76

VI. Разсказъ Егора. 97

VII. Маякъ.— Корсаковское. — Коллекція д-ра П. И. Супруненко.—Метеорологическая станція.—Климатъ Александровскаго округа.—Ново-Михайловка.—Потемкинъ.—Эксъ-палачъ Терскій.—Красный-Яръ.—Бутаково 105

Стр.

VIII. Рѣка Аркай.—Арковскій кордонъ.—Первое, Второе и Третье Арково. — Арковская долина. — Селенія по западному побережью: Мгачи, Танги, Хоэ, Трамбаусъ, Віахты и Ванги.— Туннель.—Кабельный домикъ.—Дуэ.—Казармы для семейныхъ.—Дуйская тюрьма.—Каменноугольныя копи.—Воеводская тюрьма.—Прикованные къ тачкамъ 129

IX. Тымь или Тыми. — Лейт. Бошнякъ.— Поляковъ.— Верхній Армуданъ.—Нижній Армуданъ.—Дербинское.—Прогулка по Тыми.—Усково.—Цыгане.—Прогулка по тайгѣ. — Воскресенское . 162

X. Рыковское.—Здѣшняя тюрьма.—Г. Ливинъ.—Метеорологическая станція М. В. Галкина-Враскаго.—Палево.—Микрюковъ. — Вальзы и Лонгари. — Мало Тымово. — Андрее-Ивановское . 185

XI. Проектированный округъ.—Каменный вѣкъ.—Была ли вольная колонизація?—Гиляки.—Ихъ численный составъ, наружность, сложеніе, пища, одежда, жилища, гигіеническая обстановка.—Ихъ характеръ.—Попытки къ ихъ обрусенію.— Орочи . 199

XII. Мой отъѣздъ на югъ. — Жизнерадостная дама. — Западный берегъ.—Теченія.—Маука.—Крильонъ.—Анива.—Корсаковскій постъ.—И. И. Бѣлый.—Новыя знакомства.—Нордъостъ.—Климатъ Южнаго Сахалина.—Корсаковская тюрьма.— Пожарный обозъ 222

XIII. Поро-ан-Томари.—Муравьевскій постъ.—Первая, Вторая и Третья Падь.—Соловьевка.—Лютога.—Голый Мысъ.—Мицулька.— Лиственичное.— Хомутовка.— Большая Елань.— Владиміровка. — Ферма или фирма. — Любовная исторія.— Луговое.—Поповскія юрты.—Березники.—Кресты.—Большое и Малое Такоэ.—Галкино - Враское.—Дубки.—Найбучи.— Море . 245

XIV. Тарайка.—Вольные поселенцы.—Ихъ неудачи.—Айно, границы ихъ распространенія, численный составъ, наружность, пища, одежда, жилища, ихъ нравы.—Японцы.—Кусунъ-Котанъ.—Японское консульство 271

XV. Хозяева-каторжные.—Перечисленіе въ поселенцы.—Выборъ мѣстъ подъ новыя селенія.—Домообзаводство.—Половинщи-

Стр.

ки.—Перечисленіе въ крестьяне.—Переселеніе крестьянъ изъ ссыльныхъ на материкъ.—Жизнь въ селеніяхъ.—Близость тюрьмы.—Составъ населенія по мѣсту рожденія и по сословіямъ.—Сельскія власти 297

XVI. Составъ ссыльнаго населенія по поламъ.—Женскій вопросъ.—Каторжныя женщины и поселки.—Сожители и сожительницы.—Женщины свободнаго состоянія 323

XVII. Составъ населенія по возрастамъ. — Семейное положеніе ссыльныхъ.—Браки.—Рождаемость.—Сахалинскія дѣти . . 346

XVIII. Занятія ссыльныхъ.—Сельское хозяйство.—Охота.—Рыболовство.—Періодическая рыба: кэта и сельдь.—Тюремная ловля. — Мастерства 369

XIX. Пища ссыльныхъ.—Что и какъ ѣдятъ арестанты.—Одежда.—Церковь.—Школа.—Грамотность 396

XX. Свободное населеніе. — Нижніе чины мѣстныхъ воинскихъ командъ. — Надзиратели. — Интеллигенція 421

XXI. Нравственность ссыльнаго населенія.—Преступность.—Слѣдствіе и судъ.—Наказаніе.—Розги и плети.—Смертная казнь. 444

XXII. Бѣглые на Сахалинѣ.—Причины побѣговъ.—Составъ бѣглыхъ по происхожденію, разрядамъ и проч 473

XXIII. Болѣзненность и смертность ссыльнаго населенія. — Медицинская организація.—Лазаретъ въ Александровскѣ 497

Bayerische Staats-Bibliothek München

I.

Г. Николаевскъ на Амурѣ.— Пароходъ *Байкалъ*.— Мысъ Пронге и входъ въ Лиманъ —Сахалинъ полуостровъ.—Лаперузъ, Браутонъ, Крузенштернъ и Невельской.— Японскіе изслѣдователи.— Мысъ Джаоре.— Татарскій берегъ.— Де-Кастри.

5 іюля 1890 г. я прибылъ на пароходѣ въ г. Николаевскъ, одинъ изъ самыхъ восточныхъ пунктовъ нашего отечества. Амуръ здѣсь очень широкъ, до моря осталось только 27 верстъ; мѣсто величественное и красивое, но воспоминанія о прошломъ этого края, разсказы спутниковъ о лютой зимѣ и о не менѣе лютыхъ мѣстныхъ нравахъ, близость каторги и самый видъ заброшеннаго, вымирающаго города совершенно отнимаютъ охоту любоваться пейзажемъ.

Николаевскъ былъ основанъ не такъ давно, въ 1850 г., извѣстнымъ Геннадіемъ Невельскимъ, и это едва ли не единственное свѣтлое мѣсто въ исторіи города. Въ пятидесятые и шестидесятые годы, когда по Амуру, не щадя солдатъ, арестантовъ и переселенцевъ, насаждали культуру, въ Николаевскѣ имѣли свое пребываніе чиновники, управлявшіе краемъ, наѣзжало сюда много всякихъ рус-

скихъ и иностранныхъ авантюристовъ, селились поселенцы, прельщаемые необычайнымъ изобиліемъ рыбы и звѣря, и, повидимому, городъ не былъ чуждъ человѣческихъ интересовъ, такъ какъ былъ даже случай, что одинъ заѣзжій ученый нашелъ нужнымъ прочесть здѣсь въ клубѣ публичную лекцію. Теперь же почти половина домовъ покинута своими хозяевами, полуразрушена и темныя окна безъ рамъ глядятъ на васъ, какъ глазныя впадины черепа. Обыватели ведутъ сонную, пьяную жизнь и вообще живутъ впроголодь, чѣмъ Богъ послалъ. Пробавляются поставками рыбы на Сахалинъ, золотымъ хищничествомъ, эксплуатаціей инородцевъ, продажей понтовъ, т.-е. оленьихъ роговъ, изъ которыхъ китайцы приготовляютъ возбудительныя пилюли. На пути отъ Хабаровки до Николаевска мнѣ приходилось встрѣчать не мало контрабандистовъ; здѣсь они не скрываютъ своей профессіи. Одинъ изъ нихъ, показывавшій мнѣ золотой песокъ и пару понтовъ, сказалъ мнѣ съ гордостью: «И мой отецъ былъ контрабандистъ!» Эксплуатація инородцевъ, кромѣ обычнаго спаиванія, одураченія и т. п., выражается иногда въ оригинальной формѣ. Такъ, николаевскій купецъ Ивановъ, нынѣ покойный, каждое лѣто ѣздилъ на Сахалинъ и бралъ тамъ съ гиляковъ дань, а неисправныхъ плательщиковъ истязалъ и вѣшалъ.

Гостиницы въ городѣ нѣтъ. Въ общественномъ собраніи мнѣ позволили отдохнуть послѣ обѣда, въ залѣ съ низкимъ потолкомъ — тутъ зимою, говорятъ, даются ба-

лы; на вопросъ же мой, гдѣ я могу переночевать, только пожали плечами. Дѣлать нечего, пришлось двѣ ночи провести на пароходѣ; когда же онъ ушелъ назадъ въ Хабаровку, я очутился какъ ракъ на мели: ка̀мо пойду? Багажъ мой на пристани; я хожу по берегу и не знаю, что съ собой дѣлать. Какъ разъ противъ города, въ двухъ-трехъ верстахъ отъ берега, стоитъ пароходъ *Байкалъ*, на которомъ я пойду въ Татарскій проливъ, но говорятъ, что онъ отойдетъ дня черезъ четыре или пять, не раньше, хотя на его мачтѣ уже развѣвается отходный флагъ. Развѣ взять и поѣхать на *Байкалъ?* Но не ловко: пожалуй, не пустятъ,— скажутъ, рано. Подулъ вѣтеръ, Амуръ нахмурился и заволновался, какъ море. Становится тоскливо. Иду въ собраніе, долго обѣдаю тамъ и слушаю, какъ за сосѣднимъ столомъ говорятъ о золотѣ, о понтахъ, о фокусникѣ, пріѣзжавшемъ въ Николаевскъ, о какомъ-то японцѣ, дергающемъ зубы не щипцами, а просто пальцами. Если внимательно и долго прислушиваться, то, Боже мой, какъ далека здѣшняя жизнь отъ Россіи! Начиная съ балыка изъ кеты, которымъ закусываютъ здѣсь водку, и кончая разговорами, во всемъ чувствуется что-то свое собственное, не русское. Пока я плылъ по Амуру, у меня было такое чувство, какъ будто я не въ Россіи, а гдѣ-то въ Патагоніи или Техасѣ; не говоря уже объ оригинальной, не русской природѣ, мнѣ все время казалось, что складъ нашей русской жизни совершенно чуждъ кореннымъ амурцамъ, что Пушкинъ и Гоголь тутъ непо-

нятны и потому ненужны, наша исторія скучна, и мы, пріѣзжіе изъ Россіи, кажемся иностранцами. Въ отношеніи религіозномъ и политическомъ я замѣчалъ полнѣйшій индифферентизмъ. Священники, которыхъ я видѣлъ здѣсь, ѣдятъ въ постъ скоромное и, между прочимъ, про одного изъ нихъ, въ бѣломъ шелковомъ кафтанѣ, мнѣ разсказывали, что онъ занимается золотымъ хищничествомъ, конкуррируя со своими духовными чадами. Если хотите заставить амурца скучать и зѣвать, то заговорите съ нимъ о политикѣ, о русскомъ правительствѣ, о русскомъ искусствѣ. И нравственность здѣсь какая-то особенная, не наша. Рыцарское обращеніе съ женщиной возводится почти въ культъ и, въ то же время, не считается предосудительнымъ уступить за деньги пріятелю свою жену; или вотъ еще лучше: съ одной стороны, отсутствіе сословныхъ предразсудковъ — здѣсь и съ ссыльнымъ держатъ себя, какъ съ ровней, а съ другой — не грѣхъ подстрѣлить въ лѣсу китайца-бродягу, какъ собаку, или даже поохотиться тайкомъ на горбачиковъ.

Но буду продолжать о себѣ. Не найдя пріюта, я подъ вечеръ рѣшился отправиться на *Байкалъ*. Но тутъ новая бѣда: развело порядочную зыбь и лодочники гиляки не соглашаются везти ни за какія деньги. Опять я хожу по берегу и не знаю, что съ собой дѣлать. Между тѣмъ, уже заходитъ солнце и волны на Амурѣ темнѣютъ. На этомъ и на томъ берегу неистово воютъ гиляцкія собаки. «И зачѣмъ я сюда поѣхалъ?» — спрашиваю я себя, и мое

путешествіе представляется мнѣ крайне легкомысленнымъ. Опредѣленной программы, думаю, у меня нѣтъ, а если, быть можетъ, по прибытіи на мѣсто она выяснится, то, пожалуй, окажется мнѣ не подъ силу и я вернусь ни съ чѣмъ. И мысль, что каторга уже близка, что черезъ нѣсколько дней я высажусь на сахалинскую почву, не имѣя съ собой ни одного рекомендательнаго письма, что меня могутъ попросить уѣхать обратно,— эта мысль непріятно волнуетъ меня. Но вотъ, наконецъ, два гиляка соглашаются везти меня за рубль, и на лодкѣ, сбитой изъ трехъ досокъ, я благополучно достигаю *Байкала*.

Это пароходъ морского типа средней величины, купецъ, показавшійся мнѣ послѣ байкальскихъ и амурскихъ пароходовъ довольно сноснымъ. Онъ совершаетъ рейсы между Николаевскомъ, Владивостокомъ и японскими портами, возитъ почту, солдатъ, арестантовъ, пассажировъ и грузы, главнымъ образомъ, казенные; по контракту, заключенному съ казной, которая платитъ ему солидную субсидію, онъ обязанъ нѣсколько разъ въ теченіе лѣта заходить на Сахалинъ: въ Александровскій постъ и въ южный Корсаковскій. Тарифъ очень высокій, какого, вѣроятно, нѣтъ нигдѣ въ свѣтѣ. Колонизація, которая, прежде всего, требуетъ свободы и легкости передвиженія, и высокіе тарифы — это ужь совсѣмъ не политично. Каютъ-компанія и каюты на *Байкалѣ* тѣсны, но чисты и обставлены вполнѣ по-европейски; есть піанино. Прислуга тутъ—китайцы съ длинными косами, ко-

торыхъ называютъ по-англійски—бой. Поваръ тоже китаецъ, но кухня у него русская, хотя всѣ кушанья бываютъ горьки отъ прянаго кери и пахнутъ какими-то духами, вродѣ корилопсиса.

Начитавшись о буряхъ и льдахъ Татарскаго пролива, я ожидалъ встрѣтить на *Байкалѣ* китобоевъ съ хриплыми голосами, брызгающихъ при разговорѣ табачною жвачкой, въ дѣйствительности же нашелъ людей вполнѣ интеллигентныхъ. Командиръ парохода, г. Л., уроженецъ западнаго края, плаваетъ въ сѣверныхъ моряхъ уже болѣе 30 лѣтъ и прошелъ ихъ вдоль и поперекъ. На своемъ вѣку онъ видѣлъ много чудесъ, много знаетъ и разсказываетъ интересно. Покруживъ полжизни около Камчатки и Курильскихъ острововъ, онъ съ бо̀льшимъ правомъ, чѣмъ Отелло, можетъ говорить о «безплоднѣйшихъ пустыняхъ, страшныхъ безднахъ, утесахъ неприступныхъ». Я обязанъ ему многими свѣдѣніями, пригодившимися мнѣ для этихъ записокъ. У него три помощника: г. Б., племянникъ извѣстнаго астронома Б., и два шведа — Иванъ Мартынычъ и Иванъ Веніаминычъ, добрые и привѣтливые люди.

8 іюля, передъ обѣдомъ, *Байкалъ* снялся съ якоря. Съ нами шли сотни три солдатъ подъ командой офицера и нѣсколько арестантовъ. Одного арестанта сопровождала пятилѣтняя дѣвочка, его дочь, которая, когда онъ поднимался по трапу, держалась за его кандалы. Была, между прочимъ, одна каторжная, обращавшая на себя

вниманіе тѣмъ, что за нею добровольно слѣдовалъ на каторгу ея мужъ *). Кромѣ меня и офицера, было еще нѣсколько классныхъ пассажировъ обоего пола, и, между прочимъ, даже одна баронесса. Читатель пусть не удивляется такому изобилію интеллигенціи въ пустынѣ. По Амуру и въ Приморской области интеллигенція при небольшомъ вообще населеніи составляетъ высокій процентъ, и ея здѣсь относительно больше, чѣмъ въ любой русской губерніи. На Амурѣ есть городъ, гдѣ однихъ лишь генераловъ, военныхъ и гражданскихъ, насчитываютъ 16. Теперь ихъ тамъ, быть можетъ, еще больше.

День былъ тихій и ясный. На палубѣ жарко, въ каютахъ душно; въ водѣ $+18^{0}$. Такую погоду хоть Черному морю впору. На правомъ берегу горѣлъ лѣсъ; сплошная зеленая масса выбрасывала изъ себя багровое пламя; клубы дыма слились въ длинную, черную полосу надъ лѣсомъ и не идутъ дальше. Пожаръ громадный, но кругомъ тишина и спокойствіе, никому нѣтъ дѣла до того, что гибнетъ богатство. Очевидно, лѣса принадлежатъ здѣсь одному только Богу.

Послѣ обѣда, часовъ въ шесть, мы уже были у мыса

*) На амурскихъ пароходахъ и *Байкалѣ* арестанты помѣщаются на палубѣ вмѣстѣ съ пассажирами III класса. Однажды, выйдя на разсвѣтѣ прогуляться на бакъ, я увидѣлъ умилительную картину: солдаты, женщины, дѣти, два китайца и арестанты въ кандалахъ крѣпко спали, прижавшись другъ къ другу; ихъ покрывала роса и было прохладно. Конвойный стоялъ среди этой кучи тѣлъ, держась обѣими руками за ружье, и тоже спалъ.

Пронге. Тутъ кончается Азія и можно было бы сказать, что въ этомъ мѣстѣ Амуръ впадаетъ въ Великій океанъ, если бы поперекъ не стоялъ о. Сахалинъ. Передъ глазами широко разстилается Лиманъ, впереди чуть видна туманная полоса — это каторжный островъ; налѣво, теряясь въ собственныхъ извилинахъ, исчезаетъ во мглѣ берегъ, уходящій въ невѣдомый сѣверъ. Кажется, что тутъ конецъ свѣта и что дальше уже некуда плыть. Душой овладѣваетъ чувство, какое, вѣроятно, испытывалъ Одиссей, когда плавалъ по незнакомому морю и смутно предчувствовалъ встрѣчи съ необыкновенными существами. И въ самомъ дѣлѣ, справа, при самомъ поворотѣ въ Лиманъ, гдѣ на отмели пріютилась гиляцкая деревушка, на двухъ лодкахъ несутся къ намъ какія-то странныя существа, вопятъ на непонятномъ языкѣ и чѣмъ-то машутъ. Трудно понять, что у нихъ въ рукахъ, но когда они подплываютъ поближе, я различаю сѣрыхъ птицъ.

— Это они хотятъ продать намъ битыхъ гусей, — объясняетъ кто-то.

Поворачиваемъ направо. На всемъ нашемъ пути поставлены знаки, показывающіе фарватеръ. Командиръ не сходитъ съ мостика и механикъ не выходитъ изъ машины; *Байкалъ* начинаетъ идти все тише и тише и идетъ точно ощупью. Осторожность нужна большая, такъ какъ здѣсь не трудно сѣсть на мель. Пароходъ сидитъ $12^1/_2$, мѣстами же ему приходится идти 14 фут., и былъ даже

моментъ, когда намъ послышалось, какъ онъ проползъ килемъ по песку. Вотъ этотъ-то мелкій фарватеръ и особенная картина, какую даютъ вмѣстѣ Татарскій и Сахалинскій берега, послужили главною причиной тому, что Сахалинъ долго считали въ Европѣ полуостровомъ. Это очень интересное недоразумѣніе. Въ 1787 г., въ іюнѣ, извѣстный французскій мореплаватель, графъ Лаперузъ, высадился на западномъ берегу Сахалина, выше 48°, и говорилъ тутъ съ туземцами. Судя по описанію, которое онъ оставилъ, на берегу засталъ онъ не однихъ только жившихъ здѣсь айно, но и пріѣхавшихъ къ нимъ торговать гиляковъ, людей бывалыхъ, хорошо знакомыхъ и съ Сахалиномъ, и съ Татарскимъ берегомъ. Чертя на пескѣ, они объяснили ему, что земля, на которой они живутъ, есть островъ и что островъ этотъ отдѣляется отъ материка и Іессо (Японіи) проливами *). Затѣмъ, плывя дальше на сѣверъ вдоль западнаго берега, онъ разсчитывалъ, что найдетъ выходъ изъ Сѣверо-Японскаго моря въ Охотское и тѣмъ значительно сократитъ свой путь въ Камчатку, но чѣмъ выше подвигался онъ, тѣмъ проливъ становился все мельче и мельче. Глу-

*) Лаперузъ пишетъ, что свой островъ они называли Чоко, но, вѣроятно, названіе это гиляки относили къ чему-нибудь другому, и онъ ихъ не понялъ. На картѣ нашего Крашенинникова (1752 г.) на западномъ берегу Сахалина показана рѣка Чуха. Не имѣетъ ли эта Чуха чего-нибудь общаго съ Чоко? Кстати сказать, Лаперузъ пишетъ, что, рисуя островъ и называя его Чоко, гилякъ нарисовалъ и рѣчку. Чоко переводится словомъ — мы.

бина уменьшалась черезъ каждую милю на одну сажень. Плылъ онъ къ сѣверу до тѣхъ поръ, пока ему позволяли размѣры его корабля, и, дойдя до глубины 9 саженъ, остановился. Постепенное равномѣрное повышеніе дна и то, что въ проливѣ теченіе было почти незамѣтно, привели его къ убѣжденію, что онъ находится не въ проливѣ, а въ заливѣ и что, стало быть, Сахалинъ соединенъ съ материкомъ перешейкомъ. Въ де-Кастри у него еще разъ происходило совѣщаніе съ гиляками. Когда онъ начертилъ имъ на бумагѣ островъ, отдѣленный отъ материка, то одинъ изъ нихъ взялъ у него карандашъ и, проведя черезъ проливъ черту, пояснилъ, что черезъ этотъ перешеекъ гилякамъ приходится иногда перетаскивать свои лодки и что на немъ даже ростетъ трава,— такъ понялъ Лаперузъ. Это еще крѣпче убѣдило его, что Сахалинъ — полуостровъ *).

Девятью годами позже его въ Татарскомъ проливѣ былъ англичанинъ В. Браутонъ (Broughton). Судно у него было небольшое, сидѣвшее въ водѣ не глубже 9 фут., такъ что ему удалось пройти нѣсколько выше Лаперуза. Остановившись на глубинѣ двухъ саженъ, онъ послалъ къ сѣверу для промѣра своего помощника; этотъ на пути своемъ встрѣчалъ среди мелей глубины, но онѣ

*) Тутъ кстати привести одно наблюденіе Невельского: туземцы проводятъ обыкновенно между берегами черту для того, чтобы показать, что отъ берега къ берегу можно проплыть на лодкѣ, т.-е. что существуетъ между берегами проливъ.

постепенно уменьшались и приводили его то къ сахалинскому берегу, то къ низменнымъ песчанымъ берегамъ другой стороны, и при этомъ получалась такая картина, какъ будто оба берега сливались; казалось, заливъ оканчивался здѣсь и никакого прохода не было. Такимъ образомъ, и Браутонъ долженъ былъ заключить то же самое, что Лаперузъ.

Нашъ знаменитый Крузенштернъ, изслѣдовавшій берега острова въ 1805 г., впалъ въ ту же ошибку. Плылъ онъ къ Сахалину уже съ предвзятою мыслью, такъ какъ пользовался картою Лаперуза. Онъ прошелъ вдоль восточнаго берега и, обогнувъ сѣверные мысы Сахалина, вступилъ въ самый проливъ, держась направленія съ сѣвера на югъ, и, казалось, былъ уже совсѣмъ близокъ къ разрѣшенію загадки, но постепенное уменьшеніе глубины до $3^1/_2$ саженъ, удѣльный вѣсъ воды, а, главное, предвзятая мысль заставили и его признать существованіе перешейка, котораго онъ не видѣлъ. Но его, все-таки, точилъ червь сомнѣнія. «Весьма вѣроятно, — пишетъ онъ, —что Сахалинъ былъ нѣкогда, а можетъ быть еще въ недавнія времена, островомъ». Возвращался онъ назадъ, повидимому, съ неспокойною душой: когда въ Китаѣ впервые попались ему на глаза записки Браутона, то онъ «обрадовался не мало» *).

*) Обстоятельная исторія изслѣдованія Сахалина имѣется въ книгѣ А. М. Никольскаго: *Островъ Сахалинъ и его фауна позвоночныхъ животныхъ.* Въ этой же книгѣ можно найти и довольно подробный указатель литературы, относящейся къ Сахалину.

То обстоятельство, что трое серьезныхъ изслѣдователей, точно сговорившись, повторили одну и ту же ошибку, говоритъ уже само за себя. Если они не открыли входа въ Амуръ, то потому, что имѣли въ своемъ распоряженіи самыя скудныя средства для изслѣдованія, а, главное, потому, что, какъ геніальные люди, подозрѣвали и почти угадывали другую правду и должны были считаться съ ней. Что перешеекъ и полуостровъ Сахалинъ — не миѳы, а существовали когда-то на самомъ дѣлѣ, въ настоящее время уже доказано.

Ошибка была исправлена въ 1849 г. Невельскимъ. Авторитетъ его предшественниковъ, однако, былъ еще такъ великъ, что когда онъ донесъ о своихъ открытіяхъ въ Петербургъ, то ему не повѣрили, сочли его поступокъ дерзкимъ и подлежащимъ наказанію и «заключили» его разжаловать, и неизвѣстно, къ чему бы еще повела мудрость его судей, если бы не заступничество самого государя, который нашелъ его поступокъ молодецкимъ, благороднымъ и патріотическимъ*). Это былъ энергическій, горячаго темперамента человѣкъ, образованный, самоотверженный, гуманный, до мозга костей проникнутый идеей и преданный ей фанатически, и, притомъ, до такой степени чистый нравственно, что одинъ изъ знавшихъ его пишетъ, что «болѣе честнаго человѣка мнѣ не случалось встрѣчать». На восточномъ побережьи и на

*) Подробности въ его книгѣ: *Подвиги русскихъ морскихъ офицеровъ на крайнемъ Востокѣ Россіи. 1849—1855 г.*

Сахалинѣ онъ сдѣлалъ себѣ блестящую карьеру въ какія-нибудь пять лѣтъ, но потерялъ дочь, которая умерла отъ голода, и самъ состарился, состарилась и потеряла здоровье его жена, «молоденькая, хорошенькая и привѣтливая женщина», переносившая всѣ лишенія геройски. Вообще жизнь и дѣятельность Невельского, его семьи и сподвижниковъ—это житіе святыхъ *). Чтобы покончить

*) Жена Невельского, Екатерина Ивановна, когда ѣхала изъ Россіи къ мужу, сдѣлала верхомъ 1100 верстъ въ 23 дня, будучи больною, по топкимъ болотамъ и дикимъ гористымъ тайгамъ и ледникамъ охотскаго тракта. Самый даровитый сподвижникъ Невельского, Н. К. Бошнякъ, открывшій Императорскую гавань, когда ему было еще только 20 лѣтъ, „мечтатель и дитя", — такъ называетъ его одинъ изъ сослуживцевъ, — разсказываетъ въ своихъ запискахъ: „На транспортѣ „Байкалъ" мы всѣ вмѣстѣ перешли въ Аянъ и тамъ пересѣли на слабый баркъ „Шелеховъ". Когда баркъ сталъ тонуть, никто не могъ уговорить г-жу Невельскую первую съѣхать на берегъ. „Командиръ и офицеры съѣзжаютъ послѣдними,—говорила она,—и я съѣду съ барка тогда, когда ни одной женщины и ребенка не останется на суднѣ". Такъ она и поступила. Между тѣмъ, баркъ уже лежалъ на боку"... Дальше Бошнякъ пишетъ, что, часто находясь въ обществѣ г-жи Невельской, онъ съ товарищами не слыхалъ ни одной жалобы или упрека,—напротивъ, всегда замѣчалось въ ней спокойное и гордое сознаніе того горькаго, но высокаго положенія, которое предназначило ей Провидѣніе. Она проводила зиму обыкновенно одна, такъ такъ мужчины были въ командировкахъ, въ комнатахъ съ 5⁰ тепла. Когда въ 1852 г. изъ Камчатки не пришли суда съ провіантомъ, то всѣ находились въ болѣе чѣмъ отчаянномъ положеніи. Для грудныхъ дѣтей не было молока, больнымъ не было свѣжей пищи и нѣсколько человѣкъ умерло отъ цынги. Невельская отдала свою единственную корову во всеобщее распоряженіе; все, что было свѣжаго, поступало въ общую пользу. Обращалась она съ туземцами просто и съ такимъ вниманіемъ, что это замѣчалось даже неотесанными дикарями. А ей было тогда только 19 лѣтъ (*Лейт. Бошнякъ:* „Экспедиція въ Приамурскомъ краѣ", *Морской Сборникъ* 1859, II). Объ ея трогательномъ обращеніи

съ вопросомъ о перешейкѣ и полуостровѣ, считаю не лишнимъ сообщить еще нѣкоторыя подробности. Въ 1710 г. пекинскими миссіонерами, по порученію китайскаго императора, была начертана карта Татаріи; при составленіе ея миссіонеры пользовались японскими картами: это очевидно, такъ какъ въ то время о проходимости Лаперузова и Татарскаго проливовъ могло быть извѣстно только японцамъ. Она была прислана во Францію и стала извѣстною, потому что вошла въ атласъ географа д'Анвилля *). Эта карта послужила поводомъ къ небольшому недоразумѣнію, которому Сахалинъ обязанъ своимъ названіемъ. У западнаго берега Сахалина, какъ разъ противъ устья Амура, на картѣ есть надпись, сдѣланная миссіонерами: «Saghalien-anga-hata», что по-монгольски значитъ «скалы черной рѣки». Это названіе относилось, вѣроятно, къ какому-либо утесу или мысу у устья Амура, во Франціи же поняли иначе и отнесли къ самому острову. Отсюда и названіе Сахалинъ, удержанное Крузенштерномъ и для русскихъ картъ. У японцевъ Сахалинъ называли Карафто или Карафту, что значитъ китайскій островъ.

съ гиляками упоминаетъ и ея мужъ въ своихъ запискахъ. „Екатерина Ивановна, — пишетъ онъ, — усаживала ихъ (гиляковъ) въ кружокъ на полъ, около большой чашки съ кашей или чаемъ, въ единственной бывшей во флигелѣ у насъ комнатѣ, служившей и заломъ, и гостиной, и столовой. Они, наслаждаясь подобнымъ угощеніемъ, весьма часто трепали хозяйку по плечу, посылая ее то за тамчи (табакъ), то за чаемъ“.

*) *Nouvel Atlas de la Chine, de la Tartaire, Chinoise et de Thibet*. 1737.

Работы японцевъ попадали въ Европу или слишкомъ поздно, когда въ нихъ уже не нуждались, или же подвергались неудачнымъ поправкамъ. Къ картамъ людей, которые ходятъ въ юбкахъ, европейцы относились съ пренебреженіемъ. На картѣ миссіонеровъ Сахалинъ имѣлъ видъ острова, но д'Анвилль отнесся къ ней съ недовѣріемъ и положилъ между островомъ и материкомъ перешеекъ. Японцы первые стали изслѣдовать Сахалинъ, начиная съ 1613 г., но въ Европѣ придавали этому такъ мало значенія, что когда впослѣдствіи русскіе и японцы рѣшали вопросъ о томъ, кому принадлежитъ Сахалинъ, то о правѣ перваго изслѣдованія говорили и писали только одни русскіе *).

Край еще молодой, пустынный, но исторія, какъ можете судить по краткимъ отрывкамъ, уже богатая. Труда и подвижничества въ прошломъ было много, но это еще только начало, и въ будущемъ предстоитъ не мало хорошей и интересной работы. Между прочимъ, давно уже на очереди новое, тщательное изслѣдованіе береговъ Татаріи и Сахалина. Теперешнія карты неудовлетворительны, что видно хотя бы изъ того, что суда, военныя и

*) Японецъ, землемѣръ Маміа Ринзо, въ 1808 г. путешествуя въ лодкѣ вдоль западнаго берега, побывалъ на Татарскомъ берегу у самаго устья Амура и не разъ плавалъ съ острова на материкъ и обратно. Онъ первый доказалъ, что Сахалинъ островъ. Нашъ натуралистъ Ф. Шмидтъ отзывается съ большою похвалой объ его картѣ, находя, что она „особенно замѣчательна, такъ какъ, очевидно, основана на самостоятельныхъ съемкахъ“.

коммерческія, садятся на мель и на камни гораздо чаще, чѣмъ объ этомъ пишутъ въ газетахъ. Благодаря, главнымъ образомъ, плохимъ картамъ, командиры судовъ здѣсь очень осторожны, мнительны и нервны. Командиръ *Байкала*, г. Л., тоже очень остороженъ, несмотря на свой громадный опытъ. Онъ не довѣряетъ оффиціальной картѣ и смотритъ въ свою собственную, которую самъ чертитъ и исправляетъ во время плаванія.

Изъ осторожности же г. Л. не рѣшился плыть ночью и мы послѣ захода солнца бросили якорь у мыса Джаоре. На самомъ мысу, на горѣ стоитъ одиноко избушка, въ которой живетъ морской офицеръ г. Б., ставящій знаки на фарватерѣ и имѣющій надзоръ за ними, а за избушкой непроходимая, дремучая тайга. Командиръ послалъ г. Б. свѣжаго мяса; я воспользовался этимъ случаемъ и поплылъ на шлюпкѣ къ берегу. Вмѣсто пристани, куча большихъ скользкихъ камней, по которымъ пришлось прыгать, а на гору къ избѣ ведетъ рядъ ступеней изъ бревнушекъ, врытыхъ въ землю почти отвѣсно, такъ что поднимаясь надо крѣпко держаться руками. Но какой ужасъ! Пока я взбирался на гору и подходилъ къ избѣ, меня окружали тучи комаровъ, буквально тучи, потому что отъ нихъ было темно, лицо и руки мои жгло и не было возможности защищаться. Я думаю, что если здѣсь остаться ночевать подъ открытымъ небомъ, не окруживъ себя кострами, то можно погибнуть или, по меньшей мѣрѣ, сойти съ ума.

Библиотека Социалистической Академии

Изба раздѣляется сѣнями на двѣ половины: налѣво живутъ матросы, направо—офицеръ съ семьей. Хозяина дома не было. Я засталъ изящно одѣтую, интеллигентную даму, его жену, и двухъ дочерей, маленькихъ дѣвочекъ, искусанныхъ комарами. Въ комнатахъ всѣ стѣны покрыты еловою зеленью, окна затянуты марлей, пахнетъ дымомъ, но комары, несмотря ни на что, все-таки, есть и жалятъ бѣдныхъ дѣвочекъ. Въ комнатѣ обстановка не богатая, лагерная, но въ убранствѣ чувствуется что-то милое, вкусное. На стѣнѣ висятъ этюды и, между прочимъ, женская головка, набросанная карандашомъ. Оказывается, что г. Б.—художникъ.

— Хорошо ли вамъ тутъ живется?—спрашиваю я даму.

— Хорошо, да вотъ только комары.

Свѣжему мясу она не обрадовалась; по ея словамъ, она и дѣти давно уже привыкли къ солонинѣ и свѣжаго мяса не любятъ.

— Впрочемъ, вчера варили форелей,—добавила она.

Провожалъ меня до шлюпки угрюмый матросъ, который, какъ будто догадавшись, о чемъ мнѣ хочется спросить его, вздохнулъ и сказалъ:

— По доброй волѣ сюда не заѣдешь!

На другой день рано утромъ пошли дальше при совершенно тихой и теплой погодѣ. Татарскій берегъ гористъ и изобилуетъ пиками, т.-е. острыми, коническими вершинами. Онъ слегка подернутъ синеватою мглой: это—дымъ

отъ далекихъ лѣсныхъ пожаровъ, который здѣсь, какъ говорятъ, бываетъ иногда такъ густъ, что становится опасенъ для моряковъ не меньше, чѣмъ туманъ. Если бы птица полетѣла на-прямикъ съ моря черезъ горы, то, навѣрное, не встрѣтила бы ни одного жилья, ни одной живой души на разстояніи пятисотъ верстъ и больше... Берегъ весело зеленѣетъ на солнцѣ и, повидимому, прекрасно обходится безъ человѣка. Въ шесть часовъ были въ самомъ узкомъ мѣстѣ пролива между мысами Погоби и Лазарева, и очень близко видѣли оба берега, въ восемь проходили мимо Шапки Невельского: такъ называется гора съ бугромъ на вершинѣ, похожимъ на шапку. Утро было яркое, блестящее, и наслажденіе, которое я испытывалъ, усиливалось еще отъ гордаго сознанія, что я вижу эти берега, которые дома представлялись мнѣ въ воображеніи сказочными.

Во второмъ часу вошли въ бухту де-Кастри. Это единственное мѣсто, гдѣ могутъ во время бури укрываться суда, плавающія по проливу, и не будь ея, судоходство у сахалинскихъ береговъ, которые сплошь негостепріимны, было бы немыслимо *). Даже есть такое выраженіе: «удирать въ де-Кастри». Бухта прекрасная и устроена природой точно по заказу. Это круглый прудъ, версты три въ діаметрѣ, съ высокими берегами, защищающими его отъ вѣтровъ, и съ неширокимъ выходомъ въ

*) О значеніи этой бухты въ настоящемъ и будущемъ см. *К. Скальковскаго:* „Русская торговля въ Тихомъ океанѣ“, стр. 75.

море. Если судить по наружному виду, то бухта идеальная, но это только кажется, такъ какъ она бываетъ покрыта льдомъ семь мѣсяцевъ въ году, мало защищена отъ восточнаго вѣтра и такъ мелка, что пароходы бросаютъ якорь въ двухъ верстахъ отъ берега. Выходъ въ море сторожатъ три острова, или, вѣрнѣе, рифа, придающіе бухтѣ своеобразную красоту; одинъ изъ нихъ названъ Устричнымъ въ честь очень крупныхъ и жирныхъ устрицъ, которыя водятся на его подводной части.

На берегу нѣсколько домиковъ и церковь. Это Александровскій постъ. Тутъ живутъ начальникъ поста, его дѣлопроизводитель и телеграфисты; одинъ мѣстный чиновникъ, пріѣзжавшій къ намъ на пароходъ обѣдать, скучный и скучающій господинъ, много говорилъ за обѣдомъ, много пилъ и разсказалъ намъ старый анекдотъ про гусей, которые, наѣвшись ягодъ изъ-подъ наливки и опьянѣвши, были приняты за мертвыхъ, ощипаны и выброшены вонъ, и потомъ, проспавшись, голые вернулись домой; при этомъ чиновникъ побожился, что исторія съ гусями происходила въ де-Кастри въ его собственномъ дворѣ. Священника при церкви нѣтъ и онъ, когда нужно, пріѣзжаетъ изъ Маріинска. Хорошая погода бываетъ здѣсь очень рѣдко, такъ же какъ въ Николаевскѣ. Говорятъ, что весною этого года здѣсь работала промѣрная экспедиція и во весь май было только три солнечныхъ дня. Извольте работать безъ солнца!

На рейдѣ мы застали военныя суда *Бобръ* и *Тунгусъ*

и двѣ миноноски. Вспоминается и еще одна подробность: едва мы бросили якорь, какъ потемнѣло небо, собралась гроза и вода приняла необыкновенный, ярко-зеленый цвѣтъ. *Байкалу* предстояло выгрузить четыре тысячи пудовъ казеннаго груза, и потому остались въ де-Кастри ночевать. Чтобы скоротать время, я и механикъ удили съ палубы рыбу и намъ попадались очень крупные, толстоголовые бычки, какихъ мнѣ не приходилось ловить ни въ Черномъ, ни въ Азовскомъ морѣ. Попадалась и камбала.

Выгружаютъ здѣсь пароходы всегда томительно долго, съ раздраженіемъ и порчей крови. Впрочемъ, это горькая участь всѣхъ нашихъ восточныхъ портовъ. Въ де-Кастри выгружаютъ на небольшія баржи-шаланды, которыя могутъ приставать къ берегу только во время прилива и часто нагруженныя садятся на мель; случается, что, благодаря этому, пароходъ простаиваетъ изъ-за какой-нибудь сотни мѣшковъ муки весь промежутокъ времени между отливомъ и приливомъ. Въ Николаевскѣ безпорядковъ еще больше, благодаря участію въ нагрузкѣ и выгрузкѣ буксирнаго парохода. Стоя на палубѣ *Байкала*, я видѣлъ однажды, какъ буксирный пароходъ, тащившій большую баржу съ двумя сотнями солдатъ, утерялъ свой буксирный канатъ, и баржу понесло теченіемъ по рейду; она благополучно миновала *Байкалъ* и пошла прямо на якорную цѣпь паруснаго судна, стоявшаго недалеко отъ насъ. Мы съ замираніемъ сердца жда-

ли, что вотъ еще одинъ моментъ и баржа будетъ перерѣзана цѣпью, но, къ счастью, добрые люди во-время перехватили канатъ, и солдаты отдѣлались однимъ только испугомъ.

II.

Краткая географія.—Прибытіе въ Сѣверный Сахалинъ. — Пожаръ. — Пристань. — Въ слободкѣ. — Обѣдъ у г. Л. — Знакомства. — Ген. Кононовичъ.—Пріѣздъ генералъ-губернатора.—Обѣдъ и иллюминація.

Сахалинъ лежитъ въ Охотскомъ морѣ, загораживая собою отъ океана почти тысячу верстъ восточнаго берега Сибири и входъ въ устье Амура. Онъ имѣетъ форму, удлиненную съ сѣвера на югъ, и фигурою, по мнѣнію одного изъ авторовъ, напоминаетъ стерлядь. Географическое положеніе его опредѣляется такъ: отъ 45° 54′ до 54° 53′ с. ш. и отъ 141° 40′ до 144° 53′ в. д. Сѣверная часть Сахалина, черезъ которую проходитъ линія вѣчно промерзлой почвы, по своему положенію соотвѣтствуетъ Рязанской губ., а южная—Крыму. Длина острова 900 верстъ; наибольшая его ширина равняется 125 и наименьшая 25 верстамъ. Онъ вдвое больше Греціи и въ полтора раза больше Даніи.

Прежнее дѣленіе его на сѣверный, средній и южный неудобно въ практическомъ отношеніи и теперь дѣлятъ только на сѣверный и южный. Верхняя треть острова по своимъ климатическимъ и почвеннымъ условіямъ совершенно непригодна для поселенія и потому въ счетъ не

идетъ; средняя треть называется Сѣвернымъ Сахалиномъ, а нижняя—Южнымъ; строго опредѣленной границы между двумя послѣдними не существуетъ. Ссыльные въ настоящее время живутъ въ Сѣверномъ, по рѣкѣ Дуйкѣ и по рѣкѣ Тыми; Дуйка впадаетъ въ Татарскій проливъ, а Тымь въ—Охотское море, и обѣ рѣки на картѣ встрѣчаются своими верховьями. Живутъ также и по западному побережью на небольшомъ пространствѣ вверхъ и внизъ отъ устья Дуйки. Въ административномъ отношеніи Сѣверный Сахалинъ дѣлится на два округа: Александровскій и Тымовскій.

Переночевавши въ де-Кастри, мы на другой день, 10 іюля, въ полдень пошли поперекъ Татарскаго пролива къ устью Дуйки, гдѣ находится столица Сахалина, Александровскій постъ. Погода и въ этотъ разъ была тихая, ясная, какая здѣсь бываетъ очень рѣдко. По совершенно гладкому морю, пуская вверхъ фонтаны, гуляли парочками киты, и это прекрасное, оригинальное зрѣлище развлекало насъ на всемъ пути. Но настроеніе духа, признаюсь, было невеселое, и чѣмъ ближе къ Сахалину, тѣмъ хуже. Я былъ непокоенъ. Офицеръ, сопровождавшій солдатъ, узнавъ, за чѣмъ я ѣду на Сахалинъ, очень удивился и сталъ увѣрять меня, что я не имѣю никакого права подходить близко къ каторгѣ и колоніи, такъ какъ я не состою на государственной службѣ. Конечно, я зналъ, что онъ неправъ, но, все-таки, отъ словъ его становилось мнѣ жутко. Я боялся, что и на Сахалинѣ

я встрѣчу точно такой же взглядъ, и пожалѣлъ, что я не чиновникъ.

Когда въ девятомъ часу бросали якорь, на берегу въ пяти мѣстахъ большими кострами горѣла сахалинская тайга. Сквозь потемки и дымъ, стлавшійся по морю, я не видѣлъ пристани и построекъ и могъ только разглядѣть тусклые постовые огоньки, изъ которыхъ два были красные. Страшная картина, грубо скроенная изъ потемокъ, силуэтовъ горъ, дыма, пламени и огненныхъ искръ, казалась фантастическою. На лѣвомъ планѣ горятъ чудовищные костры, выше нихъ—горы, изъ-за горъ поднимается высоко къ небу багровое зарево отъ дальнихъ пожаровъ; похоже, какъ будто горитъ весь Сахалинъ; вправо темною тяжелою массой выдается въ море мысъ Жонкьеръ, похожій на крымскій Аю-Дагъ; на вершинѣ его ярко свѣтится маякъ, а внизу въ водѣ, между нами и берегомъ, стоятъ три остроконечныхъ рифа—«Три брата». И все въ дыму, какъ въ аду.

Къ пароходу подошелъ катеръ, таща за собою на буксирѣ баржу. Это привезли каторжныхъ для разгрузки парохода. Слышались татарскій говоръ и брань.

— Не пускать ихъ на пароходъ!—раздался крикъ съ борта. — Не пускать! Они ночью весь пароходъ обокрадутъ!

— Тутъ въ Александровскѣ еще ничего, — сказалъ мнѣ механикъ, замѣтивъ, какое тяжелое впечатлѣніе произвелъ на меня берегъ, — а вотъ вы увидите Дуэ! Тамъ

берегъ совсѣмъ отвѣсный, съ темными ущельями и съ угольными пластами... мрачный берегъ! Бывало, мы возили на *Байкалѣ* въ Дуэ по 200 — 300 каторжныхъ, такъ я видѣлъ, какъ многіе изъ нихъ при взглядѣ на берегъ плакали.

— Не они, а мы тутъ каторжные, — сказалъ съ раздраженіемъ командиръ. — Теперь здѣсь тихо, но посмотрѣли бы вы осенью: вѣтеръ, пурга, холодъ, волны валяютъ черезъ бортъ, — хоть пропадай!

Съ берега на катерѣ пріѣхалъ окружной начальникъ. Сказавши съ нимъ нѣсколько словъ, я по выраженію его лица и по тону могъ понять, что мое имя было ему до сихъ поръ совершенно неизвѣстно; стало быть, изъ Петербуга не дали сюда знать о моемъ пріѣздѣ, хотя и обѣщали мнѣ это. А со мною не было ни одного письма, ни одной карточки. Окружной начальникъ не пригласилъ меня съѣхать на берегъ и на вопросъ мой, гдѣ я могу переночевать, отвѣтилъ что-то крайне неопредѣленное. Я смалодушествовалъ и остался ночевать у себя въ каютѣ, хотя командиръ и его помощникъ пугали меня, что если ночью подуетъ вѣтеръ, что очень вѣроятно, то они снимутся съ якоря и увезутъ меня далеко отъ Сахалина.

Рано утромъ, часовъ въ пять, меня шумно разбудили: «Скорѣе, скорѣе! Катеръ въ послѣдній разъ уходитъ къ берегу! Сейчасъ снимаемся!» Черезъ минуту я уже сидѣлъ въ катерѣ, а рядомъ со мной молодой чиновникъ съ сердитымъ заспаннымъ лицомъ. Катеръ засвистѣлъ и мы по-

шли къ берегу, таща за собой двѣ баржи съ каторжными. Изморенные ночною работой и безсонницей, арестанты были вялы и угрюмы и хранили глубокое молчаніе. Лица ихъ были покрыты росой. Мнѣ припоминается теперь нѣсколько кавказцевъ съ рѣзкими чертами и въ мѣховыхъ шапкахъ, надвинутыхъ до бровей.

— Позвольте познакомиться,—сказалъ мнѣ чиновникъ,—коллежскій регистраторъ Д.

Это былъ мой первый сахалинскій знакомый, поэтъ, авторъ обличительнаго стихотворенія *Сахалинò*, которое начиналось такъ: «Скажи-ка, докторъ, вѣдь, не даромъ...» Потомъ онъ часто бывалъ у меня и гулялъ со мной по Александровску и его окрестностямъ, разсказывая мнѣ анекдоты или безъ конца читая стихи собственнаго сочиненія. Въ длинныя зимнія ночи онъ пишетъ либеральныя повѣсти, но при случаѣ любитъ дать понять, что онъ коллежскій регистраторъ и занимаетъ должность X класса; когда одна каторжная баба, придя къ нему по дѣлу, назвала его господиномъ Д., то онъ обидѣлся и сердито крикнулъ ей: «Я тебѣ не господинъ Д., а ваше благородіе!» По пути къ берегу я разспрашивалъ его насчетъ сахалинской жизни, какъ и что, а онъ зловѣще вздыхалъ и говорилъ: «А вотъ вы увидите!» Солнце стояло уже высоко. То, что было вчера мрачно и темно и такъ пугало воображеніе, теперь утопало въ блескѣ ранняго утра; толстый, неуклюжій Жонкьеръ съ маякомъ, «Три брата» и высокіе крутые берега, которые видны на десятки

верстъ по обѣ стороны, прозрачный туманъ на горахъ и дымъ отъ пожара давали при блескѣ солнца и моря картину недурную.

Гавани здѣсь нѣтъ и берега опасны, о чемъ внушительно свидѣтельствуетъ шведскій пароходъ *Atlas*, потерпѣвшій крушеніе незадолго до моего пріѣзда и лежащій теперь на берегу. Пароходы останавливаются обыкновенно въ верстѣ отъ берега и рѣдко ближе. Пристань есть, но только для катеровъ и баржъ. Это большой, въ нѣсколько саженъ срубъ, выдающійся въ море въ видѣ буквы Т; толстыя лиственичныя сваи, крѣпко вбитыя въ дно морское, образуютъ ящики, которые до верху наполнены камнями; настилка изъ досокъ, по ней вдоль всей пристани проложены рельсы для вагонетокъ. На широкомъ концѣ Т стоитъ хорошенькій домикъ—контора пристани и тутъ же высокая черная мачта. Сооруженіе солидное, но не долговѣчное; во время хорошаго шторма, какъ говорятъ, волна иногда хватаетъ до оконъ домика и брызги долетаютъ даже до мачтовой реи, причемъ дрожитъ вся пристань.

Возлѣ пристани по берегу, повидимому, безъ дѣла, бродило съ полсотни каторжныхъ: одни въ халатахъ, другіе въ курткахъ или пиджакахъ изъ сѣраго сукна. При моемъ появленіи вся полсотня сняла шапки, — такой чести до сихъ поръ, вѣроятно, не удостоивался еще ни одинъ литераторъ. На берегу стояла чья-то лошадь, запряженная въ безрессорную линейку. Каторжные взвали-

ли мой багажъ на линейку, человѣкъ съ черною бородой, въ пиджакѣ и въ рубахѣ на выпускъ, сѣлъ на козлы. Мы поѣхали.

— Куда прикажете, ваше высокоблагородіе? — спросилъ онъ, оборачиваясь и снимая шапку.

Я спросилъ, не отдается ли тутъ гдѣ - нибудь внаймы квартира, хотя бы въ одну комнату.

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе, отдается.

Двѣ версты отъ пристани до Александровскаго поста я ѣхалъ по превосходному шоссе. Въ сравненіи съ сибирскими дорогами это чистенькое, гладкое шоссе съ канавами и фонарями кажется просто роскошью. Рядомъ съ нимъ проложена рельсовая дорога. Но природа по пути поражаетъ своею бѣдностью. Вверху на горахъ и холмахъ, окружающихъ Александровскую долину, по которой протекаетъ Дуйка, обгорѣлые пни или торчатъ, какъ иглы дикобраза, стволы лиственицъ, высушенныхъ вѣтромъ и пожарами, а внизу по долинѣ кочки и кислые злаки— остатки недавно бывшаго здѣсь непроходимаго болота. Свѣжій разрѣзъ земли въ канавахъ обнажаетъ во всемъ ея убожествѣ болотную перегорѣлую почву съ полувершковымъ слоемъ плохого чернозема. Ни сосны, ни дуба, ни клена, — одна только лиственица, тощая, жалкая, точно огрызенная, которая служитъ здѣсь не украшеніемъ лѣсовъ и парковъ, какъ у насъ въ Россіи, а признакомъ дурной болотистой почвы и суроваго климата.

Александровскій постъ или, короче, Александровскъ

представляетъ изъ себя небольшой благообразный городокъ сибирскаго типа, тысячи на три жителей. Въ немъ нѣтъ ни одной каменной постройки, а все сдѣлано изъ дерева, главнымъ образомъ, изъ лиственицы: и церковь, и дома, и тротуары. Здѣсь резиденція начальника острова, центръ сахалинской цивилизаціи. Тюрьма находится близъ главной улицы, но по внѣшнему виду она мало отличается отъ военной казармы, и потому Александровскъ совсѣмъ не носитъ того мрачнаго острожнаго характера, какой я ожидалъ встрѣтить.

Возница привезъ меня въ Александровскую слободку, составляющую предмѣстье поста, къ крестьянину изъ ссыльныхъ П. Мнѣ показали квартиру. Небольшой дворикъ, мощеный по-сибирски бревнами, кругомъ навѣсы; въ домѣ пять просторныхъ, чистыхъ комнатъ, кухня, но ни слѣда мебели. Хозяйка, молодая бабенка, принесла столъ, потомъ минутъ черезъ пять табуретъ.

— Эта квартира у насъ ходила съ дровами 22 рубля, а безъ дровъ 15,—сказала она.

А когда, часъ спустя, вносила самоваръ, сказала со вздохомъ:

— Заѣхали въ эту пропасть!

Она дѣвушкой пришла сюда съ матерью за отцомъ-каторжнымъ, который до сихъ поръ еще не отбылъ своего срока; теперь она замужемъ за крестьяниномъ изъ ссыльныхъ, мрачнымъ старикомъ, котораго я мелькомъ видѣлъ,

проходя по двору; онъ былъ болѣнъ чѣмъ-то, лежалъ на дворѣ подъ навѣсомъ и кряхтѣлъ.

— Теперь у насъ въ Тамбовской губерніи, чай, жнутъ,—сказала хозяйка,—а тутъ глаза бы мои не глядѣли.

И въ самомъ дѣлѣ не интересно глядѣть: въ окно видны грядки съ капустною разсадой, около нихъ безобразныя канавы, вдали маячитъ тощая, засыхающая лиственица. Охая и держась за бока, вошелъ хозяинъ и сталъ мнѣ жаловаться на неурожаи, холодный климатъ, нехорошую землю. Онъ благополучно отбылъ каторгу и поселеніе, имѣлъ теперь два дома, лошадей и коровъ, держалъ много работниковъ и самъ ничего не дѣлалъ, былъ женатъ на молоденькой, а, главное, давно уже имѣлъ право переселиться на материкъ—и, все-таки, жаловался.

— Вы говорите—неурожаи,—сказалъ я хозяйкѣ,—но, вѣдь, у васъ два дома, скотъ, сѣнокосъ... Чѣмъ же вы нажили?

— Хлѣбопашествомъ здѣсь не наживешь,— отвѣтилъ за нее хозяинъ.

— Чѣмъ же?

— Я вамъ скажу предлогъ, ваше высокоблагородіе,—сказала хозяйка, не отвѣчая на мой вопросъ.—Сейчасъ съ покоса придутъ люди и будутъ шумѣть. Вамъ жить тутъ будетъ безпокойно.

Ей хотѣлось выпроводить меня. Я обѣщалъ ей сегодня же найти себѣ другую квартиру, и она успокоилась. Было

еще рано, часовъ семь. Чѣмъ заняться? Куда идти? Мысль, что мнѣ не миновать идти по начальству, томила меня, какъ узрызеніе совѣсти.

«Какъ бы то ни было, я, все-таки, уже на Сахалинѣ»,—подумалъ я и легъ спать.

Въ полдень я отправился искать себѣ квартиру. На краю слободки стоитъ хорошенькій домикъ съ палисадникомъ и съ мѣдною дощечкой на дверяхъ, а возлѣ домика въ одномъ съ нимъ дворѣ лавочка. Я зашелъ купить себѣ чего-нибудь поѣсть. «Торговое дѣло» или «Торгово-коммиссіонный складъ»,—такъ называется эта скромная лавочка въ сохранившихся у меня печатномъ и рукописномъ прейсъ-курантахъ,—принадлежитъ ссыльно-поселенцу Л., бывшему гвардейскому офицеру, осужденному лѣтъ 12 назадъ петербургскимъ окружнымъ судомъ за убійство. Онъ уже отбылъ каторгу и занимается теперь торговлей, исполняетъ также разныя порученія по дорожной и инымъ частямъ, получая за это жалованье старшаго надзирателя. Жена его свободная, изъ дворянокъ, служитъ фельдшерицей въ тюремной больницѣ. Въ лавочкѣ продаются и звѣздочки къ погонамъ, и рахатъ-лукумъ, и пилы поперечныя, и серпы, и «шляпы дамскія, лѣтнія, самыя модныя, лучшихъ фасоновъ отъ 4 р. 50 к. до 12 р. за штуку», но, вѣроятно, торгуетъ Л. плохо, такъ какъ продаетъ онъ не то, что нужно. Пока я разговаривалъ съ прикащикомъ, въ лавочку вошелъ самъ хозяинъ въ шелковой жакеткѣ и въ цвѣтномъ галстукѣ. Мы познакомились.

— Не будете ли добры отобѣдать у меня?—предложилъ онъ.

Я согласился и мы пошли въ домъ. Обстановка у него комфортабельная. Вѣнская мебель, цвѣты, американскій аристонъ и гнутое кресло, на которомъ Л. качается послѣ обѣда. Кромѣ хозяйки, я засталъ въ столовой еще четырехъ гостей, чиновниковъ. Одинъ изъ нихъ, старикъ безъ усовъ и съ сѣдыми бакснами, похожій лицомъ на драматурга Ибсена, оказался младшимъ врачомъ мѣстнаго лазарета, другой, тоже старикъ, отрекомендовался штабъ-офицеромъ оренбургскаго козачьяго войска. Съ первыхъ же словъ этотъ офицеръ произвелъ на меня впечатлѣніе очень добраго человѣка и большого патріота. Онъ кротокъ и добродушно разсудителенъ, но когда говорятъ о политикѣ, онъ выходитъ изъ себя и съ неподдѣльнымъ паѳосомъ начинаетъ говорить о могуществѣ Россіи и съ презрѣніемъ о нѣмцахъ и англичанахъ, которыхъ отродясь не видѣлъ. Про него разсказываютъ, что когда онъ, идучи моремъ на Сахалинъ, захотѣлъ въ Сингапурѣ купить своей женѣ шелковый платокъ и ему предложили размѣнять русскія деньги на доллары, то онъ будто бы обидѣлся и сказалъ: «Вотъ еще, стану я мѣнять наши православныя деньги на какія-то эѳіопскія!» И платокъ не былъ купленъ.

За обѣдомъ подавали супъ, цыплятъ и мороженое. Было и вино.

— Когда приблизительно идетъ здѣсь послѣдній снѣгъ?—спросилъ я.

— Въ маѣ,—отвѣтилъ Л.

— Не правда, въ іюнѣ,—сказалъ докторъ, похожій на Ибсена.

— Я знаю поселенца,—сказалъ Л.,—у котораго калифорнская пшеница дала самъ 22.

И опять возраженіе со стороны доктора:

— Не правда. Ничего вашъ Сахалинъ не даетъ. Проклятая земля.

— Позвольте, однако,—сказалъ одинъ изъ чиновниковъ,—въ 82 году пшеница уродилась самъ 40. Я это отлично знаю.

— Не вѣрьте,—сказалъ мнѣ докторъ.—Это они вамъ очки втираютъ.

За обѣдомъ же была разсказана такая легенда: когда русскіе заняли островъ и затѣмъ стали обижать гиляковъ, то гиляцкій шаманъ проклялъ Сахалинъ и предсказалъ, что изъ него не выйдетъ никакого толку.

— Такъ оно и вышло,—вздохнулъ докторъ.

Послѣ обѣда Л. игралъ на аристонѣ. Докторъ пригласилъ меня переѣхать къ нему и въ тотъ же день вечеромъ я поселился на главной улицѣ поста, въ одномъ изъ домовъ, ближайшихъ къ присутственнымъ мѣстамъ. Съ этого вечера началось мое посвященіе въ сахалинскія тайны. Докторъ разсказалъ мнѣ, что незадолго до моего пріѣзда, во время медицинскаго осмотра скота на морской пристани, у него произошло крупное недоразумѣніе съ начальникомъ острова и что будто бы даже, въ концѣ-

концовъ, генералъ замахнулся на него палкой; на другой же день онъ былъ уволенъ по прошенію, котораго не подавалъ. Докторъ показалъ мнѣ цѣлую кипу бумагъ, написанныхъ имъ, какъ онъ говорилъ, въ защиту правды и изъ человѣколюбія. Это были копіи съ прошеній, жалобъ, рапортовъ и... доносовъ *).

— А генералу не понравится, что вы у меня остановились,—сказалъ докторъ и значительно подмигнулъ глазомъ.

На другой день я былъ съ визитомъ у начальника острова В. О. Кононовича. Несмотря на усталость и недосугъ, генералъ принялъ меня чрезвычайно любезно и бесѣдовалъ со мною около часа. Онъ образованъ, начитанъ и, кромѣ того, обладаетъ большою практическою опытностью, такъ какъ до своего назначенія на Сахалинъ въ продолженіе 18 лѣтъ завѣдывалъ каторгой на Карѣ; онъ красиво говоритъ и красиво пишетъ и производитъ впечатлѣніе человѣка искренняго, проникнутаго гуманными стремленіями. Я не могу забыть о томъ удовольствіи, какое доставляли мнѣ бесѣды съ нимъ, и какъ пріятно въ первое время поражала меня одна черта его характера, а именно постоянно высказываемое имъ отвращеніе къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Ж. Кеннанъ въ своей извѣстной книгѣ отзывается о немъ восторженно.

*) Вотъ образчикъ доноса по телеграфу: „Долгомъ совѣсти, семьсотъ двѣнадцатой статьи, томъ третій, поставленъ необходимость утрудить ваше—ство прибѣгнуть защитѣ правосудія противъ безнаказанности за совершаемые N лихоимство, подлоги, истязанія".

Узнавъ, что я намѣренъ пробыть на Сахалинѣ нѣсколько мѣсяцевъ, генералъ предупредилъ меня, что жить здѣсь тяжело и скучно.

— Отсюда всѣ бѣгутъ,—сказалъ онъ,—и каторжные, и поселенцы, и чиновники. Мнѣ еще не хочется бѣжать, но я уже чувствую утомленіе отъ мозговой работы, которой требуется здѣсь такъ много, благодаря, главнымъ образомъ, разбросанности дѣла.

Онъ обѣщалъ мнѣ полное содѣйствіе, но просилъ обождать: на Сахалинѣ готовились къ встрѣчѣ генералъ-губернатора и всѣ были заняты.

— А я радъ, что вы остановились у нашего врага,—сказалъ онъ, прощаясь со мной.—Вы будете знать наши слабыя стороны.

До пріѣзда генералъ-губернатора я жилъ въ Александровскѣ, въ квартирѣ доктора. Жизнь была несовсѣмъ обыкновенная, и теперь она представляется мнѣ точно во снѣ. Когда я просыпался утромъ, самые разнообразные звуки напоминали мнѣ, гдѣ я. Мимо открытыхъ оконъ по улицѣ не спѣша съ мѣрнымъ звономъ проходили кандальные; противъ нашей квартиры въ военной казармѣ солдаты-музыканты разучивали къ встрѣчѣ генералъ-губернатора свои марши, и при этомъ флейта играла изъ одной пьесы, тромбонъ изъ другой, фаготъ изъ третьей, и получался невообразимый хаосъ. А въ комнатахъ у насъ неугомонно свистали канарейки и мой хозяинъ док-

торъ ходилъ изъ угла въ уголъ и, перелистывая на ходу законы, мыслилъ вслухъ:

— Если на основаніи статьи такой-то я подамъ прошеніе туда-то и т. д.

Или же онъ вмѣстѣ со своимъ сыномъ садился писать какую-нибудь кляузу. Выйдешь на улицу, тутъ жарко. Жалуются даже на засуху и офицеры ходятъ въ кителяхъ, а это бываетъ не каждое лѣто. Движеніе на улицахъ здѣсь гораздо значительнѣе, чѣмъ въ нашихъ уѣздныхъ городахъ, и это легко объяснить приготовленіями къ встрѣчѣ начальника края, главнымъ же образомъ преобладаніемъ въ здѣшнемъ населеніи рабочаго возраста, который большую часть дня проводитъ внѣ дома. Къ тому же, здѣсь на небольшомъ пространствѣ сгруппированы тюрьма болѣе, чѣмъ на тысячу, и военныя казармы на 500 человѣкъ. Спѣшно строятъ мостъ черезъ Дуйку, воздвигаютъ арки, чистятъ, красятъ, подметаютъ, маршируютъ. По улицамъ носятся тройки и пары съ колокольчиками, — это готовятъ для генералъ-губернатора лошадей. Такая спѣшка, что работаютъ даже въ праздники.

Вотъ по улицѣ, направляясь къ полицейскому управленію, идетъ толпа гиляковъ, здѣшнихъ аборигеновъ, и на нихъ сердито лаютъ смирныя сахалинскія дворняжки, которыя лаютъ почему-то на однихъ только гиляковъ. Вотъ другая группа: кандальные каторжные въ шапкахъ и безъ шапокъ, звеня цѣпями, тащатъ тяжелую

тачку съ пескомъ, сзади къ тачкѣ цѣпляются мальчишки, по сторонамъ плетутся конвойные съ потными красными лицами и съ ружьями на плечахъ. Высыпавъ песокъ на площадкѣ передъ домомъ генерала, кандальные возвращаются тою же дорогой назадъ, и звонъ кандаловъ слышится непрерывно. Каторжный въ халатѣ съ бубновымъ тузомъ ходитъ изъ двора во дворъ и продаетъ ягоду голубику. Когда идешь по улицѣ, сидящіе встаютъ и всѣ встрѣчные снимаютъ шапки.

На первыхъ порахъ я испытывалъ смущеніе. Я не то, чтобы боялся каторжныхъ, но мнѣ было какъ-то не по себѣ и странно, что я вдругъ сталъ такъ близокъ къ нимъ. Каторжные и поселенцы, за немногими исключеніями, ходятъ по улицамъ свободно, безъ кандаловъ и безъ конвоя, и встрѣчаются вамъ на каждомъ шагу толпами и въ одиночку. Они у васъ во дворѣ и въ домѣ, потому что они кучера, сторожа, повара, кухарки и няньки. Такая близость въ первое время съ непривычки смущаетъ и приводитъ въ недоумѣніе. Идешь мимо какой-нибудь постройки, тутъ каторжные съ топорами, пилами и молотками. А ну, думаешь, размахнется и трахнетъ! Или придешь къ знакомому и, не заставши дома, сядешь писать ему записку, а сзади въ это время стоитъ и ждетъ его слуга каторжный съ ножомъ въ рукахъ, которымъ онъ только что чистилъ въ кухнѣ картофель. Или, бывало, рано утромъ, часа въ четыре, просыпаешься отъ какого-то шороха, смотришь—къ постели на цыпочкахъ, чуть ды-

ша, крадется каторжный. Что такое? Зачѣмъ? «Сапожки почистить, ваше высокоблагородіе». Но скоро я приглядѣлся и привыкъ. Привыкаютъ всѣ, даже женщины и дѣти. Здѣшнія дамы бываютъ совершенно покойны, когда отпускаютъ своихъ дѣтей гулять съ няньками безсрочно-каторжными.

Одинъ корреспондентъ пишетъ, что вначалѣ онъ трусилъ чуть не каждаго куста, а при встрѣчахъ на дорогѣ и тропинкахъ съ арестантомъ ощупывалъ подъ пальто револьверъ, потомъ успокоился, придя къ заключенію, что «каторга въ общемъ—стадо барановъ, трусливыхъ, лѣнивыхъ, полуголодныхъ и заискивающихъ». Чтобы думать, что русскіе арестанты не убиваютъ и не грабятъ встрѣчнаго только изъ трусости и лѣни, надо быть очень плохого мнѣнія о человѣкѣ вообще, или, вѣрнѣе, не знать человѣка.

Пріамурскій генералъ-губернаторъ баронъ А. Н. Корфъ прибылъ на Сахалинъ 19 іюля, на военномъ суднѣ *Бобръ*. На площади между домомъ начальника острова и церковью онъ былъ встрѣченъ почетнымъ карауломъ, чиновниками и толпою поселенцевъ и каторжныхъ. Играла та самая музыка, о которой я только что говорилъ. Благообразный старикъ, бывшій каторжный, разбогатѣвшій на Сахалинѣ, по фамиліи Потемкинъ, поднесъ ему хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ мѣстнаго издѣлія. На площади же стоялъ мой хозяинъ докторъ въ черномъ фракѣ и въ картузѣ и держалъ въ рукахъ прошеніе. Я въ первый разъ

видѣлъ сахалинскую толпу и отъ меня не укрылась ея печальная особенность: она состояла изъ мужчинъ и женщинъ рабочаго возраста, были старики и дѣти, но совершенно отсутствовали юноши. Казалось, какъ будто возраста отъ 13 до 20 лѣтъ на Сахалинѣ вовсе не существуетъ. И я невольно задалъ себѣ вопросъ: не значитъ ли это, что молодежь, подростая, оставляетъ островъ при первой возможности?

На другой же день по пріѣздѣ генералъ-губернаторъ приступилъ къ осмотру тюремъ и поселеній. Всюду поселенцы, ожидавшіе его съ большимъ нетерпѣніемъ, подавали ему прошенія и словесно заявляли просьбы. Говорили каждый за себя или одинъ за все селеніе, и такъ какъ ораторское искусство процвѣтаетъ на Сахалинѣ, то дѣло не обошлось и безъ рѣчей; въ Дербинскомъ поселенецъ Масловъ въ своей рѣчи нѣсколько разъ назвалъ начальство «всемилостивѣйшимъ правительствомъ». Къ сожалѣнію, далеко не всѣ обращавшіеся къ барону А. Н. Корфу просили того, что нужно. Тутъ, какъ и въ Россіи въ подобныхъ случаяхъ, сказалась досадная мужицкая темнота: просили не школъ, не правосудія, не заработковъ, а разныхъ пустяковъ: кто казеннаго довольствія, кто усыновленія ребенка, — однимъ словомъ, подавали прошенія, которыя могли быть удовлетворены мѣстнымъ начальствомъ. А. Н. Корфъ отнесся къ ихъ просьбамъ съ полнымъ вниманіемъ и доброжелательствомъ; глубоко тронутый ихъ бѣдственнымъ положеніемъ, онъ давалъ

обѣщанія и возбуждалъ надежды на лучшую жизнь *). Когда въ Арковѣ помощникъ смотрителя тюрьмы отрапортовалъ: «Въ селеніи Арковѣ все обстоитъ благополучно», баронъ указалъ ему на озимые и яровые всходы и сказалъ: «Все благополучно, кромѣ только того, что въ Арковѣ нѣтъ хлѣба». Въ Александровской тюрьмѣ по случаю его пріѣзда арестантовъ кормили свѣжимъ мясомъ и даже олениной; онъ обошелъ всѣ камеры, принималъ прошенія и приказалъ расковать многихъ кандальныхъ.

22 іюля послѣ молебна и парада (былъ табельный день) прибѣжалъ надзиратель и доложилъ, что генералъ-губернаторъ желаетъ меня видѣть. Я отправился. А. Н. Корфъ принялъ меня очень ласково и бесѣдовалъ со мной около получаса. Нашъ разговоръ происходилъ въ присутствіи ген. Кононовича. Между прочимъ, мнѣ былъ предложенъ вопросъ, не имѣю ли я какого-либо оффиціальнаго порученія. Я отвѣтилъ: нѣтъ.

— По крайней мѣрѣ, нѣтъ ли у васъ порученія отъ какого-либо ученаго общества или газеты?—спросилъ баронъ.

У меня въ карманѣ былъ корреспондентскій бланокъ, но такъ какъ я не имѣлъ въ виду печатать что-либо о Сахалинѣ въ газетахъ, то, не желая вводить въ заблуж-

*) И даже несбыточныя надежды. Въ одномъ селеніи, говоря о томъ, что крестьяне изъ ссыльныхъ теперь уже имѣютъ право переѣзда на материкъ, онъ сказалъ: „А потомъ можете и на родину, въ Россію“.

деніе людей, относившихся ко мнѣ, очевидно, съ полнымъ довѣріемъ, я отвѣтилъ: нѣтъ.

— Я разрѣшаю вамъ бывать, гдѣ и у кого угодно,— сказалъ баронъ.—Намъ скрывать нечего. Вы осмотрите здѣсь все, вамъ дадутъ свободный пропускъ во всѣ тюрьмы и поселенія, вы будете пользоваться документами, необходимыми для вашей работы,—однимъ словомъ, вамъ двери будутъ открыты всюду. Не могу я разрѣшить вамъ только одного: какого бы то ни было общенія съ политическими, такъ какъ разрѣшать вамъ это я не имѣю никакого права.

— Я уже приказалъ приготовить для г. Чехова открытый листъ,—сказалъ ген. Кононовичъ.

— Превосходно.

Отпуская меня, баронъ сказалъ:

— Завтра мы еще разъ поговоримъ. Приходите съ бумагой.

Въ тотъ же день я присутствовалъ на торжественномъ обѣдѣ въ квартирѣ начальника острова. Тутъ я познакомился почти со всею сахалинскою администраціей. За обѣдомъ играла музыка, произносились рѣчи. А. Н. Корфъ въ отвѣтъ на тостъ за его здоровье сказалъ короткую рѣчь, изъ которой мнѣ теперь припоминаются слова: «Я убѣдился, что на Сахалинѣ «несчастнымъ» живется легче, чѣмъ гдѣ-либо въ Россіи и даже Европѣ. Въ этомъ отношеніи вамъ предстоитъ сдѣлать еще многое, такъ какъ путь добра безконеченъ». Онъ пять лѣтъ

назадъ былъ на Сахалинѣ и теперь находилъ прогрессъ значительнымъ, превосходившимъ всякія ожиданія. Его похвальное слово не мирилось въ сознаніи съ такими явленіями, какъ голодъ, повальная проституція ссыльныхъ женщинъ, жестокія тѣлесныя наказанія, но слушатели должны были вѣрить ему: настоящее въ сравненіи съ тѣмъ, что происходило пять лѣтъ назадъ, представляется началомъ золотого вѣка.

Вечеромъ была иллюминація. По улицамъ, освѣщеннымъ плошками и бенгальскимъ огнемъ, до поздняго вечера гуляли толпами солдаты, поселенцы и каторжные. Тюрьма была открыта. Рѣка Дуйка, всегда убогая, грязная, съ лысыми берегами, а теперь украшенная по обѣ стороны разноцвѣтными фонарями и бенгальскими огнями, которые отражались въ ней, была на этотъ разъ красива, даже величественна и походила на кухаркину дочь, на которую для примѣрки надѣли барышнино платье. Въ саду генерала играла музыка и пѣли пѣвчіе. Даже изъ пушки стрѣляли и пушку разорвало. И, все-таки, несмотря на такое веселье, на улицахъ было скучно. Ни пѣсенъ, ни гармоники, ни одного пьянаго; люди бродили, какъ тѣни, и молчали, какъ тѣни. Каторга и при бенгальскомъ освѣщеніи остается каторгой, а музыка, когда ее издали слышитъ человѣкъ, который никогда уже не вернется на родину, наводитъ только смертную тоску.

Когда я явился къ генералъ-губернатору съ бумагой, онъ изложилъ мнѣ свой взглядъ на сахалинскую каторгу

и колонію и предложилъ записать все, сказанное имъ, что я, конечно, исполнилъ очень охотно. Все записанное онъ предложилъ мнѣ озаглавить такъ: *Описаніе жизни несчастныхъ*. Изъ нашей послѣдней бесѣды и изъ того, что̀ я записалъ подъ его диктовку, я вынесъ убѣжденіе, что это великодушный и благородный человѣкъ, но что «жизнь несчастныхъ» была знакома ему не такъ близко, какъ онъ думалъ. Вотъ нѣсколько строкъ изъ описанія: «Никто не лишенъ надежды сдѣлаться полноправнымъ; пожизненности наказанія нѣтъ. Безсрочная каторга ограничивается 20-ю годами. Каторжныя работы не тягостны. Трудъ подневольный не даетъ работнику личной пользы—въ этомъ его тягость, а не въ напряженіи физическомъ. Цѣпей нѣтъ, часовыхъ нѣтъ, бритыхъ головъ нѣтъ».

Дни стояли хорошіе, съ яснымъ небомъ и съ прозрачнымъ воздухомъ, похожіе на наши осенніе дни. Вечера были превосходные; припоминается мнѣ пылающій западъ, темносинее море и совершенно бѣлая луна, выходящая изъ-за горъ. Въ такіе вечера я любилъ кататься по долинѣ между постомъ и деревней Ново-Михайловкой; дорога здѣсь гладкая, ровная, рядомъ съ ней рельсовый путь для вагонетокъ, телеграфъ. Чѣмъ дальше отъ Александровска, тѣмъ долина становится у́же, потемки густѣютъ, гигантскіе лопухи начинаютъ казаться тропическими растеніями; со всѣхъ сторонъ надвигаются темныя горы. Вонъ вдали огни, гдѣ жгутъ уголь,

вонъ огонь отъ пожара. Восходитъ луна. Вдругъ фантастическая картина: мнѣ на встрѣчу по рельсамъ, подпираясь шестомъ, катитъ на небольшой платформѣ каторжный въ бѣломъ. Становится жутко.

— Не пора ли назадъ?—спрашиваю кучера.

Кучеръ каторжный поворачиваетъ лошадей, потомъ оглядывается на горы и огни и говоритъ:

— Скучно здѣсь, ваше высокоблагородіе. У насъ въ Россіи лучше.

III.

Перепись.—Содержаніе статистическихъ карточекъ.—О чемъ я спрашивалъ и какъ отвѣчали мнѣ.—Изба и ея жильцы.—Мнѣнія ссыльныхъ о переписи.

Чтобы побывать по возможности во всѣхъ населенныхъ мѣстахъ и познакомиться поближе съ жизнью большинства ссыльныхъ, я прибѣгнулъ къ пріему, который въ моемъ положеніи казался мнѣ единственнымъ. Я сдѣлалъ перепись. Въ селеніяхъ, гдѣ я былъ, я обошелъ всѣ избы и записалъ хозяевъ, членовъ ихъ семей, жильцовъ и работниковъ. Чтобы облегчить мой трудъ и сократить время, мнѣ любезно предлагали помощниковъ, но такъ какъ, дѣлая перепись, я имѣлъ главною цѣлью не результаты ея, а тѣ впечатлѣнія, которыя даетъ самый процессъ переписи, то я пользовался чужою помощью только въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Эту работу, произведенную въ три мѣсяца однимъ человѣкомъ, въ сущности, нельзя

назвать переписью; результаты ея не могутъ отличаться точностью и полнотой, но за неимѣніемъ болѣе серьезныхъ данныхъ ни въ литературѣ, ни въ сахалинскихъ канцеляріяхъ, быть можетъ, пригодятся и мои цифры.

Для переписи я пользовался карточками, которыя были напечатаны для меня въ типографіи при полицейскомъ управленіи. Самый процессъ переписи заключался въ слѣдующемъ. Прежде всего, на каждой карточкѣ въ первой строкѣ я отмѣчалъ названіе поста или селенія. Во второй строкѣ: номеръ дома по казенной подворной описи. Затѣмъ, въ третьей строкѣ шло званіе записываемаго: каторжный, поселенецъ, крестьянинъ изъ ссыльныхъ, свободнаго состоянія. Свободныхъ я записывалъ только въ тѣхъ случаяхъ, если они принимали непосредственное участіе въ хозяйствѣ ссыльнаго, напримѣръ, состояли съ нимъ въ бракѣ, законномъ или незаконномъ, и вообще принадлежали къ семьѣ его, или проживали въ его избѣ въ качествѣ работника или жильца и т. п. Званію въ сахалинскомъ обиходѣ придается большое значеніе. Каторжнаго, несомнѣнно, стѣсняетъ его званіе; на вопросъ, какого онъ званія, онъ отвѣчаетъ: «рабочій». Если же до каторги онъ былъ солдатомъ, то непремѣнно добавляетъ еще къ этому: «изъ солдатъ, ваше высокоблагородіе». Отбывъ или, какъ самъ онъ выражается, отслуживъ свой срокъ, онъ становится поселенцемъ. Это новое званіе не считается низкимъ уже потому, что слово поселенецъ мало чѣмъ отличается отъ поселянина, не говоря уже о пра-

вахъ, какія сопряжены съ этимъ званіемъ. На вопросъ, кто онъ, поселенецъ обыкновенно отвѣчаетъ такъ: «вольный». Черезъ десять, а при благопріятныхъ условіяхъ, оговоренныхъ въ уставѣ о ссыльныхъ, черезъ шесть лѣтъ поселенецъ получаетъ званіе крестьянина изъ ссыльныхъ. Это уже предѣлъ, «его же не прейдеши». На вопросъ, какого онъ званія, крестьянинъ отвѣчаетъ не безъ достоинства и съ такимъ выраженіемъ, какъ будто ужъ не можетъ идти въ счетъ съ прочими и отличается отъ нихъ чѣмъ-то особеннымъ: «Я крестьянинъ». Но безъ прибавки «изъ ссыльныхъ». Я не спрашивалъ ссыльныхъ о прежнемъ ихъ званіи, такъ какъ по этому пункту въ канцеляріяхъ имѣется достаточно свѣдѣній. Сами они, кромѣ солдатъ, ни мѣщане, ни купцы, ни духовные, не распространяются на счетъ своего утеряннаго званія, какъ будто оно уже забыто, и называютъ свое прежнее состояніе коротко —волей. Если кто заводитъ разговоръ о своемъ прошломъ, то обыкновенно начинаетъ такъ: «Когда я жилъ на волѣ...» и т. д.

Четвертая строка: имя, отчество и фамилія. Насчетъ именъ могу только вспомнить, что я, кажется, не записалъ правильно ни одного женскаго татарскаго имени. Въ татарской семьѣ, гдѣ много дѣвочекъ, а отецъ и мать едва понимаютъ по-русски, трудно добиться толку и приходится записывать на-угадъ. И въ казенныхъ бумагахъ татарскія имена пишутся тоже неправильно.

Случается, что православный русскій мужичокъ на

вопросъ, какъ его зовутъ, отвѣчаетъ не шутя: «Карлъ». Это бродяга, который по дорогѣ смѣнился именемъ съ какимъ-то нѣмцемъ. Такихъ, помнится, записано мною двое: Карлъ Лангеръ и Карлъ Карловъ. Есть каторжный, котораго зовутъ Наполеономъ. Есть женщина бродяга Прасковья, она же Марья. Что касается фамилій, то по какой-то странной случайности на Сахалинѣ много Богдановыхъ и Безпаловыхъ. Очень часто попадаются курьезныя фамиліи: Шкандыба, Желудокъ, Безбожный, Зѣвака. Татарскія фамиліи, какъ мнѣ говорили, сохраняютъ и на Сахалинѣ, несмотря на лишеніе всѣхъ правъ состоянія, приставки и частицы, означающія высокія званія и титулы. Насколько это вѣрно, не знаю, но хановъ, султановъ и оглы записалъ я не мало. У бродягъ самое употребительное имя Иванъ, а фамилія Непомнящій. Вотъ нѣсколько бродяжскихъ прозвищъ: Мустафа Непомнящій, Василій Безотечества, Францъ Непомнящій, Иванъ Непомнящій 20 лѣтъ, Яковъ Безпрозванія, бродяга Иванъ 35 лѣтъ *), Человѣкъ Неизвѣстнаго Званія.

Въ этой же строкѣ я отмѣчалъ отношенія записываемаго къ хозяину: жена, сынъ, сожительница, работникъ, жилецъ, сынъ жильца и т. д. Записывая дѣтей, я отличалъ законно и незаконно рожденныхъ, родныхъ и пріемныхъ. Кстати сказать, пріемыши часто встрѣчаются на Сахалинѣ, и мнѣ приходилось записывать не

*) Это число составляетъ часть фамиліи. Въ дѣйствительности ему 48 лѣтъ.

только пріемныхъ дѣтей, но даже пріемныхъ отцовъ. Многіе изъ живущихъ въ избахъ относятся къ хозяевамъ какъ совладѣльцы или половинщики. Въ обоихъ сѣверныхъ округахъ на одномъ участкѣ сидятъ по два и даже по три владѣльца и этакъ больше, чѣмъ въ половинѣ хозяйствъ; поселенецъ садится на участокъ, строитъ домъ и обзаводится хозяйствомъ, а черезъ два-три года ему сажаютъ совладѣльца, или же одинъ участокъ даютъ сразу двумъ поселенцамъ. Это происходитъ отъ нежеланья и неумѣнья администраціи пріискивать новыя мѣста для поселеній. Бываетъ и такъ, что отбывшій каторгу проситъ, чтобы ему позволили поселиться въ такомъ посту или селеніи, гдѣ усадебныхъ мѣстъ уже нѣтъ, и его поневолѣ приходится сажать уже на готовое хозяйство. Количество совладѣльцевъ особенно увеличивается послѣ объявленія высочайшихъ манифестовъ, когда администрація бываетъ вынуждена пріискивать мѣста сразу для нѣсколькихъ сотенъ душъ.

Пятая строка: возрастъ. Женщины, которымъ уже за сорокъ, плохо помнятъ свои лѣта и отвѣчаютъ на вопросъ подумавъ. Армяне изъ Эриванской губ. совсѣмъ не знаютъ своего возраста. Одинъ изъ нихъ отвѣтилъ мнѣ такъ: «Можетъ тридцать, а можетъ уже и пятьдесятъ». Въ такихъ случаяхъ приходилось опредѣлять возрастъ приблизительно, на глазъ, и потомъ провѣрять по статейному списку. Молодежь 15 лѣтъ и постарше обыкновенно убавляетъ свои лѣта. Иная уже невѣста или давно уже зани-

мается проституцiей, а ей все еще 13—14 лѣтъ. Дѣло въ томъ, что дѣти и подростки въ бѣднѣйшихъ семьяхъ получаютъ отъ казны кормовыя, которыя выдаются только до 15 лѣтъ, и лгать молодыхъ людей и ихъ родителей заставляетъ простой разсчетъ.

Шестая строка относилась къ вѣроисповѣданiю.

Седьмая: гдѣ родился? На этотъ вопросъ мнѣ отвѣчали безъ малѣйшаго затрудненiя, кромѣ бродягъ, которые отвѣчаютъ какимъ-нибудь острожнымъ каламбуромъ или словами «не помню». Дѣвица Наталья Непомнящая, когда я спросилъ ее, какой она губернiи, сказала мнѣ: «всѣхъ по-немножку». Земляки замѣтно держатся другъ друга, вмѣстѣ ведутъ компанiю и, коли бѣгутъ, то тоже вмѣстѣ; тулякъ предпочитаетъ идти въ совладѣльцы къ туляку, бакинецъ къ бакинцу. Повидимому, существуютъ землячества. Когда случалось спрашивать про отсутствующаго, то земляки давали о немъ самыя подробныя свѣдѣнiя.

Восьмая строка: съ какого года на Сахалинѣ? Рѣдкiй сахалинецъ отвѣчалъ на этотъ вопросъ сразу и безъ напряженiя. Годъ прибытiя на Сахалинъ—годъ страшнаго несчастья, а, между тѣмъ, его не знаютъ или не помнятъ. Спрашиваешь каторжную бабу, въ какомъ году ее привезли на Сахалинъ, а она отвѣчаетъ вяло, не думая: «Кто-жь его знаетъ? Должно въ 83-мъ». Вмѣшивается мужъ или сожитель: «Ну, что зря языкомъ болтать? Ты пришла въ 85-мъ».—«Можетъ и въ 85-мъ»,— согла-

шается она со вздохомъ. Начинаемъ считать и мужикъ выходитъ правъ. Мужчины не такъ туги, какъ бабы, но и они даютъ отвѣтъ не сразу, а подумавъ и поговоривъ.

— Тебя въ какомъ году пригнали на Сахалинъ? — спрашиваю я поселенца.

— Я одного сплава съ Гладкимъ,—говоритъ онъ неувѣренно, поглядывая на товарищей.

Гладкій перваго сплава, а первый сплавъ, т.-е. первый Доброволецъ, пришелъ на Сахалинъ въ 1879 г. Такъ и записываю. Или бываетъ такой отвѣтъ: «Въ каторгѣ я пробылъ шесть лѣтъ, да вотъ въ поселенцахъ ужь третій годъ... Вотъ и считайте».—«Значитъ, ты на Сахалинѣ уже девятый годъ?»—«Никакъ нѣтъ. До Сахалина я еще въ централѣ отсидѣлъ два года». И т. д. Или такой отвѣтъ: «Я пришелъ въ тотъ годъ, когда Дербина убили». Или: «Тогда Мицуль померъ». Для меня было особенно важно получать вѣрные отвѣты отъ тѣхъ, которые пришли сюда въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ; мнѣ хотѣлось не пропустить ни одного изъ нихъ, что, по всей вѣроятности, не удалось мнѣ. Сколько уцѣлѣло изъ тѣхъ, которые пришли сюда 20—25 лѣтъ назадъ?—это вопросъ роковой для сахалинской колонизаціи.

Въ девятой строкѣ я записывалъ главное занятіе и ремесло.

Въ десятой—грамотность. Обыкновенно вопросъ предлагаютъ въ такой формѣ: «знаешь ли грамотѣ?»—я же спрашивалъ такъ: «умѣешь ли читать?»—и это во мно-

4

гихъ случаяхъ спасало меня отъ невѣрныхъ отвѣтовъ, потому что крестьяне не пишущіе и умѣющіе разбирать только по-печатному называютъ себя неграмотными. Есть и такіе, которые изъ скромности прикидываются невѣждами. «Гдѣ ужь намъ? Какая наша грамота?»—и лишь при повтореніи вопроса говорятъ: «Разбиралъ когда-то по-печатному, да теперь, знать, забылъ. Народъ мы темный, одно слово—мужики». Неграмотными называютъ себя также плохо видящіе глазами и слѣпые.

Одиннадцатая относилась къ семейному состоянію: женатъ, вдовъ, холостъ? Если женатъ, то гдѣ: на родинѣ, на Сахалинѣ? Слова «женатъ, вдовъ, холостъ» на Сахалинѣ еще не опредѣляютъ семейнаго положенія; здѣсь очень часто женатые бываютъ обречены на одинокую безбрачную жизнь, такъ какъ супруги ихъ живутъ на родинѣ и не даютъ имъ развода, а холостые и вдовые живутъ семейно и имѣютъ по полдюжинѣ дѣтей; поэтому ведущихъ холостую жизнь не формально, а на самомъ дѣлѣ, хотя бы они значились женатыми, я считалъ не лишнимъ отмѣчать словомъ «одинокъ». Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ Россіи незаконный бракъ не имѣетъ такого широкаго и гласнаго распространенія и нигдѣ онъ не облеченъ въ такую оригинальную форму, какъ на Сахалинѣ. Незаконное или, какъ называютъ здѣсь, свободное сожительство не встрѣчаетъ себѣ противниковъ ни въ начальствѣ, ни въ духовенствѣ, а, наоборотъ, поощряется и санкціонируется. Есть поселенія, гдѣ не встрѣтишь

ни одного законнаго сожительства. Свободныя пары составляютъ хозяйства на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и законныя; онѣ рождаютъ для колоніи дѣтей, а потому нѣтъ причинъ при регистраціи создавать для нихъ особыя правила.

Наконецъ, двѣнадцатая строка: получаетъ ли пособіе отъ казны? Изъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ я хотѣлъ выяснить, какая часть населенія не въ состояніи обойтись безъ матеріальной поддержки отъ казны, или, другими словами, кто кормитъ колонію: она сама себя или казна? Пособіе отъ казны, кормовое или вещевое, или денежное, обязательно получаютъ: всѣ каторжные, поселенцы въ первые годы по отбытіи каторги, богадѣльщики и дѣти бѣднѣйшихъ семей. Кромѣ этихъ оффиціально признанныхъ пенсіонеровъ, я отмѣтилъ живущими на счетъ казны также и тѣхъ ссыльныхъ, которые получаютъ отъ нея жалованье за разные услуги, напримѣръ: учителя, писаря, надзиратели и т. п. Но отвѣтъ получился неполный. Кромѣ обычныхъ пайковъ, кормовыхъ и жалованій, въ широкихъ размѣрахъ практикуется еще выдача такихъ пособій, которыя невозможно отмѣтить на карточкахъ, напримѣръ: пособіе при вступленіи въ бракъ, покупка у поселенцевъ зерна по умышленно дорогой цѣнѣ, а, главное, выдача сѣмянъ, скота и пр. въ долгъ. Иной поселенецъ долженъ въ казну нѣсколько сотъ рублей и никогда ихъ не отдастъ, но я поневолѣ долженъ былъ записать его не получающимъ пособія.

Каждую женскую карточку я перечеркивалъ вдоль краснымъ карандашомъ и нахожу, что это удобнѣе, чѣмъ имѣть особую рубрику для отмѣтки пола. Я записывалъ только наличныхъ членовъ семьи; если мнѣ говорили, что старшій сынъ уѣхалъ во Владивостокъ на заработки, а второй служитъ въ селеніи Рыковскомъ въ работникахъ, то я перваго не записывалъ вовсе, а второго заносилъ на карточку въ мѣстѣ его жительства.

Я ходилъ изъ избы въ избу одинъ; иногда сопровождалъ меня какой-нибудь каторжный или поселенецъ, который отъ скуки бралъ на себя роль проводника. Иногда за мной или на нѣкоторомъ разстояніи слѣдовалъ, какъ тѣнь, надзиратель съ револьверомъ. Это посылали его на случай, если я потребую какихъ-нибудь разъясненій. Когда я обращался къ нему съ какимъ-нибудь вопросомъ, то лобъ у него мгновенно покрывался пѳтомъ и онъ отвѣчалъ: «Не могу знать, ваше высокоблагородіе!» Обыкновенно спутникъ мой, босой и безъ шапки, съ моею чернилицей въ рукахъ, забѣгалъ впередъ, шумно отворялъ дверь и въ сѣняхъ успѣвалъ что-то шепнуть хозяину—вѣроятно, свои предположенія на счетъ моей переписи. Я входилъ въ избу. На Сахалинѣ попадаются избы всякаго рода, смотря по тому, кто строилъ — сибирякъ, хохолъ или чухонецъ, но чаще всего—это небольшой срубъ, аршинъ въ восемь, двухъ или трехъоконный, безъ всякихъ наружныхъ украшеній, крытый соломой, корьемъ и рѣдко тесомъ. Двора обыкновенно

нѣтъ. Возлѣ ни одного деревца. Сараишко или банька на сибирскій манеръ встрѣчаются рѣдко. Если есть собаки, то вялыя, не злыя, которыя, какъ я говорилъ уже, лаютъ на однихъ только гиляковъ, вѣроятно, потому, что тѣ носятъ обувь изъ собачьей шкуры. И почему-то эти смирныя, безобидныя собаки на привязи. Если есть свинья, то съ колодкой на шеѣ. Пѣтухъ тоже привязанъ за ногу.

— Зачѣмъ это у тебя собака и пѣтухъ привязаны?—спрашиваешь хозяина.

— У насъ на Сахалинѣ всѣ на цѣпи,—острить онъ въ отвѣтъ.—Земля ужь такая.

Въ избѣ одна комната, съ русскою печкой. Полы деревянные. Столъ, два-три табурета, скамья, кровать съ постелью, или же постлано прямо на полу. Или такъ, что нѣтъ никакой мебели и только среди комнаты лежитъ на полу перина, и видно, что на ней только что спали; на окнѣ чашка съ объѣдками. По обстановкѣ это не изба, не комната, а скорѣе камера для одиночнаго заключенія. Гдѣ есть женщины и дѣти, тамъ, какъ бы ни было, похоже на хозяйство и на крестьянство, но, все-таки, и тамъ чувствуется отсутствіе чего-то важнаго; нѣтъ дѣда и бабки, нѣтъ старыхъ образовъ и дѣдовской мебели, стало быть, хозяйству недостаетъ прошлаго, традицій; нѣтъ краснаго угла или онъ очень бѣденъ и тусклъ, безъ лампады и безъ украшеній,—нѣтъ обычаевъ; обстановка носитъ случайный характеръ и похо-

же, какъ будто семья живетъ не у себя дома, а на квартирѣ, или будто она только что прiѣхала и еще не успѣла освоиться; нѣтъ кошки, по зимнимъ вечерамъ не бываетъ слышно сверчка... а, главное, нѣтъ родины.

Картины, которыя я встрѣчалъ, обыкновенно не говорили мнѣ о домовитости, уютности и о прочности хозяйствъ. Чаще всего я встрѣчалъ въ избѣ самого хозяина, одинокаго, скучающаго бобыля, который, казалось, окоченѣлъ отъ вынужденнаго бездѣлья и скуки; на немъ вольное платье, но по привычкѣ шинель накинута на плечи по-арестантски и, если онъ недавно вышелъ изъ тюрьмы, то на столѣ у него валяется фуражка безъ козырька. Печка у него не топлена, посуды только и есть, что котелокъ, да бутылка, заткнутая бумажкой. Самъ онъ о своей жизни и о своемъ хозяйствѣ отзывается насмѣшливо и съ холоднымъ презрѣнiемъ. Говоритъ, что уже всякiе способы перепробовалъ, но никакого толку не выходитъ; остается одно: махнуть на все рукой. Пока говоришь съ нимъ, въ избу собираются сосѣди и начинается разговоръ на разныя темы: о начальствѣ, климатѣ, женщинахъ... Отъ скуки всѣ готовы говорить и слушать безъ конца. Бываетъ и такъ, что, кромѣ хозяина, застаешь въ избѣ еще цѣлую толпу жильцовъ и работниковъ, но это едва ли лучше одиночества; на порогѣ сидитъ жилецъ-каторжный съ ремешкомъ на волосахъ и шьетъ чирки; пахнетъ кожей и сапожнымъ варомъ; въ сѣняхъ на лохмотьяхъ лежатъ его дѣти и тутъ же въ темномъ и

тѣсномъ углу его жена, пришедшая за нимъ добровольно, дѣлаетъ на маленькомъ столикѣ вареники съ голубикой; это недавно прибывшая изъ Россіи семья. Дальше, въ самой избѣ, человѣкъ пять мужчинъ, которые называютъ себя кто—жильцомъ, кто—работникомъ, а кто—сожителемъ; одинъ стоитъ около печки и, надувъ щеки, выпучивъ глаза, паяетъ что-то, другой, очевидно, шутъ, съ дѣланно-глупою физіономіей, бормочетъ что-то, остальные хохочутъ въ кулаки. А на постели сидитъ вавилонская блудница, сама хозяйка Лукерья Непомнящая, лохматая, тощая, съ веснушками; она старается посмѣшнѣе отвѣчать на мои вопросы и болтаетъ при этомъ ногами. Глаза у нея нехорошіе, мутные, и по испитому, апатичному лицу я могу судить, сколько на своемъ еще короткомъ вѣку переиспытала она тюремъ, этаповъ, болѣзней. Эта Лукерья задаетъ въ избѣ общій тонъ жизни и, благодаря ей, на всей обстановкѣ сказывается близость ошалѣлаго, безпутнаго бродяги. Тутъ ужь о серьезномъ хозяйствѣ не можетъ быть и рѣчи. Приходилось также заставать въ избѣ цѣлую компанію, которая до моего прихода играла въ карты; на лицахъ смущеніе, скука и ожиданіе: когда я уйду, чтобы опять можно было приняться за карты? Или входишь въ избу, и намека нѣтъ на мебель, печь голая, а на полу у стѣнъ рядышкомъ сидятъ черкесы, одни въ шапкахъ, другіе съ непокрытыми, стрижеными и, повидимому, очень жесткими головами, и смотрятъ на меня, не мигая. Если я заставалъ дома од-

ну только сожительницу, то обыкновенно она лежала въ постели, отвѣчала на мои вопросы, зѣвая и потягиваясь, и, когда я уходилъ, опять ложилась. Эта послѣдняя подробность относится, впрочемъ, къ одному только Александровскому округу.

Ссыльное населеніе смотрѣло на меня, какъ на лицо оффиціальное, а на перепись—какъ на одну изъ тѣхъ формальныхъ процедуръ, которыя здѣсь такъ часты и обыкновенно ни къ чему не ведутъ. Впрочемъ, то обстоятельство, что я не здѣшній, не сахалинскій чиновникъ, возбуждало въ ссыльныхъ нѣкоторое любопытство. Меня спрашивали:

— Зачѣмъ это вы всѣхъ насъ записываете?

И тутъ начинались разныя предположенія. Одни говорили, что, вѣроятно, высшее начальство хочетъ распредѣлить пособіе между ссыльными, другіе — что, должно быть, ужь рѣшили, наконецъ, переселять всѣхъ на материкъ,—а здѣсь упорно и крѣпко держится убѣжденіе, что рано или поздно каторга съ поселеніями будетъ переведена на материкъ,—третьи, прикидываясь скептиками, говорили, что они не ждутъ уже ничего хорошаго, такъ какъ отъ нихъ самъ Богъ отказался, и это для того, чтобы вызвать съ моей стороны возраженіе. А изъ сѣней или съ печки, какъ бы въ насмѣшку надъ всѣми этими надеждами и догадками, доносился голосъ, въ которомъ слышались усталость, скука и досада на безпокойство:

— И все они пишутъ, и все они пишутъ, и все они пишутъ, Царица Небесная!

Голодать и вообще терпѣть какія-либо лишенія во время моихъ разъѣздовъ по Сахалину мнѣ не приходилось. Я читалъ, будто агрономъ Мицуль, изслѣдуя островъ, терпѣлъ такую нужду, что вынужденъ былъ съѣсть свою собаку. Но съ тѣхъ поръ обстоятельства значительно измѣнились. Теперешній агрономъ ѣздитъ по отличнымъ дорогамъ; даже въ самыхъ бѣдныхъ селеніяхъ есть надзирательскія или такъ называемые станки, гдѣ всегда можно найти теплое помѣщеніе, самоваръ и постель. Изслѣдователи, когда отправляются въ глубь острова, въ тайгу, то берутъ съ собой американскіе консервы, красное вино, тарелки, вилки, подушки и все, что только можно взвалить на плечи каторжнымъ, замѣняющимъ на Сахалинѣ вьючныхъ животныхъ. Случается и теперь, что люди питаются гнилушками съ солью и даже поѣдаютъ другъ друга, но это относится не къ туристамъ и не къ чиновникамъ.

Въ слѣдующихъ главахъ я буду описывать посты и селенія и попутно знакомить читателя съ каторжными работами и тюрьмами, поскольку я самъ успѣлъ познакомиться съ ними въ короткое время. На Сахалинѣ каторжныя работы разнообразны въ высшей степени; онѣ не спеціализировались на золотѣ или углѣ, а обнимаютъ весь обиходъ сахалинской жизни и разбросаны по всѣмъ населен нымъ мѣстамъ острова. Корчовка лѣса, построй-

ки, осушка болотъ, рыбныя ловли, сѣнокосъ, нагрузка пароходовъ,—все это виды каторжныхъ работъ, которыя по необходимости до такой степени слились съ жизнью колоніи, что выдѣлять ихъ и говорить о нихъ, какъ о чемъ-то самостоятельно существующемъ на островѣ, можно развѣ только при извѣстномъ рутинномъ взглядѣ на дѣло, который на каторгѣ ищетъ, прежде всего, рудниковъ и заводскихъ работъ.

Я начну съ Александровской долины, съ селеній, расположенныхъ по рѣкѣ Дуйкѣ. На Сѣверномъ Сахалинѣ эта долина была первая избрана для поселеній не потому, что она лучше всѣхъ изслѣдована или отвѣчаетъ цѣлямъ колонизаціи, а просто случайно, благодаря тому обстоятельству, что она была ближайшей къ Дуэ, гдѣ впервые возникла каторга.

IV.

Рѣка Дуйка.— Александровская долина.— Слободка Александровка.— Бродяга Красивый.—Александровскій постъ.—Его прошлое.—Юрты.— Сахалинскій Парижъ.

Дуйка или, какъ ее иначе называютъ, Александровка въ 1881 г., когда ее изслѣдовалъ зоологъ Поляковъ, въ своемъ нижнемъ теченіи имѣла до десяти саженей въ ширину, на берега ея были намыты громадныя кучи деревьевъ, обрушившихся въ воду, низина во многихъ мѣстахъ была покрыта старымъ лѣсомъ изъ пихты, лиственницы, ольхи и лѣсной ивы и кругомъ стояло не-

проходимое топкое болото. Въ настоящее же время эта рѣка имѣетъ видъ длинной узкой лужи. Шириной, совершенно голыми берегами и своимъ слабымъ теченіемъ она напоминаетъ московскую Канаву.

Надо прочесть у Полякова описаніе Александровской долины и взглянуть на нее теперь, хотя мелькомъ, чтобы понять, какая масса тяжкаго, во-истину каторжнаго труда уже потрачена на культуру этого мѣста. «Съ высоты сосѣднихъ горъ,— пишетъ Поляковъ,— Александровская долина кажется спертою, глухою и лѣсистою... огромный хвойный лѣсъ покрываетъ значительныя пространства на днѣ ея». Онъ описываетъ болота, непроходимыя трясины, отвратительную почву и лѣса, гдѣ, «кромѣ громадныхъ, стоящихъ на корню деревьевъ, почва нерѣдко усѣяна огромными полусгнившими стволами, свалившимися отъ старости или отъ бурь; между стволами у корней деревьевъ торчатъ часто кочки, заросшія мхомъ, рядомъ съ ними ямы и рытвины». Теперь же на мѣстѣ тайги, трясинъ и рытвинъ стоитъ цѣлый городъ, проложены дороги, зеленѣютъ луга, ржаныя поля и огороды, и слышатся уже жалобы на недостатокъ лѣсовъ. Къ этой массѣ труда и борьбы, когда въ трясинѣ работали по поясъ въ водѣ, прибавить морозы, холодные дожди, тоску по родинѣ, обиды, розги и—въ воображеніи встанутъ страшныя фигуры. И не даромъ одинъ сахалинскій чиновникъ, добрякъ, всякій разъ, когда мы вдвоемъ ѣхали куда-нибудь, читалъ мнѣ некрасовскую *Желѣзную дорогу*.

Около самаго устья въ Дуйку, съ правой стороны, впадаетъ небольшая рѣчка, которая называется Малою Александровкой. По обѣ ея стороны расположено *селеніе Александровское* или Слободка. О ней я уже упоминалъ. Она составляетъ предмѣстье поста и уже слилась съ нимъ, но такъ какъ она отличается отъ него нѣкоторыми особенностями и живетъ самостоятельно, то о ней слѣдуетъ говорить особо. Это одно изъ самыхъ старыхъ селеній. Колонизація началась здѣсь вскорѣ послѣ учрежденія въ Дуэ каторжныхъ работъ. Выбрать именно это мѣсто, а не какое-нибудь другое, побудили, какъ пишетъ Мицуль, роскошные луга, хорошій строевой лѣсъ, судоходная рѣка, плодородная земля... «Повидимому,— пишетъ этотъ фанатикъ, видѣвшій въ Сахалинѣ обѣтованную землю,— нельзя было и сомнѣваться въ успѣшномъ исходѣ колонизаціи, но изъ 8 человѣкъ, высланныхъ съ этою цѣлью на Сахалинъ въ 1862 г., только 4 поселились около рѣки Дуйки». Но что могли сдѣлать эти 4? Они обрабатывали землю киркой и заступомъ, сѣяли, случалось, весной, вмѣсто яровыхъ, озимые, и кончили тѣмъ, что стали проситься на материкъ. Въ 1869 г. на мѣстѣ Слободки была основана сельско-хозяйственная ферма. Тутъ предполагалось рѣшить очень важный вопросъ: возможно ли разсчитывать на успѣшность примѣненія къ сельскому хозяйству принудительнаго труда ссыльныхъ? Каторжные въ теченіе трехъ лѣтъ корчевали, строили дома, осушали болота, проводили дороги и занимались хлѣбопаше-

ствомъ, но по отбытіи срока не пожелали остаться здѣсь и обратились къ генералъ-губернатору съ просьбой о переводѣ ихъ на материкъ, такъ какъ хлѣбопашество не давало ничего, а заработковъ не было. Просьба ихъ была уважена. Но то, что называлось фермой, продолжало существовать. Дуйскіе каторжные съ теченіемъ времени становились поселенцами, изъ Россіи прибывали каторжные съ семьями, которыхъ нужно было сажать на землю; приказано было считать Сахалинъ землею плодородною и годною для сельско-хозяйственной колоніи, и гдѣ жизнь не могла привиться естественнымъ порядкомъ, тамъ она мало-по-малу возникла искусственнымъ образомъ, принудительно, цѣной крупныхъ денежныхъ затратъ и человѣческихъ силъ. Въ 1879 г. д-ръ Августиновичъ засталъ уже въ Слободкѣ 28 домовъ *).

Въ настоящее время въ Слободкѣ 15 хозяйствъ. Дома здѣсь крытые тесомъ, просторные, иногда въ нѣсколько комнатъ, хорошія надворныя постройки, при усадьбахъ огороды. На каждые два дома приходитса одна баня. Вотъ данныя, взятыя мною изъ подворныхъ описей, касающіяся нѣкоторыхъ хозяевъ:

Рачковъ, крестьянинъ изъ ссыльныхъ, имѣетъ подъ пашней $5^1/_2$ и подъ картофелемъ 1 десятину, 2-хъ лошадей, 2-хъ коровъ, посѣялъ въ этомъ (1890) году пше-

*) *Августиновичъ:* „Нѣсколько свѣдѣній о Сахалинѣ“. Извлеченіе изъ путевого журнала. *Современность* 1880 г., № 1. Есть еще его статья *Пребываніе на о. Сахалинѣ. Правительств. Вѣстникъ* 1879 г., № 276.

ницы 35 п., ячменя 5 п., овса 15 п., картофеля 50 п. и 18 грядъ капусты.

Шустовъ, поселенецъ—подъ пашней $4^1/_2$, подъ картофелемъ $^1/_2$ дес., 3 лошади, 4 коровы; посѣялъ пшеницы 30 п., овса 12 п. и картофеля 100 п.

Замойтисъ, крестьянинъ изъ ссыльныхъ—два дома, подъ пашней $4^3/_4$, подъ картофелемъ $^3/_4$ дес., 2 лошади, 2 коровы; посѣялъ пшеницы 35 п., овса 10 п., картофеля 40 п.

Петровскій, крестьянинъ изъ ссыльныхъ — 3 дома, подъ пашней $5^1/_2$, подъ картофелемъ 1 дес., 2 лошади, 3 коровы, 4 телки; посѣялъ пшеницы 35 п., овса 20 п., картофеля 50 п.

Всего показано въ описи подъ пашней $39^3/_4$, подъ сѣнокосомъ $24^1/_2$ дес. Лошадей 23 и рогатаго скота, крупнаго и мелкаго, 47.

По составу своихъ хозяевъ Слободка считается аристократическимъ селеніемъ: одинъ надворный совѣтникъ, женатый на дочери поселенца, одинъ свободный, прибывшій на островъ за матерью каторжною, семь крестьянъ изъ ссыльныхъ, четыре поселенца и только два каторжныхъ.

Изъ 22 семей, живущихъ здѣсь, только 4 незаконныя. И по возрастному составу населенія Слободка приближается къ нормальной деревнѣ; рабочій возрастъ не преобладаетъ такъ рѣзко, какъ въ другихъ селеніяхъ; тутъ есть и дѣти, и юноши, и старики старше 65 и даже 75 лѣтъ.

Чѣмъ же, спрашивается, объяснить такое сравнительно благополучное состоянiе Слободки даже въ виду заявленiй самихъ же мѣстныхъ хозяевъ, что «хлѣбопашествомъ здѣсь не проживешь»? Въ отвѣтъ можно бы указать на нѣсколько причинъ, которыя при обычныхъ условiяхъ располагаютъ къ правильной, осѣдлой, зажиточной жизни. Напримѣръ, большой процентъ старожиловъ, прибывшихъ на Сахалинъ до 1880 года и уже успѣвшихъ привыкнуть къ здѣшней землѣ и освоиться. Очень важно также, что за 19-ю прибыли на Сахалинъ ихъ супруги, почему почти всѣ садившiеся на участки были уже женаты. Женщинъ сравнительно достаточно, такъ что одиноко живущихъ только 9, причемъ ни одинъ не живетъ бобылемъ. Вообще Слободкѣ посчастливилось въ случайныхъ обстоятельствахъ и, какъ на одно изъ нихъ, можно еще указать на высокiй процентъ грамотныхъ: 26 мужчинъ и 11 женщинъ. Но все это не даетъ полнаго отвѣта на вопросъ. Не говоря о надворномъ совѣтникѣ, занимающемъ на Сахалинѣ должность землемѣра, почему хозяева свободнаго состоянiя и крестьяне изъ ссыльныхъ не уходятъ на материкъ, если имѣютъ на то право? Если, какъ говорятъ, удерживаютъ ихъ въ Слободкѣ успѣхи въ сельскомъ хозяйствѣ, то это относится не ко всѣмъ. Слободскiе сѣнокосы и пахотная земля находятся въ пользованiи не у всѣхъ хозяевъ, а только у нѣкоторыхъ. Луга и скотъ есть только у 8 хозяевъ, пашутъ землю 12. Во всякомъ случаѣ, размѣры сельскаго хозяй-

ства здѣсь не настолько серьезны, чтобы ими можно было объяснить исключительно хорошее экономическое положеніе. Постороннихъ заработковъ нѣтъ никакихъ, ремеслами не занимаются и одинъ лишь Л., бывшій офицеръ, имѣетъ лавочку. Оффиціальныхъ данныхъ, которыя бы объяснили, почему жители Слободки богаты, тоже нѣтъ, и потому за рѣшеніемъ загадки поневолѣ приходится обратиться къ единственному въ этомъ случаѣ источнику—къ дурной славѣ. Въ прежнее время въ Слободкѣ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ производилась тайная торговля спиртомъ. На Сахалинѣ строго запрещены ввозъ и продажа спирта, и это создало особый видъ контрабанды. Спиртъ привозили и въ жестянкахъ, имѣвшихъ форму сахарной головы, и въ самоварахъ, и чуть ли не въ поясахъ, а чаще всего просто въ бочкахъ и въ обыкновенной посудѣ, такъ какъ мелкое начальство было подкуплено, а крупное смотрѣло сквозь пальцы. Въ Слободкѣ бутылка плохой водки продавалась за 6 и даже 10 рублей; всѣ тюрьмы Сѣвернаго Сахалина получали водку именно отсюда. Не брезговали ею и горькіе пьяницы изъ чиновниковъ; я знаю одного такого, который во время запоя за бутылку спирта отдавалъ арестантамъ буквально послѣднее.

Въ настоящее время насчетъ спирта въ Слободкѣ стало гораздо потише. Теперь поговариваютъ о другомъ промыслѣ — о торговлѣ старыми арестантскими вещами — «барахломъ». Скупаютъ за безцѣнокъ халаты, рубахи,

полушубки, обувь и всю эту рвань сплавляютъ для сбыта въ Николаевскъ. Затѣмъ еще тайныя ссудныя кассы. Баронъ А. Н. Корфъ какъ-то въ разговорѣ назвалъ Александровскій постъ сахалинскимъ Парижемъ. Все, что есть въ этомъ шумномъ и голодномъ Парижѣ увлекающагося, пьянаго, азартнаго, слабаго, когда хочется выпить или сбыть краденое, или продать душу нечистому, идетъ именно въ Слободку.

На пространствѣ между морскимъ берегомъ и постомъ, кромѣ рельсовой дороги и только что описанной Слободки, есть еще одна достопримѣчательность. Это перевозъ черезъ Дуйку. На водѣ, вмѣсто лодки или парома, большой, совершенно квадратный ящикъ. Капитаномъ этого единственнаго въ своемъ родѣ корабля состоитъ каторжный Красивый, не помнящій родства. Ему уже 71 годъ. Горбатъ, лопатки выпятились, одно ребро сломано, на рукѣ нѣтъ большого пальца и на всемъ тѣлѣ рубцы отъ плетей и шпицрутеновъ, полученныхъ имъ когда-то. Сѣдыхъ волосъ почти нѣтъ; волосы какъ бы полиняли, глаза голубые, ясные, съ веселымъ добродушнымъ взглядомъ. Одѣтъ въ лохмотья и босъ. Очень подвиженъ, говорливъ и любитъ посмѣяться. Въ 1855 г. онъ бѣжалъ изъ военной службы «по глупости» и сталъ бродяжить, называя себя не помнящимъ родства. Его задержали и отправили въ Забайкалье, какъ онъ говоритъ, въ козаки.

— Я тогда думалъ, — разсказывалъ онъ мнѣ, — что въ Сибири люди подъ землей живутъ, взялъ и убѣжалъ

по дорогѣ изъ Тюмени. Дошелъ до Камышлова, тамъ меня задержали и присудили, ваше высокоблагородіе, на 20 лѣтъ въ каторгу и къ 90 плетямъ. Послали въ Кару, влѣпили тамъ эти самыя плети, а оттуда сюда на Сахàлинъ въ Корсаковъ; я изъ Корсакова бѣжалъ съ товарищемъ, но дошелъ только до Дуи: тутъ заболѣлъ, не смогъ дальше идти. А товарищъ до Благовѣщенска дошелъ. Теперь ужь я отслуживаю второй срокъ, а всего живу тутъ на Сахàлинѣ 22 года. И преступленія моего было всего, что изъ военной службы ушелъ.

— Зачѣмъ же ты теперь скрываешь свое настоящее имя? Какая надобность?

— Лѣтось я сказывалъ чиновнику свое имя.

— И что же?

— Да ничего. Чиновникъ говоритъ: «Пока справки дѣлать будемъ, такъ ты помрешь. Живи и такъ. На что тебѣ?» Это правда, безъ ошибки... Все равно жить не долго. А, все-таки, господинъ хорошій, родные узнали бы, гдѣ я.

— Какъ тебя зовутъ?

— Мое здѣшнее имя Игнатьевъ Василій, ваше высокоблагородіе.

— А настоящее?

Красивый подумалъ и сказалъ:

— Никита Трофимовъ. Я Скопинскаго уѣзда, Рязанской губерніи.

Сталъ я переправляться въ коробочкѣ черезъ рѣку.

Красивый упирается длиннымъ шестомъ о дно и при этомъ напрягается все его тощее, костистое тѣло. Работа не легкая.

— А тебѣ небось тяжело?

— Ничего, ваше высокоблагородіе, меня никто въ шею не гонитъ, я легонько.

Онъ разсказываетъ, что на Сахалинѣ за всѣ 22 года онъ ни разу не былъ сѣченъ и ни разу не сидѣлъ въ карцерѣ.

— Потому что посылаютъ лѣсъ пилить—иду, даютъ вотъ эту палку въ руки—беру, велятъ печи въ канцеляріи топить—топлю. Повиноваться надо. Жизнь, нечего Бога гнѣвить, хорошая. Слава тебѣ Господи!

Лѣтомъ онъ живетъ въ юртѣ около перевоза. Въ юртѣ у него лохмотья, каравай хлѣба, ружье и спертый, кислый запахъ. На вопросъ, для чего ему ружье, говоритъ— отъ воровъ и куликовъ стрѣлять — и смѣется. Ружье испорчено и стоитъ тутъ только для виду. Зимою превращается онъ въ дровотаска и живетъ въ конторѣ на пристани. Однажды я видѣлъ, какъ онъ, высоко подсучивъ панталоны и показывая свои жилистыя, лиловыя ноги, тащилъ съ китайцемъ сѣть, въ которой серебрились горбуши, каждая величиною съ нашего судака. Я окликнулъ его и онъ радостно отвѣтилъ мнѣ.

Александровскій постъ основанъ въ 1881 г. Одинъ чиновникъ, который живетъ на Сахалинѣ уже 10 лѣтъ, говорилъ мнѣ, что когда онъ въ первый разъ пріѣхалъ

въ Александровскій постъ, то едва не утонулъ въ болотѣ. Іеромонахъ Ираклій, проживавшій до 1886 г. въ Александровскомъ посту, разсказывалъ, что вначалѣ тутъ было только три дома и въ небольшой казармѣ, гдѣ теперь живутъ музыканты, помѣщалась тюрьма. На улицахъ были пни. Тамъ, гдѣ теперь кирпичный заводъ, въ 1882 г. охотились на соболей. Для церкви о. Ираклію была предложена надзирательская будка, но онъ отказался отъ нея, ссылаясь на тѣсноту. Въ хорошую погоду служилъ онъ на площади, а въ дурную—въ казармѣ или гдѣ придется, одну обѣдницу.

— Служишь, а тутъ бряцанье кандаловъ,—разсказывалъ онъ, шумъ, жаръ отъ котла. Тутъ «слава святей единосущней», а рядомъ—«растакую твою»...

Настоящій ростъ Александровска начался съ изданія новаго положенія Сахалина, когда было учреждено много новыхъ должностей, въ томъ числѣ одна генеральская. Для новыхъ людей и ихъ канцелярій понадобилось новое мѣсто, такъ какъ въ Дуэ, гдѣ до того времени находилось управленіе каторгой, было тѣсно и мрачно. Въ шести верстахъ отъ Дуэ на открытомъ мѣстѣ уже стояла Слободка, была уже на Дуйкѣ тюрьма, и вотъ по сосѣдству мало-по-малу стала вырастать резиденція: помѣщенія для чиновниковъ и канцелярій, церковь, склады, лавки и проч. И возникло то, безъ чего Сахалинъ обойтись бы не могъ, а именно городъ, сахалинскій Парижъ, гдѣ находитъ себѣ соотвѣтствующія общество и обстановку,

и кусокъ хлѣба городская публика, которая можетъ дышать только городскимъ воздухомъ и заниматься только городскими дѣлами.

Разныя постройки, раскорчевка и осушеніе почвы производились каторжными. До 1888 года, пока не была выстроепа теперешняя тюрьма, жили они тутъ въ юртахъ-землянкахъ. Это были срубы, врытые въ землю на 2—$2^1/_2$ аршина, съ двухскатными земляными крышами. Окна были маленькія, узкія, въ уровень съ почвою, было темно, особенно зимою, когда юрты заносило снѣгомъ. Отъ поднятія почвенной воды иногда до пола, отъ постояннаго застоя влаги въ земляныхъ крышахъ и въ рыхлыхъ гніющихъ стѣнахъ сырость въ этихъ погребахъ была ужасная. Спали люди въ полушубкахъ. Почва вокругъ, а также и колодезь съ водой были постоянно загрязняемы человѣческими испражненіями и всякими отбросами, такъ какъ отхожихъ мѣстъ и мусорныхъ ямъ не было вовсе. Въ юртахъ каторжные жили со своими женами и дѣтьми.

Въ настоящее время Александровскъ занимаетъ на планѣ площадь около двухъ квадратныхъ верстъ; но такъ какъ онъ уже слился со Слободкой и одною своею улицей подходитъ къ селенію Корсаковскому, чтобы въ самомъ недалекомъ будущемъ слиться съ нимъ, то размѣры его въ самомъ дѣлѣ болѣе внушительны. Онъ имѣетъ нѣсколько прямыхъ, широкихъ улицъ, которыя, однако, называются не улицами, а по старой памяти слободками. На Сахалинѣ есть манера давать названія улицамъ въ

честь чиновниковъ еще при ихъ жизни; называютъ улицы не только по фамиліямъ, но даже по именамъ и отчествамъ *). Но по какой-то счастливой случайности Александровскъ не увѣковѣчилъ еще ни одного чиновника и улицы его сохранили до сихъ поръ названіе слободокъ, изъ которыхъ онѣ когда-то образовались: Кирпичная, Пейсиковская, Касьяновская, Писарская, Солдатская. Происхожденіе всѣхъ этихъ названій понять не трудно, кромѣ Пейсиковской. Говорятъ, будто она названа такъ каторжными въ честь пейсовъ еврея, который торговалъ здѣсь, когда еще на мѣстѣ слободки была тайга; по другой же версіи, жила тутъ и торговала поселка Пейсикова.

На улицахъ деревянные тротуары, всюду чистота и порядокъ, и даже на отдаленныхъ улицахъ, гдѣ тѣснится бѣднота, нѣтъ лужъ и мусорныхъ кучъ. Главную суть поста составляетъ его оффиціальная часть: церковь, домъ начальника острова, его канцелярія, почтово-телеграфная контора, полицейское управленіе съ типографіей, домъ начальника округа, лавка колонизаціоннаго фонда, военныя казармы, тюремная больница, военный лазаретъ, строющаяся мечеть съ минаретомъ, казенные дома, въ которыхъ квартируютъ чиновники, и ссыльно-каторжная тюрьма съ ея многочисленными складами и мастерскими. Дома большею частью новые, на европейскій ладъ, кры-

*) Если, положимъ, чиновника зовутъ Иваномъ Петровичемъ Кузнецовымъ, то одну улицу называютъ Кузнецовской, другую Ивановской, а третью Иваново-Петровской.

тые желѣзомъ и часто выкрашенные снаружи. На Сахалинѣ нѣтъ известки и хорошаго камня, и потому каменныхъ построекъ нѣтъ.

Если не считать квартиръ чиновниковъ и офицеровъ и Солдатской слободки, гдѣ живутъ солдаты, женатые на свободныхъ,—элементъ подвижной, мѣняющійся здѣсь ежегодно,—то всѣхъ хозяйствъ въ Александровскѣ 298. Жителей 1,499: изъ нихъ мужчинъ 923, женщинъ 576. Если сюда прибавить свободное населеніе, военную команду и тѣхъ каторжныхъ, которые ночуютъ въ тюрьмѣ и не участвуютъ въ хозяйствахъ, то получится цифра около 3,000. Въ сравненіи съ Слободкой здѣсь очень мало крестьянъ, но за то каторжные составляютъ треть всего числа хозяевъ. Уставъ о ссыльныхъ разрѣшаетъ жить внѣ тюрьмы, а, стало быть, и обзаводиться хозяйствомъ только каторжнымъ разряда исправляющихся, но этотъ законъ постоянно обходится въ виду его непрактичности; въ избахъ живутъ не одни только исправляющіеся, но также испытуемые, долгосрочные и даже безсрочные. Не говоря уже о писаряхъ, чертежникахъ и хорошихъ мастерахъ, которымъ по роду ихъ занятій жить въ тюрьмѣ не приходится, на Сахалинѣ не мало семейныхъ каторжниковъ, мужей и отцовъ, которыхъ не практично было бы держать въ тюрьмахъ отдѣльно отъ ихъ семей: это вносило бы не малую путаницу въ жизнь колоніи. Пришлось бы держать семьи тоже въ тюрьмахъ, или же продовольствовать ихъ квартирой и пищей на

счетъ казны, или же удерживать на родинѣ все время, пока отецъ семейства отбываетъ каторгу.

Каторжные разряда испытуемыхъ живутъ въ избахъ и часто поэтому несутъ болѣе слабое наказаніе, чѣмъ исправляющіеся. Тутъ рѣзко нарушается идея равномѣрности наказанія, но этотъ безпорядокъ находитъ себѣ оправданіе въ тѣхъ условіяхъ, изъ которыхъ сложилась жизнь колоніи, и, къ тому же, онъ легко устранимъ: стòитъ только перевести изъ тюрьмы въ избы остальныхъ арестантовъ. Но, говоря о семейныхъ каторжныхъ, нельзя мириться съ другимъ безпорядкомъ—съ неразсчетливостью администраціи, съ какою она разрѣшаетъ десяткамъ семействъ селиться тамъ, гдѣ нѣтъ ни усадебной, ни пахотной земли, ни сѣнокосовъ, въ то время какъ въ селеніяхъ другихъ округовъ, поставленныхъ въ этомъ отношеніи въ болѣе благопріятныя условія, хозяйничаютъ только бобыли и хозяйства не задаются вовсе благодаря недостатку женщинъ. Въ Южномъ Сахалинѣ, гдѣ урожай бываетъ ежегодно, есть селенія, въ которыхъ нѣтъ ни одной женщины, между тѣмъ, въ сахалинскомъ Парижѣ однѣхъ лишь женщинъ свободнаго состоянія, прибывшихъ за мужьями добровольно изъ Россіи, живетъ 158.

Въ Александровскѣ уже нѣтъ усадебной земли. Въ прежнее время, когда было просторно, давали подъ усадьбы 100—200 и даже 500 квадратныхъ саженъ, теперь же сажаютъ на 12 и даже на 9 и 8. Я сосчиталъ

161 хозяйства, которыя ютятся со своими стройками и огородами на усадьбахъ, имѣющихъ каждая не болѣе 20 кв. саженъ. Виноваты въ этомъ, главнымъ образомъ, естественныя условія Александровской долины: двигаться назадъ къ морю нельзя, не годится здѣсь почва, съ боковъ постъ ограниченъ горами, а впередъ онъ можетъ рости теперь только въ одномъ направленіи, вверхъ по теченію Дуйки, по такъ называемой Корсаковской дорогѣ: здѣсь усадьбы тянутся въ одинъ рядъ и тѣсно жмутся другъ къ другу.

По даннымъ подворной описи, пахотною землей пользуются только 36 хозяевъ, а сѣнокосомъ только 9. Величина участковъ пахотной земли колеблется между 300 саж. и 1 десятиной. Картофель сажаютъ почти всѣ. Лошади есть только у 16, а коровы у 38, причемъ скотъ держатъ крестьяне и поселенцы, занимающіеся не хлѣбопашествомъ, а торговлей. Изъ этихъ немногихъ цифръ слѣдуетъ заключить, что хозяйства въ Александровскѣ держатся не на хлѣбопашествѣ. Какою слабою притягательною силой обладаетъ здѣшняя земля, видно уже изъ того, что здѣсь почти совсѣмъ нѣтъ хозяевъ-старожиловъ. Изъ тѣхъ, которые сѣли на участокъ въ 1881 г., не осталось ни одного; съ 1882 г. сидятъ только 6, съ 1883 г.—4, съ 1884 г.—13, съ 1885 г.—68 человѣкъ. Значитъ, остальные 207 хозяевъ сѣли послѣ 1885 года. Судя по очень малому числу крестьянъ, — ихъ только 19,—нужно заключить, что каж-

дый хозяинъ сидитъ на участкѣ столько времени, сколько нужно ему для полученія крестьянскихъ правъ, т.-е. права бросить хозяйство и уѣхать на материкъ.

Вопросъ, на какія средства существуетъ населеніе Александровска, до сихъ поръ остается для меня не вполнѣ рѣшеннымъ. Допустимъ, что хозяева со своими женами и дѣтьми, какъ ирландцы, питаются однимъ картофелемъ и что имъ хватаетъ его на круглый годъ; но что ѣдятъ тѣ 241 поселенцевъ и 358 каторжныхъ обоего пола, которые проживаютъ въ избахъ въ качествѣ сожителей, сожительницъ, жильцовъ и работниковъ? Правда, почти половина населенія получаетъ пособіе отъ казны въ видѣ арестантскихъ пайковъ и дѣтскихъ кормовыхъ. Есть и заработки. Болѣе ста человѣкъ заняты въ казенныхъ мастерскихъ и въ канцеляріяхъ. У меня отмѣчено на карточкахъ не мало мастеровъ, безъ которыхъ не обойтись въ городѣ: столяры, обойщики, ювелиры, часовые мастера, портные и т. п. Въ Александровскѣ за подѣлки изъ дерева и металловъ платятъ очень дорого, а давать «на чай» не принято меньше рубля. Но чтобы изо дня въ день вести городскую жизнь, достаточно ли арестантскихъ пайковъ и мелкихъ заработковъ, очень жалкихъ? Предложеніе труда мастеровъ несоизмѣримо превышаетъ спросъ, а чернорабочіе, напримѣръ, плотники, работаютъ за 10 коп. въ день на своихъ харчахъ. Населеніе здѣсь перебивается кое-какъ, но оно, тѣмъ не менѣе, все-таки, каждый день пьетъ чай, куритъ турец-

кій табакъ, ходитъ въ вольномъ платьѣ, платитъ за квартиры; оно покупаетъ дома у крестьянъ, отъѣзжающихъ на материкъ, и строитъ новые. Около него бойко торгуютъ лавочки и наживаютъ десятки тысячъ разные кулаки, выходящіе изъ арестантской среды.

Тутъ много неяснаго, и я остановился на предположеніяхъ, что въ Александровскѣ поселяются большею частью тѣ, которые пріѣзжаютъ сюда изъ Россіи съ деньгами, и что для населенія большимъ подспорьемъ въ жизни служатъ нелегальныя средства. Покупка арестантскихъ вещей и сбытъ ихъ большими партіями въ Николаевскъ, эксплуатація инородцевъ и новичковъ-арестантовъ, тайная торговля спиртомъ, дача денегъ въ ссуду за очень высокіе проценты, азартная игра въ карты на большіе куши, — этимъ занимаются мужчины. А женщины, ссыльныя и свободныя, добровольно пришедшія за мужьями, промышляютъ развратомъ. Когда одну женщину свободнаго состоянія спросили на слѣдствіи, откуда у нея деньги, она отвѣтила: «Заработала своимъ тѣломъ».

Всѣхъ семей 332: изъ нихъ законныхъ 185 и свободныхъ 147. Сравнительно большое количество семейныхъ объясняется не какими-либо особенностями хозяйствъ, располагающими къ семейной, домовитой жизни, а случайностями: легкомысліемъ мѣстной администраціи, сажающей семейныхъ на участки въ Александровскѣ, а не въ болѣе подходящемъ для этого мѣстѣ, и тою сравни-

тельною легкостью, съ какою здѣшній поселенецъ, благодаря своей близости къ начальству и тюрьмѣ, получаетъ женщину. Если жизнь возникла и течетъ не обычнымъ естественнымъ порядкомъ, а искуственно, и если ростъ ея зависитъ не столько отъ естественныхъ и экономическихъ условій, сколько отъ теорій и произвола отдѣльныхъ лицъ, то подобныя случайности подчиняютъ ее себѣ существенно и неизбѣжно и становятся для этой искусственной жизни какъ бы законами.

V.

Александровская ссыльно-каторжная тюрьма.—Общія камеры. — Кандальныя. — Золотая Ручка.— Отхожія мѣста.—Майданъ.— Каторжныя работы въ Александровскѣ.—Прислуга.—Мастерскія.

Въ Александровской ссыльно-каторжной тюрьмѣ я былъ вскорѣ послѣ пріѣзда *). Это большой четырехъугольный дворъ, огороженный шестью деревянными бараками казарменнаго типа и заборомъ между ними. Ворота всегда открыты и около нихъ ходитъ часовой. Дворъ чисто подметенъ; на немъ нигдѣ не видно ни камней, ни мусора, ни отбросовъ, ни лужъ отъ помоевъ. Эта примѣрная чистота производитъ хорошее впечатлѣніе.

*) Лучшая характеристика русскихъ тюремъ вообще сдѣлана Н. В. Муравьевымъ въ его статьѣ: *Наши тюрьмы и тюремный вопросъ* (*Русскій Вѣстникъ* 1878 г., кн. IV). О сибирскихъ тюрьмахъ, послужившихъ прототипомъ для сахалинскихъ, см. изслѣдованіе С. В. Максимова: *Сибирь и каторга*.

Двери у всѣхъ корпусовъ открыты настежъ. Я вхожу въ одну изъ дверей. Небольшой корридоръ. Направо и налѣво двери, ведущія въ общія камеры. Надъ дверями черныя дощечки съ бѣлыми надписями: «Казарма № такой-то. Кубическаго содержанія воздуха столько-то. Помѣщается каторжныхъ столько-то». Прямо въ тупикѣ корридора тоже дверь, ведущая въ небольшую каморку: здѣсь два политическихъ, въ разстегнутыхъ жилеткахъ и въ чиркахъ на босую ногу, торопливо мнутъ перину, набитую соломой; на подоконникѣ книжка и кусокъ чернаго хлѣба. Сопровождающій меня начальникъ округа объясняетъ мнѣ, что этимъ двумъ арестантамъ было разрѣшено жить внѣ тюрьмы, но они, не желая отличаться отъ другихъ каторжныхъ, не воспользовались этимъ разрѣшеніемъ.

— Смирно! Встать!—раздается крикъ надзирателя.

Входимъ въ камеру. Помѣщеніе на видъ просторное, вмѣстимостью около 200 куб. саженъ. Много свѣта, окна открыты. Стѣны некрашенныя, занозистыя, съ паклею между бревенъ, темныя; бѣлы однѣ только голландскія печи. Полъ деревянный, некрашенный, совершенно сухой. Вдоль всей камеры по серединѣ ея тянется одна сплошная нара, со скатомъ на обѣ стороны, такъ что каторжные спятъ въ два ряда, причемъ головы одного ряда обращены къ головамъ другого. Мѣста для каторжныхъ не нумерованы, ничѣмъ не отдѣлены одно отъ другого, и потому на нарахъ можно помѣстить 70 человѣкъ

и 170. Постелей совсѣмъ нѣтъ. Спятъ на жесткомъ или подстилаютъ подъ себя старые драные мѣшки, свою одежду и всякое гнилье, чрезвычайно непривлекательное на видъ. На нарахъ лежатъ шапки, обувь, кусочки хлѣба, пустыя бутылки изъ-подъ молока, заткнутыя бумажкой или тряпочкой, сапожныя колодки; подъ нарами сундучки, грязные мѣшки, узлы, инструменты и разная ветошь. Около наръ прогуливается сытая кошка. На стѣнахъ виситъ одежа, котелки, инструменты, на полкахъ чайники, хлѣбъ, ящички съ чѣмъ-то.

На Сахалинѣ свободные, при входѣ въ казармы, не снимаютъ шапокъ. Эта вѣжливость обязательна только для ссыльныхъ. Мы въ шапкахъ ходимъ около наръ, а арестанты стоятъ руки по швамъ и молча глядятъ на насъ. Мы тоже молчимъ и глядимъ на нихъ, и похоже на то, какъ будто мы пришли покупать ихъ. Мы идемъ дальше, въ другія камеры, и здѣсь та же ужасная нищета, которой такъ же трудно спрятаться подъ лохмотьями, какъ мухѣ подъ увеличительнымъ стекломъ, та же сарайная жизнь, въ полномъ смыслѣ нигилистическая, отрицающая собственность, одиночество, удобства, покойный сонъ.

Арестанты, живущіе въ Александровской тюрьмѣ, пользуются относительною свободой; они не носятъ кандаловъ, могутъ выходить изъ тюрьмы, въ продолженіе дня, куда угодно, безъ конвоя, не соблюдаютъ однообразія въ одеждѣ, а носятъ что придется, судя по погодѣ

и работѣ. Подслѣдственные, недавно возвращенные съ бѣговъ и временно арестованные по какому-либо случаю, сидятъ подъ замкомъ въ особомъ корпусѣ, который называется «кандальной». Самая употребительная угроза на Сахалинѣ такая: «Я посажу тебя въ кандальную». Входъ въ это страшное мѣсто стерегутъ надзиратели, и одинъ изъ нихъ рапортуетъ намъ, что въ кандальной все обстоитъ благополучно.

Гремитъ висячій замокъ, громадный, неуклюжій, точно купленный у антикварія, и мы входимъ въ небольшую камеру, гдѣ на этотъ разъ помѣщается человѣкъ 20, недавно возвращенныхъ съ бѣговъ. Оборванные, не мытые, въ кандалахъ, въ безобразной обуви, перепутанной тряпками и веревками; одна половина головы разлохмачена, другая, бритая, уже начинаетъ заростать. Всѣ они отощали и словно облѣзли, но глядятъ бодро. Постелей нѣтъ, спятъ на голыхъ нарахъ. Въ углу стоитъ «парашка»; каждый можетъ совершать свои естественныя надобности не иначе, какъ въ присутствіи 20 свидѣтелей. Одинъ проситъ, чтобы его отпустили, и клянется, что ужь больше не будетъ бѣгать; другой проситъ, чтобы сняли съ него кандалы; третій жалуется, что ему даютъ мало хлѣба.

Есть камеры, гдѣ сидятъ по-двое и по-трое, есть одиночныя. Тутъ встрѣчается не мало интересныхъ людей.

Изъ сидящихъ въ одиночныхъ камерахъ особенно обращаетъ на себя вниманіе извѣстная Софья Блюв-

штейнъ—Золотая Ручка, осужденная за побѣгъ изъ Сибири въ каторжныя работы на три года. Это маленькая, худенькая, уже сѣдѣющая женщина съ помятымъ, старушечьимъ лицомъ. На рукахъ у нея кандалы; на нарахъ одна только шубейка изъ сѣрой овчины, которая служитъ ей и теплою одеждой, и постелью. Она ходитъ по своей камерѣ изъ угла въ уголъ, и кажется, что она все время нюхаетъ воздухъ, какъ мышь въ мышеловкѣ, и выраженіе лица у нея мышиное. Глядя на нее, не вѣрится, что еще недавно она была красива до такой степени, что очаровывала своихъ тюремщиковъ, какъ, напримѣръ, въ Смоленскѣ, гдѣ надзиратель помогъ ей бѣжать и самъ бѣжалъ вмѣстѣ съ нею. На Сахалинѣ она въ первое время, какъ и всѣ присылаемыя сюда женщины, жила внѣ тюрьмы, на вольной квартирѣ; она пробовала бѣжать и нарядилась для этого солдатомъ, но была задержана. Пока она находилась на волѣ, въ Александровскомъ посту было совершено нѣсколько преступленій: убили лавочника Никитина, украли у поселенца еврея Юрковскаго 56 тысячъ. Во всѣхъ этихъ преступленіяхъ Золотая Ручка подозрѣвается и обвиняется, какъ прямая участница или пособница. Мѣстная слѣдственная власть запутала ее и самоё себя такою густою проволокой всякихъ несообразностей и ошибокъ, что изъ дѣла ея рѣшительно ничего нельзя понять. Какъ бы то ни было, 56 тысячъ еще не найдены и служатъ пока сюжетомъ для самыхъ разнообразныхъ фантастическихъ разсказовъ.

О кухнѣ, гдѣ при мнѣ готовился обѣдъ для 900 человѣкъ, о провизіи и о томъ, какъ ѣдятъ арестанты, я буду говорить въ особой главѣ. Теперь же скажу нѣсколько словъ объ отхожемъ мѣстѣ. Какъ извѣстно, это удобство у громаднаго большинства русскихъ людей находится въ полномъ презрѣніи. Въ деревняхъ отхожихъ мѣстъ совсѣмъ нѣтъ. Въ монастыряхъ, на ярмаркахъ, въ постоялыхъ дворахъ и на всякаго рода промыслахъ, гдѣ еще не установленъ санитарный надзоръ, они отвратительны въ высшей степени. Презрѣніе къ отхожему мѣсту русскій человѣкъ приноситъ съ собой и въ Сибирь. Изъ исторіи каторги видно, что отхожія мѣста всюду въ тюрьмахъ служили источникомъ удушливаго смрада и заразы и что населеніе тюремъ и администрація легко мирились съ этимъ. Въ 1872 г. на Карѣ, какъ писалъ г. Власовъ въ своемъ отчетѣ, при одной изъ казармъ совсѣмъ не было отхожаго мѣста и преступники выводились для естественной надобности на площадь, и это дѣлалось не по желанію каждаго изъ нихъ, а въ то время, когда собиралось нѣсколько человѣкъ. И такихъ примѣровъ я могъ бы привести сотню. Въ Александровской тюрьмѣ отхожее мѣсто, обыкновенная выгребная яма, помѣщается въ тюремномъ дворѣ въ отдѣльной пристройкѣ между казармами. Видно, что при устройствѣ его, прежде всего, старались, чтобъ оно обошлось возможно дешевле, но, все-таки, сравнительно съ прошлымъ замѣчается значительный прогрессъ. По крайней мѣрѣ, оно

не возбуждаетъ отвращенія. Помѣщеніе холодное и вентилируется деревянными трубами. Стойчаки устроены вдоль стѣнъ; на нихъ нельзя стоять, а можно только сидѣть, и это, главнымъ образомъ, спасаетъ здѣсь отхожее мѣсто отъ грязи и сырости. Дурной запахъ есть, но незначительный, маскируемый обычными снадобьями, вродѣ дегтя и корболки. Отперто отхожее мѣсто не только днемъ, но и ночью, и эта простая мѣра дѣлаетъ ненужными параши; послѣднія ставятся теперь только въ кандальной.

Около тюрьмы есть колодезь и по немъ можно судить о высотѣ почвенной воды. Вслѣдствіе особаго строенія здѣшней почвы, почвенная вода даже на кладбищѣ, которое расположено на горѣ у моря, стоитъ такъ высоко, что я въ сухую погоду видѣлъ могилы, на половину заполненныя водою. Почва около тюрьмы и во всемъ посту дренирована канавами, но не достаточно глубокими, и отъ сырости тюрьма совсѣмъ не обезпечена.

Въ хорошую теплую погоду, которая здѣсь бываетъ не часто, тюрьма вентилируется превосходно: окна и двери открываются настежь и арестанты большую часть дня проводятъ на дворѣ или далеко внѣ тюрьмы. Зимою же и въ дурную погоду, т.-е. въ среднемъ почти 10 мѣсяцевъ въ году, приходится довольствоваться только форточками и печами. Лиственичный и еловый лѣсъ, изъ котораго сдѣланы тюрьма и ея фундаментъ, представляетъ хорошую естественную вентиляцію, но не надеж-

ную; вслѣдствіе большой влажности сахалинскаго воздуха и изобилія дождей, а также испареній, идущихъ извнутри, въ порахъ дерева скопляется вода, которая зимою замерзаетъ. Тюрьма вентилируется слабо, а, между тѣмъ, на каждаго ея обитателя приходится не много воздуха. У меня въ дневникѣ записано: «Казарма № 9. Кубическаго содержанія воздуха 187 саж. Помѣщается каторжныхъ 65». Это въ лѣтнее время, когда ночуетъ въ тюрьмѣ только половина всѣхъ каторжныхъ. А вотъ цифры изъ медицинскаго отчета за 1888 г.: «Кубическая вмѣстимость арестантскихъ помѣщеній въ Александровской тюрьмѣ 970 саж.; числилось арестантовъ: наибольшее 1,950, наименьшее 1,623, среднее годовое 1,785; помѣщалось на ночлегъ 740; приходилось на одного человѣка воздуха 1,31 саж.». Наименьшее скопленіе каторжныхъ въ тюрьмѣ бываетъ въ лѣтніе мѣсяцы, когда они командируются въ округъ на дорожныя и полевыя работы, и наибольшее—осенью, когда они возвращаются съ работъ и «Доброволецъ» привозитъ новую партію въ 400—500 человѣкъ, которые живутъ въ Александровской тюрьмѣ впредь до распредѣленія ихъ по остальнымъ тюрьмамъ. Значитъ, меньше всего воздуха приходится на каждаго арестанта именно въ то время, когда вентиляція бываетъ наименѣе дѣйствительна.

Съ работъ, производимыхъ чаще въ ненастную погоду, каторжный возвращается въ тюрьму на ночлегъ въ промокшемъ платьѣ и въ грязной обуви; просушиться

ему негдѣ; часть одежи развѣшиваетъ онъ около наръ, другую, не давъ ей просохнуть, подстилаетъ подъ себя, вмѣсто постели. Тулупъ его издаетъ запахъ овчины, обувь пахнетъ кожей и дегтемъ. Его бѣлье, пропитанное насквозь кожными отдѣленіями, не просушенное и давно не мытое, перемѣшанное со старыми мѣшками и гніющими обносками, его портянки съ удушливымъ запахомъ пота, самъ онъ, давно не бывшій въ банѣ, полный вшей, курящій дешевый табакъ, постоянно страдающій метеоризмомъ; его хлѣбъ, мясо, соленая рыба, которую онъ часто вялитъ тутъ же въ тюрьмѣ, крошки, кусочки, косточки, остатки щей въ котелкѣ; клопы, которыхъ онъ давитъ пальцами тутъ же на нарахъ,—все это дѣлаетъ казарменный воздухъ вонючимъ, промзглымъ, кислымъ; онъ насыщается водяными парами до крайней степени, такъ что во время сильныхъ морозовъ окна къ утру покрываются извнутри слоемъ льда и въ казармѣ становится темно; сѣроводородъ, амміачныя и всякія другія соединенія мѣшаются въ воздухѣ съ водяными парами и происходитъ то самое, отъ чего, по словамъ надзирателей, «душу воротитъ».

При системѣ общихъ камеръ соблюденіе чистоты въ тюрьмѣ невозможно, и гигіена никогда не выйдетъ здѣсь изъ той тѣсной рамки, какую ограничили для нея сахалинскій климатъ и рабочая обстановка каторжнаго, и какими бы благими намѣреніями ни была проникнута администрація, она будетъ безсильна и никогда не из-

бавится отъ нареканій. Надо или признать общія камеры уже отжившими и замѣнить ихъ жилищами иного типа, что уже отчасти и дѣлается, такъ какъ многіе каторжные живутъ не въ тюрьмѣ, а въ избахъ, или же мириться съ нечистотой, какъ съ неизбѣжнымъ, необходимымъ зломъ и измѣренія испорченнаго воздуха кубическими саженями предоставить тѣмъ, кто въ гигіенѣ видитъ одну только пустую формальность.

Въ пользу системы общихъ камеръ, я думаю, едва ли можно сказать что-нибудь хорошее. Люди, живущіе въ тюремной общей камерѣ,—это не община, не артель, налагающая на своихъ членовъ обязанности, а шайка, освобождающая ихъ отъ всякихъ обязанностей по отношенію къ мѣсту, сосѣду и предмету. Приказывать каторжному, чтобы онъ не приносилъ на ногахъ грязи и навоза, не плевалъ бы на полъ и не разводилъ клоповъ— дѣло невозможное. Если въ камерѣ вонь или нѣтъ никому житья отъ воровства, или поютъ грязныя пѣсни, то виноваты въ этомъ всѣ, тоесть никто. Я спрашиваю каторжнаго, бывшаго почетнаго гражданина: «Почему вы такъ неопрятны?» Онъ мнѣ отвѣчаетъ: «Потому что моя опрятность была бы здѣсь безполезна». И въ самомъ дѣлѣ, какую цѣну можетъ имѣть для каторжнаго собственная его чистоплотность, если завтра приведутъ новую партію и положатъ съ нимъ бокъ-о-бокъ сосѣда, отъ котораго ползутъ во всѣ стороны насѣкомыя и идетъ удушливый запахъ?

Общая камера не даетъ преступнику одиночества, необходимаго ему для молитвы, размышленій и того углубленія въ самого себя, которое считаютъ для него обязательнымъ всѣ сторонники исправительныхъ цѣлей. Свирѣпая картежная игра съ разрѣшенія подкупленныхъ надзирателей, ругань, смѣхъ, болтовня, хлопанье дверями, а въ кандальной звонъ оковъ, продолжающіеся всю ночь, мѣшаютъ утомленному рабочему спать, раздражаютъ его, что, конечно, не остается безъ дурного вліянія на его питаніе и психику. Стадная сарайная жизнь съ ея грубыми развлеченіями, съ неизбѣжнымъ воздѣйствіемъ дурныхъ на хорошихъ, какъ это давно уже признано, дѣйствуетъ на нравственность преступника самымъ растлѣвающимъ образомъ. Она отучаетъ его мало-по-малу отъ домовитости, то есть того самаго качества, которое нужно беречь въ каторжномъ больше всего, такъ какъ по выходѣ изъ тюрьмы онъ становится самостоятельнымъ членомъ колоніи, гдѣ съ перваго же дня требуютъ отъ него, на основаніи закона и подъ угрозой наказанія, чтобы онъ былъ хорошимъ хозяиномъ и добрымъ семьяниномъ.

Въ общихъ камерахъ приходится терпѣть и оправдывать такія безобразныя явленія, какъ ябедничество, наушничество, самосудъ, кулачество. Послѣднее находитъ здѣсь выраженіе въ такъ называемыхъ майданахъ, перешедшихъ сюда изъ Сибири. Арестантъ, имѣющій и любящій деньги и пришедшій изъ-за нихъ на каторгу, ку-

лакъ, скопидомъ и мошенникъ, беретъ на откупъ у товарищей - каторжныхъ право монопольной торговли въ казармѣ и, если мѣсто бойкое и многолюдное, то арендная плата, поступающая въ пользу арестантовъ, можетъ простираться даже до нѣсколькихъ сотенъ рублей въ годъ. Майданщикъ, т.-е. хозяинъ майдана, оффиціально называется парашечникомъ, такъ какъ беретъ на себя обязанности выносить изъ камеръ параши, если онѣ есть, и слѣдить за чистотою. На нарѣ его обыкновенно стоитъ сундучокъ аршина въ полтора, зеленый или коричневый, около него и подъ нимъ разложены кусочки сахару, бѣлые хлѣбцы, величиною съ кулакъ, папиросы, бутылки съ молокомъ и еще какіе-то товары, завернутые въ бумажки и грязныя тряпочки *).

Подъ смиренными кусочками сахару и булочками прячется зло, которое распространяетъ свое вліяніе далеко за предѣлы тюрьмы. Майданъ—это игорный домъ, маленькое Монте-Карло, развивающее въ арестантѣ заразительную страсть къ штоссу и другимъ азартнымъ играмъ. Около майдана и картъ непремѣнно ютится всегда готовое къ услугамъ ростовщичество, жестокое и неумолимое. Тюремные ростовщики берутъ по 10% въ

*) Пачка изъ 9—10 папиросъ стоитъ 1 коп., бѣлая булочка 2 коп., бутылка молока 8—10, кусочекъ сахару 2 коп. Продажа производится на наличныя, въ долгъ и въ обмѣнъ на вещи. Майданъ продаетъ также водку, карты, свѣчные огарки для игры въ ночное время—это негласно. Карты даетъ и на-прокатъ.

день и даже за одинъ часъ; не выкупленный въ теченіе дня закладъ поступаетъ въ собственность ростовщика. Отбывъ свой срокъ, майданщики и ростовщики выходятъ на поселеніе, гдѣ не оставляютъ своей прибыльной дѣятельности, и поэтому нечего удивляться, что на Сахалинѣ есть поселенцы, у которыхъ можно украсть 56 тысячъ.

Лѣтомъ 1890 г., въ бытность мою на Сахалинѣ, при александровской тюрьмѣ числилось болѣе двухъ тысячъ каторжныхъ, но въ тюрьмѣ жило только около 900. Вотъ цифры, взятыя наудачу: въ началѣ лѣта, 3 мая 1890 г., довольствовалось изъ котла и ночевало въ тюрьмѣ 1,279, въ концѣ лѣта, 29 сентября, 675 человѣкъ. Что касается каторжныхъ работъ, производимыхъ въ самомъ Александровскѣ, то здѣсь приходится наблюдать, главнымъ образомъ, строительныя и всякія хозяйственныя работы: возведеніе новыхъ построекъ, ремонтъ старыхъ, содержаніе на городской манеръ улицъ, площадей и проч. Самыми тяжкими считаются плотницкія работы. Арестантъ, бывшій на родинѣ плотникомъ, несетъ здѣсь настоящую каторгу, и въ этомъ отношеніи онъ гораздо несчастливѣе маляра или кровельщика. Вся тягость работы не въ самой постройкѣ, а въ томъ, что каждое бревно, идущее въ дѣло, каторжный долженъ притащить изъ лѣса, а рубка въ настоящее время производится за 8 верстъ отъ поста. На каждое бревно, которое тащатъ волокомъ, полагается 3, а въ метель 4 человѣка. Лѣтомъ люди, запряженные въ

бревно въ полъ-аршина и толще, а въ длину въ нѣсколько саженъ, производятъ тяжелое впечатлѣніе; выраженіе ихъ лицъ страдальческое, особенно если они, какъ это я часто наблюдалъ, уроженцы Кавказа. Зимою же, говорятъ, они отмораживаютъ себѣ руки и ноги и часто даже замерзаютъ, не дотащивъ бревна до поста. Для администраціи плотницкія работы представляются тоже не легкими, потому что людей, способныхъ на систематическій тяжкій трудъ, на Сахалинѣ вообще мало, и недостатокъ работниковъ— явленіе здѣсь обычное, хотя каторжные считаются тысячами. Ген. Кононовичъ говорилъ мнѣ, что затѣвать здѣсь новыя постройки и строиться очень трудно, — людей нѣтъ; если достаточно плотниковъ, то некому таскать бревна; если людей ушлютъ за бревнами, то не хватаетъ плотниковъ. Къ нелегкимъ работамъ относятся здѣсь также обязанности дровотасковъ, которые каждый день рубятъ дрова, заготовляютъ ихъ и подъ утро, когда еще всѣ спятъ, топятъ печи. Чтобы судить о степени напряженности труда, объ его тяжести, нужно брать во вниманіе не одну только затрачиваемую на него мышечную силу, но также условія мѣста и особенности труда, зависящія отъ этихъ условій. Сильные морозы зимою и сырость въ теченіе всего года въ Александровскѣ ставятъ чернорабочаго въ положеніе иной разъ едва выносимое, какого онъ при той же работѣ, напримѣръ, при обыкновенной рубкѣ дровъ, не испыталъ бы въ Россіи. Законъ ограничиваетъ трудъ

каторжнаго «урочнымъ положеніемъ», приближая его къ обыкновенному крестьянскому и фабричному труду *); онъ же предоставляетъ разныя облегченія каторжнымъ разряда исправляющихся; но практика поневолѣ не всегда сообразуется съ закономъ именно въ силу мѣстныхъ условій и особенностей труда. Нельзя же, вѣдь, опредѣлить, сколько часовъ каторжный долженъ тащить бревно во время метели, нельзя освободить его отъ ночныхъ работъ, когда послѣднія необходимы, нельзя освободить исправляющагося отъ работы въ праздникъ, если онъ, напримѣръ, работаетъ въ угольной ямѣ вмѣстѣ съ испытуемымъ, такъ какъ тогда бы пришлось освободить обоихъ и прекратить работу. Часто отъ того, что работами завѣдуютъ люди не компетентные, неспособные и неловкіе, затрачивается на работы больше напряженія, чѣмъ бы слѣдовало. Напримѣръ, нагрузка и выгрузка пароходовъ, не требующія въ Россіи отъ рабочаго исключительнаго напряженія силъ, въ Александровскѣ часто представляются для людей истиннымъ мученіемъ; особенной команды, подготовленной и выученной спе-

*) „Урочное положеніе для строительныхъ работъ, высочайше утвержденное 17 апрѣля 1869 г.“. Петербургъ, 1887 г. По этому положенію, при опредѣленіи на разнаго рода работы принимаются въ основаніе: физическія силы рабочаго и степень навыка къ работѣ. Положеніе опредѣляетъ также число рабочихъ часовъ въ день, сообразно временамъ года и полосамъ Россіи. Сахалинъ отнесенъ къ средней полосѣ Россіи. Максимумъ рабочихъ часовъ — $12^1/_2$ въ сутки—приходится на май, іюнь и іюль, а минимумъ—7 ч. — на декабрь и январь.

ціально для работъ на морѣ, нѣтъ; каждый разъ берутся все новые люди и оттого случается нерѣдко наблюдать во время волненія страшный безпорядокъ; на пароходѣ бранятся, выходятъ изъ себя, а внизу, на баржахъ, бьющихся о пароходъ, стоятъ и лежатъ люди съ зелеными, искривленными лицами, страдающіе отъ морской болѣзни, а около баржъ плаваютъ утерянныя весла. Благодаря этому, работа затягивается, время пропадаетъ даромъ и люди терпятъ ненужныя мученія. Однажды во время выгрузки парохода я слышалъ, какъ смотритель тюрьмы сказалъ: «У меня люди цѣлый день не ѣли».

Не мало каторжнаго труда затрачивается на удовлетвореніе потребностей тюрьмы. Въ тюрьмѣ каждый день работаютъ кашевары, хлѣбопеки, портные, сапожники, водоносы, поломойки, дневальные, скотники и т. п. Каторжнымъ трудомъ пользуются также военное и телеграфное вѣдомства, землемѣръ; около 50 человѣкъ прикомандировано къ тюремному лазарету, неизвѣстно въ качествѣ кого и для чего, и не сочтешь тѣхъ, которые находятся въ услуженіи у гг. чиновниковъ. Каждый чиновникъ, даже состоящій въ чинѣ канцелярскаго служителя, насколько я могъ убѣдиться, можетъ брать себѣ неограниченное количество прислуги. Докторъ, у котораго я квартировалъ, жившій самъ-другъ съ сыномъ, имѣлъ повара, дворника, кухарку и горничную. Для младшаго тюремнаго врача это очень роскошно. У одного смотрителя тюрьмы было 8 человѣкъ штатной при-

слуги: швея, сапожникъ, горничная, лакей, онъ же разсыльный, нянька, прачка, поваръ, поломойка. Вопросъ о прислугѣ на Сахалинѣ—обидный и грустный вопросъ, какъ, вѣроятно, вездѣ на каторгѣ, и не новый. Въ своемъ *Краткомъ очеркѣ неустройствъ, существующихъ на каторгѣ,* Власовъ писалъ, что въ 1871 г., когда онъ прибылъ на островъ, его, «прежде всего, поразило то обстоятельство, что каторжные съ разрѣшенія бывшаго генералъ-губернатора составляютъ прислугу начальника и офицеровъ». Женщины, по его словамъ, раздавались въ услуги лицамъ управленія, не исключая и холостыхъ надзирателей. Въ 1872 г. генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Синельниковъ запретилъ отдачу преступниковъ въ услуженіе. Но это запрещеніе, имѣющее силу закона и до настоящаго времени, обходится самымъ безцеремоннымъ образомъ. Коллежскій регистраторъ записываетъ на себя полдюжины прислуги и, когда отправляется на пикникъ, то посылаетъ впередъ съ провизіей десятокъ каторжныхъ. Начальники острова гг. Гинце и Кононовичъ боролись съ этимъ зломъ, но недостаточно энергично; по крайней мѣрѣ, я нашелъ только три приказа, относящихся къ вопросу о прислугѣ, и такихъ, которые человѣкъ заинтересованный могъ широко толковать въ свою пользу. Генералъ Гинце, какъ бы въ отмѣну генералъ-губернаторскаго предписанія, разрѣшилъ въ 1885 г. (приказъ № 95) чиновникамъ брать себѣ въ прислуги ссыльно-каторжныхъ женщинъ съ платою по

два рубля въ мѣсяцъ и чтобы деньги были обращаемы въ казну. Генералъ Кононовичъ въ 1888 г. отмѣнилъ приказъ своего предшественника, опредѣливъ: «ссыльно-каторжныхъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, въ прислугу къ чиновникамъ не назначать и платы за женщинъ никакой не взыскивать. А такъ какъ казенныя зданія и службы при нихъ не могутъ оставаться безъ надзора и безъ удовлетворенія, то къ каждому таковому зданію разрѣшаю назначать потребное число мужчинъ и женщинъ, показывая ихъ по наряду по этимъ назначеніямъ, какъ сторожей, дровотасковъ, поломоекъ и проч., смотря по потребности» (приказъ № 276). Но такъ какъ казенныя зданія и службы при нихъ въ громадномъ большинствѣ составляютъ ничто иное, какъ квартиры чиновниковъ, то этотъ приказъ понимается какъ разрѣшеніе имѣть каторжную прислугу, и, притомъ, безплатную. Во всякомъ случаѣ, въ 1890 г., когда я былъ на Сахалинѣ, всѣ чиновники, даже не имѣющіе никакого отношенія къ тюремному вѣдомству (наприм., начальникъ почтово-телеграфной конторы), пользовались каторжными для своего домашняго обихода въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, причемъ жалованья этой прислугѣ они не платили и кормилась она на счетъ казны.

Отдача каторжныхъ въ услуженіе частнымъ лицамъ находится въ полномъ противорѣчіи со взглядомъ законодателя на наказаніе: это — не каторга, а крѣпостничество, такъ какъ каторжный служитъ не государству, а

лицу, которому нѣтъ никакого дѣла до исправительныхъ цѣлей или до идеи равномѣрности наказанія; онъ—не ссыльно-каторжный, а рабъ, зависящій отъ воли барина и его семьи, угождающій ихъ прихотямъ, участвующій въ кухонныхъ дрязгахъ. Становясь поселенцемъ, онъ является въ колоніи повтореніемъ нашего двороваго человѣка, умѣющаго чистить сапоги и жарить котлеты, но неспособнаго къ земледѣльческому труду, а потому и голоднаго, брошеннаго на произволъ судьбы. Отдача же въ услуженіе каторжныхъ женщинъ, кромѣ всего этого, имѣетъ еще свои спеціальныя неудобства. Не говоря уже о томъ, что въ средѣ подневольныхъ фавориты и содержанки вносятъ всегда струю чего-то подлаго, въ высшей степени унизительнаго для человѣческаго достоинства, они въ частности совершенно коверкаютъ дисциплину. Мнѣ одинъ изъ священниковъ разсказывалъ, что бывали случаи на Сахалинѣ, когда женщина свободнаго состоянія или солдатъ, будучи въ прислугахъ, должны были при извѣстныхъ обстоятельствахъ убирать и выносить послѣ каторжной *).

*) Власовъ въ своемъ отчетѣ пишетъ: „Такое странное отношеніе лицъ: офицера, каторжной въ качествѣ его любовницы и солдата въ роли ея кучера,—не можетъ не вызвать удивленія и сожалѣнія“. Говорятъ, что это зло допускается только въ виду невозможности имѣть прислугу изъ лицъ свободнаго состоянія. Но это не правда. Во-первыхъ, возможно ограничить количество прислуги; вѣдь, находятъ же возможнымъ офицеры имѣть только по одному денщику. Во-вторыхъ, чиновники здѣсь, на Сахалинѣ, получаютъ хорошее жалованье и могутъ нанимать себѣ прислугу изъ среды поселенцевъ, крестьянъ изъ ссыльныхъ и жен-

То, что въ Александровскѣ съ важностью зовется «заводскою промышленностью», съ внѣшней стороны обставлено красиво и шумно, но не имѣетъ пока серьезнаго значенія. Въ литейной мастерской, которою завѣдуетъ механикъ-самоучка, я видѣлъ колокола, вагонныя и тачечныя колеса, ручную мельницу, машинку для ажурной работы, краны, приборы для печей и т. п., но все это производитъ игрушечное впечатлѣніе. Вещи прекрасны, но, вѣдь, сбыта нѣтъ никакого, а для мѣстныхъ надобностей было бы выгоднѣе пріобрѣтать ихъ на материкѣ или въ Одессѣ, чѣмъ заводить свои локомобили и цѣлый штатъ платныхъ рабочихъ. Конечно, не было бы жаль никакихъ затратъ, если бы мастерскія здѣсь были школами, гдѣ каторжные учились бы мастерствамъ, на самомъ же дѣлѣ въ литейной и слесарной работаютъ не каторжные, а опытные мастера поселенцы, состоящіе на положеніи младшихъ надзирателей, съ жалованьемъ по 18 руб. въ мѣсяцъ. Здѣсь слишкомъ замѣтно увлеченіе вещью; гремятъ колеса и молотъ и свистятъ локомобили только во имя качества вещи и сбыта ея; коммерческія и художественныя соображенія не имѣютъ здѣсь никакого отношенія къ наказанію, а, между тѣмъ, на

щинъ свободнаго состоянія, которые, въ большинствѣ случаевъ, нуждаются и потому не отказались бы отъ заработка. Мысль эта приходила, вѣроятно, и начальству, такъ какъ есть приказъ, въ которомъ одной поселкѣ, какъ неспособной къ земледѣльческому труду, разрѣшалось „пріобрѣтать средства къ существованію наймомъ въ прислуги у гг. чиновниковъ“ (приказъ № 44-й 1889 г.).

Сахалинѣ, какъ и вездѣ на каторгѣ, всякое предпріятіе должно имѣть своею ближайшею и отдаленною цѣлью только одно — исправленіе преступника, и здѣшнія мастерскія должны стремиться къ тому, чтобы сбывать на материкъ, прежде всего, не печныя дверцы и не краны, а полезныхъ людей и хорошо подготовленныхъ мастеровъ.

Паровая мельница, лѣсопильня и кузница содержатся въ отличномъ порядкѣ. Люди работаютъ весело, потому, вѣроятно, что сознаютъ производительность труда. Но и здѣсь работаютъ, главнымъ образомъ, спеціалисты, которые уже на родинѣ были мельниками, кузнецами и проч., а не тѣ, которые, живя на родинѣ, не умѣли работать, ничего не знали и теперь больше, чѣмъ кто-либо, нуждаются въ мельницахъ и кузницахъ, гдѣ бы ихъ обучили и поставили на ноги *).

*) Мельница и слесарная находятся въ одномъ зданіи и получаютъ приводы отъ двухъ локомобилей. Въ мельницѣ четыре постава съ размоломъ въ 1,500 п. въ день. Въ лѣсопильнѣ работаетъ старый локомобиль, привезенный сюда еще кн. Шаховскимъ; его топятъ опилками. Въ кузницѣ производится работа день и ночь. въ двѣ смѣны, работаетъ шесть горновъ. Всего занято въ мастерской 105 человѣкъ. Каторжные въ Александровскѣ занимаются также добычей угля, но это дѣло едва ли будетъ имѣть когда-нибудь успѣхъ. Уголь изъ мѣстныхъ копей гораздо хуже дуйскаго: онъ грязнѣе на видъ и смѣшанъ со сланцемъ. Обходится онъ здѣсь не дешево, такъ какъ въ шахтахъ работаетъ постоянный штатъ рабочихъ подъ наблюденіемъ особаго горнаго инженера. Существованіе мѣстныхъ копей не вызывается необходимостью, такъ какъ до Дуэ не далеко и оттуда во всякое время можно получать превосходный уголь. Открыты онѣ, впрочемъ, съ доброю цѣлью—дать въ будущемъ заработокъ поселенцамъ.

VI.

Разсказъ Егора.

Докторъ, у котораго я квартировалъ, уѣхалъ на материкъ вскорѣ послѣ увольненія отъ службы, и я поселился у одного молодого чиновника, очень хорошаго человѣка. У него была только одна прислуга, старуха-хохлушка, каторжная, и изрѣдка, этакъ разъ въ день, навѣдывался къ нему каторжный Егоръ, дровотаскъ, который прислугою его не считался, но «изъ уваженія» приносилъ дровъ, убиралъ помои на кухнѣ и вообще исполнялъ обязанности, которыя были не подъ силу старушкѣ. Бывало, сидишь и читаешь, или пишешь что-нибудь, и вдругъ слышишь какой-то шорохъ и пыхтѣнье, и что-то тяжелое ворочается подъ столомъ около ногъ; взглянешь — это Егоръ, босой, собираетъ подъ столомъ бумажки или вытираетъ пыль. Ему лѣтъ подъ сорокъ и представляетъ онъ изъ себя человѣка неуклюжаго, неповоротливаго, какъ говорится, увальня, съ простодушнымъ, на первый взглядъ глуповатымъ лицомъ и съ широкимъ, какъ у налима, ртомъ. Онъ рыжій, бородка у него жидкая, глаза маленькіе. На вопросъ онъ сразу не отвѣчаетъ, а сначала искоса посмотритъ и спроситъ: «чаво?» или «кого ты?» Величаетъ вашимъ высокоблагородіемъ, но говоритъ *ты*. Главную черту его характера и, вѣроятно, смыслъ его жизни составляетъ его необычайное трудолюбіе. Онъ не можетъ сидѣть безъ работы ни одной минуты и нахо-

Bayerische Staats-Bibliothek München

дить ее всюду, куда бы ни пришелъ. Говоритъ съ вами, а самъ ищетъ глазами, нѣтъ ли чего убрать или починить. Онъ спитъ два-три часа въ сутки, потому что ему некогда спать. Въ праздники онъ обыкновенно стоитъ гдѣ-нибудь на перекресткѣ, въ пиджакѣ поверхъ красной рубахи, выпятивъ впередъ животъ и разставивъ ноги. Это называется «гулять».

Дома у себя, въ Новгородской губ., онъ занимался хлѣбопашествомъ; самъ построилъ себѣ избу, дѣлаетъ ведра, столы, неуклюжіе шкафы. Умѣетъ дѣлать всякую мебель, но только «про себя», т.-е. для собственной надобности. Самъ никогда не дрался и битъ не бывалъ; только когда-то въ дѣтствѣ отецъ высѣкъ его за то, что горохъ стерегъ и пѣтуха впустилъ.

Однажды у меня съ нимъ происходилъ такой разговоръ:

— За что тебя сюда прислали?—спросилъ я.

— Чаво ты говоришь, ваше высокоблагородіе?

— За что тебя прислали на Сахалинъ?

— За убійство.

— Ты разскажи мнѣ съ самаго начала, какъ было дѣло.

Егоръ сталъ у косяка, заложилъ назадъ руки и началъ:

— Ходили мы къ барину Владиміру Михайлычу, рядились о дровахъ, о пилкѣ и поставкѣ на станцію. Хорошо. Порядились и пошли домой. Этакъ не далеко отошедши отъ села, послалъ меня народъ въ контору съ условіемъ—засвидѣтельствовать. Я былъ на лошади. По дорогѣ къ конторѣ Андрюха воротилъ меня: былъ боль-

шой разливъ, нельзя было проѣхать. «Завтра, говоритъ, я поѣду въ контору объ землѣ своей рендовой и это условіе засвидѣтельствую». Ладно. Отсюда пошли мы вмѣстѣ: я на лошади, а кумпанія пѣшкомъ. Дошли мы до Парахина. Мужики зашли закуривать къ кабаку, мы съ Андрюхой сзади остались на тротуарѣ около трактира. Онъ и говоритъ: «Нѣтъ ли у тебя, братко, пятачка? Выпить, говоритъ, хотно». А я ему: «Да ты, братъ, говорю, такой человѣкъ: зайдешь выпить за пятачокъ, да тутъ и запьянничаешь». А онъ говоритъ: «Нѣтъ, не буду, выпью, да и пойду домой». Подошли къ мужикамъ; сговорили на четверть, собрали на четверть, въ кабакъ зашли, четверть водки купили. Сѣли за столъ пить.

— Ты покороче,—замѣчаю я.

— Постой, не перебивай, ваше высокоблагородіе. Роспили мы эту водку, вотъ онъ, Андрюха то-есть, еще взялъ перцовки сороковку. По стакану налилъ себѣ и мнѣ. Мы по стакану вмѣстѣ съ нимъ и выпили. Ну, вотъ тутъ пошли весь народъ домой изъ кабака, и мы съ нимъ сзади пошли тоже. Меня переломило верхомъ-то ѣхать, я слѣзъ и сѣлъ тутъ на бережку. Я пѣсни пѣлъ да шутилъ. Разговору не было худого. Потомъ этого встали и пошли.

— Ты разскажи мнѣ про убійство,—перебиваю я.

— Постой. Дома я легъ и спалъ до утрія, пока не разбудили: «Ступай, кто изъ васъ побилъ Андрея?» Тутъ ужь и Андрея привезли, и урядникъ пріѣхалъ. Урядникъ

сталъ допрашивать насъ всѣхъ, никто мы не признаемся къ этому дѣлу. А Андрей еще живой былъ и говоритъ: «Ты, Сергуха, ударилъ меня стягомъ, а больше я ничего не помню». Сергуха не признается. Мы всѣ такъ и думали, что Сергуха, и начали глядѣть за нимъ, чтобы не сдѣлалъ себѣ чего. Черезъ сутки Андрей померъ. Сергѣя и подучи тамъ свои, сестра да тесть: «Ты, Сергѣй, не отпирайся, тебѣ все равно. Признавайся, да подтягивай, кого ближе захватилъ. Тебѣ влегота будетъ». Какъ только что померъ Андрей, мы весь народъ и собрались къ старостѣ и Сергѣя оповѣстили. Сергѣя допрашиваемъ, а онъ не признается. Потомъ пустили его къ себѣ ночевать въ свой домъ. Нѣкоторые его здѣсь стерегли, не сдѣлалъ бы себѣ чего. У него тутъ ружьишко было. Опасно. Поутру хватились—его нѣтъ, тутъ соскопили у него обыскъ дѣлать, и по деревнѣ искали, и въ поле бѣгали, искали его. Потомъ ужь пришли изъ стану и объявили, что Сергѣй уже тамъ. Тутъ насъ начали забирать. А Сергѣй, знашь, прямо къ становому, да къ уряднику, на колѣнки сталъ и говоритъ на насъ, что Ефремовы дѣти уже года три нанимали побить Андрюху. «Дорóгой, говоритъ, шли мы втроемъ—Иванъ, да Егоръ, да я—и сговорились вмѣстѣ побить. Я, говоритъ, корчовочкой ударилъ Андрюху, а Иванъ да Егоръ схватились бить его, а я испужался, да назадъ, говоритъ, побѣжалъ, за задними мужиками». Потомъ насъ — Ивана, Киршу, меня и Сергѣя—забрали и въ тюрьму въ городъ.

— А кто такіе Иванъ и Кирша?

— Братья мои родные. Въ тюрьму пришелъ купецъ Петръ Михайлычъ и взялъ насъ на поруки. И были на порукахъ у него до Покрова. Жили мы хорошо, сохранно. На другой день Покрова насъ судили въ городѣ. У Кирши были свидѣтели—задніе мужики выправили, а меня такъ, братъ, и влопало. Я на судѣ говорилъ то, что тебѣ вотъ сказываю, какъ есть, а судъ не вѣритъ: «Тутъ всѣ такъ говорятъ и глазы крестятъ, а все неправда». Ну, осудили, да въ острогъ. Въ острогѣ жили подъ замкомъ, но только былъ я парашечникомъ, подметалъ камеры и обѣдъ подносилъ. Давали мнѣ за это каждый по пайку хлѣба въ мѣсяцъ. Фунта три будетъ съ человѣка. Какъ заслышали выходъ, телеграмму домой послали. Передъ Николой было дѣло. Женка и братъ Кирша пріѣхали насъ провѣдать и кое-чего тутъ привезли изъ платья, да и еще кое-чего.. Женка плакала-выла, да ничего не подѣлаешь. Какъ поѣхала, я ей туда домой два пайка хлѣба далъ въ гостинцы. Поплакали и поклонъ послали дѣтямъ и всѣмъ крещенымъ. Дорогой мы были скованы нарушнями. По два человѣка шли. Я шелъ съ Иваномъ. Въ Новгородѣ съ насъ карточки снимали, тутъ заковали насъ и головы брили. Потомъ въ Москву погнали. Въ Москвѣ, когда сидѣли, на помилованіе прошеніе посылали. Какъ ѣхалъ въ Одессъ, не помню. Хорошо ѣхалъ. Въ Одессѣ насъ выспрашивали въ докторской, скидывали одежу всю, оглядывали. Я не оказывалъ ни-

чего вреду. Собрали насъ и погнали на пароходъ. Тутъ козаки и солдаты насъ рядомъ вели по ступенькамъ и посадили насъ въ нутро. Сидимъ на нарахъ, да и все. Всякъ на свое мѣсто. На верхней нарѣ пять человѣкъ насъ сидѣло. Сперва мы не понимали, а потомъ говорятъ: «Поѣхали, поѣхали!» Ѣхали, ѣхали, а потомъ начало качать. Жаръ такой, голые стояли народъ. Кто блевалъ, а другой—ничего. Тутъ, конечно, больше лежали. А штормъ гораздъ былъ. Во всѣ стороны кидало. Ѣхали, ѣхали, потомъ и наѣхали. Насъ такъ и толконуло. День туманливый. Сталось темно. Какъ толконуло, и установилось, качается, знашь, на скалахъ; думали, что рыбина это качаетъ подъ низомъ, ворочаетъ пароходъ *). Напередъ дергали, дергали—не сдернутъ, да назадъ зачали дергать. Назадъ стали дергать, посередкѣ и проломило снизу. Начали парусомъ дыру затягивать; затягивали, затягивали—ничего способу нѣтъ. Вода накопилась до самаго полу, гдѣ народъ сидитъ, и стала подъ народъ выходить вода на полъ. Народъ проситъ: «Не дайте погибнуть, ваше благородіе!» И онъ сперва: «Не ломитесь, не проситесь, не дамъ погибнуть ничего». Потомъ стало накопляться подъ нижнія нары. Крещеные стали проситься да ломиться. Баринъ и говоритъ: «Ну, ребята, выпущу васъ, только чтобъ не бунтовать, а нѣтъ — всѣхъ перестрѣляю». Потомъ выпустилъ. Сдѣлали бого-

*) Рѣчь идетъ о крушеніи „Костромы“ у западнаго берега Сахалина въ 1886 г.

моленіе, чтобы Господь усмирилъ, не погибнуть бы. Молились на колѣнкахъ. Послѣ богомоленія выдавали намъ галеты, сахаръ и море засмирилось. На другой день стали вывозить народъ на баржахъ на берегъ. На берегу было богомоленіе. Потомъ насъ перегрузили на другое судно, турецкое *), и привезли сюда въ Александровскъ. Сняли насъ засвѣтло на пристань, да тутъ долго насъ продержали, и отправились мы съ пристани уже въ потемушкахъ. Крещеные такъ плетнемъ и шли, а тутъ еще навалилась куриная слѣпота. Другъ за дружку держатся; кто видитъ, а кто и нѣтъ—вотъ и цѣплялись. Я за собой десятокъ крещеныхъ велъ. Пригнали въ тюрьму на дворъ и стали разбирать по казармамъ, кого куда. Ужинали передъ сномъ, что было у кого, а утромъ намъ начали выдавать, что слѣдуетъ. Дня два отдыхали, на третій въ баню, а на четвертый работать погнали. Перво-на-перво копали канавы подъ зданіе, гдѣ лазаретъ теперь. Корчевали, обирали, копали и все прочее—этакъ недѣлю или двѣ, а, можетъ, и съ мѣсяцъ. Потомъ мы возили бревна изъ-подъ Михайловки. Таскомъ тащили версты за три и въ груды у моста сваливали. Потомъ на огородъ погнали ямы для воды копать. А какъ наступилъ сѣнокосъ, стали собирать крещеныхъ: спрашиваютъ, кто косить умѣетъ,—ну, кто признавался, того и писали. Выдали намъ на всю артель хлѣбъ, крупу, мясо и погнали съ надзирателемъ на сѣнокосъ въ Армуданы. Жилъ

*) Пароходъ добровольнаго флота „Владивостокъ“.

я ничего, Богъ здоровья давалъ, и косилъ я хорошо. Другихъ надзиратель колотилъ, а я дурного слова не слыхивалъ. Ругается только народъ, зачѣмъ бойко идешь,—ну, да ничего. Въ слободное время или когда дождь, я плелъ себѣ ступни. Люди спать съ работы, а я сижу да плету. Ступни продавалъ, двѣ порціи говядины за ступни, а это четыре копѣйки стòитъ. Сѣнокосъ выставивши, пошли домой. Домой пришли, сняли насъ въ тюрьму. Потомъ взяли меня къ поселенцу Сашкѣ на Михайловку въ работники. У Сашки я дѣлалъ все по хрестьянской работѣ: жалъ, убиралъ, молотилъ, картошку копалъ, а Сашка за меня въ кòзну бревна возилъ. Ѣли все свое, что получали изъ кòзны. Отработалъ я два мѣсяца и четыре дня. Обѣщалъ Сашка денегъ, да не далъ ничего. Только и далъ, что пудъ картошки. Привезъ меня Сашка въ тюрьму и сдалъ. Выдали мнѣ топоръ и веревку—дрова таскать. Семь печей отоплялъ. Я въ юртѣ жилъ, за камарщика воду носилъ и подметалъ. У татарина магзы *) майданъ сторожилъ. Какъ приду съ работы, мнѣ онъ свой майданъ увѣрялъ, я продавалъ, а онъ мнѣ за это 15 копѣекъ въ сутки платилъ. Весной, когда дни стали подолже, я сталъ плесть лапти. Бралъ по десять копѣекъ. А лѣтомъ рѣкой дрова гонялъ. Накопилъ я ихъ кучу большую и потомъ этого продалъ жиду баньщику. Накопилъ я также лѣсу 60 деревъ и продалъ по 15 копѣекъ.

*) Китаецъ мапза.

Вотъ и живу помаленьку, какъ Богъ даетъ. А только, ваше высокоблагородіе, разговаривать мнѣ съ тобой некогда, надо по воду идти.

— Въ поселенцы скоро выйдешь?

— Лѣтъ черезъ пять.

— Скучаешь по дому?

— Нѣтъ. Одно вотъ только—дѣтей жалко. Глупы.

— Скажи, Егоръ, о чемъ ты думалъ, когда тебя въ Одессѣ на пароходъ вели?

— Бога молилъ.

— О чемъ?

— Чтобы дѣтямъ ума-разума послалъ.

— Отчего ты жену и дѣтей не взялъ съ собой на Сахалинъ?

— Потому что имъ и дома хорошо.

VII.

Маякъ.—Корсаковское.—Коллекція д-ра П. И. Супруненко.—Метеорологическая станція.—Климатъ Александровскаго округа.—Ново-Михайловка.—Потемкинъ.—Экспалачъ Терскій.—Красный-Яръ.—Бутаково.

Прогулки по Александровску и его окрестностямъ съ авторомъ *Сахалино* оставили во мнѣ пріятное воспоминаніе. Чаще всего мы ходили къ маяку, который стоитъ высоко надъ долиной, на мысѣ Жонкіеръ. Днемъ маякъ, если посмотрѣть на него снизу,—скромный бѣлый домикъ съ мачтой и съ фонаремъ, ночью же онъ ярко свѣтитъ въ потемкахъ и кажется тогда, что каторга глядитъ на

міръ своимъ краснымъ глазомъ. Дорога къ домику поднимается круто, оборачиваясь спиралью вокругъ горы, мимо старыхъ лиственицъ и елей. Чѣмъ выше поднимаешься, тѣмъ свободнѣе дышется; море раскидывается передъ глазами, приходятъ мало-по-малу мысли, ничего общаго не имѣющія ни съ тюрьмой, ни съ каторгой, ни съ ссыльною колоніей, и тутъ только сознаешь, какъ скучно и трудно живется внизу. Каторжные и поселенцы изо дня въ день несутъ наказаніе, а свободные отъ утра до вечера говорятъ только о томъ, кого драли, кто бѣжалъ, кого поймали и будутъ драть; и странно, что къ этимъ разговорамъ и интересамъ самъ привыкаешь въ одну недѣлю и, проснувшись утромъ, принимаешься, прежде всего, за печатные генеральскіе приказы — мѣстную ежедневную газету, и потомъ цѣлый день слушаешь и говоришь о томъ, кто бѣжалъ, кого подстрѣлили и т. п. На горѣ же въ виду моря и красивыхъ овраговъ все это становится до-нельзя пошло и грубо, какъ оно и есть на самомъ дѣлѣ.

Говорятъ, что по дорогѣ на маякъ когда-то стояли скамьи, но что ихъ вынуждены были убрать, потому что каторжные и поселенцы во время прогулокъ писали на нихъ и вырѣзывали ножами грязные пасквили и всякія сальности. Любителей такъ называемой заборной литературы много и на волѣ, но на каторгѣ цинизмъ превосходитъ всякую мѣру и не идетъ въ сравненіе ни съ чѣмъ. Здѣсь не только скамьи и стѣны задворковъ, но

даже любовныя письма отвратительны. Замѣчательно, что человѣкъ пишетъ и вырѣзываетъ на скамьѣ разныя мерзости, хотя, въ то же время, чувствуетъ себя потеряннымъ, брошеннымъ, глубоко несчастнымъ. Иной уже старикъ и толкуетъ, что ему свѣтъ постылъ и умирать пора, у него жестокій ревматизмъ и плохо видятъ глаза, но съ какимъ аппетитомъ произноситъ онъ безъ передышки извощичью брань, растянутую въ длинную вязь изъ всякихъ отборныхъ ругательныхъ словъ и вычурную, какъ заклинаніе отъ лихорадки. Если же онъ грамотенъ, то въ уединенномъ мѣстѣ ему бываетъ трудно подавить въ себѣ задоръ и удержаться отъ искушенія нацарапать на стѣнѣ хотя бы ногтемъ какое-нибудь запретное слово.

Около домика рвется на цѣпи злая собака. Пушка и колоколъ; говорятъ, что скоро привезутъ и поставятъ здѣсь ревунъ, который будетъ ревѣть во время тумановъ и нагонять тоску на жителей Александровска. Если, стоя въ фонарѣ маяка, поглядѣть внизъ на море и на «Трехъ Братьевъ», около которыхъ пѣнятся волны, то кружится голова и становится жутко. Не ясно видѣнъ Татарскій берегъ и даже входъ въ бухту де-Кастри; смотритель маяка говоритъ, что ему бываетъ видно, какъ входятъ и выходятъ изъ де-Кастри суда. Широкое, сверкающее отъ солнца море глухо шумитъ внизу, далекій берегъ соблазнительно манитъ къ себѣ, и становится грустно и тоскливо, какъ будто никогда уже не выбе-

решься изъ этого Сахалина. Глядишь на тотъ берегъ и кажется, что будь я каторжнымъ, то бѣжалъ бы отсюда непремѣнно, несмотря ни на что.

За Александровскомъ вверхъ по теченію Дуйки слѣдуетъ селеніе *Корсаковское*. Основано оно въ 1881 году и названо въ честь М. С. Корсакова, бывшаго генералъ-губернатора Восточной Сибири. Интересно, что на Сахалинѣ даютъ названія селеніямъ въ честь сибирскихъ губернаторовъ, смотрителей тюремъ и даже фельдшеровъ, но совершенно забываютъ объ изслѣдователяхъ, какъ Невельской, морякъ Корсаковъ, Бошнякъ, Поляковъ и многіе другіе, память которыхъ, полагаю, заслуживаетъ большаго уваженія и вниманія, чѣмъ какого-нибудь смотрителя Дербина, убитаго за жестокость *).

Въ Корсаковкѣ жителей 272 : 153 м. и 119 ж. Всѣхъ хозяевъ 58. По составу своихъ хозяевъ, изъ которыхъ 26 имѣютъ крестьянское званіе и только 9—каторжные, по количеству женщинъ, сѣнокоса, скота и проч. Корсаковка мало отличается отъ зажиточной Александровской

*) Для ссыльной колоніи до настоящаго времени больше всѣхъ сдѣлали, въ смыслѣ ея созиданія и отвѣтственности за нее, два человѣка: М. С. Мицуль и М. Н. Галкинъ-Враскій. Въ честь перваго названо маленькое селеніе изъ десяти дворовъ, бѣдное и недолговѣчное, а въ честь второго — селеніе, которое уже имѣло старое и прочное мѣстное названіе Сіянцы, такъ что только на бумагахъ, да и то не на всѣхъ, оно называется Галкино-Враское. Между тѣмъ, имя М. С. Корсакова носятъ на Сахалинѣ селеніе и большой постъ не за какія-либо особенныя заслуги или жертвы, а только потому, что онъ былъ генералъ-губернаторомъ и могъ нагнать страху.

слободки. 8 хозяевъ имѣютъ по два дома и на каждые 9 домовъ приходится одна баня. Впрочемъ, о зажиточности здѣшнихъ жителей лучше всего судить по количеству зернового хлѣба, посѣяннаго въ 1890 году: пшеницы 1,223 пуда, ячменя $187^1/_2$ п., овса 222 п., озимой ржи $15^1/_2$ п., яровой 12 п., т.-е. въ среднемъ каждое хозяйство засѣяло 30 п. Картофеля посажено 2,830 п., капусты 772 гряды, огурцовъ 165 грядъ. Лошадей имѣютъ 45 хозяевъ, коровъ—49. Многіе изъ нихъ имѣютъ по 2 лошади и по 3 — 4 коровы. По количеству старожиловъ Корсаковка занимаетъ на Сѣверномъ Сахалинѣ едва ли не первое мѣсто. 43 хозяина сидятъ на своихъ участкахъ съ самаго основанія селенія. Переписывая жителей, я встрѣтилъ 8 человѣкъ, которые прибыли на Сахалинъ до 1870 г., а одинъ изъ нихъ присланъ даже въ 1866 г. А высокій процентъ старожиловъ въ колоніи—это добрый знакъ.

Внѣшностью своею Корсаковка до обмана похожа на хорошую русскую деревушку, и, притомъ, глухую, которой еще не коснулась цивилизація. Я тутъ былъ въ первый разъ въ воскресенье послѣ обѣда. Была тихая, теплая погода и чувствовался праздникъ. Мужики спали въ тѣни или пили чай; у воротъ и подъ окнами бабы искали другъ у друга въ головахъ. Въ палисадникахъ и въ огородахъ цвѣты, въ окнахъ герань. Много дѣтей, всѣ на улицѣ и играютъ въ солдаты или въ лошадки и возятся съ сытыми собаками, которымъ хочется спать. А когда

пастухъ, старый бродяга, пригналъ стадо больше чѣмъ въ полтораста головъ и воздухъ наполнился лѣтними звуками,—мычанье, хлопанье бича, крикъ бабъ и дѣтей, загоняющихъ телятъ, глухіе удары босыхъ ногъ и копытъ по пыльной унавоженной дорогѣ,—и когда запахло молокомъ, то иллюзія получилась полная. И даже Дуйка здѣсь привлекательна. Мѣстами течетъ она по задворкамъ, мимо огородовъ; тутъ берега у нея зеленые, поросшіе тальникомъ и осокой; когда я видѣлъ ее, на ея совершенно гладкую поверхность ложились вечернія тѣни; она была тиха и, казалось, дремала.

Здѣсь, какъ и въ богатой Александровской слободкѣ, мы находимъ высокій процентъ старожиловъ, женщинъ и грамотныхъ, большое число женщинъ свободнаго состоянія и почти ту же самую «исторію прошлаго», съ тайною продажей спирта, кулачествомъ и т. п.; разсказываютъ, что въ былое время тутъ въ устройствѣ хозяйствъ также игралъ замѣтную роль фаворитизмъ, когда начальство легко давало въ долгъ и скотъ, и сѣмена, и даже спиртъ, и тѣмъ легче, что корсаковцы будто бы всегда были политиканами и даже самыхъ маленькихъ чиновниковъ величали вашимъ превосходительствомъ. Но, въ отличіе отъ Александровской слободки, здѣсь главною причиной зажиточности являются, все-таки, не продажа спирта, не фаворитизмъ или близость сахалинскаго Парижа, а несомнѣнные успѣхи въ хлѣбопашествѣ. Въ то время, какъ въ слободкѣ четверть хозяевъ обходится безъ

пахотной земли, а другая четверть имѣетъ ея очень мало, здѣсь, въ Корсаковкѣ, всѣ хозяева пашутъ землю и сѣютъ зерновые хлѣба; тамъ половина хозяевъ обходится безъ скота и, все-таки, сыта, здѣсь же почти всѣ хозяева находятъ нужнымъ держать скотъ. По многимъ причинамъ, нельзя относиться къ сахалинскому земледѣлію иначе, какъ скептически, но что оно въ Корсаковкѣ поставлено серьезно и даетъ сравнительно хорошіе результаты, признать необходимо. Нельзя же, вѣдь, допустить, чтобы корсаковцы бросали ежегодно въ землю двѣ тысячи пудовъ зерна только изъ упрямства или изъ желанія угодить начальству. У меня нѣтъ точныхъ цифръ относительно урожаевъ, а показаніямъ самихъ корсаковцевъ вѣрить нельзя, но по нѣкоторымъ признакамъ, какъ, напримѣръ, большое количество скота, внѣшняя обстановка жизни и то, что здѣшніе крестьяне не торопятся уѣзжать на материкъ, хотя давно уже имѣютъ на это право, слѣдуетъ заключить, что урожаи здѣсь не только кормятъ, но и даютъ нѣкоторый избытокъ, располагающій поселенца къ осѣдлой жизни.

Почему корсаковцамъ удается хлѣбопашество въ то время, какъ жители сосѣднихъ селеній терпятъ крайнюю нужду отъ цѣлаго ряда неудачъ и уже отчаялись кормиться когда-либо своимъ хлѣбомъ, объяснить не трудно. Тамъ, гдѣ расположилась Корсаковка, долина рѣки Дуйки наиболѣе широка, и корсаковцы уже съ самаго начала, когда садились на участки, имѣли въ своемъ распоряже-

ніи громадную площадь земли. Они могли не только брать, но и выбирать. Въ настоящее время 20 хозяевъ имѣютъ подъ пашней отъ 3 до 6 и рѣдко кто меньше 2 десятинъ. Если читатель пожелаетъ сравнить здѣшніе участки съ нашими крестьянскими надѣлами, то онъ долженъ еще имѣть въ виду, что пахотная земля здѣсь не ходитъ подъ паромъ, а ежегодно засѣвается вся до послѣдняго вершка, и потому здѣшнія двѣ десятины въ количественномъ отношеніи стоютъ нашихъ трехъ. Пользованіе исключительно большими участками земли и составляетъ весь секретъ успѣха корсаковцевъ. При сахалинскихъ урожаяхъ, колеблющихся въ среднемъ между самъ-другъ и самъ-три, земля можетъ дать достаточно хлѣба только при одномъ условіи: когда ея много. Много земли, много сѣмянъ и дешевый, ничего не стоющій трудъ. Въ тѣ годы, когда зерновой хлѣбъ совсѣмъ не родится, корсаковца выручаютъ овощи и картофель, которые занимаютъ здѣсь тоже солидную площадь—33 десятины.

Недавно существующая ссыльная колонія со своимъ маленькимъ подвижнымъ населеніемъ еще не созрѣла для статистики; при томъ скудномъ цифровомъ матеріалѣ, какой она до сихъ поръ успѣла дать, волей-неволей приходится строить свои выводы лишь на однихъ намекахъ и догадкахъ, при всякомъ подходящемъ случаѣ. Если не бояться упрека въ поспѣшности вывода и данными, относящимися къ Корсаковкѣ, воспользоваться для всей колоніи, то выводъ будетъ такой: при ничтожныхъ са-

халинскихъ урожаяхъ, чтобы не работать въ убытокъ и быть сытымъ, каждый хозяинъ долженъ имѣть болѣе двухъ десятинъ пахотной земли, не считая сѣнокосовъ и земли подъ овощами и картофелемъ. Установить болѣе точную норму въ настоящее время невозможно, но, по всей вѣроятности, она равняется четыремъ десятинамъ. Между тѣмъ, по *Отчету о состояніи сельскаго хозяйства въ 1889 году*, на Сахалинѣ на каждаго владѣльца приходится пахотной земли въ среднемъ только полдесятины (1,555 кв. саж.).

Въ Корсаковкѣ есть домъ, который своими размѣрами, красною крышей и уютнымъ садомъ напоминаетъ помѣщичью усадьбу средней руки. Хозяинъ этого дома, завѣдующій медицинскою частью, д-ръ П. И. Супруненко, уѣхалъ весною, чтобъ экспонировать на тюремной выставкѣ и потомъ навсегда остаться въ Россіи, и въ опустѣвшихъ комнатахъ я засталъ только остатки роскошной зоологической коллекціи, собранной докторомъ. Я не знаю, гдѣ теперь эта коллекція и кто изучаетъ по ней фауну Сахалина, но по немногимъ оставшимся экземплярамъ, въ высшей степени изящнымъ, и по разсказамъ я могъ судить о богатствѣ коллекціи и о томъ, сколько знанія, труда и любви затрачено докторомъ Супруненко на это полезное дѣло. Онъ началъ собирать коллекцію въ 1881 г. и за десять лѣтъ успѣлъ собрать почти всѣхъ позвоночныхъ, встрѣчаемыхъ на Сахалинѣ, а также много матеріала по антро-

пологіи и этнографіи. Его коллекція, еслибъ она осталась на островѣ, могла бы послужить основаніемъ для превосходнаго музея.

При домѣ находится метеорологическая станція. До послѣдняго времени она находилась въ вѣдѣніи д-ра Супруненко, теперь же завѣдуетъ ею инспекторъ сельскаго хозяйства. При мнѣ наблюденія производилъ писарь, ссыльно-каторжный Головацкій, толковый и обязательный человѣкъ, снабдившій меня метеорологическими таблицами. Уже можно сдѣлать выводъ изъ наблюденій за девять лѣтъ и я постараюсь дать нѣкоторое понятіе о климатѣ Александровскаго округа, хотя, признаюсь, это очень скучно. Владивостокскій городской голова както сказалъ мнѣ, что у нихъ во Владивостокѣ и вообще по всему восточному побережью «нѣтъ никакого климата», про Сахалинъ же говорятъ, что климата здѣсь нѣтъ, а есть дурная погода, и что этотъ островъ — самое ненастное мѣсто въ Россіи. Не знаю, насколько вѣрно послѣднее; при мнѣ было очень хорошее лѣто, но метеорологическія таблицы и краткіе отчеты другихъ авторовъ даютъ въ общемъ картину необычайнаго ненастья. Климатъ Александровскаго округа морской и отличается своимъ непостоянствомъ, т.-е. значительными колебаніями средней температуры года, числа дней съ осадками и проч. *); низкая средняя температура года,

*) Средняя температура года колеблется между +1,2 и —1,2, чис-

громадное количество осадковъ и пасмурныхъ дней составляютъ его главныя особенности. Для сравненія я возьму среднія мѣсячныя температуры Александровскаго округа и Череповецкаго уѣзда, Новгородской губерніи, гдѣ «суровый, сырой, непостоянный и неблагопріятный для здоровья климатъ» *):

	Алекс. окр.	Черепов. уѣздъ.
Январь	—18,9	—11,0
Февраль	—15,1	— 8,2
Мартъ	—10,1	— 1,8
Апрѣль	+ 0,1	+ 2,8
Май	+ 5,9	+12,7
Іюнь	+11,0	+17,5
Іюль	+16,3	+18,5
Августъ	+17,0	+13,5
Сентябрь	+11,4	+ 6,8
Октябрь	+ 3,7	+ 1,8
Ноябрь	— 5,5	— 5,7
Декабрь	—13,8	—12,8

Средняя годовая температура въ Александровскомъ округѣ равна +0,1, т.-е. почти 0, а Череповецкаго

ло дней съ осадками между 102 и 209; тихихъ безвѣтренныхъ дней въ 1881 г. было только 35, а въ 1884 г. въ три раза больше—112.

*) *П. Грязновъ:* „Опытъ сравнительнаго изученія гигіеническихъ условій крестьянскаго быта и медико-топографія Череповецкаго уѣзда“, 1880 г. Градусы по реомюру у г. Грязнова я перевожу на Цельсія.

уѣзда +2,7. Зима въ Александровскомъ округѣ суровѣе, чѣмъ въ Архангельскѣ, весна и лѣто какъ въ Финляндіи и осень какъ въ Петербургѣ, средняя годовая температура какъ въ Соловецкихъ островахъ, гдѣ она тоже равна нулю. Въ долинѣ Дуйки наблюдается вѣчная мерзлота. Поляковъ нашелъ ее 20 іюня на глубинѣ $^3/_4$ аршина. Онъ же 14 іюля нашелъ подъ кучами мусора и въ ложбинахъ около горъ снѣгъ, который растаялъ только въ концѣ іюля. 24 іюля 1889 г. на горахъ, которыя здѣсь не высоки, выпалъ снѣгъ и всѣ нарядились въ шубы и тулупы. Вскрытія Дуйки за 9 лѣтъ наблюдались: самое раннее 23 апрѣля и самое позднее 6 мая. За всѣ девять зимъ ни разу не было оттепели. 181 день въ году бываетъ морозъ и въ 151 дуетъ холодный вѣтеръ. Все это имѣетъ важное практическое значеніе. Въ Череповецкомъ уѣздѣ, гдѣ лѣто теплѣе и продолжительнѣе, по Чернову, не могутъ хорошо вызрѣвать греча, огурцы и пшеница, а въ Александровскомъ округѣ, по свидѣтельству здѣшняго инспектора сельскаго хозяйства, ни въ одинъ годъ не была наблюдаема сумма тепла, достаточная для полнаго вызрѣванія овса и пшеницы.

Наибольшаго вниманія со стороны агронома и гигіениста заслуживаетъ здѣшняя чрезмѣрная влажность. Въ году бываетъ дней съ осадками въ среднемъ 189: 107 со снѣгомъ и 82 съ дождемъ (въ Череповецкомъ уѣздѣ 81 день съ дождемъ и 82 со снѣгомъ). Небо по цѣлымъ недѣлямъ бываетъ сплошь покрыто свинцовыми облака-

ми и безотрадная погода, которая тянется изо дня въ день, кажется жителямъ безконечною. Такая погода располагаетъ къ угнетающимъ мыслямъ и унылому пьянству. Быть можетъ, подъ ея вліяніемъ многіе холодные люди стали жестокими и многіе добряки и слабые духомъ, не видя по цѣлымъ недѣлямъ и даже мѣсяцамъ солнца, навсегда потеряли надежду на лучшую жизнь. Поляковъ пишетъ про іюнь 1881 г., что не было ни одного яснаго дня въ теченіе всего мѣсяца, а изъ отчета инспектора сельскаго хозяйства видно, что за четырехлѣтній періодъ въ промежутокъ отъ 18 мая по 1 сентября число ясныхъ дней въ среднемъ не превышаетъ 8. Туманы здѣсь довольно частое явленіе, особенно на морѣ, гдѣ они представляютъ для моряковъ настоящее бѣдствіе; соленые морскіе туманы, какъ говорятъ, дѣйствуютъ разрушающимъ образомъ на прибрежную растительность, и на деревья, и на луга. Ниже я буду говорить о селеніяхъ, жители которыхъ, благодаря, главнымъ образомъ, этимъ туманамъ, уже перестали сѣять зерновые хлѣба и всю свою пахотную землю пускаютъ подъ картофель. Однажды въ ясную солнечную погоду я видѣлъ, какъ съ моря надвигалась стѣна тумана совершенно бѣлаго, молочнаго цвѣта; походило на то, какъ будто съ неба на землю опустился бѣлый занавѣсъ.

Метеорологическая станція снабжена инструментами, провѣренными и пріобрѣтенными въ главной физической обсерваторіи въ Петербургѣ. Библіотеки при ней нѣтъ.

Кромѣ вышеупомянутаго писаря Головацкаго и его жены, на станціи я еще записалъ шесть работниковъ и одну работницу. Что они тутъ дѣлаютъ, не знаю.

Въ Корсаковкѣ есть школа и часовня. Былъ и больничный околотокъ, гдѣ вмѣстѣ помѣщались 14 сифилитиковъ и 3 сумасшедшихъ; одинъ изъ послѣднихъ заразился сифилисомъ. Говорятъ также, что сифилитики приготовляли для хирургическаго отдѣленія морской канатъ и корпію. Но я не успѣлъ побывать въ этомъ средневѣковомъ учрежденіи, такъ какъ въ сентябрѣ оно было закрыто молодымъ военнымъ врачомъ, исправлявшимъ временно должность тюремнаго врача. Если бы здѣсь сумасшедшихъ сожигали на кострахъ по распоряженію тюремныхъ врачей, то и это не было бы удивительно, такъ какъ мѣстные больничные порядки отстали отъ цивилизаціи, по крайней мѣрѣ, лѣтъ на двѣсти.

Въ одной избѣ уже въ сумеркахъ я засталъ человѣка лѣтъ сорока, одѣтаго въ пиджакъ и въ брюки на выпускъ; бритый подбородокъ, грязная, некрахмаленная сорочка, подобіе галстука — по всѣмъ видимостямъ привилегированный. Онъ сидѣлъ на низкой скамеечкѣ и изъ глиняной чашки ѣлъ солонину и картофель. Онъ назвалъ свою фамилію съ окончаніемъ на *кій* и мнѣ почему-то показалось, что я вижу передъ собой одного бывшаго офицера, тоже на *кій*, который за дисциплинарное преступленіе былъ присланъ на каторгу.

— Вы бывшій офицеръ?—спросилъ я.

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе, я священникъ.

Не знаю, за что его прислали на Сахалинъ, да и не спрашивалъ я объ этомъ; когда человѣкъ, котораго еще такъ недавно звали отцомъ Іоанномъ и батюшкой и которому цѣловали руку, стоитъ передъ вами на вытяжку, въ жалкомъ поношенномъ пиджакѣ, то думаешь не о преступленіи. Въ другой избѣ я наблюдалъ такую сцену. Молодой каторжный, брюнетъ съ необыкновенно грустнымъ лицомъ, одѣтый въ щегольскую блузу, сидитъ у стола, подперевъ голову обѣими руками, хозяйка каторжная убираетъ со стола самоваръ и чашки. На мой вопросъ, женатъ ли онъ, молодой человѣкъ отвѣчаетъ, что за нимъ на Сахалинъ прибыла добровольно его жена съ дочерью, но что вотъ уже два мѣсяца какъ она уѣхала съ ребенкомъ въ Николаевскъ и не возвращается, хотя онъ послалъ ей уже нѣсколько телеграммъ. «И не вернется,—говоритъ хозяйка съ какимъ-то злорадствомъ.— Что ей тутъ дѣлать? Сахалина твоего не видала, что ли? Легко ли дѣло!» Онъ молчитъ, а она опять: «И не вернется. Баба она молодая, вольная,—чего ей? Залетѣла какъ птица—и была такова, ни слуху, ни духу. Вотъ не то, что я да ты. Не убивала бы я мужа, а ты бы не поджигалъ, и мы тоже были бы теперь вольные, а теперь вотъ: сиди и жди вѣтра въ полѣ, свою женушку, да пускай вотъ твое сердце кровью обливается»... Онъ страдаетъ, на душѣ у него, повидимому, свинецъ, а она

пилитъ его и пилитъ; выхожу изъ избы, а голосъ ея все слышно.

Въ Корсаковкѣ вмѣстѣ со мной ходилъ по избамъ каторжный Кисляковъ, довольно странный человѣкъ. Судебные репортеры, вѣроятно, еще не забыли его. Это тотъ самый Кисляковъ, изъ военныхъ писарей, который въ Петербургѣ на Николаевской убилъ молоткомъ свою жену и самъ явился къ градоначальнику объявить о своемъ преступленіи. По его разсказу, жена у него была красавица и онъ очень любилъ ее, но какъ-то разъ, повздоривъ съ ней, онъ поклялся передъ образомъ, что убьетъ ее, и съ этого времени до самаго убійства какая-то невидимая сила не переставала шептать ему на ухо: «убей, убей!» До суда онъ сидѣлъ въ больницѣ св. Николая; вѣроятно, поэтому, самъ считаетъ себя психопатомъ, такъ какъ не разъ просилъ меня похлопотать о томъ, чтобы его признали сумасшедшимъ и заточили въ монастырь. Вся его каторга заключается въ томъ, что въ тюрьмѣ ему поручено дѣлать колышки для прикрѣпленія привѣсковъ къ хлѣбнымъ порціямъ — работа, кажется, не трудная, но онъ нанимаетъ вмѣсто себя другого, а самъ «даетъ уроки», т.-е. ничего не дѣлаетъ. Одѣтъ онъ въ пиджачный костюмъ изъ парусинки и наружность имѣетъ благообразную. Парень не далекій, но говорунъ и философъ. «Гдѣ блохи, тамъ и дѣти», — говорилъ онъ сладкимъ бархатнымъ баритономъ всякій разъ при видѣ дѣтей. Когда спрашивали при немъ, зачѣмъ я дѣлаю пе-

репись, онъ говорилъ: «Затѣмъ, чтобы всѣхъ насъ отправить на луну. Знаешь, гдѣ луна?» А когда мы поздно вечеромъ возвращались пѣшкомъ въ Александровскъ, онъ нѣсколько разъ, что называется, ни къ селу, ни къ городу, повторилъ: «Месть есть самое благородное чувство».

Дальше вверхъ по Дуйкѣ слѣдуетъ селеніе *Ново-Михайловское,* основанное въ 1872 г. и названное такъ потому, что Мицуля звали Михаиломъ. У многихъ авторовъ оно называется Верхнимъ Урочищемъ, а у здѣшнихъ поселенцевъ — Пашней. Жителей въ селеніи 520: 287 м. и 233 ж. Хозяевъ 133 и изъ нихъ двое имѣютъ совладѣльцевъ. Пахотные участки показаны въ подворной описи у всѣхъ хозяевъ, крупный скотъ имѣется у 84, но, тѣмъ не менѣе, все-таки, избы, за немногими исключеніями, поражаютъ своею бѣдностью и жители въ одинъ голосъ заявляютъ, что на Сахалинѣ не проживешь «никакимъ родомъ». Разсказываютъ, что въ прежніе годы, когда бѣдность въ Ново-Михайловкѣ была вопіющая, изъ селенія вела въ Дуэ тропинка, которую протоптали каторжныя и свободныя женщины, ходившія въ Дуйскую и Воеводскую тюрьмы продавать себя арестантамъ за мѣдные гроши. Могу удостовѣрить, что тропинка эта не заросла еще и до сихъ поръ. Тѣ изъ жителей, которые, подобно корсаковцамъ, имѣютъ большіе пахотные участки, отъ 3 до 6 и даже 8 десятинъ, не бѣдствуютъ, но такихъ участковъ мало и съ каждымъ годомъ становится

все меньше и меньше, и въ настоящее время больше половины хозяевъ владѣютъ участками отъ $^1/_8$ до $1^1/_2$ дес., а это значитъ, что хлѣбопашество даетъ имъ одни только убытки. Хозяева-старожилы, искушенные опытомъ, сѣютъ только ячмень и свои пахотные участки стали пускать подъ картофель.

Земля здѣсь не служитъ приманкой и не располагаетъ къ осѣдлой жизни. Изъ тѣхъ хозяевъ, которые сѣли на участки въ первые четыре года послѣ основанія селенія, не осталось ни одного; съ 1876 г. сидятъ 9, съ 1877 г.— 7, съ 1878 г.—2, съ 1879 г.—4, а всѣ остальные— новички.

Въ Ново-Михайловкѣ телеграфная станція, школа, казарма для богадѣльщиковъ и остовъ недостроенной деревянной церкви. Есть пекарня, гдѣ пекутъ хлѣбъ для каторжныхъ, занятыхъ дорожными работами въ районѣ Ново-Михайловки; пекутъ, должно быть, безъ всякаго контроля со стороны начальства, такъ какъ хлѣбъ здѣсь отвратительный.

Каждому «благородному», проѣзжающему черезъ Ново-Михайловку, не миновать познакомиться съ живущимъ здѣсь крестьяниномъ изъ ссыльныхъ Потемкинымъ. Когда на Сахалинъ пріѣзжаетъ какое-нибудь важное лицо, то Потемкинъ подноситъ ему хлѣбъсоль; когда хотятъ доказать, что сельско-хозяйственная колонія удалась, то указываютъ обыкновенно на Потемкина. Въ подворной описи у него показано 20 лошадей и 9 го-

ловъ рогатаго скота, но говорятъ, что лошадей у него вдвое больше. Нѣкоторые корреспонденты описываютъ, какое они ѣли у него масло и какой вкусный хлѣбъ, съ такимъ жизнерадостнымъ чувствомъ, какъ будто у себя дома они никогда не ѣли ничего подобнаго. Онъ имѣетъ лавочку, и есть у него еще лавочка въ Дуэ, гдѣ торгуетъ его сынъ. Впечатлѣніе производитъ онъ дѣловаго, умнаго и зажиточнаго раскольника. Въ комнатахъ у него чисто, стѣны оклеены обоями и есть картина: *Маріенбадъ*, *морскія купанья близъ Либавы;* самъ онъ и его жена старушка степенны, разсудительны и въ разговорѣ политичны. Когда я пилъ у него чай, то онъ и его жена говорили мнѣ, что жить на Сахалинѣ можно и земля хорошо родитъ, но что все горе въ томъ, что нынче народъ облѣнился, избаловался и не старается. Я спросилъ его: правду ли говорятъ, что онъ угощалъ одну важную особу арбузами и дынями изъ собственныхъ огородовъ? Онъ не моргнулъ глазомъ и отвѣтилъ: «Это точно, дыни здѣсь, случается, поспѣваютъ» *).

Въ Ново-Михайловкѣ проживаетъ еще одна сахалинская знаменитость—поселенецъ Терскій, бывшій палачъ. Онъ кашляетъ, держится за грудь блѣдными, костлявыми

*) Потемкинъ прибылъ на Сахалинъ уже богатымъ. Д-ръ Августиновичъ, видѣвшій его черезъ три года послѣ его прибытія на Сахалинъ, пишетъ, что „лучше всѣхъ домъ ссыльнаго Потемкина". Если за трехлѣтній періодъ каторжный Потемкинъ успѣлъ [построить себѣ хорошій домъ, завести лошадей и выдать дочь за сахалинскаго чиновника, то, я думаю, сельское хозяйство тутъ не причемъ.

руками и жалуется, что у него животъ надорванъ. Сталъ онъ чахнуть съ того дня, какъ по приказанію начальства за какую-то провинность былъ наказанъ теперешнимъ александровскимъ палачомъ Комелевымъ. Комелевъ такъ постарался, что «чуть души не вышибъ». Но скоро провинился въ чемъ-то Комелевъ—и наступилъ праздникъ для Терскаго. Этотъ далъ себѣ волю и въ отместку отодралъ коллегу такъ жестоко, что у того, по разсказамъ, до сихъ поръ гноится тѣло. Говорятъ, что если двухъ ядовитыхъ пауковъ посадить въ одну банку, то они заѣдятъ другъ друга до смерти.

До 1888 г. Ново-Михайловка была послѣднимъ селеніемъ по Дуйкѣ, теперь же есть еще *Красный Яръ* и *Бутаково*. Къ этимъ селеніямъ отъ Ново-Михайловки проводятъ дорогу. Первую половину пути къ Красному Яру, версты три, мнѣ пришлось ѣхать по новой, гладкой и прямой, какъ линейка, дорогѣ, а вторую по живописной тайговой просѣкѣ, на которой пни уже выкорчеваны и ѣзда легка и пріятна, какъ по хорошей проселочной дорогѣ. Крупные строевые экземпляры деревьевъ по пути почти вездѣ уже срублены, но тайга все еще внушительна и красива. Березы, осины, тополи, ивы, ясени, бузина, черемуха, таволга, боярышникъ, а между ними трава въ ростъ человѣка и выше; гигантскіе папоротники и лопухи, листья которыхъ имѣютъ болѣе аршина въ діаметрѣ, вмѣстѣ съ кустарниками и деревьями сливаются въ густую непроницаемую чащу, дающую пріютъ

медвѣдямъ, соболямъ и оленямъ. По обѣ стороны, гдѣ кончается узкая долина и начинаются горы, зеленою стѣной стоятъ хвойные лѣса изъ пихтъ, елей и лиственицъ, выше ихъ опять лиственный лѣсъ, а вершины горъ лысы или покрыты кустарникомъ. Такихъ громадныхъ лопуховъ, какъ здѣсь, я не встрѣчалъ нигдѣ въ Россіи, и они-то, главнымъ образомъ, придаютъ здѣшней чащѣ, лѣснымъ полянамъ и лугамъ оригинальную физіономію. Я уже писалъ, что ночью, особенно при лунномъ свѣтѣ, они представляются фантастическими. Въ этомъ отношеніи декорацію пополняетъ еще одно великолѣпное растеніе изъ семейства зонтичныхъ, которое, кажется, не имѣетъ на русскомъ языкѣ названія: прямой стволъ вышиною до десяти футовъ и толщиною въ основаніи три дюйма, пурпурово-красный въ верхней части, держитъ на себѣ зонтикъ до одного фута въ поперечникѣ; около этого главнаго зонта группируются 4—6 зонтовъ меньшаго размѣра, придающіе растенію видъ канделябра. По-латыни это растеніе называется angelophyllum ursinum *).

Красный Яръ существуетъ только второй годъ. Въ немъ одна широкая улица, но дороги еще нѣтъ, и отъ

*) Большинству авторовъ здѣшній пейзажъ не нравится. Это оттого, что они пріѣзжали на Сахалинъ, находясь еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ цейлонской и японской или амурской природы, и оттого, что они начинали съ Александровска и Дуэ, гдѣ природа въ самомъ дѣлѣ жалка. Виновата въ этомъ и здѣшняя погода. Какъ бы ни былъ красивъ и оригиналенъ сахалинскій пейзажъ, но если онъ по недѣлямъ прячется въ туманѣ или въ дождѣ, то трудно оцѣнить его по достоинству.

избы къ избѣ ходятъ по кочкамъ, по кучамъ глины и стружкамъ и прыгаютъ черезъ бревна, пни и канавы, въ которыхъ застоялась коричневая вода. Избы еще не готовы. Одинъ хозяинъ дѣлаетъ кирпичи, другой мажетъ печку, третій тащитъ черезъ улицу бревно. Всѣхъ хозяевъ 51. Изъ нихъ трое—и между ними китаецъ Пен-Оги-Цой—побросали свои начатыя избы, ушли и неизвѣстно никому, гдѣ они теперь. А кавказцы, ихъ здѣсь семеро, уже прекратили работы, сбились всѣ въ одну избу и жмутся отъ холода, хотя еще только второе августа. Что селеніе еще молодо и едва начинаетъ свою жизнь, видно также изъ цифръ. Жителей 90, причемъ мужчины относятся къ женщинамъ, какъ 2 къ 1; законныхъ семей—3, а свободныхъ—20, и дѣтей до пятилѣтняго возраста только 9. Лошадей имѣютъ 3 хозяина, коровъ 9. Въ настоящее время всѣ хозяева получаютъ арестантскій паекъ, но чѣмъ они будутъ питаться впослѣдствіи, пока неизвѣстно; на хлѣбопашество же, во всякомъ случаѣ, надежды плохія. До сихъ поръ успѣли найти и раскорчевать подъ пашню и картофель только $24^1/_4$ дес., т.-е. меньше чѣмъ $^1/_2$ дес. на хозяйство. Сѣнокосовъ нѣтъ вовсе. А такъ какъ долина здѣсь узка и съ обѣихъ сторонъ стиснута горами, на которыхъ ничего не родится, и такъ какъ администрація не останавливается ни передъ какими соображеніями, когда ей нужно сбыть съ рукъ людей, и навѣрное ежегодно будетъ сажать сюда на участки десятки новыхъ хозяевъ, то пахотные участки останутся

такими же, какъ теперь, т.-е. въ $^1/_8$, $^1/_4$ и $^1/_2$ дес., а пожалуй и меньше. Я не знаю, кто выбиралъ мѣсто для Краснаго Яра, но по всему видно, что это возложено было на людей некомпетентныхъ, никогда не бывавшихъ въ деревнѣ, а, главное, меньше всего думавшихъ о сельско-хозяйственной колоніи. Тутъ даже порядочной воды нѣтъ. Когда я спросилъ, откуда берутъ воду для питья, то мнѣ указали на канаву.

Всѣ избы здѣсь на одинаковый фасонъ, 8×8 или 7×7 арш., двухъоконныя, строются изъ плохого и сырого лѣса, съ единственнымъ разсчетомъ—отбыть какъ-нибудь поселенческій срокъ и уѣхать на материкъ. Контроля надъ постройками со стороны администраціи нѣтъ, вѣроятно, по той причинѣ, что между чиновниками нѣтъ ни одного, который зналъ бы, какъ нужно строить избы и класть печи. По штату, впрочемъ, на Сахалинѣ полагается архитекторъ, но при мнѣ его не было, да и завѣдуетъ онъ, кажется, одними только казенными постройками. Веселѣе и привѣтливѣе всѣхъ смотритъ казенный домъ, гдѣ живетъ надзиратель Убіенныхъ, маленькій, тщедушный солдатикъ, съ выраженіемъ, которое вполнѣ подходитъ къ его фамиліи; на лицѣ у него, въ самомъ дѣлѣ, что-то убіенное, горько-недоумѣвающее. Быть можетъ, это оттого, что съ нимъ въ одной комнатѣ живетъ высокая и полная поселка, его сожительница, подарившая его многочисленнымъ семействомъ. Онъ состоитъ уже на старшемъ надзирательскомъ окладѣ и вся служба

его заключается только въ докладахъ пріѣзжающимъ, что все на этомъ свѣтѣ обстоитъ благополучно, но и ему не нравится Красный Яръ и хочется вонъ изъ Сахалина. Онъ меня спрашивалъ: пустятъ ли его сожительницу съ нимъ вмѣстѣ, когда онъ выйдетъ въ запасъ и пойдетъ на материкъ? Этотъ вопросъ его очень безпокоитъ.

Въ Бутаковѣ *) я не былъ. По даннымъ подворной описи, часть которыхъ я могъ провѣрить и дополнить по исповѣдной книгѣ священника, всѣхъ жителей тамъ 39. Взрослыхъ женщинъ только 4. Хозяевъ 22. Готовы пока 4 дома, а у остальныхъ хозяевъ стоятъ еще срубы. Земли подъ пашней и картофелемъ всего $4^1/_2$ дес. Скота и птицы пока нѣтъ еще ни у одного хозяина.

Покончивъ съ долиной Дуйки, перехожу къ небольшой рѣчкѣ Аркай, на которой стоятъ три селенія. Избрана долина Аркая для поселеній не потому, чтобы она была лучше другихъ изслѣдована или удовлетворяла потребностямъ колоніи, а просто случайно, только потому, что она находится къ Александровску ближе другихъ долинъ.

*) Названо такъ селеніе въ честь А. М. Бутакова, начальника Тымовскаго округа.

VIII.

Рѣка Аркай.—Арковскій кардонъ.—Первое, Второе и Третье Арково.—Арковская долина.—Селенія по западному побережью: Мгачи, Танги, Хоэ, Трамбаусъ, Віахты и Ванги.—Туннель.—Кабельный домикъ.—Дуэ.—Казармы для семейныхъ.—Дуйская тюрьма.—Каменноугольныя копи.—Воеводская тюрьма.—Прикованные къ тачкамъ.

Рѣчка Аркай впадаетъ въ Татарскій проливъ, верстъ на 8—10 сѣвернѣе Дуйки. Еще недавно она была настоящею рѣкой и въ ней ловили рыбу горбушу, теперь же, вслѣдствіе лѣсныхъ пожаровъ и порубокъ, она обмелѣла и къ лѣту пересыхаетъ совершенно. Впрочемъ, во время сильныхъ дождей она разливается по-весеннему, бурно и шумно, и тогда даетъ себя знать. Уже случалось не разъ, что она смывала съ береговъ огороды и уносила въ море сѣно и весь поселенческій урожай. Уберечься отъ такой бѣды невозможно, такъ какъ долина узка и уйти отъ рѣки можно только на горы *).

У самаго устья Аркая при поворотѣ на долину стоитъ

*) Лѣтъ пять назадъ одинъ важный человѣкъ, бесѣдуя съ поселенцами о сельскомъ хозяйствѣ и давая имъ совѣты, сказалъ, между прочимъ: „Имѣйте въ виду, что въ Финляндіи сѣютъ хлѣбъ по склонамъ горъ". Но Сахалинъ — не Финляндія; климатическія, а главнымъ образомъ почвенныя условія исключаютъ какую бы то ни было культуру на здѣшнихъ горахъ. Инспекторъ сельскаго хозяйства въ своемъ отчетѣ совѣтуетъ завести овецъ, которыя могли бы „съ выгодою использовать тѣ скудные, но многочисленные выгоны по склонамъ горъ, на которыхъ крупный скотъ не наѣдается". Но совѣтъ этотъ не имѣетъ практическаго значенія, такъ какъ овцы могли бы „использовать" выгоны только въ теченіе короткаго лѣта, а въ длинную зиму онѣ околѣвали бы съ голоду.

гиляцкая деревушка Аркай-во, давшая названіе арковскому кардону и тремъ селеніямъ: Первому, Второму и Третьему Арково. Изъ Александровска въ арковскую долину ведутъ двѣ дороги: одна—горная, по которой при мнѣ не было проѣзда, такъ какъ во время лѣсныхъ пожаровъ на ней сгорѣли мосты, и другая—по берегу моря; по этой послѣдней ѣзда возможна только во время отлива. Въ первый разъ я выѣхалъ къ Аркаю 31 іюля въ 8 часовъ утра. Отливъ начинался. Пахло дождемъ. Пасмурное небо, море, на которомъ не видать ни одного паруса, и крутой глинистый берегъ были суровы; глухо и печально шумѣли волны. Съ высокаго берега смотрѣли внизъ чахлыя, больныя деревья; здѣсь на открытомъ мѣстѣ каждое изъ нихъ въ одиночку ведетъ жестокую борьбу съ морозами и холодными вѣтрами, и каждому приходится осенью и зимой въ длинныя страшныя ночи качаться неугомонно изъ стороны въ сторону, гнуться до земли, жалобно скрипѣть,—и никто не слышитъ этихъ жалобъ.

Арковскій кардонъ находится около гиляцкой деревушки. Прежде онъ имѣлъ значеніе сторожевого пункта, въ немъ жили солдаты, которые ловили бѣглыхъ, теперь же здѣсь живетъ надзиратель, исполняющій должность, кажется, смотрителя поселеній. Верстахъ въ двухъ отъ кардона расположилось *Первое Арково*. Оно имѣетъ одну только улицу и, благодаря условіямъ мѣста, можетъ рости только въ длину, но не въ ширину. Когда совре-

менемъ всѣ три Арково сольются вмѣстѣ, то Сахалинъ будетъ имѣть очень большое село, состоящее изъ одной только улицы. Основано Первое Арково въ 1883 г. Жителей 136: 83 м. и 53 ж. Хозяевъ 28 и всѣ они живутъ семейно, кромѣ каторжной Павловской, католички, у которой недавно умеръ сожитель, настоящій хозяинъ дома; она убѣдительно просила меня: «Назначь мнѣ хозяина!» Трое имѣютъ по два дома. *Второе Арково* основано въ 1884 г. Въ немъ жителей 92: 46 м. и 46 ж. Хозяевъ 24, всѣ живутъ семейно. Изъ нихъ двое имѣютъ по два дома. *Третье Арково* основано одновременно со Вторымъ, и изъ этого видно, какъ спѣшили заселить арковскую долину. Жителей 41: 19 м. и 22 ж. Хозяевъ 10 и при нихъ одинъ совладѣлецъ. Семейно живутъ 9.

Въ трехъ Арково пахотная земля показана у всѣхъ хозяевъ и величина участковъ колеблется между $^1/_2$ и 2 дес. У одного показано 3 дес. Сѣютъ въ немаломъ количествѣ пшеницу, ячмень и рожь, сажаютъ картофель. У большинства есть скотъ и домашняя птица. Если судить по даннымъ подворной описи, собраннымъ смотрителемъ поселеній, то можно придти къ выводу, что всѣ три Арково въ короткій срокъ своего существованія значительно преуспѣли въ сельскомъ хозяйствѣ; не даромъ одинъ анонимный авторъ пишетъ про здѣшнее земледѣліе: «Трудъ этотъ съ избыткомъ вознаграждается, благодаря почвеннымъ условіямъ этой мѣстности, которыя весьма благопріятны для земледѣлія, что сказывается въ

силѣ лѣсной и луговой растительности». На самомъ же дѣлѣ это не такъ. Всѣ три Арково принадлежатъ къ бѣднѣйшимъ селеніямъ Сѣвернаго Сахалина. Здѣсь есть пахотная земля, есть скотъ, но ни разу не было урожая. Помимо неблагопріятныхъ условій, общихъ для всего Сахалина, здѣшніе хозяева встрѣчаютъ серьезнаго врага еще въ особенностяхъ арковской долины и, прежде всего, въ почвѣ, которую такъ хвалитъ только что цитированный авторъ. Почва здѣсь вершковый слой перегноя, а подпочва—галька, которая въ жаркіе дни нагрѣвается такъ сильно, что сушитъ корни растеній, а въ дождливую пору не пропускаетъ влаги, такъ какъ лежитъ на глинѣ; отъ этого корни гніютъ. На такой почвѣ, повидимому, безъ вреда для себя могутъ уживаться только растенія съ крѣпкими, глубоко-сидящими корнями, какъ, напримѣръ, лопухи, а изъ культурныхъ только корнеплоды, брюква и картофель, для которыхъ, къ тому же, почва обрабатывается лучше и глубже, чѣмъ для злаковъ. О бѣдствіяхъ, причиняемыхъ рѣкой, я уже говорилъ. Сѣнокосовъ совсѣмъ нѣтъ, сѣно косятъ на клочкахъ въ тайгѣ или жнутъ его серпами, гдѣ попадется, а кто побогаче, тѣ покупаютъ его въ Тымовскомъ округѣ. Разсказываютъ про цѣлыя семьи, которыя въ теченіе зимы не имѣли ни куска хлѣба и питались одною только брюквой. Не задолго до моего пріѣзда во Второмъ Арковѣ умеръ съ голода поселенецъ Скоринъ. По разсказамъ сосѣдей, онъ въ продолженіе трехъ дней съѣдалъ только

одинъ фунтъ хлѣба, и такъ очень долгое время. «Всѣхъ насъ ждетъ та же участь»,—говорили мнѣ сосѣди, напуганные его смертью. Описывая свое житье-бытье, помню, три женщины принимались плакать. Въ одной избѣ безъ мебели, съ темною унылою печью, занимавшею полкомнаты, около бабы-хозяйки плакали дѣти и пищали цыплята; она на улицу—дѣти и цыплята за ней. Она, глядя на нихъ, смѣется и плачетъ, и извиняется передо мной за плачъ и пискъ; говоритъ, что это съ голоду, что она ждетъ не дождется, когда вернется мужъ, который ушелъ въ городъ продавать голубику, чтобы купить хлѣба. Она рубитъ капустные листья и даетъ цыплятамъ, тѣ съ жадностью бросаются и, обманутые, поднимаютъ еще бо̀льшій пискъ. Въ одной избѣ помѣщается мужикъ, мохнатый, какъ паукъ, съ нависшими бровями, каторжный, грязный, и съ нимъ другой такой же мохнатый и грязный; у обоихъ большія семьи, а въ избѣ, какъ говорится, срамота и злыдни—даже гвоздя нѣтъ. А кромѣ плача, писка и такихъ фактовъ, какъ смерть Скорина, сколько всякаго рода косвенныхъ выраженій нужды и голода! Въ Третьемъ Арковѣ изба поселенца Петрова стоитъ заперта, потому что самъ онъ «отправленъ, за нерадѣніе къ хозяйству и самовольный зарѣзъ на мясо телка, въ Воеводскую тюрьму, гдѣ и находится». Очевидно, теленокъ зарѣзанъ изъ нужды и проданъ въ Александровскѣ. Сѣмена, взятыя изъ казны въ долгъ для посѣва, значатся въ подворной описи посѣянными, на

самомъ же дѣлѣ они на половину съѣдены, и сами поселенцы въ разговорѣ не скрываютъ этого. Скотъ, какой есть, взятъ изъ казны въ долгъ и кормится на казенный счетъ. Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ: всѣ арковцы должны, задолженность ихъ ростетъ съ каждымъ новымъ посѣвомъ, съ каждою лишнею головой скота, а у нѣкоторыхъ она простирается уже до неоплатной цифры—двухъ и даже трехъ сотъ рублей на душу.

Между Вторымъ и Третьимъ Арково находится *Арковскій Станокъ*, гдѣ мѣняютъ лошадей, когда ѣдутъ въ Тымовскій округъ. Это почтовая станція или постоялый дворъ. Если мѣрить на нашъ русскій аршинъ, то при здѣшней довольно скромной гоньбѣ достаточно было бы на Станкѣ двухъ-трехъ работниковъ при одномъ надзирателѣ. Но на Сахалинѣ любятъ все на широкую ногу. Кромѣ надзирателя, на Станкѣ живутъ еще писарь, разсыльный, конюхъ, два хлѣбопека, три дровотаска и еще четыре работника, которые на вопросъ, что они тутъ дѣлаютъ, отвѣтили мнѣ: «Ношу сѣно».

Если художнику-пейзажисту случится быть на Сахалинѣ, то рекомендую его вниманію арковскую долину. Это мѣсто, помимо красоты положенія, чрезвычайно богато красками, такъ что трудно обойтись безъ устарѣвшаго сравненія съ пестрымъ ковромъ или калейдоскопомъ. Вотъ густая сочная зелень съ великанами - лопухами, блестящими отъ только что бывшаго дождя, рядомъ съ ней на площадкѣ не больше, какъ сажени въ три, зеле-

нѣетъ рожь, потомъ клочокъ съ ячменемъ, а тамъ опять лопухъ, за нимъ клочокъ земли съ овсомъ, потомъ грядка съ картофелемъ, два недоросля подсолнуха съ поникшими головами, затѣмъ клинушкомъ входитъ густо-зеленый конопляинникъ, тамъ и сямъ гордо возвышаются растенія изъ семейства зонтичныхъ, похожія на канделябры, и вся эта пестрота усыпана розовыми, ярко-красными и пунцовыми пятнышками отъ мака. По дорогѣ встрѣчаются бабы, которыя укрылись отъ дождя большими листьями лопуха, какъ косынками, и оттого похожи на зеленыхъ жуковъ. А по сторонамъ горы, хотя и не Кавказскія, но, все-таки, горы.

По западному побережью, выше устья Аркая, имѣются шесть незначительныхъ селеній. Я не былъ ни въ одномъ изъ нихъ и относящіяся къ нимъ цифры взяты мною изъ подворной описи и исповѣдной книги. Основывались они на выдающихся въ море мысахъ или у устьевъ небольшихъ рѣчекъ, отъ которыхъ и получали свои названія. Началось со сторожевыхъ пикетовъ, иногда изъ 4—5 человѣкъ, съ теченіемъ же времени, когда однихъ этихъ пикетовъ оказалось недостаточно, рѣшено было (въ 1882 г.) заселить самые большіе мысы между Дуэ и Погоби благонадежными, преимущественно семейными поселенцами. Цѣль учрежденія этихъ селеній и кордоновъ при нихъ: «дать возможность проѣзжающей изъ Николаевска почтѣ, пассажирамъ и каюрамъ имѣть пріютъ и охрану во время пути и установить общій поли-

цейскій надзоръ за береговою линіей, представляющею изъ себя единственный (?) возможный путь для бѣглыхъ арестантовъ, а равно провоза запрещеннаго для вольной продажи спирта». Дорогъ къ береговымъ поселеніямъ еще нѣтъ, сообщеніе возможно только пѣшкомъ по берегу во время отлива, а зимою на собакахъ. Возможно также сообщеніе на лодкахъ и паровыхъ катерахъ, но только въ очень хорошую погоду. Въ направленіи съ юга на сѣверъ эти селенія расположены въ такомъ порядкѣ:

Мгачи. Жителей 38: 20 м. и 18 ж. Хозяевъ 14. Семейно живутъ 13, незаконныхъ семей только 2. Пахотной земли всѣ имѣютъ около 12 дес., но вотъ уже три года, какъ не сѣютъ зерновыхъ хлѣбовъ и пускаютъ всю землю подъ картофель. 11 хозяевъ сидятъ на участкѣ съ самаго основанія селенія и 5 изъ нихъ уже имѣютъ крестьянское званіе. Есть хорошіе заработки, чѣмъ и объясняется, что крестьяне не спѣшатъ на материкъ. 7 человѣкъ занимаются каюрствомъ, т.-е. держатъ собакъ, на которыхъ въ зимнее время возятъ почту и пассажировъ. Одинъ занимается охотой, какъ промысломъ. Что касается рыбныхъ ловель, о которыхъ говорится въ отчетѣ главнаго тюремнаго управленія за 1889 г., то ихъ тутъ нѣтъ совсѣмъ.

Танги. Жителей 19: 11 м. и 8 ж. Хозяевъ 6. Пахотной земли около 3 дес., но тоже, какъ въ Мгачахъ, вслѣдствіе частыхъ морскихъ тумановъ, мѣшающихъ росту зерновыхъ хлѣбовъ, сажаютъ на ней только кар-

тофель. Два хозяина имѣютъ лодки и занимаются рыболовствомъ.

Хоэ, на мысѣ того же названія, который сильно выдается въ море и видѣнъ изъ Александровска. Жителей 34: 19 м. и 15 ж. Хозяевъ 13. Тутъ еще не совсѣмъ разочаровались и продолжаютъ сѣять пшеницу и ячмень. Трое занимаются охотой.

Трамбаусъ. Жителей 8: 3 м. и 5 ж. Счастливое селеніе, гдѣ женщинъ больше, чѣмъ мужчинъ. Хозяевъ 3.

Віахты, на рѣкѣ Віахту, соединяющей озеро съ моремъ и въ этомъ отношеніи напоминающей Неву. Говорятъ, что въ озерѣ ловятся сиги и осетры. Жителей 17: 9 м. и 8 ж. Хозяевъ 7.

Ванги—самое сѣверное селеніе. Жителей 13: 9 м. и 4 ж. Хозяевъ 8.

По описаніямъ ученыхъ и путешественниковъ, чѣмъ выше къ сѣверу, тѣмъ природа бѣднѣе и печальнѣе. Начиная съ Трамбауса, вся сѣверная треть острова представляетъ изъ себя равнину, совершенную тундру, на которой главный водораздѣльный хребетъ, идущій вдоль всего Сахалина, имѣетъ видъ невысокихъ волнообразныхъ возвышенностей, принимаемыхъ нѣкоторыми авторами за наносы со стороны Амура. По краснобурой болотистой равнинѣ тамъ и сямъ тянутся полоски кривого хвойнаго лѣса; у лиственицы стволъ не выше одного фута и крона ея лежитъ на землѣ въ видѣ зеленой подушки, стволъ кедроваго кустарника стелется по землѣ, а

между полосками чахлаго лѣса лишайники и мхи и, какъ и на русскихъ тундрахъ, встрѣчается здѣсь всякая грубая кислаго или сильно вяжущаго вкуса ягода—моховка, голубика, костеника, клюква. Только на самомъ сѣверномъ концѣ равнины, гдѣ мѣстность вновь дѣлается холмистою, природа на небольшомъ пространствѣ, у преддверія въ вѣчно холодное море, точно хочетъ улыбнуться на прощанье; на картѣ Крузенштерна, относящейся къ этой мѣстности, изображенъ стройный лиственичный лѣсъ.

Но какъ ни сурова и ни бѣдна природа, жителямъ береговыхъ селеній, по свидѣтельству свѣдущихъ людей, все-таки, живется сравнительно лучше, чѣмъ, напримѣръ, арковцамъ или александровцамъ.

Объясняется это тѣмъ, что ихъ мало, и тѣ блага, какія имѣются въ ихъ распоряженіи, приходится дѣлить между немногими. Для нихъ не обязательны хлѣбопашество и урожаи, они предоставлены самимъ себѣ и сами выбираютъ для себя занятія и промыслы. Черезъ селенія проходитъ зимняя дорога изъ Александровска въ Николаевскъ; сюда пріѣзжаютъ зимою гиляки и якуты-промышленники для торговыхъ операцій и поселенцы продаютъ имъ и мѣняютъ безъ посредства коммиссіонеровъ. Здѣсь нѣтъ лавочниковъ, майданщиковъ, жидовъ-перекупщиковъ и нѣтъ канцеляристовъ, которые вымѣниваютъ за спиртъ роскошные лисьи мѣха и потомъ съ блаженною улыбкой показываютъ ихъ своимъ гостямъ.

По направленію къ югу новыхъ селеній не основываютъ. Южнѣе Александровска по западному побережью есть только одинъ населенный пунктъ—*Дуэ*, страшное, безобразное и во всѣхъ отношеніяхъ дрянное мѣсто, въ которомъ по своей доброй волѣ могутъ жить только святые или глубоко испорченные люди. Это постъ; населеніе называетъ его портомъ. Основанъ онъ въ 1857 г., названіе же его Дуэ или Дуи существовало раньше и относилось вообще къ той части берега, гдѣ находятся теперь дуйскія копи. Въ узкой долинѣ, гдѣ онъ расположенъ, протекаетъ мелкая рѣчка Хойнджи. Изъ Александровска въ Дуэ ведутъ двѣ дороги: одна—горная, а другая—по берегу моря. Мысъ Жонкіеръ всею своею массой навалился на береговую отмель и проѣздъ по ней былъ бы невозможенъ вовсе, если бы не прорыли туннеля. Рыли его, не посовѣтовавшись съ инженеромъ, безъ затѣй, и въ результатѣ вышло темно, криво и грязно. Сооруженіе это стоило очень дорого, но оно оказалось ненужнымъ. такъ какъ при существованіи хорошей горной дороги нѣтъ нужды ѣздить по береговой, проѣздъ по которой стѣсненъ условіями отлива и прилива. На этомъ туннелѣ превосходно сказалась склонность русскаго человѣка тратить послѣднія средства на всякаго рода выкрутасы, когда не удовлетворены самыя насущныя потребности. Рыли туннель, завѣдующіе работами катались по рельсамъ въ вагонѣ съ надписью «Александровскъ - Пристань», а каторжные въ это время жили въ грязныхъ,

сырыхъ юртахъ, потому что для постройки казармъ не хватало людей.

Тотчасъ по выходѣ изъ туннеля у береговой дороги стоятъ солеварня и кабельный домикъ, изъ котораго спускается по песку въ море телеграфный кабель. Въ домикѣ живетъ каторжный столяръ, полякъ, со своею сожительницей, которая, по разсказамъ, родила, когда ей было 12 лѣтъ, послѣ того, какъ какой-то арестантъ изнасиловалъ ее въ этапѣ. На всемъ пути къ Дуэ обрывистый, отвѣсный берегъ представляетъ осыпи, на которыхъ тамъ и сямъ чернѣютъ пятна и полосы шириною отъ аршина до сажени. Это уголь. Пласты угля здѣсь, по описанію спеціалистовъ, сдавлены пластами песчанниковъ, глинистыхъ сланцевъ, сланцевыхъ глинъ и глинистыхъ песковъ, приподнятыхъ, изогнутыхъ, сдвинутыхъ или сброшенныхъ породами базальтовыми, діоритовыми и порфировыми, вышедшими во многихъ мѣстахъ большими массами. Должно быть, это своеобразно красиво, но предубѣжденіе противъ мѣста засѣло такъ глубоко, что не только на людей, но даже на растенія смотришь съ сожалѣніемъ, что они растутъ именно здѣсь, а не въ другомъ мѣстѣ. Верстахъ въ семи берегъ прерывается разщелиной. Это Воеводская падь; здѣсь одиноко стоитъ страшная Воеводская тюрьма, въ которой содержатся тяжкіе преступники и между ними прикованные къ тачкамъ. Около тюрьмы ходятъ часовые; кромѣ нихъ, кругомъ не видно ни одного живого существа и кажется,

что они стерегутъ въ пустынѣ какое-то необыкновенное сокровище.

Дальше, въ верстѣ, начинаются каменноугольныя ломки, потомъ съ версту еще ѣдешь голымъ, безлюднымъ берегомъ и, наконецъ, другая разщелина, въ которой и находится Дуэ, бывшая столица сахалинской каторги. Въ первыя минуты, когда въѣзжаешь на улицу, Дуэ даетъ впечатлѣніе небольшой старинной крѣпости: ровная и гладкая улица, точно плацъ для маршировки, бѣлые чистенькіе домики, полосатая будка, полосатые столбы; для полноты впечатлѣнія не хватастъ только барабанной дроби. Въ домикахъ живутъ начальникъ военной команды, смотритель дуйской тюрьмы, священникъ, офицеры и проч. Тамъ, гдѣ короткая улица кончается, поперекъ ея стоитъ сѣрая деревянная церковь, которая загораживаетъ отъ зрителя неоффиціальную часть порта; тутъ разщелина двоится въ видѣ буквы «игрекъ», посылая отъ себя канавы направо и налѣво. Въ лѣвой находится слободка, которая прежде называлась Жидовской, а въ правой всякія тюремныя постройки и слободка безъ названія. Въ обѣихъ, особенно въ лѣвой, тѣсно, грязно, неуютно; тутъ уже нѣтъ бѣлыхъ чистенькихъ домиковъ; избушки ветхія, безъ дворовъ, безъ зелени, безъ крылецъ, въ безпорядкѣ лѣпятся внизу у дороги, по склону горы и на самой горѣ. Участки усадебной земли, если только въ Дуэ можно назвать ее усадебной, очень малы; у четырехъ хозяевъ въ подворной описи показано ея

только по 4 кв. саж. Тѣсно, яблоку упасть негдѣ, но въ этой тѣснотѣ и вони дуйскій палачъ Толстыхъ, все-таки, нашелъ мѣстечко и строитъ себѣ домъ. Не считая команды, свободнаго населенія и тюрьмы, въ Дуэ жителей 291: 167 м. и 124 ж. Хозяевъ 46 и при нихъ совладѣльцевъ 6. Большинство хозяевъ—каторжные. Что побуждаетъ администрацію сажать на участки ихъ и ихъ семьи именно здѣсь, въ разщелинѣ, а не въ другомъ мѣстѣ, понять невозможно. Пахотной земли въ подворной описи показано на все Дуэ только 1/8 дес., а сѣнокосовъ нѣтъ вовсе. Допустимъ, что мужчины заняты на каторжныхъ работахъ, но что же дѣлаютъ 80 взрослыхъ женщинъ? На что уходитъ у нихъ время, которое здѣсь, благодаря бѣдности, дурной погодѣ, непрерывному звону цѣпей, постоянному зрѣлищу пустынныхъ горъ и шуму моря, благодаря стонамъ и плачу, которые часто доносятся изъ надзирательской, гдѣ наказываютъ плетьми и розгами, кажется длиннѣе и мучительнѣе во много разъ, чѣмъ въ Россіи? Это время женщины проводятъ въ полномъ бездѣйствіи. Въ одной избѣ, состоящей чаще всего изъ одной комнаты, вы застаете семью каторжнаго, съ нею солдатскую семью, двухъ-трехъ каторжныхъ жильцовъ или гостей, тутъ же подростки, двѣ-три колыбели по угламъ, тутъ же куры, собака, а на улицѣ около избы отбросы, лужи отъ помоевъ; заняться нечѣмъ, ѣсть нечего, говорить и браниться надоѣло, на улицу выходить скучно—какъ все однообразно уныло, грязно, какая тос-

ка! Вечеромъ съ работъ возвращается мужъ каторжный; онъ хочетъ ѣсть и спать, а жена начинаетъ плакать и причитывать: «Погубилъ ты насъ, проклятый! Пропала моя головушка, пропали дѣти!» — «Ну, завыла!» — проворчитъ на печкѣ солдатъ. Уже всѣ позаснули, дѣти переплакали и тоже угомонились давно, а баба все не спитъ, думаетъ и слушаетъ, какъ реветъ море; теперь ужь ее мучаетъ тоска: жалко мужа, обидно на себя, что не удержалась и попрекнула его. А на другой день опять та же исторія.

Если судить только по одному Дуэ, то сельско-хозяйственная колонія на Сахалинѣ обременена излишкомъ женщинъ и семейныхъ каторжныхъ. За недостаткомъ мѣста въ избахъ, 27 семействъ живутъ въ старыхъ, давно уже обреченныхъ на сносъ постройкахъ, въ высшей степени грязныхъ и безобразныхъ, которыя называются «казармами для семейныхъ». Тутъ уже не комнаты, а камеры съ нарами и парашами, какъ въ тюрьмѣ. По составу своему населеніе этихъ камеръ отличается крайнимъ разнообразіемъ. Въ одной камерѣ съ выбитыми стеклами въ окнахъ и съ удушливымъ запахомъ отхожаго мѣста живутъ: каторжный и его жена свободнаго состоянія; каторжный, жена свободнаго состоянія и дочь; каторжный, жена поселка и дочь; каторжный и его жена свободнаго состоянія; поселенецъ полякъ и его сожительница каторжная; всѣ они со своимъ имуществомъ помѣщаются въ одной камерѣ и спятъ рядомъ на одной сплошной

нарѣ. Въ другой: каторжный, жена свободнаго состоянія и сынъ; каторжная татарка и ея дочь; каторжный татаринъ, его жена свободнаго состоянія и двое татарчатъ въ ермолкахъ; каторжный, жена свободнаго состоянія и сынъ; поселенецъ, бывшій на каторгѣ 35 лѣтъ, но еще молодцеватый, съ черными усами, за неимѣніемъ сапогъ ходящій босикомъ, но страстный картежникъ *); рядомъ съ нимъ на нарахъ его любовница каторжная—вялое, сонное и жалкое на видъ существо; далѣе каторжный, жена свободнаго состоянія и трое дѣтей; каторжный несемейный; каторжный, жена свободнаго состоянія и двое дѣтей; поселенецъ; каторжный, чистенькій старичокъ съ бритымъ лицомъ; тутъ же по камерѣ ходитъ поросенокъ и чавкаетъ; на полу осклизлая грязь, воняетъ клопами и чѣмъ-то кислымъ; отъ клоповъ, говорятъ, житья нѣтъ. Въ третьей: каторжный, жена свободнаго состоянія и двое дѣтей; каторжный, жена свободнаго состоянія и дочь; каторжный, жена свободнаго состоянія и семеро дѣтей: одна дочь 16, другая 15 лѣтъ; каторжный, жена свободнаго состоянія и сынъ; каторж-

*) Онъ говорилъ мнѣ, что во время игры въ штоссъ у него „въ жилахъ электричество“: отъ волненія руки сводитъ. Одно изъ самыхъ пріятныхъ воспоминаній у него то, какъ онъ когда-то въ дни молодости вытащилъ часы у самого полицеймейстера. Про игру въ штоссъ разсказываетъ онъ съ азартомъ. Помню фразу: „Ткнешь, не туда попало!“—проговорилъ онъ съ отчаяніемъ охотника, сдѣлавшаго промахъ. Для любителей я записалъ нѣкоторыя его выраженія: транспортъ скушанъ! напè! наперипè! уголъ! по рублю очко мазъ! въ цвѣтъ и въ масть, артиллерія!

ный, жена свободнаго состоянія и сынъ; каторжный, жена свободнаго состоянія и четверо дѣтей. Въ четвертой: надзиратель унтеръ-офицеръ, его жена 18 лѣтъ и дочь; каторжный и его жена свободнаго состоянія; поселенецъ; каторжный и т. д. По этимъ варварскимъ помѣщеніямъ и ихъ обстановкѣ, гдѣ дѣвушки 15 и 16 лѣтъ вынуждены спать рядомъ съ каторжниками, читатель можетъ судить, какимъ неуваженіемъ и презрѣніемъ окружены здѣсь женщины и дѣти, добровольно послѣдовавшія на каторгу за своими мужьями и отцами, какъ здѣсь мало дорожатъ ими и какъ мало думаютъ о сельско-хозяйственной колоніи.

Дуйская тюрьма меньше, старѣе и во много разъ грязнѣе Александровской. Здѣсь тоже общія камеры и сплошныя нары, но обстановка бѣднѣе и порядки хуже. Стѣны и полы одинаково грязны и до такой степени потемнѣли уже отъ времени и сырости, что едва ли станутъ чище, если ихъ помыть. По даннымъ медицинскаго отчета за 1889 г., на каждаго арестанта приходится здѣсь воздуха 1,12 куб. саж. Если лѣтомъ, при открытыхъ окнахъ и дверяхъ, пахнетъ помоями и отхожимъ мѣстомъ, то, воображаю, какой адъ бываетъ здѣсь зимою, когда внутри тюрьмы по утрамъ находятъ иней и сосульки. Смотрителемъ тюрьмы здѣсь бывшій военный фельдшеръ изъ поляковъ, состоящій въ чинѣ канцелярскаго служителя. Кромѣ Дуйской, онъ завѣдуетъ также

еще Воеводскою тюрьмой, рудниками и постомъ Дуэ. Дистанція совсѣмъ не по чину.

Въ дуйскихъ карцерахъ содержатся тяжкіе преступники, большею частью рецидивисты и подслѣдственные. На видъ это самые обыкновенные люди съ добродушными и глуповатыми физіономіями, которыя выражали только любопытство и желаніе отвѣтить мнѣ возможно почтительнѣе. И преступленія у большинства изъ нихъ не умнѣе и не хитрѣе ихъ физіономій. Обыкновенно присылаются за убійство въ дракѣ лѣтъ на 5—10, потомъ бѣгутъ; ихъ ловятъ, они опять бѣгутъ, и такъ, пока не попадутъ въ безсрочные и неисправимые. Преступленія почти у всѣхъ ужасно неинтересны, ординарны, по крайней мѣрѣ, со стороны внѣшней занимательности, и я нарочно привелъ выше *Разсказъ Егора*, чтобы читатель могъ судить о безцвѣтности и бѣдности содержанія сотни разсказовъ, автобіографій и анекдотовъ, какіе мнѣ приходилось слышать отъ арестантовъ и людей, близкихъ къ каторгѣ. Впрочемъ, одинъ сѣдой старикъ, лѣтъ 60—65, по фамиліи Тереховъ, сидящій въ темномъ карцерѣ, произвелъ на меня впечатлѣніе настоящаго злодѣя. Наканунѣ моего пріѣзда онъ былъ наказанъ плетьми и, когда у насъ зашла рѣчь объ этомъ, показалъ мнѣ свои ягодицы, сине-багровыя отъ кровоподтековъ. По разсказамъ арестантовъ, этотъ старикъ убилъ на своемъ вѣку 60 человѣкъ; у него будто бы такая манера: онъ высматриваетъ арестантовъ-новичковъ, какіе побогаче, и

сманиваетъ ихъ бѣжать вмѣстѣ, потомъ въ тайгѣ убиваетъ ихъ и грабитъ, а чтобы скрыть слѣды преступленія, рѣжетъ трупы на части и бросаетъ въ рѣку. Въ послѣдній разъ, когда его ловили, онъ отмахивался отъ надзирателей дубиной. Глядя на его мутные оловянные глаза и большой, на половину бритый, угловатый, какъ булыжникъ, черепъ, я готовъ былъ вѣрить всѣмъ этимъ разсказамъ. Одинъ хохолъ, сидящій тоже въ темномъ карцерѣ, тронулъ меня своею откровенностью; онъ обратился съ просьбой къ смотрителю — возвратить ему 195 рублей, отобранные у него при обыскѣ. «А гдѣ ты взялъ эти деньги?» — спросилъ смотритель. — «Выигралъ въ карты» — отвѣтилъ онъ и побожился, и, обращаясь ко мнѣ, сталъ увѣрять, что въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ почти вся тюрьма играетъ въ карты и между картежниками-арестантами не рѣдкость такіе, которые располагаютъ суммами въ двѣ и три тысячи рублей. Въ карцерахъ же я видѣлъ бродягу, который отрубилъ себѣ два пальца; рана повязана грязною тряпочкой. У другого бродяги сквозная огнестрѣльная рана: пуля счастливо прошла по наружному краю седьмого ребра. Рана и у этого тоже перевязана грязною тряпкой *).

Въ Дуэ всегда тихо. Къ мѣрному звону кандаловъ,

*) Я встрѣчалъ не мало раненыхъ и страдающихъ язвами, но ни разу не слышалъ запаха іодоформа, хотя на Сахалинѣ ежегодно расходуется его больше полупуда.

шуму морского прибоя и гудѣнью телеграфныхъ проволокъ скоро привыкаетъ ухо и отъ этихъ звуковъ впечатлѣніе мертвой тишины становится сильнѣе. Печать суровости лежитъ не на однихъ только полосатыхъ столбахъ. Если бы на улицѣ кто-нибудь невзначай засмѣялся громко, то это прозвучало бы рѣзко и неестественно. Съ самаго основанія Дуэ здѣшняя жизнь вылилась въ форму, какую можно передать только въ неумолимо-жестокихъ, безнадежныхъ звукахъ, и свирѣпый холодный вѣтеръ, который въ зимнія ночи дуетъ съ моря въ разщелину, только одинъ поетъ именно то, что нужно. Бываетъ поэтому странно, когда среди тишины раздается вдругъ пѣніе дуйскаго чудака Шкандыбы. Это каторжный, старикъ, который съ перваго же дня пріѣзда своего на Сахалинъ отказался работать и передъ его непобѣдимымъ, чисто-звѣринымъ упрямствомъ спасовали всѣ принудительныя мѣры; его сажали въ темную, нѣсколько разъ сѣкли, но онъ стоически выдерживалъ наказаніе и послѣ каждой экзекуціи восклицалъ: «А, все-таки, я не буду работать!» Повозились съ нимъ и, въ концѣ-концовъ, бросили. Теперь онъ гуляетъ по Дуэ и поетъ*).

*) У публики Дуэ пользуется преувеличенно-дурною репутаціей. На *Байкалѣ* мнѣ разсказывали, что одинъ пассажиръ, человѣкъ уже пожилой и чиновный, когда пароходъ остановился на дуйскомъ рейдѣ, долго всматривался въ берегъ и, наконецъ, спросилъ:

— Скажите, пожалуйста, гдѣ же тутъ на берегу столбъ, на которомъ вѣшаютъ каторжниковъ и потомъ бросаютъ ихъ въ воду?

Дуэ — колыбель сахалинской каторги. Существуетъ мнѣніе, что

Добыча каменнаго угля, какъ я уже сказалъ, производится въ верстѣ отъ поста. Я былъ въ рудникѣ, меня

мысль избрать это мѣсто для ссыльной колоніи пришла впервые самимъ каторжнымъ: будто бы нѣкій Иванъ Лапшинъ, осужденный за отцеубійство и отбывавшій каторгу въ г. Николаевскѣ, попросилъ у мѣстныхъ властей позволенія переселиться на Сахалинъ и въ сентябрѣ 1858 г. былъ доставленъ сюда. Поселившись недалеко отъ Дуйскаго поста, онъ сталъ заниматься огородничествомъ и хлѣбопашествомъ и, по словамъ г. Власова, отбывалъ тутъ каторжные уроки. Вѣроятно, онъ былъ доставленъ на островъ не одинъ, такъ какъ въ 1858 г. уголь близъ Дуэ добывался уже при участіи каторжныхъ (см. *Съ Амура и береговъ Великаго океана* въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 1874 г., № 207). Вышеславцевъ въ своихъ *Очеркахъ перомъ и карандашомъ* пишетъ, что въ апрѣлѣ 1859 г. онъ засталъ въ Дуэ около 40 человѣкъ и при нихъ двухъ офицеровъ и одного инженернаго офицера, завѣдующаго работами. „Какіе славные огороды,— восторгается онъ,— окружаютъ ихъ уютные, чистенькіе домики! А овощи вызрѣваютъ два раза въ лѣто“.

Время возникновенія настоящей сахалинской каторги относится къ шестидесятымъ годамъ, когда неустройства нашей депортаціонной системы достигли своего высшаго напряженія. Время было таково, что начальникъ отдѣленія департамента полиціи исполнительной, коллежскій совѣтникъ Власовъ, пораженный всѣмъ, что онъ встрѣтилъ на каторгѣ, прямо заявилъ, что строй и система нашихъ наказаній служатъ развитію важныхъ уголовныхъ преступленій и понижаютъ гражданскую нравственность. Приблизительное изслѣдованіе каторжныхъ работъ на мѣстѣ привело его къ убѣжденію, что ихъ въ Россіи *почти не существуетъ* (см. его *Краткій очеркъ неустройствъ, существующихъ на каторгѣ*). Главное тюремное управленіе, давая въ своемъ десятилѣтнемъ отчетѣ критическій обзоръ каторги, замѣчаетъ, что въ описываемое время каторга перестала быть высшею карательною мѣрой. Да, то была высочайшая мѣра безпорядка, какой когда-либо создавали невѣжество, равнодушіе и жестокость. Вотъ главныя причины бывшихъ неустройствъ: а) Ни составители законовъ о ссыльныхъ, ни исполнители ихъ не имѣли яснаго представленія о томъ, что такое каторга, въ чемъ она должна заключаться для чего она нужна. И практика, несмотря на свою продолжительность, не дала не только системы, но даже матеріала для юридическаго опре-

водили по мрачнымъ, сырымъ корридорамъ и предупредительно знакомили съ постановкой дѣла, но очень труд-

дѣленія каторги. b) Исправительныя и уголовныя цѣли наказанія приносились въ жертву разнаго рода экономическимъ и финансовымъ соображеніямъ. На каторжнаго смотрѣли какъ на рабочую силу, которая должна была приносить доходъ государственному казначейству. Если его трудъ не давалъ выгоды или шелъ въ убытокъ, то предпочитали держать его въ тюрьмѣ безъ всякаго дѣла. Убыточному бездѣлью отдавалось предпочтеніе передъ убыточною работой. Приходилось также считаться еще съ колонизаціонными цѣлями. c) Незнакомство съ мѣстными условіями и потому отсутствіе опредѣленнаго взгляда на характеръ и сущность работъ, что видно хотя бы изъ недавно упраздненнаго дѣленія на работы въ рудникахъ, заводахъ и крѣпостяхъ. На практикѣ безсрочный, приговоренный къ работамъ въ рудникахъ, сидѣлъ безъ дѣла въ тюрьмѣ, приговоренный къ четырехлѣтней каторгѣ на заводахъ работалъ въ рудникѣ, а въ тобольской каторжной тюрьмѣ арестанты занимались переноскою съ одного мѣста на другое ядеръ, пересыпкой песка и т. п. Въ обществѣ и отчасти въ литературѣ установился взглядъ, что настоящая, самая тяжкая и самая позорная каторга можетъ быть только въ рудникахъ. Если бы въ *Русской женщинѣ* Некрасова герой, вмѣсто того, чтобы работать въ рудникѣ, ловилъ для тюрьмы рыбу или рубилъ лѣсъ, то многіе читатели остались бы неудовлетворенными. d) Отсталость нашего устава о ссыльныхъ. На очень многіе вопросы, ежедневно возбуждаемые практикой, онъ совсѣмъ не даетъ отвѣта, отсюда широкое поле для произвольныхъ толкованій и незаконныхъ дѣйствій; въ самыхъ затруднительныхъ положеніяхъ онъ является часто совершенно безполезною книгой, и отчасти поэтому, вѣроятно, г. Власовъ въ нѣкоторыхъ управленіяхъ при каторжныхъ тюрьмахъ совсѣмъ не нашелъ устава. e) Отсутствіе единства въ управленіи каторгой. f) Отдаленность каторжныхъ работъ отъ Петербурга и полное отсутствіе гласности. Оффиціальные отчеты стали печататься только недавно, со времени учрежденія главнаго тюремнаго управленія. g) Немалою помѣхой къ упорядоченію ссылки и каторги служило также настроеніе нашего общества. Когда у общества нѣтъ опредѣленныхъ взглядовъ на что-нибудь, то приходится считаться съ его настроеніемъ. Общество всегда возмущалось тюремными порядками и, въ то же время,

но описать все это, не будучи спеціалистомъ. Я воздержусь отъ техническихъ подробностей и тотъ, кто интересуется ими, пусть прочтетъ спеціальное сочиненіе горнаго инженера г. Кеппена, когда-то завѣдывавшаго здѣшними копями *).

всякій шагъ къ улучшенію быта арестантовъ встрѣчало протестомъ, вродѣ, напримѣръ, такого замѣчанія: „Не хорошо, если мужикъ въ тюрьмѣ или на каторгѣ будетъ жить лучше, чѣмъ дома“. Если мужикъ часто живетъ дома хуже, чѣмъ на каторгѣ, то по логикѣ такого замѣчанія каторга должна быть адомъ. Когда арестантамъ давали въ вагонахъ, вмѣсто воды, квасъ, то это называлось „няньчиться съ убійцами и поджигателями“ и т. п. Впрочемъ, какъ бы въ противовѣсъ такому настроенію, у лучшихъ русскихъ писателей замѣчалось стремленіе къ идеализаціи каторжныхъ, бродягъ и бѣглыхъ.

Въ 1863 г. былъ высочайше утвержденъ комитетъ, имѣвшій цѣлью изыскать и указать мѣры для организаціи каторжныхъ работъ на болѣе правильныхъ началахъ. Комитетъ призналъ, что необходимо „высылать тяжкихъ преступниковъ въ отдаленную колонію для употребленія тамъ въ принудительныя работы съ преимущественною цѣлью водворенія въ мѣстѣ ссылки“. И, выбирая между отдаленными колоніями, комитетъ остановился на Сахалинѣ. A priori онъ призналъ за Сахалиномъ слѣдующія достоинства: 1) географическое положеніе, обезпечивающее материкъ отъ побѣговъ; 2) наказаніе получаетъ надлежащую репрессивную силу, такъ какъ ссылка на Сахалинъ можетъ быть признана безвозвратною; 3) просторъ для дѣятельности преступника, рѣшившаго начать новую трудовую жизнь; 4) съ точки зрѣнія государственной пользы, сосредоточеніе ссыльныхъ на Сахалинѣ представляется залогомъ для упроченія обладанія нашего островомъ; 5) угольныя залежи могутъ быть съ выгодою эксплуатируемы въ виду громадной потребности въ углѣ. Предполагалось также, что сосредоточеніе на островѣ всего контингента ссыльно-каторжныхъ сократитъ расходы на содержаніе ихъ.

*) *Островъ Сахалинъ, его каменноугольныя мѣсторожденія и развивающаяся на немъ каменноугольная промышленность*, 1875 г. Объ углѣ, кромѣ г. Кеппена, писали еще горные инженеры: *Носовъ I:* „Замѣтки объ островѣ Сахалинѣ и каменноугольныхъ ломкахъ, на немъ произ-

Въ настоящее время дуйскія копи находятся въ исключительномъ пользованіи частнаго общества «Сахалинъ», представители котораго живутъ въ Петербургѣ. По контракту, заключенному въ 1875 г. на 24 года, общество пользуется участкомъ на западномъ берегу Сахалина на двѣ версты вдоль берега и на одну версту вглубь острова; ему предоставляются безплатно свободныя удобныя мѣста для склада угля въ Приморской области и прилегающихъ къ ней островахъ; нужный для построекъ и работъ строительный матеріалъ общество получаетъ также безплатно; ввозъ всѣхъ предметовъ, необходимыхъ для техническихъ и хозяйственныхъ работъ и устройства рудниковъ, предоставляется безпошлинно; за каждый пудъ угля, покупаемый морскимъ вѣдомствомъ, общество получаетъ отъ 15 до 30 коп.; ежедневно въ распоряженіе общества командируется для работъ не менѣе 400 каторжныхъ; если же на работы будетъ выслано меньше этого числа, то за каждаго недостающаго рабочаго казна платитъ обществу

водимыхъ". *Горный Журналъ* 1859 г., № 1. *И. А. Лопатинъ:* „Извлеченіе изъ письма". Приложеніе къ отчету Сибирскаго отдѣла Имп. Рус. Географ. общества за 1868 г. *Его же:* „Рапортъ къ г. генералъ-губернатору Восточной Сибири". *Горный Журналъ* 1870 г., № 10. *Дейхманнъ:* „Островъ Сахалинъ въ горнопромышленномъ отношеніи". *Горный Журналъ* 1871 г., № 3. *К. Скальковскій:* „Русская торговля въ Тихомъ океанѣ", 1883 г. О качествахъ сахалинскаго угля писали въ разное время командиры судовъ сибирской флотиліи въ своихъ рапортахъ, которые печатались въ *Морскомъ Сборникѣ*. Для полноты, пожалуй, можно упомянуть еще о статьяхъ *Я. Н. Бутковскаго*: „Островъ Сахалинъ", *Историческій Вѣстникъ* 1882 г., X, и *Сахалинъ и его значеніе*, *Морской Сборникъ* 1874 г., № 4.

штрафу одинъ рубль въ день; нужное обществу число людей можетъ быть отпускаемо и на ночь.

Чтобъ исполнять принятыя на себя обязательства и охранять интересы общества, казна содержитъ около рудниковъ двѣ тюрьмы, Дуйскую и Воеводскую, и военную команду въ 340 человѣкъ, что ежегодно обходится ей въ 150 тысячъ рублей. Стало быть, если, какъ говорятъ, представителей общества, живущихъ въ Петербургѣ, только пять, то охраненіе доходовъ каждаго изъ нихъ обходится ежегодно казнѣ въ 30 тысячъ, не говоря уже о томъ, что изъ-за этихъ доходовъ приходится, вопреки задачамъ сельско-хозяйственной колоніи и точно въ насмѣшку надъ гигіеной, держать болѣе 700 каторжныхъ, ихъ семьи, солдатъ и служащихъ въ такихъ ужасныхъ ямахъ, какъ Воеводская и Дуйская пади, и не говоря уже о томъ, что, отдавая каторжныхъ въ услуженіе частному обществу за деньги, администрація исправительныя цѣли наказанія приноситъ въ жертву промышленнымъ соображеніямъ, т.-е. повторяетъ старую ошибку, которую сама же осудила.

На все это общество, съ своей стороны, отвѣчаетъ тремя серьезными обязательствами: оно должно вести разработку дуйскихъ копей правильно и держать въ Дуэ горнаго инженера, который наблюдалъ бы за правильностью разработки; аккуратно два раза въ годъ вносить арендную плату за уголь и плату за трудъ каторжныхъ; при разработкѣ копей пользоваться исключительно тру-

домъ каторжныхъ по всѣмъ видамъ работъ, соединенныхъ съ этимъ предпріятіемъ. Всѣ эти три обязательства существуютъ только на бумагѣ и, повидимому, давно уже забыты. Разработка копей ведется недобросовѣстно, на кулаческихъ началахъ. «Никакихъ улучшеній въ техникѣ производства или изысканій для обезпеченія ему прочной будущности не предпринималось,— читаемъ въ докладной запискѣ одного оффиціальнаго лица,—работы въ смыслѣ ихъ хозяйственной постановки имѣли всѣ признаки хищничества, о чемъ свидѣтельствуетъ и послѣдній отчетъ окружнаго инженера». Горнаго инженера, котораго общество обязано имѣть по контракту, нѣтъ и копями завѣдуетъ простой штейгеръ. Что касается платежей, то и тутъ приходится говорить только о томъ, что̀ въ своемъ докладѣ только что упомянутое оффиціальное лицо именуетъ «признаками хищничества». И копями, и трудомъ каторжныхъ общество пользуется безплатно. Оно обязано платить, но почему-то не платитъ; представители другой стороны, въ виду такого явнаго правонарушенія, давно уже обязаны употребить власть, но почему-то медлятъ и, мало того, продолжаютъ еще расходовать 150 тысячъ въ годъ на охрану доходовъ общества, и обѣ стороны ведутъ себя такъ, что трудно сказать, когда будетъ конецъ этимъ ненормальнымъ отношеніямъ. Общество засѣло на Сахалинѣ такъ же крѣпко, какъ Ѳома въ селѣ Степанчиковѣ, и неумолимо оно, какъ Ѳома. Къ 1 января 1890 оно состояло должнымъ казнѣ 194,337 р. 15 к.;

десятая же часть этихъ денегъ по закону приходится на долю каторжныхъ, какъ вознагражденіе за трудъ. Когда и какъ разсчитываются съ дуйскими каторжниками, кто имъ платитъ и получаютъ ли они что-нибудь, мнѣ неизвѣстно, да и какъ-то страшно было разспрашивать объ этомъ.

Ежедневно назначается на работы 350—400 каторжныхъ, остальные же 350—400 изъ живущихъ въ Дуйской и Воеводской тюрьмахъ составляютъ резервъ. Безъ резерва же не обойтись, такъ какъ въ контрактѣ оговорены на каждый день «способные къ труду» каторжные. Назначенные на работы въ рудникѣ въ пятомъ часу утра, на такъ называемой раскомандировкѣ, поступаютъ въ вѣдѣніе рудничной администраціи, т.-е. небольшой группы частныхъ лицъ, составляющихъ «контору». Отъ усмотрѣнія этой послѣдней зависитъ назначеніе на работы, количество и степень напряженія труда на каждый день и для каждаго отдѣльнаго каторжнаго; отъ нея, по самой постановкѣ дѣла, зависитъ наблюдать за тѣмъ, чтобы арестанты несли наказаніе равномѣрно; тюремная же администрація оставляетъ за собой только надзоръ за поведеніемъ и предупрежденіе побѣговъ, въ остальномъ же, по необходимости, умываетъ руки.

Имѣются два рудника: старый и новый. Каторжные работаютъ въ новомъ; тутъ вышина угольнаго пласта около 2 аршинъ, ширина корридоровъ такая же; разстояніе отъ выхода до мѣста, гдѣ теперь происходитъ раз-

работка, равняется 150 саж. Рабочій съ санками, которыя вѣсятъ пудъ, взбирается ползкомъ вверхъ темнымъ и сырымъ корридоромъ: это самая тяжкая часть работы; потомъ, нагрузивъ сани углемъ, возвращается назадъ. У выхода уголь нагружается въ вагонетки и по рельсамъ доставляется въ склады. Каждый каторжный долженъ подняться вверхъ съ санками не менѣе 13 разъ въ день—въ этомъ заключается урокъ. Въ 1889—90 г. каждый каторжный добывалъ, въ среднемъ, 10,8 п. въ день, на 4,2 пуда менѣе нормы, установленной рудничною администраціей. Въ общемъ, производительность рудника и рудничныхъ каторжныхъ работъ не велика: она колеблется между $1^1/_2$ и 3 тыс. пудовъ въ день.

Въ Дуйскихъ копяхъ работаютъ также поселенцы по вольному найму. Поставлены они въ болѣе тяжелыя условія, чѣмъ каторжные. Въ старомъ рудникѣ, гдѣ они работаютъ, пластъ не выше аршина, мѣсто разработки находится въ 230 саж. отъ выхода, верхній слой пласта даетъ сильную течь, отчего работать приходится въ постоянной сырости; живутъ они на собственномъ продовольствіи, въ помѣщеніи, которое во много разъ хуже тюрьмы. Но, несмотря на все это, трудъ ихъ гораздо производительнѣе каторжнаго—на 70 и даже на 100%. Таковы преимущества вольнонаемнаго труда передъ принудительнымъ. Наемные рабочіе выгоднѣе для общества, чѣмъ тѣ, которыхъ оно обязано имѣть по контракту, и потому, если, какъ здѣсь принято, каторжный нани-

маетъ, вмѣсто себя, поселенца или другого каторжнаго, то рудничная администрація охотно мирится съ этимъ безпорядкомъ. Третье обязательство давно уже трещитъ по швамъ. Съ самаго основанія Дуэ ведется, что бѣдняки и простоватые работаютъ за себя и за другихъ, а шулера и ростовщики въ это время пьютъ чай, играютъ въ карты или безъ дѣла бродятъ по пристани, позвякивая кандалами, и бесѣдуютъ съ подкупленнымъ надзирателемъ. На этой почвѣ здѣсь постоянно разыгрываются возмутительныя исторіи. Такъ, за недѣлю до моего пріѣзда одинъ богатый арестантъ, бывшій петербургскій купецъ, присланный сюда за поджогъ, былъ высѣченъ розгами будто бы за нежеланіе работать. Это человѣкъ, глуповатый, не умѣющій прятать деньги, неумѣренно подкупавшій, наконецъ, утомился давать то надзирателю 5, то палачу 3 рубля и какъ-то въ недобрый часъ наотрѣзъ отказалъ обоимъ. Надзиратель пожаловался смотрителю, что вотъ-де такой-то не хочетъ работать, этотъ приказалъ дать 30 розогъ и палачъ, разумѣется, постарался. Купецъ, когда его сѣкли, кричалъ: «Меня еще никогда не сѣкли!» Послѣ экзекуціи онъ смирился, заплатилъ надзирателю и палачу и, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжаетъ нанимать вмѣсто себя поселенца.

Исключительная тяжесть рудничныхъ работъ заключается не въ томъ, что приходится работать подъ землей въ темныхъ и сырыхъ корридорахъ, то ползкомъ, то согнувшись; строительныя и дорожныя работы подъ дож-

демъ и на вѣтрѣ требуютъ отъ работника бо̀льшаго напряженія физическихъ силъ. И кто знакомъ съ постановкой дѣла въ нашихъ донецкихъ шахтахъ, тому дуйскій рудникъ не покажется страшнымъ. Вся исключительная тяжесть не въ самомъ трудѣ, а въ обстановкѣ, въ тупости и недобросовѣстности всякихъ мелкихъ чиновъ, когда на каждомъ шагу приходится терпѣть отъ наглости, несправедливости и произвола; богатые чай пьютъ, а бѣдняки работаютъ, надзиратели у всѣхъ на глазахъ обманываютъ свое начальство, неизбѣжныя столкновенія рудничной и тюремной администрацій вносятъ въ жизнь массу дрязгъ, сплетней и всякихъ мелкихъ безпорядковъ, которые ложатся своею тяжестью, прежде всего, на людей подневольныхъ, по пословицѣ: паны дерутся—у хлопцевъ чубы болятъ. А, между тѣмъ, каторжникъ, какъ бы глубоко онъ ни былъ испорченъ и несправедливъ, любитъ всего больше справедливость и, если ея нѣтъ въ людяхъ, поставленныхъ выше его, то онъ изъ года въ годъ впадаетъ въ озлобленіе, въ крайнее невѣріе. Сколько, благодаря этому, на каторгѣ пессимистовъ, угрюмыхъ сатириковъ, которые съ серьезными, злыми лицами толкуютъ безъ умолку о людяхъ, о начальствѣ, о лучшей жизни, а тюрьма слушаетъ и хохочетъ, потому что въ самомъ дѣлѣ выходитъ смѣшно. Работа въ дуйскихъ рудникахъ тяжела также потому, что каторжникъ здѣсь въ продолженіе многихъ лѣтъ безъ перерыва видитъ только рудникъ, дорогу до тюрьмы и море. Вся жизнь его

какъ бы ушла въ эту узкую береговую отмель между глинистымъ берегомъ и моремъ.

Около рудничной конторы стоитъ баракъ для поселенцевъ, работающихъ въ копяхъ, небольшой старый сарай, кое-какъ приспособленный для ночовки. Я былъ тутъ въ 5 часовъ утра, когда поселенцы только что встали. Какая вонь, темнота, давка! Головы разлохмаченныя, точно всю ночь у этихъ людей происходила драка, лица желто-сѣрыя и, съ просонья, выраженія какъ у больныхъ или сумасшедшихъ. Видно, что они спали въ одежѣ и въ сапогахъ, тѣсно прижавшись другъ къ другу, кто на нарѣ, а кто и подъ нарой, прямо на грязномъ земляномъ полу. По словамъ врача, ходившаго со мной въ это утро, здѣсь 1 куб. саж. воздуха приходится на 3—4 человѣка. Между тѣмъ, это было какъ разъ то время, когда на Сахалинѣ ожидали холеру и для судовъ былъ назначенъ карантинъ.

Въ это же утро я былъ въ *Воеводской тюрьмѣ*. Она была построена въ семидесятыхъ годахъ и для образованія площади, на которой она теперь стоитъ, пришлось срывать гористый берегъ на пространствѣ 480 кв. саж. Въ настоящее время изъ всѣхъ сахалинскихъ тюремъ это самая безобразная, которая уцѣлѣла отъ реформъ вполнѣ, такъ что можетъ служить точною иллюстраціей къ описаніямъ старыхъ порядковъ и старыхъ тюремъ, возбуждавшихъ когда-то въ очевидцахъ омерзеніе и ужасъ. Воеводская тюрьма состоитъ изъ трехъ главныхъ

корпусовъ и одного малаго, въ которомъ помѣщаются карцеры. Конечно, о кубическомъ содержаніи воздуха или вентиляціяхъ говорить не приходится. Когда я входилъ въ тюрьму, тамъ кончали мыть полы и влажный, промзглый воздухъ еще не успѣлъ разрѣдиться послѣ ночи и былъ тяжелъ. Полы были мокры и непріятны на видъ. Первое, что я услышалъ здѣсь, это — жалобы на клоповъ. Отъ клоповъ житья нѣтъ. Прежде ихъ изводили хлорною известью, вымораживали во время сильныхъ морозовъ, но теперь и это не помогаетъ. Въ помѣщеніяхъ, гдѣ живутъ надзиратели, тоже тяжкій запахъ отхожаго мѣста и кислоты и жалобы на клоповъ.

Въ Воеводской тюрьмѣ содержатся прикованные къ тачкамъ. Всѣхъ ихъ здѣсь восемь человѣкъ. Живутъ они въ общихъ камерахъ вмѣстѣ съ прочими арестантами и время проводятъ въ полномъ бездѣйствіи. По крайней мѣрѣ, въ «Вѣдомости о распредѣленіи ссыльно-каторжныхъ по родамъ работъ» прикованные къ тачкамъ показаны въ числѣ неработающихъ. Каждый изъ нихъ закованъ въ ручныя и ножныя кандалы; отъ середины ручныхъ кандаловъ идетъ длинная цѣпь аршина въ 3—4, которая прикрѣпляется ко дну небольшой тачки. Цѣпи и тачка стѣсняютъ арестанта, онъ старается дѣлать возможно меньше движеній, и это, несомнѣнно, отражается на его мускулатурѣ. Руки до такой степени привыкаютъ къ тому, что всякое даже малѣйшее движеніе сопряжено съ чувствомъ тяжести, что арестантъ послѣ того

ужь, какъ, наконецъ, разстается съ тачкой и ручными кандалами, долго еще чувствуетъ въ рукахъ неловкость и дѣлаетъ безъ надобности сильныя, рѣзкія движенія; когда, напримѣръ, берется за чашку, то расплескиваетъ чай, какъ страдающій chorea minor. Ночью во время сна арестантъ держитъ тачку подъ нарой и, чтобы это было удобнѣе и легче сдѣлать, его помѣщаютъ обыкновенно на краю общей нары.

Всѣ восемь человѣкъ—рецидивисты, которые на своемъ вѣку судились уже по нѣскольку разъ. Одинъ изъ нихъ, старикъ 60 лѣтъ, прикованъ за побѣги или, какъ самъ онъ говоритъ, «за глупости». Онъ болѣнъ, повидимому, чахоткой и бывшій смотритель тюрьмы изъ жалости распорядился помѣстить его поближе къ печкѣ. Другой, когда-то служившій кондукторомъ на желѣзной дорогѣ, присланъ за святотатство и на Сахалинѣ попался въ поддѣлкѣ 25-ти рублевыхъ бумажекъ. Когда кто-то изъ ходившихъ вмѣстѣ со мной по камерамъ сталъ журить его за то, что онъ ограбилъ церковь, онъ сказалъ: «Что-жь? Богу деньги не нужны». И, замѣтивъ, что арестанты не смѣются и что эта фраза произвела на всѣхъ непріятное впечатлѣніе, онъ добавилъ: «За то я людей не убивалъ». Третій, бывшій военный матросъ, присланъ на Сахалинъ за дисциплинарное преступленіе: онъ бросился на офицера съ поднятыми кулаками. На каторгѣ онъ точно также бросался на кого-то; въ послѣдній разъ бросился на смотрителя тюрьмы, когда тотъ приказалъ

наказать его розгами. Его защитникъ на военно-полевомъ судѣ объяснялъ эту его манеру бросаться на людей болѣзненнымъ состояніемъ; судъ приговорилъ его къ смертной казни, а баронъ А. Н. Корфъ замѣнилъ это наказаніе пожизненною каторгой, плетьми и прикованіемъ къ тачкѣ. Остальные всѣ прикованы за убійство.

Утро было сырое, пасмурное, холодное. Безпокойно шумѣло море. Помнится, по дорогѣ отъ стараго рудника къ новому мы на минутку остановились около старика-кавказца, который лежалъ на пескѣ въ глубокомъ обморокѣ; два земляка держали его за руки, безпомощно и растерянно поглядывая по сторонамъ. Старикъ былъ блѣденъ, руки холодныя, пульсъ слабый. Мы поговорили и пошли дальше, не подавъ ему медицинской помощи. Врачъ, который сопровождалъ меня, когда я замѣтилъ ему, что не мѣшало бы дать старику хоть валеріановыхъ капель, сказалъ, что у фельдшера въ Воеводской тюрьмѣ нѣтъ никакихъ лѣкарствъ.

IX.

Тымь, или Тыми.—Лейт. Бошнякъ.—Поляковъ.— Верхній Армуданъ.— Нижній Армуданъ.—Дербинское.—Прогулка по Тыми.—Усково.—Цыгане.—Прогулка по тайгѣ.—Воскресенское.

Второй округъ Сѣв. Сахалина находится по ту сторону водораздѣльнаго хребта и называется Тымовскимъ, такъ какъ большинство его селеній лежитъ на рѣкѣ Тыми,

впадающей въ Охотское море. Когда изъ Александровска ѣдешь въ Ново-Михайловку, то на переднемъ планѣ возвышается хребетъ, загораживая собою горизонтъ, и та его часть, которая видна отсюда, называется Пилингой. Съ высоты этой Пилинги открывается роскошная панорама съ одной стороны на долину Дуйки и море, а съ другой — на широкую равнину, которая на протяженіи болѣе чѣмъ 200 верстъ къ сѣверо-востоку орошается Тымью и ея притоками. Эта равнина во много разъ больше и интереснѣе Александровской. Богатство воды, разнообразный строевой лѣсъ, трава выше человѣческаго роста, баснословное изобиліе рыбы и залежи угля предполагаютъ сытое и довольное существованіе цѣлаго милліона людей. Такъ бы оно могло быть, но холодныя теченія Охотскаго моря и льдины, которыя плаваютъ у восточнаго берега даже въ іюнѣ, свидѣтельствуютъ съ неумолимою ясностью, что когда природа создавала Сахалинъ, то при этомъ она меньше всего имѣла въ виду человѣка и его пользу. Если бы не горы, то равнина была бы ѳундрою, холоднѣе и безнадежнѣе, чѣмъ около Віахту.

Первый былъ на р. Тыми и описалъ ее лейт. Бошнякъ. Въ 1852 г. онъ былъ посланъ сюда Невельскимъ, чтобы провѣрить свѣдѣнія насчетъ залежей каменнаго угля, полученныя отъ гиляковъ, затѣмъ пересѣчь поперекъ островъ и выйти на берегъ Охотскаго моря, гдѣ, какъ говорили, находится прекрасная гавань. Ему даны

были нарта собакъ, дней на 35 сухарей, чаю да сахару, маленькій ручной компасъ и вмѣстѣ съ крестомъ Невельскаго ободреніе, что «если есть сухарь, чтобъ утолить голодъ, и кружка воды напиться, то съ Божіей помощью дѣло дѣлать еще возможно». Проѣхавшись по Тыми до восточнаго берега и обратно, онъ кое-какъ добрался до западнаго берега, весь ободранный, голодный, съ нарывами на ногахъ. Собаки отказывались идти дальше, такъ какъ были голодны. Въ самую Пасху онъ притаился въ уголкѣ (гиляцкой) юрты, рѣшительно выбившись изъ силъ. Сухарей не было, разговѣться нечѣмъ, нога болѣла страшно. Въ изслѣдованіяхъ Бошняка самое интересное, конечно, личность самого изслѣдователя, его молодость,—ему шелъ тогда 21-й годъ,—и его беззавѣтная, геройская преданность дѣлу. Тымь тогда была покрыта глубокимъ снѣгомъ, такъ какъ на дворѣ стоялъ мартъ, но все же это путешествіе дало ему въ высшей степени интересный матеріалъ для записокъ *).

Серьезное и тщательное изслѣдованіе Тыми, съ научною и практическою цѣлью, было произведено въ 1881 г. зоологомъ Поляковымъ **). Направляясь изъ

*) Четыре года спустя по Тыми спустился на восточный берегъ Л. И. Шренкъ и тѣмъ же путемъ вернулся назадъ. Но дѣло происходило тоже зимой, когда рѣка была покрыта снѣгомъ.

**) Его уже нѣтъ въ живыхъ. Онъ умеръ вскорѣ послѣ своего путешествія на Сахалинъ. Если судить по его наскоро написаннымъ эскизнымъ запискамъ, то это былъ талантливый и всесторонне образованный человѣкъ. Вотъ его статьи: 1) *Путешествіе на островъ Саха-*

Александровска, онъ 24 іюля на волахъ, съ большими трудностями, по ухабамъ и крутекамъ перевалилъ черезъ Пилингу. Были тутъ только пѣшеходныя тропинки, по которымъ спускались и поднимались каторжные, таскавшіе тогда на своихъ плечахъ продовольствіе изъ Александровскаго округа въ Тымовскій. Высота хребта здѣсь двѣ тысячи футовъ. На притокѣ Тыми Адмво, ближайшемъ къ Пилингѣ, стоялъ *Ведерниковскій Станокъ*, отъ котораго уцѣлѣло теперь только одно—должность смотрителя Ведерниковскаго Станка *). Притоки Тыми быстры, извилисты, мелководны и порожисты, сообщеніе на лодкахъ невозможно, и Полякову поэтому пришлось пробираться на волахъ до самой Тыми. Въ селеніи Дербинскомъ онъ со своими спутниками сѣлъ въ лодки и поплылъ внизъ по теченію.

Утомительно читать описаніе этого его путешествія, благодаря добросовѣстности, съ какою онъ пересчитываетъ всѣ пороги и перекаты, встрѣченные имъ на пути. На протяженіи 272 верстъ отъ Дербинскаго онъ долженъ былъ побороть 110 препятствій: 11 пороговъ, 89 пере-

линъ въ 1881—1882 гг. (письма къ секретарю общества), прилож. къ XIX т. *Изв. И. Р. Геогр. Общества* 1883 г. 2) *Отчетъ объ изслѣдованіяхъ на островѣ Сахалинѣ и въ Южно-Уссурійскомъ краѣ.* Приложеніе № 6 къ XLVIII т. *Записокъ Импер. Академіи Наукъ* 1884 г. и 3) *На Сахалинѣ. Новь* 1885 г., № 1.

*) Этотъ смотритель по отношенію къ Станку изображаетъ изъ себя теперь нѣчто вродѣ экс-короля и несетъ обязанности, ничего общаго со Станкомъ не имѣющія.

катовъ и 10 такихъ мѣстъ, гдѣ фарватеръ былъ запруженъ наносными деревьями и карчами. Значитъ, рѣка среднимъ числомъ на каждыхъ двухъ верстахъ мелководна или засорена. Около Дербинскаго она имѣетъ въ ширину 20—25 саж., и чѣмъ она шире, тѣмъ мельче. Частые ея изгибы и завороты, стремительность теченія и мелководье не позволяютъ надѣяться, что она когда-нибудь будетъ судоходной въ серьезномъ значеніи этого слова. По мнѣнію Полякова, она годится быть только сплавною рѣкой. Лишь на послѣднихъ 70—100 верстахъ до устья, т.-е. тамъ, гдѣ меньше всего слѣдуетъ разсчитывать на колонизацію, она становится глубже и прямѣе, теченіе тутъ тише, пороговъ и перекатовъ нѣтъ вовсе; здѣсь можетъ ходить паровой катеръ и даже мелко-сидящій буксирный пароходъ.

Когда здѣшнія богатѣйшія рыбныя ловли попадутъ въ руки капиталистовъ, то, по всей вѣроятности, будутъ сдѣланы солидныя попытки къ очисткѣ и углубленію фарватера рѣки; быть можетъ, даже по берегу до устья пройдетъ желѣзная дорога и, нѣтъ сомнѣнія, рѣка съ лихвою окупитъ всѣ затраты. Но это въ далекомъ будущемъ. Въ настоящемъ же, при существующихъ средствахъ, когда приходится имѣть въ виду лишь ближайшія цѣли, богатства Тыми почти призрачны. Ссыльному населенію она даетъ до обиднаго мало. По крайней мѣрѣ, тымовскій поселенецъ живетъ такъ же впроголодь, какъ и александровскій.

Долина рѣки Тыми, по описанію Полякова, усѣяна озерами, старицами, оврагами, ямами; на ней нѣтъ ровныхъ, гладкихъ пространствъ, заросшихъ питательными кормовыми травами, нѣтъ поемныхъ заливныхъ луговъ и только изрѣдка попадаются луговины съ осокой: это—заросшія травой озера. По склонамъ гористаго берега ростетъ густой хвойный лѣсъ, на отлогомъ берегу—береза, ива, ильма, осина и цѣлыя рощи изъ тополя. Тополь здѣсь очень высокъ; у берега онъ подмывается, падаетъ въ воду и образуетъ карчи и запруды. Изъ кустарниковъ здѣсь черемуха, ивнякъ, шиповникъ, боярышникъ... Комаровъ тьма. 1 августа утромъ былъ иней.

Чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ растительность бѣднѣе. Мало-по-малу исчезаетъ тополь, ива обращается въ кустарникъ, въ общей картинѣ уже преобладаетъ песчаный или торфяной берегъ съ голубикой, морошкой и мохомъ. Постепенно рѣка расширяется до 75—100 саж., кругомъ уже тундра, берега низменны и болотисты... Съ моря подуло холодкомъ.

Тымь впадаетъ въ Ныйскій заливъ или Тро—маленькая водная пустыня, служащая преддверіемъ въ Охотское море или, что все равно, въ Тихій океанъ. Первая ночь, которую Поляковъ провелъ на берегу этого залива, была ясная, прохладная, и на небѣ сіяла небольшая комета съ раздвоеннымъ хвостомъ. Поляковъ не пишетъ, какія мысли наполняли его, пока онъ любовался на комету и прислушивался къ ночнымъ звукамъ. Сонъ «пре-

возмогъ» его. На другой день утромъ судьба наградила его неожиданнымъ зрѣлищемъ: въ устьѣ у входа въ заливъ стояло темное судно съ бѣлыми бортами, съ прекрасною оснасткой и рубкой; на носу сидѣлъ живой привязанный орелъ *).

Берегъ залива произвелъ на Полякова унылое впечатлѣніе; онъ называетъ его типичнымъ характернымъ образцикомъ ландшафта полярныхъ странъ. Растительность скудная, корявая. Отъ моря заливъ отдѣляется узкою длинною песчаною косой дюннаго происхожденія, а за этою косой безпредѣльно, на тысячи верстъ раскинулось угрюмое злое море. Когда съ мальчика, начитавшагося Майнъ-Рида, падаетъ ночью одѣяло, онъ зябнетъ и тогда ему снится именно такое море. Это — кошмаръ. Поверхность свинцовая, надъ нею «тяготѣетъ однообразное сѣрое небо». Суровыя волны бьются о пустынный берегъ, на которомъ нѣтъ деревьевъ, онѣ ревутъ и рѣдко-рѣдко чернымъ пятномъ промелькнетъ въ нихъ китъ или тюлень **).

Въ настоящее время, чтобы попасть въ Тымовскій округъ, нѣтъ надобности переваливать черезъ Пилингу

*) У устья двухсаженный шестъ не хваталъ дна рѣки. Въ заливѣ можетъ стоять судно большого размѣра. Если бы на Охотскомъ морѣ близъ Сахалина было развито судоходство, то суда находили бы себѣ тутъ въ заливѣ тихую и вполнѣ безопасную стоянку.

**) Горн. инж. Лопатинъ въ срединѣ іюня видѣлъ здѣсь ледъ, который покрывалъ море; ледъ этотъ простоялъ до іюля. На Петровъ день въ чайникѣ замерзла вода.

по крутизнамъ и ухабамъ. Я уже говорилъ, что въ Тымовскій округъ изъ Александровска ѣздятъ теперь черезъ Арковскую долину и мѣняютъ лошадей въ Арковскомъ Станкѣ. Дороги здѣсь превосходныя и лошади ѣздятъ быстро. Въ 16 верстахъ отъ Арковскаго Станка находится первое по тракту селеніе Тымовскаго округа, съ названіемъ точно въ восточной сказкѣ — *Верхній Армуданъ*. Оно основано въ 1884 г. и состоитъ изъ двухъ частей, которыя расположились по склону горы около рѣчки Армуданъ, притока Тыми. Жителей здѣсь 178 : 123 м. и 55 ж. Хозяевъ 75 и при нихъ совладѣльцевъ 28. Поселенецъ Васильевъ имѣетъ даже двухъ совладѣльцевъ. Въ сравненіи съ Александровскимъ округомъ въ большинствѣ селеній Тымовскаго, какъ увидитъ читатель, очень много совладѣльцевъ или половинщиковъ, мало женщинъ и очень мало законныхъ семей. Въ Верхнемъ Армуданѣ изъ 42 семей только 9 законныя. Женъ свободнаго состоянія, пришедшихъ за мужьями, только 3, т.-е. столько же, какъ въ Красномъ Ярѣ или Бутаковѣ, существующихъ не больше года. Этотъ недостатокъ женщинъ и семей въ селеніяхъ Тымовскаго округа, часто поразительный, не соотвѣтствующій общему числу женщинъ и семей на Сахалинѣ, объясняется не какими-либо мѣстными или экономическими условіями, а тѣмъ, что всѣ вновь прибывающія партіи сортируются въ Александровскѣ и мѣстные чиновники, по пословицѣ: «своя рубашка ближе къ тѣлу», задерживаютъ большин-

ство женщинъ для своего округа и, притомъ, «лучшенькихъ себѣ, а что похуже, то намъ»,какъ говорили мнѣ тымовскіе чиновники.

Избы въ В. Армуданѣ крыты соломой или корьемъ, въ нѣкоторыхъ окна не вставлены или наглухо забиты. Бѣдность воистину вопіющая. 20 человѣкъ не живутъ дома, ушли на заработки. Разработанной земли на всѣхъ 75 хозяевъ и 28 совладѣльцевъ приходится только 60 дес.; посѣяно зерна 183 пуда, т.-е. меньше, чѣмъ по 2 пуда на хозяйство. Да едва ли можно разсчитывать здѣсь на хлѣбопашество, сколько бы ни сѣяли. Селеніе лежитъ высоко надъ уровнемъ моря и не защищено отъ сѣверныхъ вѣтровъ; снѣгъ таетъ здѣсь на двѣ недѣли позже, чѣмъ, напримѣръ, въ сосѣднемъ селеніи Мало-Тымовѣ. Ловить рыбу лѣтомъ ходятъ за 20—25 верстъ къ рѣкѣ Тыми, а охота на пушного звѣря имѣетъ характеръ забавы и такъ мало даетъ въ экономіи поселенца, что о ней даже говорить не стòитъ.

Хозяевъ и домочадцевъ я заставалъ дома; всѣ ничего не дѣлали, хотя никакого праздника не было и, казалось бы, въ горячую августовскую пору всѣ отъ мала до велика могли бы найти себѣ работу въ полѣ или на Тыми, гдѣ уже шла періодическая рыба. Хозяева и ихъ сожительницы, видимо, скучали и были готовы посидѣть, поговорить о томъ, о семъ. Отъ скуки они смѣялись и для разнообразія принимались плакать. Это — неудачники, въ большинствѣ неврастеники и нытики, «лишніе люди»,

которые все уже испробовали, чтобы добыть кусокъ хлѣба, выбились изъ силъ, которыхъ у нихъ такъ мало, и, въ концѣ-концовъ, махнули рукой, потому что нѣтъ «никакого способу» и не проживешь «никакимъ родомъ». Вынужденное бездѣлье мало-по-малу перешло въ привычное, и теперь они, точно у моря ждутъ погоды, томятся, не-хотя спятъ, ничего не дѣлаютъ и, вѣроятно, уже не способны ни на какое дѣло. Развѣ вотъ только въ картишки перекинутся. Какъ это ни странно, въ В. Армуданѣ картежная игра процвѣтаетъ и здѣшніе игроки славятся на весь Сахалинъ. За недостаткомъ средствъ, армуданцы играютъ по очень маленькой, но играютъ за то безъ передышки, какъ въ пьесѣ *30 лѣтъ или жизнь игрока*. Съ однимъ изъ самыхъ страстныхъ и неутомимыхъ картежниковъ, поселенцемъ Сизовымъ, у меня происходилъ такой разговоръ:

— Отчего насъ, ваше превосходительство, не пускаютъ на материкъ?—спросилъ онъ.

— А зачѣмъ тебѣ туда?—пошутилъ я.—Тамъ, гляди, играть не съ кѣмъ.

— Ну, тамъ-то и игра настоящая.

— Въ штосъ играете?—спросилъ я, помолчавъ.

— Точно такъ, ваше превосходительство, въ штосъ.

Потомъ, уѣзжая изъ В. Армудана, я спросилъ у своего кучера-каторжнаго:

— Вѣдь, они на интересъ играютъ?

— Извѣстно, на интересъ.

— Но что же они проигрываютъ?

— Какъ что? Казенный пай, хлѣбъ тамъ или копченую рыбу. Харчи и одежу проиграетъ, а самъ голодный и холодный сидитъ.

— А что же онъ ѣстъ?

— Чего? Ну, выиграетъ—и поѣстъ, а не выиграетъ— и такъ спать ляжетъ, не ѣвши.

Ниже, на томъ же притокѣ, есть еще селеніе поменьше—*Нижній Армуданъ*. Сюда я пріѣхалъ поздно вечеромъ и ночевалъ въ надзирательской на чердакѣ, около печного борова, такъ какъ надзиратель не пустилъ меня въ комнату. «Ночевать здѣсь нельзя, ваше высокоблагородіе; клоповъ и таракановъ видимо-невидимо—сила!— сказалъ онъ, безпомощно разводя руками.—Пожалуйте на вышку». На вышку пришлось взбираться въ темнотѣ по наружной лѣстницѣ, мокрой и скользкой отъ дождя. Когда я навѣдался внизъ за табакомъ, то увидѣлъ въ самомъ дѣлѣ «силу», изумительную, возможную, вѣроятно, на одномъ только Сахалинѣ. Стѣны и потолокъ, казалось, были покрыты траурнымъ крепомъ, который двигался, какъ отъ вѣтра; по быстро и безпорядочно снующимъ отдѣльнымъ точкамъ на крепѣ можно было догадаться, изъ чего состояла эта кипящая, переливающаяся масса. Слышались шуршанье и громкій шепотъ, какъ будто тараканы и клопы спѣшили куда-то и совѣщались *).

*) Кстати, у сахалинцевъ существуетъ мнѣніе, будто клоповъ и таракановъ приносятъ изъ лѣсу во мхѣ, которымъ здѣсь конопатятъ по-

Жителей въ Нижнемъ Армуданѣ 101 : 76 м. и 25 ж. Хозяевъ 47 и при нихъ совладѣльцевъ 23. Законныхъ семей 4, незаконныхъ 15. Женщинъ свободнаго состоянія только 2. Нѣтъ ни одного жителя въ возрастѣ 15—20 лѣтъ. Народъ бѣдствуетъ. Только 6 домовъ покрыты тесомъ, остальные же корьемъ, и такъ же, какъ въ Верхнемъ Армуданѣ, кое-гдѣ окна не вставлены вовсе или наглухо забиты. Я не записалъ ни одного работника; очевидно, самимъ хозяевамъ дѣлать нечего. Ушло на заработки 21. Земли разработано подъ пашню и огороды съ 1884 г., когда селеніе было основано, только 37 десятинъ, т.-е. по ½ дес. на каждаго хозяина. Посѣяно озимаго и ярового хлѣба 183 пуд. Селеніе совсѣмъ не похоже на хлѣбопашескую деревню. Здѣшніе жители, это—безпорядочный сбродъ русскихъ, поляковъ, финляндцевъ, грузинъ, голодныхъ и оборванныхъ, сошедшихся вмѣстѣ не по своей волѣ и случайно, точно послѣ кораблекрушенія.

Слѣдующее по тракту селеніе лежитъ на самой Тыми. Основано оно въ 1880 г. и названо *Дербинскимъ* въ честь смотрителя тюрьмы Дербина, убитаго арестантомъ за жестокое обращеніе. Это былъ еще молодой, но тяжелый, крутой и неумолимый человѣкъ. По воспоминаніямъ лю-

стройки. Мнѣніе это выводятъ изъ того, что не успѣютъ-де проконопатить стѣнъ, какъ уже въ щеляхъ появляются клопы и тараканы. Понятно, мохъ тутъ не причемъ; насѣкомыхъ приносятъ на себѣ плотники, ночующіе въ тюрьмѣ или въ поселенческихъ избахъ.

дей, знавшихъ его, онъ всегда ходилъ въ тюрьму и по улицамъ съ палкой, которую бралъ съ собой для того только, чтобы бить людей. Его убивали въ пекарнѣ; онъ боролся и упалъ въ квашню и окровянилъ тѣсто. Его смерть вызвала среди арестантовъ всеобщую радость, и они собрали его убійцѣ по мелочамъ 60 рублей.

Прошлое у селенія Дербинскаго вообще не радостное. Одна часть равнины, на которой оно теперь стоитъ, узкая, была покрыта сплошнымъ березовымъ и осиновымъ лѣсомъ, а на другой части, болѣе просторной, но низменной и болотистой и, казалось бы, негодной для поселенія, росъ густой еловый и лиственичный лѣсъ. Едва покончили съ рубкой лѣса и раскорчевкой подъ избы, тюрьму и казенные склады, потомъ съ осушкой, какъ пришлось бороться съ новою бѣдой, которой не предусмотрѣли колонизаторы: рѣчушка Амга въ весеннее половодье заливала все селеніе. Нужно было рыть для нея другое русло и давать ей новое направленіе. Теперь Дербинское занимаетъ площадь больше чѣмъ въ квадратную версту и имѣетъ видъ настоящей русской деревни. Въѣзжаешь въ него по великолѣпному деревянному мосту; рѣка веселая, съ зелеными берегами, съ ивами, улицы широкія, избы съ тесовыми крышами и съ дворами. Новыя тюремныя постройки, всякіе склады и амбары и домъ смотрителя тюрьмы стоятъ среди селенія и напоминаютъ не тюрьму, а господскую экономію. Смотритель все ходитъ отъ амбара къ амбару и звенитъ ключами,—

точь-въ-точь какъ помѣщикъ добраго стараго времени, денно и нощно пекущійся о запасахъ. Жена его сидитъ около дома въ палисадникѣ, величественная, какъ маркиза, и наблюдаетъ за порядкомъ. Ей видно, какъ передъ самымъ домомъ изъ открытаго парника глядятъ уже созрѣвшіе арбузы и около нихъ почтительно, съ выраженіемъ рабскаго усердія, ходитъ каторжный садовникъ Каратаевъ; ей видно, какъ съ рѣки, гдѣ арестанты ловятъ рыбу, несутъ здоровую, отборную кэту, такъ называемую «серебрянку», которая идетъ не въ тюрьму, а на балычки для начальства. Около палисадника прогуливаются барышни, одѣтыя какъ ангельчики; на нихъ шьетъ каторжная модистка, присланная за поджогъ. И кругомъ чувствуются тихая, пріятная сытость и довольство; ступаютъ мягко, по-кошачьи, и выражаются тоже мягко: рыбка, балычки, казенненькое довольствіе...

Жителей въ Дербинскомъ 739 : 442 м. и 27 ж., а съ тюрьмою будетъ всего около тысячи. Хозяевъ 250 и при нихъ совладѣльцевъ 58. Какъ по наружному виду, такъ и по количеству семей и женщинъ, по возрастному составу жителей и вообще по всѣмъ относящимся къ нему цифрамъ это одно изъ немногихъ селеній на Сахалинѣ, которое серьезно можно назвать селеніемъ, а не случайнымъ сбродомъ людей. Законныхъ семей въ немъ 121, свободныхъ 14, и между законными женами значительно преобладаютъ женщины свободнаго состоянія, которыхъ здѣсь 103; дѣти составляютъ треть всего населенія. Но

при попыткѣ понять экономическое состоянiе дербинцевъ опять-таки наталкиваешься, прежде всего, на разныя случайныя обстоятельства, которыя здѣсь играютъ такую же главную и подчиняющую роль, какъ и въ другихъ селенiяхъ Сахалина. И здѣсь естественные и экономическiе законы какъ бы уходятъ на заднiй планъ, уступая свое первенство такимъ случайностямъ, какъ, напримѣръ, большее или меньшее количество неспособныхъ къ труду, больныхъ, воровъ или бывшихъ горожанъ, которые здѣсь занимаются хлѣбопашествомъ только поневолѣ; количество старожиловъ, близость тюрьмы, личность окружнаго начальника и т. д.,—все это условiя, которыя могутъ мѣняться черезъ каждыя пять лѣтъ и даже чаще. Тѣ дербинцы, которые, отбывъ каторгу до 1880 г., селились тутъ первые, вынесли на своихъ плечахъ тяжелое прошлое селенiя, обтерпѣлись и мало-по-малу захватили лучшiе мѣста и куски, и тѣ, которые прибыли изъ Россiи съ деньгами и семьями, такiе живутъ не бѣдно; 220 десятинъ земли и ежегодный уловъ рыбы въ три тысячи пудовъ, показываемые въ отчетахъ, очевидно, опредѣляютъ экономическое положенiе только этихъ хозяевъ; остальные же жители, т.-е. больше половины Дербинскаго, голодны, оборваны и производятъ впечатлѣнiе ненужныхъ, лишнихъ, не живущихъ и мѣшающихъ другимъ жить. Въ нашихъ русскихъ деревняхъ даже послѣ пожаровъ не наблюдается такой рѣзкой разницы.

Когда я прiѣхалъ въ Дербинское и потомъ ходилъ по

избамъ, шелъ дождь, было холодно и грязно. Смотритель тюрьмы, за неимѣніемъ мѣста въ его тѣсной квартирѣ, помѣстилъ меня въ новомъ, недавно выстроенномъ амбарѣ, въ которомъ была сложена вѣнская мебель. Мнѣ поставили кровать и столъ и придѣлали къ дверямъ завертку, чтобы можно было запираться изнутри. Съ вечера часовъ до двухъ ночи я читалъ или дѣлалъ выписки изъ подворныхъ описей и алфавита. Дождь, не переставая, стучалъ по крышѣ и рѣдко-рѣдко какой-нибудь запоздалый арестантъ или солдатъ, шлепая по грязи, проходилъ мимо. Было спокойно и въ амбарѣ, и у меня на душѣ, но едва я тушилъ свѣчу и ложился въ постель, какъ слышались шорохъ, шепотъ, стуки, плесканье, глубокіе вздохи... Капли, падавшія съ потолка на рѣшетки вѣнскихъ стульевъ, производили гулкій, звенящій звукъ и послѣ каждаго такого звука кто-то шепталъ въ отчаяніи: «Ахъ, Боже мой, Боже мой!» Рядомъ съ амбаромъ находилась тюрьма. Ужь не каторжные ли лѣзутъ ко мнѣ подземнымъ ходомъ? Но вотъ порывъ вѣтра, дождь застучалъ сильнѣе, гдѣ-то зашумѣли деревья—и опять глубокій, отчаянный вздохъ: «Ахъ, Боже мой, Боже мой!»

Утромъ выхожу на крыльцо. Небо сѣрое, унылое, идетъ дождь, грязно. Отъ дверей къ дверямъ торопливо ходитъ смотритель съ ключами.

— Я тебѣ пропишу такую записку, что потомъ недѣлю чесаться будешь!— кричитъ онъ. —Я тебѣ покажу записку!

Эти слова относятся къ толпѣ человѣкъ въ двадцать каторжныхъ, которые, какъ можно судить по немногимъ долетѣвшимъ до меня фразамъ, просятся въ больницу. Они оборваны, вымокли на дождѣ, забрызганы грязью, дрожатъ; они хотятъ выразить мимикой, что имъ въ самомъ дѣлѣ больно, но на озябшихъ, застывшихъ лицахъ выходитъ что-то кривое, лживое, хотя, быть можетъ, они вовсе не лгутъ. «Ахъ, Боже мой, Боже мой!»—вздыхаетъ кто-то изъ нихъ, и мнѣ кажется, что мой ночной кошмаръ все еще продолжается. Приходитъ на умъ слово «паріи», означающее въ обиходѣ состояніе человѣка, ниже котораго уже нельзя упасть. За все время, пока я былъ на Сахалинѣ, только въ поселенческомъ баракѣ около рудника, да здѣсь, въ Дербинскомъ, въ это дождливое, грязное утро, были моменты, когда мнѣ казалось, что я вижу крайнюю, предѣльную степень униженія человѣка, дальше которой нельзя уже идти.

Въ Дербинскомъ живетъ каторжная, бывшая баронесса, которую здѣшнія бабы называютъ «рабочею барыней». Она ведетъ скромную рабочую жизнь и, какъ говорятъ, довольна своимъ положеніемъ. Одинъ бывшій московскій купецъ, торговавшій когда-то на Тверской-Ямской, сказалъ мнѣ со вздохомъ: «А теперь въ Москвѣ скачки!»—и, обращаясь къ поселенцамъ, сталъ имъ разсказывать, что такое скачки и какое множество людей по воскресеньямъ движется къ заставѣ по Тверской-Ямской. «Вѣрите ли, ваше высокородіе,—сказалъ онъ мнѣ, взвол-

нованный своимъ разсказомъ,—я бы все отдалъ, жизнь бы свою отдалъ, чтобы только взглянуть не на Россію, не на Москву, а хоть бы на одну только Тверскую». Въ Дербинскомъ, между прочимъ, живутъ два Емельяна Самохвалова, однофамильцы, и во дворѣ у одного изъ этихъ Емельяновъ, помнится, я видѣлъ пѣтуха, привязаннаго за ногу. Всѣхъ дербинцевъ, въ томъ числѣ и самихъ Емельяновъ Самохваловыхъ, забавляетъ эта странная и очень сложная комбинація обстоятельствъ, которая двухъ человѣкъ, жившихъ въ разныхъ концахъ Россіи и схожихъ по имени и фамиліи, въ концѣ-концовъ, привела сюда, въ Дербинское.

27 августа пріѣхали въ Дербинское ген. Кононовичъ, начальникъ Тымовскаго округа А. М. Бутаковъ и еще одинъ чиновникъ, молодой человѣкъ,—всѣ трое интеллигентные и интересные люди. Они и я, вчетверомъ, совершили небольшую прогулку, которая, однако, отъ начала до конца была обставлена такими неудобствами, что вышла у насъ не прогулка, а какъ будто пародія на экспедицію. Начать съ того, что шелъ сильный дождь. Грязно, скользко; за что ни возьмешься—мокро. Съ намокшаго затылка течетъ за воротъ вода, въ сапогахъ холодно и сыро, какъ въ погребѣ. Закурить папиросу,— это сложная, тяжелая задача, которую рѣшали всѣ сообща. Мы около Дербинскаго сѣли въ лодки и поплыли внизъ по Тыми. По пути мы останавливались, чтобъ осмотрѣть рыбныя ловли, водяную мельницу, тюремныя пашни. Ловли я

опишу въ своемъ мѣстѣ; мельницу мы единогласно признали превосходной, а пашни не представляютъ изъ себя ничего особеннаго и обращаютъ на себя вниманіе развѣ только своими скромными размѣрами; серьезный хозяинъ назвалъ бы ихъ баловствомъ. Теченіе рѣки быстрое, четыре гребца и рулевой работали дружно; благодаря быстротѣ и частымъ изгибамъ рѣки, картины передъ нашими глазами мѣнялись каждую минуту. Мы плыли по горной, тайговой рѣкѣ, но всю ея дикую прелесть, зеленые берега, крутизны и одинокія неподвижныя фигуры рыболововъ я охотно промѣнялъ бы на теплую комнату и сухую обувь, тѣмъ болѣе, что пейзажи были однообразны, не новы для меня, а, главное, покрыты сѣрою дождевою мглой. Впереди на носу сидѣлъ А. М. Бутаковъ съ ружьемъ и стрѣлялъ по дикимъ уткамъ, которыхъ мы вспугивали своимъ появленіемъ.

По Тыми къ сѣверо-востоку отъ Дербинскаго пока основано только два селенія: *Воскресенское* и *Усково*. Чтобы заселить всю рѣку до устья, такихъ селеній съ промежутками въ десять верстъ понадобится по меньшей мѣрѣ 30. Администрація намѣрена основывать ихъ ежегодно по одному—по два и соединять ихъ дорогою, въ разсчетѣ, что современемъ между Дербинскимъ и Ныйскимъ заливомъ проляжетъ трактъ, оживляемый и охраняемый цѣлою линіею селеній. Когда мы плыли мимо Воскресенскаго, на берегу стоялъ на вытяжку надзиратель, очевидно, поджидая насъ. А. М. Бутаковъ крикнулъ ему,

что на обратномъ пути изъ Ускова мы будемъ ночевать у него и чтобъ онъ приготовилъ побольше соломы.

Вскорѣ послѣ этого сильно запахло гніющею рыбой. Мы подходили къ гиляцкой деревушкѣ Уск-во, давшей названіе теперешнему Ускову. На берегу насъ встрѣтили гиляки, ихъ жены, дѣти и куцыя собаки, но ужь того удивленія, какое возбудилъ здѣсь когда-то своимъ прибытіемъ покойный Поляковъ, мы не наблюдали. Даже дѣти и собаки глядѣли на насъ равнодушно. Русское селеніе находится въ двухъ верстахъ отъ берега. Здѣсь, въ Усковѣ, та же картина, что и въ Красномъ Ярѣ. Широкая, дурно раскорчованная, кочковатая, покрытая лѣсною травой улица и по сторонамъ ея не оконченныя избы, поваленныя деревья и кучи мусора. Всѣ вновь строющіяся сахалинскія селенія одинаково производятъ впечатлѣніе разрушенныхъ непріятелемъ или давно брошенныхъ деревень и только по свѣжему, ясному цвѣту срубовъ и стружекъ видно, что здѣсь происходитъ процессъ, какъ разъ противуположный разрушенію. Въ Усковѣ 77 жителей: 59 м. и 18 ж., хозяевъ 33 и при нихъ лишнихъ людей или, иначе, совладѣльцевъ 20. Семейно живутъ только 9. Когда усковцы со своими семьями собрались около надзирательской, гдѣ мы пили чай, и когда женщины и дѣти, какъ болѣе любопытныя, вышли впередъ, то толпа стала походить на цыганскій таборъ. Между женщинами въ самомъ дѣлѣ было нѣсколько смуглыхъ цыганокъ съ лукавыми, притворно-печальными лицами,

и почти всѣ дѣти были цыганята. Въ Усковѣ водворены нѣсколько каторжныхъ цыганъ и ихъ горькую участь раздѣляютъ ихъ семьи, пришедшія за ними добровольно. Двѣ-три цыганки мнѣ были немножко знакомы и раньше: за недѣлю до пріѣзда въ Усково я видѣлъ въ Рыковскомъ, какъ онѣ съ мѣшками за плечами ходили подъ окнами и предлагали погадать *).

Усковцы живутъ очень бѣдно. Земли подъ пашню и огородъ обработано пока только 11 дес., т.-е. почти $^1/_5$ дес. на хозяйство. Всѣ живутъ насчетъ казны, получая отъ нея арестантское довольствіе, которое достается имъ, впрочемъ, не дешево, такъ какъ по бездорожью они таскаютъ его изъ Дербинскаго на своихъ плечахъ черезъ тайгу.

Отдохнувши, часовъ въ пять пополудни мы пошли пѣшкомъ назадъ въ Воскресенское. Разстояніе небольшое, всего шесть верстъ, но отъ непривычки путешествовать по тайгѣ я сталъ чувствовать утомленіе послѣ первой же версты. Шелъ, попрежнему, сильный дождь. Тотчасъ же по выходѣ изъ Ускова пришлось имѣть дѣло съ ручьемъ въ сажень ширины, черезъ который были перекинуты три тонкихъ кривыхъ бревна; всѣ прошли благополучно, я же оступился и набралъ въ сапогъ. Передъ нами ле-

*) Одинъ авторъ, бывшій на Сахалинѣ года два спустя послѣ меня, видѣлъ уже около Ускова цѣлый табунъ лошадей. Удивительнаго мало, если лѣтъ черезъ пять въ сахалинскомъ Парижѣ будетъ пѣть цыганскій хоръ. Въ это гибкое племя вложена природой необычайная способность приспособлять мѣсто и обстановку къ своимъ привычкамъ.

жала длинная прямая просѣка, прорубленная для проектированной дороги; на ней не было буквально ни одного сажня, по которому можно было бы пройти не балансируя и не спотыкаясь. Кочки, ямы, полныя воды, жесткіе, точно проволочные кусты, или корневища, о которыя спотыкаешься, какъ о порогъ, и которыя предательски скрылись подъ водою, а главное, самое непріятное — это валежникъ и груды деревьевъ, поваленныхъ здѣсь при рубкѣ просѣки. Побѣдишь одну груду, вспотѣешь и продолжаешь идти по болоту, какъ опять новая груда, которой не минуешь, опять взбираешься, а спутники кричатъ мнѣ, что я иду не туда, надо взять влѣво отъ груды или вправо и т. д. Сначала я старался только объ одномъ— не набрать бы въ другой сапогъ, но скоро махнулъ на все рукой и предоставилъ себя теченію обстоятельствъ. Слышится тяжелое дыханіе трехъ поселенцевъ, которые плетутся сзади и тащатъ наши вещи... Томитъ духота, одышка, хочется пить... Идемъ безъ фуражекъ,— этакъ легче.

Генералъ, задыхаясь, садится на толстое бревно. Садимся и мы. Даемъ по папироскѣ поселенцамъ, которые не смѣютъ сѣсть.

— Уфъ! Тяжко!

— Сколько верстъ осталось еще до Воскресенскаго?

— Да версты три осталось.

Бодрѣе всѣхъ идетъ А. М. Бутаковъ. Раньше онъ хаживалъ пѣшкомъ по тайгѣ и тундрѣ на далекія разстоя-

нія, и теперь какія-нибудь шесть верстъ составляютъ для него сущій пустякъ. Онъ разсказывалъ мнѣ про свое путешествіе вдоль рѣки Пороная къ заливу Терпѣнія и обратно: въ первый день идти мучительно, выбиваешься изъ силъ; на другой день болитъ все тѣло, но идти, все-таки, ужь легче, а въ третій и затѣмъ слѣдующіе дни чувствуешь себя, какъ на крыльяхъ, точно ты не идешь, а несетъ тебя какая-то невидимая сила, хотя ноги, попрежнему, путаются въ жесткомъ богульникѣ и вязнутъ въ трясинѣ.

На полдорогѣ стало темнѣть и скоро насъ окутала настоящая тьма. Я уже потерялъ надежду, что когда-нибудь будетъ конецъ этой прогулкѣ, и шелъ ощупью, болтаясь по колѣна въ водѣ и спотыкаясь о бревна. Кругомъ меня и моихъ спутниковъ тамъ и сямъ мелькали или млѣли неподвижно блуждающіе огоньки; свѣтились фосфоромъ цѣлыя лужи и громадныя гніющія деревья, а сапоги мои были усыпаны движущимися точками, которые горѣли, какъ ивановскіе свѣтляки.

Но вотъ, слава Богу, вдали заблестѣлъ огонь, не фосфорическій, а настоящій. Кто-то окликнулъ насъ, мы отвѣтили; показался надзиратель съ фонаремъ; широко шагая черезъ лужи, въ которыхъ отсвѣчивалъ его фонарь, онъ черезъ все Воскресенское, которое едва было видно въ потемкахъ, повелъ насъ къ себѣ въ надзирательскую *). У спутниковъ моихъ было съ собою сухое

*) На то, чтобы пройти шесть верстъ изъ Ускова въ Воскресенское,

платье для перемѣны и они, придя въ надзирательскую, поспѣшили переодѣться, у меня же съ собою ничего не было, хотя я промокъ буквально насквозь. Мы напились чаю, поговорили и легли спать. Кровать въ надзирательской была только одна, ее занялъ генералъ, а мы, простые смертные, легли на полу на сѣнѣ.

Воскресенское почти вдвое больше Ускова. Жителей 183: 175 м. и 8 ж. Свободныхъ семей 7 и ни одной вѣнчанной пары. Дѣтей въ селеніи немного: только одна дѣвочка. Хозяевъ 97, при нихъ совладѣльцевъ 77.

X.

Рыковское. —Здѣшняя тюрьма. — Г. Ливинъ. —Метеорологическая станція М. Н. Галкина-Враскаго. —Палево. — Микрюковъ. —Вальзы и Лонгари. — Мало Тымово. —Андрее-Ивановское.

У верховьевъ Тыми, въ самой южной части ея бассейна, мы встрѣчаемъ болѣе развитую жизнь. Здѣсь, какъ бы то ни было, все-таки, теплѣе, тоны у природы мягче и голодный, озябшій человѣкъ находитъ для себя болѣе подходящія естественныя условія, чѣмъ по среднему или нижнему теченію Тыми. Тутъ даже мѣстность похожа на Россію. Это сходство, очаровательное и тро-

намъ понадобилось три часа. Если читатель вообразитъ пѣшехода, навьюченнаго мукой, солониной или казенными вещами, или больного, который идетъ изъ Ускова въ Рыковскую больницу, то ему станетъ вполнѣ понятно, какое значеніе имѣютъ на Сахалинѣ слова „нѣтъ дороги“. Проѣхать невозможно ни на колесахъ, ни верхомъ. Бывали случаи что при попыткахъ проѣхать верхомъ лошади ломали себѣ ноги.

гательное для ссыльнаго, особенно замѣтно въ той части равнины, гдѣ находится селеніе *Рыковское*, административный центръ Тымовскаго округа. Здѣсь равнина имѣетъ до шести верстъ ширины; съ востока слегка защищаетъ ее невысокій хребетъ, идущій вдоль Тыми, а съ западной стороны синѣютъ отроги большого водораздѣльнаго хребта. На ней нѣтъ холмовъ и возвышеній, это совершенно ровное, по виду обыкновенное русское поле съ пашнями, покосами, выгонами и зелеными рощами. При Поляковѣ вся поверхность долины была покрыта кочками, ямами, промоинами, озерками и мелкими рѣчушками, впадавшими въ Тымь, верховая лошадь вязла то по колѣна, то по брюхо; теперь же все раскарчовано, осушено и изъ Дербинскаго до Рыковскаго на протяженіи 14 верстъ проходитъ щегольская дорога, изумительная по своей гладкости и совершенной прямизнѣ.

Рыковское, или Рыково, основано въ 1878 г.; мѣсто для него довольно удачно выбралъ и указалъ смотритель тюрьмы унтеръ-офицеръ Рыковъ. Оно отличается своимъ быстрымъ ростомъ, необыкновеннымъ даже для сахалинскаго селенія: въ послѣднія пять лѣтъ площадь его и населеніе увеличились въ четыре раза. Въ настоящее время оно занимаетъ три квадратныхъ версты и жителей въ немъ 1,368: 831 м. и 537 ж., а съ тюрьмой и командой будетъ болѣе двухъ тысячъ. Оно не похоже на Александровскій постъ; то городокъ, маленькій Вавилонъ, имѣющій уже въ себѣ игорные дома и даже семейныя бани, со-

держимыя жидомъ, это же настоящая сѣрая русская деревня безъ какихъ-либо претензій на культурность. Когда ѣдешь или идешь по улицѣ, которая тянется версты на три, то она скоро прискучаетъ своею длиной и однообразіемъ. Тутъ улицы не называются, по-сибирски, слободками, какъ въ Александровскѣ, а улицами, и большинство ихъ сохраняютъ названія, данныя имъ самими поселенцами. Есть улица Сизовская, названная такъ потому, что на краю ея стоитъ изба поселки Сизовой, есть улица Хребтовая, Малороссійская. Въ Рыковскомъ много хохловъ и потому, должно быть, нигдѣ въ другомъ селеніи вы не встрѣтите столько великолѣпныхъ фамилій, какъ здѣсь: Желтоногъ, Желудокъ, девять человѣкъ Безбожныхъ, Зарывай, Рѣка, Бубликъ, Сивокобылка, Колода, Замоздря и т. д. Среди селенія большая площадь, на ней деревянная церковь и кругомъ по краю не лавки, какъ у насъ въ деревняхъ, а тюремныя постройки, присутственныя мѣста и квартиры чиновниковъ. Когда проходишь по площади, то воображеніе рисуетъ, какъ на ней шумитъ веселая ярмарка, раздаются голоса усковскихъ цыганъ, торгующихъ лошадьми, какъ пахнетъ дегтемъ, навозомъ и копченою рыбой, какъ мычатъ коровы, и визгливые звуки гармоникъ мѣшаются съ пьяными пѣснями; но мирная картина разсѣвается въ дымъ, когда слышишь вдругъ опостылѣвшій звонъ цѣпей и глухіе шаги арестантовъ и конвойныхъ, идущихъ черезъ площадь въ тюрьму.

Хозяевъ въ Рыковскомъ 335 и при нихъ половинщиковъ, совмѣстно ведущихъ хозяйства и считающихъ себя тоже хозяевами, 189. Законныхъ семей 195, свободныхъ 91; большинство законныхъ женъ — свободныя, пришедшія за мужьями. Ихъ здѣсь 155. Это высокія цифры, но утѣшаться и увлекаться ими не слѣдуетъ, такъ какъ онѣ не обѣщаютъ ничего хорошаго. Форсированный, совершенно искусственный ростъ населенія оставляетъ далеко за собой средства къ жизни, которыя увеличиваются въ Рыковскомъ даже не по теоріи Мальтуса, а скромнѣе. Уже по количеству половинщиковъ, этихъ сверхштатныхъ хозяевъ, видно, какъ много здѣсь лишняго элемента, не имѣющаго средствъ и возможности самостоятельно вести хозяйство, и какъ уже здѣсь тѣсно и голодно. Сахалинская администрація сажаетъ людей на участки какъ-нибудь, не соображаясь съ обстоятельствами и не заглядывая въ будущее, а при такомъ не хитромъ способѣ создавать новые населенные пункты и хозяйства, селенія, поставленныя даже въ сравнительно благопріятныя условія, какъ Рыковское, въ концѣ-концовъ, все-таки, даютъ картину полнаго обнищанія и доходятъ до положенія Верхняго Армудана. Для Рыковскаго, при существующемъ количествѣ земли, годной для хлѣбопашества, и при условіяхъ здѣшней урожайности, принимая даже во вниманіе возможные заработки, двухсотъ хозяевъ было бы, какъ говорится, за глаза, а, между тѣмъ, ихъ тутъ вмѣстѣ съ сверхштатными бо-

лѣе пятисотъ, и каждый годъ начальство будетъ приваливать все новыхъ и новыхъ.

Тюрьма въ Рыковскомъ новая. Построена она по типу, общему для всѣхъ сахалинскихъ тюремъ: деревянныя казармы, камеры въ нихъ и нечистота, нищета и неудобства, свойственныя этимъ предназначаемымъ для стадной жизни помѣщеніямъ. Съ недавняго времени, впрочемъ, рыковская тюрьма, благодаря нѣкоторымъ своимъ особенностямъ, которыхъ трудно не замѣтить, стала считаться лучшею тюрьмой во всемъ Сѣв. Сахалинѣ. Мнѣ она тоже показалась лучшею. Такъ какъ въ районѣ каждой тюрьмы мнѣ приходилось, прежде всего, пользоваться канцелярскимъ матеріаломъ для справокъ и услугами грамотныхъ людей, то во всемъ Тымовскомъ округѣ и особенно въ Рыковскомъ я не могъ не замѣтить на первыхъ порахъ того обстоятельства, что здѣшніе писаря хорошо подготовлены и дисциплинированы, какъ будто прошли спеціальную школу; подворныя описи и алфавиты они ведутъ въ образцовомъ порядкѣ. Затѣмъ, когда я бывалъ въ тюрьмѣ, то же впечатлѣніе порядка и дисциплины производили на меня кашевары, хлѣбопеки и проч.; даже старшіе надзиратели не казались здѣсь такими сытыми, величаво-тупыми и грубыми, какъ въ Александровскѣ или Дуэ. А едва ли нужно доказывать, что стоящіе очень близко къ тюрьмѣ нижніе служебные чины, будь то солдатъ-надзиратель или хлѣбопекъ-каторжный, имѣютъ для здоровья, нравственности, да и всей судьбы арестанта небезразличное значеніе.

Въ тѣхъ частяхъ тюрьмы, гдѣ соблюденіе чистоты возможно, требованіе опрятности, повидимому, доведено до крайности. Въ кухнѣ, напримѣръ, и пекарнѣ—въ самомъ помѣщеніи, мебели, посудѣ, воздухѣ, одеждѣ прислуги—такая чистота, что могла бы удовлетворить самый придирчивый санитарный надзоръ, и очевидно, что эта опрятность бываетъ наблюдаема здѣсь постоянно, независимо отъ чьихъ-либо посѣщеній. Когда я былъ въ кухнѣ, тамъ варили въ котлахъ похлебку изъ свѣжей рыбы—кушанье нездоровое, такъ какъ отъ періодической рыбы, пойманной въ верховьяхъ рѣки, арестанты заболѣваютъ острымъ катарромъ кишекъ; но, несмотря даже на это обстоятельство, вся постановка дѣла какъ бы говорила, что здѣсь арестантъ полностью получаетъ все то количество пищевого довольствія, какое ему полагается по закону. Оттого, что для работъ внутри тюрьмы, въ качествѣ завѣдующихъ, распорядителей и проч. привлечены привилегированные ссыльные, которые отвѣчаютъ за качество и количество арестантской пищи, я думаю, стали невозможны такія безобразныя явленія, какъ вонючія щи или хлѣбъ съ глиной. Изъ множества суточныхъ хлѣбныхъ порцій, приготовленныхъ для выдачи арестантамъ, я взялъ нѣсколько наудачу и свѣсилъ и каждая вѣсила непремѣнно три фунта съ походцемъ.

Отхожее мѣсто устроено здѣсь тоже по системѣ выгребныхъ ямъ, но содержится иначе, чѣмъ въ другихъ тюрьмахъ. Требованіе опрятности здѣсь доведено до степени,

быть можетъ, даже стѣснительной для арестантовъ, въ помѣщенiи тепло и дурной запахъ совершенно отсутствуетъ. Послѣднее достигается особаго рода вентиляцiей, описанной въ извѣстномъ руководствѣ проф. Эрисмана, кажется, подъ названiемъ обратной тяги *).

Смотритель рыковской тюрьмы, г. Ливинъ, человѣкъ даровитый, съ серьезнымъ опытомъ, съ инициативой, съ опредѣленными взглядами, и тюрьма всѣмъ тѣмъ, что въ ней хорошо, обязана, главнымъ образомъ, ему. Къ сожалѣнiю, онъ имѣетъ сильное пристрастiе къ розгѣ, которое уже однажды было ознаменовано покушенiемъ на его жизнь. На него, какъ на звѣря, съ ножомъ бросился арестантъ, и это нападенiе имѣло гибельныя послѣдствiя для нападавшаго. Постоянная заботливость г. Ливина о людяхъ, его горячее, страстное отношенiе къ дѣлу и, въ то же время, розги, упоенiе тѣлесными наказанiями, какъ хотите, сочетанiе ни съ чѣмъ несообразное и необъяснимое. Капитанъ Венцель въ гаршинскихъ *Запискахъ рядового Иванова*, очевидно, не выдуманъ.

*) Такъ какъ отхожее мѣсто помѣщается здѣсь не въ многоэтажномъ зданiи, а стоитъ особнякомъ подъ отдѣльною крышей, то эта тяга достигаетъ цѣли вполнѣ какъ лѣтомъ, такъ и зимою. Въ рыковской тюрьмѣ она устроена такъ: въ помѣщенiи надъ выгребною ямой топятся печи и при этомъ дверцы закрываются вплотную, герметически, а токъ воздуха, необходимый для горѣнiя, печи получаютъ изъ ямы, такъ какъ соединены съ нею трубой. Такимъ образомъ, всѣ зловонные газы поступаютъ изъ ямы въ печь и по дымовой трубѣ выходятъ наружу. Помѣщенiе надъ ямой нагрѣвается отъ печей и воздухъ отсюда идетъ въ яму черезъ дыры и затѣмъ въ дымовую трубу; пламя спички, поднесенной къ дырѣ, замѣтно тянется внизъ.

Въ Рыковскомъ есть школа, телеграфъ, больница и метеорологическая станція имени М. Н. Галкина-Враскаго, которою неоффиціально завѣдуетъ привилегированный ссыльный, бывшій мичманъ, человѣкъ замѣчательно трудолюбивый и добрый; онъ исправляетъ еще также должность церковнаго старосты. За четыре года, пока существуетъ станція, собрано не много данныхъ, но, всетаки, уже достаточно опредѣлилась разница между обоими сѣверными округами. Если въ Александровскомъ округѣ климатъ морской, то въ Тымовскомъ онъ континентальный, хотя между станціями обоихъ округовъ не болѣе 70 верстъ. Колебанія температуры и числа дней съ осадками въ Тымовскомъ уже не такъ значительны. Лѣто здѣсь теплѣе, зима суровѣе; средняя температура года ниже нуля, т.-е. ниже даже чѣмъ на Соловецкомъ островѣ. Тымовскій округъ находится выше надъ уровнемъ моря, чѣмъ Александровскій, но, благодаря тому, что онъ окруженъ горами и лежитъ какъ бы въ котловинѣ, среднее число безвѣтренныхъ дней въ году здѣсь больше почти на 60 и въ частности дней съ холоднымъ вѣтромъ меньше на 20. Наблюдается также небольшая разница въ числѣ дней съ осадками: въ Тымовскомъ ихъ больше — 116 со снѣгомъ и 76 съ дождемъ; сумма же осадковъ въ обоихъ округахъ даетъ болѣе значительную разницу, почти на 300 mm., причемъ наибольшее количество сырости приходится на долю Александровскаго.

24 іюля 1889 г. былъ утренникъ, который попортилъ

въ Дербинскомъ картофельный цвѣтъ; 18 же августа во всемъ округѣ побило морозомъ картофельную ботву.

Южнѣе Рыковскаго на мѣстѣ бывшей гиляцкой деревушки Пальво, на притокѣ Тыми того же названія, стоитъ селеніе *Палево*, основанное въ 1886 г. Отъ Рыковскаго ведетъ сюда хорошая проселочная дорога по гладкой равнинѣ, мимо рощъ и полей, чрезвычайно напоминавшихъ мнѣ Россію, быть можетъ, потому, что я проѣзжалъ здѣсь въ очень хорошую погоду. Разстояніе 14 верстъ. Въ направленіи отъ Рыковскаго до Палева скоро проляжетъ почтово-телеграфный трактъ, давно уже проектированный, который соединитъ Сѣверный Сахалинъ съ южнымъ. Дорога здѣсь уже строится.

Въ Палевѣ 396 жителей: 345 м. и 51 ж. Хозяевъ 183 и при нихъ половинщиковъ 137, хотя, по мѣстнымъ условіямъ, было бы достаточно и 50 владѣльцевъ. Трудно найти на Сахалинѣ другое селеніе, въ которомъ сошлось бы вмѣстѣ столько разныхъ обстоятельствъ, неблагопріятныхъ для сельско-хозяйственной колоніи, какъ здѣсь. Почва—галька; когда-то, по разсказамъ старожиловъ, на мѣстѣ нынѣшняго Палева тунгусы пасли своихъ оленей. Даже поселенцы толкуютъ, что эта мѣстность во времена оны была дномъ морскимъ и будто гиляки теперь находятъ на ней вещи съ кораблей. Земли разработано только 108 дес., считая тутъ и пашни, и огородъ, и сѣнокосы, а хозяевъ, между тѣмъ, больше трехсотъ. Взрослыхъ женщинъ только 30, по одной на 10 человѣкъ,

и точно въ насмѣшку, чтобы дать сильнѣе почувствовать печальный смыслъ этой пропорціи, не такъ давно смерть заглянула въ Палево и похитила въ короткое время трехъ сожительницъ. Почти третья часть хозяевъ до ссылки не занималась хлѣбопашествомъ, такъ какъ принадлежала къ городскимъ сословіямъ. Къ сожалѣнію, перечень неблагопріятныхъ обстоятельствъ не кончается на этомъ. Почему-то еще, вѣроятно, по пословицѣ — на бѣднаго Макара всѣ шишки валятся, ни въ одномъ селеніи на Сахалинѣ нѣтъ такого множества воровъ, какъ именно здѣсь, въ многострадальномъ, судьбою обиженномъ Палевѣ. Тутъ каждую ночь воруютъ; наканунѣ моего пріѣзда троихъ отправили въ кандальную за кражу ржи. Кромѣ такихъ, которые воруютъ изъ нужды, въ Палевѣ не мало еще такъ называемыхъ «пакостниковъ», которые вредятъ своимъ односельчанамъ только изъ любви къ искусству. Тутъ вредъ ради вреда, ради того наслажденія, какое испытываетъ преступный человѣкъ всякій разъ при активномъ участіи въ процессѣ разрушенія. Безъ всякой надобности убиваютъ ночью скотину, выдергиваютъ изъ земли еще не созрѣвшій картофель, выставляютъ изъ оконъ рамы и т. п. Все это влечетъ за собой потери и истощаетъ въ конецъ жалкія нищенскія хозяйства и, что едва ли не менѣе важно, держитъ населеніе въ постоянномъ страхѣ.

Обстановка жизни говоритъ только о бѣдности и ни о чемъ другомъ. Крыши на избахъ покрыты корьемъ и

соломой, дворовъ и надворныхъ построекъ нѣтъ вовсе; 49 домовъ еще не кончены и, повидимому, брошены своими хозяевами. 17 владѣльцевъ ушли на заработки.

Когда я въ Палевѣ ходилъ по избамъ, за мной неотступно слѣдовалъ надзиратель изъ поселенцевъ, родомъ псковичъ. Помнится, я спросилъ у него: среда сегодня или четвергъ? Онъ отвѣтилъ:

— Не могу упомнить, ваше высокоблагородіе.

Въ казенномъ домѣ живетъ отставной квартирмейстеръ Карпъ Ероѳеичъ Микрюковъ, старѣйшій изъ сахалинскихъ надзирателей. Прибылъ онъ на Сахалинъ въ 1860 году, въ ту пору, когда еще только начиналась сахалинская каторга, и изъ всѣхъ нынѣ здравствующихъ сахалинцевъ только онъ одинъ могъ бы написать всю ея исторію. Онъ словоохотливъ, на вопросы отвѣчаетъ съ видимымъ удовольствіемъ и старчески длинно; память уже стала измѣнять ему, такъ что отчетливо помнитъ онъ только давнопрошедшее и въ этомъ отношеніи похожъ на интересную книгу, въ которой отъ времени пообтерлись переднія страницы. Обстановка у него приличная, вполнѣ хозяйственная, даже есть два портрета, написанныхъ масляными красками: на одномъ онъ самъ, на другомъ его покойница жена съ цвѣткомъ на груди. Родомъ онъ изъ Вятской губ., лицомъ живо напоминаетъ покойнаго писателя Фета. Свои настоящіе годы онъ скрываетъ, говоритъ, что ему только 61, на самомъ же дѣлѣ ему больше 70. Женатъ онъ вторымъ бракомъ на дочери по-

селенца, молодой женщинѣ, отъ которой имѣетъ шестерыхъ дѣтей въ возрастѣ отъ 1 до 9 лѣтъ. Младшій еще грудной.

Моя бесѣда съ Карпомъ Ероѳеичемъ затянулась далеко за полночь, и всѣ исторіи, которыя онъ мнѣ разсказывалъ, касались только каторги и ея героевъ, какъ, напримѣръ, смотритель тюрьмы Селивановъ, который подъ горячую руку отбивалъ кулакомъ замки у дверей и, въ концѣ-концовъ, былъ убитъ арестантами за жестокое съ ними обращеніе.

Когда онъ отправился въ свою половину, гдѣ спали его жена и дѣти, я вышелъ на улицу. Была очень тихая, звѣздная ночь. Стучалъ сторожъ, гдѣ-то вблизи журчалъ ручей. Я долго стоялъ и смотрѣлъ то на небо, то на избы, и мнѣ казалось какимъ-то чудомъ, что я нахожусь за десять тысячъ верстъ отъ дому, гдѣ-то въ Палевѣ, въ этомъ концѣ свѣта, гдѣ не помнятъ дней недѣли, такъ какъ здѣсь рѣшительно все равно—среда сегодня или четвергъ...

Еще южнѣе, по линіи проектированнаго почтоваго тракта есть селеніе *Вальзы*, основанное въ 1889 г. Тутъ 40 мужчинъ и ни одной женщины. За недѣлю до моего пріѣзда, изъ Рыковскаго были посланы три семьи еще южнѣе, для основанія селенія *Лонгари*, на одномъ изъ притоковъ рѣки Пороная. Эти два селенія, въ которыхъ жизнь едва только начинается, я оставляю на долю того автора, который будетъ имѣть возможность

проѣхать къ нимъ по хорошей дорогѣ и видѣть ихъ близко.

Чтобы кончить съ обзоромъ селеній Тымовскаго округа, мнѣ остается упомянуть еще только о двухъ селеніяхъ: *Мало-Тымовѣ* и *Андрее-Ивановскомъ*; оба они расположены на рѣкѣ Малой Тыми, берущей начало около Пилинги и впадающей въ Тымь около Дербинскаго. Первое, самое старое селеніе Тымовскаго округа, основано въ 1877 г.; въ былое время, когда переваливали черезъ Пилингу, путь къ Тыми шелъ черезъ это селеніе. Въ немъ теперь 190 жителей: 111 м. и 79 ж. Хозяевъ съ совладѣльцами 67. Когда-то Мало-Тымово было главнымъ селеніемъ и центромъ мѣстности, составляющей нынѣшній Тымовскій округъ, теперь же оно стоитъ въ сторонѣ и похоже на заштатный городокъ, въ которомъ замерло все живое; о прежнемъ величіи говорятъ здѣсь только небольшая тюрьма да домъ, гдѣ живетъ тюремный смотритель. Въ настоящее время въ должности мало-тымовскаго смотрителя состоитъ г. К., интеллигентный и добрѣйшій молодой человѣкъ, петербуржецъ, повидимому, сильно тоскующій по Россіи. Я не хотѣлъ бы быть на его мѣстѣ. Громадная казенная квартира съ высокими и широкими комнатами, въ которыхъ гулко и одиноко раздаются шаги, и длинное, тягучее время, которое некуда дѣвать, угнетаютъ его до такой степени, что онъ чувствуетъ себя какъ въ плѣну. Какъ нарочно, молодой человѣкъ просыпается рано, въ четвертомъ или пятомъ

часу. Всталъ, напился чаю, сходилъ въ тюрьму... а потомъ что дѣлать? Потомъ ходитъ по своему лабиринту, поглядывая на деревянныя съ паклею стѣны, ходитъ, ходитъ, потомъ опять чаю напьется и займется ботаникой, а потомъ ходитъ опять, и ничего ему не слышно, кромѣ собственныхъ шаговъ и завыванія вѣтра. Въ Мало-Тымовѣ много старожиловъ. Между ними я встрѣтилъ татарина Фуражіева, который вмѣстѣ съ Поляковымъ ѣздилъ когда-то къ Ныйскому заливу; онъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ теперь и объ экспедиціи, и о Поляковѣ. Изъ стариковъ, пожалуй, въ бытовомъ отношеніи можетъ показаться интереснымъ также еще поселенецъ Богдановъ, раскольникъ, занимающійся ростовщичествомъ. Онъ долго не впускалъ меня къ себѣ, а впустивши распространился на ту тему, что теперь много всякаго народу ходитъ,—впусти, такъ чего добраго ограбятъ и т. д.

Селеніе Андрее-Ивановское названо такъ потому, что кого-то звали Андреемъ Ивановичемъ. Основано оно въ 1885 г., на болотѣ. Жителей 382: 277 м. и 105 ж. Хозяевъ вмѣстѣ съ совладѣльцами 231, хотя и здѣсь, какъ въ Палевѣ, было бы совершенно достаточно 50. Составъ здѣшняго населенія тоже нельзя назвать удачнымъ. Какъ въ населеніи Палева наблюдается избытокъ мѣщанъ и разночинцевъ, никогда не бывшихъ хлѣбопашцами, такъ здѣсь, въ Андрее-Ивановскомъ, много неправославныхъ; они составляютъ четверть всего населенія: 47 католи-

ковъ, столько же магометанъ и 12 лютеранъ. А среди православныхъ не мало инородцевъ, напримѣръ, грузинъ *). Такая пестрота придаетъ населенію характеръ случайнаго сброда и мѣшаетъ ему слиться въ сельское общество.

XI.

Проектированный округъ.—Каменный вѣкъ.—Была ли вольная колонизація?—Гиляки.—Ихъ численный составъ, наружность, сложеніе, пища, одежда, жилища, гигіеническая обстановка.—Ихъ характеръ.—Попытки къ ихъ обрусенію.—Орочи.

Оба сѣверные округа, какъ можетъ видѣть читатель изъ только что конченнаго обзора селеній, занимаютъ площадь, равную небольшому русскому уѣзду. Вычислить пространство, занимаемое ими, въ квадратныхъ верстахъ въ настоящее время едва ли возможно, такъ такъ протяженіе обоихъ округовъ къ югу и сѣверу не обусловлено никакими границами. Между административными центрами обоихъ округовъ, Александровскимъ постомъ и Рыковскимъ, по кратчайшей дорогѣ съ переваломъ черезъ Пилингу считается 60, а черезъ Арковскую долину 74 версты. По-здѣшнему это не близко. Не говоря уже про Танги и Ванги, даже Палево считается далекимъ

*) Между прочимъ, живутъ здѣсь бывшіе кутаисскіе дворяне, братья Чиковани, Алексѣй и Теймурасъ. Былъ еще третій братъ, но тотъ умеръ отъ чахотки. Въ ихъ избѣ нѣтъ никакой мебели, и только на полу лежитъ перина. Одинъ изъ нихъ болѣнъ.

селеніемъ, а основаніе новыхъ селеній немного южнѣе Палева, по притокамъ Пороная, поставило даже на очередь вопросъ объ учрежденіи новаго округа. Какъ административная единица, округъ соотвѣтствуетъ уѣзду; по сибирскимъ понятіямъ, такъ можетъ называться только почтенная дистанція, которую въ цѣлый мѣсяцъ не объѣдешь, напримѣръ, Анадырскій округъ, и чиновнику-сибиряку, работающему въ одиночку на пространствѣ двухъ-трехсотъ верстъ, дробленіе Сахалина на мелкіе округа можетъ показаться роскошью. Но сахалинское населеніе живетъ при исключительныхъ условіяхъ и механизмъ управленія здѣсь гораздо сложнѣе, чѣмъ въ Анадырскомъ округѣ. Дробленіе ссыльной колоніи на мелкіе административные участки вызывается самою практикой, которая, кромѣ многаго другого, о чемъ еще придется говорить, указала, во-первыхъ, что чѣмъ короче разстоянія въ ссыльной колоніи, тѣмъ легче и удобнѣе управлять ею, и, во-вторыхъ, дробленіе на округа вызвало усиленіе штатовъ и приливъ новыхъ людей, а это, несомнѣнно, имѣло на колонію благотворное вліяніе. Съ усиленіемъ состава интеллигентныхъ людей въ количественномъ отношеніи получилась значительная прибавка и въ качественномъ.

На Сахалинѣ я засталъ разговоръ о новомъ проектированномъ округѣ; говорили о немъ, какъ о землѣ Ханаанской, потому что на планѣ черезъ весь этотъ округъ вдоль рѣки Пороная лежала дорога на югъ; и предпола-

галось, что въ новый округъ будутъ переведены каторжники, живущіе теперь въ Дуэ и въ Воеводской тюрьмѣ, что послѣ переселенія останется одно только воспоминаніе объ этихъ ужасныхъ мѣстахъ, что угольныя копи отойдутъ отъ общества «Сахалинъ», которое давно уже нарушило контрактъ, и добыча угля будетъ производиться уже не каторжными, а поселенцами на артельныхъ началахъ *).

Прежде чѣмъ покончить съ Сѣвернымъ Сахалиномъ,

*) Между приказами ген. Кононовича есть одинъ, касающійся давно желаннаго упраздненія Дуэ и Воеводской тюрьмы: „Осмотрѣвъ Воеводскую тюрьму, я лично убѣдился въ томъ, что ни условія мѣстности, въ которой она находится, ни значеніе содержащихся въ ней преступниковъ, большею частью долгосрочныхъ или заключенныхъ за новыя преступленія, не могутъ оправдать того порядка надзора или, лучше сказать, отсутствія всякаго фактическаго наблюденія, въ которомъ эта тюрьма находится съ самаго ея основанія. Положеніе дѣлъ въ настоящее время таково: тюрьма выстроена въ узкой долинѣ сѣвернѣе поста Дуэ версты на полторы, сообщеніе съ постомъ существуетъ только по берегу моря и прерывается два раза въ сутки приливами, сообщеніе горами лѣтомъ затруднительно, зимою невозможно; смотритель тюрьмы имѣетъ пребываніе въ Дуэ, помощникъ его тоже; мѣстная команда, отъ которой содержится караулъ и высылается потребное число конвоя для различныхъ работъ, по условію съ обществомъ „Сахалинъ", расположена также въ упомянутомъ посту, а при тюрьмѣ—никого, кромѣ нѣсколькихъ надзирателей и ежедневно приходящаго на смѣну караула, который остается внѣ постояннаго ближайшаго наблюденія военнаго начальства. Не входя въ разборъ обстоятельствъ, причиною которымъ было устройство тюрьмы въ столь несоотвѣтствующемъ мѣстѣ и оставленіе ея внѣ всякой возможности непосредственнаго надзора, я, впредь до испрошенія разрѣшенія вовсе упразднить какъ Дуйскую, такъ равно и Воеводскую тюрьмы и перевести ихъ въ другія мѣстности, долженъ хотя отчасти исправить существующіе недостатки" и т. д. (Приказъ № 348, 1888 г.).

считаю не лишнимъ сказать немного о тѣхъ людяхъ, которые жили здѣсь въ разное время и теперь живутъ независимо отъ ссыльной колоніи. Въ долинѣ Дуйки Поляковъ нашелъ ножеобразный осколокъ обсидіана, наконечники стрѣлъ изъ камня, точильные камни, каменные топоры и проч.; эти находки дали ему право заключить, что въ долинѣ Дуйки въ отдаленныя времена жили люди, которые не знали металловъ; это были жители каменнаго вѣка. Черепки, медвѣжьи и собачьи кости и грузила отъ неводовъ, находимыя на мѣстѣ ихъ бывшаго жилья, указываютъ на то, что они знакомы были съ гончарнымъ дѣломъ, охотились на медвѣдей и ловили неводомъ рыбу и что на охотѣ имъ помогала собака. Подѣлки изъ кремня, котораго нѣтъ на Сахалинѣ, они получали, очевидно, отъ сосѣдей, съ материка и ближайшихъ острововъ; очень можетъ быть, что во время ихъ передвиженій собака играла ту же роль, что и теперь, т.-е. была ѣзжалой. И въ долинѣ Тыми Поляковъ находилъ также остатки первобытныхъ сооруженій и грубыхъ орудій. Выводъ его таковъ, что въ Сѣверномъ Сахалинѣ «возможно существованіе для племенъ, стоящихъ даже на относительно низкой степени умственнаго развитія; очевидно, здѣсь жили люди и вѣками выработали способы защищаться отъ холода, жажды и голода; весьма вѣроятно при этомъ, что древніе обитатели жили здѣсь сравнительно небольшими общинами и не были народомъ вполнѣ осѣдлымъ».

Посылая Бошняка на Сахалинъ, Невельской, между прочимъ, поручилъ ему также провѣрить слухъ относительно людей, оставленныхъ на Сахалинѣ лейт. Хвостовымъ и жившихъ, какъ передавали гиляки, на р. Тыми *). Бошняку удалось напасть на слѣдъ этихъ людей. Въ одномъ изъ селеній по Тыми гиляки вымѣняли ему за 3 арш. китайки 4 листа, вырванныхъ изъ молитвенника, и объяснили ему при этомъ, что книга принадлежала жившимъ здѣсь русскимъ. На одномъ изъ листовъ, который былъ въ книгѣ заглавнымъ, едва разборчивымъ почеркомъ было написано: «Мы, Иванъ, Данила,

*) См. *Давыдова:* „Двукратное путешествіе въ Америку морскихъ офицеровъ Хвостова и Давыдова, писанное симъ послѣднимъ. Съ предувѣдомленіемъ Шишкова, 1810 г.“ Въ своемъ предисловіи адм. Шишковъ говоритъ, что „Хвостовъ соединялъ въ душѣ своей двѣ противности: кротость агнца и пылкость льва“, Давыдовъ же, по его словамъ, „нравомъ вспыльчивѣе и горячѣе Хвостова, но уступалъ ему въ твердости и мужествѣ“. Кротость агнца, однако, не помѣшала Хвостову въ 1806 г. уничтожить японскіе магазины и взять въ плѣнъ четырехъ японцевъ въ Южномъ Сахалинѣ на берегу Анивы, а въ 1807 г. онъ вмѣстѣ со своимъ другомъ Давыдовымъ разгромилъ японскія факторіи на Курильскихъ островахъ и еще разъ поразбойничалъ на Южномъ Сахалинѣ. Эти храбрые офицеры воевали съ Японіей безъ вѣдома правительства, въ полной надеждѣ на безнаказанность. Оба они кончили жизнь не совсѣмъ обыкновенно: утонули въ Невѣ, черезъ которую торопились перейти въ то самое время, когда разводили мостъ. Ихъ подвиги, надѣлавшіе въ свое время очень много шуму, возбудили въ обществѣ нѣкоторый интересъ къ Сахалину, о немъ говорили и, кто знаетъ, быть можетъ, уже тогда была предрѣшена участь этого печальнаго, пугавшаго воображеніе, острова. Въ своемъ предувѣдомленіи Шишковъ высказываетъ мнѣніе, ни на чемъ не основанное, будто русскіе въ прошедшемъ столѣтіи хотѣли завладѣть островомъ и будто основали тамъ колонію.

Петръ, Сергѣй и Василій, высажены въ анивскомъ селеніи Томари-Анива Хвостовымъ 17 августа 1805 года, перешли на рѣку Тыми въ 1810 году, въ то время, когда пришли въ Томари японцы». Осмотрѣвъ затѣмъ мѣсто, гдѣ жили русскіе, Бошнякъ пришелъ къ заключенію, что помѣщались они въ трехъ избахъ и имѣли огороды. Туземцы говорили ему, что послѣдній изъ русскихъ, Василій, умеръ недавно, что русскіе были хорошіе люди, вмѣстѣ съ ними ходили на рыбный и звѣриный промыслы и одѣвались такъ же, какъ и они, но волосы стригли. Въ другомъ мѣстѣ туземцы сообщили такую подробность: двое русскихъ имѣли дѣтей отъ женъ-туземокъ. Въ настоящее время русскіе, оставленные Хвостовымъ, на Сѣверномъ Сахалинѣ уже забыты и объ ихъ дѣтяхъ ничего неизвѣстно.

Бошнякъ пишетъ, между прочимъ, въ своихъ запискахъ, что разузнавая постоянно, нѣтъ ли гдѣ-нибудь на островѣ поселившихся русскихъ, онъ узналъ отъ туземцевъ въ селеніи Танги слѣдующее: лѣтъ 35 или 40 назадъ у восточнаго берега разбилось какое-то судно. Экипажъ спасся. Онъ выстроилъ себѣ домъ, а черезъ нѣсколько времени и судно. На этомъ суднѣ неизвѣстные люди черезъ Лаперузовъ проливъ прошли въ Татарскій и здѣсь опять потерпѣли крушеніе близъ села Мгачи. На этотъ разъ спасся только одинъ человѣкъ, который называлъ себя Кемцемъ. Въ скоромъ времени послѣ этого прибыли съ Амура двое русскихъ, Василій и Никита. Они

присоединились къ Кемцу и въ Мгачахъ выстроили себѣ домъ; они занимались охотой на пушныхъ звѣрей, какъ промысломъ, и ѣздили для торговли къ манчжурамъ и японцамъ. Одинъ изъ гиляковъ показывалъ Бошняку зеркало, подаренное будто бы Кемцемъ его отцу; гилякъ не хотѣлъ продать ни за что этого зеркала, говоря, что хранитъ его какъ драгоцѣнный памятникъ друга своего отца. Василій и Никита очень боялись русскаго царя, изъ чего видно было, что они принадлежали къ числу бѣглыхъ. Всѣ трое кончили свою жизнь на Сахалинѣ.

Японецъ Маміа-Ринзо *) слышалъ въ 1808 г. на Сахалинѣ, что по западную сторону острова часто появлялись русскія суда и что русскіе, въ концѣ-концовъ, своими разбойничествами заставили туземцевъ одну ихъ часть изгнать, другую перебить. Маміа-Ринзо называетъ имена этихъ русскихъ: Камуци, Симена, Мому и Васире. Въ трехъ послѣднихъ,—говоритъ Шренкъ,—не трудно узнать русскія имена: Семенъ, Ѳома и Василій. А Камуци, по его мнѣнію, очень похожъ на Кемца.

Этою очень короткою исторіей восьми сахалинскихъ Робинзоновъ исчерпываются всѣ данныя, относящіяся къ вольной колонизаціи Сѣвернаго Сахалина. Если необыкновенная судьба пяти хвостовскихъ матросовъ и Кемца съ двумя бѣглыми похожа на попытку къ вольной колони-

*) Его сочиненіе называется *Tó-tats Ki Ko.* Я, конечно, его не читалъ и въ данномъ случаѣ пользуюсь цитатами Л. И. Шренка, автора книги *Объ инородцахъ Амурскаго края.*

заціи, то эту попытку слѣдуетъ признать ничтожною и, во всякомъ случаѣ, неудавшеюся. Поучительна она для насъ развѣ въ томъ отношеніи, что всѣ восемь человѣкъ, жившіе на Сахалинѣ долго, до конца дней своихъ, занимались не хлѣбопашествомъ, а рыбнымъ и звѣринымъ промысломъ.

Теперь для полноты остается упомянуть еще о мѣстномъ коренномъ населеніи—гилякахъ. Живутъ они въ Сѣверномъ Сахалинѣ, по западному и восточному побережью и по рѣкамъ, главнымъ образомъ, по Тыми *); селенія старыя и тѣ ихъ названія, какія упоминаются у старыхъ авторовъ, сохранились и по сіе время, но жизнь, все-таки, нельзя назвать вполнѣ осѣдлой, такъ какъ гиляки не чувствуютъ привязанности къ мѣсту своего рожденія и вообще къ опредѣленному мѣсту, часто оставляютъ свои юрты и уходятъ на промыслы, кочуя вмѣстѣ съ семьями и собаками по Сѣверному Сахалину. Но въ своихъ кочевьяхъ, даже когда приходится пред-

*) Гиляки въ видѣ немногочисленнаго племени живутъ по обоимъ берегамъ Амура, въ нижнемъ его теченіи, начиная, примѣрно, съ Софійска, затѣмъ по Лиману, по смежному съ нимъ побережью Охотскаго моря и въ сѣверной части Сахалина; въ продолженіе всего того времени, за которое имѣются историческія свѣдѣнія объ этомъ народѣ, т.-е. за 200 лѣтъ, никакихъ сколько-нибудь значительныхъ измѣненій въ положеніи ихъ границъ не произошло. Предполагаютъ, что когда-то родиной гиляковъ былъ одинъ только Сахалинъ и что только впослѣдствіи они перешли оттуда на близъ лежащую часть материка, тѣснимые съ юга аинами, которые двигались изъ Японіи, въ свою очередь тѣснимые японцами.

принимать далекія путешествія на материкъ, они остаются вѣрными острову, и гилякъ-сахалинецъ по языку и обычаямъ отличается отъ гиляка, живущаго на материкѣ, быть можетъ, не меньше, чѣмъ малороссъ отъ москвича. Въ виду этого, мнѣ кажется, было бы не очень трудно сосчитать гиляковъ-сахалинцевъ и не смѣшать ихъ съ тѣми, которые пріѣзжаютъ сюда для промысла съ Татарскаго берега. А ихъ не мѣшало бы считать хотя бы разъ въ 5—10 лѣтъ, иначе важный вопросъ о вліяніи ссыльной колоніи на ихъ численный составъ долго еще будетъ открытымъ и рѣшаться произвольно. По свѣдѣніямъ, собраннымъ Бошнякомъ, всѣхъ гиляковъ на Сахалинѣ въ 1856 г. было 3,270. Приблизительно этакъ лѣтъ черезъ 15 Мицуль уже писалъ, что число всѣхъ гиляковъ на Сахалинѣ можно принять до 1,500, а по новѣйшимъ даннымъ, относящимся къ 1889 г. и взятымъ мною изъ казенной *Вѣдомости о числѣ инородцевъ*, въ обоихъ округахъ гиляковъ всего только 320. Значитъ, если вѣрить цифрамъ, черезъ 5—10 лѣтъ на Сахалинѣ не останется ни одного гиляка. Не могу судить, насколько вѣрны цифры Бошняка и Мицуля, но оффиціальная—320, къ счастью, по нѣкоторымъ причинамъ, не можетъ имѣть никакого значенія. Вѣдомости объ инородцахъ составляются канцеляристами, не имѣющими ни научной, ни практической подготовки и даже не вооруженными никакими инструкціями; если свѣдѣнія собираются ими на мѣстѣ, въ гиляцкихъ селеніяхъ, то

дѣлается это, конечно, начальническимъ тономъ, грубо, съ досадой, между тѣмъ какъ деликатность гиляковъ, ихъ этикетъ, не допускающій высокомѣрнаго и властнаго отношенія къ людямъ, и ихъ отвращеніе ко всякаго рода переписямъ и регистраціямъ требуютъ особеннаго искусства въ обращеніи съ ними. Помимо того, свѣдѣнія собираются администраціей безъ всякой опредѣленной цѣли, лишь мимоѣздомъ, причемъ изслѣдователь вовсе не соображается съ этнографическою картой, а дѣйствуетъ произвольно. Въ вѣдомость Александровскаго округа вошли лишь тѣ гиляки, которые живутъ южнѣе селенія Ванги, а въ Тымовскомъ округѣ ихъ считали только вблизи селенія Рыковскаго, гдѣ они не живутъ, а бываютъ мимоходомъ.

Несомнѣнно, что численность сахалинскихъ гиляковъ постоянно уменьшается, но судить объ этомъ приходится только на-глазъ. И какъ велико это уменьшеніе? Отъ чего оно происходитъ? Отъ того ли, что гиляки вымираютъ, или отъ того, что они переселяются на материкъ или сѣверные острова? За неимѣніемъ надежныхъ цифровыхъ данныхъ и наши толки о губительномъ вліяніи русскаго нашествія основаны на однѣхъ лишь аналогіяхъ и очень возможно, что вліяніе это до сихъ поръ было ничтожно, равно почти нолю, такъ какъ сахалинскіе гиляки живутъ преимущественно по Тыми и восточному побережью, гдѣ русскихъ еще нѣтъ *).

*) На Сахалинѣ есть должность: переводчикъ гилякскаго и аинскаго

Гиляки принадлежатъ не къ монгольскому и не къ тунгузскому, а къ какому-то неизвѣстному племени, которое, быть можетъ, когда-то было могущественно и владѣло всей Азіею, теперь же доживаетъ свои послѣдніе вѣка на небольшомъ клочкѣ земли въ видѣ немногочисленнаго, но все еще прекраснаго и бодраго народа. Благодаря своей необыкновенной общительности и подвижности, гиляки издавна успѣли породниться со всѣми сосѣдними народами, и потому встрѣтить теперь гиляка pure sang, безъ примѣси монгольскихъ, тунгузскихъ или аинскихъ элементовъ, почти невозможно. Лицо у гиляка круглое, плоское, лунообразное, желтоватаго цвѣта, скуластое, не мытое, съ косымъ разрѣзомъ глазъ и съ жидкою, иногда едва замѣтною бородкой; волосы гладкіе, черные, жесткіе, собранные на затылкѣ въ косичку. Выраженіе лица не выдаетъ въ немъ дикаря; оно у него всегда осмысленное, кроткое, наивно-внимательное; оно или широко, блаженно улыбается, или же задумчиво скорбно, какъ у вдовы. Когда онъ со своею жидкою бородкой и съ косичкой, съ мягкимъ, бабьимъ выраженіемъ стоитъ въ профиль, то съ него можно писать Ку-

языковъ. Такъ какъ этотъ переводчикъ ни одного слова не знаетъ по-гиляцки и аински, а гиляки и аины въ большинствѣ понимаютъ по-русски, то эта ненужная должность можетъ служить хорошимъ pendant'омъ къ вышеупомянутому смотрителю не существующаго Ведерниковскаго Станка. Если бы, вмѣсто переводчика, значился по штату чиновникъ, научнымъ образомъ знакомый съ этнографіей и статистикой, то это было бы куда лучше.

тейкина, и отчасти становится понятнымъ, почему нѣкоторые путешественники относили гиляковъ къ кавказскому племени.

Желающихъ обстоятельно познакомиться съ гиляками я отсылаю къ спеціалистамъ этнографамъ, напримѣръ, къ Л. И. Шренку *). Я же ограничусь лишь тѣми частностями, которыя характерны для мѣстныхъ естественныхъ условій и которыя могутъ дать прямо или косвенно указанія, практически полезныя для новичковъ-колонистовъ.

У гиляка крѣпкое, коренастое сложеніе; онъ средняго, даже малаго роста. Высокій ростъ стѣснялъ бы его въ тайгѣ. Кости у него толсты и отличаются сильнымъ развитіемъ всѣхъ отростковъ, гребней и бугорковъ, къ которымъ прикрѣпляются мышцы, а это заставляетъ предполагать крѣпкія, сильныя мышцы и постоянную, напряженную борьбу съ природой. Тѣло у него худощаво, жилисто, безъ жировой подкладки; полные и тучные гиляки не встрѣчаются. Очевидно, весь жиръ расходуется на тепло, котораго такъ много должно вырабатывать въ себѣ тѣло сахалинца, чтобы возмѣщать потери, вызываемыя низкою температурой и чрезмѣрною влажностью воздуха. Понятно, почему гилякъ потребляетъ въ пищѣ такъ много жировъ. Онъ ѣстъ жирную тюленину, ло-

*) Къ его превосходному сочиненію: *Инородцы Амурскаго края* приложены этнографическая карта и двѣ таблицы съ рисунками г. Дмитріева-Оренбургскаго; на одной изъ таблицъ изображены гиляки.

сосей, осетровый и китовый жиръ, мясо съ кровью, все это въ большомъ количествѣ, въ сыромъ, сухомъ и часто мерзломъ видѣ, и оттого, что онъ ѣстъ грубую пищу, мѣста прикрѣпленія жевательныхъ мышцъ у него необыкновенно развиты и всѣ зубы сильно пообтерлись. Пища исключительно животная и рѣдко, лишь когда случается обѣдать дома или на пирушкѣ, къ мясу и рыбѣ прибавляются манчжурскій чеснокъ или ягоды. По свидѣтельству Невельского, гиляки считаютъ большимъ грѣхомъ земледѣліе: кто начнетъ рыть землю или посадитъ что нибудь, тотъ непремѣнно умретъ. Но хлѣбъ, съ которымъ ихъ познакомили русскіе, ѣдятъ они съ удовольствіемъ, какъ лакомство, и теперь не рѣдкость встрѣтить въ Александровскѣ или въ Рыковскомъ гиляка, несущаго подъ мышкой ковригу хлѣба.

Одежда гиляка приспособлена къ холодному, сырому и рѣзко перемѣнчивому климату. Въ лѣтнее время онъ бываетъ одѣтъ въ рубаху изъ синей китайки или дабы и въ такіе же штаны, а на плечи про запасъ, на всякій случай, накинутъ полушубокъ, или куртка изъ тюленьяго или собачьяго мѣха; ноги обуты въ мѣховые сапоги. Зимою же онъ носитъ мѣховые штаны. Даже самая теплая одежда скроена и сшита такъ, чтобы не стѣснять его ловкихъ и быстрыхъ движеній на охотѣ и во время ѣзды на собакахъ. Иногда изъ франтовства онъ носитъ арестантскій халатъ. Крузенштернъ 85 лѣтъ назадъ видѣлъ гиляка въ пышномъ, шелковомъ платьѣ, «со мно-

гими истканными на немъ цвѣтами»; теперь же на Сахалинѣ такого щеголя и съ огнемъ не сыщешь.

Что касается гиляцкихъ юртъ, то и тутъ, на первомъ планѣ, требованія сырого и холоднаго климата. Существуютъ лѣтнія и зимнія юрты. Первыя построены на столбахъ, вторыя представляютъ изъ себя землянки, со стѣнами изъ накатника, имѣющія форму четырехугольныхъ усѣченныхъ пирамидъ; снаружи накатникъ посыпанъ землей. Бошнякъ ночевалъ въ юртѣ, которая состояла изъ ямы въ $^1/_2$ арш. глубиной, вырытой въ землѣ и покрытой тонкими бревнами на подобіе кровли, и все это было обвалено землей. Эти юрты сдѣланы изъ дешеваго матеріала, который всегда подъ руками, при нуждѣ ихъ не жалко бросить; въ нихъ тепло и сухо и, во всякомъ случаѣ, онѣ оставляютъ далеко за собой тѣ сырые и холодные шалаши изъ коры, въ которыхъ живутъ наши каторжники, когда работаютъ на дорогахъ или въ полѣ. Лѣтнія юрты положительно слѣдовало бы рекомендовать огордникамъ, угольщикамъ, рыбакамъ и вообще всѣмъ тѣмъ каторжнымъ и поселенцамъ, которые работаютъ внѣ тюрьмы и не дома.

Гиляки никогда не умываются, такъ что даже этнографы затрудняются назвать настоящій цвѣтъ ихъ лица; бѣлья не моютъ, а мѣховая одежда ихъ и обувь имѣютъ такой видъ, точно онѣ содраны только что съ дохлой собаки. Сами гиляки издаютъ тяжелый, терпкій запахъ, а близость ихъ жилищъ узнается по противному, иногда

едва выносимому запаху вяленой рыбы и гніющихъ рыбныхъ отбросовъ. Около каждой юрты обыкновенно стоитъ сушильня, наполненная до верху распластанною рыбой, которая издали, особенно когда она освѣщена солнцемъ, бываетъ похожа на кораловыя нити. Около этихъ сушиленъ Крузенштернъ видѣлъ множество мелкихъ червей, которые на дюймъ покрывали землю. Зимою юрта бываетъ полна ѣдкаго дыма, идущаго изъ очага, и къ тому же еще гиляки, ихъ жены и даже дѣти курятъ табакъ. О болѣзненности и смертности гиляковъ ничего не извѣстно, но надо думать, что эта нездоровая гигіеническая обстановка не остается безъ дурного вліянія на ихъ здоровье. Быть можетъ, ей они обязаны своимъ малымъ ростомъ, одутловатостью лица, нѣкоторою вялостью и лѣнью своихъ движеній; быть можетъ, ей отчасти слѣдуетъ приписать и то обстоятельство, что гиляки всегда проявляли слабую стойкость передъ эпидеміями. Извѣстно, напримѣръ, какія опустошенія производила на Сахалинѣ оспа. На сѣверной оконечности Сахалина, между мысами Елизаветы и Маріи, Крузенштернъ встрѣтилъ селеніе, состоявшее изъ 27 домовъ; П. П. Гленъ, участникъ знаменитой сибирской экспедиціи, бывшій здѣсь въ 1860 г., уже засталъ одни только слѣды селенія, да и въ другихъ мѣстахъ острова, по его словамъ, ему встрѣчались лишь слѣды прежняго болѣе густого народонаселенія. Гиляки говорили ему, что въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ, т.-е. послѣ 1850 г., народонаселеніе Са-

халина значительно уменьшилось, благодаря оспѣ. И едва ли тѣ страшныя оспенныя эпидеміи, которыя въ былые годы опустошали Камчатку и Курильскіе острова, миновали Сахалинъ. Понятно, что страшна не сама оспа, а слабая способность сопротивленія, и если въ колонію будетъ завезенъ сыпной тифъ или дифтеритъ и проникнетъ въ гиляцкія юрты, то получится тотъ же эффектъ, что и отъ оспы. Мнѣ не приходилось слышать на Сахалинѣ ни про какія эпидеміи; можно сказать, что за послѣднія 20 лѣтъ ихъ не было тутъ вовсе, кромѣ, впрочемъ, эпидемическаго конъюнктивита, который наблюдается и въ настоящее время.

Ген. Кононовичъ разрѣшилъ принимать больныхъ инородцевъ въ окружной лазаретъ и содержать ихъ тутъ на счетъ казны (приказъ № 335-й 1890 г.). Прямыхъ наблюденій надъ болѣзненностью гиляковъ у насъ нѣтъ, но о ней можно составить себѣ нѣкоторое понятіе по наличности болѣзнетворныхъ причинъ, какъ неопрятность, неумѣренное употребленіе алкоголя, давнее общеніе съ китайцами и японцами *), постоянная близость собакъ, травмы и проч. и проч. Нѣтъ сомнѣнія, что они часто болѣютъ и нуждаются въ медицинской помощи, и если

*) Наши пріамурскіе инородцы и камчадалы получили сифилисъ отъ китайцевъ и японцевъ, русскіе же тутъ не причемъ. Одинъ китаецъ, купецъ, большой любитель опія, говорилъ мнѣ, что одна бабушка, т.-е. жена, живетъ у него въ Чифу, а другая бабушка, родомъ гилячка,—около Николаевска. При такихъ порядкахъ не трудно перезаразить весь Амуръ и Сахалинъ.

обстоятельства позволятъ имъ воспользоваться разрѣшеніемъ лечиться, то мѣстные врачи получатъ возможность наблюдать ихъ поближе. Медицина не въ силахъ задержать рокового вымиранія, но, быть можетъ, врачамъ удастся изучить условія, при которыхъ наше вмѣшательство въ жизнь этого народа могло бы принести ему наименѣе вреда.

О характерѣ гиляковъ авторы толкуютъ различно, но всѣ сходятся въ одномъ, что это народъ не воинственный, не любящій ссоръ и дракъ и мирно уживающійся со своими сосѣдями. Къ пріѣзду новыхъ людей они относились всегда подозрительно, съ опасеніемъ за свое будущее, но встрѣчали ихъ всякій разъ любезно, безъ малѣйшаго протеста, и самое большее, если они при этомъ лгали, описывая Сахалинъ въ мрачныхъ краскахъ и думая этимъ отвадить иностранцевъ отъ острова. Со спутниками Крузенштерна они обнимались, а когда заболѣлъ Л. И. Шренкъ, то вѣсть объ этомъ быстро разнеслась среди гиляковъ и вызвала искреннюю печаль. Они лгутъ, только когда торгуютъ или бесѣдуютъ съ подозрительнымъ и, по ихъ мнѣнію, опаснымъ человѣкомъ, но, прежде чѣмъ сказать ложь, переглядываются другъ съ другомъ—чисто-дѣтская манера. Всякая ложь и хвастовство въ обычной, не дѣловой сферѣ имъ противны. Помнится, какъ-то въ Рыковскомъ два гиляка, которымъ показалось, что я солгалъ имъ, угостили меня оригинальнымъ спектаклемъ. Дѣло было подъ вечеръ. Два гиляка—

одинъ съ бородкой, другой съ пухлымъ бабьимъ лицомъ— лежали на травѣ передъ избой поселенца. Я проходилъ мимо. Они подозвали меня къ себѣ и стали просить, чтобы я пошелъ въ избу и вынесъ оттуда ихъ верхнее платье, которое они оставили у поселенца утромъ; сами они не смѣли сдѣлать этого. Я сказалъ, что я тоже не имѣю права входить въ чужую избу, когда нѣтъ хозяина. Помолчали.

— Ты политйчка (т.-е. политическій)? — спросилъ меня гилякъ съ бабьимъ лицомъ.

— Нѣтъ.

— Значитъ, ты пишй-пишй (т.-е. писарь)? — спросилъ онъ, увидѣвъ въ моихъ рукахъ бумагу.

— Да, я пишу.

— А сколько ты получаешь жалованья?

Я зарабатывалъ около трехсотъ рублей въ мѣсяцъ. Эту цифру я и назвалъ. Надо было видѣть, какое непріятное, даже болѣзненное впечатлѣніе произвелъ мой отвѣтъ. Оба гиляка вдругъ схватились за животы и, пригнувшись къ землѣ, стали покачиваться, точно отъ сильной боли въ желудкѣ. Лица ихъ выражали отчаяніе.

— Ахъ, зачѣмъ ты можешь такъ говорить? — услышалъ я.—Зачѣмъ ты такъ нехорошо говорилъ? Ахъ, нехорошо такъ! Не надо такъ!

— Что же дурного я сказалъ? — спросилъ я.

— Бутаковъ окружной начальникъ, большой человѣкъ, получаетъ двѣсти, а ты никакой начальникъ, ма-

ло-мало пиши — тебѣ триста! Нехорошо говорилъ! Не надо такъ!

Я сталъ объяснять имъ, что окружной начальникъ хотя и большой человѣкъ, но сидитъ на одномъ мѣстѣ и потому получаетъ только двѣсти, а я хотя только пиши-пиши, но за то пріѣхалъ издалека, сдѣлалъ больше десяти тысячъ верстъ, расходовъ у меня больше, чѣмъ у Бутакова, потому и денегъ мнѣ нужно больше. Это успокоило гиляковъ. Они переглянулись, поговорили между собой по-гиляцки и перестали мучиться. По ихъ лицамъ видно было, что они уже вѣрили мнѣ.

— Правда, правда...— живо сказалъ гилякъ съ бородкой.—Хорошо. Ступай.

— Правда,— кивнулъ мнѣ другой.— Иди.

Принятыя на себя порученія гиляки исполняютъ аккуратно, и не было еще случая, чтобы гилякъ бросилъ на полдорогѣ почту или растратилъ чужую вещь. Поляковъ, которому приходилось имѣть дѣло съ гиляками-лодочниками, писалъ, что они оказываются точными исполнителями принятаго обязательства, чѣмъ отличаются при доставкѣ казенныхъ грузовъ. Они бойки, смышлены, веселы, развязны и не чувствуютъ никакого стѣсненія въ обществѣ сильныхъ и богатыхъ. Ничьей власти надъ собой не признаютъ и, кажется, у нихъ нѣтъ даже понятій старшій и младшій. Въ *Исторіи Сибири* І. Фишера говорится, что извѣстный Поярковъ приходилъ къ гилякамъ, которые тогда «ни подъ какою

чужою властью не состояли». У нихъ есть слово «джанчинъ», означающее превосходство, но такъ они называютъ одинаково и генераловъ, и богатыхъ купцовъ, у которыхъ много китайки и табаку. Глядя у Невельского на портретъ Государя, они говорили, что это долженъ быть физически-сильный человѣкъ, который даетъ много табаку и китайки. Начальникъ острова пользуется на Сахалинѣ огромною и даже страшною властью, но однажды, когда я ѣхалъ съ нимъ изъ Верхняго Армудана въ Арково, встрѣтившійся гилякъ не постѣснился крикнуть намъ повелительно: «стой!» — и потомъ спрашивать, не встрѣчалась ли намъ по дорогѣ его бѣлая собака. У гиляковъ, какъ говорятъ и пишутъ, не уважается также и семейное старшинство. Отецъ не думаетъ, что онъ старше своего сына, а сынъ не почитаетъ отца и живетъ, какъ хочетъ; старуха-мать въ юртѣ имѣетъ не больше власти, чѣмъ дѣвочка-подростокъ. Бошнякъ пишетъ, что ему не разъ случалось видѣть, какъ сынъ колотитъ и выгоняетъ изъ дому родную мать, и никто несмѣлъ сказать ему слова. Члены семьи мужского пола равны между собой; если вы угощаете гиляковъ водкой, то должны подносить также и самымъ маленькимъ; члены же женскаго пола одинаково безправны, будь то бабка, мать или грудная дѣвочка; онѣ третируются, какъ домашнія животныя, какъ вещь, которую можно выбросить вонъ, продать, толкнуть ногой, какъ собаку. Собакъ гиляки все-таки, ласкаютъ, но женщинъ никогда. Бракъ считает-

ся пустымъ дѣломъ, менѣе важнымъ, чѣмъ, напримѣръ, попойка; его не обставляютъ никакими религіозными или суевѣрными обрядами. Копье, лодку или собаку гилякъ промѣниваетъ на дѣвушку, везетъ ее къ себѣ въ юрту и ложится съ ней на медвѣжью шкуру—вотъ и все. Многоженство допускается, но широкаго развитія оно не получило, хотя женщинъ, повидимому, больше, чѣмъ мужчинъ. Презрѣніе къ женщинѣ, какъ къ низкому существу или вещи, доходитъ у гиляка до такой степени, что въ сферѣ женскаго вопроса онъ не считаетъ предосудительнымъ даже рабство въ прямомъ и грубомъ смыслѣ этого слова. По свидѣтельству Шренка, гиляки часто привозятъ съ собой аинскихъ женщинъ въ качествѣ рабынь; очевидно, женщина составляетъ у нихъ такой же предметъ торговли, какъ табакъ или дàба. Шведскій писатель Стриндбергъ, извѣстный женоненавистникъ, желающій, чтобы женщина была только рабыней и служила прихотямъ мужчины, въ сущности, единомышленникъ гиляковъ; еслибъ ему случилось пріѣхать на Сѣв. Сахалинъ, то они долго бы его обнимали.

Ген. Кононовичъ говорилъ мнѣ, что онъ хочетъ обрусить сахалинскихъ гиляковъ. Не знаю, для чего это нужно. Впрочемъ, обрусеніе началось еще задолго до пріѣзда генерала. Началось оно съ того, что у нѣкоторыхъ чиновниковъ, получающихъ даже очень маленькое жалованье, стали появляться дорогія лисьи и собольи шубы, а въ гиляцкихъ юртахъ появилась русская водочная

посуда *); затѣмъ гиляки были приглашены къ участію въ поимкѣ бѣглыхъ, причемъ за каждаго убитаго или пойманнаго бѣглаго положено было денежное вознагражденіе. Ген. Кононовичъ приказалъ нанимать гиляковъ въ надзиратели; въ одномъ изъ его приказовъ сказано, что это дѣлается въ виду крайней необходимости въ людяхъ, хорошо знакомыхъ съ мѣстностью, и для облегченія сношеній мѣстнаго начальства съ инородцами; на словахъ же онъ сообщилъ мнѣ, что это нововведеніе имѣетъ цѣлью также и обрусеніе. Сначала были утверждены въ званіи тюремныхъ надзирателей гиляки Васька, Ибалка, Оркунъ и Павлинка (приказъ № 308-й 1889 г.), затѣмъ Ибалку и Оркуна уволили «за продолжительную неявку за полученіемъ распоряженій» и утвердили Софронку (приказъ № 426-й 1889 г.). Я видѣлъ этихъ надзирателей; у нихъ бляхи и револьверы. Изъ нихъ особенно популяренъ и чаще всѣхъ попадается на глаза гилякъ Васька, ловкій, лукавый и пьяный человѣкъ. Однажды, придя въ лавку колонизаціоннаго фонда, я встрѣтилъ тамъ цѣлую толпу интеллигентовъ; у две-

*) Начальникъ Дуйскаго поста, майоръ Николаевъ, говорилъ одному корреспонденту въ 1866 году:

— Лѣтомъ я съ ними дѣла не имѣю, а зимой зачастую скупаю у нихъ мѣха, и скупаю довольно выгодно; часто за бутылку водки или ковригу хлѣба отъ нихъ можно достать пару отличныхъ соболей.

Корреспондента изумило то большое количество мѣховъ, какое онъ увидѣлъ у майора (*Лукашевичъ:* „Мои знакомцы въ Дуэ, на Сахалинѣ“, *Кронштадтскій Вѣстникъ* 1868 г., №№ 47 и 49). Объ этомъ легендарномъ майорѣ еще придется говорить.

рей стоялъ Васька; кто-то, указывая на полки съ бутылками, сказалъ, что если все это выпить, то можно быть пьянымъ, и Васька подобострастно ухмыльнулся и весь засіялъ радостью подхалима. Не задолго до моего пріѣзда гилякъ-надзиратель по долгу службы убилъ каторжнаго, и мѣстные мудрецы рѣшали вопросъ о томъ, какъ онъ стрѣлялъ—спереди или сзади, т.-е. отдавать гиляка подъ судъ или нѣтъ.

Что близость къ тюрьмѣ не обруситъ, а лишь въ конецъ развратитъ гиляковъ, доказывать не нужно. Они далеки еще до того, чтобы понять наши потребности, и едва ли есть какая-нибудь возможность втолковать имъ, что каторжныхъ ловятъ, лишаютъ свободы, ранятъ и иногда убиваютъ не изъ прихоти, а въ интересахъ правосудія; они видятъ въ этомъ лишь насиліе, проявленіе звѣрства, а себя, вѣроятно, считаютъ наемными убійцами*). Если ужь необходимо обрусить и нельзя обойтись безъ этого, то, я думаю, при выборѣ средствъ для этого надо брать въ разсчетъ, прежде всего, не наши, а ихъ потребности. Вышеупомянутый приказъ о разрѣшеніи принимать инородцевъ въ окружной лазаретъ, выдача пособій мукой и крупой, какъ было въ 1886 г., когда ги-

*) Суда у нихъ нѣтъ и они не знаютъ, что значитъ правосудіе. Какъ имъ трудно понять насъ, видно хотя бы изъ того, что они до сихъ поръ еще не понимаютъ вполнѣ назначенія дорогъ. Даже тамъ, гдѣ уже проведены дороги, они все еще путешествуютъ по тайгѣ. Часто приходится видѣть, какъ они, ихъ семьи и собаки гусемъ пробираются по трясинѣ около самой дороги.

ляки терпѣли почему-то голодъ, и приказъ о томъ, чтобъ у нихъ не отбирали имущества за долгъ и прощеніе самаго долга (приказъ № 204-й 1890 г.),—подобныя мѣры, быть можетъ, скорѣе приведутъ къ цѣли, чѣмъ выдача бляхъ и револьверовъ.

Кромѣ гиляковъ, въ Сѣв. Сахалинѣ проживаютъ еще въ небольшомъ числѣ *ороки* или орочи, тунгузскаго племени. Но такъ какъ въ колоніи о нихъ едва слышно и въ предѣлахъ ихъ распространенія нѣтъ еще русскихъ селеній, то я ограничусь однимъ только упоминаніемъ о нихъ.

XII.

Мой отъѣздъ на югъ.—Жизнерадостная дама.—Западный берегъ.—Теченія.—Маука.—Крильонъ.—Анива.—Корсаковскій постъ.—И. И. Бѣлый.—Новыя знакомства.—Нордъ-остъ.—Климатъ Южнаго Сахалина.—Корсаковская тюрьма.—Пожарный обозъ.

10 сентября я уже опять былъ на знакомомъ читателю *Байкалѣ*, чтобы на этотъ разъ плыть въ Южный Сахалинъ. Уѣзжалъ я съ большимъ удовольствіемъ, такъ какъ сѣверъ мнѣ уже наскучилъ и хотѣлось новыхъ впечатлѣній. *Байкалъ* снялся съ якоря въ десятомъ часу вечера. Было очень темно. Я стоялъ одинъ на кормѣ и, глядя назадъ, прощался съ этимъ мрачнымъ міркомъ, оберегаемымъ съ моря Тремя Братьями, которые теперь едва обозначались въ воздухѣ и были похожи въ потьмахъ на трехъ черныхъ монаховъ; несмотря на шумъ

парохода, мнѣ было слышно, какъ волны бились объ эти рифы. Но вотъ Жонкіеръ и Братья остались далеко назади и исчезли въ потьмахъ—навсегда для меня; шумъ бьющихся волнъ, въ которомъ слышалась безсильная, злобная тоска, мало-по-малу затихъ... Проплыли верстъ восемь—и на берегу заблестѣли огни: это была страшная Воеводская тюрьма, а еще немного – показались огни Дуэ. Но скоро и это все исчезло, и остались лишь потемки, да жуткое чувство, точно послѣ дурного, зловѣщаго сна.

Спустившись потомъ внизъ, я засталъ тамъ веселое общество. Кромѣ командира и его помощниковъ, въ каютъ-компаніи находилось еще нѣсколько пассажировъ: молодой японецъ, дама, интендантскій чиновникъ и іеромонахъ Ираклій, сахалинскій миссіонеръ, ѣхавшій слѣдомъ за мною на югъ, чтобы оттуда вмѣстѣ отправиться въ Россію. Наша спутница, жена моряка-офицера, бѣжала изъ Владивостока, испугавшись холеры, и теперь, немного успокоившись, возвращалась назадъ. У нея былъ завидный характеръ. Достаточно было самаго пустого повода, чтобы она закатилась самымъ искреннимъ, жизнерадостнымъ смѣхомъ до упада, до слезъ; начнетъ разсказывать что-нибудь, картавя, и вдругъ хохотъ, веселость бьетъ фонтаномъ, а глядя на даму, начинаю смѣяться и я, за мною о. Ираклій, потомъ японецъ. «Ну!»—говоритъ, въ концѣ-концовъ, командиръ, махнувъ рукой, и тоже заражается смѣхомъ. Вѣроятно,

никогда въ другое время въ Татарскомъ проливѣ, обыкновенно сердитомъ, не хохотали такъ много. На другой день утромъ на палубѣ сошлись для бесѣды іеромонахъ, дама, японецъ и я. И опять смѣхъ, и недоставало только, чтобы киты, высунувъ морды изъ воды, стали хохотать, глядя на насъ.

И какъ нарочно, погода была теплая, тихая, веселая. Слѣва близко зеленѣлъ Сахалинъ, именно та его пустынная, дѣвственная часть, которой еще не коснулась каторга; справа въ ясномъ, совершенно прозрачномъ воздухѣ еле-еле мерещился Татарскій берегъ. Здѣсь уже проливъ болѣе похожъ на море и вода не такъ мутна, какъ около Дуэ; здѣсь просторнѣе и легче дышется. По своему географическому положенію нижняя треть Сахалина соотвѣтствуетъ Франціи, и если бы не холодныя теченія, то мы владѣли бы прелестнымъ краемъ и жили бы въ немъ теперь, конечно, не одни только Шкандыбы и Безбожные. Холодныя теченія, идущія отъ сѣверныхъ острововъ, гдѣ даже въ концѣ лѣта бываетъ ледоходъ, омываютъ Сахалинъ съ обѣихъ сторонъ, причемъ восточному берегу, какъ болѣе открытому теченіямъ и холоднымъ вѣтрамъ, приходится принимать наибольшую долю страданій; природа его безусловно сурова и флора его носитъ настоящій полярный характеръ. Западный же берегъ много счастливѣе; здѣсь вліяніе холоднаго теченія смягчается теплымъ японскимъ теченіемъ, извѣстнымъ подъ названіемъ Куро-Сиво; не подлежитъ сомнѣ-

нію, что чѣмъ южнѣе, тѣмъ теплѣе, и на южной части западнаго берега наблюдается сравнительно богатая флора, но, все-таки, увы, до Франціи или Японіи далеко *).

Интересно, что въ то время, какъ сахалинскіе колонизаторы вотъ уже 35 лѣтъ сѣютъ пшеницу на тундрѣ и проводятъ хорошія дороги къ такимъ мѣстамъ, гдѣ могутъ прозябать одни только низшіе моллюски, самая теплая часть острова, а именно южная часть западнаго побережья, остается въ совершенномъ пренебреженіи. Съ парохода видны въ бинокль и простымъ глазомъ хорошій строевой лѣсъ и береговые скаты, покрытые ярко-зеленою и, должно быть, сочною травой, но ни жилья, ни одной живой души. Впрочемъ, разъ—это было на вторыя сутки нашего плаванія — командиръ обратилъ мое вниманіе на небольшую группу избъ и сарайныхъ построекъ и сказалъ: «Это *Маука*». Тутъ, въ Маукѣ, издавна производится добыча морской капусты, которую очень охот-

*) Кто-то предлагалъ проектъ — въ самомъ узкомъ мѣстѣ пролива устроить плотину, которая задерживала бы на пути холодное теченіе. Этотъ проектъ находитъ себѣ естественно-историческое оправданіе: извѣстно, что когда существовалъ перешеекъ, то климатъ Сахалина отличался мягкостью. Но осуществленіе его едва ли принесло бы теперь какую-нибудь пользу. Флора южной части западнаго берега, пожалуй, обогатилась бы десяткомъ новыхъ видовъ, но климатъ всей нижней части острова едва ли измѣнился бы къ лучшему. Вѣдь, вся южная часть лежитъ близко къ Охотскому морю, въ которомъ льдины и даже ледяныя поля плаваютъ среди лѣта, и нынѣшній Корсаковскій округъ въ главной своей части отдѣленъ отъ этого моря лишь невысокимъ хребтомъ, за которымъ вплоть до моря идетъ низменность, покрытая озерами и доступная холоднымъ вѣтрамъ.

но покупаютъ китайцы, и такъ какъ дѣло поставлено серьезно и уже дало хорошій заработокъ многимъ русскимъ и иностранцамъ, то это мѣсто очень популярно на Сахалинѣ. Находится оно на 400 верстъ южнѣе Дуэ, на широтѣ 47°, и отличается сравнительно хорошимъ климатомъ. Когда-то промыселъ находился въ рукахъ японцевъ; при Мицулѣ въ Маукѣ было болѣе 30 японскихъ зданій, въ которыхъ постоянно жило 40 душъ обоего пола, а весною пріѣзжало сюда изъ Японіи еще около 300 человѣкъ, работавшихъ вмѣстѣ съ айносами, которые тогда составляли тутъ главную рабочую силу. Теперь же капустнымъ промысломъ владѣетъ русскій купецъ Семеновъ, сынъ котораго постоянно живетъ въ Маукѣ; дѣломъ завѣдуетъ шотландецъ Демби, уже не молодой и, повидимому, знающій человѣкъ. Онъ имѣетъ собственный домъ въ Нагасаки въ Японіи, и когда я, познакомившись съ нимъ, сказалъ ему, что, вѣроятно, буду осенью въ Японіи, то онъ любезно предложилъ мнѣ остановиться у него въ домѣ. У Семенова работаютъ манзы, корейцы и русскіе. Наши поселенцы стали ходить сюда на заработки лишь съ 1886 г., и, вѣроятно, по собственному почину, такъ какъ смотрители тюремъ всегда больше интересовались кислою капустой, чѣмъ морскою. Первыя попытки были не совсѣмъ удачны: русскіе мало были знакомы съ чисто-технической стороной дѣла; теперь же они попривыкли, и хотя Демби не такъ доволенъ ими, какъ китайцами, но, все-таки, уже можно серьезно

разсчитывать, что современемъ будутъ находить себѣ здѣсь кусокъ хлѣба сотни поселенцевъ. Маука причислена къ Корсаковскому округу. Въ настоящее время здѣсь живутъ на поселеніи 38 душъ: 33 м. и 5 ж. Всѣ 33 ведутъ хозяйства. Изъ нихъ трое уже имѣютъ крестьянское званіе. Женщины же всѣ каторжныя и живутъ здѣсь въ качествѣ сожительницъ. Дѣтей нѣтъ, церкви нѣтъ, и скука, должно быть, страшная, особенно зимою, когда уходятъ съ промысловъ рабочіе. Здѣшнее гражданское начальство состоитъ изъ одного лишь надзирателя, а военное—изъ ефрейтора и трехъ рядовыхъ *).

*) Въ Маукѣ Семеновъ держитъ лавку, которая лѣтомъ торгуетъ очень недурно; цѣны на съѣстные припасы высокія, такъ что поселенцы оставляютъ здѣсь половину своего заработка. Въ рапортѣ командира клипера *Всадникъ*, относящемся къ 1870 г., сказано, что клиперъ имѣетъ въ виду, подойдя къ мѣстечку Маукѣ, высадить тамъ 10 человѣкъ солдатъ съ тѣмъ, чтобы они приготовили мѣсто подъ огороды, такъ какъ въ продолженіе лѣта въ этомъ мѣстѣ предполагалось основать новый постъ. Замѣчу кстати, что это было время, когда по западному побережью между русскими и японцами происходили маленькія недоразумѣнія. Я нашелъ еще также корреспонденцію въ *Кронштадтскомъ Вѣстникѣ* 1880 г., № 112: „Островъ Сахалинъ. Нѣсколько интересныхъ свѣдѣній относительно Маука-Коувъ (Maucha Cove)“. Тутъ идетъ рѣчь о томъ, что Маука есть главное мѣстопребываніе компаніи, получившей отъ русскаго правительства право въ теченіе 10 лѣтъ собирать морскія водоросли, и что населеніе его состоитъ изъ 3 европейцевъ, 7 русскихъ солдатъ и 700 рабочихъ корейцевъ, айно и китайцевъ.

Что капустный промыселъ выгоденъ и расширяется, видно изъ того, что гг. Семеновъ и Демби уже находятъ себѣ подражателей. Нѣкій Биричъ, поселенецъ, бывшій учителемъ и прикащикомъ у Семенова, взявши взаймы денегъ, построилъ все необходимое для промысла близъ Кусунная и сталъ приглашать къ себѣ поселенцевъ. Работаетъ у него теперь

Сравненіе Сахалина со стерлядью особенно годится для его южной части, которая въ самомъ дѣлѣ похожа на рыбій хвостъ. Лѣвая лопасть хвоста называется мысомъ Крильонъ, правая — мысомъ Анивскимъ, а полукруглый заливъ между ними — Анивой. Крильонъ, около котораго пароходъ дѣлаетъ крутой поворотъ къ сѣверовостоку, при солнечномъ освѣщеніи представляетъ изъ себя довольно привлекательное мѣстечко и стоящій на немъ одиноко красный маякъ похожъ на барскую дачу. Это большой мысъ, покатый къ морю, зеленый и гладкій, какъ хорошій заливной лугъ. Поле далеко кругомъ покрыто бархатною травой и въ сантиментальномъ пейзажѣ недостаетъ только стада, которое бродило бы въ холодкѣ у края лѣса. Но говорятъ, что травы здѣсь не важныя и сельско-хозяйственная культура едва ли возможна, такъ какъ Крильонъ большую часть лѣта бываетъ окутанъ солеными морскими туманами, которые дѣйствуютъ на растительность губительнымъ образомъ *).

около 30 человѣкъ. Дѣло ведется неоффиціально, нѣтъ тутъ даже надзирателя. Постъ Кусуннай, давно уже заброшенный, находится верстъ на сто сѣвернѣе Мауки, у устья рѣки Кусунная, которая когда-то считалась границею между русскими и японскими владѣніями на Сахалинѣ.

*) Немного сѣвернѣе Крильона я видѣлъ камни, на которые нѣсколько лѣтъ назадъ наткнулся и сѣлъ пароходъ *Кострома*, обманутый этими туманами. А. В. Щербакъ, докторъ, сопровождавшій на *Костромѣ* каторжныхъ, во время крушенія пускалъ сигнальныя ракеты. Онъ разсказывалъ мнѣ потомъ, что въ ту пору ему пришлось пережить нравственно три долгихъ фазиса: первый, самый долгій и мучительный — увѣренность въ неминуемой гибели; каторжниками овладѣла паника и они выли; дѣтей и женщинъ пришлось отправить въ шлюпкѣ подъ командой офи-

Мы обогнули Крильонъ и вошли въ заливъ Аниву 12 сентября передъ полуднемъ; видѣнъ весь берегъ отъ одного мыса до другого, хотя заливъ имѣетъ въ діаметрѣ около 80—90 верстъ *). Почти въ серединѣ полукруглый берегъ образуетъ небольшую выемку, которая называется бухтою или губою Лососей, и тутъ, у этой губы, находится *Корсаковскій постъ*, административный

цера по тому направленію, гдѣ предполагался берегъ, и шлюпка скоро изчезла въ туманѣ; второй фазисъ—нѣкоторая надежда на спасеніе: съ Крильонскаго маяка донесся пушечный выстрѣлъ, извѣщавшій, что женщины и дѣти достигли берега благополучно; третій – полная увѣренность въ спасеніи, когда въ туманномъ воздухѣ вдругъ раздались звуки корнетъ-а-пистона, на которомъ игралъ возвращавшійся офицеръ.

Въ 1885 г. въ октябрѣ бѣглые каторжники напали на Крильонскій маякъ, разграбили все имущество и убили матроса, бросивъ его со скалы въ пропасть.

*) Берегъ Анивы былъ впервые изслѣдованъ и описанъ русскимъ офицеромъ Н. В. Рудановскимъ, однимъ изъ сподвижниковъ Г. И. Невельского. Подробности см. въ дневникѣ Н. В. Буссе, тоже участника въ Амурской экспедиціи: *Островъ Сахалинъ и экспедиція 1853 --54 г.*, затѣмъ въ статьѣ Г. И. Невельского и Рудановскаго: *По поводу воспоминаній Н. В. Буссе, Вѣстникъ Европы* 1872 г., VIII, и въ запискахъ самого Невельского. Майоръ Н. В. Буссе, господинъ нервный и неуживчивый, пишетъ, что „обращеніе Невельского съ подчиненными и духъ бумагъ его недовольно серьезны“, а про Рудановскаго, что онъ „тяжелъ, какъ подчиненный, и несносный товарищъ“, и что Рудановскій „дѣлалъ безтолковыя замѣчанія“, а про Бошняка, что онъ „мечтатель и дитя“. Когда Невельской медленно раскуривалъ свою трубку, то это его раздражало. Зимуя съ Рудановскимъ на Анивѣ и будучи старше его чиномъ, майоръ назойливо требовалъ отъ него чинопочитанія и соблюденія всѣхъ правилъ субординаціи, и это въ пустынѣ, почти съ глазу на глазъ, когда молодой человѣкъ весь былъ погруженъ въ серьезную научную работу.

центръ южнаго округа. Нашу спутницу, жизнерадостную даму, ожидала пріятная случайность: на Корсаковскомъ рейдѣ стоялъ пароходъ Добровольнаго флота *Владивостокъ*, только что пришедшій изъ Камчатки, и на немъ находился ея мужъ, офицеръ. Сколько по этому поводу было восклицаній, неудержимаго смѣха, суеты!

Постъ имѣетъ съ моря приличный видъ городка, не сибирскаго, а какого-то особеннаго типа, который я не берусь назвать; основанъ онъ былъ почти 40 лѣтъ назадъ, когда по южному берегу тамъ и сямъ были разбросаны японскіе дома и сараи, и очень возможно, что это близкое сосѣдство японскихъ построекъ не обошлось безъ вліянія на его внѣшность и должно было придать ей особыя черты. Годомъ основанія Корсаковска считается 1869 годъ, но это справедливо лишь по отношенію къ нему, какъ къ пункту ссыльной колоніи; на самомъ же дѣлѣ первый русскій постъ на берегу бухты Лососей былъ основанъ въ 1853—54 г. Лежитъ онъ въ пади, которая и теперь носитъ японское названіе Хахка-Томари, и съ моря видна только одна его главная улица и кажется издали, что мостовая и два ряда домовъ круто спускаются внизъ по берегу; но это только въ перспективѣ, на самомъ же дѣлѣ подъемъ не такъ крутъ. Новыя деревянныя постройки лоснятся и отсвѣчиваютъ на солнцѣ, бѣлѣетъ церковь, старой, простой и потому красивой архитектуры. На всѣхъ домахъ высокіе шесты, вѣроятно, для флаговъ, и это придаетъ городку непріятное выраженіе, какъ

будто онъ ощетинился. Здѣсь такъ же, какъ и на сѣверныхъ рейдахъ, пароходъ останавливается въ одной и даже двухъ верстахъ отъ берега, и пристань имѣется только для парового катера и баржъ. Къ нашему пароходу сначала подошелъ катеръ съ чиновниками и тотчасъ же послышались радостные голоса: «Бой, пива! Бой, рюмку коньяку!» Потомъ подошелъ вельботъ; гребли каторжные, наряженные матросами, и у руля сидѣлъ окружной начальникъ И. И. Бѣлый, который, когда вельботъ подходилъ къ трапу, скомандовалъ по-военному: «Суши весла!»

Черезъ нѣсколько минутъ я и г. Б. были уже знакомы; вмѣстѣ потомъ мы съѣхали на берегъ, и я обѣдалъ у него. Изъ разговора съ нимъ я узналъ, между прочимъ, что онъ только что вернулся на *Владивостокъ* съ берега Охотскаго моря, изъ такъ называемой Тарайки, гдѣ каторжные строютъ теперь дорогу.

Квартира у него не большая, но хорошая, барская. Онъ любитъ комфортъ и хорошую кухню, и это замѣтно отражается на всемъ его округѣ; разъѣзжая впослѣдствіи по округу, я находилъ въ надзирательскихъ или станкахъ не только ножи, вилки и рюмки, но даже чистыя салфетки, и сторожей, которые умѣютъ варить вкусный супъ, а, главное, клоповъ и таракановъ здѣсь не такъ безобразно много, какъ на сѣверѣ. По разсказу г. Б., въ Тарайкѣ на дорожныхъ работахъ онъ жилъ въ большой палаткѣ, съ комфортомъ, имѣлъ при себѣ повара и на

досугѣ читалъ французскіе романы *). По происхожденію онъ малороссъ, по образованію — бывшій студентъ-юристъ. Онъ молодъ, не старше сорока лѣтъ, а это возрастъ, кстати сказать, средній для сахалинскаго чиновника. Времена измѣнились; теперь для русской каторги молодой чиновникъ болѣе типиченъ, чѣмъ старый, и если бы, положимъ, художникъ изобразилъ, какъ наказываютъ плетьми бродягу, то на его картинѣ мѣсто прежняго капитана-пропойцы, старика съ сине-багровымъ носомъ, занималъ бы интеллигентный молодой человѣкъ въ новенькомъ вицмундирѣ.

Мы разговорились, между тѣмъ, наступилъ вечеръ, зажгли огонь. Я простился съ гостепріимнымъ г. Б. и отправился къ секретарю полицейскаго управленія, у котораго мнѣ была приготовлена квартира. Было темно и тихо, море глухо шумѣло и звѣздное небо хмурилось, какъ будто видѣло, что въ природѣ готовится что-то недоброе. Когда я прошелъ всю главную улицу почти до моря, пароходы еще стояли на рейдѣ, и когда я повернулъ

*) И почти уже забыто то время, когда офицеры и чиновники, служившіе на Южномъ Сахалинѣ, терпѣли настоящую нужду. Въ 1876 г. за пудъ бѣлой муки они платили 4 р., за бутылку водки 3 р. и „свѣжаго мяса никто почти никогда не видитъ“ (*Русскій Міръ* 1877 г., № 7), а о людяхъ попроще и говорить нечего. Эти буквально бѣдствовали. Корреспондентъ *Владивостока,* не дальше какъ 5 лѣтъ назадъ, сообщалъ, что „ни у кого не было полрюмки водки, табакъ манчьжурскій (т.-е. вродѣ нашей махорки) до 2 р. 50 к. за фунтъ; поселенцы и нѣкоторые надзиратели курили байховый и кирпичный чай“ (1886 г., № 22).

направо, послышались голоса и громкій смѣхъ, и въ темнотѣ показались ярко освѣщенныя окна, и стало похоже, будто я въ захолустномъ городкѣ осеннею ночью пробираюсь къ клубу. Это была квартира секретаря. По ветхимъ скрипучимъ ступенямъ я поднялся на террасу и вошелъ въ домъ. Въ залѣ, точно боги на облакахъ, въ табачномъ дыму и въ туманѣ, какой бываетъ въ трактирахъ и сырыхъ помѣщеніяхъ, двигались военные и штатскіе. Съ однимъ изъ нихъ, г. фонъ-Ф., инспекторомъ сельскаго хозяйства, я уже былъ знакомъ,—раньше мы встрѣчались въ Александровскѣ,—съ остальными же я теперь видѣлся впервые, хотя всѣ они отнеслись къ моему появленію съ такимъ благодушіемъ, какъ будто были знакомы со мною уже давно. Меня подвели къ столу, и я тоже долженъ былъ пить водку, то-есть спиртъ, на половину разведенный водой, и очень плохой коньякъ, и ѣсть жесткое мясо, которое жарилъ и подавалъ къ столу ссыльно-каторжный Хоменко, хохолъ съ черными усами. Изъ постороннихъ, кромѣ меня, на этой вечеринкѣ присутствовалъ также директоръ Иркутской магнитно-метеорологической обсерваторіи Э. В. Штеллингъ, прибывшій на *Владивостокѣ* изъ Камчатки и Охотска, гдѣ онъ хлопоталъ объ учрежденіи метеорологическихъ станцій. Тутъ же я познакомился съ майоромъ Ш., смотрителемъ Корсаковской ссыльно-каторжной тюрьмы, служившимъ раньше при генер. Грессерѣ въ петербургской полиціи: это—высокій, полный мужчина, съ тою солидною, импонирую-

щею осанкой, какую мнѣ до сихъ поръ случалось наблюдать только у частныхъ и участковыхъ приставовъ. Разсказывая мнѣ о своемъ короткомъ знакомствѣ со многими извѣстными писателями въ Петербургѣ, майоръ называлъ ихъ просто Миша, Ваня и, приглашая меня къ себѣ завтракать и обѣдать, невзначай раза два сказалъ мнѣ *ты* *).

Когда во второмъ часу ушли гости и я легъ въ постель, послышались ревъ и свистъ. Это задулъ нордъ-остъ. Значитъ, не даромъ съ вечера хмурилось небо. Хоменко, придя со двора, доложилъ, что пароходы ушли, а, между тѣмъ, на морѣ поднялась сильная буря. «Ну, небось, вернутся! — сказалъ онъ и засмѣялся. — Гдѣ имъ совладать?» Въ комнатѣ стало холодно и сыро, было, вѣроятно, не больше шести-семи градусовъ. Бѣдный Ф., секретарь полицейскаго управленія, молодой человѣкъ, никакъ не могъ уснуть отъ насморка и кашля. Капитанъ К., жившій вмѣстѣ съ нимъ на одной квартирѣ, тоже не спалъ; онъ постучалъ изъ своей комнаты въ стѣну и сказалъ мнѣ:

*) Майоръ Ш., надо отдать ему справедливость, относился съ полнымъ уваженіемъ къ моей литературной профессіи и все время, пока я жилъ въ Корсаковскѣ, всячески старался, чтобы мнѣ не было скучно. Раньше, за нѣсколько недѣль до моего пріѣзда на югъ, онъ также возился съ англичаниномъ Говардомъ, искателемъ приключеній и тоже литераторомъ, потерпѣвшимъ въ Анивѣ крушеніе на японской джонкѣ и потомъ написавшимъ порядочный вздоръ объ аинцахъ въ своей книгѣ *The Life wirth Trans-Siberian savages*.

— Я получаю *Недѣлю*. Не желаете ли?

Утромъ было холодно и въ постели, и въ комнатѣ, и на дворѣ. Когда я вышелъ наружу, шелъ холодный дождь и сильный вѣтеръ гнулъ деревья, море ревѣло, а дождевыя капли при особенно жестокихъ порывахъ вѣтра били въ лицо и стучали по крышамъ, какъ мелкая дробь. *Владивостокъ* и *Байкалъ* въ самомъ дѣлѣ не совладали со штормомъ, вернулись и теперь стояли на рейдѣ, и ихъ покрывала мгла. Я прогулялся по улицамъ, по берегу около пристани; трава была мокрая, съ деревьевъ текло. На пристани около сторожки лежитъ скелетъ молодого кита, когда-то счастливаго, рѣзваго, гулявшаго на просторѣ сѣверныхъ морей, теперь же бѣлыя кости богатыря лежали въ грязи и дождь точилъ ихъ...

Главная улица шоссирована и содержится въ порядкѣ, на ней тротуары, фонари и деревья, и мететъ ее каждый день клейменый старикъ. Тутъ только присутственныя мѣста и квартиры чиновниковъ, и нѣтъ ни одного дома, въ которомъ жили бы ссыльные. Дома большею частью новые и пріятные на видъ, и нѣтъ той тяжкой казенщины, какъ, наприм., въ Дуэ. Вообще же въ Корсаковскомъ посту, если говорить о всѣхъ его четырехъ улицахъ, старыхъ построекъ больше, чѣмъ новыхъ, и не рѣдкость дома, построенные 20—30 лѣтъ назадъ. И старыхъ зданій, и старожиловъ среди служащихъ въ Корсаковскѣ относительно больше, чѣмъ на сѣверѣ, а это, быть можетъ, значитъ, что здѣшній

югъ болѣе располагаетъ къ осѣдлой и покойной жизни, чѣмъ оба сѣверныхъ округа. Здѣсь, какъ я замѣтилъ, и патріархальности больше, и люди консервативнѣе, и обычаи, даже дурные, держатся крѣпче. Такъ, въ сравненіи съ сѣверомъ, здѣсь чаще прибѣгаютъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ и бываетъ, что въ одинъ пріемъ сѣкутъ по 50 человѣкъ, и только на югѣ уцѣлѣлъ дурной обычай, введенный когда-то какимъ-то давно уже забытымъ полковникомъ, а именно, когда вамъ, свободному человѣку, встрѣчается на улицѣ или на берегу группа арестантовъ, то уже за 50 шаговъ вы слышите крикъ надзирателя: «Смир-р-рно! Шапки долой!» И мимо васъ проходятъ угрюмые люди съ обнаженными головами и глядятъ на васъ изподлобья, точно если бы они сняли шапки не за 50, а за 20—30 шаговъ, то вы побили бы ихъ палкой, какъ г. Z или г. N.

Я жалѣю, что не засталъ въ живыхъ старѣйшаго сахалинскаго офицера, штабсъ-капитана Шишмарева, который долготою дней своихъ и какъ старожилъ могъ бы поспорить даже съ палевскимъ Микрюковымъ. Онъ умеръ за нѣсколько мѣсяцевъ до моего пріѣзда и я видѣлъ только домъ-особнякъ, въ которомъ онъ жилъ. Поселился онъ на Сахалинѣ еще въ доисторическія времена, когда не начиналась каторга, и это казалось до такой степени давно, что даже сочинили легенду о «происхожденіи Сахалина», въ которой имя этого офицера тѣсно связано съ геологическими переворотами, происходившими на

островѣ; по словамъ легенды, когда-то въ отдаленныя времена Сахалина не было вовсе, но вдругъ, вслѣдствіе вулканическихъ причинъ, поднялась подводная скала выше уровня моря, и на ней сидѣли два существа: сивучъ и штабсъ-капитанъ Шишмаревъ. Говорятъ, что онъ ходилъ въ вязаномъ сюртукѣ съ погонами и инородцевъ въ казенныхъ бумагахъ называлъ такъ: «дикіе обитатели лѣсовъ». Онъ принималъ участіе въ нѣсколькихъ экспедиціяхъ и, между прочимъ, плавалъ по Тыми съ Поляковымъ, и изъ описанія экспедиціи видно, что они поссорились.

Жителей въ Корсаковскомъ посту 163: 93 м. и 70 ж., а со свободными, солдатами, ихъ женами и дѣтьми, и съ арестантами, ночующими въ тюрьмѣ, наберется не много болѣе тысячи.

Хозяйствъ 56, но все это хозяйства не деревенскія, а скорѣе городскія, мѣщанскія; съ сельско-хозяйственной точки зрѣнія они представляются совершенно ничтожными. Земли пахотной всего 3 дес., а луговъ, которыми пользуется также и тюрьма, 18 дес. Надо видѣть, какъ тѣсно жмутся усадьбы одна къ другой и какъ живописно лѣпятся онѣ по склонамъ и на днѣ оврага, образующаго падь, чтобы понять, что тотъ, кто выбиралъ мѣсто для поста, вовсе не имѣлъ въ виду, что тутъ, кромѣ солдатъ, будутъ еще жить сельскіе хозяева. На вопросъ, чѣмъ они занимаются и чѣмъ живутъ, хозяева отвѣчали: работишка, торговлишка... Относительно стороннихъ

заработковъ, какъ увидитъ ниже читатель, южный сахалинецъ поставленъ далеко не въ такое безвыходное положеніе, какъ сѣверный: при желаніи онъ находитъ себѣ заработокъ, по крайней мѣрѣ, въ весенніе и лѣтніе мѣсяцы; но корсаковцевъ это мало касается, такъ какъ на заработки они уходятъ очень рѣдко и, какъ истые горожане, живутъ на неопредѣленныя средства,—неопредѣленныя въ смыслѣ ихъ случайности и непостоянства. Одинъ живетъ на деньги, которыя онъ привезъ съ собой изъ Россіи, и такихъ большинство, другой—въ писаряхъ, третій—въ дьячкахъ, четвертый—держитъ лавочку, хотя по закону не имѣетъ на это права, пятый — промѣниваетъ арестантскій хламъ на японскую водку, которую продаетъ, и проч., и проч. Женщины, даже свободнаго состоянія, промышляютъ проституціей; не составляетъ исключенія даже одна привилегированная, про которую говорятъ, что она кончила въ институтѣ. Здѣсь меньше голода и холода, чѣмъ на сѣверѣ; каторжные, жены которыхъ торгуютъ собой, курятъ турецкій табакъ по 50 к. за четвертку, и потому здѣшняя проституція кажется болѣе злокачественной, чѣмъ на сѣверѣ, хотя—не все ли равно?

Семейно живутъ 41, причемъ 21 пара состоитъ въ незаконномъ бракѣ. Женщинъ свободнаго состоянія только 10, то-есть въ 16 разъ меньше, чѣмъ въ Рыковскомъ, и даже въ 4 раза меньше, чѣмъ въ такой щели, какъ Дуэ.

Среди ссыльныхъ въ Корсаковскѣ попадаются интерес-

ныя личности. Упомяну о безсрочномъ каторжномъ Пищиковѣ, преступленіе котораго дало матеріалъ Г. И. Успенскому для очерка *Одинъ-на-одинъ*. Этотъ Пищиковъ засѣкъ нагайкой свою жену, интеллигентную женщину, беременную на девятомъ мѣсяцѣ, и истязаніе продолжалось шесть часовъ; сдѣлалъ онъ это изъ ревности къ добрачной жизни жены: во время послѣдней войны она была увлечена плѣннымъ туркомъ. Пищиковъ самъ носилъ письма къ этому турку, уговаривалъ его приходить на свиданіе и вообще помогалъ обѣимъ сторонамъ. Потомъ, когда турокъ уѣхалъ, дѣвушка полюбила Пищикова за его доброту; Пищиковъ женился на ней и имѣлъ отъ нея уже четырехъ дѣтей, какъ вдругъ подъ сердцемъ завозилось тяжелое, ревнивое чувство...

Это высокій, худощавый человѣкъ, благообразный, съ большою бородой. Онъ служитъ писаремъ въ полицейскомъ управленіи и потому ходитъ въ вольномъ платьѣ. Трудолюбивъ и очень вѣжливъ, и, судя по выраженію, весь ушелъ въ себя и замкнулся. Я былъ у него на квартирѣ, но не засталъ его дома. Занимаетъ онъ въ избѣ небольшую комнату; у него аккуратная чистая постель, покрытая краснымъ шерстянымъ одѣяломъ, а около постели на стѣнѣ въ рамочкѣ портретъ какой-то дамы, вѣроятно, жены.

Интересна также семья Жакомини: отецъ, ходившій когда-то шкиперомъ въ Черномъ морѣ, его жена и сынъ. Всѣ трое въ 1878 году были преданы въ г. Николаевѣ

военно-полевому суду за убійство и осуждены, какъ они сами увѣряютъ, невинно. Старуха и сынъ уже отбыли каторгу, а старикъ Карпъ Николаевичъ, 66 лѣтъ, все еще каторжный. Они держатъ лавочку и въ комнатахъ у нихъ очень прилично, лучше даже, чѣмъ у ново-михайловскаго богача Потемкина. Старики Жакомини шли на Сахалинъ сухимъ путемъ, черезъ Сибирь, а сынъ моремъ, и сынъ прибылъ на мѣсто тремя годами раньше. Разница огромная. Если послушать старика, то становится страшно. Какихъ ужасовъ наглядѣлся и чего только онъ ни вынесъ, пока его судили, мытарили по тюрьмамъ и потомъ три года тащили черезъ Сибирь; на пути его дочь, дѣвушка, которая пошла добровольно за отцомъ и матерью на каторгу, умерла отъ изнуренія, а судно, которое везло его и старуху въ Корсаковскъ, около Мауки потерпѣло аварію. Старикъ разсказываетъ все это, а старуха плачетъ. «Ну, да что!—говоритъ старикъ, махнувъ рукой.—Значитъ, Богу такъ угодно».

Въ культурномъ отношеніи Корсаковскій постъ замѣтно отсталъ отъ своихъ сѣверныхъ собратій. Такъ, въ немъ до сихъ поръ еще нѣтъ телеграфа и метеорологической станціи *). О климатѣ Южнаго Сахалина мы мо-

*) Э. В. Штеллингъ при мнѣ хлопоталъ объ устройствѣ станціи и въ этомъ ему сильно помогалъ военный врачъ З—ій, корсаковскій старожилъ и очень хорошій человѣкъ. Но мнѣ кажется, что станцію слѣдуетъ устроить не въ Корсаковскомъ посту, открытомъ для восточныхъ вѣтровъ, а въ какомъ-нибудь болѣе центральномъ пунктѣ округа, наприм., въ селеніи Владиміровкѣ. Впрочемъ, на Южномъ Сахалинѣ что ни мѣсто, то

жемъ судить пока лишь по отрывочнымъ случайнымъ наблюденіямъ разныхъ авторовъ, которые служили здѣсь, или же, подобно мнѣ, пріѣзжали сюда не надолго. По этимъ данным въ Корсаковскомъ посту, если брать среднія температуры, лѣто, осень и весна теплѣе, чѣмъ въ Дуэ, почти на 2°, а зима мягче почти на 5°. Между тѣмъ, на той же Анивѣ, но только немного восточнѣе Корсаковскаго поста, въ Муравьевскомъ температура уже значительно ниже и скорѣе подходитъ къ дуйской, чѣмъ къ корсаковской. А на 88 верстъ сѣвернѣе Корсаковскаго поста, въ Найбучи, командиръ *Всадника* утромъ 11 мая 1870 г. записалъ два градуса мороза; шелъ снѣгъ. Какъ видитъ читатель, здѣшній югъ мало похожъ на югъ: зима здѣсь такая же суровая, какъ въ Олонецкой губ., а лѣто—какъ въ Архангельскѣ. Крузенштернъ въ половинѣ мая видѣлъ на западномъ берегу Анивы снѣгъ. На сѣверѣ Корсаковскаго округа, именно въ Кусуннаѣ, гдѣ добываютъ морскую капусту, наблюдалось въ году 149 ненастныхъ дней, а на югѣ, въ Муравьевскомъ посту, 130. Но, тѣмъ не менѣе, все-таки, въ юж-

свой климатъ, и правильнѣе всего было бы учредить метеорологическіе наблюдательные пункты одновременно въ нѣсколькихъ мѣстахъ: у залива Буссе, въ Корсаковскѣ, Крильонѣ, Маукѣ, Владиміровкѣ, Найбучи и Тарайкѣ. Это, конечно, не легко, но и не такъ уже трудно. По-моему, для этого можно воспользоваться услугами грамотныхъ ссыльныхъ, которые, какъ показалъ уже опытъ, скоро пріучаются самостоятельно вести наблюденія, и нуженъ только человѣкъ, который взялъ бы на себя трудъ руководить ими.

номъ округѣ климатъ мягче, чѣмъ въ обоихъ сѣверныхъ, и жить здѣсь поэтому должно быть легче. На югѣ среди зимы бываетъ оттепель, чего ни разу не наблюдали около Дуэ и Рыковскаго, рѣки вскрываются раньше и солнце выглядываетъ изъ-за облаковъ чаще.

Корсаковская тюрьма занимаетъ самое возвышенное мѣсто въ посту и, вѣроятно, самое здоровое. Тамъ, гдѣ главная улица упирается въ тюремный заборъ, находятся ворота, очень скромныя на видъ, и что это не простыя, обывательскія ворота, а входъ въ тюрьму, видно только по надписи, да по тому еще, что каждый вечеръ тутъ толпятся каторжные, которыхъ впускаютъ въ калитку поодиночкѣ и при этомъ обыскиваютъ. Тюремный дворъ расположенъ на наклонной плоскости и уже съ середины его, несмотря на заборъ и окружающія постройки, видны голубое море и далекій горизонтъ, и поэтому кажется, что здѣсь очень много воздуху. При осмотрѣ тюрьмы, прежде всего, замѣчается стремленіе мѣстной администраціи къ рѣзкому обособленію каторжныхъ отъ поселенцевъ. Въ Александровскѣ тюремныя мастерскія и квартиры нѣсколькихъ сотъ каторжныхъ разбросаны по всему посту, и тамъ интересы тюрьмы и каторги какъ бы на первомъ планѣ; здѣсь же въ тюремномъ дворѣ помѣщаются всѣ мастерскія и даже пожарный сарай и жить внѣ тюрьмы, за очень рѣдкими исключеніями, не позволяется даже каторжнымъ разряда исправляющихся. Здѣсь постъ самъ по себѣ, а тюрьма сама по себѣ, и можно долго прожить

въ посту и не замѣтить, что въ концѣ улицы находится тюрьма.

Казармы здѣсь старыя, въ камерахъ тяжелый воздухъ, отхожія мѣста много хуже, чѣмъ въ сѣверныхъ тюрьмахъ, хлѣбопекарня темная, карцеры для одиночнаго заключенія темные, безъ вентиляцій, холодные, и я самъ нѣсколько разъ видѣлъ, какъ заключенные въ нихъ дрожали отъ холода и сырости. Здѣсь одно только лучше, чѣмъ на сѣверѣ: просторная кандальная и кандальныхъ сравнительно меньше. Чище всѣхъ живутъ въ казармахъ бывшіе моряки; они и одѣты чище *). При мнѣ въ тюрьмѣ ноче-

*) И. И. Бѣлому удалось организовать изъ нихъ искусную команду для работъ на морѣ. Старшимъ среди нихъ считается каторжный Голицынъ, маленькаго роста, съ бакенами. Любитъ пофилософствовать. Когда онъ сидитъ у руля и командуетъ: „Руби рангоутъ!“ или—„Весла на воду!“— то дѣлаетъ это не безъ начальственной суровости. Несмотря на его почтенную наружность и старшинство, при мнѣ его сѣкли раза дватри за пьянство и, кажется, за грубости. Послѣ него искуснѣйшимъ морякомъ считается каторжный Медвѣдевъ, человѣкъ умный и отважный. Какъ-то японскій консулъ г. Кузе возвращался изъ Тарайки, у руля былъ Медвѣдевъ; кромѣ нихъ, въ вельботѣ находился еще надзиратель. Къ вечеру засвѣжѣло, стало темно... Когда подплыли къ Найбучи, то уже не было видно входа въ рѣку Найбу, пристать же прямо къ берегу было опасно, и Медвѣдевъ рѣшилъ ночевать въ морѣ, несмотря на сильный штормъ. Надзиратель хватилъ его по уху, г. Кузе строго приказывалъ держаться берега, но Медвѣдевъ не слушался и упрямо уходилъ въ море все дальше и дальше. Всю ночь штормовало; волны трепали лодку и каждую минуту казалось, что онѣ зальютъ или опрокинутъ ее. Консулъ потомъ разсказывалъ мнѣ, что это была ночь самая страшная въ его жизни. Когда на разсвѣтѣ Медвѣдевъ пошелъ къ устью рѣчки, то, всетаки, на барѣ вельботъ захлебнулъ воды. Съ тѣхъ поръ г. Бѣлый, отпуская кого-нибудь съ Медвѣдевымъ, всякій разъ говоритъ:

вало только 450 человѣкъ, всѣ же остальные находились въ командировкѣ, главнымъ образомъ, на дорожныхъ работахъ. Всего въ округѣ числилось каторжныхъ 1,205.

Здѣшній смотритель тюрьмы больше всего любитъ показывать пріѣзжимъ пожарный обозъ. Обозъ въ самомъ дѣлѣ великолѣпенъ и въ этомъ отошеніи Корсаковскъ перещеголялъ многіе большіе города. Бочки, пожарные насосы, топоры въ чехлахъ,—все это игрушечно и блеститъ, точно приготовлено для выставки. По данному мною сигналу ударили тревогу, изъ всѣхъ мастерскихъ тотчасъ же повыскакивали каторжные безъ шапокъ, безъ верхняго платья,—однимъ словомъ, кто въ чемъ былъ,—

— Что̀ бы онъ ни дѣлалъ, пожалуйста, молчите и не протестуйте.

Въ тюрьмѣ обращаютъ на себя также вниманіе два родныхъ брата, бывшіе персидскіе принцы, которыхъ и по сіе время въ письмахъ, приходящихъ сюда изъ Персіи, титулуютъ высочествами. Присланы они за убійство, совершенное ими на Кавказѣ. Ходятъ они по-персидски, въ высокихъ мерлушковыхъ шапкахъ, лбы наружу. Они еще въ разрядѣ испытуемыхъ и поэтому не имѣютъ права имѣть при себѣ деньги, и одинъ изъ нихъ жаловался, что ему не на что купить табаку, а отъ куренія, ему кажется, кашель у него становится легче. Онъ клеитъ для канцеляріи конверты, довольно неуклюжіе; поглядѣвши на его работу, я сказалъ: „Очень хорошо". И, повидимому, эта похвала доставила бывшему принцу большое удовольствіе.

Писаремъ при тюрьмѣ состоитъ каторжный Гейманъ, полный, красивый брюнетъ, служившій когда-то околодочнымъ въ московской полиціи и осужденный за растлѣніе. Въ тюрьмѣ онъ слѣдовалъ за мною по пятамъ и, когда я оглядывался, всякій разъ почтительно снималъ шапку.

Здѣшній палачъ носитъ фамилію Минаева; онъ изъ купеческихъ сыновъ, человѣкъ еще молодой. Въ тотъ день, когда я его видѣлъ, онъ, по его словамъ, наказалъ розгами 8 человѣкъ.

въ одну минуту впряглись и съ громомъ покатили по главной улицѣ къ морю. Зрѣлище было эффектное, и майоръ Ш., творецъ этого образцоваго обоза, былъ очень доволенъ и все спрашивалъ, нравится ли мнѣ. Жаль только, что вмѣстѣ съ молодыми впряглись и побѣжали также старики, которыхъ слѣдовало бы щадить, хотя бы ради ихъ слабаго здоровья.

XIII.

Поро-ан-Томари. — Муравьевскій постъ. — Первая, Вторая и Третья Падь. — Соловьевка. — Лютога. — Голый Мысъ. — Мицулька. — Лиственичное. — Хомутовка. — Большая Елань. — Владиміровка. — Ферма или фирма. — Любовная исторія. — Луговое. — Поповскія Юрты. — Березники. — Кресты. — Большое и Малое Такоэ. — Галкино-Враское. — Дубки. — Найбучи. — Море.

Обзоръ населенныхъ мѣстъ Корсаковскаго округа я начну съ селеній, которыя расположены по берегу Анивы. Первое, на четыре версты восточнѣе и южнѣе поста, называется по-японски *Поро-ан-Томари*. Основано оно было въ 1882 г. на мѣстѣ бывшей здѣсь когда-то аинской деревушки. Жителей 72: 53 м. и 19 ж. Хозяевъ 47 и изъ нихъ 38 живутъ бобылями. Какъ ни кажется просторно вокругъ селенія, а все же на каждаго хозяина приходится только $^1/_4$ дес. пахотной земли и меньше чѣмъ $^1/_2$ дес. покосной; значитъ, добыть больше негдѣ или очень трудно. Тѣмъ не менѣе, все-таки, если бы Поро-ан-Томари было на сѣверѣ, то въ немъ давно бы уже было 200 хозяевъ и при нихъ 150 совладѣльцевъ; южная

администрація, слава Богу, въ этомъ отношеніи болѣе умѣренна и предпочитаетъ основывать новыя селенія, чѣмъ расширять старыя.

Тутъ я записалъ девять стариковъ въ возрастѣ отъ 65 до 85 лѣтъ. Одинъ изъ нихъ, Янъ Рыцеборскій, 75 лѣтъ, съ физіономіей солдата временъ очаковскихъ, до такой степени старъ, что, вѣроятно, уже не помнитъ, виноватъ онъ или нѣтъ, и какъ-то странно было слышать, что все это безсрочные каторжники, злодѣи, которыхъ баронъ А. Н. Корфъ, только во вниманіе къ ихъ преклоннымъ лѣтамъ, приказалъ перевести въ поселенцы.

Костинъ, поселенецъ, спасается въ землянкѣ: самъ не выходитъ наружу и никого къ себѣ не пускаетъ, и все молится. Поселенца Горбунова зовутъ всѣ «рабомъ Божіимъ», потому что на волѣ онъ былъ странникомъ; по профессіи онъ маляръ, но служитъ пастухомъ въ Третьей Пади, быть можетъ, изъ любви къ одиночеству и созерцанію.

Верстъ на 40 восточнѣе есть еще, впрочемъ, уже только на картѣ, *Муравьевскій постъ*. Основанъ онъ былъ сравнительно давно, въ 1853 г., на берегу бухты Лососей; когда же въ 1854 г. прошли слухи о войнѣ, то онъ былъ снятъ и возобновленъ лишь черезъ 12 лѣтъ на берегу залива Буссе или Двѣнадцатифутовой гавани,— такъ называется неглубокое озеро, соединенное съ моремъ протокомъ, куда могутъ входить только мелко-сидящія суда. При Мицулѣ въ немъ жило около 300 сол-

датъ, которые сильно болѣли цынгой. Цѣлью основанія поста было упроченіе русскаго вліянія на Южномъ Сахалинѣ; послѣ же трактата 1875 г. онъ былъ упраздненъ за ненадобностью и покинутыя избы, какъ говорятъ, сожжены были бѣглыми *).

Къ селеніямъ, которыя лежатъ западнѣе Корсаковскаго поста, ведетъ веселая дорога у самаго моря; направо глинистыя крутизны и осыпи, кучерявыя отъ зелени, а налѣво шумящее море. На пескѣ, гдѣ волны уже разбиваются въ пѣну и, точно утомленныя, катятся назадъ, коричневымъ бордюромъ лежитъ по всему побережью морская капуста, выброшенная моремъ. Она издаетъ приторно-слащавый, но не противный запахъ гніющей водоросли, и для южнаго моря этотъ запахъ такъ же типиченъ, какъ ежеминутный взлетъ дикихъ морскихъ утокъ, которыя развлекаютъ васъ все время, пока вы ѣдете по берегу. Пароходы и парусныя суда здѣсь рѣдкіе гости; ничего не видно ни возлѣ, ни на горизонтѣ, и потому море представляется пустыннымъ. И изрѣдка развѣ пока-

*) Тутъ когда-то были Муравьевскія копи, въ которыхъ добыча угля производилась постовыми солдатами изъ разряда штрафованныхъ, то-есть была тутъ своя маленькая каторга; назначало ихъ на работы мѣстное начальство въ наказаніе „за незначительныя, впрочемъ, преступленія“ (Мицуль). Въ чью пользу, однако, поступила бы выручка, если бы добытый солдатами уголь былъ проданъ, сказать нельзя, такъ какъ весь онъ сгорѣлъ вмѣстѣ съ постройками.

До 1870 г. военными властями были основаны еще посты Чибисанскій, Очехпокскій, Мануйскій, Малковскій и многіе другіе. Всѣ они уже брошены и забыты.

жется неуклюжая сѣноплавка, которая движется еле-еле, иногда на ней темный, некрасивый парусъ, или каторжный бредетъ по колѣна въ водѣ и тащитъ за собою на веревкѣ бревно,—вотъ и всѣ картины.

Вотъ крутой берегъ прерывается длинною и глубокою долиной. Тутъ течетъ рѣчка Унтанай или Унта и возлѣ была когда-то казенная Унтовская ферма, которую каторжные называли Дранкой,—понятно, почему. Въ настоящее время здѣсь тюремные огороды и стоятъ только три поселенческія избы. Это — *Первая Падь.*

Затѣмъ слѣдуетъ *Вторая Падь*, въ которой шесть дворовъ. Тутъ у одного зажиточнаго старика-крестьянина изъ ссыльныхъ живетъ въ сожительницахъ старуха, дѣвушка Ульяна. Когда-то очень давно она убила своего ребенка и зарыла его въ землю, на судѣ же говорила, что ребенка она не убила, а закопала его живымъ,— этакъ, думала, скорѣй оправдаютъ; судъ приговорилъ ее на 20 лѣтъ. Разсказывая мнѣ объ этомъ, Ульяна горько плакала, потомъ вытерла глаза и спросила: «Капустки кисленькой не купите ли?»

Въ *Третьей Пади* 17 дворовъ.

Во всѣхъ этихъ трехъ селеніяхъ жителей 46, въ томъ числѣ женщинъ 17. Хозяевъ 26. Люди здѣсь все основательные, зажиточные, имѣютъ много скота и нѣкоторые даже промышляютъ имъ. Главною причиной такого благосостоянія слѣдуетъ признать, вѣроятно, климатъ и почвенныя условія, но я думаю также, что если пригласить

сюда чиновниковъ изъ Александровска или Дуэ и попросить ихъ распорядиться, то черезъ годъ же во всѣхъ трехъ Падяхъ будетъ не 26, а 300 хозяевъ, не считая совладѣльцевъ, и всѣ они окажутся «домонерачители и самовольные» и будутъ сидѣть безъ куска хлѣба. Примѣра этихъ трехъ маленькихъ селеній, я думаю, достаточно, чтобы, наконецъ, взять за правило, что въ настоящее время, пока еще колонія молода и не окрѣпла, чѣмъ меньше хозяевъ, тѣмъ лучше, и что чѣмъ длиннѣе улица, тѣмъ она бѣднѣе.

На четвертой верстѣ отъ поста находится *Соловьевка*, основанная въ 1882 году. Изъ всѣхъ сахалинскихъ селеній она занимаетъ наиболѣе выгодное положеніе: она при морѣ и, кромѣ того, недалеко отъ нея находится устье рыбной рѣки Сусуи. Населеніе держитъ коровъ и торгуетъ молокомъ. Занимается также хлѣбопашествомъ. Жителей 74: 37 м. и 37 ж. Хозяевъ 26. Всѣ они имѣютъ пахотную и покосную землю, въ среднемъ по одной десятинѣ на душу. Земля хороша только около моря, по скатамъ берега, дальше же она плоха, изъ-подъ ели и пихты.

Есть еще одно селеніе на берегу Анивы, далеко въ сторонѣ, верстъ за 25 или, если плыть къ нему моремъ, въ 14 миляхъ отъ поста. Оно называется *Лютога*, находится въ пяти верстахъ отъ устья рѣки того же имени и основано въ 1886 г. Сообщеніе съ постомъ крайне неудобное: пѣшкомъ по берегу или же на катерѣ, а для по-

селенцевъ — на сѣноплавкѣ. Жителей 53: 37 м. и 16 ж. Хозяевъ 33.

Что же касается береговой дороги, то она, минуя Соловьевку около устья Сусуи круто поворачиваетъ вправо и идетъ уже по направленію къ сѣверу. На картѣ Сусуя своими верховьями подходитъ къ рѣкѣ Найбѣ, впадающей въ Охотское море, и вдоль этихъ обѣихъ рѣкъ, почти по прямой линіи отъ Анивы до восточнаго берега, протянулся длинный рядъ селеній, которыя соединены непрерывною дорогой, имѣющею въ длину 88 верстъ. Этотъ рядъ селеній составляетъ главную суть южнаго округа, его физіономію, а дорога служитъ началомъ того самаго магистральнаго почтоваго тракта, которымъ хотятъ соединить Сѣв. Сахалинъ съ Южнымъ.

Я утомился или облѣнился и ужъ на югѣ работалъ не такъ усердно, какъ на сѣверѣ. Часто цѣлые дни уходили у меня на прогулки и пикники, и уже не хотѣлось ходить по избамъ, и когда мнѣ любезно предлагали помощь, то я не уклонялся отъ нея. Въ первый разъ до Охотскаго моря и назадъ я проѣхался въ обществѣ г. Бѣлаго, которому хотѣлось показать мнѣ свой округъ, а затѣмъ, когда я дѣлалъ перепись, меня всякій разъ сопровождалъ смотритель поселеній Н. Н. Ярцевъ *).

*) Въ сентябрѣ и въ началѣ октября, исключая тѣ дни, когда дулъ нордъ-остъ, погода стояла превосходная, лѣтняя. Ѣдучи со мной, г. Б. жаловался мнѣ, что онъ сильно тоскуетъ по Малороссіи и что ничего ему такъ не хочется теперь, какъ посмотрѣть на вишню въ то время,

Селенія южнаго округа имѣютъ свои особенности, которыхъ не можетъ не замѣтить человѣкъ, только что пріѣхавшій съ сѣвера. Прежде всего, здѣсь значительно меньше нищеты. Неоконченныхъ, брошенныхъ избъ или забитыхъ наглухо оконъ я не видѣлъ вовсе, и тесовая крыша здѣсь такое же заурядное и привычное для глазъ явленіе, какъ на сѣверѣ солома и корье. Дороги и мосты хуже, чѣмъ на сѣверѣ, особенно между Малымъ Такоэ и Сіянцами, гдѣ въ половодье и послѣ сильныхъ дождей бываетъ непроходимая слякоть. Сами жители выглядятъ моложе, здоровѣе и бодрѣе своихъ сѣверныхъ товарищей, и это такъ же, какъ и сравнительное благосостояніе округа, быть можетъ, объясняется тѣмъ, что главный контингентъ ссыльныхъ, живущихъ на югѣ, составляютъ краткосрочные, то-есть люди по преимуществу молодые и въ меньшей степени изнуренные каторгой. Встрѣчаются такіе, которымъ еще только 20—25 лѣтъ, а они уже отбыли каторгу и сидятъ на участкахъ, и не мало крестьянъ изъ ссыльныхъ въ возрастѣ между 30 и 40 годами *). Въ пользу южныхъ селеній говоритъ также и

когда она виситъ на деревѣ. На ночлегахъ въ надзирательскихъ онъ просыпался очень рано; проснешься на разсвѣтѣ, а онъ стоитъ у окна и читаетъ въ полголоса: „Бѣлый свѣтъ занялся надъ столицей, крѣпко спитъ молодая жена“... И г. Я. тоже все читалъ наизусть стихотворенія. Бывало, какъ скучно станетъ въ дорогѣ, попросишь его прочесть что-нибудь, и онъ прочтетъ съ чувствомъ какое-нибудь длинное стихотвореніе, а то и два.

*) По той же причинѣ, напримѣръ, въ Корсаковскомъ посту поселенцы въ возрастѣ отъ 20 до 45 лѣтъ составляютъ 70% всего числа

то обстоятельство, что здѣшніе крестьяне не торопятся уѣзжать на материкъ: такъ, въ только что описанной Соловьевкѣ изъ 26 хозяевъ 16 имѣютъ крестьянское званіе. Женщинъ очень мало; есть селенія, гдѣ нѣтъ ни одной женщины. Сравнительно съ мужчинами онѣ выглядятъ въ большинствѣ больными и старухами, и приходится вѣрить здѣшнимъ чиновникамъ и поселенцамъ, которые жалуются, что съ сѣвера всякій разъ присылаютъ имъ однѣхъ только «завалященькихъ», а молодыхъ и здоровыхъ оставляютъ себѣ. Докторъ З—кій говорилъ мнѣ, что какъ-то, исполняя должность тюремнаго врача, онъ вздумалъ осмотрѣть партію вновь прибывшихъ женщинъ, и всѣ онѣ оказались съ женскими болѣзнями.

На югѣ въ обиходѣ совсѣмъ не употребляется слово совладѣлецъ или половинщикъ, такъ какъ здѣсь на каждый участокъ полагается только по одному хозяину, но такъ же, какъ и на сѣверѣ, есть хозяева, которые лишь причислены къ селенію, но домовъ не имѣютъ. Какъ въ

жителей. Прежде былъ скорѣе обычай, чѣмъ правило, при распредѣленіи вновь прибывающихъ арестантовъ по округамъ, назначать краткосрочныхъ, какъ менѣе преступныхъ и закоренѣлыхъ, на югъ, гдѣ теплѣе. Но, при опредѣленіи долго- и краткосрочныхъ по статейнымъ спискамъ, не всегда соблюдалась необходимая осторожность. Такъ, бывшій начальникъ острова ген. Гинце, какъ-то прочитывая на пароходѣ статейные списки, самъ отобралъ краткосрочныхъ и назначилъ ихъ къ отправкѣ на югъ; потомъ же среди этихъ счастливцевъ оказалось 20 бродягъ и непомнящихъ, то-есть самыхъ закоренѣлыхъ и безнадежныхъ. Въ настоящее время упомянутый обычай, повидимому, уже оставленъ, такъ какъ на югъ присылаются долгосрочные и даже безсрочные, а въ страшной Воеводской тюрьмѣ и въ рудникѣ я встрѣчалъ краткосрочныхъ.

посту, такъ и въ селеніяхъ совсѣмъ нѣтъ евреевъ. Въ избахъ на стѣнахъ встрѣчаются японскія картинки; приходилось также видѣть японскую серебряную монету.

Первое селеніе по Сусуѣ—*Голый Мысъ*; существуетъ оно лишь съ прошлаго года и избы еще не достроены. Здѣсь 24 мужчины и ни одной женщины. Стоитъ селеніе на бугрѣ, который и раньше назывался голымъ мысомъ. Рѣчка здѣсь не близко отъ жилья, — надо къ ней спускаться; колодца нѣтъ.

Второе селеніе—*Мицулька*, названная такъ въ честь М. С. Мицуля *). Когда дороги еще не было, то на мѣстѣ

*) Въ экспедиціи 1870 г., посланной изъ Петербурга подъ начальствомъ Власова, принималъ участіе также агрономъ Михаилъ Семеновичъ Мицуль, человѣкъ рѣдкаго нравственнаго закала, труженикъ, оптимистъ и идеалистъ, увлекавшійся и, притомъ, обладавшій способностью сообщать свое увлеченіе и другимъ. Ему въ ту пору было около 35 лѣтъ. Къ возложенному на него порученію онъ отнесся съ замѣчательною добросовѣстностью. Изслѣдуя почву, флору и фауну Сахалина, онъ исходилъ пѣшкомъ нынѣшніе Александровскій и Тымовскій округа, западное побережье, всю южную часть острова; тогда на островѣ совсѣмъ не было дорогъ, лишь кое-гдѣ попадались жалкія тропинки, исчезавшія въ тайгѣ и болотахъ, и всякое передвиженіе, конное или пѣшее, было истиннымъ мученіемъ. Идея ссыльно-хозяйственной колоніи поразила и увлекла Мицуля. Онъ отдался ей всею душой, полюбилъ Сахалинъ и, подобно тому, какъ мать не видитъ въ своемъ любимомъ дѣтищѣ недостатковъ, такъ онъ на островѣ, который сдѣлался его второю родиной, не замѣчалъ промерзлой почвы и тумановъ. Онъ находилъ его цвѣтущимъ уголкомъ земли, и этому не могли мѣшать ни метеорологическія данныя, которыхъ тогда почти не было, ни горькій опытъ прошлыхъ лѣтъ, къ которому онъ относился, повидимому, недовѣрчиво. А тутъ еще дикій виноградъ, бамбукъ, гигантскій ростъ травъ, японцы... Дальнѣйшая исторія острова застаетъ его уже завѣдующимъ, статскимъ

теперешней Мицульки стояла станція, на которой держали лошадей для чиновниковъ, ѣдущихъ по казенной надобности; конюхамъ и работникамъ позволено было строиться до срока, и они поселились около станціи и завели собственныя хозяйства. Дворовъ тутъ только 10, а жителей 25: 16 м. и 9 ж. Послѣ 1885 г. окружной начальникъ не позволялъ уже никому селиться въ Мицулькѣ, и хорошо дѣлалъ, такъ какъ земля здѣсь не важная и луговъ хватаетъ только на десять дворовъ. Теперь въ селеніи 17 коровъ и 13 лошадей, не считая мелкаго скота, и въ казенной вѣдомости показаны 64 курицы, но всего этого не станетъ вдвое больше, если удвоить число дворовъ.

Говоря объ особенностяхъ селеній южнаго округа, я забылъ упомянуть еще объ одной: здѣсь часто отравляются борцомъ (Aconitum Napellus). Въ Мицулькѣ у пос. Таковаго свинья отравилась борцомъ; онъ сжадничалъ и поѣлъ ея печенки и едва не умеръ. Когда я былъ у него въ избѣ, то онъ стоялъ черезъ силу и говорилъ слабымъ голосомъ, но о печонкѣ разсказывалъ со смѣхомъ, и по его все еще опухшему, сине-багровому лицу можно было судить, какъ дорого обошлась ему эта печонка. Немного раньше его отравился борцомъ старикъ Коньковъ и

совѣтникомъ, все еще увлекающимся и неутомимо работающимъ. Умеръ онъ на Сахалинѣ отъ тяжелаго нервнаго разстройства, 41 года. И я видѣлъ его могилу. Послѣ него осталась книга *Очеркъ острова Сахалина въ сельско-хозяйственномъ отношеніи*, 1873 г. Это длинная ода въ честь сахалинскаго плодородія.

умеръ, и домъ его теперь пустуетъ. Этотъ домъ составляетъ одну изъ достопримѣчательностей Мицульки. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ бывшій смотритель тюрьмы, Л., принявши какое-то вьющееся растеніе за виноградъ, доложилъ генералу Гинце, что въ Южномъ Сахалинѣ есть виноградъ, который съ успѣхомъ можно культивировать. Генералъ Гинце немедленно приказалъ узнать, нѣтъ ли среди арестантовъ человѣка, работавшаго когда-либо на виноградникахъ. Такой скоро нашелся. Это былъ поселенецъ Раевскій, мужчина, по преданію, очень высокаго роста. Онъ объявилъ себя спеціалистомъ, ему повѣрили и на первомъ же отходящемъ пароходѣ отправили при бумагѣ изъ Александровскаго поста въ Корсаковскій. Тутъ его спросили: «Зачѣмъ пріѣхалъ?» Онъ отвѣтилъ: «Разводить виноградъ». Посмотрѣли на него, прочли бумагу и только плечами пожали. Виноградарь пошелъ бродить по округу, заломивъ шапку; такъ какъ онъ былъ командированъ начальникомъ острова, то не счелъ нужнымъ явиться къ смотрителю поселеній. Произошло недоразумѣніе. Въ Мицулькѣ его высокій ростъ и достоинство, съ какимъ онъ держалъ себя, показались подозрительными, его приняли за бродягу, связали и отправили въ постъ. Тутъ долго держали его въ тюрьмѣ и наводили справки, потомъ выпустили. Въ концѣ-концовъ, онъ поселился въ Мицулькѣ, здѣсь и умеръ, а Сахалинъ такъ и остался безъ виноградниковъ. Домъ Раевскаго пошелъ въ казну за долгъ и былъ проданъ Конь-

кову за 15 рублей. Старикъ Коньковъ, когда платилъ деньги за домъ, лукаво подмигнулъ глазомъ и сказалъ окружному начальнику: «А вотъ, погодите, умру, и вы опять съ этимъ домомъ хлопотать будете». И въ самомъ дѣлѣ, въ скоромъ времени отравился борцомъ и теперь казнѣ опять приходится возиться съ домомъ *).

Въ Мицулькѣ живетъ сахалинская Гретхенъ, дочь поселенца Николаева, Таня, уроженка Псковской губ., 16 лѣтъ. Она бѣлокура, тонка и черты у нея тонкія, мягкія, нѣжныя. Ее уже просватали за надзирателя. Бывало, ѣдешь черезъ Мицульку, а она все сидитъ у окна и думаетъ. А о чемъ можетъ думать молодая, красивая дѣвушка, попавшая на Сахалинъ, и о чемъ она мечтаетъ,— извѣстно, должно быть, одному только Богу.

Въ пяти верстахъ отъ Мицульки находится новое селеніе *Лиственичное*, и дорога здѣсь идетъ просѣкой че-

*) Одинъ ссыльно-каторжный подалъ мнѣ что-то вродѣ прошенія съ такимъ заглавіемъ: „Конфиденціально. Кое-что изъ нашего захолустья. Великодушному и благосклонному литератору господину Ч., осчастливившему посѣщеніемъ недостойный о-въ Сахалинъ. Постъ Корсаковскій". Въ этомъ прошеніи я нашелъ стихотвореніе подъ заглавіемъ *Борецъ:*

Горделиво ростетъ надъ рѣкой,
На болотистомъ мѣстѣ, въ лощинѣ.
Листикъ тотъ синій — красивый такой,
Аконитомъ слыветъ въ медицинѣ.
Этотъ корень борца,
Посаженный рукою Творца,
Часто народъ соблазняетъ,
Въ могилу кладетъ,
Къ Авраам́у на лоно ссылаетъ.

резъ лиственичный лѣсъ. Называется оно также Христофоровкой, потому что когда-то гилякъ Христофоръ ставилъ здѣсь на рѣкѣ петли для соболей. Выборъ этого мѣста подъ селеніе нельзя назвать удачнымъ, такъ какъ почва здѣсь дурная, негодная для культуры *). Жителей 15. Женщинъ нѣтъ.

Немного дальше на рѣчкѣ Христофоровкѣ нѣсколько каторжныхъ занимались когда-то разными подѣлками изъ дерева; имъ разрѣшено было построиться до срока. Но мѣсто, гдѣ они поселились, было признано неудобнымъ, и въ 1886 г. ихъ четыре избы были перенесены на другое мѣсто, къ сѣверу отъ Лиственичнаго версты на четыре, что и послужило основаніемъ для селенія *Хомутовки*. Называется оно такъ потому, что поселенецъ изъ вольныхъ, крестьянинъ Хомутовъ, занимался здѣсь когда-то охотой. Жителей 38: 25 м. и 13 ж. Хозяевъ 25. Это одно изъ самыхъ неинтересныхъ селеній, хотя, впрочемъ, и оно можетъ похвалиться достопримѣчательностью: въ немъ живетъ поселенецъ Броновскій, извѣстный всему югу, какъ страстный и неутомимый воръ.

Далѣе, черезъ три версты, находится селеніе *Большая*

*) Для тѣхъ, кто выбираетъ мѣста подъ новыя селенія, лиственица служитъ признакомъ дурной, болотистой почвы. Такъ какъ подпочва-глина не пропускаетъ воду, то образуется торфъ, появляются богульникъ, клюква, мохъ, сама лиственица портится, дѣлается корявой, покрывается ягелемъ. Поэтому-то здѣсь лиственицы некрасивы, мелкоствольны и высыхаютъ, не доживъ до старости.

Еланъ, основанное года два тому назадъ. Еланями здѣсь называются прирѣчныя долины, въ которыхъ ростутъ ильма, дубъ, боярка, бузина, ясень, береза. Обыкновенно онѣ бываютъ защищены отъ холодныхъ вѣтровъ, и въ то время, какъ на сосѣднихъ горахъ и трясинахъ растительность поражаетъ своею скудостью и мало отличается отъ полярной, здѣсь въ еланяхъ мы встрѣчаемъ роскошныя рощи и траву раза въ два выше человѣческаго роста; въ лѣтніе, не пасмурные дни земля здѣсь, какъ говорится, паритъ, во влажномъ воздухѣ становится душно, какъ въ банѣ, и согрѣтая почва гонитъ всѣ злаки въ солому, такъ что въ одинъ мѣсяцъ, напримѣръ, рожь достигаетъ почти сажени вышины. Эти елани, напоминающія малороссу родныя левады, гдѣ луга чередуются съ садами и рощами, наиболѣе пригодны для поселеній *).

Жителей въ Большой Елани 40: 32 м. и 8 ж. Хозяевъ 30. Когда поселенцы раскорчевывали землю подъ свои усадьбы, то имъ было приказано щадить старыя деревья, гдѣ это возможно. И селеніе, благодаря этому, не кажется новымъ, потому что на улицѣ и во дворахъ стоятъ старыя, широколиственныя ильмы,—точно ихъ дѣды посадили.

Изъ здѣшнихъ поселенцевъ обращаютъ на себя внима-

*) Тутъ ростутъ пробковое дерево и виноградъ, но они выродились и такъ же мало похожи на своихъ предковъ, какъ сахалинскій бамбуковый тростникъ на цейлонскій бамбукъ.

ніе братья Бабичи, изъ Кіевской губ.; сначала они жили въ одной избѣ, потомъ стали ссориться и просить начальство, чтобы ихъ раздѣлили. Одинъ изъ Бабичей, жалуясь на своего родного брата, выразился такъ: «Я боюсь его, какъ змія».

Еще черезъ пять верстъ—селеніе *Владиміровка*, основанное въ 1881 году и названное такъ въ честь одного майора, по имени Владиміра, завѣдывавшаго каторжными работами. Поселенцы зовутъ ее также Черною Рѣчкой. Жителей 91: 55 м. и 36 ж. Хозяевъ 46, изъ нихъ 19 живутъ бобылями и сами доятъ коровъ. Изъ 27 семей только 6 законныя. Какъ сельско-хозяйственная колонія, это селеніе стòитъ обоихъ сѣверныхъ округовъ, взятыхъ вмѣстѣ, а, между тѣмъ, изъ массы женщинъ, приходящихъ на Сахалинъ за мужьями, свободныхъ и неиспорченныхъ тюрьмой, то-есть наиболѣе цѣнныхъ для колоніи, здѣсь поселена только одна, да и та недавно заключена въ тюрьму по подозрѣнію въ убійствѣ мужа. Несчастныя женщины свободнаго состоянія, которыхъ сѣверные чиновники томятъ въ Дуэ въ «казармахъ для семейныхъ», пригодились бы здѣсь какъ нельзя кстати; во Владиміровкѣ одного рогатаго скота больше 100 головъ, 40 лошадей, хорошіе покосы, но нѣтъ хозяекъ и, значитъ, нѣтъ настоящихъ хозяйствъ *).

*) Въ одномъ изъ своихъ приказовъ ген. Кононовичъ удостовѣряетъ, „что отчасти по причинѣ своего изолированнаго положенія и затруднительности сообщеній съ нимъ, отчасти вслѣдствіе различныхъ частныхъ

Во Владиміровкѣ, при казенномъ домѣ, гдѣ живетъ смотритель поселеній г. Я. со своею женой акушеркой, находится сельско-хозяйственная ферма, которую поселенцы и солдаты называютъ фирмой. Г. Я. интересуется естественными науками и особенно ботаникой, растенія называетъ не иначе, какъ по-латыни, и когда у него подаютъ за обѣдомъ, напримѣръ, фасоль, то онъ говоритъ: «Это—faseolus». Своей черной собачонкѣ онъ далъ кличку Favus. Изъ всѣхъ сахалинскихъ чиновниковъ онъ наиболѣе свѣдущъ въ агрономіи и относится къ дѣлу добросовѣстно и любовно, но на его образцовой фермѣ урожаи часто бываютъ хуже, чѣмъ у поселенцевъ, и это вызываетъ всеобщее недоумѣніе и даже насмѣшки. По-моему, эта случайная разница въ урожаяхъ имѣетъ такое же отношеніе къ г. Я., какъ и ко всякому другому чиновнику. Ферма, на которой нѣтъ ни метеорологической станціи, ни скота, хотя бы для навоза, ни порядочныхъ построекъ, ни знающаго человѣка, который отъ утра до вечера занимался бы только хозяйствомъ,— это не ферма, а въ самомъ дѣлѣ одна лишь фирма, то-есть пустая забава подъ фирмой образцоваго сельскаго хозяйства.

соображеній и разсчетовъ, которые на глазахъ моихъ предмѣстниковъ разъѣдали дѣло и портили его вездѣ, куда только достигало ихъ тлетворное дыханіе, Корсаковскій округъ постоянно былъ обходимъ и обдѣляемъ, и что ни одна изъ самыхъ вопіющихъ нуждъ его не была разобрана, удовлетворена или представлена на разрѣшеніе" (приказъ № 318-й, 1889 г.).

Даже опытнымъ полемъ нельзя назвать эту фирму, такъ какъ въ ней только пять десятинъ и по качествамъ своимъ, какъ сказано въ одной казенной бумагѣ, земля нарочно выбрана ниже средняго достоинства, «съ цѣлью показать населенію примѣромъ, что при извѣстномъ уходѣ и лучшей обработкѣ можно и на ней добиться удовлетворительнаго результата».

Здѣсь, во Владиміровкѣ, произошла любовная исторія. Нѣкій Вуколъ Поповъ, крестьянинъ, засталъ свою жену съ отцомъ, размахнулся и убилъ старика. Его приговорили къ каторжнымъ работамъ, прислали въ Корсаковскій округъ и тутъ опредѣлили на фирму, къ г. Я., въ кучера. Это былъ богатырскаго сложенія человѣкъ, еще молодой и красивый, характера кроткаго и сосредоточеннаго,—все, бывало, молчитъ и о чемъ-то думаетъ,—и съ перваго же времени хозяева стали довѣрять ему и, когда уѣзжали изъ дому, то знали, что Вуколъ и денегъ не вытащитъ изъ коммода, и спирта въ кладовой не выпьетъ. Жениться на Сахалинѣ ему было нельзя, такъ какъ на родинѣ оставалась у него жена и развода ему не давала. Таковъ приблизительно герой. Героиня — ссыльнокаторжная Елена Тертышная, сожительница поселенца Кошелева, баба вздорная, глупая и некрасивая. Она стала ссориться со своимъ сожителемъ, тотъ пожаловался и окружной начальникъ въ наказаніе назначилъ ее работницей на фирму. Тутъ увидѣлъ ее Вуколъ и влюбился. Она его тоже полюбила. Сожитель Кошелевъ, вѣроятно,

замѣтилъ это, потому что сталъ усердно просить ее, чтобъ она вернулась къ нему.

— Ну, да, ладно, знаю васъ!—говорила она.—Женись на мнѣ, тогда пойду.

Кошелевъ подалъ докладную записку о вступленіи въ бракъ съ дѣвицей Тертышной, и начальство разрѣшило ему этотъ бракъ. Между тѣмъ, Вуколъ объяснялся Еленѣ въ любви, умоляя ее жить съ нимъ; она тоже искренно клялась въ любви и при этомъ говорила ему:

— Приходи такъ—я могу, а жить постоянно—нѣтъ; ты женатый, а мое дѣло женское, должна я о себѣ подумать, пристроиться за хорошаго человѣка.

Когда Вуколъ узналъ, что она просватана, то пришелъ въ отчаяніе и отравился борцомъ. Елену потомъ допрашивали, и она созналась: «Я съ нимъ четыре ночи ночевала». Разсказывали, что недѣли за двѣ до смерти онъ, глядя на Елену, мывшую полъ, говорилъ:

— Эхъ, бабы, бабы! На каторгу изъ-за бабы пошелъ и тутъ, должно, изъ-за бабы придется кончить!

Во Владиміровкѣ я познакомился съ ссыльнымъ Василіемъ Смирновымъ, присланнымъ за поддѣлку кредитныхъ бумажекъ. Онъ отбылъ каторгу и поселенчество и занимается теперь охотой на соболей, что, повидимому, доставляетъ ему большое удовольствіе. Онъ разсказывалъ мнѣ, что когда-то фальшивыя бумажки давали ему по 300 рублей въ день, но попался онъ послѣ того ужь, какъ бросилъ этотъ промыселъ и занялся честнымъ тру-

домъ. О фальшивыхъ бумажкахъ разсуждаетъ тономъ спеціалиста; по его мнѣнію, поддѣлывать теперешнія кредитки можетъ даже баба. О прошломъ говоритъ онъ спокойно, не безъ ироніи, и очень гордится тѣмъ, что его когда-то на судѣ защищалъ г. Плевако.

Тотчасъ за Владиміровкой начинается громадный лугъ въ нѣсколько сотъ десятинъ; онъ имѣетъ видъ полукруга, версты четыре въ діаметрѣ. У дороги, гдѣ онъ кончается, стоитъ селеніе *Луговое* или Лужки, основанное въ 1888 г. Здѣсь 69 мужчинъ и только 5 женщинъ.

Далѣе слѣдуетъ опять короткій промежутокъ въ 4 версты, и мы въѣзжаемъ въ *Поповскія Юрты*, селеніе, основанное въ 1834 г. Его хотѣли назвать Ново-Александровкой, но это названіе не привилось. Поѣхалъ о. Симеонъ Казанскій, или, по-просту, попъ Семенъ, на собакахъ въ Найбучи «постить» солдатъ, на обратномъ пути его захватила сумасшедшая вьюга и онъ сильно захворалъ (другіе же говорятъ, что онъ возвращался изъ Александровска). Къ счастью, попались аинскія рыбачьи юрты, онъ пріютился въ одной изъ нихъ, а своего возницу послалъ во Владиміровку, гдѣ тогда жили вольные поселенцы; эти пріѣхали за нимъ и доставили его еле-живого въ Корсаковскій постъ. Послѣ этого аинскія юрты стали называться поповскими; это названіе удержала за собою и мѣстность.

Сами поселенцы зовутъ свое селеніе также Варшавой, такъ какъ въ немъ много католиковъ. Жителей 111:

95 муж. и 16 жен. Изъ 42 хозяевъ семейно живутъ только 10.

Поповскія Юрты стоятъ какъ разъ на срединѣ пути между Корсаковскимъ постомъ и Найбучи. Тутъ кончается бассейнъ рѣки Сусуи и послѣ не крутого, едва замѣтнаго перевала черезъ водораздѣльный хребетъ, мы спускаемся въ долину, орошаемую Найбой. Первое селеніе этого бассейна находится въ 8 верстахъ отъ Юртъ и называется *Березники*, потому что около когда-то было много березы. Изъ всѣхъ южныхъ селеній это самое большое. Тутъ жителей 159: 142 м. и 17 ж. Хозяевъ 140. Уже есть четыре улицы и площадь, на которой, какъ предполагаютъ, современемъ будутъ выстроены церковь, телеграфная станція и домъ смотрителя поселеній. Предполагаютъ также, что если колонизація удастся, то въ Березникахъ будетъ волость. Но это селеніе очень скучно на видъ, и люди въ немъ скучные, и думаютъ они не о волости, а только о томъ, какъ бы скорѣе отбыть срокъ и уѣхать на материкъ. Одинъ поселенецъ на вопросъ, женатъ ли онъ, отвѣтилъ мнѣ со скукой: «Былъ женатъ и убилъ жену». Другой, страдающій кровохарканіемъ, узнавъ, что я врачъ, все ходилъ за мной и спрашивалъ, не чахотка ли у него, и пытливо засматривалъ мнѣ въ глаза. Ему было страшно отъ мысли, что онъ не дождется крестьянскихъ правъ и умретъ на Сахалинѣ.

Далѣе черезъ 5 верстъ слѣдуетъ селеніе *Кресты*, основанное въ 1885 г. Тутъ когда-то были убиты двое бро-

дягъ и на мѣстѣ ихъ могилъ стояли кресты, которыхъ теперь уже нѣтъ; или иначе: хвойный лѣсъ, который давно уже вырубленъ, пересѣкалъ здѣсь когда-то елань въ видѣ креста. Оба объясненія поэтичны; очевидно, названіе Кресты дано самимъ населеніемъ.

Находятся Кресты на рѣкѣ Такоэ, какъ разъ при впаденіи въ нее притока, почва—суглинокъ съ хорошимъ налетомъ ила, урожаи бываютъ почти каждый годъ, луговъ много и люди, по счастью, оказались порядочными хозяевами; но въ первые годы селеніе мало отличалось отъ Верхняго Армудана и едва не погибло. Дѣло въ томъ, что посажено было здѣсь на участки сразу 30 человѣкъ; это было какъ разъ то время, когда изъ Александровска долго не присылали инструментовъ, и поселенцы отправились къ мѣсту буквально съ голыми руками. Изъ жалости имъ были даны изъ тюрьмы старые топоры, чтобы они могли нарубить себѣ лѣсу. Потомъ цѣлыхъ три года подрядъ имъ не выдавали скота,—по той же причинѣ, по какой изъ Александровска не присылали инструментовъ.

Жителей 90: 63 м. и 27 ж. Хозяевъ 52.

Здѣсь есть лавочка, въ которой торгуетъ отставной фельдфебель, бывшій ранѣе надзирателемъ въ Тымовскомъ округѣ; торгуетъ онъ бакалейнымъ товаромъ. Есть и мѣдные браслеты, и сардинки. Когда я пришелъ въ лавочку, то фельдфебель принялъ меня, вѣроятно, за очень важнаго чиновника, потому что вдругъ безъ всякой

надобности доложилъ мнѣ, что онъ былъ когда-то замѣшанъ въ чемъ-то, но оправданъ, и сталъ торопливо показывать мнѣ разныя одобрительныя аттестаціи, показалъ, между прочимъ, и письмо какого-то г. Шнейдера, въ концѣ котораго, помнится, есть такая фраза: «а когда потеплѣетъ, жарьте талыя». Потомъ фельдфебель, желая доказать мнѣ, что онъ уже никому не долженъ, принялся рыться въ бумагахъ и искать какія-то росписки, и не нашелъ ихъ, и я вышелъ изъ лавочки, унося съ собою увѣренность въ его полной невинности и фунтъ простыхъ мужицкихъ конфектъ, за которыя онъ, однако, содралъ съ меня полтинникъ.

Слѣдующее послѣ Крестовъ селеніе находится у рѣки съ японскимъ названіемъ Такоэ, впадающей въ Найбу. Долина этой рѣки называется Такойской и знаменита она тѣмъ, что на ней когда-то жили вольные поселенцы. Селеніе *Большое Такоэ* существуетъ оффиціально съ 1884 г., но основано было гораздо раньше. Хотѣли назвать его Власовскимъ въ честь г. Власова, но названіе это не удержалось. Жителей 71: 56 м. и 15 ж. Хозяевъ 47. Здѣсь живетъ постоянно классный фельдшеръ, котораго поселенцы называютъ первоклассным. За недѣлю до моего пріѣзда отравилась борцомъ его жена, молодая женщина.

Вблизи селенія, а особенно по дорогѣ къ Крестамъ, встрѣчаются превосходныя строевыя ели. Вообще много зелени, и, притомъ, сочной, яркой, точно умытой. Флора

Такойской долины несравненно богаче, чѣмъ на сѣверѣ, но сѣверный пейзажъ живѣе и чаще напоминалъ мнѣ Россію. Правда, природа тамъ печальна и сурова, но сурова она по-русски, здѣсь же она улыбается и грустить, должно быть, по-айнски и вызываетъ въ русской душѣ неопредѣленное настроеніе *).

Въ Такойской же долинѣ, въ $4^1/_2$ верст. отъ Большого, находится *Малое Такоэ* на небольшой рѣчушкѣ, впадающей въ Такоэ **). Основано селеніе въ 1885 г. Жителей 52: 37 м. и 15 ж. Хозяевъ 35. Изъ нихъ живутъ семейно только 9, и нѣтъ ни одной вѣнчанной пары.

Дальше, въ 8 верстахъ, на мѣстѣ, которое у японцевъ и айнцевъ называлось Сіянча и гдѣ когда-то стоялъ японскій рыбный сарай, находится селеніе *Галкино-Враское* или Сіянцы, основанное въ 1884 г. Мѣстоположеніе красивое—при впаденіи Такоэ въ Найбу, но очень неудобное. Весною и осенью, да и лѣтомъ въ дождливую пого-

*) Въ верстѣ отъ Большого Такоэ на рѣкѣ стоитъ мельница, построенная по приказанію ген. Кононовича нѣмцемъ Лаксомъ, каторжнымъ; онъ же построилъ мельницу и на Тыми близъ Дербинскаго. На такойской мельницѣ берутъ за помолъ по 1 ф. муки и 1 коп. съ пуда. Поселенцы довольны, потому что раньше платили по 15 коп. съ пуда или же мололи дома на ручныхъ мельницахъ собственнаго издѣлія, съ ильмовыми жерновами. Для мельницы пришлось рыть каналъ и строить плотину.

**) Я не называю мелкихъ притоковъ, на которыхъ стоятъ селенія Сусуйскаго и Найбинскаго бассейновъ, потому что всѣ они имѣютъ трудно усвояемыя айнскія или японскія названія, вродѣ Экуреки или Фуфкасаманай.

ду, Найба, капризная, какъ всѣ вообще горныя рѣки, разливается и затопляетъ Сіянчу; сильное теченіе запираетъ входъ для Такоэ и эта тоже выходитъ изъ береговъ; то же происходитъ и съ мелкими рѣчками, впадающими въ Такоэ. Галкино-Враское представляетъ изъ себя тогда Венецію и ѣздятъ по немъ на аинскихъ лодкахъ; въ избахъ, построенныхъ на низинѣ, полъ бываетъ залитъ водой. Мѣсто для селенія выбиралъ нѣкій г. Ивановъ, понимающій въ этомъ дѣлѣ такъ же мало, какъ въ гиляцкомъ и аинскомъ языкахъ, переводчикомъ которыхъ онъ оффиціально считается; впрочемъ, въ ту пору онъ былъ помощникомъ смотрителя тюрьмы и исправлялъ должность нынѣшняго смотрителя поселеній. Аинцы и поселенцы предупреждали его, что мѣсто тутъ топкое, но онъ не слушалъ ихъ. Кто жаловался, тѣхъ сѣкли. Въ одно изъ наводненій погибъ быкъ, въ другое— лошадь.

Впаденіе Такоэ въ Найбу образуетъ полуостровъ, на который ведетъ высокій мостъ. Тутъ очень красиво; мѣсто какъ разъ соловьиное. Въ надзирательской свѣтло и очень чисто; есть даже каминъ. Съ террасы видъ на рѣку, во дворѣ садикъ. Сторожемъ здѣсь старикъ Савельевъ, каторжный, который, когда здѣсь ночуютъ чиновники, служитъ за лакея и повара. Какъ-то прислуживая за обѣдомъ мнѣ и одному чиновнику, онъ подалъ что-то не такъ, какъ нужно, и чиновникъ крикнулъ на него строго: «Дуракъ!» Я посмотрѣлъ тогда на этого безотвѣт-

наго старика и, помнится, подумалъ, что русскій интеллигентъ до сихъ поръ только и съумѣлъ сдѣлать изъ каторги, что самымъ пошлымъ образомъ свелъ ее къ крѣпостному праву.

Жителей въ Галкинѣ-Враскомъ 74: 50 м. и 24 ж. Хозяевъ 45 и изъ нихъ 29 имѣютъ крестьянское званіе.

Послѣднее селеніе по тракту—*Дубки,* основанное въ 1886 г. на мѣстѣ бывшаго здѣсь дубоваго лѣса. На пространствѣ 8 верстъ, между Сіянцами и Дубками, встрѣчаются горѣлые лѣса и между ними луговины, на которыхъ, говорятъ, ростетъ капорскій чай. Когда ѣдешь, показываютъ, между прочимъ, рѣчку, гдѣ поселенецъ Маловѣчкинъ ловилъ рыбу; теперь эта рѣчка носитъ его имя. Жителей въ Дубкахъ 44: 31 м. и 13 ж. Хозяевъ 30. Мѣстоположеніе считается хорошимъ по теоріи, что тамъ, гдѣ ростетъ дубъ, почва должна быть хороша для пшеницы. Большая часть площади, которая занята теперь подъ пашней и покосомъ, недавно еще была болотомъ, но поселенцы, по совѣту г. Я., выкопали канаву до Найбы, въ сажень глубины, и теперь стало хорошо.

Быть можетъ, оттого, что это маленькое селеніе стоитъ съ краю, какъ бы особнякомъ, здѣсь значительно развиты картежная игра и пристанодержательство. Въ іюнѣ здѣшній поселенецъ Лифановъ проигрался и отравился борцомъ.

Отъ Дубковъ до устья Найбы остается только 4 версты, на пространствѣ которыхъ селиться уже нельзя, такъ

какъ у устья заболочина, а по берегу моря песокъ и растительность песчано-морская: шиповникъ съ очень крупными ягодами, волосянецъ и проч. Дорога продолжается до моря, но можно проѣхать и по рѣкѣ, на аинской лодкѣ.

У устья стоялъ когда-то постъ *Найбучи*. Онъ былъ основанъ въ 1866 г. Мицуль засталъ здѣсь 18 построекъ, жилыхъ и не жилыхъ, часовню и магазинъ для провіанта. Одинъ корреспондентъ, бывшій въ Найбучи въ 1871 г., пишетъ, что здѣсь было 20 солдатъ подъ командой юнкера; въ одной изъ избъ красивая высокая солдатка угостила его свѣжими яйцами и черньмъ хлѣбомъ, хвалила здѣшнее житье и жаловалась только, что сахаръ очень дорогъ *). Теперь и слѣда нѣтъ тѣхъ избъ, и красивая высокая солдатка, когда оглянешься кругомъ на пустыню, представляется какимъ-то миѳомъ. Тутъ строятъ новый домъ, надзирательскую или станцію, и только. Море на видъ холодное, мутное, ревetъ и высокія сѣдыя волны бьются о песокъ, какъ бы желая сказать въ отчаяніи: «Боже, зачѣмъ ты насъ создалъ?» Это уже Великій или Тихій океанъ. На этомъ берегу Найбучи слышно, какъ на постройкѣ стучатъ топорами каторжные, а на томъ берегу, далекомъ, воображаемомъ, Америка. Налѣво видны въ туманѣ сахалинскіе мысы, направо тоже мысы... а кругомъ ни одной живой души,

*) *Мичманъ В. Витгефтъ:* „Два слова объ о-вѣ Сахалинѣ“. *Кронштадтскій Вѣстникъ* 1872 г., №№ 7, 17 и 34.

ни птицы, ни мухи, и кажется непонятнымъ, для кого здѣсь ревутъ волны, кто ихъ слушаетъ здѣсь по ночамъ, что имъ нужно и, наконецъ, для кого онѣ будутъ ревѣть, когда я уйду. Тутъ, на берегу, овладѣваютъ не мысли, а именно думы; жутко и, въ то же время, хочется безъ конца стоять, смотрѣть на однообразное движеніе волнъ и слушать ихъ грозный ревъ.

XIV.

Тарайка.—Вольные поселенцы.—Ихъ неудачи.—Айно, границы ихъ распространенія, численный составъ, наружность, пища, одежда, жилища, ихъ нравы.—Японцы.—Кусунъ-Котанъ.—Японское консульство.

Въ мѣстности, которая называется Тарайкою, на одномъ изъ самыхъ южныхъ притоковъ Поронная, впадающаго въ заливъ Терпѣнія, находится селеніе *Сиска*. Вся Тарайка причисляется къ южному округу, разумѣется, съ большою натяжкой, такъ какъ отъ нея до Корсаковска будетъ верстъ 400 и климатъ здѣсь отвратительный, хуже, чѣмъ въ Дуэ. Тотъ проектированный округъ, о которомъ я говорилъ въ X главѣ, будетъ называться Тарайкинскимъ и въ него войдутъ всѣ селенія по Поронною, въ томъ числѣ и Сиска, пока же здѣсь селятъ южанъ. Въ казенной вѣдомости показано жителей только 7: 6 м. и 1 ж. Въ Сискѣ я не былъ; но вотъ выдержка изъ чужого дневника: «Какъ селеніе, такъ и мѣстность самая безотрадная; прежде всего, отсутствіе хорошей воды, дровъ; жители пользуются изъ колодцевъ, въ кото-

рыхъ во время дождей вода красная, тундровая. Берегъ, гдѣ расположено селеніе, песчаный, вокругъ вездѣ тундра... Въ общемъ вся мѣстность производитъ тяжелое, удручающее впечатлѣніе» *).

Теперь, чтобы покончить съ Южнымъ Сахалиномъ, остается мнѣ сказать нѣсколько словъ еще о тѣхъ людяхъ, которые жили когда-либо здѣсь и теперь живутъ независимо отъ ссыльной колоніи. Начну съ попытокъ къ вольной колонизаціи. Въ 1868 г. одною изъ канцелярій Восточной Сибири было рѣшено поселить на югѣ Сахалина до 25 семействъ; при этомъ имѣлись въ виду крестьяне свободнаго состоянія, переселенцы, уже селившіеся по Амуру, но такъ неудачно, что устройство ихъ поселеній одинъ изъ авторовъ называетъ плачевнымъ, а ихъ самихъ горемыками. Это были хохлы, уроженцы Черниговской губ., которые раньше, до прихода на Амуръ, уже селились въ Тобольской губ., но тоже неудачно. Администрація, предлагавшая имъ переселиться на Сахалинъ, давала обѣщанія въ высшей степени заманчивыя. Обѣщали безвозмездно въ теченіе

*) Селеніе стоитъ на перепутьи; ѣдущіе зимою изъ Александровска въ Корсаковскъ или наоборотъ, непремѣнно останавливаются здѣсь. Въ 1869 г. около теперешняго, тогда японскаго селенія былъ построенъ станокъ. Жили здѣсь солдаты съ женами, а позднѣе и ссыльные. Въ теченіе зимы, весны и конца лѣта тутъ кипѣла бойкая ярмарочная жизнь. Зимою наѣзжали сюда тунгусы, якуты, амурскіе гиляки, которые вели торговлю съ южанами-инородцами, а весною и въ концѣ лѣта на джонкахъ приходили японцы для рыбныхъ промысловъ. Названіе станка—*Тихменевскій постъ*—сохранилось и до настоящаго времени.

двухъ лѣтъ довольствовать ихъ мукой и крупой, снабдить каждую семью заимообразно земледѣльческими орудіями, скотомъ, сѣменами и деньгами, съ уплатою долга черезъ пять лѣтъ, и освободить ихъ на 20 лѣтъ отъ податей и рекрутской повинности. Переселиться изъявили желаніе 10 амурскихъ семействъ и, кромѣ того, 11 семействъ изъ Балаганскаго уѣзда, Иркутской губ., всего 101 душа. Въ 1869 г., въ августѣ, ихъ отправили на транспортѣ *Манджуръ* въ Муравьевскій постъ, чтобы отсюда перевезти вокругъ Анивскаго мыса Охотскимъ моремъ въ постъ Найбучи, отъ котораго до Такойской долины, гдѣ предполагалось положить начало вольной колоніи, было только 30 верстъ. Но наступила уже осень, свободнаго судна не было, и тотъ же *Манджуръ* доставилъ ихъ вмѣстѣ съ ихъ скарбомъ въ Корсаковскій постъ, откуда они разсчитывали пробраться въ Такойскую долину сухимъ путемъ. Дороги тогда не было вовсе. Прапорщикъ Дьяконовъ, по выраженію Мицуля, «двинулся» съ 15 рядовыми дѣлать неширокую просѣку. Но двигался онъ, вѣроятно, очень медленно, потому что 16 семействъ не стали дожидаться окончанія просѣки и отправились въ Такойскую долину прямо черезъ тайгу на вьючныхъ волахъ и телѣгахъ; на пути выпалъ глубокій снѣгъ, и они должны были часть телѣгъ бросить, а часть положить на полозья. Прибывши въ долину 20 ноября, они немедленно стали строить себѣ бараки и землянки, чтобъ укрыться отъ холода. За недѣлю до Рож-

дества пришли остальныя 6 семействъ, но помѣститься имъ было негдѣ, строиться поздно, и они отправились искать пристанища въ Найбучи, оттуда въ Кусуннайскій постъ, гдѣ и перезимовали въ солдатскихъ казармахъ; весною же вернулись въ Такойскую долину.

«Но тутъ-то и начала сказываться вся неряшливость и неумѣлость чиновничества»,—пишетъ одинъ изъ авторовъ. Обѣщали разныхъ хозяйственныхъ предметовъ на 1,000 рублей и по 4 головы разнаго скота на каждую семью, но когда отправляли переселенцевъ на *Манджуръ* изъ Николаевска, то не было ни жерноновъ, ни рабочихъ воловъ, лошадямъ не нашлось мѣста на суднѣ, и сохи оказались безъ сошниковъ. Зимою сошники были привезены на собакахъ, но только 9 штукъ, и когда впослѣдствіи переселенцы обратились къ начальству за сошниками, то просьба ихъ «не обратила на себя должнаго вниманія». Быковъ прислали осенью 1869 г. въ Кусуннай, но изнуренныхъ, полуживыхъ, и въ Кусуннаѣ вовсе не было заготовлено сѣна, и изъ 41 околѣло за зиму 25 быковъ. Лошади остались зимовать въ Николаевскѣ, но такъ какъ кормы были дòроги, то ихъ продали съ аукціона, а на вырученныя деньги купили новыхъ въ Забайкальи, но эти лошади оказались хуже прежнихъ и крестьяне забраковали нѣсколькихъ. Сѣмена отличались дурною всхожестью, яровая рожь была перемѣшана въ мѣшкахъ съ озимою, такъ что хозяева потеряли скоро къ сѣменамъ всякое довѣріе и хотя и брали

ихъ изъ казны, но скармливали скоту или съѣдали сами. Такъ какъ жерноvовъ не было, то зеренъ не мололи, а только запаривали ихъ и ѣли, какъ кашу.

Послѣ ряда неурожаевъ, въ 1875 г. случилось наводненіе, которое окончательно отняло у переселенцевъ охоту заниматься на Сахалинѣ сельскимъ хозяйствомъ. Стали опять переселяться. На берегу Анивы, почти на полдорогѣ отъ Корсаковскаго поста къ Муравьевскому, въ такъ называемый Чибисани образовался выселокъ въ 20 дворовъ. Потомъ стали просить позволенія переселиться въ Южно-Уссурійскій край; ожидали они разрѣшенія, какъ особой милости, съ нетерпѣніемъ, десять лѣтъ, а пока кормились охотой на соболя и рыбною ловлей. Только лишь въ 1886 г. они отбыли въ Уссурійскій край. «Дома свои бросаютъ, — пишетъ корреспондентъ, — ѣдутъ съ весьма тощими карманами; берутъ коекакой скарбъ, да по одной лошади» (*Владивостокъ* 1886 г., № 22). Въ настоящее время между селеніями Большое и Малое Такоэ, нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги, находится пожарище; тутъ стояло когда-то вольное селеніе Воскресенское; избы, оставленныя хозяевами, были сожжены бродягами. Въ Чибисани же, говорятъ, до сихъ поръ еще сохранились въ цѣлости избы, часовня и даже домъ, въ которомъ помѣщалась школа. Я тамъ не былъ.

Изъ вольныхъ поселенцевъ осталось на островѣ только трое: Хомутовъ, о которомъ я уже упоминалъ, и двѣ женщины, родившіяся въ Чибисани. Про Хомутова гово-

рятъ, что онъ «шатается гдѣ-то» и живетъ, кажется, въ Муравьевскомъ посту. Его рѣдко видятъ. Онъ охотится на соболей и ловитъ въ бухтѣ Буссе осетровъ. Что касается женщинъ, то одна изъ нихъ, Софья, замужемъ за крестьяниномъ изъ ссыльныхъ Барановскимъ и живетъ въ Мицулькѣ, другая, Анисья, за поселенцемъ Леоновымъ, живетъ въ Третьей Пади. Хомутовъ скоро умретъ, Софья и Анисья уѣдутъ съ мужьями на материкъ, и такимъ образомъ о вольныхъ поселенцахъ скоро останется одно только воспоминаніе.

И такъ, вольную колонизацію на югѣ Сахалина слѣдуетъ признать неудавшеюся. Виноваты ли въ этомъ естественныя условія, которыя на первыхъ же порахъ встрѣтили крестьянъ такъ сурово и недружелюбно, или же все дѣло испортили неумѣлость и неряшливость чиновниковъ, рѣшить трудно, такъ какъ опытъ былъ непродолжителенъ, и, къ тому же, еще приходилось производить экспериментъ надъ людьми, повидимому, неусидчивыми, пріобрѣвшими въ своихъ долгихъ скитаніяхъ по Сибири вкусъ къ кочевой жизни. Трудно сказать, къ чему бы привелъ опытъ, еслибъ онъ былъ повторенъ *). Соб-

*) Этотъ опытъ касается одного только Сахалина, между тѣмъ, Д. Г. Тальбергъ, въ своемъ очеркѣ *Ссылка на Сахалинъ* (*Вѣстникъ Европы* 1879 г., V), придаетъ ему общее значеніе и, говоря по поводу его вообще о нашей неспособности къ колонизаціи, приходитъ даже къ такому выводу: „не пора ли намъ отказаться отъ всякихъ колонизаціонныхъ попытокъ на Востокѣ?“ Въ своемъ примѣчаніи къ статьѣ проф. Тальберга редакція *Вѣстника Европы* говоритъ, что „мы едва ли найдемъ

ственно для ссыльной колоніи неудавшійся опытъ пока можетъ быть поучителенъ въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, вольные поселенцы сельскимъ хозяйствомъ занимались не долго и въ послѣднія десять лѣтъ до переѣзда на материкъ промышляли только рыбною ловлей и охотой; и въ настоящее время Хомутовъ, несмотря на свой преклонный возрастъ, находитъ для себя болѣе подходящимъ и выгоднымъ ловить осетровъ и стрѣлять соболей, чѣмъ сѣять пшеницу и сажать капусту; во-вторыхъ, удержать на югѣ Сахалина свободнаго человѣка, когда ему изо дня въ день толкуютъ, что только въ двухъ дняхъ пути отъ

другой примѣръ колонизаторскихъ способностей, какія представилъ русскій народъ въ своемъ прошедшемъ, когда онъ овладѣвалъ всѣмъ европейскимъ Востокомъ и Сибирью", и при этомъ почтенная редакція ссылается на трудъ покойнаго проф. Ешевскаго, который представилъ „изумительную картину русской колонизаціи".

Въ 1869 г. нѣкій промышленникъ привезъ на югъ Сахалина съ острова Кадьяка 20 алеутовъ обоего пола для охоты на звѣря. Ихъ поселили около Муравьевскаго поста и выдавали имъ провизію. Но они ровно ничего не дѣлали, а только ѣли и пили, и черезъ годъ промышленникъ увезъ ихъ на одинъ изъ Курильскихъ острововъ. Приблизительно въ то же самое время въ Корсаковскомъ посту поселили двухъ китайцевъ, политическихъ изгнанниковъ. Такъ какъ они выразили желаніе заниматься сельскимъ хозяйствомъ, то генералъ-губернаторъ Восточной Сибири приказалъ выдать каждому изъ нихъ шесть быковъ, лошадь, корову, сѣмена для посѣва и продовольствіе на два года. Но ничего этого они не получили, по неимѣнію будто бы свободныхъ запасовъ, и, въ концѣ-концовъ, ихъ отправили на материкъ. Къ вольнымъ колонизаторамъ, тоже неудачнымъ, пожалуй, можно отнести также и николаевскаго мѣщанина Семенова, маленькаго, тощенькаго человѣка, лѣтъ 40, который бродитъ въ настоящее время по всему югу и старается отыскать золото.

Корсаковска находится теплый и богатый Южно-Уссурійскій край,—удержать свободнаго человѣка, если, къ тому же, онъ здоровъ и полонъ жизни, невозможно.

Коренное населеніе Южнаго Сахалина, здѣшніе инородцы, на вопросъ, кто они, не называютъ ни племени, ни націи, а отвѣчаютъ просто: *айно*. Это значитъ — человѣкъ. Въ этнографической картѣ Шренка площадь распространенія айно, или айну, обозначена желтою краской, и эта краска сплошь покрываетъ японскій островъ Матсмай и южную часть Сахалина до залива Терпѣнія. Живутъ они также еще на Курильскихъ островахъ и называются поэтому у русскихъ курилами. Численный составъ айно, живущихъ на Сахалинѣ, не опредѣленъ точно, но не подлежитъ сомнѣнію, все-таки, что племя это исчезаетъ, и, притомъ, съ необыкновенною быстротой. Врачъ Добротворскій, 25 лѣтъ назадъ служившій на Южн. Сахалинѣ *), говоритъ, что было время, когда около одной лишь бухты Буссе было 8 большихъ аинскихъ селеній и число жителей въ одномъ изъ нихъ доходило до 200; около Найбы онъ видѣлъ слѣды многихъ селеній. Для своего времени онъ гадательно приводитъ три цифры, взятыя изъ разныхъ источниковъ: 2885, 2418 и 2050, и послѣднюю считаетъ наиболѣе

*) Послѣ него остались двѣ серьезныя работы: *Южная часть острова Сахалина* (извлеченіе изъ военно-медицинскаго отчета). Изд. сиб. отд. Имп. рус. геогр. общества 1870 г., т. I, №№ 2 и 3, и *Аинско-русскій словарь*.

достовѣрной; по свидѣтельству одного автора, его современника, отъ Корсаковскаго поста въ обѣ стороны по берегу шли аинскія селенія. Я же около поста не засталъ уже ни одного селенія и видѣлъ нѣсколько аинскихъ юртъ только около Большого Такоэ и Сіанцы. Въ *Вѣдомости о числѣ проживающихъ инородцевъ за 1889 г. по Корсаковскому округу* численный составъ айно опредѣляется такъ: 581 мужчинъ и 569 женщинъ.

Причинами исчезанія айно Добротворскій считаетъ опустошительныя войны, будто бы происходившія когда-то на Сахалинѣ, незначительную рождаемость вслѣдствіе неплодовитости аинокъ, а главное болѣзни. У нихъ всегда наблюдались сифилисъ, цынга, бывала, вѣроятно, и оспа *).

Но всѣ эти причины, обусловливающія обыкновенно хроническое вымираніе инородцевъ, не даютъ объясненія, почему айно изчезаютъ такъ быстро, почти на нашихъ глазахъ; вѣдь, въ послѣднія 25—30 лѣтъ не было ни войнъ, ни значительныхъ эпидемій, а, между тѣмъ, въ этотъ промежутокъ времени племя уменьшилось больше, чѣмъ на половину. Мнѣ кажется, вѣрнѣе будетъ предпо-

*) Трудно предположить, чтобы эта болѣзнь, производившая опустошенія на Сѣв. Сахалинѣ и Курильскихъ островахъ, щадила бы Южн. Сахалинъ. А. Полонскій пишетъ, что юрту, въ которой случился покойникъ, айно оставляютъ и, вмѣсто нея, строютъ другую на новомъ мѣстѣ. Такой обычай, очевидно, произошелъ въ тѣ времена, когда айно въ страхѣ передъ эпидеміями покидали свои зараженныя жилища и селились на новыхъ мѣстахъ.

ложить, что это быстрое исчезаніе, похожее на таяніе, происходитъ не отъ одного вымиранія, но также и отъ переселенія айно на сосѣдніе острова.

До занятія Южнаго Сахалина русскими, айно находились у японцевъ почти въ крѣпостной зависимости, и поработить ихъ было тѣмъ легче, что они кротки, безотвѣтны, а, главное, были голодны и не могли обходиться безъ рису *).

Занявши Южный Сахалинъ, русскіе освободили ихъ и до послѣдняго времени охраняли ихъ свободу, защищая отъ обидъ и избѣгая вмѣшиваться въ ихъ внутреннюю жизнь. Бѣглые каторжники въ 1884 году перерѣзали нѣсколько аинскихъ семействъ; разсказываютъ также, будто былъ высѣченъ розгами какой-то аинецъ-каюръ, который отказывался везти почту, и бывали покушенія на цѣломудріе аинокъ, но о подобнаго рода притѣсненіяхъ и обидахъ говорятъ какъ объ отдѣльныхъ и въ высшей степени рѣдкихъ случаяхъ. Къ сожалѣнію, русскіе вмѣстѣ со свободой не принесли рису; съ уходомъ японцевъ никто уже не ловилъ рыбы, заработки прекратились и айно стали испытывать голодъ. Кормиться, подобно гилякамъ, одною рыбой и мясомъ они уже не могли,—нуженъ былъ рисъ, и вотъ, несмотря на свое нерасположеніе къ японцамъ, побуждаемые голо-

*) Римскому-Корсакову айно говорили: „Сизамъ спитъ, а айно работаетъ для него: рубитъ лѣсъ, ловитъ рыбу; айно не хочетъ работать—сизамъ его колотитъ“.

домъ, начали они, какъ говорятъ, выселяться на Матсмай. Въ одной корреспонденціи (*Голосъ* 1876 г., № 16) я прочелъ, будто бы депутація отъ айно приходила въ Корсаковскій постъ и просила дать работы, или, по крайней мѣрѣ, сѣмянъ для разводки картофеля и научить ихъ воздѣлывать подъ картофель землю; въ работѣ будто бы было отказано и сѣмена картофеля обѣщали прислать, но обѣщанія не исполнили, и айно, бѣдствуя, продолжали переселяться на Матсмай. Въ другой корреспонденціи, относящейся къ 1885 г. (*Владивостокъ*, № 28), говорится тоже, что айно дѣлали какія-то заявленія, которыя, повидимому, не были уважены, и что они сильно желаютъ выбраться съ Сахалина на Матсмай.

Айно смуглы, какъ цыгане; у нихъ большія окладистыя бороды, усы и черные волосы, густые и жесткіе; глаза у нихъ темные, выразительные, кроткіе. Роста они средняго и сложенія крѣпкаго, коренастаго, черты лица крупны, грубоваты, но въ нихъ, по выраженію моряка В. Римскаго-Корсакова, нѣтъ ни монгольской приплющины, ни китайскаго узкоглазія. Находятъ, что бородатые айно очень похожи на русскихъ мужиковъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда айно надѣваетъ свой халатъ, вродѣ нашей чуйки, и подпоясывается, то становится похожимъ на купеческаго кучера *).

*) Въ книгѣ Шренка, о которой я уже говорилъ, есть таблица съ изображеніемъ айно. См. также книгу *Фр. Гельвальда*: „Естественная исторія племенъ и народовъ", т. II, гдѣ айно изображенъ во весь ростъ, въ халатѣ.

Тѣло айно покрыто темными волосами, которые на груди иногда ростутъ густо, пучками, но до мохнатости еще далеко, между тѣмъ, борода и волосатость, составляющая такую рѣдкость у дикарей, поражали путешественниковъ, которые по возвращеніи домой описывали айно, какъ мохнатыхъ. И наши козаки, въ прошломъ столѣтіи бравшіе съ нихъ ясакъ на Курильскихъ островахъ, тоже называли ихъ мохнатыми.

Айно живутъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ народами, у которыхъ растительность на лицѣ отличается скудостью, и немудрено поэтому, что ихъ широкія бороды ставятъ этнографовъ въ не малое затрудненіе; наука до сихъ поръ еще не отыскала для айно настоящаго мѣста въ расовой системѣ. Айно относятъ то къ монгольскому, то къ кавказскому племени; одинъ англичанинъ нашелъ даже, что это потомки евреевъ, заброшенныхъ во времена оны на японскіе острова. Въ настоящее время наиболѣе вѣроятными представляются два мнѣнія: одно, что айно принадлежатъ къ особой расѣ, населявшей нѣкогда всѣ восточно-азіатскіе острова, другое же, принадлежащее нашему Шренку, что это народъ палэазіатскій, издавна вытѣсненный монгольскими племенами съ материка Азіи на его островную окраину, и что путь этого народа изъ Азіи на острова лежалъ черезъ Корею. Во всякомъ случаѣ, айно двигались съ юга на сѣверъ, изъ тепла въ холодъ, мѣняя постоянно лучшія условія на худшія. Они не воинственны, не терпятъ насилія; покорять, порабощать

или вытѣснять ихъ было не трудно. Изъ Азіи ихъ вытѣснили монголы, изъ Ниппона и Матсмая—японцы, на Сахалинѣ гиляки не пустили ихъ выше Тарайки, на Курильскихъ островахъ они встрѣтились съ козаками и, такимъ образомъ, въ концѣ-концовъ, очутились въ положеніи безвыходномъ. Въ настоящее время айно, обыкновенно безъ шапки, босой и въ портахъ, подсученныхъ выше колѣнъ, встрѣчаясь съ вами по дорогѣ, дѣлаетъ вамъ реверансъ и при этомъ взглядываетъ ласково, но грустно и болѣзненно, какъ неудачникъ, и какъ будто хочетъ извиниться, что борода у него выросла большая, а онъ все еще не сдѣлалъ себѣ карьеры.

Подробности объ айно см. у Шренка, Добротворскаго и А. Полонскаго *). То, что было сказано о пищѣ и одеждѣ у гиляковъ, относится и къ айно, съ тою лишь прибавкой, что недостатокъ риса, любовь къ которому айно унаслѣдовали отъ прадѣдовъ, жившихъ когда-то на южныхъ островахъ, составляетъ для нихъ серьезное лишеніе; русскаго хлѣба они не любятъ. Пища у нихъ отличается бо̀льшимъ разнообразіемъ, чѣмъ у гиляковъ; кромѣ мяса и рыбы, они ѣдятъ разныя растенія, молюсковъ и то, что итальянскіе нищіе называютъ вообще frutti di mare. Ѣдятъ они понемногу, но часто, почти каждый часъ; прожорливости, свойственной всѣмъ сѣвернымъ дикарямъ, у нихъ не замѣчается. Такъ какъ груднымъ

*) Изслѣдованіе А. Полонскаго *Курилы* напечатано въ *Запискахъ Имп. Русск. Геогр. Общества* 1871 г., томъ IV.

дѣтямъ приходится съ молока переходить прямо на рыбу и китовый жиръ, то ихъ отнимаютъ отъ груди поздно. Римскій-Корсаковъ видѣлъ, какъ аинку сосалъ ребенокъ лѣтъ трехъ, который отлично уже двигался самъ и даже имѣлъ на ременномъ поясѣ ножикъ, какъ большой. На одеждѣ и жилищахъ чувствуется сильное вліяніе юга,—не сахалинскаго, а настоящаго юга. Лѣтомъ айно ходятъ въ рубахахъ, сотканныхъ изъ травы или луба, а раньше, когда были не такъ бѣдны, носили шелковые халаты. Шапокъ они не носятъ, лѣто и всю осень до снѣга ходятъ босикомъ. Въ юртахъ у нихъ дымно и смрадно, но, все-таки, гораздо свѣтлѣе, опрятнѣе и, такъ сказать, культурнѣе, чѣмъ у гиляковъ. Около юртъ обыкновенно стоятъ сушильни съ рыбой, распространяющей далеко вокругъ промозглый, удушливый запахъ; воютъ и грызутся собаки; тутъ же иногда можно увидѣть небольшой срубъ-клѣтку, въ которомъ сидитъ молодой медвѣдь: его убьютъ и съѣдятъ зимой на такъ называемомъ медвѣжьемъ праздникѣ; я видѣлъ однажды утромъ, какъ аинская дѣвочка-подростокъ кормила медвѣдя, просовывая ему на лопаточкѣ сушеную рыбу, смоченную въ водѣ. Сами юрты сложены изъ накатника и тесу; крыша, изъ тонкихъ жердей, покрыта сухою травой. Внутри у стѣнъ тянутся нары, выше ихъ полки съ разной утварью; тутъ, кромѣ шкуръ, пузырей съ жиромъ, сѣтей, посуды и проч., вы найдете корзины, циновки и даже музыкальный инструментъ. На нарѣ обыквенно сидитъ хозяинъ и, не переставая, ку-

ритъ трубочку, и если вы задаете ему вопросы, то отвѣчаетъ неохотно и коротко, хотя и вѣжливо. Посреди юрты стоитъ очагъ, на которомъ горятъ дрова; дымъ уходитъ черезъ отверстіе въ крышѣ. Надъ огнемъ виситъ на крюкѣ большой черный котелъ; въ немъ кипитъ уха, сѣрая, пѣнистая, которую, я думаю, европеецъ не сталъ бы ѣсть ни за какія деньги. Около котла сидятъ чудовища. Насколько солидны и благообразны айно-мужчины, настолько непривлекательны ихъ жены и матери. Наружность аинскихъ женщинъ авторы называютъ безобразной и даже отвратительной. Цвѣтъ смугло-желтый, пергаментный, глаза узкіе, черты крупныя, невьющіеся жесткіе волосы висятъ черезъ лицо пàтлами, точно солома на старомъ сараѣ, платье неопрятное, безобразное, и при всемъ томъ—необыкновенная худощавость и старческое выраженіе. Замужнія красятъ себѣ губы во чтото синее и отъ этого лица ихъ совершенно утрачиваютъ образъ и подобіе человѣческіе, и когда мнѣ приходилось видѣть ихъ и наблюдать ту серьезность, почти суровость, съ какою онѣ мѣшаютъ ложками въ котлахъ и снимаютъ грязную пѣну, то мнѣ казалось, что я вижу настоящихъ вѣдьмъ. Но дѣвочки и дѣвушки не производятъ такого отталкивающаго впечатлѣнія *).

*) Н. В. Буссе, рѣдко отзывавшійся о комъ-нибудь милостиво, между прочимъ, такъ аттестуетъ аинокъ: „Вечеромъ пришелъ ко мнѣ пьяный аинъ, извѣстный мнѣ, какъ большой пьяница. Онъ привелъ съ собою свою жену, и, сколько я могъ понять, съ цѣлью пожертвовать вѣр-

Айно никогда не умываются, ложатся спать не раздѣваясь.

Почти всѣ, писавшіе объ айно, отзывались объ ихъ нравахъ съ самой хорошей стороны. Общій голосъ таковъ, что это народъ кроткій, скромный, добродушный, довѣрчивый, сообщительный, вѣжливый, уважающій собственность, на охотѣ смѣлый и, по выраженію д-ра Rollen'а, спутника Лаперуза, даже интеллигентный. Безкорыстіе, откровенность, вѣра въ дружбу и щедрость составляютъ ихъ обычныя качества. Они правдивы и не терпятъ обмановъ. Крузенштернъ пришелъ отъ нихъ въ совершенный восторгъ; перечисливъ ихъ прекрасныя душевныя качества, онъ заключаетъ: «Такія подлинно рѣдкія качества, коими обязаны они не возвышенному обра-

ностью ея супружескому ложу и тѣмъ выманить у меня хорошіе подарки. Аинка, довольно красивая собою, казалось, готова была помочь своему мужу, но я подавалъ видъ, что не понимаю ихъ объясненій... Выйдя изъ дому моего, мужъ и жена безъ церемоніи передъ моимъ окошкомъ и въ виду часоваго отдали долгъ природѣ. Вообще аинка эта не показывала большого женскаго стыда. Груди ея почти не были закрыты ничѣмъ. Аинки носятъ такое же платье, какъ и мужчины, т.-е. нѣсколько распашныхъ короткихъ халатовъ, низко перепоясанныхъ кушакомъ. Рубашекъ и нижняго платья онѣ не имѣютъ и потому малѣйшій безпорядокъ въ ихъ платьѣ выказываетъ всѣ скрытыя прелести". Но даже и этотъ суровый авторъ признается, что „между молодыми дѣвушками были нѣкоторыя довольно хорошенькія, съ пріятными и мягкими чертами лица и съ пылкими черными глазами". Какъ бы то ни было, аинка сильно отстала въ физическомъ развитіи; она старится и блекнетъ раньше мужчины. Быть можетъ, это слѣдуетъ приписать тому, что во время вѣковыхъ скитаній народа львиная доля лишеній, тяжкаго труда и слезъ выпала женщинѣ.

зованію, но одной только природѣ, возбудили во мнѣ то чувствованіе, что я народъ сей почитаю лучшимъ изъ всѣхъ прочихъ, которые донынѣ мнѣ извѣстны» *). А Рудановскій пишетъ: «Болѣе мирнаго и скромнаго населенія, какое мы встрѣтили въ южной части Сахалина, быть не можетъ». Всякое насиліе возбуждаетъ въ нихъ отвращеніе и ужасъ. А. Полонскій разсказываетъ слѣдующій печальный эпизодъ, почерпнутый имъ изъ архивовъ. Дѣло происходило давно, въ прошломъ столѣтіи. Козацкому сотнику Черному, приводившему курильскихъ айно въ русское подданство, вздумалось наказать нѣкоторыхъ розгами: «При одномъ видѣ приготовленій къ наказанію айно пришли въ ужасъ, а когда двумъ женщинамъ стали вязать руки назадъ, чтобы удобнѣе расправиться съ ними, нѣкоторые изъ айно убѣжали на неприступный утесъ, а одинъ айно съ 20 женщинами и дѣтьми ушелъ на байдарѣ въ море... Не успѣвшихъ убѣжать женщинъ высѣкли, а мужчинъ шесть человѣкъ взяли съ собою на байдары, а чтобы воспрепятствовать побѣгу, имъ связали руки назадъ, но такъ не милости-

*) Вотъ эти качества: „При посѣщеніи нашемъ одного аинскаго жилища на берегу зал. Румянцева, примѣтилъ я въ семействѣ онаго, состоявшемъ изъ 10 человѣкъ, счастливѣйшее согласіе, или, почти можно сказать, совершенное между сочленами его равенство. Находившись нѣсколько часовъ въ ономъ, не могли мы никакъ узнать главы семейства. Старѣйшіе не изъявляли противъ молодыхъ никакихъ знаковъ повелительства. При одѣленіи ихъ подарками не показалъ никто ни малѣйшаго вида неудовольствія, что ему досталось меньше, нежели другому. Наперерывъ оказывали намъ всякаго рода услуги“.

во, что одинъ изъ нихъ умеръ. Когда его распухшаго и какъ будто съ обваренными руками бросили съ камнемъ въ море, Черный въ назиданіе прочимъ его товарищамъ проговорилъ: «У насъ по-русски такъ водится».

Въ заключеніе нѣсколько словъ объ японцахъ, играющихъ такую видную роль въ исторіи Южнаго Сахалина. Извѣстно, что южная треть Сахалина принадлежитъ безусловно Россіи лишь съ 1875 года, раньше же ее относили къ японскимъ владѣніямъ. Въ *Руководствѣ къ практической навигаціи и мореходной астрономіи* кн. Е. Голицына 1854 г.,—въ книгѣ, которою моряки пользуются до сегодня, — къ Японіи отнесенъ даже Сѣверный Сахалинъ съ мысами Маріи и Елизаветы. Многіе, въ томъ числѣ Невельской, сомнѣвались, что Южный Сахалинъ принадлежалъ Японіи, да и сами японцы, повидимому, не были увѣрены въ этомъ до тѣхъ поръ, пока русскіе страннымъ поведеніемъ не внушили имъ, что Южный Сахалинъ въ самомъ дѣлѣ японская земля. Впервые японцы появились на югѣ Сахалина лишь въ началѣ этого столѣтія, но не раньше. Въ 1853 г. Н. В. Буссе записалъ свой разговоръ со стариками айно, которые помнили время независимости своей и говорили: «Сахалинъ — земля аиновъ, японской земли на Сахалинѣ нѣтъ». Въ 1806 г., въ годъ подвиговъ Хвостова, на берегу Анивы было только одно японское селеніе и постройки въ немъ всѣ были изъ новыхъ досокъ, такъ что было очевидно, что японцы поселились тутъ очень не-

давно. Крузенштернъ былъ въ Анивѣ въ апрѣлѣ, когда шла сельдь и отъ необычайнаго множества рыбы, китовъ и тюленей вода, казалось, кипѣла, между тѣмъ, сѣтей и неводовъ у японцевъ не было и они черпали рыбу ведрами, и, значитъ, о богатыхъ рыбныхъ ловляхъ, которыя были поставлены на такую широкую ногу впослѣдствіи, тогда и помину не было. По всей вѣроятности, эти первые японскіе колонисты были бѣглые преступники, или же побывавшіе на чужой землѣ и за это изгнанные изъ отечества.

Въ началѣ же этого столѣтія впервые обратила вниманіе на Сахалинъ и наша дипломатія. Посолъ Резановъ, уполномоченный заключить торговый союзъ съ Японіей, долженъ былъ также еще «пріобрѣсти островъ Сахалинъ, независимый ни отъ китайцевъ, ни отъ японцевъ». Велъ онъ себя крайне безтактно. «Въ разсужденіи нетерпимости японцами христіанской вѣры», онъ запретилъ экипажу креститься и приказалъ отобрать у всѣхъ безъ изъятія кресты, образа, молитвенники и «все, что только изображаетъ христіанство и имѣетъ на себѣ крестное знаменіе». Если вѣрить Крузенштерну, то Резанову на аудіенціи было отказано даже въ стулѣ, не позволили ему имѣть при себѣ шпагу и «въ разсужденіи нетерпимости» онъ былъ даже безъ обуви. И это — посолъ, русскій вельможа! Кажется, трудно меньше проявить достоинства. Потерпѣвши полное фіаско, Резановъ захотѣлъ мстить японцамъ. Онъ приказалъ морскому

офицеру Хвостову попугать сахалинскихъ японцевъ, и приказъ этотъ былъ отданъ не совсѣмъ въ обычномъ порядкѣ, какъ-то криво: въ запечатанномъ конвертѣ, съ непремѣннымъ условіемъ вскрыть и прочитать лишь по прибытіи на мѣсто *).

И такъ, Резановъ и Хвостовъ первые признали, что Южный Сахалинъ принадлежитъ японцамъ. Но японцы не заняли своихъ новыхъ владѣній, а лишь послали землемѣра Маміа-Ринзо изслѣдовать, что это за островъ. Вообще, во всей этой сахалинской исторіи японцы, люди ловкіе, подвижные и хитрые, вели себя какъ-то нерѣшительно и вяло, что можно объяснить только тѣмъ, что у нихъ было такъ же мало увѣренности въ своемъ правѣ, какъ и у русскихъ.

Повидимому, у японцевъ послѣ того, какъ они познакомились съ островомъ, возникла мысль о колоніи, быть можетъ, даже сельско-хозяйственной, но попытки въ этомъ направленіи, если онѣ были, могли повести толь-

*) Хвостовъ разгромилъ на берегу Анивы японскіе дома и сараи и наградилъ одного аинскаго старшину серебряною медалью на владимірской лентѣ. Этотъ разбой сильно встревожилъ японское правительство и заставилъ его быть на-сторожѣ. Нѣсколько позднѣе на Курильскихъ островахъ былъ взятъ въ плѣнъ капитанъ Головинъ и его спутники, точно въ военное время. Когда потомъ матсмайскій губернаторъ отпускалъ плѣнныхъ, то торжественно объявилъ имъ: „Всѣ вы по причинѣ грабительства Хвостова были взяты, а теперь отъ охотскаго начальства прислано объясненіе, что грабительства Хвостова были только разбойничьи поступки. Это ясно и потому о возвращеніи вашемъ объявляю“.

ко къ разочарованію, такъ какъ работники изъ японцевъ, по словамъ инж. Лопатина, переносили съ трудомъ или вовсе не могли выносить зимы. На Сахалинъ пріѣзжали только японскіе промышленники, рѣдко съ женами, жили здѣсь, какъ на бивуакахъ, и зимовать оставалась только небольшая часть, нѣсколько десятковъ, остальные же возвращались на джонкахъ домой; они ничего не сѣяли, не держали огородовъ и рогатаго скота, а все необходимое для жизни привозили съ собой изъ Японіи. Единственное, что привлекало ихъ на Южн. Сахалинъ, была рыба; она приносила имъ большой доходъ, такъ какъ ловилась въ изобиліи, и айно, на которыхъ лежала вся тяжесть труда, обходились имъ почти даромъ. Доходъ съ промысловъ простирался сначала до 50, а потомъ до 300 тыс. рублей ежегодно, и немудрено поэтому, что хозяева-японцы носили по семи шелковыхъ халатовъ. Въ первое время японцы имѣли свои факторіи только на берегу Анивы и въ Маукѣ, и главный ихъ пунктъ находился въ пади Кусунъ-Котанъ, гдѣ теперь живетъ японскій консулъ *). Позднѣе они прорубили просѣку отъ Анивы до Такойской долины; тутъ около нынѣшняго Галкина-Враскаго находились у нихъ магазины; просѣка не заросла до настоящаго времени и называется японской. Доходили японцы и до Тарайки, гдѣ

*) Подробности у Венюкова: *Общій обзоръ постепеннаго расширенія русскихъ предѣловъ Азіи и способовъ обороны ихъ. Первый участокъ: островъ Сахалинъ. Военный Сборникъ* 1872 г., № 3.

ловили періодическую рыбу въ Пороннаѣ и основали селеніе Сиску. Суда ихъ доходили даже до Ныйскаго залива; то судно съ красивою оснасткой, которое Поляковъ засталъ въ 1881 году въ Тро, было японское.

Сахалинъ интересовалъ японцевъ исключительно только съ экономической стороны, какъ американцевъ Тюлепій островъ. Послѣ же того, какъ въ 1853 году русскіе основали Муравьевскій постъ, японцы стали проявлять и политическую дѣятельность. Соображеніе, что они могутъ потерять хорошіе доходы и даровыхъ рабочихъ, заставило ихъ внимательно слѣдить за русскими, и они уже старались усилить свое вліяніе на островѣ въ противовѣсъ русскому вліянію. Но опять-таки, вѣроятно, за отсутствіемъ увѣренности въ своемъ правѣ, эта борьба съ русскими была нерѣшительна до смѣшного и японцы держали себя, какъ дѣти. Они ограничивались только тѣмъ, что распускали среди айно сплетни про русскихъ и хвастали, что они перерѣжутъ всѣхъ русскихъ, и стоило русскимъ въ какой-нибудь мѣстности основать постъ, какъ въ скорости въ той же мѣстности, но только на другомъ берегу рѣчки, появлялся японскій пикетъ, и, при всемъ своемъ желаніи казаться страшными, японцы, все-таки, оставались мирными и милыми людьми: посылали русскимъ солдатамъ осетровъ и когда тѣ обращались къ нимъ за неводомъ, то они охотно исполняли просьбу.

Въ 1867 г. заключенъ былъ договоръ, по которому

Сахалинъ сталъ принадлежать обоимъ государствамъ на правѣ общаго владѣнія; русскіе и японцы признали другъ за другомъ одинаковое право распоряжаться на островѣ, — значитъ, ни тѣ, ни другіе не считали островъ своимъ *). По трактату же 1875 г. Сахалинъ окончательно вошелъ въ составъ Россійской имперіи, а Японія получила въ вознагражденіе всѣ наши Курильскіе острова **).

Рядомъ съ падью, въ которой находится Корсаковскій постъ, есть еще падь, сохранившая свое названіе съ того времени, когда здѣсь было японское селеніе, Кусунъ-Котанъ. Отъ японскихъ построекъ не уцѣлѣло здѣсь ни одной; есть, впрочемъ, лавочка, въ которой торгуетъ японская семья бакалейными и мелочными товарами, —

*) Вѣроятно, по желанію японцевъ, чтобы порабощеніе айно происходило на законномъ основаніи, въ договоръ былъ включенъ, между прочимъ, рискованный пунктъ, по которому инородцы, буде они войдутъ въ долги, могутъ производить уплату ихъ работою или какою другою услугой. А, между тѣмъ, на Сахалинѣ не было ни одного айно, котораго японцы не считали бы своимъ должникомъ.

**) Невельской настойчиво признавалъ Сахалинъ русскимъ владѣніемъ по праву занятія его нашими тунгусами въ XVII столѣтіи, первоначальнаго его описанія въ 1742 г. и занятія южной части его въ 1806 г. русскими. Русскими тунгусами считалъ онъ орочей, съ чѣмъ этнографы не согласны, первоначальное описаніе Сахалина сдѣлано не рускими, а голландцами, что же касается занятія его въ 1806 г., то первоначальность тутъ опровергается фактами. Несомнѣнно, что право перваго изслѣдованія принадлежитъ японцамъ, и японцы первые заняли Южный Сахалинъ. Но, все-таки, въ своей щедрости мы, кажется, хватили черезъ край; можно было бы „изъ уваженія“, какъ говорятъ мужики, отдать японцамъ пять-шесть Курильскихъ островов, ближайшихъ къ Японіи, а мы отдали 22 острова, которые, если вѣрить японцамъ, приносятъ имъ теперь милліонъ ежегоднаго дохода.

я покупалъ тутъ жесткія японскія груши,—но эта лавочка уже позднѣйшаго происхожденія. Въ пади на самомъ видномъ мѣстѣ стоитъ бѣлый домъ, на которомъ иногда развѣвается флагъ—красный кругъ на бѣломъ фонѣ. Это японское консульство.

Какъ-то утромъ, когда дулъ нордъ-остъ, а въ квартирѣ моей было такъ холодно, что я кутался въ одѣяло, ко мнѣ пришли съ визитомъ японскій консулъ г. Кузе и его секретарь г. Сугіама. Первымъ долгомъ я сталъ извиняться, что у меня очень холодно.

— О, нѣтъ, — отвѣчали мои гости,—у васъ чрезвычайно тепло!

И они на лицахъ и въ тонѣ голоса старались показать, что у меня не только очень тепло, но даже жарко, и что моя квартира—во всѣхъ отношеніяхъ рай земной. Оба они кровные японцы съ монгольскимъ типомъ лица, средняго роста. Консулу около сорока лѣтъ, бороды у него нѣтъ, усы едва замѣтны, сложенія онъ плотнаго; секретарь же лѣтъ на десять моложе, носитъ синія очки, по всѣмъ видимостямъ, фтизикъ—жертва сахалинскаго климата. Есть еще другой секретарь, г. Сузуки; онъ ниже средняго роста, у него большіе усы, концы которыхъ опущены книзу, на китайскій манеръ, глаза узкіе, косые,—съ японской точки зрѣнія неотразимый красавецъ. Какъ то, разсказывая про одного японскаго министра, г. Кузе выразился такъ: «Онъ красивый и мужественный, какъ Сузуки». Внѣ дома они ходятъ въ европейскомъ платьѣ,

говорятъ по-русски очень хорошо; бывая въ консульствѣ, я нерѣдко заставалъ ихъ за русскими или французскими книжками; книгъ у нихъ полонъ шкафъ. Люди они европейски-образованные, изысканно вѣжливые, деликатные и радушные. Для здѣшнихъ чиновниковъ японское консульство—хорошій, теплый уголъ, гдѣ можно забыться отъ тюрьмы, каторги и служебныхъ дрязгъ и, стало быть, отдохнуть.

Консулъ служитъ посредникомъ между японцами, пріѣзжающими на промыслы, и мѣстною администраціей. Въ высокоторжественные дни онъ и его секретари, въ полной парадной формѣ, изъ пади Кусунъ-Котанъ идутъ въ постъ къ начальнику округа и поздравляютъ его съ праздникомъ; г. Бѣлый платитъ имъ тѣмъ же: ежегодно перваго декабря онъ со своими сослуживцами отправляется въ Кусунъ-Котанъ и поздравляетъ тамъ консула съ днемъ рожденія японскаго императора. При этомъ пьютъ шампанское. Когда консулъ бываетъ на военныхъ судахъ, то ему салютуютъ семь разъ. Случилось, что при мнѣ были получены ордена, Анна и Станиславъ третьей степени, пожалованные гг. Кузе и Сузуки. Г. Бѣлый, майоръ Ш. и секретарь полицейскаго управленія г. Ф., въ мундирахъ, торжественные, отправились въ Кусунъ-Котанъ вручать ордена; и я поѣхалъ съ ними. Японцы были очень тронуты и орденами, и торжественностью, до которой они такіе охотники; подали шампанское. Г. Сузуки не скрывалъ своего восторга и огляды-

валъ орденъ со всѣхъ сторонъ блестящими глазами, какъ ребенокъ игрушку; на его «красивомъ и мужественномъ» лицѣ я читалъ борьбу: ему хотѣлось поскорѣе побѣжать къ себѣ и показать орденъ своей молоденькой женѣ (онъ недавно женился) и, въ то же время, вѣжливость требовала, чтобы онъ оставался съ гостями *).

Кончивши обзоръ населенныхъ мѣстъ Сахалина, перехожу теперь къ частностямъ, важнымъ и неважнымъ, изъ которыхъ въ настоящее время слагается жизнь колоніи.

*) Отношенія у мѣстной администраціи и японцевъ великолѣпныя, какія и быть должны. Помимо взаимнаго угощенія шампанскимъ въ торжественныхъ случаяхъ, обѣ стороны находятъ и другія средства для поддержанія этихъ отношеній. Привожу дословно одну изъ бумагъ, полученныхъ отъ консула: „Господину Начальнику Корсаковскаго округа. На отношеніе отъ 16 августа сего года за № 741 мною сдѣлано распоряженіе о раздачѣ присланныхъ вами для довольствія потерпѣвшихъ крушеніе на бригѣ и джонкѣ четырехъ бочекъ соленой рыбы и пять кульковъ соли. При томъ я, по имени оныхъ бѣдныхъ, имѣю честь выразить вамъ, милостивый государь, весьма искреннюю признательность о вашихъ сочувствіи и пожертвованіи дружественной вашей сосѣдней націи вещами, которыя здѣсь для нихъ столь важны, объ этомъ я вполнѣ увѣренъ, что всегда остаются въ нихъ доброй памяти. Консулъ Японской имперіи Кузе“. Кстати, это письмо можетъ дать понятіе о тѣхъ успѣхахъ, какіе дѣлаютъ въ короткое время молодые японскіе секретари при изученіи русскаго языка. Германскіе офицеры, изучающіе русскій языкъ, и иностранцы, занимающіеся переводомъ русскихъ литературныхъ произведеній, пишутъ несравненно хуже.

Японская вѣжливость не приторна и потому симпатична, и какъ бы много ея ни было перепущено, она не вредитъ, по пословицѣ—масло каши не портитъ. Одинъ токарь японецъ въ Нагасаки, у котораго наши моряки офицеры покупали разныя бездѣлушки, изъ вѣжливости всегда

XV.

Хозяева-каторжные.—Перечисленіе въ поселенцы.—Выборъ мѣстъ подъ новыя селенія.— Домообзаводство. — Половинщики. — Перечисленіе въ крестьяне.—Переселеніе крестьянъ изъ ссыльныхъ на материкъ.—Жизнь въ селеніяхъ.— Близость тюрьмы.—Составъ населенія по мѣсту рожденія и по сословіямъ.—Сельскія власти.

Когда наказаніе помимо своихъ прямыхъ цѣлей—мщенія, устрашенія или исправленія задается еще другими, напримѣръ, колонизаціонными цѣлями, то оно по необходимости должно постоянно приспособляться къ потребностямъ колоніи и идти на уступки. Тюрьма—антагонистъ колоніи, и интересы обѣихъ находятся въ обратномъ отношеніи. Жизнь въ общихъ камерахъ порабощаетъ и съ теченіемъ времени перерождаетъ арестанта; инстинкты осѣдлаго человѣка, домовитаго хозяина, семьянина заглушаются въ немъ привычками стадной жизни, онъ теряетъ здоровье, старится, слабѣетъ морально, и чѣмъ позже онъ покидаетъ тюрьму, тѣмъ больше причинъ опасаться, что изъ него выйдетъ не дѣятельный, полезный членъ колоніи, а лишь бремя для нея. И потому-то колонизаціонная практика потребовала, прежде всего, сокращенія сроковъ тюремнаго заключенія и принудитель-

хвалилъ все русское. Увидитъ у офицера брелокъ или кошелекъ и ну восхищаться: „Какая замѣчательная вещь! какая изящная вещь!“ Одинъ изъ офицеровъ какъ-то привезъ изъ Сахалина деревянный портсигаръ грубой топорной работы. „Ну, теперь,—думаетъ,—подведу я токаря. Увидимъ, что онъ теперь скажетъ“. Но когда японцу показали портсигаръ, то онъ не потерялся. Онъ потрясъ имъ въ воздухѣ и сказалъ съ восторгомъ: „Какая прочная вещь!“

ныхъ работъ, и въ этомъ смыслѣ нашъ *Уставъ о ссыльныхъ* дѣлаетъ значительныя уступки. Такъ, для каторжныхъ отряда исправляющихся десять мѣсяцевъ считаются за годъ, и если каторжные второго и третьяго разряда, т.-е. осужденные на сроки отъ 4 до 12 лѣтъ, назначаются на рудничныя работы, то каждый годъ, проведенный ими на этихъ работахъ, засчитывается за полтора года *). Каторжнымъ по переходѣ въ разрядъ исправляющихся законъ разрѣшаетъ жить внѣ тюрьмы, строить себѣ дома, вступать въ бракъ и имѣть деньги. Но дѣйствительная жизнь въ этомъ направленіи пошла еще дальше *Устава*. Чтобъ облегчить переходъ изъ каторжнаго состоянія въ болѣе самостоятельное, приамурскій генералъ-губернаторъ въ 1888 г. разрѣшилъ освобождать трудолюбивыхъ и добраго поведенія каторжныхъ до срока; объявляя объ этомъ въ своемъ приказѣ (№ 302), ген. Кононовичъ обѣщаетъ увольнять отъ работъ за два и даже за три года до окончанія полнаго срока работъ. И безъ всякихъ статей и приказовъ, а по необходимости, потому что это полезно для колоніи, внѣ тюрьмы, въ собственныхъ домахъ и на вольныхъ квартирахъ, живутъ всѣ безъ исключенія ссыльно-каторжныя жен-

*) На Сахалинѣ въ каждой канцеляріи имѣется *Таблица исчисленія сроковъ*. Изъ нея видно, что осужденный, положимъ, на $17^1/_2$ лѣтъ проводитъ на каторгѣ въ дѣйствительности 15 лѣтъ и 3 мѣсяца, если же онъ попалъ подъ манифестъ, то только 10 лѣтъ 4 мѣсяца; осужденный на 6 лѣтъ освобождается черезъ 5 лѣтъ и 2 мѣс., а въ случаѣ манифеста, черезъ 3 года и 6 мѣс.

щины, многіе испытуемые и даже безсрочные, если у нихъ есть семьи, или если они хорошіе мастера, землемѣры, каюры и т. п. Многимъ позволяется жить внѣ тюрьмы просто «по-человѣчности» или изъ разсужденія, что если такой-то будетъ жить не въ тюрьмѣ, а въ избѣ, то отъ этого не произойдетъ ничего худого, или если безсрочному Z. разрѣшается жить на вольной квартирѣ только потому, что онъ пріѣхалъ съ женой и дѣтьми, то не разрѣшить этого краткосрочному N. было бы уже несправедливо.

Къ 1 января 1890 г. во всѣхъ трехъ сахалинскихъ округахъ состояло каторжныхъ обоего пола 5,905. Изъ нихъ осужденныхъ на сроки до 8 лѣтъ было 2,124 (36%), отъ 8 до 12—1,567 (26,5%), отъ 12 до 15—747 (12,7%), отъ 15 до 20 – 731 (12,3%), безсрочныхъ 386 (6,5%) и рецидивистовъ, осужденныхъ на сроки отъ 20 до 50 лѣтъ—175 (3%). Краткосрочные, осужденные на сроки до 12 лѣтъ, составляютъ 62,5%, т.-е. немного больше половины всего числа. Средній возрастъ только что осужденнаго каторжнаго мнѣ не извѣстенъ, но, судя по возрастному составу ссыльнаго населенія въ настоящее время, онъ долженъ быть не меньше 35 лѣтъ; если къ этому прибавить среднюю продолжительность каторги 8—10 лѣтъ и если принять еще во вниманіе, что на каторгѣ человѣкъ старится гораздо раньше, чѣмъ при обыкновенныхъ условіяхъ, то станетъ очевиднымъ, что при буквальномъ исполненіи судебнаго при-

говора и при соблюденіи *Устава*, со строгимъ заключеніемъ въ тюрьмѣ, съ работами подъ военнымъ конвоемъ и проч., не только долгосрочные, но и добрая половина краткосрочныхъ поступала бы въ колонію съ уже утраченными колонизаторскими способностями.

При мнѣ каторжныхъ-хозяевъ обоего пола, сидѣвшихъ на участкахъ, было 424; каторжныхъ обоего пола, проживавшихъ въ колоніи въ качествѣ женъ, сожителей, сожительницъ, работниковъ, жильцовъ и проч., записано мною 908. Всего жило внѣ тюрьмы въ собственныхъ избахъ и на вольныхъ квартирахъ 1,332, что составляло 23% всего числа каторжныхъ *). Какъ хозяева, каторжные въ колоніи почти ничѣмъ не отличаются отъ хозяевъ-поселенцевъ. Каторжные, состоящіе при хозяйствахъ въ качествѣ работниковъ, дѣлаютъ то же, что наши деревенскіе работники. Отдача арестанта въ работники къ хорошему хозяину мужику, тоже ссыльному, составляетъ пока единственный видъ каторги, выработанный, русскою практикой и, несомнѣнно, болѣе симпатичный, чѣмъ австралійское батрачество. Жильцы-каторжные лишь ночуютъ на квартирахъ, но на раскомандировки

*) Я не считаю здѣсь каторжныхъ, живущихъ у чиновниковъ въ качествѣ прислуги. Въ общемъ, я думаю, живущіе внѣ тюрьмы составляютъ 25%, т.-е. изъ каждыхъ четырехъ каторжныхъ одного тюрьма уступаетъ колоніи. Процентъ этотъ значительно повысится, когда 305 статья *Устава*, разрѣшающая исправляющимся жить внѣ тюрьмы, распространится также и на Корсаковскій округъ, въ которомъ по желанію г. Бѣлаго, всѣ безъ исключенія каторжные живутъ въ тюрьмѣ.

и работы должны являться такъ же акуратно, какъ и ихъ товарищи, живущіе въ тюрьмѣ. Мастеровые, напримѣръ, сапожники и столяры, часто отбываютъ свой каторжный урокъ у себя на квартирѣ *).

Оттого, что четверть всего состава ссыльно-каторжныхъ живетъ внѣ тюрьмы, особенныхъ безпорядковъ не замѣчается, и я охотно призналъ бы, что упорядочить нашу каторгу не легко именно потому, что остальныя три четверти живутъ въ тюрьмахъ. Говорить о преимуществѣ избъ передъ общими камерами мы можемъ, конечно, только съ вѣроятностью, такъ какъ точныхъ наблюденій по этой части у насъ пока нѣтъ вовсе. Никто еще не доказалъ, что среди каторжниковъ, живущихъ въ избахъ, случаи преступленій и побѣговъ наблюдаются рѣже, чѣмъ у живущихъ въ тюрьмѣ, и что трудъ первыхъ производительнѣе, чѣмъ вторыхъ, но весьма вѣроятно, что тюремная статистика, которая рано или поздно должна будетъ заняться этимъ вопросомъ, сдѣлаетъ свой окончательный выводъ въ пользу избъ. Пока несомнѣнно одно, что колонія была бы въ выигрышѣ, если бы каждый каторжный, безъ различія сроковъ, по прибытіи на Сахалинъ тотчасъ же приступалъ бы къ постройкѣ избы для себя и для своей семьи, и начиналъ бы свою колониза-

*) Въ Александровскѣ почти всѣ хозяева держатъ жильцовъ и это придаетъ ему городскую физіономію. Въ одной избѣ я записалъ 17 человѣкъ. Но такія многолюдныя квартиры мало чѣмъ отличаются отъ общихъ камеръ.

торскую дѣятельность возможно раньше, пока онъ еще относительно молодъ и здоровъ; да и справедливость ничего бы не проиграла отъ этого, такъ какъ, поступая съ перваго же дня въ колонію, преступникъ самое тяжелое переживалъ бы до перехода въ поселенческое состояніе, а не послѣ.

Когда кончается срокъ, каторжнаго освобождаютъ отъ работъ и переводятъ въ поселенцы. Задержекъ при этомъ не бываетъ. Новый поселенецъ, если у него есть деньги и протекція у начальства, остается въ Александровскѣ или въ томъ селеніи, которое ему нравится, и покупаетъ, или строитъ тутъ домъ, если еще не обзавелся имъ, когда былъ на каторгѣ; для такого сельское хозяйство и трудъ не обязательны. Если же онъ принадлежитъ къ сѣрой массѣ, составляющей большинство, то обыкновенно садится на участокъ въ томъ селеніи, гдѣ прикажетъ начальство, и если въ этомъ селеніи тѣсно и нѣтъ уже земли, годной подъ участки, то его сажаютъ уже на готовое хозяйство, въ совладѣльцы или половинщики, или же его посылаютъ селиться на новое мѣсто *). Выборъ мѣстъ подъ новыя селенія, требующій опыта и нѣкото-

*) Сахалинъ относится къ отдаленнѣйшимъ мѣстамъ Сибири. Вѣроятно, въ виду исключительно суроваго климата, въ началѣ водворяли здѣсь только тѣхъ поселенцевъ, которые отбывали каторгу на Сахалинѣ же и успѣвали, такимъ образомъ, предварительно если не привыкнуть, то хоть приглядѣться къ мѣсту. Теперь же, повидимому, хотятъ измѣнить этотъ порядокъ. При мнѣ, по приказанію барона А. Н. Корфа, былъ присланъ на Сахалинъ и водворенъ въ Дербинскомъ нѣкій Іуда

рыхъ спеціальныхъ знаній, возложенъ на мѣстную администрацію, т.-е. на окружныхъ начальниковъ, смотрителей тюремъ и смотрителей поселеній. Какихъ - нибудь опредѣленныхъ законовъ и инструкцій на этотъ счетъ нѣтъ и все дѣло поставлено въ зависимость отъ такого случайнаго обстоятельства, какъ тотъ или другой составъ служащихъ: находятся ли они на службѣ уже давно и знакомы съ ссыльнымъ населеніемъ и съ мѣстностью, какъ, напримѣръ, г. Бутаковъ на сѣверѣ и гг. Бѣлый и Ярцевъ на югѣ, или же это недавно поступившіе, въ лучшемъ случаѣ филологи, юристы и пѣхотные поручики и въ худшемъ—совершенно необразованные люди, раньше нигдѣ не служившіе, въ большинствѣ молодые, не знающіе жизни горожане. Я уже писалъ о чиновникѣ, который не повѣрилъ инородцамъ и поселенцамъ, когда тѣ предупреждали его, что весною и во время сильныхъ дождей мѣсто, которое онъ выбралъ для селенія, заливается водой. При мнѣ одинъ чиновникъ со свитой поѣхалъ за 15—20 верстъ осматривать новое мѣсто и вернулся домой въ тотъ же день, успѣвши въ два-три часа подробно осмотрѣть мѣсто и одобрить его; онъ говорилъ, что прогулка вышла очень милая.

Старшіе и болѣе опытные чиновники уходятъ на поиски новыхъ мѣстъ рѣдко и не охотно, такъ какъ всегда

Гамбергъ, приговоренный къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе; въ Дубкахъ проживаетъ поселенецъ Симонъ Саулатъ, отбывавшій каторгу не на Сахалинѣ, а въ Сибири. Есть уже здѣсь и административные ссыльные.

бываютъ заняты другими дѣлами, а младшіе неопытны и равнодушны; администрація проявляетъ медленность, дѣло затягивается и въ результатѣ получается переполненіе уже существующихъ селеній. И поневолѣ, въ концѣ-концовъ, приходится обращаться за помощью къ каторжнымъ и солдатамъ-надзирателямъ, которые, по слухамъ, иногда удачно выбирали мѣста. Въ 1888 г. въ одномъ изъ своихъ приказовъ (№ 280) генералъ Кононовичъ, въ виду того, что ни въ Тымовскомъ, ни въ Александровскомъ округахъ нѣтъ уже мѣстъ для отвода участковъ, между тѣмъ какъ число нуждающихся въ нихъ быстро возростаетъ, предложилъ «немедленно организовать партіи изъ благонадежныхъ ссыльно-каторжныхъ подъ надзоромъ вполнѣ расторопныхъ, болѣе опытныхъ въ этомъ дѣлѣ и грамотныхъ надзирателей, или даже чиновниковъ, и таковыя отправлять къ отысканію мѣстъ, годныхъ подъ поселенія». Эти партіи бродятъ по совершенно не изслѣдованной мѣстности, на которую никогда еще не ступала нога топографа; мѣста отыскиваютъ, но неизвѣстно, какъ высоко лежатъ они надъ уровнемъ моря, какая тутъ почва, какая вода и проч.; о пригодности ихъ къ заселенію и сельско-хозяйственной культурѣ администрація можетъ судить только гадательно, и потому обыкновенно ставится окончательное рѣшеніе въ пользу того или другого мѣста прямо на удачу, на авось, и при этомъ не спрашиваютъ мнѣнія ни у врача, ни у топографа, котораго на Сахалинѣ нѣтъ, а

землемѣръ является на новое мѣсто, когда уже земля раскорчована и на ней живутъ *).

Генералъ-губернаторъ послѣ объѣзда селеній, передавая мнѣ свои впечатлѣнія, выразился такъ: «Каторга начинается не на каторгѣ, а на поселеніи». Если тяжесть наказанія измѣрять количествомъ труда и физическихъ лишеній, то на Сахалинѣ часто поселенцы несутъ болѣе суровое наказаніе, чѣмъ каторжные. На новое мѣсто, обык-

*) Современемъ выборъ новыхъ мѣстъ будетъ возложенъ въ каждомъ округѣ на коммиссію изъ чиновъ тюремнаго вѣдомства, топографа, агронома и врача, и тогда по протоколамъ этой коммиссіи можно будетъ судить, почему выбрана та или другая мѣстность. Въ настоящее время нѣкоторая правильность замѣчается только въ томъ, что людей охотнѣе всего селятъ по долинамъ рѣкъ и около дорогъ, существующихъ или проектированныхъ. Но и тутъ видна скорѣе рутина, чѣмъ какая-нибудь опредѣленная система. Если выбираютъ какую-нибудь прирѣчную долину, то не потому, что она лучше другихъ изслѣдована и наиболѣе пригодна для культуры, а потому только, что она находится не далеко отъ центра. Юго-западное побережье отличается сравнительно мягкимъ климатомъ, но оно отстоитъ отъ Дуэ или Александровска дальше, чѣмъ Арковская долина и долина рѣки Армудана, и потому послѣднія предпочитаются. Когда же селятъ на линіи проектированной дороги, то при этомъ имѣются въ виду не жители новаго селенія, а тѣ чиновники и каюры, которые современемъ будутъ ѣздить по этой дорогѣ. Если бы не эта скромная перспектива — оживлять и охранять трактъ и давать пріютъ проѣзжающимъ, то было бы трудно понять, для чего нужны, напримѣръ, селенія, проектируемыя по тракту вдоль Тыми, отъ верховьевъ этой рѣки до Ныйскаго залива. За охраненіе и оживленіе тракта жители, вѣроятно, будутъ получать отъ казны денежное и пищевое довольствіе. Если же эти селенія будутъ продолженіемъ теперешней сельско-хозяйственной колоніи, и администрація разсчитываетъ на рожь и пшеницу, то Сахалинъ пріобрѣтетъ еще нѣсколько тысячъ голодныхъ, потерянныхъ бѣдняковъ, питающихся неизвѣстно чѣмъ.

новенно болотистое и покрытое лѣсомъ, поселенецъ является, имѣя съ собой только плотничій топоръ, пилу и лопату. Онъ рубитъ лѣсъ, корчуетъ, роетъ канавы, чтобы осушить мѣсто, и все время, пока идутъ эти подготовительныя работы, живетъ подъ открытымъ небомъ, на сырой землѣ. Прелести сахалинскаго климата съ его пасмурностью, почти ежедневными дождями и низкою температурой нигдѣ не чувствуются такъ рѣзко, какъ на этихъ работахъ, когда человѣкъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль ни на одну минуту не можетъ отдѣлаться отъ чувства пронизывающей сырости и озноба. Это настоящая febris sachaliensis, съ головною болью и ломотою во всемъ тѣлѣ, зависящая не отъ инфекціи, а отъ климатическихъ вліяній. Сначала строютъ селеніе и потомъ уже дорогу къ нему, а не наоборотъ, и, благодаря этому, совершенно непроизводительно расходуется масса силъ и здоровья на переноску тяжестей изъ поста, отъ котораго къ новому мѣсту не бываетъ даже тропинокъ; поселенецъ, навьюченный инструментомъ, продовольствіемъ и проч., идетъ дремучею тайгой, то по колѣна въ водѣ, то карабкаясь на горы валежника, то путаясь въ жесткихъ кустахъ богульника. 307 статья *Устава о ссыльныхъ* говоритъ, что поселяющимся внѣ острога отпускается лѣсъ для постройки домовъ; здѣсь эта статья понимается такъ, что поселенецъ самъ долженъ нарубить себѣ лѣсу и заготовить его. Въ прежнее время на помощь поселенцамъ отпускались каторжные и выдава-

лись деньги на наемъ плотниковъ и покупку матеріаловъ, но этотъ порядокъ былъ оставленъ на томъ основаніи, что «въ результатѣ, какъ разсказывалъ мнѣ одинъ чиновникъ, получались лодари; каторжные работаютъ, а поселенцы въ это время въ орлянку играютъ». Теперь поселенцы устраиваются общими силами, помогая другъ другу. Плотникъ ставитъ срубъ, печникъ мажетъ печь, пильщики готовятъ доски. У кого нѣтъ силъ и умѣнья работать, но есть деньжонки, тотъ нанимаетъ своихъ же товарищей. Крѣпкіе и выносливые люди, какъ Егоръ, о которомъ я говорилъ въ VI главѣ, несутъ самую тяжелую работу, слабосильные же или отвыкшіе въ тюрьмѣ отъ крестьянства, если не играютъ въ орлянку или въ карты, или если не прячутся отъ холода, то занимаются какою-нибудь сравнительно легкою работой. Многіе изнемогаютъ, падаютъ духомъ и покидаютъ свои недостроенные дома. Манзы и кавказцы, не умѣющіе строить русскихъ избъ, обыкновенно бѣгутъ въ первый же годъ. Почти половина хозяевъ на Сахалинѣ не имѣетъ домовъ и это слѣдуетъ объяснить, какъ мнѣ кажется, прежде всего, трудностями, съ которыми поселенецъ встрѣчается при первоначальномъ обзаведеніи. Бездомовные хозяева, по даннымъ, которыя я беру изъ отчета инспектора сельскаго хозяйства, въ 1889 г. въ Тымовскомъ округѣ составляли 50% всего числа, въ Корсаковскомъ—42%, въ Александровскомъ же округѣ, гдѣ устройство хозяйствъ обставлено меньшими трудностями и поселенцы чаще

покупаютъ дома, чѣмъ строютъ, только 20%. Когда конченъ срубъ, хозяину выдаются въ ссуду стекла и желѣзо. Объ этой ссудѣ начальникъ острова говоритъ въ одномъ изъ своихъ приказовъ: «Къ величайшему сожалѣнію, эта ссуда, какъ и многое другое, долго заставляетъ себя ждать, парализуя охоту къ домообзаводству... Въ прошедшемъ году осенью, во время объѣзда поселеній Корсаковскаго округа, мнѣ приходилось видѣть дома, ожидающіе стеколъ, гвоздей и желѣза къ задвижкамъ въ печахъ, нынѣ я тоже засталъ эти дома въ подобномъ ожиданіи» (приказъ № 318, 1889 г.) *).

*) Вотъ тутъ-то поселенцу какъ нельзя кстати могли бы пригодиться тѣ деньги, которыя онъ долженъ былъ бы получать въ теченіе каторжнаго срока въ вознагражденіе за трудъ. По закону, арестанту, осужденному къ ссылкѣ въ каторжныя работы, за всякій трудъ назначается изъ вырученнаго дохода одна десятая часть. Если, положимъ, на дорожныхъ работахъ поденщина оцѣнивается въ 50 к., то каторжный долженъ получать ежедневно по 5 к. Во время содержанія подъ стражей арестанту позволяется расходовать на свои надобности не болѣе половины заработанныхъ денегъ, а остающіяся затѣмъ суммы выдаются ему при освобожденіи. На заработанныя деньги не могутъ быть обращаемы никакія гражданскія взысканія или судебныя издержки, и, въ случаѣ смерти арестанта, онѣ выдаются его наслѣдникамъ. Въ *Дѣлѣ объ устройствѣ о. Сахалина* за 1878 г. кн. Шаховской, завѣдывавшій въ семидесятыхъ годахъ дуйскою каторгой, высказываетъ мнѣніе, которое слѣдовало бы теперешнимъ администраторамъ принять и къ свѣдѣнію, и къ руководству: „Вознагражденіе каторжныхъ за работы даетъ хотя какую-нибудь собственность арестанту, а всякая собственность прикрѣпляетъ его къ мѣсту; вознагражденіе позволяетъ арестантамъ по взаимному соглашеніи улучшать свою пищу, держать въ большей чистотѣ одежду и помѣщеніе, а всякая привычка къ удобствамъ производитъ тѣмъ большее страданіе въ лишеніи ихъ, чѣмъ удобствъ этихъ болѣе; совершенное же

Не находятъ нужнымъ изслѣдовать новое мѣсто, даже когда уже заселяютъ его. Посылаютъ на новое мѣсто 50—100 хозяевъ, затѣмъ ежегодно прибавляютъ десятки новыхъ, а, между тѣмъ, никому неизвѣстно, на какое количество людей хватитъ тамъ удобной земли, и вотъ причина, почему обыкновенно въ скорости послѣ заселенія начинаютъ уже обнаруживаться тѣснота, излишекъ людей. Этого не замѣчается только въ Корсаковскомъ округѣ, посты же и селенія обоихъ сѣверныхъ округовъ всѣ до одного переполнены людьми. Даже такой, несомнѣнно, заботливый человѣкъ, какъ А. М. Бутаковъ, начальникъ Тымовскаго округа, сажаетъ людей на участки какъ-нибудь, не соображаясь насчетъ будущаго, и ни въ одномъ округѣ нѣтъ такого множества совладѣльцевъ или сверхкомплектныхъ хозяевъ, какъ именно у него.

отсутствіе послѣднихъ и всегда угрюмая, непривѣтливая обстановка вырабатываетъ въ арестантахъ такое равнодушіе къ жизни, а тѣмъ болѣе къ наказаніямъ, что часто, когда число наказываемыхъ доходило до 8% наличнаго состава, приходилось отчаяваться въ побѣдѣ розогъ надъ тѣми пустыми природными потребностями человѣка, ради выполненія которыхъ онъ ложится подъ розги; вознагражденіе каторжныхъ, образуя между ними нѣкоторую самостоятельность, устраняетъ растрату одежды, помогаетъ домообзаводству и значительно уменьшаетъ затраты казны въ отношеніи прикрѣпленія ихъ къ землѣ по выходѣ на поселеніе“.

Инструментъ выдается въ ссуду на пять лѣтъ съ условіемъ, что поселенецъ ежегодно будетъ уплачивать пятую часть. Въ Корсаковскомъ округѣ плотничій топоръ стоитъ 4 руб., продольная пила 13 руб., лопата 1 р. 80 к., подпилокъ 44 коп., гвозди 10 коп. за фунтъ. Дроворубный топоръ даютъ за 3 руб. 50 к. въ ссуду лишь въ томъ случаѣ, если поселенецъ не беретъ плотничьяго.

Похоже, какъ будто сама администрація не вѣритъ въ сельско-хозяйственную колонію и мало-по-малу успокоилась на мысли, что земля нужна поселенцу не надолго, всего на шесть лѣтъ, такъ какъ, получивъ крестьянскія права, онъ непремѣнно покинетъ островъ, и что при такихъ условіяхъ вопросъ объ участкахъ можетъ имѣть одно лишь формальное значеніе.

Изъ записанныхъ мною 3522 хозяевъ 638 или 18% составляютъ совладѣльцы, а если исключить Корсаковскій округъ, гдѣ на участки сажаютъ только по одному хозяину, то процентъ этотъ будетъ значительно выше. Въ Тымовскомъ округѣ чѣмъ моложе селеніе, тѣмъ выше въ немъ процентъ половинщиковъ; въ Воскресенскомъ, напримѣръ, хозяевъ 97, а половинщиковъ 77; это значитъ, что находить новыя мѣста и отводить участки поселенцамъ съ каждымъ годомъ становится все труднѣе *).

Устройство хозяйства и правильное веденіе его ставится поселенцу въ непремѣнную обязанность. За лѣность, нерадѣніе и нежеланіе устраиваться хозяйствомъ его обращаютъ въ общественныя, т.-е. каторжныя, работы на одинъ годъ и переводятъ изъ избы въ тюрьму. Статья 402 *Устава* разрѣшаетъ приамурскому генералъ-губернатору «содержать на казенномъ довольствіи

*) Хозяинъ и совладѣлецъ живутъ въ одной избѣ и спятъ на одной печи. Владѣть совмѣстно участкомъ не мѣшаетъ различіе вѣроисповѣданій и даже половъ. Помнится, въ Рыковскомъ у поселенца Голубева половинщикъ еврей Любарскій. Тамъ же у поселенца Ивана Хавріевича совладѣлица Марья Бродяга.

тѣхъ изъ сахалинскихъ поселенцевъ, кои, по признанію мѣстныхъ властей, не имѣютъ къ тому собственныхъ средствъ». Въ настоящее время большинство сахалинскихъ поселенцевъ въ продолженіе первыхъ двухъ и рѣдко трехъ лѣтъ по освобожденіи изъ каторжныхъ работъ получаютъ отъ казны одежное и пищевое довольствіе въ размѣрѣ обычнаго арестантскаго пайка. Оказывать такую помощь поселенцамъ побуждаютъ администрацію соображенія гуманнаго и практическаго свойства. Въ самомъ дѣлѣ, трудно, вѣдь, допустить, чтобы поселенецъ могъ, въ одно и то же время, строить себѣ избу, готовить землю подъ пашню и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ежедневно добывать себѣ кусокъ хлѣба. Но не рѣдкость встрѣтить въ приказахъ, что такой-то поселенецъ смѣщается съ довольствія за нерадѣніе, за лѣность, за то, что «онъ не приступилъ къ постройкѣ дома», и т. п. *).

По истеченіи десяти лѣтъ пребыванія въ поселенческомъ состояніи поселенцамъ предоставляется перечис-

*) Въ какой бѣдности, несмотря на пособія и постоянныя ссуды изъ казны, здѣшніе сельскіе жители отбываютъ свои сроки, мнѣ уже приходилось говорить. Вотъ картинное изображеніе этой почти нищенской жизни, принадлежащее перу оффиціальнаго лица: „Въ деревнѣ Лютогѣ я вошелъ въ самую бѣдную лачугу, принадлежащую поселенцу Зерину, по ремеслу плохому портному, уже четыре года устраивающемуся. Бѣдность и недостатокъ во всемъ поразительные: кромѣ ветхаго стола и обрубка дерева, вмѣсто стула, никакихъ слѣдовъ мебели; кромѣ жестяного чайника изъ керосиновой банки, никакихъ признаковъ посуды и домашней утвари; вмѣсто постели, кучка соломы, на которой лежитъ полушубокъ и вторая рубаха; по мастерству тоже ничего, кромѣ нѣ-

ляться въ крестьяне. Это новое званіе сопряжено съ большими правами. Крестьянинъ изъ ссыльныхъ можетъ оставить Сахалинъ и водвориться, гдѣ пожелаетъ, по всей Сибири, кромѣ областей Семирѣчинской, Акмолинской и Семипалатинской, приписываться къ крестьянскимъ обществамъ, съ ихъ согласія, и жить въ городахъ для занятія ремеслами и промышленностью; онъ судится и подвергается наказаніямъ уже на основаніи законовъ общихъ, а не *Устава о ссыльныхъ;* онъ получаетъ и отправляетъ корреспонденцію тоже на общихъ основаніяхъ, безъ предварительной цензуры, установленной для каторжныхъ и поселенцевъ. Но въ этомъ его новомъ состояніи, все-таки, еще остается главный элементъ ссылки: онъ не имѣетъ права вернуться на родину *).

Полученіе крестьянскихъ правъ черезъ десять лѣтъ въ

скольких иголъ, нѣсколькихъ сѣрыхъ нитокъ, нѣсколькихъ пуговицъ и мѣднаго наперстка, служащаго, вмѣстѣ съ тѣмъ, и трубкой, такъ какъ портной, просверливъ въ немъ отверстіе, по мѣрѣ надобности, вставляетъ туда тоненькій мундштучокъ изъ мѣстнаго камыша; табаку оказалось не больше, какъ на полнаперстка" (приказъ № 318, 1889 г.).

*) До 1888 г. лицамъ, получившимъ крестьянскія права, былъ запрещенъ выѣздъ изъ Сахалина. Это запрещеніе, отнимавшее у сахалинца всякую надежду на лучшую жизнь, внушало людямъ ненависть къ Сахалину и, какъ репрессивная мѣра, могла только увеличить число побѣговъ, преступленій и самоубійствъ; ея призрачной практичности приносилась въ жертву сама справедливость, такъ какъ сахалинскимъ ссыльнымъ было запрещаемо то, что позволялось сибирскимъ. Эта мѣра вызвана была соображеніемъ, что если крестьяне будутъ покидать островъ, то, въ концѣ-концовъ, Сахалинъ будетъ лишь мѣстомъ для срочной ссылки, а не колоніей. Но развѣ пожизненность сдѣлала бы изъ Сахалина вторую Австралію? Жизненность и процвѣтаніе колоніи зави-

Уставѣ не обставлено никакими особенными условіями. Кромѣ случаевъ, предусмотрѣнныхъ въ примѣчаніи къ 375 ст., единственное условіе тутъ—десятилѣтній срокъ, независимо отъ того, былъ ли поселенецъ хозяиномъ-хлѣбопашцемъ, или подмастерьемъ. Инспекторъ тюремъ Приамурскаго края г. Каморскій, когда у насъ зашла рѣчь объ этомъ, подтвердилъ мнѣ, что держать ссыльнаго въ поселенческомъ состояніи дольше десяти лѣтъ или обставлять какими-либо условіями полученіе крестьянскихъ правъ по истеченіи этого срока администрація не имѣетъ права. Между тѣмъ, на Сахалинѣ мнѣ приходилось встрѣчать стариковъ, которые пробыли въ поселенцахъ дольше десяти лѣтъ, но крестьянскаго званія еще не получили. Показаній ихъ, впрочемъ, я не успѣлъ провѣрить по статейнымъ спискамъ и потому не могу судить, насколько они справедливы. Старики могутъ ошибаться въ счетѣ или просто лгать, хотя, при распущенности и безтолковости писарей и неумѣлости младшихъ чиновниковъ, отъ сахалинскихъ канцелярій можно ожидать всякихъ капризовъ. Для тѣхъ поселенцевъ, которые «вели себя совершенно одобрительно, занимались полезнымъ трудомъ и пріобрѣли осѣдлость», десятилѣтній срокъ можетъ быть сокращенъ до шести лѣтъ. 377 статьей, разрѣшающей эту льготу, начальникъ острова и

сятъ не отъ запрещеній или приказовъ, а отъ наличности условій, которыя гарантируютъ покойную и обезпеченную жизнь если не самимъ ссыльнымъ, то хотя ихъ дѣтямъ и внукамъ.

окружные начальники пользуются въ широкихъ размѣрахъ; по крайней мѣрѣ, почти всѣ крестьяне, которыхъ я знаю, получили это званіе черезъ шесть лѣтъ. Но, къ сожалѣнію, «полезный трудъ» и «осѣдлость», которыми въ *Уставѣ* обусловлено полученіе льготы, во всѣхъ трехъ округахъ понимаются различно. Въ Тымовскомъ округѣ, напримѣръ, поселенца не произведутъ въ крестьяне, пока онъ долженъ въ казну и пока у него изба не покрыта тесомъ. Въ Александровскѣ поселенецъ сельскимъ хозяйствомъ не занимается, инструменты и сѣмена ему не нужны и поэтому долговъ онъ дѣлаетъ меньше; ему и права получить легче. Ставятъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы поселенецъ былъ хозяиномъ, между ссыльными же чаще, чѣмъ въ какой-либо другой средѣ, встрѣчаются люди, которые по натурѣ не способны быть хозяевами и чувствуютъ себя на своемъ мѣстѣ, когда служатъ въ работникахъ. На вопросъ, можетъ ли воспользоваться льготой и вообще получить крестьянскія права поселенецъ, который не имѣетъ своего хозяйства, потому что служитъ поваромъ у чиновника или подмастерьемъ у сапожника, въ Корсаковскомъ округѣ отвѣтили мнѣ утвердительно, а въ обоихъ сѣверныхъ—неопредѣленно. При такихъ условіяхъ, конечно, о какихъ - либо нормахъ не можетъ быть и рѣчи, и если новый окружной начальникъ потребуетъ отъ поселенцевъ желѣзныхъ крышъ и умѣнья пѣть на клиросѣ, то доказать ему, что это произволъ, будетъ трудно.

Когда я былъ въ Сіянцахъ, смотритель поселеній приказалъ 25 поселенцамъ собраться около надзирательской и объявилъ имъ, что постановленіемъ начальника острова они перечислены въ крестьянское сословіе. Постановленіе было подписано генераломъ 27 января, а объявлено поселенцамъ 26 сентября. Радостное извѣстіе было принято всѣми 25 поселенцами молча; ни одинъ не перекрестился, не поблагодарилъ, а всѣ стояли съ серьезными лицами и молчали, какъ будто всѣмъ имъ взгрустнулось отъ мысли, что на этомъ свѣтѣ все, даже страданія, имѣетъ конецъ. Когда я и г. Ярцевъ заговорили съ ними о томъ, кто изъ нихъ останется на Сахалинѣ, а кто уѣдетъ, то ни одинъ изъ 25 не выразилъ желанія остаться. Всѣ говорили, что ихъ тянетъ на материкъ и уѣхали бы съ удовольствіемъ тотчасъ же, но средствъ нѣтъ, надо обдумать. И пошли разговоры о томъ, что мало однѣхъ денегъ на дорогу,— небось, материкъ тоже деньги любитъ: придется хлопотать о принятіи въ общество и угощать, покупать землишку и строиться, то да се — гляди, рублей полтораста понадобится. А гдѣ ихъ взять? Въ Рыковскомъ, несмотря на его сравнительно большіе размѣры, я засталъ только 39 крестьянъ, и всѣ они были далеки отъ намѣренія пускать здѣсь корни; всѣ собирались на материкъ. Одинъ изъ нихъ, по фамиліи Беспаловъ, строитъ на своемъ участкѣ большой двухъ-этажный домъ съ балкономъ, похожій на дачу, и всѣ смотрятъ на постройку съ недоумѣніемъ и не понимаютъ, зачѣмъ

это; то, что богатый человѣкъ, имѣющій взрослыхъ сыновей, быть можетъ, останется навсегда въ Рыковскомъ въ то время, какъ отлично могъ бы устроиться гдѣ-нибудь на Зеѣ, производитъ впечатлѣніе страннаго каприза, чудачества. Въ Дубкахъ одинъ крестьянинъ-картежникъ на вопросъ, поѣдетъ ли онъ на материкъ, отвѣтилъ мнѣ, глядя надменно въ потолокъ: «Постараюсь уѣхать» *).

Гонятъ крестьянъ изъ Сахалина сознаніе необезпеченности, скука, постоянный страхъ за дѣтей... Главная же причина, это — страстное желаніе хотя передъ смертью подышать на свободѣ и пожить настоящею, не арестантскою жизнью. А Уссурійскій край и Амуръ, о которомъ говорятъ всѣ, какъ о землѣ обѣтованной, такъ близки: проплыть на пароходѣ три-четыре дня, а тамъ—свобода, тепло, урожаи... Тѣ, которые уже переселились на материкъ и устроились тамъ, пишутъ своимъ сахалинскимъ знакомымъ, что на материкѣ подаютъ имъ руку и водка за бутылку стóитъ только 50 коп. Какъ-то гуляя въ Александровскѣ на пристани, я зашелъ въ катерный сарай и увидѣлъ тамъ старика 60—70 лѣтъ и старуху съ узлами и съ мѣшками, очевидно, собравшихся въ дорогу. Разговорились. Старикъ недавно получилъ крестьянскія

*) Только одного я встрѣтилъ, который выразилъ желаніе остаться на Сахалинѣ навсегда: это — несчастный человѣкъ, черниговскій хуторянинъ, пришедшій за изнасилованіе родной дочери; онъ не любитъ родины, потому что оставилъ тамъ дурную память о себѣ, и не пишетъ писемъ своимъ, теперь уже взрослымъ, дѣтямъ, чтобы не напоминать имъ о себѣ; не ѣдетъ же на материкъ потому, что лѣта не позволяютъ.

права и теперь уѣзжалъ съ женою на материкъ, сначала во Владивостокъ, а потомъ «куда Богъ дастъ». Денегъ, по ихъ словамъ, у нихъ не было. Пароходъ долженъ былъ отойти черезъ сутки, но они уже прибрели на пристань и теперь со своимъ скарбомъ прятались въ катерномъ сараѣ въ ожиданіи парохода, будто боялись, чтобы ихъ не вернули назадъ. О материкѣ они говорили съ любовью, съ благоговѣніемъ и съ увѣренностью, что тамъ-то и есть настоящая счастливая жизнь. На Александровскомъ кладбищѣ я видѣлъ черный крестъ съ изображеніемъ Божіей Матери и съ такою надписью: «Здѣсь покоится прахъ Дѣвицы Афимьи Курниковой. скончалась въ 1888 Году: мая 21 дня. Лѣтъ ей Отроду 18-ть. Крестъ сей поставленъ въ Знакъ памяти и Отъѣзда родителей на материкъ 1889 года іюня дня».

Крестьянина не отпускаютъ на материкъ, если онъ неблагонадежнаго поведенія и долженъ въ казну. Если онъ состоитъ въ сожительствѣ съ ссыльною женщиной и имѣетъ отъ нея дѣтей, то билетъ на отлучку выдается ему только въ томъ случаѣ, если онъ обезпечитъ своимъ имуществомъ дальнѣйшее существованіе своей сожительницы и незаконно прижитыхъ съ нею дѣтей (приказъ № 92, 1889 г.). На материкѣ крестьянинъ приписывается къ облюбованной имъ волости; губернаторъ, въ вѣдѣніи котораго находится волость, даетъ знать начальнику острова, и послѣдній въ приказѣ предлагаетъ полицейскому управленію исключить крестьянина такого-то и

членовъ его семьи изъ списковъ—и формально однимъ «несчастнымъ» становится меньше. Баронъ А. Н. Корфъ говорилъ мнѣ, что если крестьянинъ дурно ведетъ себя на материкѣ, то онъ административнымъ порядкомъ высылается на Сахалинъ уже навсегда.

По слухамъ, сахалинцы живутъ на материкѣ хорошо. Письма ихъ я читалъ, но видѣть, какъ они живутъ на новыхъ мѣстахъ, мнѣ не приходилось. Впрочемъ, я видѣлъ одного, но не въ деревнѣ, а въ городѣ. Какъ-то во Владивостокѣ я и іеромонахъ Ираклій, сахалинскій миссіонеръ и священникъ, выходили вмѣстѣ изъ магазина и какой-то человѣкъ въ бѣломъ фартукѣ и высокихъ блестящихъ сапогахъ, должно быть, дворникъ или артельщикъ, увидѣвъ о. Ираклія, очень обрадовался и подошелъ подъ благословеніе; оказалось, что это духовное чадо о. Ираклія, крестьянинъ изъ ссыльныхъ. О. Ираклій узналъ его, вспомнилъ имя его и фамилію. «Ну, какъ живешь тутъ?»—спросилъ онъ.—«Слава Богу, хорошо!»—отвѣтилъ тотъ съ оживленіемъ.

Крестьяне, пока еще не отбыли на материкъ, живутъ въ постахъ или селеніяхъ и ведутъ хозяйства при тѣхъ же неблагопріятныхъ условіяхъ, какъ поселенцы и каторжные. Они все еще продолжаютъ зависѣть отъ тюремнаго начальства и снимать шапки за 50 шаговъ, если живутъ на югѣ; съ ними обходятся лучше и не сѣкутъ ихъ, но все же это не крестьяне въ настоящемъ смыслѣ, а арестанты. Они живутъ возлѣ тюрьмы и видятъ ее каж-

дый день, а ссыльно-каторжная тюрьма и мирное земледѣльческое существованіе немыслимы рядомъ. Нѣкоторые авторы видѣли въ Рыковскомъ хороводы и слышали здѣсь гармонику и разудалыя пѣсни; я же ничего подобнаго не видѣлъ и не слышалъ и не могу себѣ представить дѣвушекъ, ведущихъ хороводы около тюрьмы. Даже если бы мнѣ случилось услышать, кромѣ звона цѣпей и крика надзирателей, еще разудалую пѣсню, то я почелъ бы это за дурной знакъ, такъ какъ добрый и милосердный человѣкъ около тюрьмы не запоетъ. Крестьянъ и поселенцевъ и ихъ свободныхъ женъ и дѣтей гнететъ тюремный режимъ; тюремное положеніе, подобно военному, съ его исключительными строгостями и неизбѣжною начальственною опекой, держитъ ихъ въ постоянномъ напряженіи и страхѣ; тюремная администрація отбираетъ у нихъ для тюрьмы луга, лучшія мѣста для рыбныхъ ловель, лучшій лѣсъ; бѣглые, тюремные ростовщики и воры обижаютъ ихъ; тюремный палачъ, гуляющій по улицѣ, пугаетъ ихъ; надзиратели развращаютъ ихъ женъ и дочерей, а, главное, тюрьма каждую минуту напоминаетъ имъ объ ихъ прошломъ и о томъ, кто они и гдѣ они.

Здѣшніе сельскіе жители еще не составляютъ обществъ. Взрослыхъ уроженцевъ Сахалина, для которыхъ островъ былъ бы родиной, еще нѣтъ, старожиловъ очень мало, большинство составляютъ новички; населеніе мѣняется каждый годъ: одни прибываютъ, другіе выбываютъ; и во многихъ селеніяхъ, какъ я говорилъ уже, жи-

тели производятъ впечатлѣніе не сельскаго общества, а случайнаго сброда. Они называютъ себя братьями, потому что страдали вмѣстѣ, но общаго у нихъ, все-таки, мало и они чужды другъ другу. Они вѣруютъ не одинаково и говорятъ на разныхъ языкахъ. Старики презираютъ эту пестроту и со смѣхомъ говорятъ, что какое можетъ быть общество, если въ одномъ и томъ же селеніи живутъ русскіе, хохлы, татары, поляки, евреи, чухонцы, киргизы, грузины, цыгане?.. О томъ, какъ неравномѣрно распредѣленъ по селеніямъ нерусскій элементъ, мнѣ уже приходилось упоминать *).

Неблагопріятно отзывается на ростѣ каждаго селенія также еще пестрота иного рода: въ колонію поступаетъ много старыхъ, слабыхъ, больныхъ физически и психи-

*) На вопросъ: „какой губерніи?" — мнѣ отвѣтили 5,791 человѣкъ: Тамбовская дала 260, Самарская — 230, Черниговская—201, Кіевская—201, Полтавская—199, Воронежская—198, Донская область—168, Саратовская—153, Курская—151, Пермская—148, Нижегородская—146, Пензенская—142, Московская—133, Тверская—133, Херсонская—131, Екатеринославская—125, Новгородская—122, Харьковская—117, Орловская—115; на каждую изъ остальныхъ губерній приходится меньше ста. Кавказскія губерніи всѣ вмѣстѣ дали 213 или 3,6%. Въ тюрьмахъ кавказцы даютъ большій процентъ, чѣмъ въ колоніи, а это значитъ, что они неблагополучно отбываютъ каторгу и далеко не всѣ выходятъ на поселеніе; причины тутъ — частые побѣги и, вѣроятно, высокая смертность. Губерніи Царства Польскаго всѣ вмѣстѣ дали 455 или 8%, Финляндія и остзейскія губерніи — 167 или 2,8%. Эти цифры могутъ дать лишь приблизительное понятіе о составѣ населенія по мѣсту рожденія, но едва ли кто рѣшится выводить изъ нихъ заключеніе, что Тамбовская губернія самая преступная и малороссы, которыхъ, кстати сказать, очень много на Сахалинѣ, преступнѣе русскихъ.

чески, преступныхъ, не способныхъ къ труду, практически не подготовленныхъ, которые на родинѣ жили въ городѣ и не занимались сельскимъ хозяйствомъ. 1 января 1890 г., по даннымъ, взятымъ мною изъ казенныхъ вѣдомостей, на всемъ Сахалинѣ, въ тюрьмахъ и колоніи, дворянъ было 91 и городскихъ сословій, т.-е. почетныхъ гражданъ, купцовъ, мѣщанъ и иностранныхъ подданныхъ, 924, что вмѣстѣ составляло 10% всего числа ссыльныхъ *).

*) Дворяне и вообще привилегированные не умѣютъ пахать и рубить избъ; надо работать, надо нести наказаніе, какое всѣ несутъ, но силъ нѣтъ. Поневолѣ они ищутъ легкаго труда и даже часто ничего не дѣлаютъ. Но за то они находятся въ постоянномъ страхѣ, что судьба измѣнится и ихъ пошлютъ въ рудникъ, тѣлесно накажутъ, закуютъ въ кандалы и проч. Въ большинствѣ это люди уже утомленные жизнью, скромные, грустные, и когда глядишь на нихъ, то никакъ не можешь представить себѣ ихъ въ роли уголовныхъ преступниковъ. Но попадаются также пройдохи и нахалы, въ конецъ испорченные, одержимые moral insanity, производящіе впечатлѣніе какихъ-то острожныхъ выскочекъ; ихъ манера говорить, улыбки, походка, лакейская услужливость, — все это нехорошаго, пошловатаго тона. Какъ бы то ни было, страшно быть на ихъ мѣстѣ. Одинъ каторжный, бывшій офицеръ, когда его везли въ арестантскомъ вагонѣ въ Одессу, видѣлъ въ окно „живописную и поэтическую рыбную ловлю съ помощью зажженныхъ смоляныхъ вѣтокъ и факеловъ... поля Малороссіи уже зеленѣли. Въ дубовыхъ и липовыхъ ея лѣсахъ близъ полотна дороги можно замѣтить фіалки и ландыши; такъ и слышится ароматъ цвѣтовъ и потерянной воли вмѣстѣ“ (*Владивостокъ* 1888 г., № 14). Бывшій дворянинъ, убійца, разсказывая мнѣ о томъ, какъ пріятели провожали его изъ Россіи, говорилъ: „У меня проснулось сознаніе, я хотѣлъ только одного — стушеваться, провалиться, но знакомые не понимали этого и наперерывъ старались утѣшать меня и оказывать мнѣ всякое вниманіе“. На привилегированныхъ арестантовъ, когда ихъ ведутъ по улицѣ или везутъ, ничто такъ непріятно не дѣйствуетъ,

Въ каждомъ селеніи есть староста, который избирается изъ домохозяевъ, непремѣнно изъ поселенцевъ и крестьянъ, и утверждается смотрителемъ поселеній. Въ старосты попадаютъ обыкновенно люди степенные, смышленые и грамотные; должность ихъ еще не опредѣлилась вполнѣ, но они стараются походить на русскихъ старостъ: рѣшаютъ разныя мелкія дѣла, назначаютъ подводы по наряду, вступаются за своихъ, когда нужно, и проч., а у рыковскаго старосты есть даже своя печать. Нѣкоторые получаютъ жалованье.

Въ каждомъ селеніи живетъ также надзиратель, чаще всего нижній чинъ мѣстной команды, безграмотный, который докладываетъ проѣзжимъ чиновникамъ, что все обстоитъ благополучно, и наблюдаетъ за поведеніемъ поселенцевъ и за тѣмъ, чтобъ они безъ спросу не отлучались и занимались сельскимъ хозяйствомъ. Онъ ближайшій начальникъ селенія, часто единственный судья, и его донесенія по начальству — это документы, имѣю-

какъ любопытство свободныхъ, особенно знакомыхъ. Если въ толпѣ арестантовъ хотятъ узнать извѣстнаго преступника и спрашиваютъ про него громко, называя по фамиліи, то это причиняетъ ему сильную боль. Къ сожалѣнію, нерѣдко глумятся надъ уже осужденными привилегированными преступниками и въ тюрьмѣ, и на улицѣ, и даже въ печати. Въ одной ежедневной газетѣ я читалъ про бывшаго коммерціи-совѣтника, что будто бы гдѣ то въ Сибири, идучи этапомъ, онъ былъ приглашенъ завтракать, и когда послѣ завтрака его повели дальше, то хозяева не досчитались одной ложки: укралъ коммерціи-совѣтникъ! Про бывшаго камеръ-юнкера писали, будто въ ссылкѣ ему не скучно, такъ какъ шампанскаго-де у него разливанное море и цыганокъ сколько хочешь.

щіе немаловажное значеніе при оцѣнкѣ, насколько поселенецъ преуспѣлъ въ одобрительномъ поведеніи, домообзаводствѣ и осѣдлости. Вотъ образчикъ надзирательскаго донесенія:

СПИСОКЪ

жителей селенія Верхняго Армудана, кои дурнова поведенія:

	Фамиліи и имена.	Отмѣтка, почему именно.
1	Издугинъ Ананій.	Воръ.
2	Киселевъ Петръ Васильевъ.	Тоже.
3	Глибинъ Иванъ.	Тоже.
1	Галынскій Семенъ.	Домонерачитель и самовольный.
2	Казанкинъ Иванъ.	Тоже.

XVI.

Составъ ссыльнаго населенія по поламъ.— Женскій вопросъ.— Каторжныя женщины и поселки.— Сожители и сожительницы.— Женщины свободнаго состоянія.

Въ ссыльной колоніи на 100 мужчинъ приходится 53 женщины *). Это отношеніе правильно только для населенія, живущаго въ избахъ. Есть же еще мужчины, ночующіе въ тюрьмахъ, и холостые солдаты, для которыхъ «необходимымъ предметомъ для удовлетворенія естественныхъ потребностей», какъ выразился когда-то одинъ изъ здѣшнихъ начальниковъ, служатъ все тѣ же ссыльныя или прикосновенныя къ ссылкѣ женщины. Но если при

*) По 10-й ревизіи въ русскихъ губерніяхъ (1857 — 60 гг.) въ среднемъ на 100 мужчинъ было 104,8 женщины.

опредѣленіи состава населенія колоніи по поламъ и по семейному положенію слѣдуетъ брать въ разсчетъ и этотъ разрядъ людей, то не иначе, какъ съ оговоркой. Они, пока живутъ въ тюрьмахъ или казармахъ, смотрятъ на колонію лишь съ точки зрѣнія потребностей; ихъ визиты въ колонію играютъ роль вреднаго внѣшняго вліянія, понижающаго рождаемость и повышающаго болѣзненность, и, притомъ, случайнаго, которое можетъ быть больше или меньше, смотря по тому, на какомъ разстояніи отъ селенія находится тюрьма или казарма; это то же, что въ жизни русской деревни золоторотцы, работающіе по сосѣдству на желѣзной дорогѣ. Если взять огуломъ всѣхъ мужчинъ, включая тюрьму и казармы, то 53 сократится приблизительно на половину и мы получимъ отношеніе 100 : 25.

Какъ ни малы цифры 53 и 25, но для молодой ссыльной колоніи, развивающейся, къ тому же, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, ихъ нельзя признать слишкомъ низкими. Въ Сибири женщины среди каторжныхъ и поселенцевъ составляютъ менѣе 10%, а если обратиться къ нерусской депортаціонной практикѣ, то встрѣтимъ тамъ колонистовъ, уже почтенныхъ фермеровъ, которые до такой степени не были избалованы въ этомъ отношеніи, что съ восторгомъ встрѣчали проститутокъ, привозимыхъ изъ метрополіи, и платили судовщикамъ по 100 фунтовъ табаку за каждую. Такъ называемый женскій вопросъ на Сахалинѣ поставленъ безобразно, но

менѣе гадко, чѣмъ въ западно-европейскихъ ссыльныхъ колоніяхъ въ первое время ихъ развитія. На островъ поступаютъ не однѣ только преступницы и проститутки. Благодаря главному тюремному управленію и добровольному флоту, которымъ вполнѣ удалось установить скорое и удобное сообщеніе между Европейскою Россіей и Сахалиномъ, задача женъ и дочерей, желающихъ слѣдовать за мужьями и родителями въ ссылку, значительно упростилась. Не такъ еще давно одна добровольно слѣдовавшая жена приходилась на 30 преступниковъ, въ настоящее же время присутствіе женщинъ свободнаго состоянія стало типическимъ для колоніи, и уже трудно вообразить, напримѣръ, Рыковское или Ново-Михайловку безъ этихъ трагическихъ фигуръ, которыя «ѣхали жизнь мужей поправить и свою потеряли». Это, быть можетъ, единственный пунктъ, по которому нашъ Сахалинъ въ исторіи ссылки займетъ не послѣднее мѣсто.

Начну съ каторжныхъ женщинъ. Къ 1 января 1890 года во всѣхъ трехъ округахъ преступницы составляли 11,5% всего числа каторжныхъ *). Съ колонизаціонной

*) Эта цифра можетъ служить лишь для опредѣленія состава каторжныхъ по поламъ, для сравнительной же оцѣнки нравственности обоихъ половъ она не даетъ надежнаго матеріала. Женщины рѣже попадаютъ на каторгу не потому, что онѣ нравственнѣе мужчинъ, а потому, что, по самому строю жизни и отчасти по свойствамъ своей организаціи, въ меньшей степени, чѣмъ мужчины, подвержены внѣшнимъ вліяніямъ и риску совершать тяжкія уголовныя преступленія. Онѣ не служатъ въ канцеляріяхъ и на военной службѣ, не уходятъ въ отхожіе промыслы,

точки зрѣнія эти женщины имѣютъ одно важное преимущество: онѣ поступаютъ въ колонію въ сравнительно молодомъ возрастѣ; это въ большинствѣ женщины съ темпераментомъ, осужденныя за преступленія романическаго и семейнаго характера: «за мужа пришла», «за свекровь пришла»... Это все больше убійцы, жертвы любви и семейнаго деспотизма. Даже тѣ изъ нихъ, которыя пришли за поджогъ или поддѣлку денежныхъ знаковъ,

не работаютъ въ лѣсахъ, рудникахъ, на морѣ, а потому не знаютъ преступленій по должности и противъ военной дисциплины и преступленій, прямое участіе въ которыхъ требуетъ мужской физической силы, напримѣръ: ограбленіе почты, разбой на большой дорогѣ и т. п.; статьи о преступленіяхъ противъ цѣломудрія, объ изнасилованіи, растлѣніи и сверхъестественныхъ порокахъ касаются однихъ лишь мужчинъ. Но за то онѣ убиваютъ, истязуютъ, наносятъ тяжкія увѣчья и укрываютъ убійства относительно чаще, чѣмъ мужчины; среди послѣднихъ убійцы составляютъ 47%, а среди преступницъ 57%. Что же касается осужденныхъ за отравленіе, то среди женщинъ ихъ больше не только относительно, но даже абсолютно. Въ 1889 г. по всѣмъ тремъ округамъ отравительницъ было показано абсолютно почти въ три раза больше, чѣмъ отравителей, а относительно въ 23 раза. Какъ бы то ни было, женщинъ поступаетъ въ колонію меньше мужчинъ и, даже несмотря на ежегодно прибывающія партіи женщинъ свободнаго состоянія, мужчины, все-таки, даютъ подавляющій перевѣсъ. Такое неравномѣрное распредѣленіе половъ неизбѣжно въ ссыльной колоніи и уравновѣшеніе можетъ произойти только съ прекращеніемъ ссылки или когда на островъ начнетъ приливать иммиграціонный элементъ, который сольется со ссыльнымъ, или появится у насъ своя мистрисъ Фрей, которая будетъ энергически пропагандировать мысль объ отправленіи на Сахалинъ для развитія семейственности транспорта честныхъ дѣвушекъ изъ бѣдныхъ семействъ.

О ссылкѣ западно-европейской и русской и въ частности о женскомъ вопросѣ см. у проф. И. Л. Фойницкаго въ его извѣстной книгѣ *Ученіе о наказаніи въ связи съ тюрьмовѣдѣніемъ.*

несутъ, въ сущности, кару за любовь, такъ какъ были увлекаемы въ преступленіе своими любовниками.

Любовный элементъ играетъ въ ихъ печальномъ существованіи роковую роль и до суда, и послѣ суда. Когда ихъ везутъ на пароходѣ въ ссылку, то между ними начинаетъ бродить слухъ, что на Сахалинѣ ихъ противъ воли выдадутъ замужъ. И это волнуетъ ихъ. Былъ случай, когда онѣ обратились къ судовому начальству съ просьбой походатайствовать, чтобы ихъ не выдавали насильно.

Лѣтъ 15—20 назадъ каторжныя женщины по прибытіи на Сахалинъ тотчасъ же поступали въ домъ терпимости. «На югѣ Сахалина,—писалъ Власовъ въ своемъ отчетѣ, — женщины за неимѣніемъ особаго помѣщенія помѣщаются въ зданіи пекарни... Начальникъ острова Депрерадовичъ распорядился обратить женское отдѣленіе тюрьмы въ домъ терпимости». О какихъ-либо работахъ не могло быть и рѣчи, такъ какъ «только провинившіяся или не заслужившія мужской благосклонности» попадали на работу въ кухнѣ, остальныя же служили «потребностямъ» и пили мертвую, и, въ концѣ-концовъ, женщины, по словамъ Власова, были развращаемы до такой степени, что въ состояніи какого-то ошеломленія «продавали своихъ дѣтей за штофъ спирта».

Теперь, когда прибываетъ партія женщинъ въ Александровскъ, то ее, прежде всего, торжественно ведутъ съ пристани въ тюрьму. Женщины, согнувшись подъ тя-

жестью узловъ и котомокъ, плетутся по шоссе, вялыя, еще не пришедшія въ себя отъ морской болѣзни, а за ними, какъ на ярмаркѣ за комедіантами, идутъ цѣлыя толпы бабъ, мужиковъ, ребятишекъ и лицъ, причастныхъ къ канцеляріямъ. Картина, похожая на ходъ сельдей въ Анивѣ, когда вслѣдъ за рыбой идутъ цѣлыя полчища китовъ, тюленей и дельфиновъ, желающихъ полакомиться икряною селедкой. Мужики-поселенцы идутъ за толпой съ честными, простыми мыслями: имъ нужна хозяйка. Бабы смотрятъ, нѣтъ ли въ новой партіи землячекъ. Писарямъ же и надзирателямъ нужны «дѣвочки». Это обыкновенно происходитъ передъ вечеромъ. Женщинъ запираютъ на ночь въ камерѣ, заранѣе для того приготовленной, и потомъ всю ночь въ тюрьмѣ и въ посту идутъ разговоры о новой партіи, о прелестяхъ семейной жизни, о невозможности вести хозяйство безъ бабы и т. п. Въ первыя же сутки, пока еще пароходъ не ушелъ въ Корсаковскъ, происходитъ распредѣленіе вновь прибывшихъ женщинъ по округамъ. Распредѣляютъ александровскіе чиновники и потому округъ ихъ получаетъ львиную долю въ смыслѣ и количества, и качества; немного поменьше и похуже получаетъ ближайшій округъ — Тымовскій. На сѣверѣ происходитъ тщательный выборъ; тутъ, какъ на фильтрѣ, остаются самыя молодыя и красивыя, такъ что счастье жить въ южномъ округѣ выпадаетъ на долю только почти старухъ и такихъ, которыя «не заслуживаютъ мужской благосклонности». При рас-

предѣленіи вовсе не думаютъ о сельско-хозяйственной колоніи, и потому на Сахалинѣ, какъ я уже говорилъ, женщины распредѣлены по округамъ крайне неравномѣрно, и, притомъ, чѣмъ хуже округъ, чѣмъ меньше надежды на успѣхи колонизаціи, тѣмъ больше въ немъ женщинъ: въ худшемъ, Александровскомъ, на 100 мужчинъ приходится 69 женщинъ, въ среднемъ, Тымовскомъ—47, и въ лучшемъ, Корсаковскомъ—только 36 *).

Изъ женщинъ, выбранныхъ для Александровскаго округа, часть назначается въ прислуги къ чиновникамъ; послѣ тюремъ, арестантскаго вагона и пароходнаго трюма въ первое время чистыя и свѣтлыя чиновницкія комнаты кажутся женщинѣ волшебнымъ зàмкомъ, а самъ баринъ—добрымъ или злымъ геніемъ, имѣющимъ надъ нею неограниченную власть; скоро, впрочемъ, она свыкается со своимъ новымъ положеніемъ, но долго еще потомъ слышатся въ ея рѣчи тюрьма и пароходный трюмъ: «не могу знать», «кушайте, ваше высокоблагородіе», «точно такъ». Другая часть женщинъ поступаетъ въ гаремы писарей и надзирателей, третья же, бòльшая, въ избы поселенцевъ, причемъ женщинъ получаютъ только тѣ, кто

*) Д-ръ А. В. Щербакъ въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ пишетъ: „Выгрузка окончена была только утромъ другого дня. Оставалось еще принять ссыльно-каторжныхъ, назначенныхъ въ Корсаковскій постъ, и получить различныя сдаточныя квитанціи. Первыхъ, въ числѣ 50 мужчинъ и 20 женщинъ, прислали безъ замедленія. Въ статейныхъ спискахъ мужчинъ не значилось ремеслъ, а женщины были очень стары. Спускали поплоше“. *Съ ссыльно-каторжными. Новое Время,* № 5381.

побогаче и имѣетъ протекцію. Женщину можетъ получить и каторжный, даже изъ разряда испытуемыхъ, если онъ человѣкъ денежный и пользуется вліяніемъ въ тюремномъ міркѣ.

Въ Корсаковскомъ посту вновь прибывшихъ женщинъ тоже помѣщаютъ въ особый баракъ. Начальникъ округа и смотритель поселеній вмѣстѣ рѣшаютъ, кто изъ поселенцевъ и крестьянъ достоинъ получить бабу. Преимущество дается уже устроившимся, домовитымъ и хорошаго поведенія. Этимъ немногимъ избранникамъ посылается приказъ, чтобы они въ такой-то день и часъ приходили въ постъ, въ тюрьму, за полученіемъ женщинъ. И вотъ въ назначенный день по всему длинному тракту отъ Найбучи до поста тамъ и сямъ встрѣчаются идущіе къ югу, какъ ихъ здѣсь не безъ ироніи величаютъ, женихи или молодые. Видъ у нихъ какой-то особенный, въ самомъ дѣлѣ жениховскій; одинъ нарядился въ красную кумачовую рубаху, другой въ какой-то необыкновенной плантаторской шляпѣ, третій въ новыхъ блестящихъ сапогахъ съ высокими каблуками, купленныхъ неизвѣстно гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ. Когда всѣ они приходятъ въ постъ, ихъ впускаютъ въ женскій баракъ и оставляютъ тутъ вмѣстѣ съ женщинами. Въ первые четверть-полчаса платится необходимая дань смущенію и чувству неловкости; женихи бродятъ около наръ и молча и сурово поглядываютъ на женщинъ, тѣ сидятъ потупившись. Каждый выбираетъ; безъ кислыхъ гримасъ, безъ усмѣшекъ,

а совершенно серьезно, относясь «по-человѣчеству» и къ некрасотѣ, и къ старости, и къ арестантскому виду, онъ присматривается и хочетъ угадать по лицамъ: какая изъ нихъ хорошая хозяйка? Вотъ какая-нибудь молодая или пожилая «показалась» ему; онъ садится рядомъ и заводитъ съ нею душевный разговоръ. Она спрашиваетъ, есть ли у него самоваръ, чѣмъ крыта у него изба, тесомъ или соломой. Онъ отвѣчаетъ на это, что у него есть самоваръ, лошадь, телка по второму году и изба крыта тесомъ. Только ужь послѣ хозяйственнаго экзамена, когда оба чувствуютъ, что дѣло кончено, она рѣшается задать вопросъ:

— А обижать вы меня не будете?

Разговоръ кончается. Женщина приписывается къ поселенцу такому-то, въ селеніе такое-то—и гражданскій бракъ совершенъ. Поселенецъ отправляется со своею сожительницей къ себѣ домой и для финала, чтобы не ударить лицомъ въ грязь, нанимаетъ подводу, часто на послѣднія деньги. Дома сожительница первымъ дѣломъ ставитъ самоваръ, и сосѣди, глядя на дымъ, съ завистью толкуютъ, что у такого-то есть уже баба.

Каторжныхъ работъ для женщинъ на островѣ нѣтъ. Правда, женщины иногда моютъ полы въ канцеляріяхъ, работаютъ на огородахъ, шьютъ мѣшки, но постояннаго и опредѣленнаго въ смыслѣ тяжкихъ принудительныхъ работъ ничего нѣтъ и, вѣроятно, никогда не будетъ. Каторжныхъ женщинъ тюрьма совершенно уступила коло-

ніи. Когда ихъ везутъ на островъ, то думаютъ не о наказаніи или исправленіи, а только объ ихъ способности рожать дѣтей и вести сельское хозяйство. Каторжныхъ женщинъ раздаютъ поселенцамъ подъ видомъ работницъ, на основаніи ст. 345 *Устава о ссыльныхъ*, которая разрѣшаетъ незамужнимъ ссыльнымъ женщинамъ «пропитываться услугою въ ближайшихъ селеніяхъ старожиловъ, пока не выйдутъ замужъ». Но эта статья существуетъ только какъ прикрышка отъ закона, запрещающаго блудъ и прелюбодѣяніе, такъ какъ каторжная или поселка, живущая у поселенца, не батрачка, прежде всего, а сожительница его, незаконная жена съ вѣдома и согласія администраціи; въ казенныхъ вѣдомостяхъ и приказахъ жизнь ея подъ одною крышей съ поселенцемъ отмѣчается какъ «совмѣстное устройство хозяйства» или «совмѣстное домообзаводство» *), онъ и она вмѣстѣ называются «свободною семьей». Можно сказать, что, за исключеніемъ небольшого числа привилегированныхъ и тѣхъ, которыя прибываютъ на островъ съ мужьями, всѣ каторжныя женщины поступаютъ въ сожительницы. Это слѣдуетъ считать за правило. Мнѣ разсказывали, что когда одна женщина во Владиміровкѣ не захотѣла идти въ сожительницы и заявила, что она пришла сюда на ка-

*) Напримѣръ, приказъ: „Согласно ходатайства г. начальника Александровскаго округа, изложеннаго въ рапортѣ отъ 5 января, за № 75, ссыльно-каторжная Александровской тюрьмы Акулина Кузнецова переводится въ Тымовскій округъ для совмѣстнаго домообзаводства съ поселенцемъ Алексѣемъ Шараповымъ“ (1889 г., № 25).

торгу, чтобы работать, а не для чего-нибудь другого, то ея слова будто бы привели всѣхъ въ недоумѣніе *).

Мѣстная практика выработала особенный взглядъ на каторжную женщину, существовавшій, вѣроятно, во всѣхъ ссыльныхъ колоніяхъ: не то она человѣкъ, хозяйка, не то существо, стоящее даже ниже домашняго животнаго. Поселенцы селенія Сиска подали окружному начальнику такое прошеніе: «Просимъ покорнѣйше ваше высокоблагородіе отпустить намъ рогатаго скота для млекопитанія въ вышеупомянутую мѣстность и женскаго пола для устройства внутренняго хозяйства». Начальникъ острова, бесѣдуя въ моемъ присутствіи съ поселенцами селенія Ускова и давая имъ разныя обѣщанія, сказалъ, между прочимъ:

— И насчетъ женщинъ васъ не оставлю.

— Не хорошо, что женщинъ присылаютъ сюда изъ Россіи не весной, а осенью,—говорилъ мнѣ одинъ чиновникъ.—Зимою бабѣ нечего дѣлать, она не помощница мужику, а только лишній ротъ. Потому-то хорошіе хозяева берутъ ихъ осенью неохотно.

Такъ разсуждаютъ осенью о рабочихъ лошадяхъ, когда предвидятся зимою дорогіе кормы. Человѣческое до-

*) Да и трудно понять, гдѣ жили бы женщины, еслибъ отказывались отъ сожительства. Особаго помѣщенія для нихъ на каторгѣ не существуетъ. Завѣдующій медицинскою частью въ своемъ отчетѣ за 1889 г. пишетъ: „По прибытіи на Сахалинъ имъ предоставляется самимъ заботиться о помѣщеніи... для оплаты котораго приходится нѣкоторымъ изъ нихъ не пренебрегать способами для добыванія средствъ“.

стоинство, а также женственность и стыдливость каторжной женщины не принимаются въ разсчетъ ни въ какомъ случаѣ; какъ бы подразумѣвается, что все это выжжено въ ней ея позоромъ или утеряно ею, пока она таскалась по тюрьмамъ и этапамъ. По крайней мѣрѣ, когда ее наказываютъ тѣлесно, то не стѣсняются соображеніемъ, что ей можетъ быть стыдно *). Но униженіе ея личности, все-таки, никогда не доходило до того, чтобы ее насильно выдавали замужъ или принуждали къ сожительству. Слухи о насиліяхъ въ этомъ отношеніи такія же пустыя сказки, какъ висѣлица на берегу моря или работа въ подземельи **).

*) Здѣсь говорится о времени, когда еще не были отмѣнены тѣлесныя наказанія для женщинъ.

**) Лично я всегда относился съ сомнѣніемъ къ этимъ слухамъ, но, все-таки, провѣрилъ ихъ на мѣстѣ и собралъ всѣ случаи, которые могли послужить поводомъ къ нимъ. Разсказываютъ, что года 3—4 назадъ, когда начальникомъ острова былъ генералъ Гинце, въ Александровскѣ одна каторжная, иностранка, была выдана противъ воли за бывшаго околоточнаго надзирателя. Каторжная Ягельская, въ Корсаковскомъ округѣ, получила 30 розогъ за то, что захотѣла уйти отъ своего сожителя поселенца Котлярова. Тамъ же поселенецъ Яроватый пожаловался, что его баба отказывается жить съ нимъ. Послѣдовало распоряженіе: „N. N., всыпьте ей“.—„Сколько?“—„Семьдесятъ“. Бабу высѣкли, но она, все-таки, настояла на своемъ и перешла къ поселенцу Маловѣчкину, который теперь не нахвалится ею. Поселенецъ Рѣзвецовъ, старикъ, засталъ свою сожительницу, молодую женщину, съ поселенцемъ Родинымъ и пошелъ жаловаться. Послѣдовало распоряженіе: „Позвать ее сюда!“ Баба явилась. „Такъ ты, такая - сякая, не хочешь жить съ Рѣзвецовымъ? Розогъ!“ И Рѣзвецову приказано было собственноручно наказать сожительницу, что̀ тотъ и исполнилъ. Въ концѣ-концовъ, она, все-таки, взяла верхъ и я уже записалъ ее сожительницей не Рѣзвецо-

Къ сожительству не служатъ помѣхой ни старость женщины, ни различіе вѣроисповѣданій, ни бродяжеское состояніе. Сожительницъ, имѣющихъ 50 и болѣе лѣтъ, я встрѣчалъ не только у молодыхъ поселенцевъ, но даже у надзирателей, которымъ едва минуло 25. Бываетъ, что приходятъ на каторгу старуха-мать и взрослая дочь; обѣ поступаютъ въ сожительницы къ поселенцамъ и обѣ начинаютъ рожать какъ бы въ перегонку. Католики, лютеране и даже татары и евреи не рѣдко живутъ съ русскими. Въ Александровскѣ въ одной избѣ я встрѣтилъ русскую бабу въ большой компаніи киргизъ и кавказцевъ, которымъ она прислуживала за столомъ, и записалъ ее сожительницей татарина или, какъ она называла его, чеченца. Въ Александровскѣ всѣмъ извѣстный здѣсь татаринъ Кербалай живетъ съ русскою Лопушиной и имѣетъ отъ нея троихъ дѣтей *). Бродяги тоже устраиваются на семейную ногу и одинъ изъ нихъ, бродяга Иванъ 35

ва, а Родина. Вотъ и всѣ случаи, о которыхъ помнитъ населеніе. Если каторжная женщина изъ сварливаго характера или изъ распутства слишкомъ часто мѣняетъ сожителей, то ее наказываютъ, но и такіе случаи бываютъ рѣдко и возникаютъ только вслѣдствіе жалобъ поселенцевъ.

*) Въ Верхнемъ Армуданѣ у татарина Тухватулы я записалъ сожительницей Екатерину Петрову; она имѣетъ отъ него дѣтей; работникъ въ этой семьѣ магометанинъ, гости тоже. Въ Рыковскомъ поселенецъ Магометъ Усте-Норъ живетъ съ Автотьей Медвѣдевой. Въ Нижнемъ Армуданѣ у лютеранина поселенца Перецкаго сожительница еврейка Лея Пермутъ Броха, а въ Большомъ Такоэ крестьянинъ изъ ссыльныхъ Калевскій сожительствуетъ съ аинкой.

лѣтъ, въ Дербинскомъ, даже заявилъ мнѣ съ улыбкой, что у него двѣ сожительницы: «одна здѣсь, другая по билету въ Николаевскѣ». Иной поселенецъ живетъ съ женщиной, не помнящей родства, уже лѣтъ десять, какъ съ женой, а все еще не знаетъ ея настоящаго имени и откуда она родомъ.

На вопросъ, какъ имъ живется, поселенецъ и его сожительница обыкновенно отвѣчаютъ: «Хорошо живемъ». А нѣкоторыя каторжныя женщины говорили мнѣ, что дома въ Россіи отъ мужей своихъ онѣ терпѣли только озорства, побои да попреки кускомъ хлѣба, а здѣсь на каторгѣ онѣ впервые увидѣли свѣтъ. «Слава Богу, живу теперь съ хорошимъ человѣкомъ, онъ меня жалѣетъ». Ссыльные жалѣютъ своихъ сожительницъ и дорожатъ ими.

— Здѣсь, за недостаткомъ женщинъ, мужикъ самъ и пашетъ, и стряпаетъ, и корову доитъ, и бѣлье починяетъ,—говорилъ мнѣ баронъ А. Н. Корфъ,—и ужь если къ нему попадаетъ женщина, то онъ крѣпко держится за нее. Посмотрите, какъ онъ наряжаетъ ее. Женщина у ссыльныхъ пользуется почетомъ.

— Что, впрочемъ, не мѣшаетъ ей ходить съ синяками,—прибавилъ отъ себя ген. Кононовичъ, присутствовавшій при разговорѣ.

Бываютъ и ссоры, и драки, и дѣло доходитъ до синяковъ, но все же поселенецъ учитъ свою сожительницу съ опаской, такъ какъ сила на ея сторонѣ: онъ знаетъ, что она у него незаконная, и во всякое время можетъ

бросить его и уйти къ другому. Понятно, что ссыльные жалѣютъ своихъ женщинъ не изъ одной только этой опаски. Какъ ни просто складываются на Сахалинѣ незаконныя семьи, но и имъ бываетъ не чужда любовь въ самомъ ея чистомъ, привлекательномъ видѣ. Въ Дуэ я видѣлъ сумасшедшую, страдающую эпилепсіей каторжную, которая живетъ въ избѣ своего сожителя, тоже каторжнаго; онъ ходитъ за ней, какъ усердная сидѣлка, и когда я замѣтилъ ему, что, вѣроятно, ему тяжело жить въ одной комнатѣ съ этою женщиной, то онъ отвѣтилъ мнѣ весело: «Ничево-о, ваше высокоблагородіе, по-человѣчности!» Въ Ново-Михайловкѣ у одного поселенца сожительница давно уже лишилась ногъ и день и ночь лежитъ среди комнаты на лохмотьяхъ, и онъ ходитъ за ней, и когда я сталъ увѣрять его, что для него же было бы удобнѣе, если бы она лежала въ больницѣ, то и онъ тоже заговорилъ о человѣчности.

Съ хорошими и заурядными семьями въ перемежку встрѣчается и тотъ разрядъ свободныхъ семей, которому отчасти обязанъ такою дурною репутаціей ссылочный «женскій вопросъ». Въ первую же минуту эти семьи отталкиваютъ своею искусственностью и фальшью и даютъ почувствовать, что тутъ, въ атмосферѣ, испорченной тюрьмою и неволей, семья давно уже сгнила, а на мѣстѣ ея выросло что-то другое. Много мужчинъ и женщинъ живутъ вмѣстѣ, потому что такъ надо, такъ принято въ ссылкѣ; сожительства стали въ колоніи традиці-

оннымъ порядкомъ, и эти люди, какъ слабыя, безвольныя натуры, подчинились этому порядку, хотя никто не принуждалъ ихъ къ тому. Хохлушка лѣтъ 50 въ Ново-Михайловкѣ, пришедшая сюда съ сыномъ, тоже каторжнымъ, изъ-за невѣстки, которая была найдена мертвой въ колодцѣ, оставившая дома старика-мужа и дѣтей, живетъ здѣсь съ сожителемъ, и, повидимому, это самой ей гадко и ей стыдно говорить объ этомъ съ постороннимъ человѣкомъ. Своего сожителя она презираетъ и, всетаки, живетъ съ нимъ и спитъ вмѣстѣ: такъ надо въ ссылкѣ. Члены подобныхъ семей чужды другъ другу до такой степени, что какъ бы долго они ни жили подъ одною крышей, хотя бы 5—10 лѣтъ, не знаютъ, сколько другъ другу лѣтъ, какой губерніи, какъ по отчеству... На вопросъ, сколько ея сожителю лѣтъ, баба, глядя вяло и лѣниво въ сторону, отвѣчаетъ обыкновенно: «А чортъ его знаетъ!» Пока сожитель на работѣ или играетъ гдѣ-нибудь въ карты, сожительница валяется въ постели, праздная, голодная; если кто-нибудь изъ сосѣдей войдетъ въ избу, то она нехотя приподнимется и разскажетъ, зѣвая, что она «за мужа пришла», невинно пострадала: «Его, чорта, хлопцы убили, а меня въ каторгу». Сожитель возвращается домой: дѣлать нечего, говорить съ бабой не о чемъ; самоваръ бы поставить, да сахару и чаю нѣтъ... При видѣ валяющейся сожительницы, чувство скуки и праздности, несмотря на голодъ и досаду, овладѣваетъ имъ, онъ вздыхаетъ и тоже—бултыхъ въ

постель. Если женщины изъ такихъ семей промышляютъ проституціей, то сожители ихъ обыкновенно поощряютъ это занятіе. Въ проституткѣ, добывающей кусокъ хлѣба, сожитель видитъ полезное домашнее животное и уважаетъ ее, т.-е. самъ ставитъ для нея самоваръ и молчитъ, когда она бранится. Она часто мѣняетъ сожителей, выбирая тѣхъ, кто побогаче, или у кого есть водка, или мѣняетъ просто отъ скуки, для разнообразія.

Каторжная женщина получаетъ арестантскій пай, который она съѣдаетъ вмѣстѣ съ сожителемъ; иногда этотъ бабій пай служитъ единственнымъ источникомъ пропитанія семьи. Такъ какъ сожительница формально считается работницей, то поселенецъ платитъ за нее въ казну, какъ за работницу: онъ обязуется свезти пудовъ двадцать груза изъ одного округа въ другой или доставить въ постъ десятокъ бревенъ. Эта формальность, впрочемъ, обязательна только для поселенцевъ-мужиковъ и не требуется отъ ссыльныхъ, которые живутъ въ постахъ и ничего не дѣлаютъ. Отбывши срокъ, каторжная женщина перечисляется въ поселенческое состояніе и уже перестаетъ получать кормовое и одежное довольствіе; такимъ образомъ, на Сахалинѣ переводъ въ поселки совсѣмъ не служитъ облегченіемъ участи: каторжницамъ, получающимъ отъ казны пай, живется легче, чѣмъ поселкамъ, и чѣмъ дольше срокъ каторги, тѣмъ лучше для женщины, а если она безсрочная, то это значитъ, что она обезпечена кускомъ хлѣба безсрочно. Крестьянскія права по-

селка получаетъ обыкновенно на льготныхъ основаніяхъ, черезъ шесть лѣтъ.

Женщинъ свободнаго состоянія, добровольно пришедшихъ за мужьями, въ настоящее время въ колоніи больше, чѣмъ каторжныхъ женщинъ, а ко всему числу ссыльныхъ женщинъ онѣ относятся какъ 2 : 3. Я записалъ 697 женщинъ свободнаго состоянія; каторжныхъ женщинъ, поселокъ и крестьянокъ было 1,041,—значитъ, свободныя въ колоніи составляютъ 40% всего наличнаго состава взрослыхъ женщинъ *). Покидать родину и идти въ ссылку за преступными мужьями побуждаютъ женщинъ разнообразныя причины. Однѣ идутъ изъ любви и жалости; другія изъ крѣпкаго убѣжденія, что разлучить мужа и жену можетъ одинъ только Богъ; третьи бѣгутъ изъ дому отъ стыда; въ темной деревенской средѣ позоръ мужей все еще падаетъ на женъ: когда, напримѣръ, жена осужденнаго полощетъ на рѣкѣ бѣлье, то другія бабы обзываютъ ее каторжанкой; четвертыя завлекаются на Сахалинъ мужьями, какъ въ ловушку, путемъ обмана. Еще въ трюмѣ парохода многіе арестанты пишутъ домой, что на Сахалинѣ и тепло, и земли много, и хлѣбъ дешевый, и начальство доброе; изъ тюрьмы они пишутъ то же самое, иногда по нѣскольку лѣтъ, при-

*) Въ первыя десять лѣтъ съ начала морской перевозки, съ 1879 по 1889 г., на пароходахъ добровольнаго флота было перевезено каторжныхъ мужчинъ и женщинъ 8,430 и добровольно слѣдовавшихъ за ними членовъ ихъ семействъ 1,146.

думывая все новые соблазны, и разсчетъ ихъ на темноту и легковѣріе женъ, какъ показали факты, часто оправдывается *). Наконецъ, пятыя идутъ потому, что все еще продолжаютъ находиться подъ сильнымъ нравственнымъ вліяніемъ мужей; такія, быть можетъ, сами принимали участіе въ преступленіи или пользовались плодами его и не попали подъ судъ только по недостатку уликъ. Наиболѣе часты двѣ первыя причины: состраданіе и жалость до самопожертвованія и непоколебимая сила убѣжденія. Среди женъ, добровольно пришедшихъ за мужьями, кромѣ русскихъ, есть также татарки, еврейки, цыганки, польки и нѣмки **).

*) Одинъ арестантъ въ письмѣ хвалился даже, что у него есть иностранная серебрянная монета. Тонъ подобныхъ писемъ жизнерадостный, игривый.

**) Случается, что за женами приходятъ въ ссылку мужья. На Сахалинѣ такихъ мужей только трое: отставные солдаты Андрей Найдушъ и Андрей Ганинъ въ Александровскѣ и крест. Жигулинъ въ Дербинскомъ. Послѣдній, пришедшій за женой и дѣтьми, старикъ, разыгрываетъ изъ себя чудака, похожъ на пьянаго и служитъ посмѣшищемъ для всей улицы. Одинъ нѣмецъ старикъ пришелъ съ женой къ сыну Готлибу. Онъ ни слова не говоритъ по-русски. Я спросилъ его, между прочимъ, сколько ему лѣтъ.

— Я родился въ 1832 г.,—сказалъ онъ по-нѣмецки, потомъ написалъ на столѣ мѣломъ 1890 и вычелъ 1832.

Съ однимъ каторжнымъ, бывшимъ купцомъ, пріѣхалъ его прикащикъ, который, впрочемъ, пожилъ въ Александровскѣ только мѣсяцъ и вернулся въ Россію. По 264 ст. *Устава о ссыльныхъ*, мужья-евреи не могутъ слѣдовать въ ссылку за своими осужденными женами, и послѣднимъ предоставляется брать съ собой лишь грудныхъ дѣтей, и то не иначе, какъ съ согласія мужей.

Когда женщины свободнаго состоянія прибываютъ на Сахалинъ, то ихъ встрѣчаютъ здѣсь не особенно привѣтливо. Вотъ характерный эпизодъ. 19 октября 1889 г. на пароходѣ добровольнаго флота *Владивостокъ* прибыло въ Алексадровскъ 300 женщинъ свободнаго состоянія, подростковъ и дѣтей. Плыли они изъ Владивостока 3—4 сутокъ на холодѣ, безъ горячей пищи и среди нихъ, какъ передавалъ мнѣ докторъ Перлинъ, было найдено 26 больныхъ скарлатиной, оспой и корью. Пароходъ пришелъ поздно вечеромъ. Командиръ, опасаясь, вѣроятно, дурной погоды, потребовалъ, чтобы приняли пассажировъ и грузъ непремѣнно ночью. Выгружали съ 12 до 2 часовъ ночи. Женщинъ и дѣтей заперли на пристани въ катерномъ сараѣ и въ амбарѣ, построенномъ для склада товаровъ, а больныхъ—въ сараѣ, который приспособленъ для карантиннаго содержанія больныхъ. Вещи пассажировъ свалили въ безпорядкѣ въ баржу. Къ утру прошелъ слухъ, что баржу ночью сорвало волненіемъ и унесло въ море. Поднялся плачъ. У одной женщины вмѣстѣ съ вещами пропало 300 руб. Составили протоколъ и обвинили во всемъ бурю, между тѣмъ, на другой же день стали находить въ тюрьмѣ у каторжныхъ пропавшія вещи.

Свободная женщина въ первое время по прибытіи на Сахалинъ имѣетъ ошеломленный видъ. Островъ и каторжная обстановка поражаютъ ее. Она съ отчаяніемъ говоритъ, что, ѣдучи къ мужу, не обманывала себя и

ожидала только худого, но дѣйствительность оказалась страшнѣе всякихъ ожиданій. Едва она поговорила съ тѣми женщинами, которыя прибыли раньше ея, и поглядѣла на ихъ житье-бытье, какъ у нея уже является увѣренность, что она и дѣти ея погибли. Хотя до окончанія срока осталось еще болѣе 10—15 лѣтъ, но она уже бредитъ о материкѣ и слышать не хочетъ про здѣшнее хозяйство, которое кажется ей ничтожнымъ, не стоющимъ вниманія. Она плачетъ день и ночь съ причитываніями, поминая своихъ покинутыхъ родныхъ, какъ усопшихъ, а мужъ, сознавая свою великую вину передъ ней, молчитъ угрюмо, но, наконецъ, выйдя изъ себя, начинаетъ бить ее и бранить за то, что она пріѣхала сюда.

Если свободная женщина пріѣхала безъ денегъ или привезла ихъ такъ мало, что хватило только на покупку избы, и если ей и мужу ничего не присылаютъ изъ дому, то скоро наступаетъ голодъ. Заработковъ нѣтъ, милостыню просить негдѣ, и ей съ дѣтьми приходится кормиться тою же арестантскою порціей, которую получаетъ изъ тюрьмы ея мужъ каторжникъ и которой едва хватаетъ на одного взрослаго *). Изо дня въ день мысль работаетъ все въ одномъ направленіи: чего бы поѣсть и чѣмъ бы

*) Тутъ рѣзко бросается въ глаза разница положеній этой свободной женщины, законной жены, и ея сосѣдки каторжной, сожительницы, получающей отъ казны ежедневно по три фунта хлѣба. Во Владиміровкѣ одна женщина свободнаго состоянія подозрѣвается въ убійствѣ мужа; если ее осудятъ въ каторжныя работы, то она начнетъ получать паекъ,—значитъ, попадетъ въ лучшее положеніе, чѣмъ была до суда.

покормить дѣтей. Отъ постоянной проголоди, отъ взаимныхъ попрековъ кускомъ хлѣба и отъ увѣренности, что лучше не будетъ, съ теченіемъ времени душа черствѣетъ, женщина рѣшаетъ, что на Сахалинѣ деликатными чувствами сытъ не будешь, и идетъ добывать пятаки и гривенники, какъ выразилась одна, «своимъ тѣломъ». Мужъ тоже очерствѣлъ, ему не до чистоты и все это кажется неважнымъ. Едва дочерямъ минуло 14—15 лѣтъ, какъ и ихъ тоже пускаютъ въ оборотъ; матери торгуютъ ими дома, или же отдаютъ ихъ въ сожительницы къ богатымъ поселенцамъ и надзирателямъ. И все это совершается съ тѣмъ большею легкостью, что свободная женщина проводитъ здѣсь время въ полнѣйшей праздности. Въ постахъ дѣлать совсѣмъ нечего, а въ селеніяхъ, особенно въ сѣверныхъ округахъ, хозяйства въ самомъ дѣлѣ ничтожны.

Кромѣ нужды и праздности, у свободной женщины есть еще третій источникъ всякихъ бѣдъ — это мужъ. Онъ можетъ пропить или проиграть въ карты свой пай, женино и даже дѣтское платье. Онъ можетъ впасть въ новое преступленіе или удариться въ бѣга. Поселенецъ Тымовскаго округа Бышевецъ при мнѣ содержался въ карцерѣ въ Дуэ,—его обвиняли въ покушеніи на убійство; жена его и дѣти жили по близости въ казармахъ для семейныхъ, а домъ и хозяйство были брошены. Въ Мало-Тымовѣ бѣжалъ поселенецъ Кучеренко, оставивъ жену и дѣтей. Если мужъ не изъ такихъ, которые убиваютъ или бѣгаютъ, то, все-таки, каждый день приходится бояться,

какъ бы его не наказали, не взвели бы на него напраслины, какъ бы онъ не надорвался, не заболѣлъ, не умеръ.

Годы уходятъ, близится старость; мужъ отбылъ уже каторгу и поселенческій срокъ и хлопочетъ о крестьянскихъ правахъ. Прошлое предается забвенію, прощается, и съ отъѣздомъ на материкъ мерещится вдали новая, разумная, счастливая жизнь. Бываетъ и иначе. Жена умираетъ отъ чахотки, а мужъ уѣзжаетъ на материкъ, старый и одинокій; или же она остается вдовой и не знаетъ, что ей дѣлать, куда ѣхать. Въ Дербинскомъ жена свободнаго состоянія Александра Тимоѳеева ушла отъ своего мужа молокана къ пастуху Акиму, живетъ въ тѣсной, грязной лачужкѣ и уже родила пастуху дочь, а мужъ взялъ къ себѣ другую женщину, сожительницу. Женщины свободнаго состоянія Шуликина и Ѳедина въ Александровскѣ тоже ушли отъ мужей въ сожительницы. Ненила Карпенко овдовѣла и живетъ теперь съ поселенцемъ. Каторжный Алтуховъ ушелъ бродяжить, а его жена Екатерина, свободная, состоитъ въ незаконномъ бракѣ *).

*) *Уставъ о ссыльныхъ* отводитъ у себя мѣсто также и женщинамъ свободнаго состоянія. По ст. 85, „женщины, идущія по собственной волѣ, во все время слѣдованія не должны быть отдѣляемы отъ мужей и не подлежатъ строгости надзора“. Въ Европейской Россіи или на пароходѣ добровольнаго флота онѣ свободны отъ надзора, въ Сибири же, когда партія идетъ пѣшкомъ и на подводахъ, конвойнымъ не время разбирать въ толпѣ, гдѣ тутъ ссыльныя и свободныя. Въ Забайкальи мнѣ случилось видѣть, какъ въ рѣкѣ купались вмѣстѣ мужчины, женщины и дѣти; конвойные, ставши возлѣ полукругомъ, не позволяли выходить за

XVII.

Составъ населенія по возрастамъ.— Семейное положеніе ссыльныхъ.— Браки.— Рождаемость.— Сахалинскія дѣти.

Цифры, относящіяся къ возрастному составу ссыльнаго населенія, если бы даже онѣ отличались идеальною точностью и несравненно большею полнотой, чѣмъ собранныя мною, то, все-таки, давали бы почти ничего. Во-первыхъ, онѣ случайны, такъ какъ обусловлены не естественными или экономическими условіями, а юридическими теоріями, существующимъ уложеніемъ о нака-

границы этого полукруга никому, даже ребятамъ. По ст. 173 и 253, женщины, добровольно слѣдующія за мужьями, „получаютъ одежду, обувь и кормовыя деньги во все продолженіе пути до мѣста назначенія“ въ размѣрѣ арестантскаго пайка. Но въ *Уставѣ* не говорится, какъ должны женщины свободнаго состоянія слѣдовать черезъ Сибирь—пѣшкомъ или на подводахъ. По ст. 406, имъ съ согласія мужей дозволяются временныя отлучки съ мѣста ссылки во внутреннія губерніи имперіи. Если мужъ умретъ въ ссылкѣ или если бракъ будетъ расторгнутъ вслѣдствіе новаго преступленія, то жена, по ст. 408, можетъ возвратиться на родину на казенный счетъ.

Описывая положеніе женъ ссыльно-каторжныхъ и ихъ дѣтей, повинныхъ только въ томъ, что судьба поставила ихъ въ родство съ преступниками, Власовъ говоритъ въ своемъ отчетѣ, что это „едва ли не самая мрачная сторона всей нашей депортаціонной системы“. О томъ, какъ неравномѣрно женщины свободнаго состоянія распредѣляются по округамъ и по селеніямъ, и какъ мало дорожитъ ими мѣстная администрація, я говорилъ уже. Пусть читатель вспомнитъ про дуйскія *казармы для семейныхъ*. То, что свободныя женщины и ихъ дѣти содержатся въ общихъ камерахъ, какъ въ тюрьмѣ, при отвратительной обстановкѣ, вмѣстѣ съ тюремными картежниками, съ ихъ любовницами и съ ихъ свиньями, содержатся въ Дуэ, то-есть въ самомъ жуткомъ и безнадежномъ мѣстѣ острова, достаточно рисуетъ колонизаціонную и сельско-хозяйственную политику здѣшнихъ властей.

заніяхъ, волей лицъ, составляющихъ тюремное вѣдомство. Съ измѣненіемъ взгляда на ссылку вообще и на сахалинскую въ частности измѣнится и возрастный составъ населенія; то же случится, когда станутъ присылать въ колонію вдвое больше женщинъ или когда съ проведеніемъ Сибирской желѣзной дороги начнется свободная иммиграція. Во-вторыхъ, на ссыльномъ островѣ, при исключительномъ строѣ жизни, эти цифры имѣютъ совсѣмъ не то значеніе, что при обыкновенныхъ условіяхъ въ Череповецкомъ или Московскомъ уѣздѣ. Напримѣръ, ничтожный процентъ стариковъ на Сахалинѣ означаетъ не какія-либо неблагополучныя условія вродѣ высокой смертности, а то лишь, что ссыльные въ большинствѣ успѣваютъ отбыть наказаніе и уѣхать на материкъ до наступленія старости.

Въ настоящее время въ колоніи занимаютъ первое мѣсто возрасты отъ 25 до 35 (24,3%) и отъ 35 до 45 (24,1%) *). Возрасты отъ 20 до 55 лѣтъ, которые д-ръ Грязновъ называетъ рабочими, даютъ въ колоніи 64,6%, т.-е. почти въ полтора раза больше, чѣмъ въ Россіи во-

*) Вотъ составленная мною табличка возрастовъ:

Отъ	До		М.	Ж.	Отъ	До		М.	Ж.
0	5	„	493	473	35	45	„	1,405	578
5	10	„	319	314	45	55	„	724	236
10	15	„	215	234	55	65	„	318	56
15	20	„	89	96	65	75	„	90	12
20	25	л.	134	136	75	85	„	17	1
25	35	„	1,419	680	85	95	„	—	1

Неизвѣстенъ возрастъ м. 142, ж. 35.

обще *). Примѣръ Сахалина учитъ, что высокій процентъ и даже избытокъ рабочихъ или производительныхъ возрастовъ не всегда служитъ показателемъ экономическаго благосостоянія; въ колоніи онъ указываетъ лишь на избытокъ рабочихъ рукъ, благодаря чему, несмотря даже на громадное число голодныхъ, праздныхъ и неспособныхъ, на Сахалинѣ строются города и проводятся превосходныя дороги. Не дешево стоющія сооруженія и рядомъ съ этимъ необезпеченность и нищенство производительныхъ возрастовъ наводятъ на мысль о нѣкоторомъ сходствѣ настоящаго колоніи съ тѣми временами, когда также искусственно создавался излишекъ рабочихъ рукъ, возводились храмы и цирки, а производительные возрасты терпѣли крайнюю, изнурительную нужду.

Дѣти, т.-е. возрасты отъ 0 до 15 лѣтъ, даютъ тоже высокую цифру—24,9%. Сравнительно съ однородными русскими цифрами **) она мала, для ссыльной же колоніи, гдѣ семейная жизнь находится въ такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, она высока. Плодовитость сахалинскихъ женщинъ и невысокая дѣтская смертность, какъ увидитъ ниже читатель, скоро поднимутъ процентъ дѣтей еще выше, быть можетъ, даже до русской нормы. Это хорошо, потому что, помимо всякихъ колонизаціон-

*) Въ Череповецкомъ уѣздѣ рабочіе возрасты составляютъ 44,9%, въ Московскомъ 45,4%, въ Тамбовскомъ 42,7%. См. книгу *В. И. Никольскаго:* „Тамбовскій уѣздъ. Статистика населенія и болѣзненности“, 1885 г.

**) Въ Череповецкомъ уѣздѣ 37,3, въ Тамбовскомъ около 39%.

ныхъ соображеній, близость дѣтей оказываетъ ссыльнымъ нравственную поддержку и живѣе, чѣмъ что-либо другое, напоминаетъ имъ родную русскую деревню; къ тому же, заботы о дѣтяхъ спасаютъ ссыльныхъ женщинъ отъ праздности; это и худо, потому что непроизводительные возрасты, требуя отъ населенія затратъ и сами не давая ничего, осложняютъ экономическія затрудненія; они усиливаютъ нужду, и въ этомъ отношеніи колонія поставлена даже въ болѣе неблагодарныя условія, чѣмъ русская деревня: сахалинскія дѣти, ставши подростками или взрослыми, уѣзжаютъ на материкъ и такимъ образомъ затраты, понесенныя колоніей, не возвращаются.

Возрасты, составляющіе надежду и основу если не созрѣвшей уже, то созрѣвающей колоніи, на Сахалинѣ даютъ самый ничтожный процентъ. Лицъ отъ 15 до 20 лѣтъ во всей колоніи только 185: м. 89 и ж. 96, т.-е. около 2%. Изъ нихъ только 27 человѣкъ настоящія дѣти колоніи, такъ какъ родились на Сахалинѣ или на пути слѣдованія въ ссылку, остальные же всѣ — пришлый элементъ. Но и эти родившіеся на Сахалинѣ ждутъ только отъѣзда родителей или мужей на материкъ, чтобы уѣхать вмѣстѣ съ ними. Почти всѣ 27 — это дѣти зажиточныхъ крестьянъ, уже отбывшихъ наказаніе и остающихся пока на островѣ ради округленія капиталовъ. Таковы, напримѣръ, Рачковы въ селеніи Александровскомъ. Даже Марія Барановская, дочь вольнаго поселенца, родившаяся въ Чибисани,—ей теперь 18 лѣтъ,—

не останется на Сахалинѣ и уѣдетъ на материкъ съ мужемъ. Изъ тѣхъ, которые родились на Сахалинѣ 20 лѣтъ назадъ и которымъ пошелъ уже 21 годъ, не осталось на островѣ уже ни одного. Всѣхъ вообще въ колоніи двадцатилѣтковъ 27: изъ нихъ 13 присланы сюда на каторгу, 7 прибыли добровольно за мужьями и 7 — сыновья ссыльныхъ, молодые люди, уже знающіе дорогу во Владивостокъ и на Амуръ *).

На Сахалинѣ 860 законныхъ семей и 782 свободныхъ, и эти цифры достаточно опредѣляютъ семейное положеніе ссыльныхъ, живущихъ въ колоніи. Вообще говоря, благами семейной жизни пользуется почти половина всего взрослаго населенія. Женщины въ колоніи всѣ заняты, слѣдовательно, другую половину, то-есть около трехъ тысячъ душъ, живущихъ одиноко, составляютъ одни мужчины. Впрочемъ, это отношеніе, какъ случайное, подвержено постояннымъ колебаніямъ. Такъ, когда, вслѣдствіе высочайшаго манифеста, изъ тюрьмы выпускается на участки сразу около тысячи новыхъ поселенцевъ, то

*) Изъ таблицы видно, что въ дѣтскихъ возрастахъ полы распредѣляются почти равномѣрно, а въ возрастахъ отъ 15 до 20 и отъ 20 до 25 наблюдается даже нѣкоторый избытокъ женщинъ; но затѣмъ въ возрастѣ отъ 25 - 35 мужчины перевѣшиваютъ больше, чѣмъ вдвое, а въ пожиломъ и преклонномъ возрастахъ этотъ перевѣсъ можно назвать подавляющимъ. Малое число стариковъ и почти отсутствіе старухъ указываютъ на недостатокъ въ сахалинскихъ семьяхъ элемента опытности, традицій. Всякій разъ при посѣщеніи тюремъ мнѣ казалось, что въ нихъ стариковъ относительно больше, чѣмъ въ колоніи.

процентъ безсемейныхъ въ колоніи повышается; когда же, какъ это случилось вскорѣ послѣ моего отъѣзда, сахалинскимъ поселенцамъ разрѣшено было работать на Уссурійскомъ участкѣ Сибирской желѣзной дороги, то процентъ этотъ понизился. Какъ бы то ни было, развитіе семейнаго начала среди ссыльныхъ считается чрезвычайно слабымъ, и какъ на главную причину, почему колонія до сихъ поръ не удалась, указываютъ именно на большое число безсемейныхъ *). Препятствіемъ къ развитію семейной жизни служитъ, прежде всего, недостатокъ женщинъ; въ виду этой главной причины, всѣ остальныя, какъ нерасположеніе многихъ арестантовъ къ семейной жизни, испорченность ихъ и проч., уходятъ на задній планъ. О недостаткѣ женщинъ въ колоніи, о причинахъ его и послѣдствіяхъ была уже рѣчь въ предъидущей главѣ. Теперь же на очереди вопросъ, почему въ колоніи получили такое широкое развитіе незаконныя или свободныя сожительства и почему при взглядѣ на цифры, относящіяся къ семейному положенію ссыльныхъ, получается такое впечатлѣніе, какъ будто ссыльные упорно уклоняются отъ законнаго брака? Вѣдь, если бы не жены свободнаго состоянія, добровольно пришедшія за мужьями, то свободныхъ семей въ колоніи было бы въ 4 раза

*) Хотя ни откуда не видно, чтобы упроченіе колоніи въ первое время зависѣло, главнымъ образомъ, отъ развитія въ ней семейнаго начала; мы знаемъ, что благосостояніе Виргиніи было упрочено раньше, чѣмъ туда стали привозить женщинъ.

больше, чѣмъ законныхъ *). Такое положеніе дѣла генералъ-губернаторъ, диктуя мнѣ въ тетрадку, называлъ «вопіющимъ» и обвинялъ при этомъ, конечно, не ссыльныхъ. Какъ люди въ большинствѣ патріархальные и религіозные, ссыльные предпочитаютъ законный бракъ. Незаконные супруги часто просятъ у начальства дозволенія перевѣнчаться, но по большинству этихъ прошеній приходится отказывать по причинамъ, не зависящимъ ни отъ мѣстной администраціи, ни отъ самихъ ссыльныхъ. Дѣло въ томъ, что хотя съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія поражаются супружескія права осужденнаго и онъ уже не существуетъ для семьи, какъ бы умеръ, но, тѣмъ не менѣе, все-таки, его брачныя права въ ссылкѣ опредѣляются не обстоятельствами, вытекающими изъ его дальнѣйшей жизни, а волею супруга не осужденнаго, оставшагося на родинѣ. Необходимо, чтобы этотъ супругъ согласился на расторженіе брака и далъ разводъ, и тогда только осужденный можетъ вступить въ новый бракъ.

*) Если судить по однѣмъ голымъ цифрамъ, то можно вывести заключеніе, что церковная форма брака для русскихъ ссыльныхъ самая неподходящая. Изъ казенныхъ вѣдомостей, напримѣръ, за 1887 г., видно, что въ Александровскомъ округѣ было каторжныхъ женщинъ 211. Изъ нихъ только 34 состояли въ законѣ, а 136 сожительствовали съ каторжными и поселенцами. Въ Тымовскомъ округѣ въ томъ же году изъ 194 каторжныхъ женщинъ 11 жили съ законными мужьями, а 161 состояли въ сожительствѣ. Изъ 198 поселокъ 33 были замужемъ, а 118 сожительствовали. Въ Корсаковскомъ округѣ ни одна изъ каторжныхъ женщинъ не жила съ мужемъ; 115 состояли въ незаконномъ бракѣ; изъ 21 поселокъ только четыре были замужемъ.

Оставшіеся же супруги обыкновенно не даютъ этого согласія: одни изъ религіознаго убѣжденія, что разводъ есть грѣхъ, другіе — потому, что считаютъ расторженіе брака ненужнымъ, празднымъ дѣломъ, прихотью, особенно когда обоимъ супругамъ уже близко къ сорока. «Въ его ли годы жениться, — разсуждаетъ жена, получивъ отъ мужа письмо насчетъ развода. — О душѣ бы, старый песъ, подумалъ». Третьи отказываютъ потому, что боятся начинать такое въ высшей степени сложное, хлопотливое и не дешевое дѣло, какъ разводъ, или просто потому, что не знаютъ, куда обратиться съ прошеніемъ и съ чего начать. Въ томъ, что ссыльные не вступаютъ въ законный бракъ, часто бываютъ виноваты также несовершенства статейныхъ списковъ, создающія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ цѣлый рядъ всякихъ формальностей, томительныхъ, во вкусѣ старинной волокиты, ведущихъ къ тому лишь, что ссыльный, истратившись на писарей, гербовыя марки и телеграммы, въ концѣ-концовъ, безнадежно машетъ рукой и рѣшаетъ, что законной семьи у него не быть. У многихъ ссыльныхъ совсѣмъ нѣтъ статейныхъ списковъ; попадаются такіе списки, въ которыхъ совсѣмъ не показано семейное положеніе ссыльнаго, или же показано неясно или невѣрно, между тѣмъ, кромѣ статейнаго списка, у ссыльнаго нѣтъ никакихъ другихъ документовъ, на которые онъ могъ бы ссылаться въ случаѣ надобности *).

*) Кн. Шаховской въ своемъ *Дѣлѣ объ устройствѣ о. Сахалина* пи-

Свѣдѣнія о числѣ браковъ, совершаемыхъ въ колоніи, можно добыть изъ метрическихъ книгъ; но такъ какъ законный бракъ здѣсь составляетъ роскошь, доступную не для всякаго, то эти свѣдѣнія далеко не опредѣляютъ истинной потребности населенія въ брачной жизни; здѣсь вѣнчаются не когда нужно, а когда можно. Средній возрастъ брачущихся здѣсь совершенно праздная цифра: заключать по ней о преобладаніи позднихъ или раннихъ браковъ и дѣлать отсюда какіе-либо выводы невозможно, такъ какъ семейная жизнь у большинства ссыльныхъ начинается задолго до совершенія церковнаго обряда, и вѣнчаются обыкновенно пары, уже

салъ, между прочимъ: „Не малыми затрудненіями къ безпрепятственному заключенію браковъ представляютъ семейные списки, въ которыхъ часто не проставляется вѣроисповѣданіе и семейное положеніе, а, главное, неизвѣстно, произошелъ ли разводъ съ оставшимся въ Россіи супругомъ; узнать объ этомъ, а тѣмъ болѣе исходатайствовать разводъ черезъ консисторію съ о. Сахалина дѣло почти невозможное.

Вотъ для обращика примѣры, какъ въ колоніи устраивается семья. Въ Маломъ Такоэ каторжная Соловьева Прасковья сожительствуетъ съ поселенцемъ Кудринымъ, который не можетъ жениться на ней, потому что на родинѣ у него осталась жена; дочь этой Прасковьи, Наталья, 17 лѣтъ, свободнаго состоянія, сожительствуетъ съ поселенцемъ Городинскимъ, который не женится на ней по той же причинѣ. Поселенецъ Игнатьевъ въ Ново-Михайловкѣ жаловался мнѣ, что его не вѣнчаютъ съ сожительницей потому, что за *давностью лѣтъ* не могутъ опредѣлить его семейнаго положенія; сожительница его умоляла меня похлопотать и при этомъ говорила: „Грѣхъ такъ жить, мы уже не молодые". Подобныхъ примѣровъ можно привести нѣсколько сотъ. Тѣхъ, которые на родинѣ были женаты и замужемъ, у меня записано 2,379; изъ нихъ прибыли съ супругами или вступили въ новой бракъ на Сахалинѣ 1,350, состоятъ въ сожительствѣ 527, живутъ одиноко 862.

имѣющія дѣтей. Изъ метрическихъ книгъ пока видно лишь, что за послѣднія десять лѣтъ наибольшее число браковъ было совершено въ январѣ; на этотъ мѣсяцъ падаетъ почти треть всѣхъ браковъ. Осеннее повышеніе въ сравненіи съ январскимъ слишкомъ ничтожно, такъ что о сходствѣ съ нашими земледѣльческими уѣздами не можетъ быть и рѣчи. Браки, совершавшіеся при нормальныхъ условіяхъ, когда женились дѣти ссыльныхъ, свободные, всѣ до одного были ранніе; женихи были въ возрастѣ отъ 18 до 20, а невѣсты отъ 15 до 19 лѣтъ. Но въ возрастѣ отъ 15 до 20 лѣтъ дѣвушекъ свободнаго состоянія больше, чѣмъ мужчинъ, которые обыкновенно оставляютъ островъ до наступленія брачнаго возраста; и, вѣроятно, за недостаткомъ молодыхъ жениховъ и отчасти изъ экономическихъ соображеній было совершено много неравныхъ браковъ; молодыя свободныя дѣвушки, почти дѣвочки, были выдаваемы родителями за пожилыхъ поселенцевъ и крестьянъ. Унтеръ-офицеры, ефрейторы, военные фельдшера, писаря и надзиратели женились часто, но осчастливливали только 15—16-ти лѣтнихъ *).

*) Унтеры, особенно надзиратели, считаются на Сахалинѣ завидными женихами; въ этомъ отношеніи они хорошо знаютъ себѣ цѣну и держатъ себя съ невѣстами и съ ихъ родителями съ тою разнузданною надменностью, за которую Н. С. Лѣсковъ такъ не любитъ „не сытыхъ архіерейскихъ скотинъ“. За 10 лѣтъ было совершено нѣсколько mésalliance'овъ. Коллежскій регистраторъ женился на дочери каторжнаго, надворный совѣтникъ — на дочери поселенца, капитанъ — на дочери поселенца, купецъ — на крестьянкѣ изъ ссыльныхъ, дворянка вышла за поселенца. Эти рѣдкіе примѣры, когда интеллигентные люди женятся на дочеряхъ ссыль-

Свадьбы играются скромно и скучно; въ Тымовскомъ округѣ, говорятъ, бываютъ иногда веселыя свадьбы, шумныя, и особенно шумятъ хохлы. Въ Александровскѣ, гдѣ есть типографія, въ обычаѣ у ссыльныхъ разсылать пе-

ныхъ, чрезвычайно симпатичны и, вѣроятно, не остаются безъ хорошаго вліянія на колонію. Въ январѣ 1880 г. въ Дуэской церкви былъ повѣнчанъ каторжный на гилячкѣ. Въ Рыковскомъ я записалъ Григорія Сивокобылку, 11 лѣтъ, у котораго мать была гилячка. Вообще браки между русскими и инородцами бываютъ очень рѣдко. Разсказывали мнѣ про одного надзирателя, живущаго съ гилячкой, которая родила сына и хочетъ креститься, чтобы затѣмъ обвѣнчаться. О. Ираклій зналъ ссыльнаго якута, который былъ женатъ на грузинкѣ; оба плохо понимали порусски. Что касается магометанъ, то они и въ ссылкѣ не отказываются отъ многоженства и нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ по двѣ жены; такъ, у Джаксанбетова въ Александровскѣ двѣ жены, Батыма и Сасена, у Абубакирова въ Корсаковскомъ тоже двѣ — Ганоста и Верхониса. Въ Андрес-Ивановскомъ я видѣлъ чрезвычайно красивую татарку 15 лѣтъ, которую мужъ купилъ у ея отца за 100 рублей; когда мужа нѣтъ дома, она сидитъ на кровати, а въ дверь изъ сѣней смотрятъ на нее поселенцы и любуются.

Уставъ о ссыльныхъ разрѣшаетъ ссыльно-каторжнымъ обоего пола браки только черезъ 1—3 года по поступленіи въ разрядъ исправляющихся; очевидно, женщина, поступившая въ колонію, но находящаяся еще въ разрядѣ испытуемыхъ, можетъ быть только сожительницей, а не женой. Ссыльнымъ мужчинамъ разрѣшается жениться на преступницахъ, лица же женскаго пола, лишенныя всѣхъ правъ состоянія, до перечисленія въ крестьянское сословіе, могутъ выходить только за ссыльныхъ. Женщинѣ свободнаго состоянія, которая выйдетъ за ссыльнаго, вступающаго въ Сибири въ первый бракъ, выдается изъ казны 50 руб.; поселенцу, вступившему въ Сибири въ первый бракъ со ссыльною, выдается 15 рублей безвозвратно и столько же заимообразно.

Въ *Уставѣ* ничего не говорится о бракахъ бродягъ. По какимъ документамъ опредѣляется семейное положеніе и возрастъ ихъ при вступленіи въ бракъ, я не знаю. Что ихъ вѣнчаютъ на Сахалинѣ, я узналъ впервые изъ слѣдующей бумаги, написанной по формѣ прошенія: „Его

редъ свадьбой печатные пригласительные билеты. Наборщики каторжные соскучились надъ приказами и бываютъ рады щегольнуть своимъ искусствомъ, и ихъ билеты по внѣшности и тексту мало отличаются отъ московскихъ. На каждую свадьбу изъ казны отпускается бутылка спирту. Если ссыльный женится на каторжной, то онъ платитъ за нее въ казну, какъ за работницу, натурой: возитъ грузъ изъ одного округа въ другой и т. п.

Рождаемость въ колоніи сами ссыльные считаютъ чрезмѣрно высокой, и это даетъ поводъ къ постояннымъ насмѣшкамъ надъ женщинами и къ разнымъ глубокомысленнымъ замѣчаніямъ. Говорятъ, что на Сахалинѣ самый климатъ располагаетъ женщинъ къ беременности; рожаютъ старухи и даже такія, которыя въ Россіи были безплодны и не надѣялись уже имѣть когда-либо дѣтей. Женщины точно торопятся населить Сахалинъ и часто рожаютъ двойней. Одна роженица во Владиміровкѣ, пожилая женщина, имѣющая уже взрослую дочь, наслышавшись разговоровъ о двойняхъ, ожидала, что у нея тоже родятся двое, и была огорчена, когда родился только одинъ. «Поищите еще»,—попросила она акушерку. Но роды двойнями случаются здѣсь не чаще, чѣмъ въ рус-

высокопревосходительству господину начальнику острова Сахалина. Удостовѣреніе поселенца Тымовскаго округа, селенія Рыковскаго, не помнящаго родства Ивана, 35 лѣтъ. Что я Непомнящій принялъ законное бракосочетаніе на поселкѣ Березниковой Маріи въ прошломъ 1888 году 12 ноября". За неграмотностью расписались два поселенца.

скихъ уѣздахъ. За десятилѣтній періодъ до 1 января 1890 г. въ колоніи родилось 2,275 дѣтей обоего пола, а такъ называемыхъ плодущихъ родовъ было только 26 *). Всѣ эти нѣсколько преувеличенные толки о чрезмѣрной плодовитости женщинъ, о двойняхъ и т. п. указываютъ на то, съ какимъ интересомъ ссыльное населеніе относится къ рождаемости и какое она имѣетъ здѣсь важное значеніе.

Оттого что численный составъ населенія подверженъ колебаніямъ вслѣдствіе постоянныхъ приливовъ и отливовъ, притомъ, случайныхъ, какъ на рынкѣ, опредѣленіе коэффиціента общей рождаемости въ колоніи за нѣсколько лѣтъ можно считать недосягаемою роскошью; онъ уловимъ тѣмъ труднѣе, что цифровой матеріалъ, собранный мною и другими, имѣетъ очень скромный объемъ; численный составъ населенія за прошлые годы неизвѣстенъ и приведеніе его въ извѣстность, когда я знакомился съ канцелярскимъ матеріаломъ, представлялось мнѣ египетскою работой, обѣщавшею, притомъ, самые сомнительные результаты. Можно опредѣлить коэффиціентъ лишь приблизительно и только для настоящаго времени. Въ 1889 г. во всѣхъ четырехъ приходахъ родилось

*) Эти цифровыя свѣдѣнія, взятыя мною изъ приходскихъ метрическихъ книгъ, касаются одного только православнаго населенія. Рождаемость у нехристіанъ, а также католиковъ и лютеранъ, мнѣ неизвѣстна. Чтобы пополнить этотъ пробѣлъ хотя отчасти, я принялъ въ общій счетъ и солдатскихъ дѣтей, родившихся на Сахалинѣ.

352 дѣтей обоего пола; при обыкновенныхъ условіяхъ въ Россіи такое количество дѣтей рождается ежегодно въ мѣстахъ съ населеніемъ въ семь тысячъ душъ *); именно семь тысячъ съ прибавкою нѣсколькихъ сотенъ жило въ колоніи въ 1889 г. Здѣшній коэффиціентъ рождаемости, очевидно, лишь не много выше, чѣмъ вообще въ Россіи (49,8) и въ русскихъ уѣздахъ, напримѣръ, Череповецкомъ (45,4) и Тамбовскомъ (51,8). Можно признать, что рождаемость на Сахалинѣ въ 1889 г. была относительно такъ же велика, какъ вообще въ Россіи, и если была разница въ коэффиціентахъ, то небольшая, не имѣющая, вѣроятно, особеннаго значенія. А такъ какъ изъ двухъ мѣстностей съ одинакими коэфиціентами общей рождаемости плодовитость женщинъ въ той выше, въ которой ихъ относительно меньше, то, очевидно, можно признать также еще, что плодовитость женщинъ на Сахалинѣ значительно выше, чѣмъ въ Россіи вообще.

Голодъ, тоска по родинѣ, порочныя наклонности, неволя — вся сумма неблагопріятныхъ условій ссылки не исключаетъ у ссыльныхъ производительной способности; стало быть, наличность ея не означаетъ благополучія. Причиной повышенной плодовитости женщинъ и такой же рождаемости служитъ, во-первыхъ, праздность ссыльныхъ, живущихъ въ колоніи, вынужденное домосѣдство мужей и сожителей, вслѣдствіе отсутствія у нихъ отхо-

*) Считая, по Янсону, 49,8 или почти 50 рожденій на 1,000.

жихъ промысловъ и заработковъ, и монотонность жизни, при которой удовлетвореніе половыхъ инстинктовъ является часто единственнымъ возможнымъ развлеченіемъ, и, во-вторыхъ, то обстоятельство, что большинство женщинъ относится здѣсь къ производительнымъ возрастамъ. Кромѣ этихъ ближайшихъ причинъ, существуютъ, вѣроятно, еще отдаленныя, пока недоступныя непосредственному наблюденію. Быть можетъ, на сильную рождаемость слѣдуетъ смотрѣть, какъ на средство, какое природа даетъ населенію для борьбы съ вредными, разрушительными вліяніями и, прежде всего, съ такими врагами естественнаго порядка, какъ малочисленность населенія и недостатокъ женщинъ. Чѣмъ бо̀льшая опасность угрожаетъ населенію, тѣмъ больше родится, и въ этомъ смыслѣ неблагопріятныя условія могутъ быть названы причиною высокой рождаемости *).

Изъ 2,275 рожденій за десятилѣтній періодъ maximum приходится на осенніе мѣсяцы (29,2%), minimum на весенніе (20,8%), и зимою (26,2%) рождалось больше, чѣмъ лѣтомъ (23,6%). Наибольшее число зачатій и рожденій происходило до сихъ поръ въ въ полугодіе съ августа до февраля, и въ этомъ отношеніи время съ корот-

*) Острыя, скоро проходящія катастрофы, какъ неурожай, война и т. п., понижаютъ рождаемость, хроническія же бѣдствія, какъ высокая дѣтская смертность и, быть можетъ, также плѣнъ, крѣпостное состояніе, ссылка и т. п., усиливаютъ ее. Въ нѣкоторыхъ семьяхъ вмѣстѣ съ психическимъ вырожденіемъ наблюдается также усиленная рождаемость.

кими днями и длинными ночами было наиболѣе благопріятнымъ, чѣмъ пасмурная и дождливая весна и такое же лѣто.

Въ настоящее время на Сахалинѣ всего дѣтей 2,122, включая сюда и тѣхъ подростковъ, которымъ въ 1890 г. исполнилось 15 лѣтъ. Изъ нихъ прибыло изъ Россіи съ родителями 644, родилось на Сахалинѣ и по пути слѣдованія въ ссылку 1,473; дѣтей, мѣсторожденіе которыхъ мнѣ неизвѣстно, 5. Первыхъ меньше почти въ три раза; въ большинствѣ они прибыли на островъ уже въ тѣхъ возрастахъ, когда дѣти сознаютъ: они помнятъ и любятъ родину; вторые же, сахалинскіе уроженцы, никогда не видѣли ничего лучше Сахалина и должны тяготѣть къ нему, какъ къ своей настоящей родинѣ. Вообще обѣ группы значительно разнятся одна отъ другой. Такъ, въ первой группѣ незаконнорожденныхъ только 1,7%, во второй же 37,2%*). Представители первой группы называютъ себя свободными; въ громадномъ большинствѣ они были рождены или зачаты до суда и сохраняютъ поэтому всѣ права своего состоянія. Дѣти же, рожденные въ ссылкѣ, не называютъ себя никакъ; современемъ они припишутся къ податнымъ сословіямъ и будутъ называться крестьянами или мѣщанами, теперь же ихъ соціальное положе-

*) Незаконнорожденные первой группы—это дѣти каторжныхъ женщинъ, рожденныя большею частью послѣ суда въ тюрьмахъ; въ семьяхъ же, добровольно пришедшихъ за супругами и родителями, незаконнорожденныхъ нѣтъ вовсе.

ніе опредѣляется такъ: незаконный сынъ ссыльно-каторжной, дочь поселенца, незаконная дочь поселки и т. д. Когда одна дворянка, жена ссыльнаго, узнала, что ея ребенка записали въ метрическую книгу сыномъ поселенца, то, говорятъ, горько заплакала.

Въ первой группѣ дѣтей грудныхъ и моложе 4-хъ лѣтъ почти нѣтъ совсѣмъ и перевѣсъ на сторонѣ такъ называемыхъ школьныхъ возрастовъ. Во второй же группѣ, у сахалинскихъ уроженцевъ, наоборотъ, преобладаютъ самые ранніе возрасты, и, притомъ, чѣмъ старше дѣти, тѣмъ меньше сверстниковъ, и если бы мы изобразили дѣтскіе возрасты этой группы графически, то получили бы рѣзкое крутое паденіе кривой. Въ этой группѣ дѣтей моложе одного года 203, отъ 9 до 10 лѣтъ — 45, отъ 15 до 16 — только 11 *). Изъ двадцатилѣтковъ, родившихся на Сахалинѣ, какъ я говорилъ уже, не осталось ни одного. Такимъ образомъ, недостатокъ подростковъ и юношей пополняется пришлыми, которые пока одни только даютъ

*) Вотъ таблица возрастовъ, относящаяся къ сахалинскимъ уроженцамъ:

Отъ 0 до 1 года	м.	106	ж.	97	Отъ 9 до 10 лѣтъ	м.	23	ж.	22		
„ 1 „ 2 лѣтъ	„	120	„	104	„ 10 „ 11 „	„	25	„	27		
„ 2 „ 3 „	„	111	„	105	„ 11 „ 12 „	„	14	„	24		
„ 3 „ 4 „	„	81	„	87	„ 12 „ 13 „	„	15	„	18		
„ 4 „ 5 „	„	65	„	61	„ 13 „ 14 „	„	8	„	14		
„ 5 „ 6 „	„	56	„	50	„ 14 „ 15 „	„	15	„	9		
„ 6 „ 7 „	„	37	„	48	„ 15 „ 16 „	„	3	„	8		
„ 7 „ 8 „	„	34	„	30	Неизвѣстно	„	2	„	1		
„ 8 „ 9 „	„	31	„	22							

изъ своей среды молодыхъ жениховъ и невѣстъ. Невысокій процентъ дѣтей старшихъ возрастовъ среди сахалинскихъ уроженцевъ объясняется и дѣтскою смертностью, и тѣмъ, что въ прошлые годы было на островѣ меньше женщинъ и потому меньше рождалось дѣтей, но больше всего виновата тутъ эмиграція. Взрослые, уѣзжая на материкъ, не оставляютъ дѣтей, а увозятъ ихъ съ собой. Родители сахалинскаго уроженца обыкновенно начинаютъ отбывать наказаніе еще задолго до появленія его на свѣтъ, и пока онъ родится, ростетъ и достигаетъ 10-ти лѣтняго возраста, они въ большинствѣ уже успѣваютъ получить крестьянскія права и уѣхать на материкъ. Положеніе же пришлаго совсѣмъ иное. Когда его родителей присылаютъ на Сахалинъ, то ему бываетъ уже 5—8—10 лѣтъ; пока они отбываютъ каторгу и поселеніе, онъ выходитъ изъ дѣтскаго возраста, и пока потомъ родители хлопочутъ о крестьянскихъ правахъ, становится уже работникомъ и, прежде чѣмъ совсѣмъ уѣхать на материкъ, успѣваетъ нѣсколько разъ побывать на заработкахъ во Владивостокѣ и въ Николаевскѣ. Во всякомъ случаѣ, въ колоніи не остаются ни пришлые, ни мѣстные уроженцы, и поэтому всѣ сахалинскіе посты и селенія до настоящаго времени вѣрнѣе было бы называть не колоніей, а мѣстами временнаго водворенія.

Рожденіе каждаго новаго человѣка въ семьѣ встрѣчается непривѣтливо; надъ колыбелью ребенка не поютъ пѣсенъ и слышатся одни только зловѣщія причитыванія.

Отцы и матери говорятъ, что дѣтей нечѣмъ кормить, что они на Сахалинѣ ничему хорошему не научатся, и «самое лучшее, если бы Господь милосердный прибралъ ихъ поскорѣе». Если ребенокъ плачетъ или шалитъ, то ему кричатъ со злобой: «Замолчи, чтобъ ты издохъ!» Но, все-таки, что̀ бы ни говорили и какъ бы ни причитывали, самые полезные, самые нужные и самые пріятные люди на Сахалинѣ — это дѣти, и сами ссыльные хорошо понимаютъ это и дорого цѣнятъ ихъ. Въ огрубѣвшую, нравственно истасканную сахалинскую семью они вносятъ элементъ нѣжности, чистоты, кротости, радости. Несмотря на свою непорочность, они больше всего на свѣтѣ любятъ порочную мать и разбойника отца, и если ссыльнаго, отвыкшаго въ тюрьмѣ отъ ласки, трогаетъ ласковость собаки, то какую цѣну должна имѣть для него любовь ребенка! Я уже говорилъ, что присутствіе дѣтей оказываетъ ссыльнымъ нравственную поддержку, теперь же еще прибавлю, что дѣти часто составляютъ то единственное, что привязываетъ еще ссыльныхъ мужчинъ и женщинъ къ жизни, спасаетъ отъ отчаянія, отъ окончательнаго паденія. Мнѣ однажды пришлось записывать двухъ женщинъ свободнаго состоянія, прибывшихъ добровольно за мужьями и жившихъ на одной квартирѣ; одна изъ нихъ, бездѣтная, пока я былъ въ избѣ, все время роптала на судьбу, смѣялась надъ собой, обзывала себя дурой и окаянной за то, что пошла на Сахалинъ, судорожно сжимала кулаки, и все это въ присутствіи

мужа, который находился тутъ же и виновато смотрѣлъ на меня, а другая, какъ здѣсь часто говорятъ, дѣтная, имѣющая нѣсколько душъ дѣтей, молчала, и я подумалъ, что положеніе первой, бездѣтной, должно быть ужасно. Помнится, записывая въ одной избѣ татарскаго мальчика трехъ лѣтъ, въ ермолкѣ, съ широкимъ разстояніемъ между глазами, я сказалъ ему нѣсколько ласковыхъ словъ, и вдругъ равнодушное лицо его отца, казанскаго татарина, прояснилось и онъ весело закивалъ головой, какъ бы соглашаясь со мной, что его сынъ очень хорошій мальчикъ, и мнѣ показалось, что этотъ татаринъ счастливъ.

Подъ какими вліяніями воспитываются сахалинскія дѣти и какія впечатлѣнія опредѣляютъ ихъ душевную дѣятельность, читателю понятно изъ всего вышеписаннаго. Что̀ въ Россіи, въ городахъ и деревняхъ страшно, то здѣсь обыкновенно. Дѣти провожаютъ равнодушными глазами партію арестантовъ, закованныхъ въ кандалы; когда кандальные везутъ тачку съ пескомъ, то дѣти цѣпляются сзади и хохочутъ. Играютъ они въ солдаты и въ арестанты. Мальчикъ, выйдя на улицу, кричитъ своимъ товарищамъ: «равняйсь!» «отставить!» Или же онъ кладетъ въ мѣшокъ свои игрушки и кусокъ хлѣба и говоритъ матери: «Я иду бродяжить».— «Глядикось, часомъ солдатъ подстрѣлитъ»,—шутитъ мать; онъ идетъ на улицу и бродяжитъ тамъ, а товарищи, изображающіе солдатъ, ловятъ его. Сахалинскія дѣти гово-

рятъ о бродягахъ, розгахъ, плетяхъ, знаютъ, что такое палачъ, кандальные, сожитель. Обходя избы въ Верхнемъ Армуданѣ, я въ одной не засталъ старшихъ; дома былъ только мальчикъ лѣтъ 10, бѣловолосый, сутулый, босой; блѣдное лицо покрыто крупными веснушками и кажется мраморнымъ.

— Какъ по отчеству твоего отца? — спросилъ я.

— Не знаю, — отвѣтилъ онъ.

— Какъ же такъ? Живешь съ отцомъ и не знаешь, какъ его зовутъ? Стыдно.

— Онъ у меня не настоящій отецъ.

— Какъ такъ — не настоящій?

— Онъ у мамки сожитель.

— Твоя мать замужняя или вдова?

— Вдова. Она за мужа пришла.

— Что значитъ — за мужа пришла?

— Убила.

— Ты отца своего помнишь?

— Не помню. Я незаконный. Меня мамка на Карѣ родила.

Сахалинскія дѣти блѣдны, худы, вялы; они одѣты въ рубища и всегда хотятъ ѣсть. Какъ увидитъ ниже читатель, умираютъ они почти исключительно отъ болѣзней пищеварительнаго канала. Жизнь впроголодь, питаніе иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ одною только брюквой, а у достаточныхъ — одною соленою рыбой, низкая температура и сырость убиваютъ дѣтскій организмъ чаще всего

медленно, изнуряющимъ образомъ, мало-по-малу перерождая всѣ его ткани; если бы не эмиграція, то черезъ два-три поколѣнія, вѣроятно, пришлось бы имѣть дѣло въ колоніи со всѣми видами болѣзней, зависящихъ отъ глубокаго разстройства питанія. Въ настоящее время дѣти бѣднѣйшихъ поселенцевъ и каторжныхъ получаютъ отъ казны такъ называемыя «кормовыя»: дѣтямъ отъ одного года до 15 лѣтъ выдается по $1^1/_2$, а круглымъ сиротамъ, калѣкамъ, уродамъ и близнецамъ по 3 рубля въ мѣсяцъ. Право ребенка на эту помощь опредѣляется личнымъ усмотрѣніемъ чиновниковъ, которые слово «бѣднѣйшій» понимаютъ каждый по-своему *); полученные

*) Размѣръ выдачи зависитъ также отъ того, разумѣетъ ли чиновникъ подъ калѣками и уродами только хромыхъ, безрукихъ и горбатыхъ, или также еще бугорчатныхъ, слабоумныхъ, слѣпыхъ.

Какъ помочь сахалинскимъ дѣтямъ? Прежде всего, мнѣ кажется, право на помощь не слѣдуетъ обставлять требованіями такого ценза, какъ „бѣднѣйшій“, „калѣка“ и т. п. Надо помогать всѣмъ просящимъ безъ исключенія и при этомъ не бояться обмана: лучше быть обманутымъ, чѣмъ самому обмануться. Форма помощи опредѣляется мѣстными условіями. Еслибы отъ меня зависѣло, то на тѣ деньги, которыя расходуются теперь на „кормовыя“, я устроилъ бы въ постахъ и селеніяхъ чайныя для всѣхъ женщинъ и дѣтей, выдавалъ бы кормовое и одежное довольствіе всѣмъ безъ исключенія беременнымъ женщинамъ и кормящимъ грудью, а „кормовыя“ $1^1/_2$ — 3 руб. въ мѣсяцъ сохранилъ бы только для дѣвушекъ съ 13 лѣтъ до замужества и выдавалъ бы имъ эти деньги прямо на руки.

Ежегодно изъ Петербурга благотворители присылаютъ сюда для раздачи дѣтямъ полушубки, фартучки, валенки, чепчики, гармоники, душеспасительныя книжки, перья. Начальникъ острова, получивъ эти вещи, приглашаетъ мѣстныхъ дамъ заняться распредѣленіемъ и раздачей подарковъ. Говорятъ, что вещи эти пропиваются и проигрываются отцами,

$1^1/_2$ или 3 рубля тратятся по усмотрѣнію отцовъ и матерей. Эту денежную помощь, зависящую отъ столькихъ усмотрѣній и, благодаря бѣдности и недобросовѣстности

что лучше бы вмѣсто гармоники прислали хлѣба и т. д., но подобныя замѣчанія не должны смущать великодушныхъ людей. Дѣти обыкновенно бываютъ очень рады, а отцы и матери безконечно благодарны. Было бы вполнѣ умѣстно, если бы благотворители, интересующіеся судьбою дѣтей ссыльныхъ, получали ежегодно возможно подробныя свѣдѣнія о сахалинскихъ дѣтяхъ, о числѣ ихъ, о составѣ ихъ по поламъ и возрастамъ, о числѣ грамотныхъ, нехристіанъ и т. д. Если благотворителю извѣстно, напримѣръ, сколько среди дѣтей грамотныхъ, то ужь онъ будетъ знать, сколько нужно послать книжекъ или карандашей, чтобы никого не обидѣть, а назначать игрушки и одежду удобнѣе всего, соображаясь съ поломъ, возрастомъ и національностью дѣтей. На самомъ же Сахалинѣ необходимо всѣ дѣла, имѣющія какое-либо отношеніе къ благотворительности, изъять изъ вѣдѣнія полицейскихъ управленій, которыя и безъ того завалены дѣлами, и организацію помощи предоставить мѣстной интеллигенціи; среди нея не мало людей, которые были бы рады взять на себя это живое дѣло. Въ Александровскѣ иногда по зимамъ даются любительскіе спектакли въ пользу дѣтей. Недавно въ Корсаковскомъ посту служащіе собрали по подпискѣ денегъ и накупили разныхъ матерій, а жены ихъ нашили платьевъ и бѣлья и роздали дѣтямъ.

Дѣти составляютъ бремя въ экономическомъ отношеніи и наказаніе Божіе за грѣхи, но это не мѣшаетъ ссыльнымъ, если у нихъ нѣтъ своихъ дѣтей, принимать и усыновлять чужихъ. Дѣтныя выражаютъ желаніе, чтобъ ихъ дѣти умерли, а бездѣтныя берутъ чужихъ сиротъ себѣ въ дѣти. Бываетъ, что ссыльные усыновляютъ сиротъ и бѣдныхъ дѣтей въ разсчетѣ на кормовыя и всякаго рода пособія и даже на то, что пріемышъ будетъ просить на улицѣ милостыню, но въ большинствѣ, вѣроятно, ссыльными руководятъ чистыя побужденія. Въ „дѣти" поступаютъ не одни только дѣти, но также взрослые и даже старики. Такъ, поселенецъ Иванъ Новиковъ 1-й, 60 лѣтъ, считается пріемнымъ сыномъ поселенца Евгенія Ефимова, 42 лѣтъ. Въ Рыковскомъ Елисей Маклаковъ, 70 лѣтъ, записался пріемнымъ отцомъ Ильи Минаева.

По *Уставу о ссыльныхъ*, малолѣтнія дѣти, слѣдующія въ Сибирь при

родителей, рѣдко достигающую своего назначенія, давно бы уже слѣдовало отмѣнить. Она не уменьшаетъ бѣдности, а только маскируетъ ее, заставляя людей непосвященныхъ думать, что на Сахалинѣ дѣти обезпечены.

XVIII.

Занятія ссыльныхъ. — Сельское хозяйство. — Охота. — Рыболовство. — Періодическая рыба: кэта и сельдь.—Тюремныя ловли.—Мастерства.

Мысль о пріуроченіи труда ссыльно-каторжныхъ и поселенцевъ къ сельскому хозяйству, какъ я уже говорилъ, возникла въ самомъ началѣ сахалинской ссылки. Эта мысль сама по себѣ очень заманчива: земледѣльческій трудъ, повидимому, содержитъ всѣ элементы, необходимые для того, чтобы занять ссыльнаго, пріохотить его къ землѣ и даже исправить; къ тому же, у насъ онъ пригоденъ для громаднаго большинства ссыльныхъ, такъ какъ наша каторга—учрежденіе по преимуществу мужицкое, и изъ каторжныхъ и поселенцевъ только одна десятая часть не принадлежитъ къ земледѣльческому классу. И

ссылаемыхъ, или же переселяемыхъ туда родителяхъ, отправляются туда на подводахъ, причемъ одна подвода дается на пять душъ; какія дѣти въ этомъ случаѣ относятся къ малолѣтнимъ, въ *Уставѣ* не сказано. Дѣти, слѣдующія за родителями, получаютъ одежду, обувь и кормовыя деньги во все продолженіе пути. Когда за осужденнымъ по доброй волѣ слѣдуетъ въ ссылку его семья, то дѣти, достигшія 14-ти лѣтняго возраста, отправляются только по собственному желанію. Дѣти, достигшія 17-ти лѣтняго возраста, могутъ покидать мѣсто ссылки и возвращаться на родину безъ разрѣшенія р дителей.

эта мысль имѣла успѣхъ; по крайней мѣрѣ, до послѣдняго времени, главнымъ занятіемъ ссыльныхъ на Сахалинѣ считалось сельское хозяйство и колонія не переставала называться сельско-хозяйственной.

На Сахалинѣ за все время существованія колоніи ежегодно пахали и сѣяли; перерыва не было, и съ увеличеніемъ населенія ежегодно расширялась и площадь посѣвовъ. Трудъ здѣшняго землепашца былъ не только принудительнымъ, но и тяжкимъ, и если основными признаками каторжнаго труда считать принужденіе и напряженіе физическихъ силъ, опредѣляемое словомъ «тяжкій», то въ этомъ смыслѣ трудно было подыскать болѣе подходящее занятіе для преступниковъ, какъ земледѣліе на Сахалинѣ; до сихъ поръ оно удовлетворяло самымъ суровымъ карательнымъ цѣлямъ.

Но было ли оно производительно, удовлетворяло ли также колонизаціоннымъ цѣлямъ, объ этомъ съ самаго начала сахалинской ссылки до послѣдняго времени были выражаемы самыя разнообразныя и чаще всего крайнія мнѣнія. Одни находили Сахалинъ плодороднѣйшимъ островомъ и называли его такъ въ своихъ отчетахъ и корреспонденціяхъ и даже, какъ говорятъ, посылали восторженныя телеграммы о томъ, что ссыльные, наконецъ, въ состояніи сами прокормить себя и уже не нуждаются въ затратахъ со стороны государства, другіе же относились къ сахалинскому земледѣлію скептически и рѣшительно заявляли, что сельско-хозяйственная культура на остро-

вѣ немыслима. Такое разногласіе происходило отъ того, что о сахалинскомъ земледѣліи судили большею частью люди, которымъ истинное положеніе дѣла было незнакомо. Колонія была основана на островѣ еще не изслѣдованномъ; съ научной точки зрѣнія представлялъ онъ совершенную terram incognitam, и объ его естественныхъ условіяхъ и о возможности на немъ сельско-хозяйственной культуры судили только по такимъ признакамъ, какъ географическая широта, близкое сосѣдство Японіи, присутствіе на островѣ бамбука, пробковаго дерева и т. п. Для случайныхъ корреспондентовъ, судившихъ чаще всего по первымъ впечатлѣніямъ, имѣли рѣшающее значеніе хорошая или дурная погода, хлѣбъ и масло, которыми ихъ угощали въ избахъ, и то, попадали ли они сначала въ такое мрачное мѣсто, какъ Дуэ, или въ такое на видъ жизнерадостное, какъ Сіянцы. Чиновники, которымъ ввѣрена была сельско-хозяйственная колонія, въ громадномъ большинствѣ, до своего поступленія на службу не были ни помѣщиками, ни крестьянами и съ сельскимъ хозяйствомъ не были знакомы вовсе; для своихъ вѣдомостей они всякій разъ пользовались только тѣми свѣдѣніями, которыя собирали для нихъ надзиратели. Мѣстные же агрономы были малосвѣдущи въ своей спеціальности и ничего не дѣлали, или же отчеты ихъ отличались завѣдомою тенденціозностью, или же, попадая въ колонію прямо со школьной скамьи, они на первыхъ порахъ ограничивались одною лишь теоретическою и фор-

мальною стороной дѣла и для своихъ отчетовъ пользовались все тѣми же свѣдѣніями, которыя собирали для канцелярій нижніе чины *). Казалось бы, самыя вѣрныя

*) Въ своей резолюціи на отчетѣ инспектора сельскаго хозяйства за 1890 годъ начальникъ острова говоритъ: „Наконецъ, есть документъ, можетъ быть, далеко еще не совершенный, но основанный, по крайней мѣрѣ, на данныхъ наблюденія, сгруппированныхъ спеціалистомъ и освѣщенныхъ безъ желанія кому-нибудь нравиться“. Этотъ отчетъ онъ называетъ „первымъ шагомъ въ этомъ направленіи“; значитъ, всѣ отчеты до 1890 г. писались съ желаніемъ кому-нибудь понравиться. Далѣе въ своей резолюціи ген. Кононовичъ говоритъ, что единственнымъ источникомъ свѣдѣній о сельскомъ хозяйствѣ на Сахалинѣ служили до 1890 г. „праздныя измышленія“.

Чиновникъ-агрономъ на Сахалинѣ называется инспекторомъ сельскаго хозяйства. Должность VI класса съ хорошимъ окладомъ. Занимаетъ ее въ настоящее время г. фонъ-Фрикенъ, молодой человѣкъ, кончившій курсъ въ Новоалександрійскомъ институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства, хотя при учрежденіи этой должности предполагалось, что ее будетъ занимать агрономъ съ высшимъ образованіемъ. Послѣ двухлѣтняго пребыванія на островѣ теперешній инспекторъ представилъ отчетъ; это—небольшая кабинетная работа, въ которой личныя наблюденія автора отсутствуютъ и выводы его не отличаются опредѣленностью, но за то въ отчетѣ излагаются вкратцѣ свѣдѣнія по метеорологіи и флорѣ, дающія довольно ясное представленіе объ естественныхъ условіяхъ населенной части острова. Отчетъ этотъ напечатанъ и, вѣроятно, будетъ включенъ въ литературу, относящуюся къ Сахалину. Что же касается тѣхъ агрономовъ, которые служили раньше г. фонъ-Фрикена, то всѣмъ имъ страшно не везло. Я уже не разъ упоминалъ о М. С. Мицулѣ, который былъ агрономомъ, потомъ сталъ завѣдующимъ и, въ концѣ-концовъ, умеръ отъ грудной жабы, не доживъ и до 45 лѣтъ. Другой агрономъ, какъ разсказываютъ, силился доказать, что на Сахалинѣ сельское хозяйство невозможно, все посылалъ куда-то бумаги и телеграммы и тоже кончилъ, повидимому, глубокимъ нервнымъ разстройствомъ; по крайней мѣрѣ, о немъ вспоминаютъ теперь какъ о честномъ и знающемъ, но сумасшедшемъ человѣкѣ. Третій „завѣдующій по агрономической части“, полякъ,

свѣдѣнія можно было получать отъ людей, которые сами пашутъ и сѣютъ, но и этотъ источникъ оказался ненадежнымъ. Изъ страха, чтобы ихъ не лишили пособій, не перестали давать зерно въ ссуду, не оставили бы ихъ на Сахалинѣ на всю жизнь, ссыльные обыкновенно показывали количество разработанной земли и урожаи ниже дѣйствительности. Зажиточные ссыльные, которые не нуждаются въ пособіяхъ, тоже не говорили правды, но эти уже не изъ страха, а изъ тѣхъ самыхъ побужденій, которыя заставляли Полонія соглашаться, что облако, въ одно и то же время, похоже и на верблюда, и на хорька. Они зорко слѣдили за модой и направленіемъ мыслей, и если мѣстная администрація не вѣрила въ сельское хозяйство, то они тоже не вѣрили; если же въ канцеляріяхъ дѣлалось моднымъ противуположное направленіе, то и они тоже начинали увѣрять, что на Сахалинѣ, славу

былъ уволенъ начальникомъ острова съ рѣдкимъ въ чиновническихъ лѣтописяхъ скандаломъ: приказано было выдать ему прогонныя деньги въ томъ только случаѣ, когда онъ „предъявитъ заключенное имъ условіе съ каюромъ на отвозъ его до г. Николаевска"; начальство, очевидно, боялось, что агрономъ, взявши прогонныя деньги, останется на островѣ навсегда (приказъ № 349, 1888 г.). Про четвертаго агронома, нѣмца, ничего не дѣлавшаго и едва ли понимавшаго что-нибудь въ агрономіи, о. Ираклій разсказывалъ мнѣ, будто послѣ одного августовскаго мороза, побившаго хлѣбъ, онъ поѣхалъ въ Рыковское, собралъ тамъ сходъ и спросилъ важно: „Почему у васъ былъ морозъ?" Изъ толпы вышелъ самый умный и отвѣтилъ: „Не могимъ знать, ваше превосходительство, должно, милость Божія изволила такъ распорядиться". Агрономъ вполнѣ удовлетворился этимъ отвѣтомъ, сѣлъ въ тарантасъ и уѣхалъ домой съ чувствомъ исполненнаго долга.

Богу, жить можно, урожаи хорошіе, и только одна бѣда— народъ нынче избаловался и т. п., и при этомъ, чтобы угодить начальству, они прибѣгали къ грубой лжи и всякаго рода уловкамъ. Напримѣръ, они выбирали въ полѣ самые крупные колосья и приносили ихъ къ Мицулю, и послѣдній добродушно вѣрилъ и дѣлалъ заключеніе объ отличномъ урожаѣ. Пріѣзжимъ показывали картофель величиной въ голову, полупудовыя рѣдьки, арбузы, и пріѣзжіе, глядя на эти чудовища, вѣрили, что на Сахалинѣ пшеница родится самъ 40 *).

При мнѣ сельско-хозяйственный вопросъ на Сахалинѣ находился въ какомъ-то особенномъ фазисѣ, когда трудно было понять что-нибудь. Генералъ-губернаторъ, начальникъ острова и окружные начальники не вѣрили въ про-

*) „Пріѣхавшій на Сахалинъ новый агрономъ (прусскій подданный),— пишетъ корреспондентъ во *Владивостокѣ* 1886 г., № 43,—ознаменовалъ себя устройствомъ и открытіемъ 1 октября сахалинской сельско-хозяйственной выставки, экспонентами которой были поселенцы Александровкаго и Тымовскаго округовъ, а также казенные огороды... Выставленныя поселенцами хлѣбныя сѣмена ничѣмъ особеннымъ не отличались, если не считать, что въ числѣ сѣмянъ, *якобы* уродившихся на Сахалинѣ, попадались и сѣмена, выписанныя отъ извѣстнаго Грачева для посѣва. Выставившій пшеницу поселенецъ Тымовскаго округа Сычовъ при удостовѣреніи тымовскаго начальства, что онъ имѣетъ отъ нынѣшняго урожая такой пшеницы 70 пудовъ, былъ уличенъ въ обманѣ, т.-е. что выставилъ пшеницу выбранную". Объ этой выставкѣ есть и въ № 50 той же газеты. „Въ особенности удивило всѣхъ присутствіе необыкновенныхъ образцовъ овощей, напримѣръ, качанъ капусты вѣсомъ въ $22^1/_2$ ф., рѣдька по 13 фунт., картофелины въ 3 фунта и т. д. Могу смѣло сказать, что лучшими образцами овощей не могла бы похвалиться центральная Европа".

изводительность труда сахалинскихъ земледѣльцевъ; для нихъ уже не подлежало сомнѣнію, что попытка пріурочить трудъ ссыльныхъ къ сельскому хозяйству потерпѣла полную неудачу и что продолжать настаивать на томъ, чтобы колонія, во что бы ни стало, была сельско-хозяйственной, значило тратить непроизводительно казенныя деньги и подвергать людей напраснымъ мученіямъ. Вотъ слова генералъ-губернатора, которыя я записалъ подъ его диктовку:

«Сельско - хозяйственная колонія преступниковъ на островѣ не осуществима. Надо дать людямъ заработокъ, сельское же хозяйство должно быть лишь подспорьемъ къ нему».

Младшіе чиновники высказывали то же самое и въ присутствіи своего начальства безбоязненно критиковали прошлое острова. Сами ссыльные на вопросъ, какъ идутъ дѣла, отвѣчали нервно, безнадежно, съ горькою усмѣшкой. И, несмотря на такое опредѣленное и единодушное отношеніе къ сельскому хозяйству, все-таки, ссыльные продолжаютъ пахать и сѣять, администрація продолжаетъ выдавать имъ въ ссуду зерно, и начальникъ острова, меньше всѣхъ вѣрующій въ сахалинское земледѣліе, издаетъ приказы, въ которыхъ, «въ видахъ пріуроченія ссыльныхъ къ заботамъ о сельскомъ хозяйствѣ», запрещаетъ отпускать ссыльнымъ за деньги продукты изъ казеннаго склада (приказъ № 287, 1888 г.), или же подтверждаетъ, что перечисленіе въ крестьянское сословіе

поселенцевъ, которые не подаютъ основательной надежды на успѣхъ своихъ хозяйскихъ дѣлъ на отведенныхъ имъ участкахъ, «не можетъ состояться никогда» (№ 276, 1890 г.). Психологія такихъ противорѣчій для меня непонятна.

Количество разработанной земли до сихъ поръ было показываемо въ отчетахъ дутыми и подобранными цифрами (приказъ № 366, 1888 г.), и никто не скажетъ съ точностью, сколько въ среднемъ приходится земли на каждаго владѣльца. Инспекторъ сельскаго хозяйства опредѣляетъ количество земли въ среднемъ на участокъ по 1,555 кв. саж. или около $^2/_3$ дес., а въ частности для лучшаго, т.-е. Корсаковскаго, округа—въ 935 кв. саж. Помимо того, что цифры эти могутъ быть невѣрны, значеніе ихъ умаляется еще тѣмъ, что земля распредѣлена между владѣльцами крайне неравномѣрно: пріѣхавшіе изъ Россіи съ деньгами или нажившіе себѣ состояніе кулачествомъ имѣютъ по 3—5 и даже 8 десятинъ пахотной земли и есть не мало хозяевъ, особенно въ Корсаковскомъ округѣ, у которыхъ всего по нѣскольку квадратныхъ саженъ. Повидимому, количество пахотной земли абсолютно увеличивается каждый годъ, средній же размѣръ участка не ростетъ и какъ бы грозитъ остаться величиной постоянной *).

*) Съ увеличеніемъ населенія становится все труднѣе отыскивать удобную землю. Приречныя долины, покрытыя лиственнымъ лѣсомъ—ильмомъ, бояркой, бузиной и проч., гдѣ почва глубока и плодородна, пред-

Сѣютъ казенное зерно, получаемое каждый разъ въ ссуду. Въ лучшемъ, т.-е. Корсаковскомъ, округѣ въ 1889 г. «на всю пропорцію посѣяннаго зерна 2,060 пуд. имѣлось собственныхъ сѣмянъ только 165 пуд., а изъ 610 человѣкъ, которые посѣяли это количество, имѣли свое зерно только 56 человѣкъ» (приказъ № 318, 1889 г.). По даннымъ инспектора сельскаго хозяйства, на каждаго взрослаго жителя среднимъ числомъ высѣвается зерноваго хлѣба только 3 пуда 18 фунт., и меньше всего въ южномъ округѣ. Интересно при этомъ замѣтить, что въ округѣ съ болѣе благопріятными климатическими условіями сельское хозяйство ведется менѣе успѣшно, чѣмъ въ сѣверныхъ округахъ, и это, однако, не мѣшаетъ ему быть на самомъ дѣлѣ лучшимъ округомъ.

ставляютъ рѣдкіе оазисы среди тундръ, заболочинъ, горъ, покрытыхъ горѣлымъ лѣсомъ, и низменностей съ хвойными лѣсами и съ дурно пропускающею воду подпочвой. Даже на южной части острова эти долины, или елани, чередуются съ горами и трясинами, на которыхъ скудная растительность мало отличается отъ полярной. Такъ, вся громадная площадь между Такойскою долиной и Маукой—мѣстами культурными—занята трясиной совершенно безнадежной; быть можетъ, удастся провести по этой трясинѣ дороги, но измѣнить ея суровый климатъ не во власти человѣческой. Какъ ни велика, повидимому, площадь Южнаго Сахалина, но до сихъ поръ земли, годной подъ пахотныя поля, огороды и усадьбы, удалось найти только 405 дес. (приказъ № 318, 1889 г.). Между тѣмъ, коммиссія, съ Власовымъ и Мицулемъ во главѣ, рѣшавшая вопросъ о пригодности Сахалина для штрафной сельско-хозяйственной колоніи, нашла, что въ средней части острова земли, которую можно привести въ культурное состояніе, „должно быть гораздо больше, чѣмъ 200 тысячъ десятинъ", а въ южной части количество такой земли „простирается до 220 тысячъ".

Въ двухъ сѣверныхъ округахъ ни разу не была наблюдаема сумма тепла, достаточная для полнаго вызрѣванія овса и пшеницы, и только два года дали сумму тепла, достаточную для созрѣванія ячменя *). Весна и начало лѣта бываютъ почти всегда холодныя; въ 1889 г. морозы были въ іюлѣ и августѣ, и дурная осенняя погода началась съ 24 іюля и продолжалась до конца октября. Съ холодомъ бороться можно и акклиматизація хлѣбныхъ растеній на Сахалинѣ представляла бы благодарнѣйшую задачу, если бы не исключительно высокая влажность, борьба съ которой едва ли будетъ когда-либо возможна. Въ періодъ колошенія, цвѣтенія и налива и въ особенности созрѣванія, количество выпадающихъ на островѣ осадковъ несоразмѣрно велико, отчего поля даютъ не вполнѣ вызрѣвшее, водянистое, морщинистое и легковѣсное зерно. Или же, благодаря обильнымъ дождямъ, хлѣбъ пропадаетъ, сгнивая или проростая въ снопахъ въ полѣ. Время уборки хлѣбовъ, особенно яровыхъ, здѣсь почти всегда совпадаетъ съ самою дождливою погодой и, случается, весь урожай остается въ полѣ, благодаря дождямъ, непрерывно идущимъ съ августа до глубокой осени. Въ отчетѣ инспектора сельскаго хозяйства приводится таблица урожаевъ за послѣднія пять лѣтъ, составленная по даннымъ, которыя начальникъ острова называетъ «празд-

*) Подробности въ *Отчетѣ о состояніи сельскаго хозяйства на островѣ Сахалинѣ въ 1889 г.* г. фонъ-Фрикена.

ными вымыслами»; изъ этой таблицы можно заключить приблизительно, что среднiй урожай зерновыхъ хлѣбовъ на Сахалинѣ составляетъ самъ три. Это находитъ подтвержденiе и въ другой цифрѣ: въ 1889 г. изъ собраннаго урожая зерноваго хлѣба на каждаго взрослаго приходилось въ среднемъ около 11 пуд., т.-е. въ три раза больше того, что было посѣяно. Зерно получалось отъ урожаевъ плохое. Осмотрѣвъ однажды образцы зерноваго хлѣба, доставленнаго поселенцами, желающими обмѣнять на муку, начальникъ острова нашелъ, что одни изъ нихъ вовсе непригодны для посѣва, а другiе содержатъ въ примѣси значительное количество зерна недозрѣлаго и прохваченнаго морозами (приказъ № 41, 1889 г.).

При такихъ тощихъ урожаяхъ, сахалинскiй хозяинъ, чтобы быть сытымъ, долженъ имѣть не менѣе 4 дес. плодородной земли, цѣнить свой трудъ ни во что и ничего не платить работникамъ; когда же въ недалекомъ будущемъ однопольная система безъ пара и удобренiя истощитъ почву и ссыльные «сознаютъ необходимость перейти къ болѣе рацiональнымъ прiемамъ обработки полей и къ новой системѣ сѣвооборота», то земли и труда понадобится еще больше и хлѣбопашество поневолѣ будетъ брошено, какъ непроизводительное и убыточное.

Та отрасль сельскаго хозяйства, успѣхъ которой зависитъ не столько отъ естественныхъ условiй, сколько отъ личныхъ усилiй и знанiй самого хозяина,—огородничество, повидимому, даетъ на Сахалинѣ хорошiе результа-

ты. За успѣхъ мѣстной огородной культуры говоритъ уже то обстоятельство, что иногда цѣлыя семьи въ продолженіе всей зимы питаются одною только брюквой. Въ іюлѣ, когда одна дама въ Александровскѣ жаловалась мнѣ, что у нея въ садикѣ еще не взошли цвѣты, въ Корсаковкѣ въ одной избѣ я видѣлъ рѣшето, полное огурцовъ. Изъ отчета инспектора сельскаго хозяйства видно, что изъ урожая 1889 г. въ Тымовскомъ округѣ приходилось на каждаго взрослаго $4^1/_{10}$ пуд. капусты и около 2 пуд. разныхъ корнеплодныхъ овощей, въ Корсаковскомъ по 4 пуда капусты и по $4^1/_8$ пуд. корнеплодовъ. Въ томъ же году картофеля приходилось на каждаго взрослаго въ Александровскомъ округѣ по 50 пуд., въ Тымовскомъ по 16 пуд. и въ Корсаковскомъ по 34 пуд. Картофель вообще даетъ хорошіе урожаи, и это подтверждается не только цифрами, но и личнымъ впечатлѣніемъ; я не видѣлъ закромовъ или мѣшковъ съ зерномъ, не видѣлъ, чтобы ссыльные ѣли пшеничный хлѣбъ, хотя здѣсь пшеницы сѣется больше, чѣмъ ржи, но за то въ каждой избѣ я видѣлъ картофель и слышалъ жалобы на то, что зимою много картофеля сгнило. Съ развитіемъ на Сахалинѣ городской жизни и съ увеличеніемъ числа людей, живущихъ на жалованье, доходъ и пособіе, ростетъ мало-по-малу и потребность въ рынкѣ; въ Александровскѣ уже опредѣлилось мѣсто, гдѣ бабы продаютъ овощи, и на улицахъ не рѣдкость встрѣтить ссыльныхъ, торгующихъ огурцами и всякою зеленью. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на югѣ, на-

примѣръ, въ Первой Пади, огородничество уже составляетъ серьезный промыселъ *).

*) До сихъ поръ слабо поддавался культурѣ почему-то только одинъ лукъ. Недостатокъ этого овоща въ экономіи ссыльнаго пополняется черемшой (allium victoriale), ростущею здѣсь на волѣ. Это луковичное растеніе съ сильнымъ чесночнымъ запахомъ когда-то у постовыхъ солдатъ и ссыльныхъ считалось вѣрнымъ средствомъ отъ цынги, и по тѣмъ сотнямъ пудовъ, которые ежегодно заготовлялись на зиму военной и тюремной командами, можно судить, какъ распространена была здѣсь эта болѣзнь. Черемша, говорятъ, вкусна и питательна, но не всякому пріятенъ ея запахъ; когда не только въ комнатѣ, но даже на дворѣ ко мнѣ близко подходилъ человѣкъ, употреблявшій въ пищу черемшу, то мнѣ становилось душно.

Какъ велика площадь, занимаемая на Сахалинѣ сѣнокосами, еще неизвѣстно, хотя въ отчетѣ инспектора сельскаго хозяйства и приведены цифры. Каковы бы ни были цифры, но пока несомнѣнно только, что далеко не всякій хозяинъ знаетъ весною, гдѣ онъ будетъ косить лѣтомъ, и что сѣна не хватаетъ и къ концу зимы скотъ тощаетъ отъ недостатка корма. Лучшіе покосы забираютъ себѣ тѣ, кто сильнѣе, т.-е. тюрьма и военныя команды, поселенцамъ же остаются или самые дальніе покосы, или такіе, гдѣ сѣно можно жать, а не косить. Вслѣдствіе дурно пропускающей подпочвы, здѣшніе луга большею частью болотисты, всегда мокры и оттого ростутъ на нихъ лишь кислые злаки и осока, дающіе грубое, мало питательное сѣно. Инспекторъ сельскаго хозяйства говоритъ, что здѣшнее сѣно по своей питательности едва ли можетъ быть приравнено половинному количеству обыкновеннаго сѣна; ссыльные тоже находятъ сѣно плохимъ и зажиточные не даютъ его чистымъ, а въ примѣси съ мукой или картофелемъ. Сахалинское сѣно совсѣмъ не имѣетъ того пріятнаго запаха, что наше русское. Могутъ ли считаться хорошимъ кормовымъ средствомъ тѣ гигантскія травы, которыя ростутъ въ лѣсныхъ долинахъ и по рѣкамъ, и о которыхъ такъ много говорятъ, судить не берусь. Кстати замѣчу, что сѣмена одной изъ этихъ травъ, а именно сахалинской гречи, уже появились у насъ въ продажѣ. О томъ, нужно ли на Сахалинѣ травосѣяніе и возможно ли оно, въ отчетѣ инспектора сельскаго хозяйства не говорится ни одного слова.

Теперь о скотоводствѣ. Въ 1889 г. одна дойная корова въ Александ-

Хлѣбопашество считается главнымъ занятіемъ ссыльныхъ. Къ второстепеннымъ, дающимъ сторонніе заработки, относятся охота и рыболовство. Съ точки зрѣнія охотника, фауна позвоночныхъ животныхъ на Сахалинѣ роскошна. Изъ звѣрей, наиболѣе цѣнныхъ для промышленника, въ особенно громадномъ количествѣ водятся здѣсь соболь, лисица и медвѣдь *). Соболь распространенъ по всему острову. Говорятъ, будто за послѣднее время, вслѣдствіе порубокъ и лѣсныхъ пожаровъ, соболь удалился отъ населенныхъ мѣстъ въ болѣе дальніе лѣса, въ которыхъ не было пожаровъ, и для ловли сталъ менѣе доступенъ. Не знаю, насколько это справедливо; при мнѣ во Владиміровкѣ, около самаго селенія, надзиратель застрѣлилъ изъ револьвера соболя, который переходилъ по бревну черезъ ручей, и тѣ ссыльные-охотники, съ кото-

ровскомъ и Корсаковскомъ округахъ приходилась на $2^1/_2$ хозяйства, а въ Тымовскомъ на $3^1/_3$. Почти такія же цифры показаны и для рабочаго скота, т.-е. для лошадей и воловъ, причемъ и на этотъ разъ бѣднѣе всѣхъ оказывается лучшій, т.-е. Корсаковскій округъ. Впрочемъ, эти цифры не рисуютъ настоящаго положенія дѣла, такъ какъ весь сахалинскій скотъ распредѣленъ между хозяевами крайне неравномѣрно; по даннымъ инспектора сельскаго хозяйства, въ обоихъ сѣверныхъ округахъ не имѣющихъ скота, было $53^0/_0$, имѣющихъ же отъ 1 до 5 головъ - $36^0/_0$ и отъ 6 до 14 головъ - $9^0/_0$; обозрѣвая южный округъ, начальникъ острова нашелъ, что слишкомъ $59^0/_0$ хозяевъ не имѣютъ никакого скота. Значитъ, все наличное количество скота сосредоточено въ рукахъ только богатыхъ хозяевъ, имѣющихъ большіе земельные участки или занимающихся торговлей.

*) Подробности у А. М. Никольскаго: *Островъ Сахалинъ и его фауна позвоночныхъ животныхъ*.

рыми мнѣ приходилось говорить, охотятся обыкновенно не подалеку отъ селеній. Лисица и медвѣдь тоже живутъ на всемъ островѣ. Въ прежнее время медвѣдь не обижалъ людей и домашнихъ животныхъ и считался смирнымъ, но съ тѣхъ поръ, какъ ссыльные стали селиться по верховьямъ рѣкъ и вырубать тутъ лѣса и преградили ему путь къ рыбѣ, которая составляла его главную пищу, въ сахалинскихъ метрическихъ книгахъ и въ «вѣдомости происшествій» стала появляться новая причина смерти—«задранъ медвѣдемъ», и въ настоящее время медвѣдь уже третируется какъ грозное явленіе природы, съ которымъ приходится бороться не на шутку. Встрѣчаются также олень и кабарга, выдра, россомаха, рысь, рѣдко волкъ и еще рѣже горностай и тигръ *).

*) Волки держатся далеко отъ жилищъ, такъ какъ боятся домашнихъ животныхъ. Чтобы такое объясненіе не показалось невѣроятнымъ, я укажу на другой подобный же примѣръ: Буссе пишетъ, что айно, увидѣвъ въ первый разъ въ жизни свиней, испугались; да и Миндендорфъ говоритъ, что когда на Амурѣ въ первый разъ были разведены овцы, то волки не трогали ихъ. Дикіе олени распространены особенно на западномъ берегу сѣверной части острова; здѣсь зимою они собираются на тундрѣ, весною же, по словамъ Глена, когда они ходятъ къ морю, чтобы лизать соль, ихъ можно видѣть въ безчисленномъ множествѣ стадами на широкихъ равнинахъ этой части острова. Изъ птицъ водятся гусь, утки разныхъ породъ, бѣлая куропатка, глухарь, рябчикъ, кроншнепъ, вальдшнепъ; тяга продолжается до іюня. Я пріѣхалъ на Сахалинъ въ іюлѣ, когда въ тайгѣ была уже гробовая тишина; островъ казался безжизненнымъ и приходилось вѣрить наблюдателямъ на слово, что тутъ водятся камчатскій соловей, синица, дроздъ и чижъ. Черныхъ воронъ много, сорокъ и скворцовъ нѣтъ. Поляковъ видѣлъ на Сахалинѣ только одну деревенскую ласточку, да и та, по его мнѣнію, попала на

Несмотря на такое богатство дичи, охота, какъ промыселъ, въ колоніи почти не существуетъ. Изъ отчета по устройству селеній Тымовскаго округа 1885—1889 гг. видно, что въ 1888 г. жителямъ селенія Рыковскаго охота дала въ среднемъ только по 50 к. на каждаго взрослаго мужчину.

Ссыльные-кулаки, наживающіе здѣсь состоянія торговлей, промышляютъ обыкновенно и мѣхами, которые они пріобрѣтаютъ у инородцевъ за безцѣнокъ и въ обмѣнъ на спиртъ, но ужь это относится не къ охотѣ, а къ промышленности иного рода. Охотники изъ ссыльныхъ здѣсь всѣ на-перечетъ, ихъ очень немного. Въ большинствѣ это не промышленники, а охотники по страсти, любители, охотящіеся съ плохими ружьями и безъ собаки, только ради забавы. Убитую дичь они сбываютъ за безцѣнокъ или пропиваютъ. Въ Корсаковскѣ одинъ поселенецъ, продавая мнѣ убитаго имъ лебедя, запросилъ «три рубля или бутылку водки». Надо думать, что охота въ ссыльной колоніи никогда не приметъ размѣровъ промысла, имен-

островъ случайно, потому что заблудилась. Изъ животныхъ, имѣющихъ отношеніе къ охотѣ въ томъ смыслѣ, что, благодаря имъ, подчасъ охота становится занятіемъ мучительнымъ, слѣдуетъ упомянуть про комаровъ и мошекъ, которые въ тайгѣ стоятъ тучами. Мнѣ однажды показалось, что я вижу въ травѣ перепелку; вглядѣвшись попристальнѣе, я увидѣлъ маленькаго, красиваго звѣрка, котораго зовутъ бурундукомъ. Въ сѣверныхъ округахъ это самое маленькое млекопитающее. По А. М. Никольскому, тутъ нѣтъ домашней мыши, между тѣмъ, въ бумагахъ, относящихся еще къ началу колоніи, уже упоминаются „упылъ, утрусъ и мышеядіе“.

но потому, что она ссыльная. Чтобы промышлять охотой, надо быть свободнымъ, отважнымъ и здоровымъ, ссыльные же, въ громадномъ большинствѣ, люди слабохарактерные, нерѣшительные, неврастеники; они на родинѣ не были охотниками и не умѣютъ обращаться съ ружьемъ, и ихъ угнетеннымъ душамъ до такой степени чуждо это вольное занятіе, что поселенецъ въ нуждѣ скорѣе предпочтетъ, подъ страхомъ наказанія, зарѣзать теленка, взятаго изъ казны въ долгъ, чѣмъ пойти стрѣлять глухарей или зайцевъ. Да и едва ли можетъ быть желательно широкое развитіе этого промысла въ колоніи, куда для исправленія присылаются главнымъ образомъ убійцы. Нельзя позволять бывшему убійцѣ часто убивать животныхъ и совершать тѣ звѣрскія операціи, безъ которыхъ не обходится почти ни одна охота,—напримѣръ, закалывать раненаго оленя, прикусывать горло подстрѣленной куропаткѣ и т. п.

Главное богатство Сахалина и его будущность, быть можетъ, завидная и счастливая, не въ пушномъ звѣрѣ и не въ углѣ, какъ думаютъ, а въ періодической рыбѣ. Часть, а быть можетъ и вся масса веществъ, уносимая рѣками въ океанъ, ежегодно возвращается материку обратно въ видѣ періодической рыбы. *Кэта*, или кита, рыба изъ лососевыхъ, имѣющая размѣры, цвѣтъ и вкусъ нашей семги, населяющая сѣверную часть Великаго Океана, въ извѣстный періодъ своей жизни входитъ въ нѣкоторыя рѣки Сѣверной Америки и Сибири и съ неудер-

жимою силой, въ количествѣ буквально безчисленномъ, мчится вверхъ противъ теченія, доходя до самыхъ верхнихъ, горныхъ потоковъ. На Сахалинѣ это бываетъ въ концѣ іюля или въ первой трети августа. Масса рыбы, наблюдаемая въ это время, бываетъ такъ велика и ходъ ея до такой степени стремителенъ и необычаенъ, что кто самъ не наблюдалъ этого замѣчательнаго явленія, тотъ не можетъ имѣть о немъ настоящаго понятія. О быстротѣ хода и о тѣснотѣ можно бываетъ судить по поверхности рѣки, которая, кажется, кипитъ, вода принимаетъ рыбій вкусъ, весла вязнутъ и, задѣвая за рыбу, подкидываютъ ее. Въ устья рѣкъ кэта входитъ здоровая и сильная, но затѣмъ безостановочная борьба съ быстрымъ теченіемъ, тѣснота, голодъ, треніе и ушибы о карчи и камни истощаютъ ее, она худѣетъ, тѣло ея покрывается кровоподтеками, мясо становится дряблымъ и бѣлымъ, зубы оскаливаются; рыба мѣняетъ свою физіономію совершенно, такъ что люди непосвященные принимаютъ ее за другую породу и называютъ не кэтой, а зубаткой. Она ослабѣваетъ мало-по-малу и уже не можетъ сопротивляться теченію и уходитъ въ затоны или же стоитъ за карчей, уткнувшись мордой въ берегъ; здѣсь ее можно брать прямо руками и даже медвѣдь достаетъ ее изъ воды лапой. Въ концѣ-концовъ, изнуренная половымъ стремленіемъ и голодомъ, она погибаетъ, и ужь въ среднемъ теченіи рѣки начинаютъ встрѣчаться во множествѣ уснувшіе экземпляры, а берега въ верх-

немъ теченіи бываютъ усѣяны мертвою рыбой, издающею зловоніе. Всѣ эти страданія, переживаемыя рыбой въ періодъ любви, называются «кочеваніемъ до смерти», потому что неизбѣжно ведутъ къ смерти, и ни одна изъ рыбъ не возвращается въ океанъ, а всѣ погибаютъ въ рѣкахъ. «Неодолимые порывы эротическаго влеченія до издыханія, — говоритъ Миддендорфъ, — цвѣтъ идеи кочеванія; и такіе идеалы въ тупоумной влажно-холодной рыбѣ!»

Не менѣе замѣчателенъ ходъ *сельди*, которая періодически появляется по прибрежьямъ моря весною, обыкновенно во второй половинѣ апрѣля. Сельдь идетъ громадными стадами, «въ невѣроятномъ количествѣ», по выраженію очевидцевъ. Приближеніе сельди всякій разъ узнается по слѣдующимъ характернымъ признакамъ: круговая полоса бѣлой пѣны, захватывающая на морѣ большое пространство, стаи чаекъ и альбатросовъ, киты, пускающіе фонтаны, и стада сивучей. Картина чудесная! Китовъ, слѣдующихъ въ Анивѣ за сельдью, такое множество, что корабль Крузенштерна былъ окруженъ ими и на берегъ должно было ѣздить «съ осторожностью». Во время хода сельди море представляется кипящимъ *).

*) Одинъ изъ авторовъ видѣлъ японскую сѣть, которая „занимала въ морѣ окружность въ три версты и, прикрѣпленная къ берегу, образовывала родъ мѣшка, откуда постепенно вычерпывали сельдей“. Буссе въ своихъ запискахъ говоритъ: „Японскіе невода часты и чрезвычайно велики. Одинъ неводъ окружаетъ пространство саженъ на 70 отъ берега. Но каково было мое удивленіе, когда, не дотащивъ неводъ саженъ на

Нѣтъ возможности даже приблизительно опредѣлить, какое количество рыбы можетъ быть поймано каждый разъ во время ея хода въ сахалинскихъ рѣкахъ и у побережьевъ. Тутъ годилась бы всякая очень большая цифра.

Во всякомъ случаѣ, безъ преувеличенія можно сказать, что при широкой и правильной организаціи рыбныхъ ловель и при тѣхъ рынкахъ, какіе давно уже существуютъ въ Японіи и Китаѣ, ловля періодической рыбы на Сахалинѣ могла бы приносить милліонные доходы. Когда еще на югѣ Сахалина распоряжались японцы и рыбныя ловли въ ихъ рукахъ едва начинали развиваться, то ужь рыба приносила около полумилліона рублей ежегодно. По разсчету Мицуля, добываніе ворвани въ южной части Сахалина требовало 611 котловъ и до 15,000 саж. дровъ, и одна лишь сельдь давала 295,806 руб. въ годъ.

Съ занятіемъ южнаго Сахалина русскими рыбныя ловли перешли въ стадій упадка, въ которомъ находятся до сегодня. «Гдѣ недавно кипѣла жизнь, давая пищу инородцамъ-аинцамъ и солидные барыши промышленникамъ,— писалъ въ 1880 г. Л. Дейтеръ *),— тамъ теперь

10 отъ берега, японцы оставили его въ водѣ, потому что эти 10 саженъ неводъ до того былъ наполненъ сельдями, что, несмотря на всѣ усилія 60 работниковъ, они не могли болѣе притянуть неводъ къ берегу... Гребцы, закладывая весла для гребки, выбрасывали ими по нѣсколько сельдей и жаловались, что онѣ мѣшаютъ грести“. Ходъ сельди и ловля ея японцами подробно описаны у Буссе и Мицуля.

*) *Морская Газета* 1880 г., № 3.

почти пустыня». Рыбныя ловли, производимыя теперь въ обоихъ сѣверныхъ округахъ нашими ссыльными, ничтожны; иначе ихъ и назвать нельзя. Я былъ на Тыми, когда уже въ верховьяхъ шла кэта и на зеленыхъ берегахъ тамъ и сямъ попадались одинокія фигуры рыболововъ, вытаскивавшихъ крючками на длинныхъ палкахъ полуживую рыбу. Въ послѣдніе годы администрація, ищущая заработковъ для поселенцевъ, стала дѣлать имъ заказы на соленую рыбу. Поселенцы получаютъ соль по льготной цѣнѣ и въ долгъ, тюрьма затѣмъ покупаетъ у нихъ рыбу по дорогой цѣнѣ, чтобы поощрить ихъ, но объ этомъ ихъ новомъ ничтожномъ заработкѣ стòитъ упомянуть только потому, что тюремныя щи изъ рыбы мѣстнаго поселенческаго приготовленія, по отзывамъ арестантовъ, отличаются особо отвратительнымъ вкусомъ и нестерпимымъ запахомъ. Ловить и заготовлять рыбу поселенцы не умѣютъ и ни кто ихъ этому не учитъ; тюрьма въ районѣ теперешнихъ ловель забрала себѣ лучшія мѣста, имъ же предоставила пороги и мели, гдѣ они рвутъ свои дешевыя самодѣлковыя сѣти о карчи и камни. Когда я былъ въ Дербинскомъ, тамъ каторжные ловили для тюрьмы рыбу. Начальникъ острова ген. Кононовичъ приказалъ собраться поселенцамъ и, обратясь къ нимъ съ рѣчью, упрекнулъ ихъ, что въ прошломъ году они продали въ тюрьму рыбу, которую нельзя было ѣсть. «Каторжный — вашъ братъ, а мой сынъ, — сказалъ онъ имъ. — Обманывая казну, вы этимъ самымъ наносите

вредъ вашему брату и моему сыну». Поселенцы согласились съ нимъ, но по ихъ лицамъ видно было, что и въ будущемъ году братъ и сынъ будутъ ѣсть вонючую рыбу. Даже если поселенцы какъ-нибудь научатся заготовлять рыбу, то, все-таки, этотъ новый заработокъ не дастъ населенію ничего, такъ какъ санитарный надзоръ рано или поздно долженъ будетъ запретить употребленіе въ пищу рыбы, пойманной въ верховьяхъ.

На тюремныхъ рыбныхъ ловляхъ въ Дербинскомъ я присутствовалъ 25 августа. Надолго затянувшійся дождь наводилъ на всю природу уныніе; было трудно ходить по скользкому берегу. Сначала мы зашли въ сарай, гдѣ 16 каторжныхъ подъ руководствомъ Василенки, бывшаго таганрогскаго рыбалки, солили рыбу. Было уже посолено 150 бочекъ, около 2,000 пудовъ. Впечатлѣніе такое, что если бы Василенко не попалъ на каторгу, то никто бы тутъ не зналъ, какъ надо обращаться съ рыбой. Изъ сарая спускъ къ берегу, на которомъ шесть каторжныхъ очень острыми ножами пластаютъ рыбу, выбрасывая ея внутренности въ рѣку; вода красная, мутная. Тяжелый запахъ рыбы и грязи, смѣшанной съ рыбьей кровью. Въ сторонѣ группа каторжныхъ — всѣ мокрые и босикомъ или въ чиркахъ — закидываетъ небольшой неводъ. При мнѣ вытащили два раза и въ оба раза неводъ былъ полонъ. Вся кэта имѣетъ крайне подозрительный видъ. У всѣхъ оскалены зубы, сгорбились спины и тѣла покрыты пятнами. Почти у каждой рыбы брюхо окрашено въ

бурый или зеленый цвѣтъ, выдѣляются жидкія испражненія. Выброшенная на берегъ рыба засыпаетъ очень скоро, если она уже не заснула въ водѣ или пока билась въ неводѣ. Тѣ немногіе экземпляры, на которыхъ не было пятенъ, назывались серебрянками; ихъ бережно откладывали въ сторону, но не для тюремнаго котла, а «на балычки».

Здѣсь не твердо знаютъ естественную исторію рыбы, заходящей періодически въ рѣки, и еще нѣтъ убѣжденія, что ее слѣдуетъ ловить только въ устьяхъ и въ нижнемъ теченіи, такъ какъ выше она становится уже негодной. Плывя по Амуру, я слышалъ отъ мѣстныхъ старожиловъ жалобы, что у устья де вылавливаютъ настоящую кэту, а до нихъ доходитъ только зубатка; и на пароходѣ шли разговоры о томъ, что пора упорядочить рыбныя ловли, т.-е. запретить ихъ въ нижнемъ теченіи *). Въ то время, какъ въ верховьяхъ Тыми тюрьма и поселенцы ловили тощую, полуживую рыбу, въ устьѣ ея

*) Кстати сказать, на Амурѣ, очень богатомъ рыбою, рыбные промыслы организованы довольно слабо и, какъ кажется, потому, что промышленники скупятся пригласить изъ Россіи спеціалистовъ. Здѣсь, напримѣръ, ловятъ во множествѣ осетровъ, но никакъ не могутъ приготовить икры такъ, чтобы она походила на русскую, хотя бы по внѣшнему виду. Искусство здѣшнихъ промышленниковъ остановилось на кэтовыхъ балыкахъ и не пошло дальше. Г. Л. Дейтеръ писалъ въ *Морской Газетѣ* (1880 г., № 6), что будто бы нѣкогда на Амурѣ составилась компанія рыбнаго промысла (изъ капиталистовъ), затѣяли дѣло на широкихъ основаніяхъ и сами себя угощали икрою, фунтъ которой имъ самимъ обходился, какъ говорятъ, отъ 200 до 300 рублей серебромъ.

контрабанднымъ образомъ промышляли японцы, загородивъ частоколомъ рѣку, а въ нижнемъ теченіи гиляки ловили для своихъ собакъ рыбу несравненно болѣе здоровую и вкусную, чѣмъ та, которая заготовлялась въ Тымовскомъ округѣ для людей. Японцы нагружали джонки и даже большія суда, и то красивое судно, которое Поляковъ въ 1881 г. встрѣтилъ у устья Тыми, вѣроятно, приходило сюда и этимъ лѣтомъ.

Чтобы рыболовство получило значеніе серьезнаго промысла, надо придвинуть колонію ближе къ устью Тыми или Пороная. Но это не единственное условіе. Необходимо также, чтобы съ ссыльнымъ населеніемъ не конкуррировалъ свободный элементъ, такъ какъ нѣтъ такого промысла, въ которомъ, при столкновеніи интересовъ, свободные не брали бы верха надъ ссыльными. Между тѣмъ, съ поселенцами конкуррируютъ японцы, производящіе ловлю контрабанднымъ образомъ или за пошлины, и чиновники, забирающіе лучшія мѣста для тюремныхъ ловель, и уже близко время, когда съ проведеніемъ сибирской дороги и развитіемъ судоходства слухи о невѣроятныхъ богатствахъ рыбы и пушного звѣря привлекутъ на островъ свободный элементъ; начнется иммиграція, организуются настоящія рыбныя ловли, въ которыхъ ссыльный будетъ принимать участіе не какъ хозяинъ-промышленникъ, а лишь какъ батракъ, затѣмъ, судя по аналогіи, начнутся жалобы на то, что трудъ ссыльныхъ во многихъ отношеніяхъ уступаетъ труду свободныхъ, даже манзъ и корей-

цевъ; съ точки зрѣнія экономической, ссыльное населеніе будетъ признано бременемъ для острова, и съ увеличеніемъ иммиграціи и развитіемъ осѣдлой и промышленной жизни на островѣ само государство найдетъ болѣе справедливымъ и выгоднымъ стать на сторону свободнаго элемента и прекратить ссылку. И такъ, рыба составитъ богатство Сахалина, но не ссыльной колоніи *).

*) Для тѣхъ ссыльныхъ, которые живутъ теперь у устьевъ небольшихъ рѣчекъ и у моря, рыболовство можетъ служить подспорьемъ въ хозяйствѣ и давать нѣкоторый заработокъ, но для этого надо снабжать ихъ хорошими сѣтями, селить у моря только тѣхъ, кто и на родинѣ жилъ у моря, и т. д.

Въ настоящее время японскія суда, которыя являются на югъ Сахалина для ловли рыбы, платятъ пошлину по 7 к. съ пуда золотомъ. Обложены пошлиной также всѣ продукты, приготовленные изъ рыбы, напримѣръ, удобрительный тукъ, селедочный и тресковый жиръ, но доходъ со всѣхъ этихъ пошлинъ не достигаетъ и 20 тысячъ, и это почти единственный доходъ, получаемый нами отъ эксплуатаціи сахалинскихъ богатствъ.

Кромѣ кэты, въ сахалинскія рѣки періодически заходятъ также родственныя ей горбуша, кунджа или гой и чевица; постояно живутъ въ прѣсныхъ водахъ Сахалина форель, щука, чебакъ, карась, пескарь и корюшка, которая называется огуречникомъ, такъ какъ сильно пахнетъ свѣжимъ огурцомъ. Изъ морскихъ рыбъ, кромѣ сельди, ловятся треска, камбала, осетръ, бычокъ, который здѣсь такъ великъ, что глотаетъ корюшку цѣликомъ. Въ Александровскѣ одинъ каторжный промышляетъ длиннохвостыми раками, очень вкусными, которые называются здѣсь чиримсами или шримсами.

Изъ морскихъ млекопитающихъ у береговъ Сахалина водятся въ громадномъ количествѣ киты, сивучи или морскіе львы, тюлени и котики. Подходя на *Байкалѣ* къ Александровску, я видѣлъ много китовъ, которые гуляли парочками по проливу и рѣзвились. Близъ западнаго берега Сахалина возвышается надъ моремъ одинокая скала, называемая „Камнемъ Опасности". Очевидецъ, находившійся на шкунѣ *Ермакъ* и

О добычѣ морской капусты я говорилъ уже при описаніи селенія Мауки. На этомъ промыслѣ въ періодъ времени съ 1 марта по 1 августа поселенецъ зарабатываетъ отъ 150 до 200 рублей; треть заработка идетъ на харчи, а двѣ трети ссыльный приноситъ домой. Это хорошій заработокъ, но, къ сожалѣнію, онъ пока возможенъ только для поселенцевъ Корсаковскаго округа. Плату за труды рабочіе получаютъ задѣльную и потому размѣръ самаго заработка находится въ прямой зависимости отъ навыка, усердія и добросовѣстности, — качества, которыми обла-

хотѣвшей изслѣдовать этотъ камень, писалъ: „Еще за $1^1/_2$ мили отъ камня, намъ стало очевиднымъ, что скала занята сплошь громадными сивучами. Ревъ этого громаднаго дикаго стада поразилъ насъ; звѣри достигали баснословной величины, такъ что издали казались цѣлыми скалами... Сивучи были величиною около 2 саженей и болѣе... Кромѣ сивучей, какъ скала, такъ и море вокругъ камня кишѣли морскими котиками" (*Владивостокъ* 1886 г., № 29). О томъ, какихъ размѣровъ могутъ въ нашихъ сѣверныхъ моряхъ достигать китоловный и тюленій промыслы, видно изъ страшной цифры, приводимой однимъ изъ авторовъ: по вычисленіямъ американскихъ китоловныхъ арматоровъ, въ продолженіе 14 лѣтъ (до 1861 г.) вывезено изъ Охотскаго моря жиру и уса на двѣсти милліоновъ рублей (*В. Збышевскій:* „Замѣчанія о китоловномъ промыслѣ въ Охотскомъ морѣ". *Морской Сборникъ* 1863 г., № 4). Но, несмотря на ихъ, повидимому, блестящее будущее, эти промыслы не обогатятъ ссыльной колоніи, потому именно, что она ссыльная. По свидѣтельству Брэма, „охота за тюленями есть повальная, безпощадная бойня, гдѣ грубость соединяется съ совершенною безчувственностью. Поэтому и не говорятъ—охотиться за тюленями, а бить тюленей". И „самыя дикія племена поступаютъ при этой охотѣ гораздо человѣчнѣе цивилизованнаго европейца". А когда убиваютъ палками котиковъ, то мозгъ брыжжетъ во всѣ стороны и глаза у бѣдныхъ животныхъ выскакиваютъ изъ орбитъ. Ссыльныхъ, особенно тѣхъ, которые присланы за убійство, должно беречь отъ подобныхъ зрѣлищъ.

даетъ далеко не всякій ссыльный, потому и не всякій ходитъ въ Мауку *).

Среди ссыльныхъ много плотниковъ, столяровъ, портныхъ и проч., но большинство ихъ сидитъ безъ дѣла или занимается хлѣбопашествомъ. Одинъ каторжный слесарь дѣлаетъ берданки и уже четыре продалъ на материкъ, другой—дѣлаетъ оригинальныя цѣпочки изъ стали, третій—лѣпитъ изъ гипса; но всѣ эти берданки, цѣпочки и очень дорогія шкатулки такъ же мало рисуютъ экономическое положеніе колоніи, какъ и то, что одинъ поселенецъ на югѣ собираетъ по берегу китовую кость, а другой – добываетъ трепангу. Все это случайно. Тѣ изящныя и дорогія подѣлки изъ дерева, которыя были на тюремной выставкѣ, показываютъ только, что на каторгу попадаютъ иногда очень хорошіе столяры; но онѣ не имѣютъ никакого отношенія къ тюрьмѣ, такъ какъ не тюрьма находитъ имъ сбытъ и не тюрьма обучаетъ каторжныхъ мастерствамъ; до послѣдняго времени она пользовалась трудомъ уже готовыхъ мастеровъ. Предложеніе труда мастеровъ значительно превышаетъ спросъ. «Тутъ даже фальшивыхъ бумажекъ сбывать негдѣ», — сказалъ мнѣ

*) Благодаря морской капустѣ и сравнительно мягкому климату, юго-западное побережье я считаю единственнымъ пока мѣстомъ на Сахалинѣ, гдѣ ссыльная колонія возможна. Въ 1885 г. въ одномъ изъ засѣданій „общества изученія Амурскаго края“ было прочитано интересное сообщеніе о морской капустѣ теперешняго владѣльца промысла Я. Л. Семенова. Сообщеніе это напечатано во *Владивостокѣ* 1885 г., №№ 47 и 48.

одинъ каторжный. Плотники работаютъ по 20 коп. въ день на своихъ харчахъ, а портные шьютъ за водку *).

Если теперь подвести итогъ доходамъ, какіе получаетъ въ среднемъ ссыльный отъ продажи зерна въ казну, охоты, рыболовства и проч., то получится довольно жалкая цифра: 29 руб. 21 коп. **). Между тѣмъ, каждое хозяйство должно въ казну въ среднемъ 31 р. 51 к. Такъ какъ въ сумму дохода вошли также кормовыя и пособія отъ казны и деньги, полученныя по почтѣ, и такъ какъ доходъ ссыльнаго составляется, главнымъ образомъ, изъ заработковъ, которые даетъ ему казна, платя ему подчасъ умышленно высокую цѣну, то добрая половина дохода оказывается фикціей, и долгъ въ казну на самомъ дѣлѣ выше, чѣмъ онъ показанъ.

XIX.

Пища ссыльныхъ.—Что и какъ ѣдятъ арестанты.—Одежда.—Церковь.—Школа.—Грамотность.

Сахалинскій ссыльный, пока состоитъ на казенномъ довольствіи, получаетъ ежедневно: 3 ф. печенаго хлѣба,

*) До сихъ поръ мастера находили себѣ заработокъ только въ постахъ у чиновниковъ и богатыхъ ссыльныхъ. Къ чести мѣстной интеллигенціи сказать, за услуги мастеровъ она платитъ всегда щедро. О такихъ случаяхъ, какъ докторъ, кладущій въ околодокъ сапожника подъ видомъ больного, чтобы тотъ шилъ для его сына сапоги, или чиновникъ, записывающій къ себѣ въ прислуги модистку, которая шьетъ даромъ на его жену и дѣтей,—о такихъ случаяхъ говорятъ здѣсь какъ о печальныхъ исключеніяхъ.

**) По даннымъ инспектора сельскаго хозяйства.

40 зол. мяса, около 15 зол. крупы и разныхъ приварочныхъ продуктовъ на 1 копѣйку; въ постный же день мясо замѣняется 1 фунтомъ рыбы. Для опредѣленія, насколько эта дача согласуется съ истинными потребностями ссыльнаго, далеко недостаточно общепринятаго кабинетнаго пріема, заключающагося въ сравнительной и, притомъ, чисто-внѣшней оцѣнкѣ цифровыхъ данныхъ, относящихся къ пищевому довольствію разныхъ группъ населенія за границей и въ Россіи. Если въ саксонскихъ и прусскихъ тюрьмахъ заключенные получаютъ мясо только три раза въ недѣлю, каждый разъ въ количествѣ, не достигающемъ и $^1/_5$ фунта, и если тамбовскій крестьянинъ съѣдаетъ 4 ф. хлѣба въ день, то это не значитъ, что сахалинскій ссыльный получаетъ много мяса и мало хлѣба, а значитъ только, что германскіе тюрьмовѣды боятся быть заподозрѣнными въ ложной филантропіи и что пища тамбовскаго мужика отличается большимъ содержаніемъ хлѣба. Очень важно въ практическомъ отношеніи, чтобы оцѣнка пищевыхъ порціоновъ какой-либо группы населенія начиналась не съ количественнаго, а качественнаго ихъ анализа, и при этомъ изучались бы естественныя и бытовыя условія, при которыхъ эта группа живетъ; безъ строгой же индивидуализаціи рѣшеніе вопроса будетъ односторонне и убѣдительно для однихъ только формалистовъ.

Однажды я и инспекторъ сельскаго хозяйства г. фонъ-Фрикенъ возвращались изъ Краснаго Яра въ Алексан-

дровскъ; я въ тарантасѣ, онъ верхомъ. Было жарко, а въ тайгѣ душно. Арестанты, работавшіе на дорогѣ между постомъ и Краснымъ Яромъ, безъ шапокъ и въ мокрыхъ отъ пота рубахахъ, когда я поровнялся съ ними, неожиданно, принявъ меня, вѣроятно, за чиновника, остановили моихъ лошадей и обратились ко мнѣ съ жалобой на то, что имъ выдаютъ хлѣбъ, котораго нѣтъ возможности ѣсть. Когда я сказалъ, что лучше бы имъ обратиться къ начальству, то мнѣ отвѣтили:

— Мы говорили старшему надзирателю Давыдову, а онъ намъ: вы—бунтовщики.

Хлѣбъ былъ въ самомъ дѣлѣ ужасный. При взломѣ онъ отсвѣчивалъ на солнцѣ мельчайшими капельками воды, прилипалъ къ пальцамъ и имѣлъ видъ грязной, осклизлой массы, которую непріятно было держать въ рукахъ. Мнѣ было поднесено нѣсколько порцій, и весь хлѣбъ былъ одинаково недопеченъ, изъ дурно смолотой муки и, очевидно, съ невѣроятнымъ припекомъ. Пекли его въ Ново-Михайловкѣ подъ наблюденіемъ старшаго надзирателя Давыдова.

3 фунта хлѣба, входящіе въ пищевой пай, очень часто, вслѣдствіе злоупотребленій припекомъ, содержатъ муки гораздо меньше, чѣмъ слѣдуетъ по табели *). Хлѣбопеки-каторжные въ только что упомянутой Ново-Ми-

*) *Табель о довольствіи ссыльно-каторжныхъ мужчинъ и женщинъ пищею* составлена на основаніи Высочайше утвержденнаго 31 іюля 1871 г. положенія о провіантскомъ и приварочномъ довольствіи войскъ.

хайловкѣ свою порцію хлѣба продавали, а сами питались избыткомъ, который получался отъ припека. Въ Александровской тюрьмѣ тѣ, которые довольствуются изъ котла, получаютъ порядочный хлѣбъ, живущимъ же по квартирамъ выдается хлѣбъ похуже, а работающимъ внѣ поста—еще хуже; другими словами, хорошъ только тотъ хлѣбъ, который можетъ попасться на глаза начальнику округа или смотрителю. Чтобы увеличить припекъ, хлѣбопеки и надзиратели, прикосновенные къ пищевому довольствію, пускаются на разныя ухищренія, выработанныя еще сибирскою практикой, изъ которыхъ, напримѣръ, обвариваніе муки кипяткомъ—одно изъ самыхъ невинныхъ; чтобъ увеличить вѣсъ хлѣба, когда-то въ Тымовскомъ округѣ муку мѣшали съ просѣянною глиной. Злоупотребленія подобнаго рода совершаются тѣмъ легче, что чиновники не могутъ цѣлый день сидѣть въ пекарнѣ и сторожить или осматривать каждую порцію, а жалобъ со стороны арестантовъ почти никогда не бываетъ *).

Независимо отъ того, хорошъ хлѣбъ или плохъ,

*) Припекъ—это демонъ искуситель, передъ чарами котораго устоять, какъ оказывается, очень трудно. Благодаря ему, очень многіе потеряли совѣсть и даже жизнь. Смотритель Селивановъ, о которомъ я упоминалъ уже, палъ жертвой припека, такъ какъ былъ убитъ хлѣбопекомъ-каторжнымъ, котораго распекалъ за то, что у того выходило мало припеку. Въ самомъ дѣлѣ, есть изъ-за чего похлопотать. Положимъ, что въ Александровской тюрьмѣ пекутъ хлѣбъ для 2,870 человѣкъ. Если удержать съ каждаго пайка только по 10 зол., то получится около 300 фунтовъ въ день. Вообще операціи съ хлѣбомъ очень выгодны. Такъ, напримѣръ, чтобы сдѣлать растрату 10 тысячъ пудовъ муки и потомъ

съѣдается обыкновенно не весь паекъ. Арестантъ ѣстъ его съ разсчетомъ, такъ какъ, по обычаю, давно уже установившемуся въ нашихъ тюрьмахъ и въ ссылкѣ, казенный хлѣбъ служитъ чѣмъ-то вродѣ ходячей размѣнной монеты. Хлѣбомъ арестантъ платитъ тому, кто убираетъ камеру, кто работаетъ вмѣсто него, кто мирволитъ его слабостямъ; хлѣбомъ онъ платитъ за иголки, нитки и мыло; чтобы разнообразить свою скудную, крайне однообразную, всегда соленую пищу, онъ копитъ хлѣбъ и потомъ мѣняетъ въ майданѣ на молоко, бѣлую булку, сахаръ, водку... Кавказскіе уроженцы въ большинствѣ болѣютъ отъ чернаго хлѣба и стараются поэтому спускать его. И такимъ образомъ, если слѣдуемые по табели три фунта кажутся вполнѣ достаточными въ количественномъ отношеніи, то при знакомствѣ съ качествомъ хлѣба и съ бытовыми условіями тюрьмы это достоинство пайка становится призрачнымъ и цифры уже теряютъ свою силу. Мясо употребляется въ пищу только соленое, рыба также *); даютъ ихъ въ вареномъ видѣ, въ

покрыть ее исподволь мукою же, удерживаемою по золотникамъ съ арестантскихъ пайковъ, достаточно 2—3 лѣтъ.

Поляковъ писалъ: „Хлѣбъ въ Мало-Тымовскомъ поселеніи былъ до такой степени плохъ, что не всякая собака рѣшается ѣсть его; въ немъ была масса не перемолотыхъ, цѣлыхъ зеренъ, мякины и соломы; одинъ изъ присутствовавшихъ при осмотрѣ хлѣба моихъ сотоварищей справедливо замѣтилъ: „Да, этимъ хлѣбомъ такъ же легко завязить всѣ зубы, какъ и найти въ нихъ зубочистку для ихъ очистки“.

*) Случается, въ тюрьмѣ варятъ похлебку изъ свѣжаго мяса; это значитъ, что медвѣдь задралъ корову или произошло какое-нибудь не-

супѣ. Тюремный супъ или похлебка представляетъ полужидкую кашицу отъ разварившейся крупы и картофеля, въ которой плаваютъ красные кусочки мяса или рыбы и которую хвалятъ нѣкоторые чиновники, но сами не рѣшаются ѣсть. Супъ, даже тотъ, который варятъ для больныхъ, имѣетъ очень соленый вкусъ. Ожидаютъ ли въ тюрьмѣ посѣтителей, видѣнъ ли на горизонтѣ пароходный дымокъ, поругались ли въ кухнѣ надзиратели или кашевары, — все это обстоятельства, которыя имѣютъ вліяніе на вкусъ супа, его цвѣтъ и запахъ; послѣдній часто бываетъ противенъ, и даже перецъ и лавровый листъ не помогаютъ. Особенно дурною славой въ этомъ отношеніи пользуется супъ изъ соленой рыбы — и понятно почему; во-первыхъ, этотъ продуктъ легко портится и потому обыкновенно спѣшатъ пускать въ дѣло ту рыбу, которая уже начала портиться; во-вторыхъ, въ котелъ поступаетъ и та больная рыба, которую въ верховьяхъ ловятъ каторжные и поселенцы. Въ Корсаковской тюрьмѣ одно время кормили арестантовъ супомъ изъ соленой селедки; по словамъ завѣдующаго медицин-

счастье съ казеннымъ быкомъ или коровой. Но къ подобной убоинѣ арестанты часто относятся какъ къ падали и отказываются ѣсть ее. Вотъ еще строки изъ Полякова: „Очень не хороша была также и мѣстная солонина; она готовилась изъ мяса казенныхъ быковъ, истощенныхъ работой на плохихъ и трудныхъ дорогахъ и убитыхъ нерѣдко накануне погибели, если имъ не перерѣзывалось горло полуиздохшимъ“. Во время хода періодической рыбы арестантовъ кормятъ свѣжею рыбой, отпуская по одному фунту на человѣка.

скою частью, супъ этотъ отличался безвкусіемъ, селедка очень скоро разваривалась на мелкіе кусочки, присутствіе мелкихъ костей затрудняло проглатываніе и производило катарры желудочно-кишечнаго канала. Какъ часто арестанты выплескиваютъ изъ мисокъ супъ, за невозможностью ѣсть его, неизвѣстно, но это бываетъ *).

Какъ ѣдятъ арестанты? Столовыхъ нѣтъ. Въ полдень къ бараку или пристройкѣ, въ которой помѣщается кухня, тянутся арестанты гусемъ, какъ къ желѣзно-дорожной кассѣ. У каждаго въ рукахъ какая-нибудь посуда. Къ этому времени супъ обыкновенно бываетъ уже готовъ и, разваренный, «прѣетъ» въ закрытыхъ котлахъ. У кашевара къ длинной палкѣ придѣланъ «бочòкъ», которымъ онъ черпаетъ изъ котла и каждому подходящему наливаетъ порцію, причемъ онъ можетъ зачерпнуть бочкòмъ сразу двѣ порціи мяса или ни одного кусочка, смотря по желанію. Когда, наконецъ, подходятъ самые задніе, то супъ уже не супъ, а густая, тепловатая масса на днѣ котла, которую приходится разбавлять водой **). Полу-

*) Все это администраціи извѣстно. По крайней мѣрѣ, вотъ мнѣніе на этотъ счетъ самого начальника острова: „Въ мѣстныхъ операціяхъ по приварочному довольствію каторжныхъ есть обстоятельства, невольно набрасывающія на это дѣло сомнительную тѣнь“ (приказъ № 314-й, 1888 г.). Если чиновникъ говоритъ, что онъ цѣлую недѣлю или мѣсяцъ питался арестантскою пищей и чувствовалъ себя прекрасно, то это значитъ, что въ тюрьмѣ для него готовили особо.

**) Какъ легко кашеварамъ ошибиться и приготовить по объему больше или меньше порцій, видно изъ тѣхъ количествъ, которыя кладутся въ котелъ. Въ Александровской тюрьмѣ 3 мая 1890 г. довольствовалось

чивъ свои порціи, арестанты идутъ прочь; одни ѣдятъ на ходу, другіе сидя на землѣ, третьи у себя на нарахъ. Надзора за тѣмъ, чтобы всѣ непремѣнно ѣли, не продавали и не мѣняли своихъ порцій, нѣтъ. Никто не спрашиваетъ о томъ, всѣ ли обѣдали, не заснулъ ли кто; и если тѣмъ, которые распоряжаются въ кухнѣ, сказать, что на каторгѣ, въ средѣ угнетенныхъ и нравственно исковерканныхъ людей, не мало такихъ, за которыми надо слѣдить, чтобы они ѣли, и даже кормить ихъ насильно, то это замѣчаніе вызоветъ только недоумѣлое выраженіе на лицахъ и отвѣтъ: «Не могу знать, ваше высокоблагородіе!»

Изъ тѣхъ, которые получаютъ казенный пай, довольствуются изъ тюремнаго котла только 25—40% *), остальнымъ же провизія выдается на руки. Это большинство дѣлится на двѣ категоріи: одни съѣдаютъ пай у себя на квартирахъ со своими семьями или половинщиками, другіе, командированные на работы далеко за предѣлы тюрьмы, съѣдаютъ его тамъ, гдѣ работаютъ. Каждый рабочій изъ второй категоріи, по окончаніи рабочаго урока, варитъ для себя обѣдъ отдѣльно въ жестяномъ ко-

изъ котла 1,279 чел.; въ котлы было положено: $13\frac{1}{2}$ пуд. мяса, 5 пуд. рису, $1\frac{1}{2}$ п. муки на подболтку, 1 п. соли, 24 п. картофеля, $\frac{1}{3}$ ф. лавроваго листу и $\frac{2}{3}$ ф. перцу; въ той же тюрьмѣ 29 сентября для 675 человѣкъ: 17 п. рыбы, 3 п. крупы, 1 п. муки, $\frac{1}{2}$ п. соли, $12\frac{1}{2}$ п. картофеля, $\frac{1}{6}$ ф. листу и $\frac{1}{3}$ ф. перцу.

*) 3 мая въ Александровской тюрьмѣ изъ 2,870 ч. довольствовались изъ котла 1,279, а 29 сентября изъ 2,432 ч. только 675.

телкѣ, если не мѣшаетъ дождь и если послѣ тяжелой работы не клонитъ ко сну; онъ усталъ, голоденъ, и часто, чтобы не хлопотать долго, съѣдаетъ соленое мясо и рыбу въ сыромъ видѣ. Если онъ уснулъ во время обѣда, продалъ или проигралъ въ карты свой пай, или испортилась у него провизія, размокъ на дождѣ хлѣбъ, то все это не касается надзора. Случается, нѣкоторые съѣдаютъ трехъ- и четырехдневную дачу въ одинъ день, а затѣмъ ѣдятъ только хлѣбъ или голодаютъ, причемъ, по словамъ завѣдующаго медицинскою частью, работая на берегу моря и рѣкъ, не брезгаютъ выброшенными ракушками и рыбой, а тайга даетъ различные корни, подчасъ ядовитые. Работавшіе въ рудникахъ, по свидѣтельству горнаго инженера Кеппена, ѣли сальныя свѣчи *).

*) Администрація и мѣстные врачи находятъ довольствіе, получаемое арестантами, недостаточнымъ и въ количественномъ отношеніи. По даннымъ, взятымъ мною изъ медицинскаго отчета, пай содержитъ въ граммахъ: бѣлка—142,9, жировъ—37,4, углеводовъ—659,9 въ скоромные дни и 164,3, 40,0 и 671,4—въ постные. По Эрисману, скоромная пища нашихъ фабричныхъ содержитъ жировъ 79,3, а постная—67,4 гр. Чѣмъ больше человѣкъ работаетъ, чѣмъ сильнѣе и продолжительнѣе физическое напряженіе, тѣмъ больше, по правиламъ гигіены, онъ долженъ получать жировъ и углеводовъ. О томъ, какъ мало надежды можно возлагать въ этомъ отношеніи на хлѣбъ и супъ, читатель можетъ судить по всему вышесказанному. Рудничные арестанты въ четыре лѣтніе мѣсяца получаютъ усиленное довольствіе, состоящее изъ 4 ф. хлѣба, 1 ф. мяса и 24 золотн. крупы; по ходатайству мѣстной администраціи, такую же порцію стали назначать и тѣмъ рабочимъ, которые заняты на дорожныхъ работахъ. Въ 1887 г. на Сахалинѣ, по мысли начальника главнаго тюремнаго управленія, былъ поднятъ вопросъ „о возможности измѣненія существующей на о. Сахалинѣ табели съ цѣлью удешевленія стоимости

Поселенцы въ первые два и рѣдко три года по увольненіи отъ работъ получаютъ довольствіе отъ казны и затѣмъ кормятся на свой счетъ и свой страхъ. Цифръ или какихъ-нибудь документальныхъ данныхъ, относящихся

продовольствія ссыльно-каторжныхъ безъ ущерба для питанія организма", и были произведены опыты продовольствія по способу, рекомендованному Доброславинымъ. Покойный профессоръ, какъ видно изъ его рапорта, находилъ неудобнымъ „ограничивать размѣръ пищи, уже столько лѣтъ выдаваемый ссыльно-каторжнымъ, не входя въ ближайшее изученіе тѣхъ условій работы и содержанія, въ которыя эти арестанты поставлены, такъ какъ едва ли можно составить здѣсь точное понятіе о качествахъ того мяса и хлѣба, которые на мѣстѣ выдаются"; тѣмъ не менѣе, все-таки, онъ находилъ возможнымъ ограниченіе въ году употребленія дорогихъ мясныхъ порцій и предложилъ три табели: двѣ скоромныхъ и одну постную. На Сахалинѣ эти табели были предложены на разсмотрѣніе коммиссіи, назначенной подъ предсѣдательствомъ завѣдующаго медицинскою частью. И сахалинскіе врачи, участвовавшіе въ ней, оказались на высотѣ своего призванія. Они, не обинуясь, заявили, что, въ виду условій работъ на Сахалинѣ, суроваго климата, усиленнаго труда во всякое время года и при всякой погодѣ, отпускаемаго теперь довольствія недостаточно, что продовольстіе по табелямъ проф. Доброславина, несмотря даже на сокращеніе мясныхъ порцій, обойдется гораздо дороже, чѣмъ по существующей табели. Отвѣчая на главный пунктъ вопроса, касающійся удешевленія порцій, они предложили свои собственныя табели, которыя, однако, обѣщали совсѣмъ не тѣ сбереженія, какихъ хотѣло тюремное вѣдомство. „Сбереженія матеріальнаго не будетъ,—писали они,—но взамѣнъ того можно ожидать улучшенія количества и качества арестантскаго труда, уменьшенія числа больныхъ и слабосильныхъ, подымется общее состояніе здоровья арестантовъ, что отразится благопріятно и на колонизаціи Сахалина, давъ для этой цѣли полныхъ силъ и здоровья поселенцевъ". Это *Дѣло канцеляріи начальника о-ва Сахалина* объ измѣненіи табели съ цѣлью удешевленія содержитъ въ себѣ 20 всевозможныхъ рапортовъ, отношеній и актовъ и заслуживаетъ, чтобы съ нимъ короче познакомились лица, интересующіяся тюремною гигіеной.

къ питанію поселенцевъ, нѣтъ ни въ литературѣ, ни въ канцеляріяхъ; но если судить по личнымъ впечатлѣніямъ и тѣмъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, какія можно собрать на мѣстѣ, то главную пищу въ колоніи составляетъ картофель. Онъ и еще корнеплоды, какъ рѣпа и брюква, часто бываютъ единственною пищей семьи въ теченіе очень долгаго времени. Свѣжую рыбу ѣдятъ только во время хода ея, соленая же доступна по цѣнѣ только болѣе зажиточнымъ *). О мясѣ и говорить нечего. Тѣ, которые имѣютъ коровъ, предпочитаютъ продавать молоко, чѣмъ ѣсть его; держатъ они его не въ глиняной посудѣ, а въ бутылкахъ — признакъ, что оно продается. Вообще продукты своего хозяйства поселенецъ продаетъ очень охотно, даже въ ущербъ своему здоровью, такъ какъ, по его соображеніямъ, деньги ему нужнѣе здоровья: не скопивши денегъ, не уѣдешь на материкъ, а наѣсться до сыта и поправить здоровье можно будетъ современемъ, на волѣ. Изъ некультурныхъ растеній употребляются въ пищу ссыльными черемша и разныя ягоды, какъ морошка, голубика, клюква, моховка и проч. Можно сказать, что ссыльные, живущіе въ колоніи, ѣдятъ исключительно растительную пищу, и это справедливо, по крайней мѣрѣ, для громаднаго большинства ихъ. Во всякомъ случаѣ, пища ихъ отличается скуднымъ содержаніемъ жировъ, и въ этомъ отношеніи они едва ли

*) Въ лавочкахъ копченая кэта продается по 30 к. за штуку.

счастливѣе тѣхъ, которые довольствуются изъ тюремнаго котла *).

Одежды и обуви арестанты, повидимому, получаютъ достаточно. Каторжнымъ, какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ, выдается по армяку и полушубку ежегодно, между тѣмъ, солдатъ, который работаетъ на Сахалинѣ не меньше каторжнаго, получаетъ мундиръ на три, а шинель на два года; изъ обуви арестантъ изнашиваетъ въ годъ четыре пары чирковъ и двѣ пары бродней, солдатъ же—одну пару голенищъ и $2^1/_2$ пары подошвъ. Но солдатъ поставленъ въ лучшія санитарныя условія, у него есть постель и мѣсто, гдѣ можно въ дурную погоду обсушиться, каторжный же поневолѣ долженъ гноить свое платье и обувь, такъ какъ, за неимѣніемъ постели, спитъ на армякѣ и на всякихъ обноскахъ, гніющихъ и своими испареніями портящихъ воздухъ, а обсушиться ему негдѣ; зачастую онъ и спитъ въ мокрой одеждѣ, такъ что, пока каторжнаго не поставятъ въ болѣе человѣческія условія, вопросъ, насколько одежда и обувь удовлетворяютъ въ количественномъ отношеніи, будетъ открытымъ. Что касается качества, то тутъ повторяется та же исторія, что съ хлѣбомъ: кто живетъ передъ глазами

*) Здѣшніе инородцы, какъ я уже говорилъ, употребляютъ въ пищу очень много жировъ, и это, несомнѣнно, помогаетъ имъ въ борьбѣ съ низкою температурой и чрезмѣрною влажностью. Мнѣ говорили, что гдѣ-то по восточному побережью или на сосѣднихъ островахъ промышленники-русскіе тоже уже начинаютъ мало-по-малу употреблять въ пищу китовый жиръ.

у начальства, тотъ получаетъ лучшее платье, кто же въ командировкѣ, тотъ — худшее *).

Теперь о духовной жизни, объ удовлетвореніи потребностей высшаго порядка. Колонія называется исправительной, но такихъ учрежденій или лицъ, которыя спеціально занимались бы исправленіемъ преступниковъ, на Сахалинѣ нѣтъ; нѣтъ также на этотъ счетъ какихъ-либо инструкцій и статей въ *Уставѣ о ссыльныхъ*, кромѣ немногихъ указаній на случаи, когда конвойный офицеръ или унтеръ-офицеръ можетъ употребить противъ ссыльнаго оружіе, или когда священникъ долженъ «назидать въ обязанностяхъ вѣры и нравственности», объяснять ссыльнымъ «важность даруемаго облегченія» и т. п.; нѣтъ на этотъ счетъ и какихъ-либо опредѣленныхъ воззрѣній; но принято думать, что первенство въ дѣлѣ исправленія принадлежитъ церкви и школѣ, а затѣмъ свободной части населенія, которая своимъ авторитетомъ, тактомъ и личнымъ примѣромъ значительно можетъ способствовать смягченію нравовъ.

*) Когда капитанъ Машинскій дѣлалъ просѣку для телеграфа вдоль Пороная, то его рабочимъ-каторжнымъ были присланы короткія рубахи, которыя были впору только дѣтямъ. Арестантское платье отличается рутиннымъ, неуклюжимъ покроемъ, который стѣсняетъ въ движеніяхъ рабочаго человѣка, и потому во время нагрузки парохода или на дорожныхъ работахъ вы не встрѣтите каторжнаго, одѣтаго въ длиннополый армякъ или халатъ; но неудобства отъ покроя на практикѣ легко устраняются продажей и мѣной. Такъ какъ самымъ удобнымъ для работы и вообще для жизни является обыкновенный крестьянскій покрой, то большинство ссыльныхъ ходитъ въ вольномъ платьѣ.

Въ церковномъ отношеніи Сахалинъ составляетъ часть епархіи епископа камчатскаго, курильскаго и благовѣщенскаго *). Епископы неоднократно посѣщали Сахалинъ, путешествуя съ такою же простотой и претерпѣвая на пути такія же неудобства и лишенія, какъ обыкновенные священники. Въ свои пріѣзды, при закладкѣ церквей, освященіи различныхъ зданій **) и обходѣ тюремъ, они обращались къ ссыльнымъ со словами утѣшенія и надежды. О характерѣ ихъ направляющей дѣятельности можно судить по слѣдующей выдержкѣ изъ резолюціи преосвященнаго Гурія на одномъ изъ актовъ, хранящихся въ корсаковской церкви: «Если не во всѣхъ у нихъ (т.-е. ссыльныхъ) имѣются вѣра и раскаяніе, то, во всякомъ случаѣ, у многихъ, что мною лично было усмотрѣно; не что иное, а именно чувство раскаянія и вѣра заставляли ихъ горько плакать, когда я поучалъ ихъ въ 1887 и 1888 гг. Назначеніе тюрьмы, кромѣ кары за преступленія, состоитъ и въ возбужденіи нравственно-добрыхъ чувствъ въ заключенныхъ, особенно, чтобы они, въ такой своей участи, не дошли до совершеннаго отчаянія». Этотъ взглядъ, признающій сферу нравственно-добрыхъ чувствъ отдѣльно отъ наказанія, былъ присущъ и младшимъ представителямъ церкви; сахалин-

*) Такъ какъ Курильскіе острова отошли къ Японіи, то епископу правильнѣе именоваться теперь Сахалинскимъ.

**) Объ освященіи еписк. Мартиміаномъ Крильонскаго маяка см. *Владивостокъ* 1883 г., № 28.

скіе священники всегда держались въ сторонѣ отъ наказанія и относились къ ссыльнымъ не какъ къ преступникамъ, а какъ къ людямъ, и въ этомъ отношеніи проявляли больше такта и пониманія своего долга, чѣмъ врачи или агрономы, которые часто вмѣшивались не въ свое дѣло.

Въ исторіи сахалинской церкви до сихъ поръ самое видное мѣсто занимаетъ о. Симеонъ Казанскій, или, какъ его называло населеніе, попъ Семенъ, бывшій въ семидесятыхъ годахъ священникомъ анивской или корсаковской церкви. Онъ работалъ въ тѣ еще «доисторическія» времена, когда въ Южномъ Сахалинѣ не было дорогъ и русское населеніе, особенно военное, было разбросано небольшими группами по всему югу. Почти все время попъ Семенъ проводилъ въ пустынѣ, передвигаясь отъ одной группы къ другой на собакахъ и оленяхъ, а лѣтомъ по морю на парусной лодкѣ, или пѣшкомъ, черезъ тайгу; онъ замерзалъ, заносило его снѣгомъ, захватывали по дорогѣ болѣзни, донимали комары и медвѣди, опрокидывались на быстрыхъ рѣкахъ лодки и приходилось купаться въ холодной водѣ; но все это переносилъ онъ съ необыкновенною легкостью, пустыню называлъ любезной и не жаловался, что ему тяжело живется. Въ личныхъ сношеніяхъ съ чиновниками и офицерами онъ держалъ себя какъ отличный товарищъ, никогда не отказывался отъ компаніи и среди веселой бесѣды умѣлъ кстати вставить какой-нибудь церковный текстъ. О ка-

торжныхъ онъ судилъ такъ: «Для Создателя міра мы всѣ равны», и это — въ оффиціальной бумагѣ *). Въ его время сахалинскія церкви были бѣдно обставлены. Какъ-то, освящая иконостасъ въ анивской церкви, онъ такъ выразился по поводу этой бѣдности: «У насъ нѣтъ ни одного колокола, нѣтъ богослужебныхъ книгъ, но для насъ важно то, что есть Господь на мѣстѣ семъ». Я уже упоминалъ о немъ при описаніи Поповскихъ Юртъ. Слухъ о немъ черезъ солдатъ и ссыльныхъ прошелъ по всей Сибири и попъ Семенъ теперь на Сахалинѣ и далеко кругомъ — легендарная личность.

Въ настоящее время на Сахалинѣ четыре приходскихъ церкви: въ Александровскѣ, Дуэ, Рыковскомъ и Корсаковскѣ **). Церкви вообще не бѣдны, священникамъ полагается жалованье по тысячѣ рублей въ годъ, въ каж-

*) Оригиналенъ тонъ его бумагъ. Прося у начальства себѣ на помощь каторжнаго для исполненія должности причетника, онъ писалъ: „Что же касается до того, почему у меня нѣтъ штатнаго причетника, то это объясняется тѣмъ, что ихъ въ консисторіи налицо нѣтъ, да если бы и были, то при условіяхъ житія-бытія здѣшняго духовенства псаломщику невозможно существовать. Прежнее миновалось. Скоро, кажется, и мнѣ придется изъ Корсакова удалиться въ мою любезную пустыню и сказать вамъ: се оставляю домъ вашъ пустъ“.

**) Въ районѣ Рыковскаго прихода есть еще церковь въ Мало-Тымовѣ, гдѣ бываетъ служба только въ храмовой праздникъ въ день Антонія Великаго, и въ районѣ Корсаковскаго — три часовни: во Владиміровкѣ, Крестахъ и Галкинѣ-Врасскомъ. Всѣ сахалинскія церкви и часовни построены на тюремныя средства, трудами ссыльныхъ, только одна корсаковская — на средства, пожертвованныя командами *Всадника* и *Востока* и военными, жившими въ посту.

домъ приходѣ есть хоръ пѣвчихъ, поющихъ по нотамъ и одѣтыхъ въ парадные кафтаны. Служба бываетъ только по воскресеньямъ и большимъ праздникамъ; наканунѣ служатъ всенощную и затѣмъ въ 9 часовъ утра обѣдню; вечерни не бываетъ. Какихъ-либо особыхъ обязанностей, обусловленныхъ исключительнымъ составомъ населенія, мѣстные батюшки не несутъ и ихъ дѣятельность такъ же обычна, какъ нашихъ сельскихъ священниковъ, т.-е. заключается только въ церковныхъ службахъ по праздникамъ, требахъ и школьныхъ занятіяхъ. О какихъ-либо собесѣдованіяхъ, увѣщеваніяхъ и т. п. мнѣ не приходилось слышать *).

*) Проф. Владиміровъ въ своемъ учебникѣ уголовнаго права говоритъ, что каторжникамъ о переводѣ ихъ въ разрядъ исправляющихся объявляется съ нѣкоторою торжественностью. Вѣроятно, онъ имѣетъ въ виду 301 ст. *Устава о ссыльныхъ,* по которой каторжному о переводѣ его въ названный разрядъ объявляется въ присутствіи высшаго тюремнаго начальства и приглашеннаго къ тому духовнаго лица, которое и проч. Но на практикѣ эта статья неудобоисполнима, такъ какъ духовное лицо пришлось бы приглашать каждый день; да и подобнаго рода торжественность какъ-то не вяжется съ рабочею обстановкой. Также не исполняется на практикѣ законъ объ освобожденіи арестантовъ отъ работъ въ праздники, по которому исправляющіеся должны быть чаще освобождаемы, чѣмъ испытуемые. Такое дѣленіе каждый разъ требовало бы много времени и хлопотъ.

Необычно въ дѣятельности мѣстныхъ священниковъ развѣ лишь то, что нѣкоторые изъ нихъ несутъ миссіонерскія обязанности. При мнѣ еще на Сахалинѣ находился іеромонахъ Ираклій, родомъ бурятъ, безъ бороды и усовъ, изъ Посольскаго монастыря, что въ Забайкальѣ; онъ пробылъ на Сахалинѣ 8 лѣтъ и въ послѣдніе годы былъ священникомъ въ Рыковскомъ приходѣ. По обязанности миссіонера онъ ѣздилъ разъ или два въ годъ къ Ныйскому заливу и по Поронаю крестить, пріобщать

Въ великомъ посту каторжные говѣютъ; на это дается имъ три утра. Когда говѣютъ кандальные или живущіе въ Воеводской и Дуйской тюрьмахъ, то вокругъ церкви стоятъ часовые и это, говорятъ, производитъ удручающее впечатлѣніе. Каторжные чернорабочіе обыкновенно въ церковь не ходятъ, такъ какъ каждымъ праздничнымъ днемъ пользуются для того, чтобы отдохнуть, починиться, сходить по ягоды; къ тому же, церкви здѣшнія тѣсны и какъ-то само собою установилось, что ходить въ церковь могутъ только одѣтые въ вольное платье, т.-е. одна такъ называемая чистая публика. При мнѣ, напримѣръ, въ Александровскѣ всякій разъ во время обѣдни переднюю половину церкви занимали чиновники и ихъ семьи; затѣмъ слѣдовалъ пестрый рядъ солдатокъ, надзирательскихъ женъ и женщинъ свободнаго состоянія съ дѣтьми, затѣмъ надзиратели и солдаты и уже позади всѣхъ у стѣны поселенцы, одѣтые въ городское платье, и каторжные писаря. Можетъ ли, если пожелаетъ, каторжный съ бритою головой, съ однимъ или съ двумя тузами на спинѣ, закованный въ кандалы или прикованный къ тачкѣ пойти въ церковь? Одинъ изъ священни-

и вѣнчать инородцевъ. Имъ было просвѣщено до 300 орочей. Конечно, въ путешествіяхъ по тайгѣ, да еще зимою, о какихъ-либо удобствахъ нельзя было и думать. На ночь о. Ираклій залѣзалъ обыкновенно въ мѣшокъ изъ бараньей шкуры; въ мѣшкѣ у него были и табакъ, и часы. Спутники его раза два-три въ ночь зажигали костеръ и согрѣвались чаемъ, а онъ спалъ въ мѣшкѣ всю ночь.

ковъ, которому я задалъ этотъ вопросъ, отвѣтилъ мнѣ: «Не знаю».

Поселенцы говѣютъ, вѣнчаются и дѣтей крестятъ въ церквахъ, если живутъ близко. Въ дальнія селенія ѣздятъ сами священники и тамъ «постятъ» ссыльныхъ и кстати ужъ исполняютъ другія требы. У о. Ираклія были «викаріи» въ Верхнемъ Армуданѣ и въ Мало-Тымовѣ, каторжные Воронинъ и Яковенко, которые по воскресеньямъ читали часы. Когда о. Ираклій пріѣзжалъ въ какое-нибудь селеніе служить, то мужикъ ходилъ по улицамъ и кричалъ во все горло: «Вылазь на молитву!» Гдѣ нѣтъ церквей и часовень, тамъ служатъ въ казармахъ или избахъ.

Когда я жилъ въ Александровскѣ, какъ-то вечеромъ зашелъ ко мнѣ здѣшній священникъ, о. Егоръ, и, посидѣвши немного, отправился въ церковь вѣнчать. И я пошелъ съ нимъ. Въ церкви уже зажигали паникадило и пѣвчіе съ равнодушными лицами стояли на клиросѣ въ ожиданіи молодыхъ. Было много женщинъ, каторжныхъ и свободныхъ, съ нетерпѣніемъ поглядывавшихъ на двери. Слышалось шушуканье. Вотъ кто-то у дверей взмахнулъ рукой и шепнулъ встревоженно: «Ѣдутъ!» Пѣвчіе стали откашливаться. Отъ дверей хлынула волна, кто-то строго крикнулъ и, наконецъ, вошли молодые: наборщикъ-каторжный, лѣтъ 25, въ пиджакѣ, съ крахмаленными воротничками, загнутыми на углахъ, и въ бѣломъ галстукѣ, и женщина-каторжная, года на 3—4 старше,

въ синемъ платьѣ съ бѣлыми кружевами и съ цвѣткомъ на головѣ. Постлали на коврѣ платокъ; женихъ первый ступилъ на него. Шафера, наборщики, тоже въ бѣлыхъ галстукахъ. О. Егоръ вышелъ изъ алтаря, долго перелистывалъ на аналоѣ книжку. «Благословенъ Богъ нашъ...»—возгласилъ онъ, и вѣнчаніе началось. Когда священникъ возлагалъ на головы жениха и невѣсты вѣнцы и просилъ Бога, чтобы Онъ вѣнчалъ ихъ славою и честью, то лица присутствовавшихъ женщинъ выражали умиленіе и радость, и, казалось, было забыто, что дѣйствіе происходитъ въ тюремной церкви, на каторгѣ, далеко-далеко отъ родины. Священникъ говорилъ жениху: «Возвеличися, женише, якоже Авраамъ...» Когда же послѣ вѣнчанія церковь опустѣла и запахло гарью отъ свѣчей, которыя спѣшилъ тушить сторожъ, то стало грустно. Вышли на паперть. Дождь. Около, въ потемкахъ, толпа, два тарантаса: на одномъ молодые, другой — порожнемъ.

— Батюшка, пожалуйте! — раздаются голоса, и къ о. Егору протягиваются изъ потемокъ десятки рукъ, какъ бы для того, чтобы схватить его. — Пожалуйте! Удостойте!

О. Егора посадили въ тарантасъ и повезли къ молодымъ.

8 сентября, въ праздникъ, я послѣ обѣдни выходилъ изъ церкви съ однимъ молодымъ чиновникомъ, и какъ разъ въ это время несли на носилкахъ покойника; нес-

ли четверо каторжныхъ, оборванные, съ грубыми испитыми лицами, похожіе на нашихъ городскихъ нищихъ; слѣдомъ шли двое такихъ же, запасныхъ, женщина съ двумя дѣтьми и черный грузинъ Келбокіани, одѣтый въ вольное платье (онъ служитъ писаремъ и зовутъ его княземъ), и всѣ, повидимому, спѣшили, боясь не застать въ церкви священника. Отъ Келбокіани мы узнали, что умерла женщина свободнаго состоянія Лялихова, мужъ которой, поселенецъ, уѣхалъ въ Николаевскъ; послѣ нея осталось двое дѣтей и теперь онъ, Келбокіани, жившій у этой Ляликовой на квартирѣ, не знаетъ, что ему дѣлать съ дѣтьми.

Мнѣ и моему спутнику дѣлать было нечего и мы пошли на кладбище впередъ, не дожидаясь, пока отпоютъ. Кладбище въ верстѣ отъ церкви за слободкой, у самаго моря, на высокой крутой горѣ. Когда мы поднимались на гору, похоронная процессія уже догоняла насъ: очевидно, на отпѣваніе потребовалось всего 2—3 минуты. Сверху намъ было видно, какъ вздрагивалъ на носилкахъ гробъ, и мальчикъ, котораго вела женщина, отставалъ, оттягивая ей руку.

Съ одной стороны широкій видъ на постъ и его окрестности, съ другой—море, спокойное, сіяющее отъ солнца. На горѣ очень много могилъ и крестовъ. Вотъ два высокихъ креста рядомъ: это могилы Мицуля и смотрителя Селиванова, убитаго арестантомъ. Маленькіе кресты, стоящіе на могилахъ каторжниковъ,—всѣ подъ одинъ обра-

зецъ, и всѣ нѣмы. Мицуля будутъ еще помнить нѣкоторое время, всѣхъ же этихъ, лежащихъ подъ маленькими крестами, убивавшихъ, бѣгавшихъ, бряцавшихъ кандалами, никому нѣтъ надобности помнить. Развѣ только гдѣ-нибудь въ русской степи у костра или въ лѣсу старый обозчикъ станетъ разсказывать отъ скуки, какъ въ ихъ деревнѣ разбойничалъ такой-то, слушатель, взглянувъ на потемки, вздрогнетъ, крикнетъ при этомъ ночная птица,—вотъ и всѣ поминки. На крестѣ, гдѣ похороненъ ссыльный фельдшеръ, стихи:

Прохожій! Пусть тебѣ напомнитъ этотъ стихъ,
Что все на часъ подъ небесами и т. д.

А въ концѣ:

Прости, товарищъ мой, до радостнаго утра!
Е. Федоровъ.

Въ свѣже-вырытой могилѣ на четверть вода. Каторжные, запыхавшись, съ потными лицами, громко разговаривая о чемъ-то, что не имѣло никакого отношенія къ похоронамъ, наконецъ, принесли гробъ и поставили его у края могилы. Гробъ досчатый, на-скоро сбитый, некрашеный.

— Ну?—сказалъ одинъ.

Быстро опущенный гробъ хлюпнулъ въ воду. Комья глины стучатъ по крышѣ, гробъ дрожитъ, вода брызжетъ, а каторжные, работая лопатами, продолжаютъ говорить про что-то свое, и Келбокіани, съ недоумѣніемъ глядя на насъ и разводя руками, жалуется:

— Куда я теперь ребятъ дѣну? Возись съ ними! Ходилъ къ смотрителю, просилъ, чтобы далъ бабу, — не даетъ!

Мальчикъ Алешка 3—4 лѣтъ, котораго баба привела за руку, стоитъ и глядитъ внизъ въ могилу. Онъ въ кофтѣ не по росту, съ длинными рукавами и въ полинявшихъ синихъ штанахъ; на колѣняхъ ярко-синія латки.

— Алешка, гдѣ мать?—спросилъ мой спутникъ.

— За-а-копали!—сказалъ Алешка, засмѣялся и махнулъ рукой на могилу *).

*) Изъ всего числа записанныхъ мною православные составляютъ 86,5%, католики и лютеране вмѣстѣ—9%, магометане — 2,7%, остальное—іудеи и армяногригоріане. Разъ въ годъ пріѣзжаетъ изъ Владивостока ксендзъ и тогда ссыльныхъ католиковъ изъ обоихъ сѣверныхъ округовъ „гоняютъ“ въ Александровскъ, и это бываетъ какъ разъ въ весеннюю распутицу. Католики жаловались мнѣ, что ксендзъ пріѣзжаетъ очень рѣдко; дѣти подолгу остаются некрещеными и многіе родители, что бы ребенокъ не умеръ безъ крещенія, обращаются къ православному священнику. И мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, приходилось встрѣчать православныхъ дѣтей, у которыхъ отецъ и мать—католики. Когда умираетъ католикъ, то, за неимѣніемъ своего, приглашаютъ русскаго священника, чтобы онъ пропѣлъ Святый Боже. Въ Александровскѣ приходилъ ко мнѣ одинъ лютеранинъ, судившійся когда-то въ Петербургѣ за поджогъ; онъ говорилъ, что лютеране на Сахалинѣ составляютъ общество и въ доказательство показывалъ мнѣ печать, на которой было вырѣзано: „Печать общества лютеранъ на Сахалинѣ“; въ его домѣ лютеране собираются для молитвы и обмѣна мыслей. Татары выбираютъ изъ своей среды муллу, евреи—раввина, но не оффиціально. Въ Александровскѣ строится мечеть. Мулла Васъ-Хасанъ-Маметъ, красивый брюнетъ лѣтъ 38, уроженецъ Дагестанской области, строитъ ее на свой счетъ. Онъ спрашивалъ меня, пустятъ ли его послѣ окончанія срока въ Мекку. Въ Пейсиковской слободкѣ въ Александровскѣ стоитъ вѣтреная мельница, совершенно заброшенная; разсказываютъ, будто построилъ ее какой-то татаринъ съ

На Сахалинѣ 5 школъ, не считая Дербинской, въ которой, за неимѣніемъ учителя, занятій не было. Въ 1889—90 гг. обучалось въ нихъ 222 человѣка: 144 мальчика и 78 дѣвочекъ, въ среднемъ по 44 на каждую. Я былъ на островѣ въ каникулярное время, при мнѣ занятій не было и потому внутренняя жизнь здѣшнихъ школъ, вѣроятно, оригинальная и очень интересная, осталась для меня неизвѣстной. Общій голосъ таковъ, что сахалинскія школы бѣдны, обставлены нищенски, существованіе ихъ случайно, необязательно и положеніе крайне неопредѣленно, такъ какъ никому неизвѣстно, будутъ онѣ существовать или нѣтъ. Завѣдуетъ ими одинъ изъ чиновниковъ канцеляріи начальника острова, образованный молодой человѣкъ, но это король, который царствуетъ, но не управляетъ, такъ какъ, въ сущности, школами завѣдуютъ начальники округовъ и смотрители тюремъ, отъ которыхъ зависитъ выборъ и назначеніе учителей. Преподаютъ въ школахъ ссыльные, которые на родинѣ не были учителями, люди мало знакомые съ дѣломъ и безъ всякой подготовки. Получаютъ они за свой трудъ по 10 руб. въ мѣсяцъ; платить дороже администрація находитъ невозможнымъ и не приглашаетъ лицъ свобод-

женой. Оба супруга сами рубили деревья, таскали бревна и пилили доски, никто имъ не помогалъ и работа ихъ продолжалась три года. Получивъ званіе крестьянина, татаринъ переѣхалъ на материкъ, мельницу же отдалъ въ казну, а не своимъ татарамъ, такъ какъ былъ сердитъ на нихъ за то, что они не избрали его въ муллы.

наго состоянія, потому что этимъ пришлось бы платить не меньше 25 руб. Очевидно, преподаваніе въ школахъ считается занятіемъ неважнымъ, такъ какъ надзиратели изъ ссыльныхъ, которые часто несутъ неопредѣленныя обязанности и состоятъ только на побѣгушкахъ у чиновниковъ, получаютъ по 40 и даже по 50 руб. въ мѣсяцъ *).

Среди мужского населенія грамотные, считая взрослыхъ и дѣтей, составляютъ 29%, среди женскаго—9%. Да и эти 9% относятся исключительно къ школьному возрасту, такъ что о взрослой сахалинской женщинѣ можно сказать, что она грамотѣ не знаетъ; просвѣщеніе

*) Въ своемъ рапортѣ отъ 27 февраля 1890 г. начальникъ Александровскаго округа, во исполненіе предписанія начальника острова о подысканіи благонадежныхъ лицъ свободнаго состоянія или поселенцевъ для замѣны ими ссыльно-каторжныхъ, несущихъ въ настоящее время обязанности учителей въ сельскихъ школахъ, доноситъ, что во ввѣренномъ ему округѣ не имѣется ни среди людей свободнаго состоянія, ни среди поселенцевъ никого, кто удовлетворялъ бы учительскому назначенію. „Такимъ образомъ,—пишетъ онъ,—встрѣчая непреодолимыя затрудненія въ наборѣ лицъ, по образованію своему хоть сколько-нибудь подходящихъ для школьнаго дѣла, я не рѣшаюсь указать на кого-либо изъ проживающихъ во ввѣренномъ мнѣ округѣ изъ поселенцевъ или изъ крестьянъ изъ ссыльныхъ, коимъ возможно было бы поручить учительское дѣло". Хотя г. начальникъ округа и не рѣшается поручить ссыльнымъ учительское дѣло, но они, все-таки, продолжаютъ быть учителями съ его вѣдома и по его назначенію. Во избѣжаніе подобнаго рода противорѣчій, казалось бы, проще всего пригласить настоящихъ учителей изъ Россіи или Сибири и назначить имъ такое жалованье, какое получаютъ надзиратели, но для этого понадобилось бы кореннымъ образомъ измѣнить свой взглядъ на преподавательское дѣло и не считать его менѣе важнымъ, чѣмъ дѣло надзирателя.

не коснулось ея, она поражаетъ своимъ грубымъ невѣжествомъ, и, мнѣ кажется, нигдѣ въ другомъ мѣстѣ я не видѣлъ такихъ безтолковыхъ и мало понятливыхъ женщинъ, какъ именно здѣсь, среди преступнаго и порабощеннаго населенія. Среди дѣтей, прибывшихъ изъ Россіи, грамотные составляютъ 25%, среди же родившихся на Сахалинѣ только 9% *).

XX.

Свободное населеніе. — Нижніе чины мѣстныхъ воинскихъ командъ. — Надзиратели. — Интеллигенція.

Солдатъ называютъ «піонерами» Сахалина, потому что они жили здѣсь до учрежденія каторги **). Начиная

*) Если судить по нѣкоторымъ отрывочнымъ даннымъ, по намекамъ, то грамотные благополучнѣе отбываютъ наказаніе, чѣмъ неграмотные; повидимому, среди послѣднихъ относительно больше рецидивистовъ, а первые легче получаютъ крестьянскія права; въ Сіянцахъ записано мною 18 грамотныхъ мужчинъ, и изъ нихъ 13, т.-е. почти всѣ взрослые грамотные, имѣютъ крестьянское званіе. Въ тюрьмахъ нѣтъ еще обычая учить взрослыхъ грамотѣ, хотя зимою бываютъ дни, когда арестанты по случаю дурной погоды сидятъ безвыходно въ тюрьмѣ и томятся безъ дѣла; въ такіе дни они охотно обучались бы грамотѣ.

По безграмотству ссыльныхъ письма на родину пишутъ обыкновенно писаря. Они описываютъ здѣшнюю печальную жизнь, бѣдность и горе, просятъ мужей о расторженіи брака и проч., но такимъ топомъ, какъ будто описываютъ вчерашнюю попойку: „Ну, вотъ, наконецъ, пишу я вамъ письмишко... Освободите меня отъ брачныхъ узъ“ и т. п., или же философствуютъ, такъ что трудно бываетъ понять смыслъ письма. Одного писаря въ Тымовскомъ округѣ за витіеватость другіе писаря прозвали бакалавромъ.

**) См. *Н. В. Буссе*: „Островъ Сахалинъ и экспедиція 1853—1854 гг.“.

съ пятидесятыхъ годовъ, когда Сахалинъ былъ занятъ, и почти до восьмидесятыхъ, солдаты, кромѣ того, что лежало по уставу на ихъ прямой обязанности, исполняли еще всѣ тѣ работы, которыя несутъ теперь каторжные. Островъ былъ пустыней; на немъ не было ни жилищъ, ни дорогъ, ни скота, и солдаты должны были строить казармы и дома, рубить просѣки, таскать на себѣ грузы. Если пріѣзжалъ на Сахалинъ командированный инженеръ или ученый, то въ его распоряженіе давалось нѣсколько солдатъ, которые замѣняли ему лошадей. «Мнѣ,—пишетъ горный инженеръ Лопатинъ,—имѣвшему въ виду ходить въ глуби Сахалинской тайги, нечего было и думать о ѣздѣ верхомъ и перевозкѣ тяжестей вьючными. Даже пѣшкомъ я съ трудомъ перелѣзалъ черезъ крутыя горы Сахалина, покрытыя то густымъ валежнымъ лѣсомъ, то мѣстнымъ бамбукомъ. Такимъ образомъ мнѣ пришлось пройти болѣе 1,600 верстъ пѣшкомъ» *). А за нимъ шли солдаты и тащили на себѣ его тяжелый грузъ.

Все небольшое количество солдатъ было разбросано по западному, южному и юго-восточному побережьямъ; пункты, въ которыхъ они жили, назывались постами. Теперь уже брошенные и забытые, тогда эти посты играли такую же роль, какъ теперь поселенія, и на нихъ

*) *Лопатинъ:* „Рапортъ къ г. генералъ-губернатору Восточной Сибири“. *Горный Журналъ* 1810 г., № 10.

смотрѣли, какъ на задатки будущей колоніи. Въ Муравьевскомъ посту стояла стрѣлковая рота, въ Корсаковскомъ три роты 4 сибирскаго батальона и взводъ горной батареи, въ прочихъ же постахъ, какъ, напримѣръ, Мануйскій или Сортунайскій, было только по шести солдатъ. Шесть человѣкъ, отдѣленные отъ своей роты пространствомъ въ нѣсколько сотъ верстъ, отданные подъ начало унтера или даже штатскаго человѣка, жили совершенными Робинзонами. Жизнь была дикая, крайне однообразная и скучная. Лѣтомъ, если постъ находился на берегу, приходило судно, оставляло солдатамъ провіантъ и уходило; зимою пріѣзжалъ «попостить» ихъ священникъ, одѣтый въ мѣховыя куртку и штаны и по виду похожій больше на гиляка, чѣмъ на священника. Разнообразилась жизнь только несчастіями: то солдата уносило на сѣноплавкѣ въ море, то задиралъ его медвѣдь, то заносило снѣгомъ, нападали бѣглые, подкрадывалась цынга... Или же солдатъ, соскучившись сидѣть въ сараѣ, занесенномъ снѣгомъ, или ходить по тайгѣ, начиналъ проявлять «буйство, нетрезвость, дерзость», или попадался въ кражѣ, растратѣ амуниціи или попадалъ подъ судъ за неуваженіе, оказанное имъ чьей-нибудь содержанкѣ-каторжной... Въ Корсаковскомъ полицейскомъ управленіи я видѣлъ слѣдующій, относящійся къ 1870 г. «Списокъ нижнимъ чинамъ, находящимся въ постѣ при Путятинскихъ каменноугольныхъ копяхъ на р. Сортунаѣ:

Василій Ведерниковъ — за старшаго, онъ же сапожникъ и за хлѣбопека и кашевара.

Лука Пылковъ. Смѣненъ со старшаго за нерадѣніе и былъ арестованъ за пьянство и дерзость.

Харитонъ Мыльниковъ. Не попадался ни въ чемъ, но лѣнивъ.

Евграфъ Распоповъ — идіотъ и ни къ какой работѣ не способенъ.

Θедоръ Чеглоковъ, Григорій Ивановъ — Попались въ кражѣ денегъ и при мнѣ замѣчены въ буйствѣ, нетрезвости и ослушаніи.

Завѣдующій постомъ при Путятинскихъ каменноугольныхъ ломкахъ на о. Сахалинѣ.

Губернскій секретарь *Θ. Литке*».

При разнообразіи своихъ занятій, солдатъ не успѣвалъ научиться военному дѣлу и забывалъ то, чему былъ наученъ, а вмѣстѣ съ нимъ отставали и офицеры, и строевая часть находилась въ самомъ плачевномъ состояніи. Смотры всякій разъ сопровождались недоразумѣніями и выраженіемъ неудовольствія со стороны начальства *). Служба была тяжкая. Люди, смѣнившіеся съ караула,

*) Н. См—ій разсказываетъ, что еще такъ недавно, въ 1885 г., генералъ, принимая въ свое вѣдѣніе сахалинскія войска, спросилъ у одного солдата-надзирателя:

— Для чего у тебя револьверъ?

— Для сокращенія (укрощенія) ссыльно-каторжныхъ, ваше пр.!

— Стрѣляй изъ револьвера въ этотъ пень,—приказалъ генералъ.

Тутъ произошло большое замѣшательство. Солдатъ никакъ не могъ

тотчасъ же шли въ конвой, съ конвоя опять въ караулъ, или на сѣнокосъ, или на выгрузку казенныхъ грузовъ; не было отдыха ни днемъ, ни ночью. Жили они въ тѣсныхъ, холодныхъ и грязныхъ помѣщеніяхъ, которыя мало отличались отъ тюремъ. Въ Корсаковскомъ посту до 1875 года караулъ помѣщался въ ссыльно-каторжной тюрьмѣ; тутъ же была и военная гауптвахта въ видѣ темныхъ конуръ. «Можетъ быть,—пишетъ врачъ Синцовскій,—для ссыльно-каторжныхъ такая стѣснительная обстановка допускается, какъ мѣра наказанія, но караулъ солдатъ тутъ не причемъ, и за что онъ долженъ испытывать подобное наказаніе—неизвѣстно» *). Ѣли они такъ же скверно, какъ арестанты, одѣты были въ лохмотья, потому что при ихъ работѣ не хватало никакой одёжи. Солдаты, гоняясь въ тайгѣ за бѣглыми, до такой степени истрепывали свою одежду и обувь, что однажды въ Южн. Сахалинѣ сами были приняты за бѣглыхъ и по нимъ стрѣляли.

Въ настоящее время военная охрана острова состоитъ изъ четырехъ командъ: александровской, дуйской, тымовской и корсаковской. Къ январю 1890 г. нижнихъ

высвободить револьверъ изъ кабуры и сдѣлалъ это лишь при посторонней помощи, а извлекши револьверъ, онъ такъ неумѣло началъ съ нимъ обращаться, что приказаніе было отмѣнено: а то вмѣсто пня онъ могъ свободно пустить пулю въ кого-нибудь изъ публики. *Кронштадтскій Вѣстникъ* 1890 г., № 23.

*) *Синцовскій*: „Гигіеническая обстановка ссыльно-каторжныхъ“. *Здоровье* 1875 г., № 16.

чиновъ во всѣхъ командахъ было 1,548. Солдаты, попрежнему, несутъ тяжелый трудъ, не соразмѣрный съ ихъ силами, развитіемъ и требованіями воинскаго устава. Правда, они уже не рубятъ просѣкъ и не строютъ казармъ, но, какъ и въ прежнее время, возвращающійся съ караула или съ ученья солдатъ не можетъ разсчитывать на отдыхъ: его сейчасъ же могутъ послать въ конвой, или на сѣнокосъ, или въ погоню за бѣглыми. Хозяйственныя надобности отвлекаютъ значительное число солдатъ, такъ что чувствуется постоянный недостатокъ въ конвоѣ, и караулы не могутъ быть разсчитаны на три очереди. Въ началѣ августа, когда я былъ въ Дуэ, 60 человѣкъ дуйской команды косили сѣно и изъ нихъ половина отправилась для этого пѣшкомъ за 109 верстъ.

Сахалинскій солдатъ кротокъ, молчаливъ, послушенъ и трезвъ; пьяныхъ солдатъ, которые шумѣли бы на улицѣ, я видѣлъ только въ Корсаковскомъ посту. Поетъ онъ рѣдко и всегда одно и то же: «Десять дѣвокъ, одинъ я, куда дѣвки, туда я... Дѣвки въ лѣсъ, я за ими»,— веселая пѣсня, которую, однако, онъ поетъ съ такою скукой, что подъ звуки его голоса начинаешь тосковать по родинѣ и чувствовать всю неприглядность сахалинской природы. Онъ покорно переноситъ всѣ лишенія и равнодушенъ къ опасностямъ, которыя такъ часто угрожаютъ его жизни и здоровью. Но онъ грубъ, не развитъ и безтолковъ, и за недосугомъ не успѣваетъ проникнуться

сознаніемъ воинскаго долга и чести, и потому бываетъ не чуждъ ошибокъ, дѣлающихъ его часто такимъ же врагомъ порядка, какъ тѣ, кого онъ сторожитъ и ловитъ *). Эти свои недостатки онъ обнаруживаетъ особенно рельефно, когда на него возлагаются обязанности, не соотвѣтствующія его развитію, когда онъ, напримѣръ, становится тюремнымъ надзирателемъ.

По 27 ст. *Устава о ссыльныхъ* на Сахалинѣ, «тюремный надзоръ образуютъ старшіе и младшіе надзиратели, число коихъ, полагая одного старшаго на сорокъ человѣкъ и одного младшаго на двадцать человѣкъ каторжныхъ, опредѣляется ежегодно главнымъ тюремнымъ управленіемъ». Три надзирателя, одинъ старшій и два младшихъ, приходятся на 40 человѣкъ, т.-е. 1 на 13. Если представить себѣ, что 13 человѣкъ работаютъ, ѣдятъ, проводятъ время въ тюрьмѣ и проч. подъ постояннымъ наблюденіемъ одного добросовѣстнаго и умѣлаго человѣка, и что надъ этимъ въ свою очередь стоитъ начало въ лицѣ смотрителя тюрьмы, а надъ смотрителемъ—началь-

*) Въ Воеводской тюрьмѣ мнѣ указывали одного каторжнаго, бывшаго конвойнаго, который въ Хабаровкѣ помогъ бродягамъ бѣжать и самъ бѣжалъ съ ними Лѣтомъ 1890 г. въ Рыковской тюрьмѣ содержалась женщина свободнаго состоянія, обвиняемая въ поджогѣ; сосѣдъ ся по карцеру, арестантъ Андреевъ, жаловался, что по ночамъ ему мѣшаютъ спать конвойные, которые то и дѣло ходятъ къ этой женщинѣ и шумятъ. Окружной начальникъ распорядился запереть ея карцеръ другимъ замкомъ, а ключъ взялъ къ себѣ. Конвойные, однако, ключъ подобрали и окружной начальникъ *ничего* не могъ подѣлать съ ними, и ночныя оргіи продолжались.

никъ округа и т. д., то можно успокоиться на мысли, что все идетъ прекрасно. На самомъ же дѣлѣ надзоръ до сихъ поръ былъ самымъ больнымъ мѣстомъ сахалинской каторги.

Въ настоящее время на Сахалинѣ старшихъ надзирателей около 150, а младшихъ вдвое больше. Мѣста старшихъ заняты грамотными унтеръ-офицерами и рядовыми, кончившими службу въ мѣстныхъ командахъ, и разночинцами; послѣднихъ, впрочемъ, очень мало. Нижніе чины, состоящіе на дѣйствительной службѣ, составляютъ 6% всего комплекта старшихъ, за то должности младшихъ надзирателей исправляютъ почти одни только рядовые, командируемые отъ мѣстныхъ командъ. Въ случаѣ неполноты опредѣленнаго комплекта надзирателей, *Уставъ* разрѣшаетъ назначать для исполненія надзирательскихъ обязанностей нижнихъ чиновъ мѣстныхъ воинскихъ командъ, и такимъ образомъ молодые сибиряки, признанные неспособными даже къ службѣ въ конвоѣ, призываются къ исполненію сложныхъ обязанностей надзирателя, правда, «временно» и въ «предѣлахъ крайней необходимости», но это «временно» продолжается уже десятки лѣтъ, а «предѣлы крайней необходимости» все расширяются, такъ что нижніе чины мѣстныхъ командъ составляютъ уже 73% всего состава младшихъ надзирателей и никто не поручится, что черезъ 2—3 года эта цифра не выростетъ до 100. Надо замѣтить при этомъ, что въ надзиратели командируются не лучшіе солдаты,

такъ какъ начальники командъ, въ интересахъ строевой службы, отпускаютъ въ тюрьму менѣе способныхъ, а лучшихъ удерживаютъ при частяхъ *).

Въ тюрьмахъ много надзирателей, но нѣтъ порядка, и надзиратели служатъ лишь постояннымъ тормазомъ для администраціи, о чемъ свидѣтельствуетъ самъ начальникъ острова. Почти каждый день въ своихъ приказахъ онъ штрафуетъ ихъ, смѣщаетъ на низшіе оклады или же совсѣмъ увольняетъ: одного за неблагонадежность и неисполнительность, другого—за безнравственность, недобросовѣстность и неразвитіе, третьяго—за кражу казеннаго провіанта, ввѣреннаго его храненію, а четвертаго—за укрывательство; пятый, будучи назначенъ на баржу, не только не смотрѣлъ за порядкомъ, но даже самъ подавалъ примѣръ къ расхищенію на баржѣ грецкихъ орѣховъ; шестой—состоитъ подъ слѣдствіемъ за

*) И это даетъ поводъ къ явной несправедливости: лучшіе солдаты, остающіеся въ командахъ, получаютъ одинъ только солдатскій пай, а худшіе, служащіе въ тюрьмѣ, и пай, и жалованье. Кн. Шаховской въ своемъ *Дѣлѣ* жаловался: „Главный контингентъ надзирателей (66%) составляютъ рядовые мѣстныхъ воинскихъ командъ, получающихъ на казенномъ содержаніи по 12 р. 50 к. въ мѣсяцъ. Ихъ безграмотность, низкій уровень развитія, снисходительный взглядъ на возможное въ ихъ кругу дѣйствій взяточничество, отсутствіе прежней воинской строгости въ ихъ содержаніи и несравненно большая свобода дѣйствій, за немногими исключеніями, ведутъ или къ незаконному произволу въ обращеніи съ преступниками, или къ неумѣстному униженію передъ ними“. А нынѣшній начальникъ острова того мнѣнія, что „долголѣтній опытъ показалъ всю ненадежность надзора, командируемаго отъ мѣстныхъ командъ“.

продажу казенныхъ топоровъ и гвоздей; седьмой—замѣченъ неоднократно въ недобросовѣстномъ завѣдываніи фуражнымъ довольствіемъ казеннаго скота, восьмой—въ предосудительныхъ сдѣлкахъ съ каторжными. Изъ приказовъ мы узнаемъ, что одинъ старшій надзиратель изъ рядовыхъ, будучи дежурнымъ въ тюрьмѣ, позволилъ себѣ войти въ женскій баракъ черезъ окно, отогнувъ предварительно гвозди, съ цѣлями романтическаго свойства, а другой во время своего дежурства въ часъ ночи допустилъ рядового, тоже надзирателя, въ одиночное помѣщеніе, гдѣ содержатся арестованныя женщины. Любовныя похожденія надзирателей не ограничиваются одною только тѣсною областью женскихъ бараковъ и одиночныхъ помѣщеній. Въ квартирахъ надзирателей я заставалъ дѣвушекъ-подростковъ, которыя на мой вопросъ, кто онѣ, отвѣчали: «Я—сожительница». Войдешь въ квартиру надзирателя; онъ, плотный, сытый, мясистый, въ разстегнутой жилеткѣ и въ новыхъ сапогахъ со скрипомъ, сидитъ за столомъ и «кушаетъ» чай; у окна сидитъ дѣвочка лѣтъ 14 съ поношеннымъ лицомъ, блѣдная. Онъ называетъ себя обыкновенно унтеръ-офицеромъ, старшимъ надзирателемъ, а про нее говоритъ, что она дочь каторжнаго и что ей 16 лѣтъ, и что она его сожительница.

Надзиратели во время своего дежурства въ тюрьмѣ допускаютъ арестантовъ къ картежной игрѣ и сами участвуютъ въ ней; они пьянствуютъ въ обществѣ ссыль-

ныхъ, торгуютъ спиртомъ. Въ приказахъ мы встрѣчаемъ также буйство, непослушаніе, крайне дерзкое обращеніе со старшими въ присутствіи каторжныхъ и, наконецъ, побои, наносимые каторжному палкой по головѣ, послѣдствіемъ чего образовались раны.

Люди грубые, не развитые, пьянствующіе и играющіе въ карты вмѣстѣ съ каторжными, охотно пользующіеся любовью и спиртомъ каторжныхъ женщинъ, недисциплинированные, недобросовѣстные могутъ имѣть авторитетъ лишь отрицательнаго свойства. Ссыльное населеніе не уважаетъ ихъ и относится къ нимъ съ презрительною небрежностью. Оно въ глаза величаетъ ихъ «сухарниками» и говоритъ имъ *ты*. Администрація же нисколько не заботится о томъ, чтобы поднять ихъ престижъ, находя, вѣроятно, что заботы объ этомъ не привели бы ни къ чему. Чиновники говорятъ надзирателю *ты* и бранятъ его какъ угодно, не стѣсняясь присутствіемъ каторжныхъ. То и дѣло слышишь: «Что же ты, дуракъ, смотришь?» Или: «Ничего ты не понимаешь, болванъ!» Какъ мало уважаютъ здѣсь надзирателей, видно изъ того, что многіе изъ нихъ назначаются «на несоотвѣтсвующіе служебному ихъ положенію наряды», то-есть, по-просту, состоятъ при чиновникахъ въ качествѣ лакеевъ и разсыльныхъ. Надзиратели изъ привилегированныхъ, какъ бы стыдясь своей должности, стараются выдѣлиться изъ массы своихъ сотоварищей хотя чѣмъ-нибудь: одинъ носитъ на плечахъ жгуты потолще, другой — офицерскую

кокарду, третій, коллежскій регистраторъ, называетъ себя въ бумагахъ не надзирателемъ, а «завѣдующимъ работами и рабочими».

Такъ какъ сахалинскіе надзиратели никогда не возвышались до пониманія цѣлей надзора, то съ теченіемъ времени, по естественному порядку вещей, сами цѣли надзора должны были мало-по-малу съузиться до теперешняго своего состоянія. Весь надзоръ теперь сводится къ тому, что рядовой сидитъ въ камерѣ, смотритъ за тѣмъ, «чтобы не шумѣли», и жалуется начальству; на работахъ онъ, вооруженный револьверомъ, изъ котораго, къ счастью, не умѣетъ стрѣлять, и шашкою, которую трудно вытянуть изъ заржавленныхъ ноженъ, стоитъ, смотритъ безучастно на работы, куритъ и скучаетъ. Въ тюрьмѣ онъ—прислуга, отворяющая и запирающая двери, а на работахъ—лишній человѣкъ. Хотя на каждые сорокъ каторжныхъ приходится три надзирателя—одинъ старшій и два младшихъ, но постоянно приходится видѣть, какъ 40—50 человѣкъ работаютъ подъ надзоромъ только одного, или же совсѣмъ безъ надзора. Если изъ трехъ надзирателей одинъ находится при работахъ, то другой въ это время стоитъ около казенной лавки и отдаетъ проходящимъ чиновникамъ честь, а третій—томится въ чьей-нибудь передней или безъ всякой надобности стоитъ на вытяжку въ пріемной лазарета *).

*) Жалованья старшіе надзиратели получаютъ 480, а младшіе по 216 руб. въ годъ. Черезъ опредѣленные сроки этотъ окладъ увеличи-

Объ интеллигенціи придется сказать немного. Наказывать по долгу службы и присяги своего ближняго, быть способнымъ каждый часъ насиловать въ себѣ отвращеніе и ужасъ, отдаленность мѣста служенія, ничтожное жалованье, скука, постоянная близость бритыхъ головъ, кандаловъ, палачей, грошевые разсчеты, дрязги, а, главное, сознаніе своего полнаго безсилія въ борьбѣ съ окружающимъ зломъ,—все это, взятое вмѣстѣ, всегда дѣлало службу по управленію каторгой и ссылкой исключительно тяжелой и непривлекательной. Въ прежнее время на каторгѣ служили по преимуществу люди нечистоплотные, небрезгливые, тяжелые, которымъ было все равно, гдѣ ни служить, лишь бы ѣсть, пить, спать да играть въ карты; порядочные же люди шли сюда по нуждѣ и потомъ бросали службу при первой возможности, или спивались, сходили съ ума, убивали себя, или же мало-по-малу обстановка затягивала ихъ въ свою грязь,

вается на одну и двѣ трети и даже вдвое. Такое жалованье считается хорошимъ и служитъ соблазномъ для мелкихъ чиновниковъ, напримѣръ, телеграфистовъ, которые уходятъ въ надзиратели при первой возможности. Существуетъ опасеніе, что школьные учителя, если ихъ когда-нибудь назначатъ на Сахалинъ и дадутъ имъ обычные 20—25 р. въ мѣсяцъ, непремѣнно уйдутъ въ надзиратели.

За невозможностью найти на мѣстѣ людей свободнаго состоянія на должности надзирателей или брать ихъ изъ мѣстныхъ войскъ, не ослабляя состава послѣднихъ, начальникъ острова въ 1888 г. разрѣшилъ зачислять на должность надзирателей благонадежныхъ въ поведеніи и испытанныхъ уже въ усердіи поселенцевъ и крестьянъ изъ ссыльныхъ. Но эта мѣра не привела къ добру.

подобно спруту-осьминогу, и они тоже начинали красть, жестоко сѣчь...

Если судить по оффиціальнымъ отчетамъ и корреспонденціямъ, то въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ сахалинская интелигенція отличалась полнѣйшимъ нравственнымъ ничтожествомъ. При тогдашнихъ чиновникахъ тюрьмы обращались въ пріюты разврата, въ игорные дома, людей развращали, ожесточали, засѣкали до мертва. Самымъ яркимъ администраторомъ въ этомъ смыслѣ является нѣкій майоръ Николаевъ, бывшій въ продолженіе семи лѣтъ начальникомъ Дуйскаго поста. Имя его часто упоминается въ корреспонденціяхъ *). Онъ былъ изъ крѣпостныхъ сдаточныхъ. О томъ, какія способности проложили этому грубому, неотесанному человѣку дорогу къ майорскому чину, свѣдѣній нѣтъ. Когда одинъ корреспондетъ спросилъ у него, бывалъ ли онъ когда-нибудь въ средней части острова и что тамъ видѣлъ, то майоръ отвѣтилъ: «Гора да долина—долина да опять гора; извѣстно, почва вулканическая, извергательная». Онъ же на вопросъ, что за вещь черемша, отвѣтилъ: «Во-первыхъ, это не вещь, а растеніе, и, во-вторыхъ, растеніе преполезное и вкусное; брюхо пучитъ отъ него, правда, да намъ это наплевать, мы съ дамами не бываемъ». Тачки для перевозки угля онъ замѣнилъ бочками, чтобы удобнѣе было катать по мосткамъ; сажалъ

*) Между прочимъ, см. *Лукашевича*: „Мои знакомцы въ Дуэ на Сахалинѣ“ *Кронштадтскій Вѣстникъ* 1868 г., №№ 47 и 49.

въ эти бочки провинившихся каторжныхъ и приказывалъ катать ихъ по берегу. «Съ часъ покатаютъ сердечнаго, глядишь, точно шелковый станетъ». Желая выучить солдатъ числамъ, онъ прибѣгалъ къ игрѣ въ лото. «За перекличку номеровъ, кто самъ не можетъ, долженъ платить по гривеннику; разъ заплатитъ, другой разъ заплатитъ, а тамъ и пойметъ, что это невыгодно. Глядишь, туго возьмется за номера, да въ недѣлю и выучитъ». Подобныя благоглупости дѣйствовали на дуйскихъ солдатъ развращающимъ образомъ: случалось, что они продавали каторжнымъ свои ружья. Приступая къ наказанію одного каторжника, майоръ заранѣе объявилъ ему, что онъ живъ не останется, и дѣйствительно, преступникъ умеръ тотчасъ послѣ наказанія. Майоръ Николаевъ послѣ этого случая былъ преданъ суду и приговоренъ къ каторжнымъ работамъ.

Когда спросишь какого-нибудь старика-поселенца, были ли въ его время на островѣ хорошіе люди, то онъ сначала помолчитъ немного, какъ бы припоминая, и потомъ ужь отвѣтитъ: «Всякое бывало». Нигдѣ старое такъ скоро не забывается, какъ на Сахалинѣ, именно благодаря чрезвычайной подвижности ссыльнаго населенія, которое здѣсь мѣняется кореннымъ образомъ каждыя пять лѣтъ, и отчасти отсутствію въ здѣшнихъ канцеляріяхъ порядочныхъ архивовъ. То, что было 20—25 лѣтъ назадъ, считается глубокою стариной, уже забытою, погибшею для исторіи. Уцѣлѣли только кое-какія постройки, уцѣ-

лѣлъ Микрюковъ, десятка два анекдотовъ, да остались еще цифры, не заслуживающія никакого довѣрія, такъ какъ ни одна канцелярія тогда не знала, сколько на островѣ арестантовъ, сколько бѣжало, умерло и проч.

«Доисторическія» времена продолжались на Сахалинѣ до 1878 года, когда завѣдующимъ ссыльно-каторжными Приморской области былъ назначенъ кн. Николай Шаховской, отличный администраторъ, умный и честный человѣкъ *). Послѣ него осталось образцовое во многихъ отношеніяхъ «дѣло объ устройствѣ о. Сахалина», хранящееся теперь въ канцеляріи начальника острова. Это былъ по преимуществу кабинетный работникъ. Арестантамъ и при немъ жилось такъ же дурно, какъ и до него, но, несомнѣнно, его наблюденія, которыми онъ дѣлился съ начальствомъ и со своими подчиненными, и его «Дѣло», независимое и откровенное, были началомъ новыхъ, хорошихъ вѣяній.

*) До 1875 г. каторгой на Сѣв. Сахалинѣ управлялъ начальникъ Дуйскаго поста, офицеръ, начальство котораго жило въ Николаевскѣ. Съ 1875 г. Сахалинъ дѣлился на два округа: Сѣверно-Сахалинскій и Южно-Сахалинскій. Оба округа, входившіе въ составъ Приморской области, въ гражданскомъ отношеніи были подчинены военному губернатору, а въ военномъ командующему войсками Приморской области. Мѣстное управленіе принадлежало начальникамъ округовъ, причемъ званіе начальника Сѣв.-Сахалинскаго округа было присвоено завѣдующему ссыльно-каторжными на о. Сахалинѣ и въ Приморской области, имѣющему мѣстопребываніе въ Дуэ, а званіе начальника Южнаго округа командиру 4-го восточнаго сибирскаго линейнаго батальона, имѣющему мѣстопребываніе въ п. Корсаковскомъ. Въ лицѣ окружныхъ начальниковъ сосредоточивалось мѣстное какъ военное, такъ и гражданское управленіе. Администрація была сплошь военная.

Въ 1879 году началъ функціонировать добровольный флотъ и мало-по-малу должности на Сахалинѣ стали занимать уроженцы Европейской Россіи. Въ 1884 г. на Сахалинѣ было введено новое положеніе, вызвавшее усиленный приливъ или, какъ здѣсь говорятъ, сплавъ новыхъ людей *). Въ настоящее время на Сахалинѣ мы имѣемъ уже три уѣздныхъ города, въ которыхъ живутъ чиновники и офицеры съ семьями. Общество уже настолько разнообразно и интеллигентно, что въ Александровскѣ, напримѣръ, въ 1888 г. могли въ любительскомъ спектаклѣ поставить *Женитьбу;* когда здѣсь же, въ Александровскѣ, въ большіе праздники, по взаимному со-

*) По этому положенію главное управленіе Сахалиномъ принадлежитъ приамурскому генералъ-губернатору, а мѣстное—начальнику острова, назначаемому изъ военныхъ генераловъ. Островъ раздѣленъ на три округа. Тюрьмы и селенія въ каждомъ округѣ находятся въ единоличномъ завѣдываніи окружныхъ начальниковъ, которые соотвѣтствуютъ нашимъ исправникамъ. Они предсѣдательствуютъ въ полицейскихъ управленіяхъ. Каждою тюрьмой и селеніями въ ея районѣ завѣдуетъ смотритель тюрьмы; если селеніями завѣдуетъ особый чиновникъ, то онъ называется смотрителемъ поселеній; обѣ эти должности соотвѣтствуютъ нашему становому приставу. При начальникѣ острова состоятъ управляющій его канцеляріей, бухгалтеръ и казначей, инспекторъ сельскаго хозяйства, землемѣръ, архитекторъ, переводчикъ аинскаго и гиляцкаго языковъ, смотритель центральныхъ складовъ и завѣдующій медицинскою частью. Въ каждой изъ четырехъ воинскихъ командъ долженъ быть штабъ-офицеръ, два оберъ - офицера и врачъ; кромѣ того, адъютантъ управленія войскъ о. Сахалина, его помощникъ и аудиторъ. Остается еще упомянуть четырехъ священниковъ и тѣхъ служащихъ, которые не имѣютъ прямого отношенія къ тюрьмѣ, какъ, напримѣръ, начальникъ почтово-телеграфной конторы, его помощникъ, телеграфисты и смотрители двухъ маяковъ.

глашенію, чиновники и офицеры замѣняютъ визиты денежными взносами въ пользу бѣдныхъ семейныхъ каторжныхъ или дѣтей, то на подписномъ листѣ обыкновенно число подписей доходитъ до 40. На пріѣзжаго человѣка сахалинское общество производитъ благопріятное впечатлѣніе. Оно радушно, гостепріимно и во всѣхъ отношеніяхъ выдерживаетъ сравненіе съ нашими уѣздными обществами, а въ районѣ восточнаго побережья оно считается самымъ живымъ и интереснымъ; по крайней мѣрѣ, чиновники отсюда неохотно переводятся, напримѣръ, въ Николаевскъ или въ де-Кастри. Но какъ въ Татарскомъ проливѣ бываютъ сильныя бури и моряки говорятъ, что это отголоски циклона, бушующаго въ Китайскомъ и Японскомъ моряхъ, такъ и въ жизни этого общества нѣтъ-нѣтъ, да и отзовутся недавнее прошлое и близость Сибири. Какіе молодцы попадали сюда на службу уже послѣ реформы 1884 г., видно изъ приказовъ о смѣщеніи съ должностей, о преданіи суду или изъ оффиціальныхъ заявленій о безпорядкахъ по службѣ, доходившихъ «до наглаго разврата» (прик. № 87-й 1890 г.), или изъ анекдотовъ и разсказовъ, вродѣ хотя бы разсказа о каторжномъ Золотаревѣ, человѣкѣ зажиточномъ, который водилъ компанію съ чиновниками, кутилъ съ ними и игралъ въ карты; когда жена этого каторжника заставала его въ обществѣ чиновниковъ, то начинала срамить его за то, что онъ водитъ компанію съ людьми, которые могутъ дурно повліять на его нравственность. И теперь

встрѣчаются чиновники, которымъ ничего не стоитъ размахнуться и ударить кулакомъ по лицу ссыльнаго, даже привилегированнаго, или приказать человѣку, который не снялъ въ торопяхъ шапки: «Пойди къ смотрителю и скажи, чтобы онъ далъ тебѣ тридцать розогъ». Въ тюрьмѣ до сихъ поръ еще возможны такіе безпорядки, что два арестанта почти годъ считаются въ безвѣстной отлучкѣ, между тѣмъ, все это время они получаютъ довольствіе изъ котла и даже употребляются на работы (приказъ № 87-й 1890 г.). Не всякій смотритель знаетъ навѣрное, сколько въ данное время у него въ тюрьмѣ живетъ арестантовъ, сколько дѣйствительно довольствуется изъ котла, сколько бѣжало и проч. Самъ начальникъ острова находитъ, что «вообще положеніе дѣлъ въ Александровскомъ округѣ по всѣмъ отраслямъ управленія оставляетъ тяжелое впечатлѣніе и требуетъ многихъ серьезныхъ улучшеній; что же касается собственно дѣлопроизводства, то оно слишкомъ ужь было предоставлено на волю писарей, которые «распоряжались безконтрольно, судя по нѣкоторымъ, случайно обнаружившимся подлогамъ» (приказъ № 314-й 1888 г.) *). О томъ, въ

*) Достаточно одинъ день порыться въ канцелярскомъ матеріалѣ, чтобы придти въ отчаяніе отъ дутыхъ цифръ, невѣрныхъ итоговъ и „праздныхъ вымысловъ“ разныхъ помощниковъ смотрителей, старшихъ надзирателей и писарей. Я никакъ не могъ найти „вѣдомостей“ за 1886 г. Попадаются „вѣдомости“, гдѣ внизу карандашомъ въ видѣ резолюціи написано: „очевидно, неправда“. Особенно сильно наврано въ отдѣлахъ, касающихся семейнаго положенія ссыльныхъ, дѣтей, состава ссыльныхъ по роду преступленій. Начальникъ острова говорилъ мнѣ, что когда ему

какомъ печальномъ положеніи находится здѣсь слѣдственная часть, я буду говорить въ своемъ мѣстѣ. Въ почтово-телеграфной конторѣ обращаются съ народомъ грубо, простымъ смертнымъ выдаютъ корреспонденцію только на четвертый и пятый день по приходѣ почты; телеграфисты безграмотны, телеграфная тайна не соблюдается. Я не получилъ ни одной телеграммы, которая не была бы искажена самымъ варварскимъ образомъ, и когда однажды по какому-то случаю въ мою телеграмму вошелъ кусокъ чьей-то чужой и я, чтобы возстановить смыслъ обѣихъ телеграммъ, попросилъ исправить ошибку, то мнѣ сказали, что это можно сдѣлать не иначе, какъ только за мой счетъ.

Въ новой исторіи Сахалина играютъ замѣтную роль представители позднѣйшей формаціи, смѣсь Держиморды и Яго,—господа, которые въ обращеніи съ низшими не признаютъ ничего, кромѣ кулаковъ, розогъ и извощичьей брани, а высшихъ умиляютъ своею интеллигентностью и даже либерализмомъ.

однажды понадобилось узнать, сколько ежегодно прибывало изъ Россіи арестантовъ на пароходахъ добровольнаго флота, начиная съ 1879 г., то пришлось обращаться за свѣдѣніями въ главное тюремное управленіе, такъ какъ въ мѣстныхъ канцеляріяхъ нужныхъ цифръ не оказалось. „За 1886 г., несмотря на неоднократныя требованія, никакихъ вѣдомостей представляемо не было,—жалуется начальникъ округа въ одномъ изъ своихъ рапортовъ.—Я поставленъ въ еще болѣе невыгодныя условія вслѣдствіе невозможности возстановить точно требуемыя свѣдѣнія за отсутствіемъ какихъ-либо данныхъ, которыя въ предъидущіе годы собираемы вовсе не были. Такъ, напримѣръ, въ настоящее время чрезвычайно трудно привести въ извѣстность наличный составъ къ 1 января 1887 г. даже поселенцевъ и крестьянъ“.

Но, какъ бы то ни было, «Мертваго дома» уже нѣтъ. На Сахалинѣ среди интеллигенціи, управляющей и работающей въ канцеляріяхъ, мнѣ приходилось встрѣчать разумныхъ, добрыхъ и благородныхъ людей, присутствіе которыхъ служитъ достаточною гарантіей, что возвращеніе прошлаго уже невозможно. Теперь уже не катаютъ каторжныхъ въ бочкахъ и нельзя засѣчь человѣка или довести его до самоубійства безъ того, чтобы это не возмутило здѣшняго общества и объ этомъ не заговорили бы по Амуру и по всей Сибири. Всякое мерзкое дѣло рано или поздно всплываетъ наружу, становится гласнымъ, доказательствомъ чему служитъ мрачное онорское дѣло, которое, какъ ни старались скрыть его, возбудило много толковъ и попало въ газеты, благодаря самой же сахалинской интеллигенціи. Хорошіе люди и хорошія дѣла уже не составляютъ рѣдкости. Недавно въ Рыковскомъ скончалась фельдшерица, служившая много лѣтъ на Сахалинѣ ради идеи—посвятить свою жизнь людямъ, которые страдаютъ. При мнѣ въ Корсаковскѣ однажды унесло каторжнаго въ море на сѣноплавкѣ; смотритель тюрьмы майоръ Ш. отправился въ море на катерѣ и, несмотря на бурю, подвергая свою жизнь опасности, плавалъ съ вечера до двухъ часовъ ночи, пока ему не удалось отыскать въ потемкахъ сѣноплавку и снять съ нея каторжнаго *).

*) Здѣшніе чиновники при исполненіи своихъ обязанностей часто подвергаются серьезнымъ опасностямъ. Начальникъ Тымовскаго округа

Реформа 1884 г. показала, что чѣмъ многочисленнѣе въ ссыльной колоніи администрація, тѣмъ лучше. Сложность и разбросанность дѣла требуютъ сложнаго механизма, участія многихъ лицъ. Необходимо, чтобы маловажныя дѣла не отвлекали чиновниковъ отъ ихъ главныхъ обязанностей. Между тѣмъ, начальникъ острова, за неимѣніемъ секретаря или чиновника, который постоянно находился бы при немъ, большую часть дня бываетъ занятъ составленіемъ приказовъ и разныхъ бумагъ, и эта сложная, кропотливая канцелярщина отнимаетъ у него почти все время, необходимое для посѣщенія тюремъ и объѣзда селеній. Окружные начальники, помимо предсѣдательства въ полицейскихъ управленіяхъ, сами должны раздавать бабамъ кормовыя, участвовать въ разнаго рода коммиссіяхъ, осмотрахъ и т. п. На смотрителей тюремъ и ихъ помощниковъ возложена слѣдственная и полицейская часть. При такихъ условіяхъ сахалинскій чиновникъ долженъ или работать черезъ силу, какъ говорится, до ошалѣнія, или же, махнувъ рукой, взвалить

г. Бутаковъ, когда ходилъ пѣшкомъ вдоль всего Поронайя и обратно, заболѣлъ кровавымъ поносомъ и едва не погибъ. Начальникъ Корсаковскаго округа г. Бѣлый плылъ однажды на вельботѣ изъ Корсаковска въ Мауку; на пути захватила буря, пришлось уходить подальше отъ берега въ море. Носило по волнамъ и мотало чуть ли не двое сутокъ, и самъ г. Бѣлый, каторжный рулевой и солдатъ, случайно находившійся на вельботѣ, рѣшили, что имъ пришелъ конецъ. Но ихъ выбросило на берегъ около Крильонскаго маяка. Когда г. Бѣлый, придя къ смотрителю маяка, поглядѣлъ на себя въ зеркало, то замѣтилъ на головѣ сѣдину, которой раньше не было; солдатъ уснулъ и его никакъ не могли разбудить въ продолженіе 40 часовъ.

громадную часть своей работы на писарей-каторжныхъ, какъ оно и бываетъ чаще всего. Въ мѣстныхъ канцеляріяхъ писаря-каторжные заняты не только перепиской, но и сами составляютъ важныя бумаги. Такъ какъ нерѣдко они бываютъ опытнѣе и энергичнѣе чиновниковъ, особенно новичковъ, то случается, что каторжный или поселенецъ несетъ на своихъ плечахъ всю канцелярію, всю отчетность и даже слѣдственную часть. Въ продолженіе многихъ лѣтъ писарь, по невѣжеству или недобросовѣстности, запутываетъ всѣ канцелярскіе концы, и такъ какъ онъ одинъ можетъ разобраться въ этой путаницѣ, то становится необходимымъ, незамѣнимымъ и уже начальство, даже самое строгое, бываетъ не въ состояніи обходиться безъ его услугъ. Избавиться отъ такого всесильнаго писаря можно только однимъ способомъ: посадить на его мѣсто одного или двухъ настоящихъ чиновниковъ.

Гдѣ многочисленная интеллигенція, тамъ неизбѣжно существуетъ общественное мнѣніе, которое создаетъ нравственный контроль и предъявляетъ всякому этическія требованія, уклониться отъ которыхъ уже нельзя безнаказанно никому, даже майору Николаеву. Несомнѣнно также, что, съ развитіемъ общественной жизни, здѣшняя служба мало-по-малу теряетъ свои непривлекательныя особенности, и процентъ сумасшедшихъ, пьяницъ и самоубійцъ понижается *).

*) Теперь, все-таки, уже возможны такія развлеченія, какъ любительскіе спектакли, пикники, вечеринки, въ былое же время трудно было со-

XXI.

Нравственность ссыльнаго населенія. — Преступность. — Слѣдствіе и судъ. — Наказанія. — Розги и плети. — Смертная казнь.

Одни ссыльные несутъ наказаніе мужественно, охотно сознаются въ своей винѣ и, когда ихъ спрашиваешь, за что они присланы на Сахалинъ, то обыкновенно отвѣча-

ставить даже партію въ преферансъ. И душевные интересы удовлетворяются съ большею легкостью. Выписываются журналы, газеты и книги, каждый день получаются телеграммы сѣвернаго агентства; во многихъ домахъ есть рояли. Здѣшніе поэты находятъ себѣ читателей и слушателей; одно время въ Александровскѣ издавался рукописный журналъ *Бутончикъ*, который, впрочемъ, прекратился на 7 №. Старшіе чиновники живутъ въ хорошихъ казенныхъ квартирахъ, просторныхъ и теплыхъ, держатъ поваровъ и лошадей, а тѣ, которые чиномъ пониже, нанимаютъ квартиры у поселенцевъ, занимая цѣлые дома или отдѣльныя комнаты съ мебелью и всею обстановкой. Молодой чиновникъ, поэтъ, о которомъ я упоминалъ вначалѣ, снималъ комнату со множествомъ образовъ, парадною кроватью съ пологомъ и даже съ ковромъ на стѣнѣ, на которомъ изображенъ всадникъ, стрѣляющій въ тигра.

Начальникъ острова получаетъ 7,000 руб., завѣдующій медицинскою частью—4,000 р., инспекторъ сельскаго хозяйства—3,500 р., архитекторъ—3,100 р., окружные начальники—по 3,500 р. Черезъ каждые 3 года чиновникъ получаетъ полугодовой отпускъ съ сохраненіемъ содержанія. Черезъ 5 лѣтъ прибавка въ размѣрѣ 25% жалованья. Черезъ 10 лѣтъ—пенсія. 2 года считается за 3. Прогоны тоже не маленькіе. Помощникъ смотрителя тюрьмы, не имѣющій чина, получаетъ прогоновъ отъ Александровска до Петербурга 1,945 р. $68^3/_4$ к., т.-е. сумму, которой было бы достаточно, чтобы совершить кругосвѣтное путешествіе съ полнымъ комфортомъ (Приказы №№ 302 и 305-й 1889 г.). Прогоны выдаются уходящимъ въ отставку, а также берущимъ отпускъ по истеченіи 5—10 лѣтъ со дня поступленія на службу; послѣдніе могутъ не уѣзжать, такъ что прогоны играютъ роль пособія или награды. Священникамъ выдаются прогоны на всѣхъ членовъ ихъ семей. Чиновникъ, уходящій въ отставку, требуетъ себѣ прогоновъ обыкновенно до Петро-

ютъ такъ: «За хорошія дѣла сюда не присылаютъ». Другіе же поражаютъ своимъ малодушіемъ и унылымъ видомъ, ропщутъ, плачутъ, приходятъ въ отчаяніе и клянутся, что они не виновны. Одинъ считаетъ наказаніе благомъ, такъ какъ, по его словамъ, онъ только на каторгѣ узналъ Бога, другой же старается убѣжать при первой возможности и, когда его ловятъ, отмахивается дубиной. Вмѣстѣ съ закоренѣлыми, неисправимыми злодѣями и извергами живутъ подъ одною крышей случайные преступники, «несчастные», невинно-осужденные*).

павловска по зимнему времени — 13 тысячъ верстъ или до Холмогорскаго уѣзда — 11 тысячъ верстъ; одновременно, подавая прошеніе объ отставкѣ, онъ посылаетъ въ главное тюремное управленіе телеграмму съ просьбой о безплатномъ проѣздѣ со всею семьей до Одессы на пароходѣ добровольнаго флота. Остается еще прибавить, что пока чиновникъ служитъ на Сахалинѣ, дѣти его воспитываются на казенный счетъ.

И, все-таки, здѣшніе чиновники недовольны жизнью. Они раздражены, ссорятся между собой изъ-за пустяковъ и скучаютъ. У нихъ и членовъ ихъ семействъ замѣчается предрасположеніе къ чахоткѣ, къ нервнымъ и психическимъ заболѣваніямъ. При мнѣ въ Александровскѣ одинъ молодой чиновникъ, добрѣйшій человѣкъ, ходилъ все время, даже днемъ, съ громаднымъ револьверомъ. На мой вопросъ, зачѣмъ онъ таскаетъ въ карманѣ это громоздкое орудіе, онъ отвѣтилъ серьезно:

— А меня тутъ два чиновника собираются побить и уже разъ нападали.

— Что же вы можете сдѣлать револьверомъ?

— Очень просто, убью, какъ собаку, не поцеремонюсь.

*) Т. Каморскій, тюремный инспекторъ при здѣшнемъ генералъ-губернаторѣ, сказалъ мнѣ: „Если, въ концѣ-концовъ, изъ 100 каторжныхъ выходитъ 15—20 порядочныхъ, то этимъ мы обязаны не столько исправительнымъ мѣрамъ, которыя мы употребляемъ, сколько нашимъ русскимъ судамъ, присылающимъ на каторгу много хорошаго, надежнаго элемента“.

И потому ссыльное населеніе, когда затрогивается вопросъ объ его нравственности вообще, производитъ чрезвычайно смѣшанное и спутанное впечатлѣніе, такъ что при существующихъ способахъ изслѣдованія едва ли возможны по этому вопросу какія-либо серьезныя обобщенія. О нравственности населенія судятъ обыкновенно по цифрамъ, опредѣляющимъ преступность, но въ отношеніи къ ссыльной колоніи даже этотъ обычный и простой способъ оказывается непригоднымъ. У ссыльнаго населенія, живущаго при ненормальной, исключительной обстановкѣ, своя особая, условная преступность, свой *уставъ*, и преступленія, которыя мы считаемъ легкими, здѣсь относятся къ тяжелымъ, и, наоборотъ, большое число уголовныхъ преступленій совсѣмъ не региструется, такъ какъ они считаются въ тюремной сферѣ явленіями обычными, почти необходимыми *).

*) Естественное и непобѣдимое стремленіе къ высшему благу—свободѣ здѣсь разсматривается, какъ преступная наклонность, и побѣгъ наказывается каторжными работами и плетями, какъ тяжкое уголовное преступленіе; поселенецъ изъ самыхъ чистыхъ побужденій, Христа ради пріютившій на ночь бѣглаго, наказывается за это каторжными работами. Если поселенецъ лѣнится, или ведетъ нетрезвую жизнь, то начальникъ острова можетъ сослать его въ рудникъ на одинъ годъ. На Сахалинѣ и долги считаются уголовнымъ преступленіемъ. Въ наказаніе за долги поселенцевъ не перечисляютъ въ крестьяне. Постановленіе полиціи объ отдачѣ въ работы поселенца, за лѣность и нерадѣніе къ устройству своего домообзаводства и за умышленное уклоненіе отъ платежа состоящаго за нимъ въ казну долга, срокомъ на одинъ годъ начальникъ острова утверждаетъ съ тѣмъ, чтобы этотъ поселенецъ былъ отданъ предварительно для заработковъ на пополненіе долга въ работу въ обще-

У ссыльныхъ наблюдаются пороки и извращенія, свойственныя по преимуществу людямъ подневольнымъ, порабощеннымъ, голоднымъ и находящимся въ постоянномъ страхѣ. Лживость, лукавство, трусость, молодушіе, наушничество, кражи, всякаго рода тайные пороки—вотъ арсеналъ, который выставляетъ приниженное населеніе, или, по крайней мѣрѣ, громадная часть его, противъ начальниковъ и надзирателей, которыхъ оно не уважаетъ, боится и считаетъ своими врагами. Чтобы избавиться отъ тяжелой работы или тѣлеснаго наказанія и добыть себѣ кусокъ хлѣба, щепотку чаю, соли, табаку, ссыльный прибѣгаетъ къ обману, такъ какъ опытъ показалъ ему, что въ борьбѣ за существованіе обманъ—самое вѣрное и надежное средство. Кражи здѣсь обычны и похожи на промыселъ. Арестанты набрасываются на все, что плохо лежитъ, съ упорствомъ и жадностью голодной саранчи, и при этомъ отдаютъ преимущество съѣстному и одеждѣ. Воруютъ они въ тюрьмѣ другъ у друга, у поселенцевъ, на работахъ, во время нагрузки пароходовъ, и при этомъ по виртуозной ловкости, съ какою со-

ство „Сахалинъ“ (приказъ № 45-й 1890 г.). Короче, ссыльному часто полагаются каторжныя работы и плети за проступки, которые при обыкновенныхъ условіяхъ повлекли бы выговоръ, арестъ, или тюремное заключеніе. Съ другой же стороны, кражи, совершаемыя такъ часто въ тюрьмахъ и селеніяхъ, рѣдко даютъ поводъ къ судебному разбирательству, и, если судить по оффиціальнымъ цифрамъ, то можно придти къ совершенно ложному выводу, что ссыльные относятся къ чужой собственности даже съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ свободные.

вершаются кражи, можно судить, какъ часто приходится упражняться здѣшнимъ ворамъ. Однажды въ Дуэ украли съ парохода живого барана и кадку съ квашней; баржа еще не отходила отъ парохода, но покражи найти не могли. Въ другой разъ обокрали командира, отвинтили иллюминаторы и компасъ; въ третій разъ забрались въ каюты иностраннаго парохода и утащили столовое серебро. Во время выгрузки пропадаютъ цѣлые тюки и бочки *).

Ссыльный развлекается тайно, воровскимъ образомъ. Чтобы добыть стаканъ водки, который при обыкновенныхъ условіяхъ обходится только въ пятакъ, онъ долженъ тайно обратиться къ контрабандисту и отдать ему, если нѣтъ денегъ, свой хлѣбъ или что-нибудь изъ одежи. Единственное духовное наслажденіе — игра въ карты — возможно только ночью, при свѣтѣ огарковъ, или въ тайгѣ. Всякое же тайное наслажденіе, часто повторяемое, обращается мало-по малу въ страсть; при слишкомъ большой подражательности ссыльныхъ, одинъ арестантъ заражаетъ другого, и, въ концѣ-концовъ, такіе, казалось бы, пустяки, какъ контрабандная водка и игра въ карты, ведутъ къ невѣроятнымъ безпорядкамъ. Какъ я говорилъ

*) Мѣшки съ мукой каторжные бросаютъ въ воду и достаютъ ихъ потомъ со дна, вѣроятно, ночью. Помощникъ командира на одномъ пароходѣ говорилъ мнѣ: „Не успѣешь оглянуться, какъ уже разокрали цѣлое мѣсто. Напримѣръ, когда разгружаютъ бочки съ соленою рыбой, то каждый старается набить себѣ рыбой карманы, рубаху, штаны... И влетаетъ же имъ за это! Возьмешь рыбину за хвостъ—и по мордѣ, и по мордѣ...“

уже, кулаки изъ ссыльныхъ на тайной торговлѣ спиртомъ и водкой наживаютъ состоянія; это значитъ, что рядомъ съ ссыльнымъ, имѣющимъ 30—50 тысячъ, надо искать сотни людей, которые систематически растрачиваютъ свою пищу и одежду. Картежная игра, какъ эпидемическая болѣзнь, овладѣла уже всѣми тюрьмами; тюрьмы представляютъ собой большіе игорные дома, а селенія и посты—ихъ филіальныя отдѣленія. Дѣло поставлено очень широко, и говорятъ даже, что здѣшніе картежники-организаторы, у которыхъ при случайныхъ обыскахъ находятъ сотни и тысячи рублей, ведутъ правильныя дѣловыя сношенія съ сибирскими тюрьмами, напримѣръ, съ иркутской, гдѣ, какъ выражаются каторжные, идетъ «настоящая» игра. Въ Александровскѣ уже нѣсколько игорныхъ домовъ; въ одномъ изъ нихъ на 2-й Кирпичной улицѣ произошелъ даже скандалъ, характерный для притоновъ подобнаго рода: застрѣлился проигравшійся надзиратель. Игра въ штоссъ туманитъ головы, какъ дурманъ, и каторжный, проигрывая пищу и одежду, не чувствуетъ голода и холода и, когда его сѣкутъ, не чувствуетъ боли, и,какъ это ни странно, даже во время такой работы, какъ нагрузка, когда баржа съ углемъ стучитъ бортомъ о пароходъ, плещутъ волны, и люди зеленѣютъ отъ морской болѣзни, въ баржѣ происходитъ игра въ карты и дѣловой разговоръ мѣшается съ картежнымъ: «Отваливай! Два съ боку! Есть!»

А подневольное состояніе женщины, ея бѣдность и

униженіе служатъ развитію проституціи. Когда я спросилъ въ Александровскѣ, есть ли здѣсь проститутки, то мнѣ отвѣтили: «Сколько угодно!» *). Въ виду громаднаго спроса, занятію проституціей не препятствуютъ ни старость, ни безобразіе, ни даже сифилисъ въ третичной формѣ. Не препятствуетъ и ранняя молодость. Мнѣ приходилось встрѣчать на улицѣ въ Александровскѣ дѣвушку 16-ти лѣтъ, которая, по разсказамъ, стала заниматься проституціей съ 9 лѣтъ. У дѣвушки этой есть мать, но семейная обстановка на Сахалинѣ далеко не всегда спасаетъ дѣвушекъ отъ гибели. Разсказываютъ про цыгана, который продаетъ своихъ дочерей и при этомъ самъ торгуется. Одна женщина свободнаго состоянія въ Александровской слободкѣ держитъ «заведеніе», въ которомъ оперируютъ только однѣ ея родныя дочери. Въ Александровскѣ вообще развратъ носитъ городской характеръ. Есть даже «семейныя бани», содержимыя жидомъ, и уже называютъ людей, которые промышляютъ сводничествомъ.

Рецидивисты, т.-е. вновь осужденные окружнымъ судомъ, къ 1 января 1890 г., по даннымъ казенныхъ вѣдомостей, среди каторжныхъ составляли 8%. Были въ числѣ рецидивистовъ осужденные въ 3-й, 4, 5 и даже 6-й разъ, и такихъ, которые благодаря рецидивамъ, тянули

*) Полицейское управленіе, впрочемъ, дало мнѣ списокъ, въ которомъ было только 30 проститутокъ, свидѣтельствуемыхъ еженедѣльно врачомъ.

каторжную лямку уже 20—50 лѣтъ, было 175 человѣкъ, т. е. 3% всего числа. Но все это, такъ сказать, дутые рецидивы, такъ какъ въ числѣ рецидивистовъ показаны, главнымъ образомъ, осужденные за побѣги. Да и относительно бѣглыхъ эти цифры не вѣрны, такъ какъ возвращенныхъ съ бѣговъ не всегда отдаютъ подъ судъ, а чаще всего управляются съ ними домашнимъ порядкомъ. Въ какой мѣрѣ ссыльное населеніе преступно, или, иначе говоря, склонно къ рецидиву, пока неизвѣстно. Правда, здѣсь судятъ за преступленія, но многія дѣла прекращаются за ненахожденіемъ виновныхъ, многія возвращаются для дополненія или разъясненія подсудности, или останавливаются въ производствѣ, за неполученіемъ необходимыхъ справовъ изъ разныхъ сибирскихъ присутственныхъ мѣстъ, и, въ концѣ-концовъ, послѣ долгой волокиты поступаютъ въ архивъ за смертью обвиняемаго, или за невозвращеніемъ его изъ бѣговъ, а, главное, едва ли можно положиться на данныя слѣдствія, которое ведутъ молодые люди, нигдѣ не получившіе образованія, и хабаровскаго окружного суда, который судитъ сахалинцевъ заочно, по однимъ только бумагамъ.

Въ теченіе 1889 г. подъ слѣдствіемъ и судомъ состояло 243 каторжныхъ, т.-е. 1 подсудимый приходился на 25 каторжныхъ. Поселенцевъ подъ судомъ и слѣдствіемъ было 69, т.-е. 1 на 55, крестьянъ же подсудимыхъ только 4, одинъ на 115. Изъ этихъ отношеній

видно, что съ облегченіемъ участи, съ переходомъ ссыльнаго въ болѣе свободное состояніе, шансы его попасть подъ судъ всякій разъ уменьшаются вдвое. Всѣ эти цифры означаютъ нахожденіе подъ судомъ и слѣдствіемъ, а не преступность за 1889 г., такъ какъ въ числѣ дѣлъ за этотъ годъ показаны также дѣла, начатыя много лѣтъ назадъ и еще не оконченныя. Эти цифры могутъ дать читателю понятіе о томъ, какое громадное число людей на Сахалинѣ томится ежегодно подъ судомъ и слѣдствіемъ, благодаря тому, что дѣла тянутся по многу лѣтъ, и читатель можетъ себѣ представить, какъ губительно долженъ этотъ порядокъ отзываться на экономическомъ состояніи населенія и его психикѣ *).

*) Подъ судомъ и слѣдствіемъ за побѣгъ въ 1889 г. находились 171 каторжный. Дѣло о побѣгѣ нѣкоего Колосовскаго начато въ іюлѣ 1887 г. и остановилось вслѣдствіе неявки къ допросу свидѣтелей. Дѣла о побѣгѣ со взломомъ тюрьмы начаты въ сентябрѣ 1883 г. и предложены г. прокуроромъ на рѣшеніе приморскаго окружнаго суда въ іюлѣ 1889 г. Дѣло Лѣсникова начато въ мартѣ 1885 г. и кончено въ февралѣ 1889 г. и т. д. Наибольшее число дѣлъ въ 1889 г. дали побѣги—70%, затѣмъ убійства и вообще прикосновенность къ убійству—14%. Если бы можно было не считать побѣговъ, то половина всѣхъ дѣлъ относилась бы къ убійствамъ. Убійство – одно изъ самыхъ частыхъ преступленій на Сахалинѣ, вѣроятно, потому, что половину ссыльныхъ составляютъ осужденные за убійство. Здѣшніе убійцы совершаютъ убійства съ необыкновенною легкостью. Когда я былъ въ Рыковскомъ, тамъ на казенныхъ огородахъ одинъ каторжный хватилъ другого по шеѣ ножомъ для того, какъ объяснилъ онъ, чтобы не работать, такъ какъ подслѣдственные сидятъ въ карцерахъ и ничего не дѣлаютъ. Въ Голомъ Мысу молодой столяръ Плаксинъ убилъ своего друга изъ-за нѣсколькихъ серебряныхъ

Слѣдствіе поручается обыкновенно помощнику смотрителя тюрьмы или секретарю полицейскаго управленія. По словамъ начальника острова, «слѣдственныя дѣла на-

монетъ. Въ 1885 г. бѣглые каторжные напали на аинское селеніе и, повидимому, только ради сильныхъ ощущеній занялись истязаніемъ мужчинъ и женщинъ, послѣднихъ изнасиловали,—и въ заключеніе повѣсили дѣтей на перекладинахъ. Большинство убійствъ поражаютъ своимъ безсмысліемъ и жестокостью. Дѣла объ убійствахъ тянутся страшно долго. Такъ, одно дѣло было начато въ сентябрѣ 1881 г., а кончено лишь въ апрѣлѣ 1888 г.; другое дѣло начато въ апрѣлѣ 1882 г., а кончено въ августѣ 1889 г. Не кончено даже еще только что разсказанное мною дѣло объ убійствѣ аинскихъ семействъ: „Дѣло объ убійствѣ айновъ рѣшено военно-полевымъ судомъ, и 11 человѣкъ обвиняемыхъ ссыльно-каторжныхъ казнены смертною казнью, о рѣшеніи же военно-полевого суда по отношенію къ остальнымъ пяти подсудимымъ полицейскому управленію неизвѣстно. Сдѣланы представленія г. начальнику о. Сахалина рапортами отъ 13 іюня и 23 октября 1889 г.". Особенно долго тянутся дѣла о „перемѣнѣ имени и фамиліи". Такъ, одно дѣло началось въ мартѣ 1880 г. и продолжается до сихъ поръ, такъ какъ еще не получены изъ якутскаго губернскаго правленія справки; другое дѣло начато въ 1881 г., третье въ 1882 г. Подъ судомъ и слѣдствіемъ „за поддѣлку и сбытъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ"—8 каторжныхъ. Говорятъ, что фальшивыя бумажки фабрикуются на самомъ Сахалинѣ. Арестанты, разгружая иностранные пароходы, покупаютъ здѣсь у буфетчиковъ табакъ и водку и платятъ обыкновенно фальшивыми бумажками. Тотъ еврей, у котораго украли на Сахалинѣ 56 тысячъ, былъ присланъ за фальшивыя бумажки; онъ уже отбылъ сроки и гуляетъ по Александровску въ шляпѣ, пальто и съ золотою цѣпочкой; съ чиновниками и надзирателями онъ всегда говоритъ вполголоса, полушепотомъ, и, благодаря, между прочимъ, доносу этого гнуснаго человѣка, былъ арестованъ и закованъ въ кандалы многосемейный крестьянинъ, тоже еврей, который былъ осужденъ когда-то военнымъ судомъ „за бунтъ" въ безсрочную каторгу, но на пути черезъ Сибирь въ его статейномъ спискѣ посредствомъ подлога срокъ наказанія былъ сокращенъ до 4 лѣтъ. Въ *Вѣдомости о состоявшихъ подъ слѣдствіемъ и судомъ въ*

чинаются безъ достаточныхъ поводовъ, ведутся вяло и неумѣло, а прикосновенные арестанты содержатся безъ всякихъ основаній». Подозрѣваемаго или обвиняемаго берутъ подъ стражу и сажаютъ въ карцеръ. Когда въ Голомъ Мысу былъ убитъ поселенецъ, то было заподозрѣно и взято подъ стражу четыре человѣка *); ихъ посадили въ темные, холодные карцеры. Черезъ нѣсколько дней троихъ выпустили и оставили только одного; этого заковали въ кандалы и приказали выдавать ему горячую пищу только черезъ два дня въ третій; затѣмъ, по жалобѣ надзирателя, велѣно было дать ему 100 розогъ, и такъ держали его въ темнотѣ, впроголодь и подъ страхомъ, пока онъ не сознался. Въ это время въ тюрьмѣ содержалась также женщина свободнаго состоянія Гаранина, подозрѣваемая въ убійствѣ мужа; она тоже сидѣла въ темномъ карцерѣ и получала горячую пищу черезъ два дня въ третій. Когда одинъ чиновникъ допрашивалъ ее при мнѣ, то она заявила, что она давно уже больна и

теченіе минувшаго 1889 г., между прочимъ, названо дѣла „о кражѣ изъ цейхауза корсаковской мѣстной команды“; обвиняемый находится подъ судомъ съ 1884 г., но „свѣдѣній о времени начатія и окончанія слѣдственнаго дѣла въ дѣлахъ бывшаго начальника Южно-Сахалинскаго округа не имѣется, когда дѣло окончено производствомъ—неизвѣстно“; и дѣло это по предписанію начальника острова въ 1889 г. передано въ окружной судъ. И по смыслу выходитъ такъ, будто виновнаго будутъ судить во второй разъ.

*) По *Уставу о ссыльныхъ*, для взятія ссыльнаго подъ стражу начальство не стѣсняется правилами, изложенными въ законахъ судопроизводства; ссыльный можетъ быть задержанъ во всякомъ случаѣ, коль скоро есть на него подозрѣніе (ст. 484).

что ее не хотятъ почему-то показать доктору. Когда чиновникъ спросилъ у надзирателя, приставленнаго къ карцерамъ, почему до сихъ поръ не позаботились насчетъ доктора, то онъ отвѣтилъ буквально такъ:

— Я докладывалъ господину смотрителю, но они сказали: пусть издыхаетъ!

Это неумѣнье отличать предварительное заключеніе отъ тюремнаго (да еще въ темномъ карцерѣ каторжной тюрьмы!), неумѣнье отличать свободныхъ отъ каторжныхъ удивило меня тѣмъ болѣе, что здѣшній окружной начальникъ кончилъ курсъ по юридическому факультету, а смотритель тюрьмы служилъ когда-то въ петербургской полиціи.

Въ другой разъ я былъ въ карцерахъ уже съ начальникомъ округа, рано утромъ. Когда выпустили изъ карцеровъ четырехъ ссыльныхъ, подозрѣваемыхъ въ убійствѣ, то они дрожали отъ холода. Гаранина была въ чулкахъ безъ башмаковъ, тоже дрожала и щурилась отъ свѣта. Начальникъ округа приказалъ перевести ее въ свѣтлое помѣщеніе. Между прочимъ, на этотъ разъ я тутъ замѣтилъ грузина, который бродилъ, какъ тѣнь, около входовъ въ карцеры; онъ уже пять мѣсяцевъ сидитъ здѣсь, въ темныхъ сѣняхъ, какъ подозрѣваемый въ отравленіи, и ждетъ разслѣдованія, которое до сихъ поръ еще не началось.

Товарищъ прокурора на Сахалинѣ не живетъ и за ходомъ слѣдствія наблюдать некому. Направленіе и быстро-

та слѣдствія поставлены въ полную зависимость отъ разныхъ случайностей, не имѣющихъ никакого отношенія къ самому дѣлу, главнымъ образомъ, отъ единаго взмаха пера. Напримѣръ, въ одной вѣдомости я прочелъ, что убійство нѣкоей Яковлевой совершено «съ цѣлью грабежа съ предварительнымъ покушеніемъ на изнасилованіе, на что указываетъ сдвинутая на кровати постель и свѣжія царапины и отпечатки гвоздей отъ каблуковъ на задней стѣнкѣ кровати». Такое соображеніе предрѣшаетъ судьбу всего дѣла, вскрытіе же въ подобныхъ случаяхъ не считается необходимымъ. Въ 1888 г. одинъ бѣглокаторжный убилъ рядового Хромятыхъ, и вскрытіе было произведено только въ 1889 г., по требованію прокурора, когда уже слѣдствіе было окончено и дѣло препровождено въ судъ *).

Ст. 469 *Устава* даетъ право мѣстному начальству безъ формальнаго полицейскаго изслѣдованія опредѣлять

*) Въ прежнее время, случалось, дѣла таинственно исчезали или прекращались вдругъ „по загадочной причинѣ“ (см. *Владивостокъ* 1885 г., № 43). Между прочимъ, разъ даже украли дѣло, рѣшенное полевымъ судомъ. Г. Власовъ въ своемъ отчетѣ упоминаетъ о безсрочно-каторжномъ Айзикѣ Шапирѣ. Этотъ еврей жилъ въ Дуэ и торговалъ здѣсь водкой. Въ 1870 г. онъ обвинялся въ растлѣніи 5-ти лѣтней дѣвочки, но дѣло, несмотря на существованіе поличнаго и уликъ, было затушено. Слѣдствіе по этому дѣлу производилъ офицеръ постовой команды, который заложилъ тому же Шапирѣ ружье и состоялъ у него въ денежной зависимости; когда дѣло было отобрано отъ офицера, то не оказалось документовъ, изобличавшихъ Шапиру. Послѣдній пользовался въ Дуэ большимъ почетомъ. Когда однажды начальникъ поста спросилъ, гдѣ Шапира, то ему отвѣтили: „Они пошли чай пить“.

и приводить въ исполненіе наказанія за такія преступленія и проступки ссыльныхъ, за которые по общимъ уголовнымъ законамъ полагаются наказанія, не превосходящія лишенія всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ съ заключеніемъ въ тюрьмѣ. Вообще же маловажныя дѣла на Сахалинѣ вѣдаетъ формальная полицейская расправа, которая принадлежитъ здѣсь полицейскимъ управленіямъ. Несмотря на такую широкую компетенцію этого мѣстнаго суда, которому подсудны всѣ маловажныя дѣла, а также множество дѣлъ, которыя считаются маловажными только условно, населеніе здѣшнее не знаетъ правосудія и живетъ безъ суда. Гдѣ чиновникъ имѣетъ право по закону безъ суда и разслѣдованія наказать розгами и посадить въ тюрьму, и даже послать въ рудникъ, тамъ существованіе суда имѣетъ лишь формальное значеніе *).

Наказанія за важныя преступленія опредѣляются приморскимъ окружнымъ судомъ, который рѣшаетъ дѣла по однимъ лишь бумагамъ, не допрашивая подсудимыхъ и свидѣтелей. Рѣшеніе окружного суда всякій разъ пред-

*) Въ селеніи Андрее-Ивановскомъ въ дождливую ночь у С. украли свинью. Подозрѣніе пало на З., у котораго панталоны были опачканы въ свиной калъ. Сдѣлали у него обыскъ, но свиньи не нашли; тѣмъ не менѣе, все-таки, сельское общество приговорило отобрать свинью, принадлежащую его квартирохозяину А., который могъ быть виновенъ въ укрывательствѣ. Начальникъ округа утвердилъ этотъ приговоръ, хотя находилъ его несправедливымъ. „Если мы не будемъ утверждать сельскіе приговоры,—сказалъ онъ мнѣ,—то Сахалинъ тогда совсѣмъ останется безъ суда“.

ставляется на утвержденіе начальника острова, который, въ случаѣ несогласія съ приговоромъ, разрѣшаетъ дѣло своею властью и при этомъ о всякомъ измѣненіи приговора доноситъ правительствующему сенату. Въ случаѣ, если какое-нибудь преступленіе кажется администраціи изъ ряда вонъ выходящимъ, а наказаніе, слѣдуемое за него по *Уставу о ссыльныхъ,* недостаточно жестокимъ, то она ходатайствуетъ о преданіи виновнаго военно-полевому суду.

Наказанія, которыя полагаются каторжнымъ и поселенцамъ за преступленія, отличаются чрезмѣрною суровостью, и если нашъ *Уставъ о ссыльныхъ* находится въ полномъ несоотвѣтствіи съ духомъ времени и законовъ, то это прежде всего замѣтно въ той его части, которая трактуетъ о наказаніяхъ. Наказанія, унижающія преступника, ожесточающія его и способствующія огрубѣнію нравовъ и давно уже признанныя вредными для свободнаго населенія, оставлены для поселенцевъ и каторжныхъ, какъ будто ссыльное населеніе подвержено меньшей опасности огрубѣть, ожесточиться и окончательно потерять человѣческое достоинство. Розги, плети, прикованіе къ телѣжкѣ, — наказанія, позорящія личность преступника, причиняющія его тѣлу боль и мученія, — примѣняются здѣсь широко. Наказаніе плетями или розгами полагается за всякое преступленіе, будь то уголовное или маловажное; примѣняется ли оно, какъ дополнительное, въ соединеніи съ другими наказаніями или

самостоятельно, оно все равно составляетъ необходимое содержаніе всякаго приговора.

Самое употребительное наказаніе — розги *). Какъ показано въ *Вѣдомости*, въ Александровскомъ округѣ

*) Тузъ на спинѣ, бритье половины головы и оковы, служившіе въ прежнее время для предупрежденія побѣговъ и для удобнѣйшаго распознаванія ссыльныхъ, утратили свое прежнее значеніе и сохраняются теперь лишь какъ позорящія наказанія. Тузъ, четырехугольный лоскутъ, до двухъ вершковъ во всѣ стороны, долженъ по *Уставу* быть отличнаго цвѣта отъ самой одежды; до послѣдняго времени онъ былъ желтымъ, но такъ какъ это цвѣтъ амурскихъ и забайкальскихъ козаковъ, то бар. Корфъ приказалъ дѣлать тузы изъ чернаго сукна. Но на Сахалинѣ тузы утратили всякое значеніе, такъ какъ къ нимъ давно уже приглядѣлись и не замѣчаютъ ихъ. То же самое можно сказать и о бритыхъ головахъ. На Сахалинѣ брѣютъ головы очень рѣдко, только возвращеннымъ съ бѣговъ, подслѣдственнымъ и прикованнымъ къ тачкамъ, а въ Корсаковскомъ округѣ вовсе не брѣютъ. По *Уставу о содержащихся подъ стражей*, вѣсъ кандаловъ долженъ быть отъ пяти до пяти съ половиною фунтовъ. Изъ женщинъ при мнѣ была закована только одна Золотая ручка, на которой были ручные кандалы. Для испытуемыхъ ношеніе оковъ обязательно, но *Уставъ* разрѣшаетъ снимать оковы, когда это необходимо для производства работъ, а такъ какъ почти на всякой работѣ кандалы служатъ помѣхой, то громадное большинство каторжныхъ освобождено отъ нихъ. Даже далеко не всѣ безсрочные закованы, хотя по *Уставу* должны содержаться въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ. Какъ ни легки кандалы, но все же онѣ до извѣстной степени стѣсняютъ движеніе. Къ нимъ тоже привыкаютъ, хотя далеко не всѣ. Мнѣ случалось видѣть арестантовъ, уже не молодыхъ, которые при постороннихъ прикрывали кандалы полами халатовъ; у меня есть фотографія, гдѣ изображена толпа дуйскихъ и воеводскихъ каторжныхъ на раскомандировкѣ, и большинство закованныхъ постаралось стать такъ, чтобы кандалы на фотографіи не вышли. Очевидно, какъ позорящее наказаніе, цѣпи во многихъ случаяхъ достигаютъ цѣли, но то чувство униженія, которое онѣ вызываютъ въ преступникѣ, едва ли имѣетъ что-нибудь общаго со стыдомъ.

въ теченіе 1889 г. было наказано административнымъ порядкомъ 282 каторжныхъ и поселенцевъ: тѣлесно, т.-е. розгами, 265 и иными мѣрами 17. Значитъ, изъ 100 случаевъ въ 94 администрація прибѣгаетъ къ розгамъ. На самомъ дѣлѣ, далеко не все число наказанныхъ тѣлесно попадаетъ въ вѣдомость: въ вѣдомости Тымовскаго округа показано за 1889 г. только 57 каторжныхъ, наказанныхъ розгами, а въ Корсаковскомъ только 3, между тѣмъ какъ въ обоихъ округахъ сѣкутъ каждый день по нѣскольку человѣкъ, а въ Корсаковскомъ иногда по десятку. Поводомъ къ тому, чтобы дать человѣку 30 или 100 розогъ, служитъ обыкновенно всякая провинность: неисполненіе дневного урока (напримѣръ, если сапожникъ не сшилъ положенныхъ трехъ паръ котовъ, то его сѣкутъ), пьянство, грубость, непослушаніе... Если не исполнили урока 20 — 30 рабочихъ, то сѣкутъ всѣхъ 20—30. Одинъ чиновникъ говорилъ мнѣ:

— Арестанты, особенно кандальные, любятъ подавать всякія вздорныя прошенія. Когда я былъ назначенъ сюда и въ первый разъ обходилъ тюрьму, то мнѣ было подано до 50 прошеній; я принялъ, но объявилъ просителямъ, что тѣ изъ нихъ, прошенія которыхъ окажутся незаслуживающими вниманія, будутъ наказаны. Только два прошенія оказались уважительными, остальныя же — чепухой. Я велѣлъ высѣчь 48 человѣкъ. Затѣмъ въ другой разъ 25, потомъ все меньше и меньше, и теперь уже просьбъ мнѣ не подаютъ. Я отучилъ ихъ.

На югѣ у одного каторжнаго по доносу другого сдѣлали обыскъ и нашли дневникъ, который былъ принятъ за черновыя корреспонденціи; ему дали 50 розогъ и 15 дней продержали въ темномъ карцерѣ на хлѣбѣ и на водѣ. Смотритель поселеній, съ вѣдома окружного начальника, подвергъ тѣлесному наказанію почти всю Лютогу. Вотъ какъ описываетъ это начальникъ острова: «Начальникъ Корсаковскаго округа доложилъ мнѣ, между прочимъ, о крайне серьезномъ случаѣ превышенія власти, которое позволилъ себѣ (имя рекъ) и которое состояло въ жестокомъ тѣлесномъ наказаніи нѣкоторыхъ поселенцевъ и въ мѣрѣ, далеко превышающей закономъ установленную норму. Случай этотъ, возмутительный самъ по себѣ, представляется мнѣ еще болѣе рѣзкимъ при разборѣ обстоятельствъ, вызвавшихъ это наказаніе праваго и виноватаго, не исключая даже беременной женщины, безъ всякаго разсмотрѣнія дѣла, состоявшаго въ простой и безрезультатной дракѣ между ссыльно - поселенцами» (приказъ № 258-й 1888 г.).

Чаще всего провинившемуся даютъ 30 или 100 розогъ. Это зависитъ не отъ вины, а отъ того, кто распорядился наказать его, начальникъ округа или смотритель тюрьмы: первый имѣетъ право дать до 100, а второй до 30. Одинъ смотритель тюрьмы всегда аккуратно давалъ по 30, когда же ему пришлось однажды исполнять должность начальника округа, то свою обычную порцію онъ сразу повысилъ до 100, точно эти сто розогъ были

прерогативой, необходимымъ признакомъ его новой власти; и онъ не измѣнялъ этому признаку до самаго пріѣзда начальника округа, а потомъ опять, также добросовѣстно и сразу, съѣхалъ на 30. Наказаніе розгами отъ слишкомъ частаго употребленія въ высшей степени опошлилось на Сахалинѣ, такъ что уже не вызываетъ во многихъ ни отвращенія, ни страха, и говорятъ, что между арестантами уже не мало такихъ, которые во время экзекуціи не чувствуютъ даже боли.

Плети примѣняются гораздо рѣже, только вслѣдствіе приговоровъ окружныхъ судовъ. Изъ отчета завѣдующаго медицинскою частью видно, что въ 1889 г. «для опредѣленія способности перенести тѣлесное наказаніе по приговорамъ судовъ» было освидѣтельствовано врачами 67 человѣкъ. Это наказаніе изъ всѣхъ употребляемыхъ на Сахалинѣ самое отвратительное по своей жестокости и обстановкѣ, и юристы Европейской Россіи, приговаривающіе бродягъ и рецидивистовъ къ плетямъ, давно бы отказались отъ этого наказанія, еслибъ оно исполнялось въ ихъ присутствіи. Отъ позорнаго, оскорбляющаго чувство зрѣлища они, однако, ограждены 478 ст. *Устава*, по которой приговоры русскихъ и сибирскихъ судовъ приводятся въ исполненіе на мѣстѣ ссылки.

Какъ наказываютъ плетями, я видѣлъ въ Дуэ. Бродяга Прохоровъ, онъ же Мыльниковъ, человѣкъ лѣтъ 35—40, бѣжалъ изъ Воеводской тюрьмы и, устроивши небольшой плотъ, поплылъ на немъ къ материку. На бере-

гу, однако, замѣтили вѝ-время и послали за нимъ въ догонку катеръ. Началось дѣло о побѣгѣ, заглянули въ статейный списокъ и вдругъ сдѣлали открытіе: этотъ Прохоровъ, онъ же Мыльниковъ, въ прошломъ году за убійство козака и двухъ внучекъ былъ приговоренъ хабаровскимъ окружнымъ судомъ къ 90 плетямъ и прикованію къ тачкѣ, наказаніе же это, по недосмотру, еще не было приведено въ исполненіе. Если бы Прохоровъ не вздумалъ бѣжать, то, быть можетъ, такъ бы и не замѣтили ошибки и дѣло обошлось бы безъ плетей и тачки, теперь же экзекуція была неизбѣжна. Въ назначенный день, 13 августа, утромъ, смотритель тюрьмы, врачъ и я подходили неспѣша къ канцеляріи; Прохоровъ, о приводѣ котораго было сдѣлано распоряженіе еще наканунѣ, сидѣлъ на крыльцѣ съ надзирателями, не зная еще, что ожидаетъ его. Увидавъ насъ, онъ всталъ и, вѣроятно, понялъ, въ чемъ дѣло, такъ какъ сильно поблѣднѣлъ.

— Въ канцелярію!—приказалъ смотритель.

Вошли въ канцелярію. Ввели Прохорова. Докторъ, молодой нѣмецъ, приказалъ ему раздѣться и выслушалъ сердце для того, чтобъ опредѣлить, *сколько* ударовъ можетъ вынести этотъ арестантъ. Онъ рѣшаетъ этотъ вопросъ въ одну минуту и затѣмъ съ дѣловымъ видомъ садится писать актъ осмотра.

— Ахъ, бѣдный!—говоритъ онъ жалобнымъ тономъ съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ, макая перо въ чер-

нильницу.—Тебѣ, небось, тяжело въ кандалахъ! А ты попроси вотъ господина смотрителя, онъ велитъ снять.

Прохоровъ молчитъ; губы у него блѣдны и дрожатъ.

— Тебя, вѣдь, понапрасну,—не унимается докторъ.— Всѣ вы понапрасну. Въ Россіи такіе подозрительные люди! Ахъ, бѣдный, бѣдный!

Актъ готовъ; его пріобщаютъ къ слѣдственному дѣлу о побѣгѣ. Затѣмъ наступаетъ молчаніе... Писарь пишетъ, докторъ и смотритель пишутъ... Прохоровъ еще не знаетъ навѣрное, для чего его позвали сюда: только по одному побѣгу или же по старому дѣлу и побѣгу вмѣстѣ? Неизвѣстность томитъ его.

— Что тебѣ снилось въ эту ночь? — спрашиваетъ, наконецъ, смотритель.

— Забылъ, ваше высокоблагородіе.

— Такъ вотъ слушай,—говоритъ смотритель, глядя въ статейный списокъ.—Такого-то числа и года хабаровскимъ окружнымъ судомъ за убійство козака ты приговоренъ къ девяноста плетямъ... Такъ вотъ сегодня ты долженъ ихъ принять.

И, похлопавъ арестанта ладонью по лбу, смотритель говоритъ наставительно:

— А все отчего? Оттого, что хочешь быть умнѣе себя, голова. Все бѣгаете, думаете лучше будетъ, а выходитъ хуже.

Идемъ всѣ въ «помѣщеніе для надзирателей»—старое сѣрое зданіе барачнаго типа. Военный фельдшеръ, стоя-

щій у входа, проситъ умоляющимъ голосомъ, точно милостыни:

— Ваше высокоблагородіе, позвольте посмотрѣть, какъ наказываютъ!

Посреди надзирательской стоитъ покатая скамья съ отверстіями для привязыванія рукъ и ногъ. Палачъ Толстыхъ, высокій, плотный человѣкъ, имѣющій сложеніе силача-акробата, безъ сюртука, въ разстегнутой жилеткѣ *), киваетъ головой Прохорову; тотъ молча ложится. Толстыхъ неспѣша, тоже молча, спускаетъ ему штаны до колѣнъ и начинаетъ медленно привязывать къ скамьѣ руки и ноги. Смотритель равнодушно поглядываетъ въ окно, докторъ прохаживается. Въ рукахъ у него какія-то капли.

— Можетъ, дать тебѣ стаканъ воды?—спрашиваетъ онъ.

— Ради Бога, ваше высокоблагородіе.

Наконецъ, Прохоровъ привязанъ. Палачъ беретъ плеть съ тремя ременными хвостами и неспѣша расправляетъ ее.

— Поддержись!—говоритъ онъ негромко и, не размахиваясь, а какъ бы только примѣриваясь, наноситъ первый ударъ.

— Ра-азъ!—говоритъ надзиратель дьячковскимъ голосомъ.

*) Онъ былъ присланъ на каторгу за то, что отрубилъ своей женѣ голову.

Въ первое мгновеніе Прохоровъ молчитъ и даже выраженіе лицо у него не мѣняется, но вотъ по тѣлу пробѣгаетъ судорога отъ боли и раздается не крикъ, а визгъ.

— Два!—кричитъ надзиратель.

Палачъ стоитъ сбоку и бьетъ такъ, что плеть ложится поперекъ тѣла. Послѣ каждыхъ пяти ударовъ онъ медленно переходитъ на другую сторону и даетъ отдохнуть полминуты. У Прохорова волосы прилипли ко лбу, шея надулась; уже послѣ 5—10 ударовъ тѣло, покрытое рубцами еще отъ прежнихъ плетей, побагровѣло, посинѣло; кожица лопается на немъ отъ каждаго удара.

— Ваше высокоблагородіе!—слышится сквозь визгъ и плачъ.—Ваше высокоблагородіе! Пощадите, ваше высокоблагородіе!

И потомъ послѣ 20—30 удара Прохоровъ причитываетъ, какъ пьяный или точно въ бреду:

— Я человѣкъ несчастный, я человѣкъ убитый... За что же это меня наказываютъ?

Вотъ уже какое-то странное вытягиваніе шеи, звуки рвоты... Прохоровъ не произноситъ ни одного слова, а только мычитъ и хрипитъ; кажется, что съ начала наказанія прошла цѣлая вѣчность, но надзиратель кричитъ только: «Сорокъ два! Сорокъ три!» До девяносто далеко. Я выхожу наружу. Кругомъ на улицѣ тихо, и раздирающіе звуки изъ надзирательской, мнѣ кажется, проносятся по всему Дуэ. Вотъ прошелъ мимо каторжный въ вольномъ платьѣ, мелькомъ взглянулъ на над-

зирательскую и на лицѣ его и даже въ походкѣ выразился ужасъ. Вхожу опять въ надзирательскую, потомъ опять выхожу, а надзиратель все еще считаетъ.

Наконецъ, девяносто. Прохорову быстро распутываютъ руки и ноги и помогаютъ ему подняться. Мѣсто, по которому били, синебагрово отъ кровоподтековъ и кровоточитъ. Зубы стучатъ, лицо желтое, мокрое, глаза блуждаютъ... Когда ему даютъ капель, онъ судорожно кусаетъ стаканъ... Помочили ему голову и повели въ околотокъ.

— Это за убійство, а за побѣгъ еще будетъ особо,— поясняютъ мнѣ, когда мы возвращаемся домой.

— Люблю смотрѣть, какъ ихъ наказываютъ!—говоритъ радостно военный фельдшеръ, очень довольный, что насытился отвратительнымъ зрѣлищемъ.—Люблю! Это такіе негодяи, мерзавцы... вѣшать ихъ!

Отъ тѣлесныхъ наказаній грубѣютъ и ожесточаются не одни только арестанты, но и тѣ, которые наказываютъ и присутствуютъ при наказаніи. Исключенія не составляютъ даже образованные люди. По крайней мѣрѣ, я не замѣчалъ, чтобы чиновники съ университетскимъ образованіемъ относились къ экзекуціямъ иначе, чѣмъ военные фельдшера или кончившіе курсъ въ юнкерскихъ училищахъ и духовныхъ семинаріяхъ. Иные до такой степени привыкаютъ къ плетямъ и розгамъ и такъ грубѣютъ, что, въ концѣ-концовъ, даже начинаютъ находить удовольствіе въ драньѣ. Про одного смотрителя

тюрьмы разсказывають, что когда при немъ сѣкли, онъ насвистывалъ; другой, старикъ, говорилъ арестанту съ злорадствомъ: «Что ты кричишь, Господь съ тобой? Ничего, ничего, поддержись! Всыпь ему, всыпь! Жигани его!» Третій велѣлъ привязывать арестанта къ скамьѣ за шею, чтобы тотъ хрипѣлъ, давалъ 5 — 10 ударовъ и уходилъ куда-нибудь на часъ-другой, потомъ возвращался и давалъ остальные *).

*) Ядринцевъ разсказываетъ про нѣкоего Демидова, который, чтобы раскрыть всѣ подробности одного преступленія, пыталъ черезъ палача жену убійцы, которая была женщина свободная, пришедшая въ Сибирь съ мужемъ добровольно и, слѣдовательно, избавленная отъ тѣлеснаго наказанія; потомъ онъ пыталъ 11-ти лѣтнюю дочь убійцы; дѣвочку держали на воздухѣ и палачъ сѣкъ ее розгой съ головы до пятъ; ребенку даже было дано нѣсколько ударовъ плетью, и когда она попросила пить, ей подали соленаго омуля. Плетей дано было бы и больше, если бы самъ палачъ не отказался продолжать бить. „И между тѣмъ,—говоритъ Ядринцевъ,—жестокость Демидова есть естественное послѣдствіе того воспитанія, которое онъ долженъ былъ получить, долго управляя ссыльною массой“ (*Положеніе ссыльныхъ въ Сибири. Вѣстникъ Европы* 1875 г., кн. XI и XII). Власовъ разсказываетъ въ своемъ отчетѣ про поручика Евфонова, слабость котораго, „съ одной стороны, привела къ тому, что казарма, въ которой жили каторжные, обратилась въ кабакъ съ карточною игрой и вертепъ преступленій разнаго рода, а съ другой—порывистая его жестокость вызвала ожесточеніе со стороны каторжныхъ. Одинъ изъ преступниковъ, желая избавиться отъ неумѣреннаго количества розогъ, убилъ надзирателя передъ наказаніемъ“.

Теперешній начальникъ острова ген. Кононовичъ всегда противъ тѣлесныхъ наказаній. Когда ему представляютъ на утвержденіе приговоры полицейскихъ управленій и хабаровскаго суда, то онъ обыкновенно пишетъ: „Утверждаю, кромѣ тѣлеснаго наказанія“. Къ сожалѣнію, за недосугомъ, онъ очень рѣдко бываетъ въ тюрьмахъ и не знаетъ, какъ часто у него на островѣ, даже въ 200—300 шагахъ отъ его квартиры,

Въ составъ военно-полевого суда входятъ мѣстные офицеры по назначенію начальника острова; военно-судное дѣло вмѣстѣ съ приговоромъ суда посылается на конфирмацію генералъ-губернатору. Въ прежнее время приговоренные по два, по три года томились въ карцерахъ, ожидая конфирмаціи, теперь же судьба ихъ рѣшается по телеграфу. Обычный приговоръ военно-полевого суда—смертная казнь черезъ повѣшеніе. Генералъ-губернаторъ иногда смягчаетъ приговоръ, замѣняя казнь ста плетями, прикованіемъ къ тачкѣ и содержаніемъ въ разрядѣ испытуемыхъ безъ срока. Если приговоренъ къ казни убійца, то приговоръ смягчается очень рѣдко. «Убійцъ я вѣшаю»,—сказалъ мнѣ генералъ-губернаторъ.

Наканунѣ казни вечеромъ и ночью приговореннаго напутствуетъ священникъ. Напутствіе заключается въ исповѣди и бесѣдѣ. Одинъ священникъ разсказывалъ мнѣ:

«— Въ началѣ моей дѣятельности, когда мнѣ еще было 25 лѣтъ, пришлось мнѣ однажды напутствовать въ Воеводской тюрьмѣ двухъ приговоренныхъ къ повѣшенію за убійство поселенца изъ-за рубля сорока копѣекъ. Вошелъ я къ нимъ въ карцеръ и струсилъ съ непривычки; ве-

сѣкутъ людей розгами, и о числѣ наказанныхъ судитъ только по вѣдомостямъ. Однажды, когда я сидѣлъ у него въ гостиной, онъ въ присутствіи нѣкоторыхъ чиновниковъ и одного пріѣзжаго горнаго инженера сказалъ мнѣ:

— У насъ на Сахалинѣ прибѣгаютъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ чрезвычайно рѣдко, почти никогда.

лѣлъ не затворять за собой дверей и не уходить часовому. А они мнѣ:

— Не бойтесь, батюшка, мы васъ не убьемъ. Садитесь.

Спрашиваю: гдѣ же сѣсть? Указываютъ на нары. Я сѣлъ на боченокъ съ водой, потомъ, набравшись духу, сѣлъ на нары между обоими преступниками. Спросилъ какой губерніи, то да сё, потомъ сталъ напутствовать. Только во время исповѣди гляжу—проносятъ мимо окна столбы для висѣлицы и всякія эти принадлежности.

— Что это?—спрашиваютъ арестанты.

— Это, говорю имъ, должно быть, у смотрителя строютъ что-нибудь.

— Нѣтъ, батюшка, это насъ вѣшать. Вотъ что, батюшка, нельзя ли намъ водочки выпить?

— Не знаю, говорю, пойду спрошу.

Я пошелъ къ полковнику Л. и сказалъ ему, что приговоренные хотятъ выпить. Полковникъ далъ мнѣ бутылку и, чтобы разговоровъ не было, приказалъ разводящему увести часового. Я досталъ рюмку у караульнаго и пошелъ въ карцеръ къ арестантамъ. Налилъ рюмку.

— Нѣтъ, говорятъ, батюшка, выкушайте вы сначала, а то мы пить не станемъ.

Пришлось выпить рюмку. А закусить нечѣмъ.

— Ну, говорятъ, отъ водки мысли прояснились.

Послѣ этого продолжаю ихъ напутствовать. Говорю съ ними часъ-другой. Вдругъ команда:

— Выводить!

Потомъ когда ихъ повѣсили, я съ не привычки долго боялся въ темную комнату входить».

Страхъ смерти и обстановка казни дѣйствуютъ на приговоренныхъ угнетающимъ образомъ. На Сахалинѣ еще не было случая, чтобы преступникъ шелъ на казнь бодро. У каторжнаго Черношея, убійцы лавочника Никитина, когда передъ казнью вели его изъ Александровска въ Дуэ, дѣлались спазмы мочевого пузыря, и онъ то и дѣло останавливался; его товарищъ по преступленію Кинжаловъ сталъ заговариваться. Передъ казнью надѣваютъ саванъ, читаютъ отходную. Когда казнили убійцъ Никитина, то одинъ изъ нихъ не вынесъ отходной и упалъ въ обморокъ. Самому молодому изъ убійцъ, Пазухину, уже послѣ того, какъ на него былъ надѣтъ саванъ и прочли ему отходную, было объявлено, что онъ помилованъ; казнь ему была замѣнена другимъ наказаніемъ. Но сколько долженъ былъ пережить въ короткое время этотъ человѣкъ! Всю ночь разговоръ со священниками, торжественность исповѣди, подъ утро полстакана водки, команда «выводи», саванъ, отходная, потомъ радость по случаю помилованія и тотчасъ же послѣ казни товарищей сто плетей, послѣ пятаго удара обморокъ и, въ концѣ-концовъ, прикованіе къ тачкѣ.

Въ Корсаковскомъ округѣ за убійство айно было приговорено къ смертной казни 11 человѣкъ. Всю ночь наканунѣ казни чиновники и офицеры не спали, ходили

другъ къ другу, пили чай. Было общее томленіе и никто не находилъ себѣ мѣста. Двое изъ приговоренныхъ отравились борцомъ — большая непріятность для военной команды, на отвѣтственности которой находились приговоренные. Начальникъ округа г. Бѣлый слышалъ ночью суматоху и ему было доложено, что двое отравились, но все же передъ самою казнью, когда всѣ собрались около висѣлицъ, долженъ былъ задать начальнику команды вопросъ:

— Приговорено было къ смертной казни одиннадцать, а тутъ я вижу только девять. Гдѣ же остальные два?

Начальникъ команды, вмѣсто того, чтобъ отвѣтить ему такъ же оффиціально, забормоталъ нервно:

— Ну, повѣсьте меня самого. Повѣсьте меня...

Было раннее октябрьское утро, сѣрое, холодное, темное. У приговоренныхъ отъ ужаса лица желтыя и шевелятся волосы на головѣ. Чиновникъ читаетъ приговоръ, дрожитъ отъ волненія и заикается оттого, что плохо видитъ. Священникъ въ черной ризѣ даетъ всѣмъ девяти поцѣловать крестъ и шепчетъ, обращаясь къ начальнику округа:

— Ради Бога отпустите, не могу...

Длинная процедура: нужно надѣть на каждаго саванъ, подвести къ эшафоту. Когда, наконецъ, повѣсили девять человѣкъ, то получилась въ воздухѣ «цѣлая гирлянда», какъ выразился начальникъ округа, разсказывавшій мнѣ объ этой казни. Когда сняли казненныхъ, то доктора на-

шли, что одинъ изъ нихъ еще живъ. Эта случайность имѣла особое значеніе: тюрьма, которой извѣстны тайны всѣхъ преступленій, совершаемыхъ ея членами, въ томъ числѣ палачъ и его помощники знали, что этотъ живой не виноватъ въ томъ преступленіи, за которое его вѣшали.

— Повѣсили въ другой разъ, — заключилъ свой разсказъ начальникъ округа. — Потомъ я не могъ спать цѣлый мѣсяцъ.

XXII.

Бѣглые на Сахалинѣ. — Причины побѣговъ. — Составъ бѣглыхъ по происхожденію, разрядамъ и проч.

Какъ на одно изъ главныхъ и особенно важныхъ преимуществъ Сахалина, извѣстный комитетъ 1868 г. указывалъ на его островное положеніе. На островѣ, отдѣляемомъ отъ материка бурнымъ моремъ, казалось, не трудно было создать большую морскую тюрьму по плану: «кругомъ вода, а въ середкѣ бѣда», и осуществить римскую ссылку на островъ, гдѣ о побѣгѣ можно было бы только мечтать. На дѣлѣ же, съ самаго начала сахалинской практики, островъ оказался какъ бы островомъ, quasi insula. Проливъ, отдѣляющій островъ отъ материка, въ зимніе мѣсяцы замерзаетъ совершенно, и та вода, которая лѣтомъ играетъ роль тюремной стѣны, зимою бываетъ ровна и гладка, какъ поле, и всякій желающій

можетъ пройти его пѣшкомъ или переѣхать на собакахъ. Да и лѣтомъ проливъ не надеженъ: въ самомъ узкомъ мѣстѣ, между мысами Погоби и Лазарева, онъ не шире шести-семи верстъ, а въ тихую, ясную погоду не трудно переплыть на плохой гиляцкой лодкѣ и сто верстъ. Даже тамъ, гдѣ проливъ широкъ, сахалинцы видятъ материковый берегъ довольно ясно; туманная полоса земли съ красивыми горными пиками изо дня въ день манитъ къ себѣ и искушаетъ ссыльнаго, обѣщая ему свободу и родину. Комитетъ, кромѣ этихъ физическихъ условій, не предвидѣлъ еще, или упустилъ изъ виду, побѣги не на материкъ, а во внутрь острова, причиняющіе хлопотъ не меньше, чѣмъ побѣги на материкъ, и, такимъ образомъ, островное положеніе Сахалина далеко не оправдало надеждъ комитета.

Но оно, все-таки, остается преимуществомъ. Изъ Сахалина бѣжать не легко. Бродяги, на которыхъ въ этомъ отношеніи можно положиться, какъ на спеціалистовъ, заявляютъ откровенно, что бѣжать изъ Сахалина гораздо труднѣе, чѣмъ, напримѣръ, изъ Карійской или Нерчинской каторги. При совершенной распущенности и всякихъ послабленіяхъ, какія имѣли мѣсто при старой администраціи, сахалинскія тюрьмы, все-таки, оставались полными, и арестанты бѣгали не такъ часто, какъ, быть можетъ, хотѣли того смотрители тюремъ, для которыхъ побѣги составляли одну изъ самыхъ доходныхъ статей. Нынѣшніе чиновники сознаются, что если бы не

страхъ передъ физическими препятствіями, то, при разбросанности каторжныхъ работъ и слабости надзора, на островѣ оставались бы только тѣ, кому нравится здѣсь жить, то-есть никто.

Но среди препятствій, удерживающихъ людей отъ побѣговъ, страшно главнымъ образомъ не море. Непроходимая сахалинская тайга, горы, постоянная сырость, туманы, безлюдье, медвѣди, голодъ, мошка, а зимою страшные морозы и метели — вотъ истинные друзья надзора. Въ сахалинской тайгѣ, гдѣ на каждомъ шагу приходится преодолѣвать горы валежнаго лѣса, жесткій, путающійся въ ногахъ богульникъ или бамбукъ, тонуть по поясъ въ болотахъ и ручьяхъ, отмахиваться отъ ужасной мошки,—даже вольные сытые ходоки дѣлаютъ не больше 8 верстъ въ сутки, человѣкъ же истощенный тюрьмой, питающійся въ тайгѣ гнилушками съ солью и не знающій, гдѣ сѣверъ, а гдѣ югъ, не дѣлаетъ въ общемъ и 3—5 верстъ. Къ тому же, онъ вынужденъ идти не прямою дорогой, а далеко въ обходъ, чтобы не попасть на кордонъ. Проходитъ въ бѣгахъ недѣля-другая, рѣдко мѣсяцъ, и онъ, изнуренный голодомъ, поносами и лихорадкой, искусанный мошкой, съ избитыми, опухшими ногами, мокрый, грязный, оборванный, погибаетъ гдѣ-нибудь въ тайгѣ, или же черезъ силу плетется назадъ и проситъ у Бога, какъ величайшаго счастья, встрѣчи съ солдатомъ или гилякомъ, который доставилъ бы его въ тюрьму.

Причиной, побуждающею преступника искать спасенія въ бѣгахъ, а не въ трудѣ и не въ покаяніи, служитъ главнымъ образомъ не засыпающее въ немъ сознаніе жизни. Если онъ не философъ, которому вездѣ и при всѣхъ обстоятельствахъ живется одинаково хорошо, то не хотѣть бѣжать онъ не можетъ и не долженъ.

Прежде всего, ссыльнаго гонитъ изъ Сахалина его страстная любовь къ родинѣ. Послушать каторжныхъ, то какое счастье, какая радость жить у себя на родинѣ! О Сахалинѣ, о здѣшней землѣ, людяхъ, деревьяхъ, о климатѣ говорятъ съ презрительнымъ смѣхомъ, отвращеніемъ и досадой, а въ Россіи все прекрасно и упоительно; самая смѣлая мысль не можетъ допустить, чтобы въ Россіи могли быть несчастные люди, такъ какъ жить гдѣ - нибудь въ Тульской или Курской губерніи, видѣть каждый день избы, дышать русскимъ воздухомъ само по себѣ есть уже высшее счастье. Пошли, Боже, нужду, болѣзни, слѣпоту, нѣмоту и срамъ отъ людей, но только приведи помереть дома. Одна старушка, каторжная, бывшая нѣкоторое время моею прислугой, восторгалась моими чемоданами, книгами, одѣяломъ и потому только, что все это не сахалинское, а изъ нашей стороны; когда ко мнѣ приходили въ гости священники, она не шла подъ благословеніе и смотрѣла на нихъ съ усмѣшкой, потому что на Сахалинѣ не могутъ быть настоящіе священники. Тоска по родинѣ выражается въ формѣ постоянныхъ воспоминаній, печальныхъ и трогательныхъ, со-

провождаемыхъ жалобами и горькими слезами, или въ формѣ несбыточныхъ надеждъ, поражающихъ часто своею нелѣпостью и похожихъ на сумасшествіе, или же въ формѣ ясно выраженнаго, несомнѣннаго умопомѣшательства *).

Гонитъ ссыльныхъ изъ Сахалина также стремленіе къ свободѣ, присущее человѣку и составляющее, при нормальныхъ условіяхъ, одно изъ его благороднѣйшихъ свойствъ. Пока ссыльный молодъ и крѣпокъ, то старается убѣжать возможно подальше, въ Сибирь или Россію. Обыкновенно его ловятъ, судятъ, отправляютъ назадъ на каторгу, но это не такъ страшно; въ медленномъ, пѣшеэтапномъ хожденіи по Сибири, въ частой перемѣнѣ тюремъ, товарищей и конвойныхъ и въ дорожныхъ приключеніяхъ есть своя особенная поэзія и, все таки, больше похожаго на свободу, чѣмъ въ Воеводской тюрьмѣ или на дорожныхъ работахъ. Ослабѣвши съ годами, потерявъ вѣру въ свои ноги, онъ бѣжитъ уже куда-нибудь поближе, на Амуръ или даже въ тайгу, или на гору, только бы подальше отъ тюрьмы, чтобы не видѣть постылыхъ стѣнъ и людей, не слышать бряцанья оковъ и каторжныхъ разговоровъ. Въ Корсаковскомъ посту живетъ ссыльно-

*) Въ нашемъ Владивостокѣ среди чиновниковъ и моряковъ нерѣдко наблюдается ностальгія; я самъ видѣлъ тамъ двухъ сумасшедшихъ чиновниковъ — юриста и капельмейстера. Если эти случаи не рѣдки въ средѣ свободныхъ и живущихъ при сравнительно здоровой обстановкѣ людей, то на Сахалинѣ, понятно само собою, они должны быть очень часты.

каторжный Алтуховъ, старикъ лѣтъ 60 или больше, который убѣгаетъ такимъ образомъ: беретъ кусокъ хлѣба, запираетъ свою избу и, отойдя отъ поста не больше какъ на полверсты, садится на гору и смотритъ на тайгу, на море и на небо; посидѣвъ такъ дня три, онъ возвращается домой, беретъ провизію и опять идетъ на гору... Прежде его сѣкли, теперь же надъ этими его побѣгами только смѣются. Одни бѣгутъ въ разсчетѣ погулять на свободѣ мѣсяцъ, недѣлю, другимъ бываетъ достаточно и одного дня. Хоть день, да мой. Тоска по свободѣ овладѣваетъ нѣкоторыми субъектами періодически и въ этомъ отношеніи напоминаетъ запой или падучую; разсказываютъ, будто она является въ извѣстное время года или мѣсяца, такъ что благонадежные каторжные, чувствуя приближеніе припадка, всякій разъ предупреждаютъ о своемъ побѣгѣ начальство. Обыкновенно наказываютъ плетями или розгами всѣхъ бѣгуновъ безъ разбора, но ужь одно то, что часто побѣги отъ начала до конца поражаютъ своею несообразностью, безсмыслицей, что часто благоразумные, скромные и семейные люди убѣгаютъ безъ одежи, безъ хлѣба, безъ цѣли, безъ плана, съ увѣренностью, что ихъ непремѣнно поймаютъ, съ рискомъ потерять здоровье, довѣріе начальства, свою относительную свободу и иногда даже жалованье, съ рискомъ замерзнуть или быть застрѣленнымъ,—уже одна эта несообразность должна бы подсказывать сахалинскимъ врачамъ, отъ которыхъ зависитъ наказать или не наказать,

что во многихъ случаяхъ они имѣютъ дѣло не съ преступленіемъ, а съ болѣзнью.

Къ общимъ причинамъ побѣговъ слѣдуетъ отнести также пожизненность наказанія. У насъ, какъ извѣстно, каторжныя работы сопряжены съ поселеніемъ въ Сибири навсегда; приговоренный къ каторгѣ удаляется изъ нормальной человѣческой среды безъ надежды когда-либо вернуться въ нее и такимъ образомъ какъ бы умираетъ для того общества, въ которомъ онъ родился и выросъ. Каторжные такъ и говорятъ про себя: «Мертвые съ погоста не возвращаются». Вотъ эта-то полная безнадежность ссыльнаго и его отчаяніе приводятъ его къ рѣшенію: уйти, перемѣнить судьбу,—хуже не будетъ! Если онъ бѣжитъ, то такъ про него и говорятъ: «Онъ пошелъ мѣнять судьбу». Если его ловятъ и возвращаютъ, то это называется такъ: не пофортунило, не пофортовало. При пожизненности ссылки побѣги и бродяжество составляютъ неизбѣжное, необходимое зло и даже служатъ какъ бы предохранительнымъ клапаномъ. Если бы была какая-нибудь возможность отнять у ссыльнаго надежду на побѣгъ, какъ на единственный способъ измѣнить свою судьбу, вернуться съ погоста, то его отчаяніе, не находя выхода, быть можетъ, проявляло бы себя какъ-нибудь иначе и, конечно, въ болѣе жестокой и ужасной формѣ, чѣмъ побѣгъ.

Есть еще одна общая причина побѣговъ: это—вѣра въ

легкость, безнаказанность и почти законность побѣговъ, хотя въ дѣйствительности они не легки, караются жестоко и считаются важнымъ уголовнымъ преступленіемъ. Эта странная вѣра воспитывалась въ людяхъ поколѣніями и начало ея теряется въ туманѣ того добраго стараго времени, когда бѣжать было въ самомъ дѣлѣ очень легко и побѣги даже поощрялись начальствомъ. Начальникъ завода или смотритель тюрьмы почиталъ для себя за наказаніе свыше, если его арестанты почему-либо не бѣгали, и радовался, когда они уходили отъ него цѣлыми толпами. Если передъ первымъ октября,—временемъ, когда выдается зимняя одежда,—убѣгало 30—40 человѣкъ, то это значило обыкновенно, что 30—40 полушубковъ поступало въ пользу смотрителя. По словамъ Ядринцева, начальникъ завода при пріемѣ каждой новой партіи обыкновенно выкрикивалъ: «Кто хочетъ оставаться, получай одежду, а кто въ бѣга, тому не зачѣмъ!» Начальство своимъ авторитетомъ какъ бы узаконивало побѣги, въ его духѣ воспитывалось все сибирское населеніе, которое и до сихъ поръ побѣгъ не считаетъ грѣхомъ. Сами ссыльные разсказываютъ о своихъ побѣгахъ не иначе, какъ со смѣхомъ или съ сожалѣніемъ, что побѣгъ не удался, и ждать отъ нихъ раскаянія или угрызеній совѣсти было бы напрасно. Изъ всѣхъ бѣгавшихъ, съ которыми мнѣ приходилось говорить, только одинъ больной старикъ, прикованный къ тачкѣ за многократные побѣги, съ горечью упрекнулъ себя за то, что бѣгалъ, но при

этомъ называлъ свои побѣги не преступленіемъ, а глупостью: «Когда помоложе былъ, дѣлалъ глупости, а теперь страдать долженъ».

Частныя причины побѣговъ многочисленны. Укажу на недовольство тюремными порядками, на дурную пищу въ тюрьмѣ, жестокость кого-либо изъ начальниковъ, лѣность, неспособность къ труду, болѣзни, слабость воли, склонность къ подражанію, любовь къ приключеніямъ... Случалось, что каторжные цѣлыми партіями убѣгали для того только, чтобы «погулять» по острову, и гулянья сопровождались убійствами и всякими мерзостями, наводившими панику и озлоблявшими населеніе до крайности. Разскажу про побѣгъ ради мести. Рядовой Бѣловъ ранилъ при поимкѣ бѣгло-каторжнаго Клименко и конвоировалъ его въ Александровскую тюрьму. Клименко, выздоровѣвши, опять бѣжалъ, и на этотъ разъ съ единственною цѣлью—отмстить Бѣлову. Онъ пошелъ прямо на кордонъ и тамъ его задержали. «Веди опять своего крестника,— сказали Бѣлову товарищи,— твое счастье». Тотъ повелъ. Дорогою конвоиръ и арестантъ разговорились: тары-бары... Осень, вѣтеръ, холодно... Остановились покурить. Когда солдатъ поднялъ воротникъ, чтобы закурить трубку, Клименко выхватилъ у него ружье и убилъ его наповалъ, потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, вернулся въ Александровскій постъ, гдѣ былъ задержанъ и вскорѣ повѣшенъ.

А вотъ и любовь. Ссыльно-каторжный Артемъ,—фами-

ліи его не помню,—молодой человѣкъ лѣтъ 20, служилъ въ Найбучи сторожемъ при казенномъ домѣ. Онъ былъ влюбленъ въ аинку, жившую въ одной изъ юртъ на рѣкѣ Найбѣ, и, говорятъ, пользовался взаимностью. Его заподозрили какъ-то въ кражѣ и въ наказаніе перевели въ Корсаковскую тюрьму, т.-е. за 90 верстъ отъ аинки. Тогда онъ сталъ бѣгать изъ поста въ Найбучи для свиданія съ возлюбленной и бѣгалъ до тѣхъ поръ, пока его не подстрѣлили въ ногу.

Побѣги бываютъ также и предметомъ аферы. Вотъ одинъ изъ видовъ аферы, соединяющій въ себѣ жадность къ деньгамъ съ самымъ гнуснымъ предательствомъ. Старый, посѣдѣвшій въ бѣгахъ и приключеніяхъ бродяга высматриваетъ въ толпѣ новичковъ кого побогаче (у новичковъ почти всегда бываютъ деньги) и сманиваетъ его бѣжать вмѣстѣ. Уговорить не трудно; новичокъ бѣжитъ, а бродяга гдѣ-нибудь въ тайгѣ убиваетъ его и возвращается назадъ въ тюрьму. Другой видъ аферы, болѣе распространенный, разсчитанъ на тѣ три рубля, которые выдаетъ казна за поимку бѣглаго. Предварительно уговорившись съ рядовымъ или гилякомъ, нѣсколько человѣкъ каторжныхъ бѣгутъ изъ тюрьмы и въ условленномъ мѣстѣ, гдѣ-нибудь въ тайгѣ или на морскомъ берегу, встрѣчаются со своимъ конвоиромъ; тотъ ведетъ ихъ назадъ въ тюрьму, какъ пойманныхъ, и получаетъ по три рубля за каждаго; потомъ, конечно, происходитъ дѣлежъ. Бываетъ смѣшно смотрѣть, когда маленькій тщедушный ги-

лякъ, вооруженный одною только палкой, приводитъ сразу 6—7 плечистыхъ, внушительнаго вида бродягъ. При мнѣ однажды рядовой Л., тоже не отличающійся крѣпкимъ сложеніемъ, привелъ 11 человѣкъ.

Тюремная статистика до послѣдняго времени почти не касалась бѣглыхъ. Пока можно сказать только, что чаще всего бѣгутъ ссыльные, для которыхъ наиболѣе чувствительна разница климатовъ Сахалина и ихъ родины. Сюда относятся, прежде всего, уроженцы Кавказа, Крыма, Бессарабіи и Малороссіи. Случается видѣть списки бѣжавшихъ или возвращенныхъ, иногда человѣкъ въ 50—60, гдѣ нѣтъ ни одной русской фамиліи, а все Оглы, Сулейманы и Гасаны. Не подлежитъ также сомнѣнію, что безсрочные и долгосрочные бѣгаютъ чаще, чѣмъ каторжные третьяго разряда, и живущіе въ тюрьмѣ чаще, чѣмъ живущіе внѣ ея, молодые и новички чаще, чѣмъ старожилы. Женщины бѣгаютъ несравненно рѣже, чѣмъ мужчины, и это объясняется трудностями, какими обставленъ для женщины побѣгъ, и отчасти тѣмъ, что на каторгѣ она скоро обзаводится прочными привязанностями. Обязанности по отношенію къ женѣ и дѣтямъ удерживаютъ отъ побѣга, но случается, что убѣгаютъ и семейные. Законные супруги бѣгаютъ рѣже, чѣмъ незаконные. Бабы-каторжныя, когда я обходилъ избы, на мой вопросъ, гдѣ сожитель, часто мнѣ отвѣчали: «А кто-жъ его знаетъ? Поди, сыщи».

На ряду съ ссыльными изъ простого званія бѣгаютъ и

привилегированные. Перелистывая въ корсаковскомъ полицейскомъ управленіи алфавитъ, я нашелъ бывшаго дворянина, который и бѣгалъ, и былъ судимъ за убійство, совершенное во время побѣга, и принялъ 80 или 90 плетей. Извѣстный Лагіевъ, присланный за убійство ректора Тифлисской семинаріи и бывшій въ Корсаковскѣ учителемъ, бѣжалъ въ пасхальную ночь 1890 г. вмѣстѣ съ каторжнымъ Никольскимъ, сыномъ священника, и еще съ какими-то тремя бродягами. Вскорѣ послѣ Пасхи разнесся слухъ, что будто видѣли трехъ бродягъ въ «цивильномъ» платьѣ, пробиравшихся берегомъ къ Муравьевскому посту, но уже Лагіева и Никольскаго съ ними не было; по всей вѣроятности, бродяги подговорили молодого Лагіева и его товарища бѣжать вмѣстѣ и дорогой убили ихъ, чтобы воспользоваться ихъ деньгами и платьемъ. Сынъ протоіерея К., присланный за убійство, бѣжалъ въ Россію, убилъ тамъ вновь и былъ возвращенъ на Сахалинъ. Какъ-то рано утромъ я его видѣлъ въ толпѣ каторжниковъ около рудника: необыкновенно тощій, сутулый, съ тусклыми глазами, въ старомъ лѣтнемъ пальто и въ порванныхъ брюкахъ на выпускъ, заспанный, дрожа отъ утренняго холода, онъ подошелъ къ смотрителю, который стоялъ рядомъ со мной, и, снявши картузикъ, обнаживъ свою плѣшивую голову, сталъ просить о чемъ-то.

Для того, чтобы судить, въ какое время года чаще всего совершаются побѣги, я воспользуюсь немногими

цифрами, какія успѣлъ найти и записать. Въ 1877, 1878, 1885, 1887, 1888 и 1889 гг. убѣжало 1,501 ссыльно-каторжныхъ. Это число распредѣляется по мѣсяцамъ такъ: январь—117, февраль—64, мартъ—20, апрѣль—20, май—147, іюнь—290, іюль—283, августъ—231, сентябрь—150, октябрь—44, ноябрь—35 и декабрь—100. Если начертить кривую побѣговъ, то высшія ея точки будутъ относиться къ лѣтнимъ мѣсяцамъ и къ тѣмъ зимнимъ, когда бываютъ наиболѣе сильные морозы. Очевидно, благопріятствующими моментами для совершенія побѣговъ служатъ теплая погода, работа внѣ тюрьмы, ходъ періодической рыбы, созрѣваніе въ тайгѣ ягодъ, а у поселенцевъ картофеля, затѣмъ море, покрытое льдомъ, когда Сахалинъ перестаетъ быть островомъ. Лѣтнимъ и зимнимъ повышеніямъ благопріятствуютъ также прибытія новыхъ партій въ весенній и осенній рейсы. Въ мартѣ и въ апрѣлѣ бѣгутъ менѣе всего, потому что въ эти мѣсяцы вскрываются рѣки и невозможно бываетъ добыть пищу ни въ тайгѣ, ни у поселенцевъ, которые обыкновенно къ веснѣ уже сидятъ безъ хлѣба.

Изъ Александровской тюрьмы въ 1889 году бѣжало 15,33% ея средняго годового состава; изъ Дуйской и Воеводской тюремъ, гдѣ, кромѣ надзирателей, стерегутъ арестантовъ часовые съ ружьями, бѣжало въ 1889 году 6,4%, а изъ тюремъ Тымовскаго округа — 9%. Эти цифры относятся къ одному отчетному году, но если

взять наличную массу каторжныхъ за все время ея пребыванія на островѣ, то отношеніе бѣгавшихъ въ разное время къ общему составу выразится не менѣе какъ въ 60%, то-есть изъ каждыхъ пяти человѣкъ, которыхъ вы видите въ тюрьмѣ или на улицѣ, навѣрное, трое уже бѣгали. Изъ разговоровъ съ ссыльными я вынесъ такое впечатлѣніе: всѣ бѣгали. Рѣдко кто въ продолженіе своего каторжнаго срока не устраивалъ себѣ каникулъ *).

Обыкновенно побѣгъ задумывается еще въ пароходномъ трюмѣ или въ амурской баржѣ, когда каторжныхъ везутъ на Сахалинъ; по пути старики-бродяги, уже бѣгавшіе съ каторги, знакомятъ молодыхъ съ географіей острова, съ сахалинскими порядками, съ надзоромъ и съ тѣми благами и лишеніями, какія сулитъ побѣгъ изъ Сахалина. Если бы въ пересыльныхъ тюрьмахъ и затѣмъ въ пароходныхъ трюмахъ бродягъ держали отдѣльно отъ новичковъ, то послѣдніе, быть можетъ, не торопились бы такъ съ побѣгомъ. Новички убѣгаютъ обыкновенно вскорѣ и даже немедленно по сдачѣ ихъ съ парохода. Въ 1879 г. въ первые же дни по прибытіи бѣжало сразу 60 человѣкъ, перебивъ караульныхъ солдатъ.

Для того, чтобы бѣжать, совсѣмъ нѣтъ надобности

*) Помнится, когда я подходилъ однажды на катерѣ къ пароходу, отъ борта отчаливала баржа, биткомъ набитая бѣглыми; одни были мрачны, другіе хохотали; у одного изъ нихъ совсѣмъ не было ногъ— отморозилъ. Ихъ возвращали изъ Николаевска. Глядя на эту кишащую народомъ баржу, я могъ вообразить, сколько еще каторжныхъ бродитъ по материку и по острову!

въ тѣхъ приготовленіяхъ и предосторожностяхъ, какія описаны въ прекрасномъ разсказѣ В. Г. Короленко *Соколинецъ*. Побѣги строго запрещены и уже не поощряются начальствомъ, но условія мѣстной тюремной жизни, надзора и каторжныхъ работъ, да и самый характеръ мѣстности таковы, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ помѣшать побѣгу бываетъ невозможно. Если сегодня не удалось уйти изъ тюрьмы черезъ открытыя ворота, то завтра можно будетъ бѣжать изъ тайги, когда выйдутъ на работу 20—30 человѣкъ подъ надзоромъ одного солдата; кто не бѣжалъ изъ тайги, тотъ подождетъ мѣсяцъ-другой, когда отдадутъ къ какому-нибудь чиновнику въ прислуги или къ поселенцу въ работники. Всякія предосторожности, обманъ начальства, взломы, подкопы и т. п. нужны бываютъ только тому меньшинству, которое сидитъ въ кандальныхъ, въ карцерахъ и въ Воеводской тюрьмѣ и, пожалуй, тѣмъ еще, кто работаетъ въ рудникѣ, гдѣ почти по всей линіи отъ Воеводской тюрьмы до Дуэ стоятъ и ходятъ часовые. Здѣсь начало побѣга сопряжено съ опасностью, но все же благопріятные случаи представляются почти ежедневно. Къ переодѣваньямъ и всякимъ фокусамъ, часто совершенно излишнимъ, прибѣгаютъ искатели и любители приключеній, вродѣ Золотой Ручки, которая для того, чтобы бѣжать, переодѣвалась въ солдатское платье.

Бѣглые большею частью пробираются къ сѣверу, къ узкому мѣсту пролива, что между мысами Погоби и Ла-

зарева, или нѣсколько сѣвернѣе; здѣсь безлюдье, легко укрыться отъ кордона, и можно достать у гиляковъ лодку или самимъ сдѣлать плотъ и переправиться на ту сторону, а если уже зима, то при хорошей погодѣ для перехода достаточно двухъ часовъ. Чѣмъ сѣвернѣе переправа, тѣмъ ближе къ устью Амура и, значитъ, меньше опасности погибнуть отъ голода и мороза; у устья Амура много гиляцкихъ деревушекъ, не далеко городъ Николаевскъ, потомъ Маріинскъ, Софійскъ и казація станицы, гдѣ на зиму можно наняться въ работники и гдѣ, какъ говорятъ, даже среди чиновниковъ есть люди, которые даютъ несчастнымъ пріютъ и кусокъ хлѣба. Случается, что бѣглые, не зная, гдѣ сѣверъ, начинаютъ кружить и попадаютъ обратно въ то мѣсто, изъ котораго вышли *).

*) Однажды бѣглые украли въ Дуэ компасъ, чтобъ отыскать сѣверъ и обойти кордонъ у мыса Погоби, и компасъ привелъ ихъ какъ разъ къ кордону. Мнѣ разсказывали, что въ послѣднее время каторжные, чтобы не идти по охраняемому западному побережью, начинаютъ уже пробовать другой путь, а именно на востокъ, къ Ныйскому заливу, оттуда по берегу Охотскаго моря на сѣверъ къ мысу Маріи и Елизаветы, и затѣмъ къ югу, чтобы переплыть проливъ противъ мыса Пронге. Разсказывали, что такой путь избралъ, между прочимъ, извѣстный Богдановъ, который бѣжалъ не задолго до моего пріѣзда. Но это едва ли вѣроятно. Правда, на всемъ протяженіи Тыми есть гиляцкая тропинка и попадаются юрты, но круговой путь отъ Ныйскаго залива длиненъ и труденъ; надо вспомнить, сколько лишеній претерпѣлъ Поляковъ, спускаясь отъ Ныйскаго залива къ югу, чтобъ оцѣнить весь рискъ путешествія отъ этого залива къ сѣверу.

О томъ, какъ жутко приходится бѣглымъ, я уже говорилъ. Бѣглые, особенно рецидивисты, мало-по-малу привыкаютъ къ тайгѣ и къ тундрѣ, ноги ихъ приспособляются и нѣтъ ничего мудренаго, что нѣкоторые даже

Бываетъ нерѣдко, что бѣглые пытаются переплыть проливъ гдѣ-нибудь по близости тюрьмы. Для этого нужны исключительная смѣлость, особенно счастливый случай, а, главное, многократный предварительный опытъ, научившій, какъ труденъ и рискованъ путь къ сѣверу черезъ тайгу. Убѣгающіе изъ Воеводской и Дуйской тюремъ бродяги-рецидивисты пускаются въ море немедля, въ первый же или второй день послѣ побѣга. Тутъ ужь никакихъ соображеній насчетъ бурь и опасностей, а одинъ лишь животный страхъ погони и жажда свободы: хоть утонуть, да на волѣ. Обыкновенно они спускаются верстъ на 5—10 южнѣе Дуэ, къ Агнево, устраиваютъ тутъ плотъ и спѣшатъ уплыть къ туманному берегу, отдѣленному отъ нихъ 60—70 милями бурнаго холоднаго моря. При мнѣ изъ Воеводской тюрьмы бѣжалъ такимъ образомъ бродяга Прохоровъ, онъ же Мыльниковъ, о которомъ я говорилъ въ предыдущей главѣ *).

спятъ на ходу. Мнѣ говорили, что дольше всѣхъ могутъ находиться въ бѣгахъ китайскіе бродяги „хунхузы", которыхъ присылаютъ на Сахалинъ изъ Приморской области, такъ какъ они будто бы могутъ по цѣлымъ мѣсяцамъ питаться одними только кореньями и травами.

*) 29 іюня 1886 г., съ военнаго судна *Тунгусъ*, не доходя 20 миль до Дуэ, замѣтили на поверхности моря черную точку; когда подошли поближе, то увидѣли слѣдующее: на четырехъ связанныхъ бревнахъ, сидя на возвышеніяхъ изъ древесной коры, плыли куда-то два человѣка, около нихъ на плоту были ведро съ прѣсною водой, полтора каравая хлѣба, топоръ, около пуда муки, немножко рису, двѣ стеариновыя свѣчи, кусокъ мыла и два кирпича чаю. Когда ихъ взяли на бортъ и спросили, кто они, то оказалось, что это арестанты Дуйской тюрьмы, бѣжавшіе 17 іюня (значитъ, бывшіе въ бѣгахъ уже 12 дней) и что плывутъ они—

Уплываютъ также на баржахъ-шаландахъ и на сѣноплавкахъ, но море всякій разъ безжалостно разбиваетъ эти баржи или выкидываетъ ихъ на берегъ. Былъ одинъ случай, когда каторжные бѣжали на катерѣ, принадлежащемъ горному вѣдомству *). Случается, что каторжные убѣгаютъ на тѣхъ же самыхъ судахъ, которые они грузятъ. Въ 1883 году, на пароходѣ *Тріумфъ*, бѣжалъ каторжный Францъ Кицъ, зарывшись въ угольную яму. Когда его нашли и вытащили изъ ямы, то онъ на всѣ

„вонъ туда, въ Россію". Часа черезъ два поднялся сильный штормъ и пароходъ не могъ пристать къ Сахалину. Спрашивается, что случилось бы въ такую погоду съ бѣглыми, еслибъ ихъ не приняли на судно? См. объ этомъ *Владивостокъ* 1886 г., № 31.

*) Въ іюнѣ 1887 г. на Дуйскомъ рейдѣ нагружался углемъ пароходъ *Тира*. По обыкновенію, уголь доставлялся къ борту на баржахъ, которыя водилъ на буксирѣ паровой катеръ. Къ вечеру засвѣжѣло и начался штормъ. *Тира* не могла держаться на якоряхъ и ушла въ де-Кастри. Баржу вытащили на берегъ около Дуэ, а катеръ ушелъ въ Александровскій постъ и укрылся тамъ въ рѣчкѣ. Ночью, когда погода нѣсколько утихла, катерная прислуга, состоявшая изъ каторжныхъ, предъявила надзирателю подложную телеграмму изъ Дуэ, въ которой было приказаніе немедленно отправиться на катерѣ въ море для спасенія баржъ съ людьми, будто бы унесенныхъ штормомъ отъ берега. Не подозрѣвая обмана, надзиратель выпустилъ катеръ изъ пристани. Но, вмѣсто того, чтобы идти на югъ къ Дуэ, катеръ пошелъ на сѣверъ. На немъ было семь мужчинъ и три женщины. Къ утру погода измѣнилась къ худшему. Около мыса Хоэ залило въ катерѣ машину; девять человѣкъ утонули и были выброшены на берегъ, и спасся на доскѣ только одинъ, бывшій на катерѣ рулевымъ. Этотъ единственный спасшійся, по фамиліи Кузнецовъ, служитъ теперь на рудникѣ въ Александровскомъ посту у горнаго инженера. Онъ мнѣ подавалъ чай. Это крѣпкій, смуглый, довольно красивый мужчина лѣтъ сорока, повидимому, гордый и дикій; онъ мнѣ напомнилъ Тома Айртона изъ *Дѣтей капитана Гранта*.

вопросы отвѣчалъ только одно: «Дайте воды, я не пилъ пять дней».

Попавъ такъ, или иначе на материкъ, бѣглые держатъ путь къ западу, питаясь Христовымъ именемъ, нанимаясь, гдѣ можно, въ работники и воруя все, что плохо лежитъ. Крадутъ они скотъ, овощи, платье,—однимъ словомъ, все, что можно съѣсть, надѣть на себя, или продать. Ихъ ловятъ, долго держатъ въ тюрьмахъ, судятъ и отсылаютъ назадъ со страшными статейными списками, но многіе, какъ извѣстно читателямъ по судебнымъ процессамъ, доходятъ и до московскаго Хитрова рынка и даже до родной деревни. Въ Палевѣ хлѣбопекъ Горячій, простоватый, откровенный и, повидимому, добрый человѣкъ, разсказывалъ мнѣ, какъ онъ дошелъ до своей деревни, повидался съ женою и дѣтками и какъ опять былъ сосланъ на Сахалинъ, гдѣ кончаетъ уже второй срокъ. Говорятъ, и въ печати, между прочимъ, высказывалось предположеніе, будто бѣглыхъ каторжныхъ принимаютъ на свои суда американскіе китобои и увозятъ ихъ въ Америку *). Это, конечно, возможно, но я не слыхалъ ни объ одномъ такомъ случаѣ. Американскіе китобои, промышляющіе въ Охотскомъ морѣ, рѣдко подходятъ къ Сахалину и еще рѣже случается, чтобы они подходили именно въ то время, когда на пустынномъ во-

*) „Американскіе китобои принимали бѣглыхъ изъ Ботанибея, — говоритъ Нерчинскій Старожилъ,—будутъ принимать бѣглыхъ и на Сахалинѣ“. *Москов. Вѣд.* 1875 г., № 67.

сточномъ берегу находятся бѣглые. По словамъ г. Курбскаго (*Голосъ* 1875 г., № 312) въ Indian-Territory, на правой сторонѣ Миссисипи, живутъ цѣлыя партіи вачеро изъ сахалинскихъ каторжниковъ. Эти вачеро, если они существуютъ на самомъ дѣлѣ, пробрались въ Америку не на китобойныхъ судахъ, а, вѣроятно, черезъ Японію. Во всякомъ случаѣ побѣги не въ Россію, а за границу, хотя и рѣдко, но бываютъ, и это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Еще въ двадцатыхъ годахъ наши каторжные бѣгали изъ охотскаго солевареннаго завода на «теплые», т.-е. Сандвичевы острова *).

*) Э.....въ: „Ссыльно-каторжные въ Охотскѣ". *Русская Старина*, томъ XXII. А вотъ кстати интересный случай. Въ 1885 г. въ японскихъ газетахъ появилось извѣстіе, что близъ Саппоро потерпѣли крушеніе девять какихъ-то иностранцевъ. Власти послали въ Саппоро чиновниковъ, чтобъ оказать имъ помощь. Иностранцы, какъ умѣли, объяснили посланнымъ, что они германцы, что шкуна ихъ потерпѣла крушеніе, и спаслись они на маленькой лодкѣ. Затѣмъ ихъ перевели изъ Саппоро въ Хокодате. Здѣсь съ ними заговорили по-англійски и по-русски, но ни того, ни другого языка они не понимали и отвѣчали только „жерманъ, жерманъ". Кое-какъ узнали, кто изъ нихъ капитанъ судна, и когда этому капитану предложили атласъ и попросили его указать мѣсто крушенія, то онъ долго водилъ пальцемъ по картѣ и не нашелъ Саппоро. Отвѣты вообще были не ясны. Тогда въ Хокодате стоялъ нашъ *Крейсеръ*. Генералъ-губернаторъ обратился къ командиру съ просьбой— дать переводчика нѣмецкаго языка. Командиръ послалъ старшаго офицера. Подозрѣвая, что это сахалинскіе каторжники, тѣ самые бѣглые, которые недавно сдѣлали нападеніе на Крильонскій маякъ, старшій офицеръ пустился на хитрости; онъ выстроилъ ихъ въ шеренгу и скомандовалъ по-русски: „налѣво кругомъ маршъ!" Одинъ изъ иностранцевъ не выдержалъ своей роли и тотчасъ же исполнилъ команду и, такимъ образомъ, узнали, къ какой націи принадлежали эти хитроумные Одиссеи. См. объ этомъ *Владивостокъ* 1885 г., №№ 33 и 38.

Страхъ передъ бѣглыми каторжниками великъ, и этимъ объясняется, почему наказаніе, налагаемое за побѣги, такъ серьезно и такъ поражаетъ своею суровостью. Когда изъ Воеводской тюрьмы, или изъ кандальной бѣжитъ какой-нибудь извѣстный бродяга, то молва объ этомъ наводитъ страхъ не только на сахалинское населеніе, но даже на жителей материка; разсказываютъ, что когда однажды бѣжалъ Блоха, то слухъ объ этомъ навелъ на жителей г. Николаевска такой страхъ, что мѣстный исправникъ нашелъ нужнымъ запросить по телеграфу: правда ли, что бѣжалъ Блоха *)? Главная опасность, какую представляютъ для общества побѣги, заключается въ томъ, во-первыхъ, что они развиваютъ и поддерживаютъ бродяжество и, во-вторыхъ, ставятъ почти каждаго бѣглаго въ нелегальное положеніе, когда онъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, не можетъ не совершать новыхъ преступленій. Наибольшій контингентъ рецидивистовъ составляютъ бѣглые; самыя страшныя и дерзкія преступленія на Сахалинѣ до сихъ поръ были совершаемы бѣглыми.

*) Этотъ Блоха знаменитъ своими побѣгами и тѣмъ, что перерѣзалъ много гиляцкихъ семействъ. Въ послѣднее время онъ содержался въ кандальной въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ. Когда генералъ-губернаторъ обходилъ съ начальникомъ острова кандальныя, то послѣдній приказалъ снять съ Блохи ручныя кандалы и при этомъ взялъ съ него честное слово, что онъ уже больше не будетъ бѣгать. Интересно, что этотъ Блоха слыветъ за *честнаго*. Когда его сѣкутъ, то онъ кричитъ: „За дѣло меня, ваше высокоблагородіе! За дѣло! Такъ мнѣ и надо!“ Очень возможно, что онъ сдержитъ свое слово. Каторжникамъ нравится репутація честнаго.

Въ настоящее время, для предупрежденія побѣговъ, употребляются, главнымъ образомъ, репрессивныя мѣры. Эти мѣры уменьшаютъ число побѣговъ, но только до извѣстнаго предѣла, и репрессія, доведенная до своего идеальнаго совершенства, все-таки, не исключала бы возможности побѣговъ. Есть предѣлъ, дальше котораго репрессивныя мѣры уже перестаютъ быть дѣйствительными. Какъ извѣстно, каторжный продолжаетъ бѣжать даже въ то время, когда въ него прицѣливается часовой; его не удерживаетъ отъ побѣга также ни штормъ, ни увѣренность, что онъ утонетъ. И есть предѣлъ, перейдя который, репрессивныя мѣры уже сами становятся причиною побѣговъ. Такъ, напримѣръ, устрашающее наказаніе за побѣги, состоящее изъ прибавки нѣсколькихъ лѣтъ каторги къ старому сроку, увеличиваетъ число безсрочныхъ и долгосрочныхъ, и тѣмъ самымъ увеличиваетъ и число побѣговъ. Вообще говоря, репрессивныя мѣры въ борьбѣ съ побѣгами не имѣютъ будущности, онѣ сильно расходятся съ идеалами нашего законодательства, которое въ наказаніи видитъ, прежде всего, средство къ исправленію. Когда вся энергія и изобрѣтательность тюремщика изо дня въ день уходитъ только на то, чтобы поставить арестанта въ такія сложныя физическія условія, которыя сдѣлали бы невозможнымъ побѣгъ, то тутъ уже не до исправленія, и можетъ быть разговоръ только о превращеніи арестанта въ звѣря, а тюрьмы—въ звѣринецъ. Да и не практичны эти

мѣры: во-первыхъ, онѣ всегда ложатся гнетомъ на населеніе, неповинное въ бѣгахъ, и, во-вторыхъ, заключеніе въ крѣпко устроенной тюрьмѣ, кандалы, всякаго рода карцеры, темныя и тачки дѣлаютъ человѣка неспособнымъ къ работѣ.

Такъ называемыя гуманныя мѣры, всякое улучшеніе въ жизни арестанта, будетъ ли то лишній кусокъ хлѣба, или надежда на лучшее будущее, тоже значительно понижаютъ число побѣговъ. Приведу примѣръ: въ 1885 г. бѣжало 25 поселенцевъ, а въ 1887 г. послѣ урожая 1886 г. только 7. Поселенцы бѣгаютъ гораздо рѣже, чѣмъ каторжные, а крестьяне изъ ссыльныхъ почти совсѣмъ не бѣгаютъ. Меньше всего бѣгаютъ изъ Корсаковскаго округа, потому что здѣсь урожаи лучше, преобладаютъ среди арестантовъ краткосрочные, климатъ мягче и легче получить крестьянскія права, чѣмъ на Сѣверномъ Сахалинѣ, а по отбытіи каторги, чтобы добыть себѣ кусокъ хлѣба, нѣтъ надобности возвращаться въ рудникъ. Чѣмъ легче живется арестанту, тѣмъ меньше опасности, что онъ убѣжитъ, и въ этомъ отношеніи можно признать очень надежными такія мѣры, какъ улучшеніе тюремныхъ порядковъ, постройка церквей, учрежденіе школъ и больницъ, обезпеченіе семействъ ссыльныхъ, заработки и т. п.

За каждаго пойманнаго и доставленнаго въ тюрьму бѣглаго, какъ я уже говорилъ, рядовые, гиляки и вообще занимающіеся ловлей бѣглыхъ, получаютъ отъ казны денежное вознагражденіе въ размѣрѣ трехъ рублей за

голову. Нѣтъ сомнѣнія, что денежное вознагражденіе, соблазнительное для голоднаго человѣка, помогаетъ дѣлу и увеличиваетъ число «пойманныхъ, найденныхъ мертвыми и убитыхъ», но помощь эта, конечно, совсѣмъ не окупаетъ того вреда, какой неминуемо должны причинять населенію острова дурные инстинкты, пробуждаемые въ немъ этими трехрублевками. Кто вынужденъ, какъ солдатъ, или ограбленный поселенецъ, ловить бѣглыхъ, тотъ поймаетъ и безъ трехъ рублей, а кто ловитъ не по долгу службы и не по нуждѣ, а изъ соображеній корыстнаго свойства, для того ловля составляетъ гнусный промыселъ, а эти три рубля являются поблажкой самаго низменнаго свойства.

По имѣющимся у меня даннымъ, изъ 1,501 бѣжавшихъ поймано и добровольно вернулось 1,010 каторжныхъ; найдено мертвыми и убито при преслѣдованіи 40; безъ вѣсти пропало 451 человѣкъ. Стало быть, изъ всей массы бѣгающихъ Сахалинъ теряетъ одну треть, несмотря на свое островное положеніе. Въ *Вѣдомостяхъ,* откуда я бралъ эти цифры, добровольно вернувшіеся и пойманные показаны въ одномъ числѣ, найденные мертвыми и убитые при преслѣдованіи тоже показаны не раздѣльно, и потому не извѣстно, какое число относится на долю поимщиковъ и какой процентъ бѣглыхъ погибаетъ отъ солдатскихъ пуль *).

*) По степени наказуемости *Уставъ о ссыльныхъ* различаетъ побѣгъ и отлучку, побѣгъ въ Сибири и внѣ Сибири, а также побѣги первый,

XXIII.

Болѣзненность и смертность ссыльнаго населенія.—Медицинская организація.—Лазаретъ въ Александровскѣ.

Въ 1889 г. по всѣмъ тремъ округамъ было показано слабосильныхъ и неспособныхъ къ работѣ каторжныхъ обоего пола 632, что составляло 10,6% всего числа. Такимъ образомъ одинъ слабосильный и неспособный къ работѣ приходится на 10 человѣкъ. Что касается способнаго къ работѣ населенія, то и оно не производитъ впечатлѣнія вполнѣ здороваго. Среди ссыльныхъ мужчинъ вы не встрѣтите хорошо упитанныхъ, полныхъ и краснощекихъ; даже ничего не дѣлающіе поселенцы тощи и блѣдны. Лѣтомъ 1889 г. изъ 131 каторжныхъ, работавшихъ въ Тарайкѣ на дорогѣ, было 37 больныхъ, а остальные явились къ пріѣхавшему начальнику остро-

второй, третій, четвертый и послѣдующіе. Для каторжнаго признается отлучкой, а не побѣгомъ, если его ловятъ ранѣе трехъ дней, или же онъ добровольно возвращается ранѣе семи дней со времени начала побѣга. Для поселенца эти сроки увеличены въ первомъ случаѣ до семи, во второмъ до четырнадцати дней. Побѣгъ внѣ Сибири считается болѣе важнымъ преступленіемъ и карается строже, чѣмъ побѣгъ въ Сибири; это различіе построено, вѣроятно, на томъ соображеніи, что для побѣга въ Европейскую Россію требуется гораздо большаго напряженія злой воли, чѣмъ для побѣга въ какую-нибудь сибирскую губернію. Самое слабое наказаніе, какое полагается каторжному за побѣгъ, это — сорокъ плетей и продолженіе срока каторжныхъ работъ на четыре года, и самое сильное—сто плетей, безсрочная каторга, прикованіе къ тележкѣ на три года и содержаніе въ разрядѣ испытуемыхъ двадцать лѣтъ. См. ст. 445 и 446 *Устава о ссыльныхъ*, изд. 1890 г.

ва «въ самомъ ужасномъ видѣ: ободранные, многіе безъ рубахъ, искусанные москитами, исцарапанные сучьями деревьевъ, но никто не жаловался» (Приказъ 1889 г., № 318).

Обращавшихся за медицинскою помощью въ 1889 г. было 11,309; въ медицинскомъ отчетѣ, откуда я беру эту цифру, ссыльные и свободные показаны нераздѣльно, но составитель отчета замѣчаетъ, что главный контингентъ больныхъ составляли ссыльно-каторжные. Въ виду того, что солдаты лѣчатся у своихъ военныхъ врачей, а чиновники и ихъ семьи у себя на дому, надо думать, что въ число 11,309 вошли только ссыльные и ихъ семьи, причемъ каторжные составляли большинство и что такимъ образомъ каждый ссыльный и прикосновенный къ ссылкѣ обращался за медицинскою помощью не менѣе одного раза въ годъ *).

О болѣзненности ссыльнаго населенія я могу судить только по отчету за 1889 г., но, къ сожалѣнію, онъ составленъ по даннымъ больничныхъ «Правдивыхъ книгъ», которыя ведутся здѣсь крайне неряшливо, такъ что мнѣ пришлось еще взять на помощь церковныя метрическія книги и выписать изъ нихъ причины смерти за послѣднія десять лѣтъ. Причины смерти почти всякій разъ регистрируются священниками по запискамъ врачей и фельдше-

*) Въ 1874 г, въ Корсаковскомъ округѣ заболѣвшіе относились къ общему числу, какъ 227,2:100. Синцовскій, врачъ: „Гигіеническая обстановка ссыльно-каторжныхъ“. *Здоровье*, 1875 г., № 16.

ровъ, много тутъ фантазіи *), но въ общемъ этотъ матеріалъ по существу тотъ же, что и въ «Правдивыхъ книгахъ», не лучше и не хуже. Понятно, что обоихъ этихъ источниковъ было далеко недостаточно, и все, что найдетъ ниже читатель о болѣзненности и смертности, не картина, а одни лишь слабые контуры.

Тѣ болѣзни, которыя въ отчетѣ отнесены къ двумъ отдѣльнымъ группамъ—заразно-повальнымъ и эпидемическимъ, до сихъ поръ на Сахалинѣ имѣли слабое распространеніе. Такъ, корь въ 1889 г. была зарегистрована только 3 раза, а скарлатина, дифтеритъ и крупъ ни разу. Смерть отъ этихъ болѣзней, которымъ подверженъ по преимуществу дѣтскій возрастъ, упоминается въ метрическихъ книгахъ за десять лѣтъ только 45 разъ. Въ это число вошли «жабы» и «воспаленія горла», имѣвшія заразный и эпидемическій характеръ, на что всякій разъ указывалъ мнѣ рядъ дѣтскихъ смертей въ короткій промежутокъ времени. Эпидеміи обыкновенно начинались въ сентябрѣ, или октябрѣ, когда на пароходахъ добровольнаго флота привозили въ колонію больныхъ дѣтей; теченіе эпидемій бывало продолжительное, но вялое. Такъ, въ 1880 г. въ Корсаковскомъ приходѣ «жаба» началась въ октябрѣ и кончилась въ апрѣлѣ

*) Между прочимъ я встрѣчалъ тутъ такія діагности, какъ неумѣренное питье отъ груди, неразвитость къ жизни, душевная болѣзнь сердца, воспаленіе тѣла, внутреннее истощеніе, курьезный пневмоній, Шперъ и проч.

слѣдующаго года, похитивъ всего 10 дѣтей; эпидемія дифтерита въ 1888 г. началась въ Рыковскомъ приходѣ осенью и продолжалась всю зиму, затѣмъ перешла въ Александровскій и Дуйскій приходы и погасла здѣсь въ ноябрѣ 1889 г., т.-е. держалась цѣлый годъ; умерло 20 дѣтей. Оспа зарегистрована въ отчетѣ одинъ разъ, а за десять лѣтъ умерло отъ нея 18 душъ; были двѣ эпидеміи въ Александровскомъ округѣ: одна въ 1886 г. съ декабря по іюнь и другая въ 1889 г. осенью. Тѣхъ грозныхъ эпидемій оспы, которыя когда-то эпидемически проходили черезъ всѣ острова Японскаго и Охотскаго морей до Камчатки включительно и уничтожали порой цѣлыя племена, вродѣ айно, теперь уже не бываетъ здѣсь, или, по крайней мѣрѣ, про нихъ не слышно. Рябыя лица среди гиляковъ встрѣчаются часто, но виновата въ этомъ вѣтреная оспа (varicella), которая, по всей вѣроятности, не переводится у инородцевъ *).

Что касается тифовъ, то въ отчетѣ брюшной былъ зарегистрованъ 23 раза со смертностью въ 30%, возврат-

*) Объ эпидеміи этой болѣзни, охватившей весь Сахалинъ въ 1868 году, и объ оспопрививаніи у инородцевъ въ 1858 году см Васильева: *Поѣздка на остр. Сахалинъ. Архивъ Судебной Медицины* 1870 г., № 2. Противъ зуда при varicella гиляки употребляютъ топленый тюленій жиръ, которымъ намазываютъ все тѣло. Отъ того, что гиляки никогда не моются, у нихъ вѣтреная оспа сопровождалась такимъ зудомъ, какого никогда не бывало у русскихъ; отъ расчесыванія образовывались язвы. Въ 1858 году на Сахалинѣ была настоящая оспа, чрезвычайно злокачественная; одинъ старый гилякъ говорилъ д-ру Васильеву, что изъ троихъ двое умирало.

ный же и сыпной по 3 раза, безъ смертныхъ случаевъ. Въ метрическихъ книгахъ смерть отъ тифовъ и горячекъ показана 50 разъ, но все это единичные случаи, разбросанные по книгамъ всѣхъ четырехъ приходовъ на протяженіи десяти лѣтъ. Ни въ одной корреспонденціи я не встрѣчалъ указаній на тифозныя эпидеміи и, по всей вѣроятности, ихъ не было. По отчету, брюшной тифъ наблюдался только въ двухъ сѣверныхъ округахъ; причиною его указаны недостатокъ чистой питьевой воды, загрязненіе почвы близъ тюремъ и рѣкъ, а также тѣснота и скученность. Мнѣ лично ни разу не пришлось видѣть на Сѣв. Сахалинѣ брюшного тифа, хотя я обошелъ тамъ всѣ избы и бывалъ въ лазаретахъ; нѣкоторые врачи увѣряли меня, что этой формы на островѣ нѣтъ вовсе, и она осталась у меня подъ большимъ сомнѣніемъ. Что же касается возвратнаго и сыпного тифа, то всѣ случаи, до сихъ поръ бывшіе на Сахалинѣ, я отношу къ привознымъ, какъ скарлатину и дифтеритъ; надо думать, что острыя инфекціонныя болѣзни до сихъ поръ находили на островѣ почву неблагопріятную для своего развитія.

«Не точно опредѣленныя лихорадочныя» болѣзни зарегистрованы 17 разъ. Въ отчетѣ эта форма описана такъ: «появлялась она преимущественно въ зимніе мѣсяцы, выражалась лихорадкою ремиттирующаго типа, иногда съ появленіемъ roseola и общимъ угнетеніемъ мозговыхъ центровъ, черезъ короткій промежутокъ времени 5—7 дней лихорадка проходила и наступало быс-

трое выздоровленіе». Этотъ тифоидъ очень распространенъ здѣсь, особенно въ сѣверныхъ округахъ, но въ отчетъ не попадаетъ и сотая часть всѣхъ случаевъ, такъ какъ больные обыкновенно не лечатся отъ этой болѣзни и переносятъ ее на ногахъ, а если лежатъ, то дома на печи. Какъ мнѣ пришлось убѣдиться въ мое короткое пребываніе на островѣ, въ этіологіи этой болѣзни играетъ главную роль простуда, заболѣваютъ работающіе въ холодную и сырую погоду въ тайгѣ и ночующіе подъ открытымъ небомъ. Чаще всего встрѣчаются такіе больные на дорожныхъ работахъ и на мѣстахъ новыхъ поселеній. Это настоящая febris sachalinensis.

Крупозною пневмоніей въ 1889 г. заболѣло 27, умерла треть. Эта болѣзнь, повидимому, опасна въ одинаковой мѣрѣ какъ для ссыльныхъ, такъ и свободныхъ. За десятилѣтній періодъ въ метрическихъ книгахъ смерть отъ нея упоминается 125 разъ; 28% приходится на май и іюнь, когда на Сахалинѣ бываетъ отвратительная, перемѣнчивая погода и начинаются работы далеко внѣ тюрьмы, 46% на декабрь, январь, февраль и мартъ, т.-е. на зиму *). Къ заболѣванію крупозною пневмоніей располагаютъ здѣсь главнымъ образомъ сильные холода зимой, рѣзкія перемѣны погоды и тяжелыя работы въ

*) Въ іюлѣ, августѣ и сентябрѣ 1889 г. не было ни одного случая. Въ октябрѣ за послѣднія десять лѣтъ смерть отъ крупозной пневмоніи была только одинъ разъ; этотъ мѣсяцъ на Сахалинѣ можно считать самымъ здоровымъ.

дурную погоду. Въ рапортѣ врача окружного лазарета г. Перлина отъ 24 марта 1888 г., копію котораго я привезъ съ собой, между прочимъ сказано: «меня постоянно ужасала большая заболѣваемость ссыльно-каторжныхъ рабочихъ острымъ воспаленіемъ легкихъ»; и вотъ, по мнѣнію д-ра Перлина, причины: «доставка за восемь верстъ бревенъ отъ 6 до 8 вершковъ въ діаметрѣ четырехъ-саженной длины производится тремя рабочими; предполагая тяжесть бревна въ 25—35 пуд. въ снѣжную дорогу, при тепломъ одѣяніи, ускоренной дѣятельности дыхательной и кровеносной системъ» и т. д. *).

Дизентерія, или кровавый поносъ, зарегистрована была только 5 разъ. Въ 1880 г. въ Дуэ и въ 1887 г. въ Александровскѣ, повидимому, были эпидеміи кроваваго поноса, и всѣхъ смертей за десятилѣтній періодъ въ метрическихъ книгахъ показано 8. Въ старыхъ корреспонденціяхъ и рапортахъ часто упоминается кровавый поносъ, который въ былыя времена, по всей вѣроятности, былъ на островѣ такъ же обыкновененъ, какъ цынга. Страдали имъ ссыльные, солдаты и инородцы, и при этомъ, какъ на причину его, указывались дурная пища и тяжелыя жизненныя условія **).

Азіатская холера на Сахалинѣ не была еще ни разу.

*) Кстати, въ этомъ рапортѣ я нашелъ такую подробность: „каторжные подвергаются жестокимъ наказаніямъ розгами, такъ что прямо изъ-подъ наказанія безчувственными приносятся въ лазаретъ“.

**) Д-ръ Васильевъ часто встрѣчалъ на Сахалинѣ гиляковъ, страдавшихъ кровавымъ поносомъ.

Рожу и госпитальную гангрену наблюдалъ я самъ и, по-видимому, объ эти болѣзни не переводятся въ здѣшнихъ лазаретахъ. Коклюша въ 1889 г. не было. Перемежающаяся лихорадка показана 428 разъ, причемъ на долю Александровскаго округа приходится больше половины; причинами въ отчетѣ названы теплота жилищъ безъ достаточнаго притока свѣжаго воздуха, загрязненіе почвы около жилищъ, работы въ мѣстностяхъ, подверженныхъ періодическимъ заливаніямъ, и устройство поселеній въ такихъ мѣстностяхъ. Всѣ эти нездоровыя условія на лицо, но, тѣмъ не менѣе, все-таки, островъ не производитъ впечатлѣнія малярійной мѣстности. Обходя избы, я не встрѣчалъ больныхъ маляріей и не помню ни одного такого селенія, гдѣ бы жаловались на эту болѣзнь. Очень возможно, что многіе изъ зарегистрованныхъ были больны лихорадкой еще на родинѣ и прибыли на островъ уже съ увеличенной селезенкой.

Смерть отъ сибирской язвы въ метрическихъ книгахъ упоминается только одинъ разъ. Ни сапъ, ни водобоязнь на островѣ еще не наблюдались.

На долю болѣзней дыхательныхъ органовъ приходится одна треть умершихъ, въ частности же бугорчатка беретъ 15%. Въ метрическихъ книгахъ записаны только христіане, но если прибавить еще магометанъ, умирающихъ обыкновенно отъ чахотки, то процентъ выйдетъ внушительный. Во всякомъ случаѣ, взрослые на Сахалинѣ подвержены чахоткѣ въ сильной степени; здѣсь она

самая частая и самая опасная болѣзнь. Больше всего умираютъ въ декабрѣ, когда на Сахалинѣ бываетъ очень холодно, и въ мартѣ и апрѣлѣ; меньше всего — въ сентябрѣ и октябрѣ. Вотъ составъ умершихъ отъ туберкулеза по возрастамъ:

отъ	0	до	20	лѣтъ	— 3%
»	20	»	25	»	— 6%
»	25	»	35	»	— 43%
»	35	»	45	»	— 27%
»	45	»	55	»	— 12%
»	55	»	65	»	— 6%
»	65	»	75	»	— 2%

Стало быть опасности умереть отъ чахотки на Сахалинѣ подвержены наиболѣе всего возрасты 25—35 и 35—45 л.,—рабочіе, цвѣтущіе возрасты *). Большинство умершихъ отъ чахотки — каторжные (66%). Вотъ это-то преобладаніе рабочихъ возрастовъ и каторжныхъ даетъ право заключить, что значительная смертность отъ чахотки въ ссыльной колоніи зависитъ, главнымъ образомъ, отъ неблагопріятныхъ условій жизни въ общихъ тюремныхъ камерахъ и непосильной тяжести каторжныхъ работъ, отнимающихъ у рабочаго больше, чѣмъ можетъ дать ему тюремная пища. Суровый климатъ, всякія лишенія, претерпѣваемыя во время работъ, побѣговъ

*) Припоминаю читателю, что эти возрасты относятся ко всему ссыльному населенію какъ 24,3% и 24,1%.

и заключенія въ карцерахъ, безпокойная жизнь въ общихъ камерахъ, недостатокъ жировъ въ пищѣ, тоска по родинѣ,—вотъ главныя причины сахалинской чахотки *).

Сифилисъ въ 1889 г. былъ зарегистрованъ 246 разъ, съ 5 смертями. Все это, какъ сказано въ отчетѣ, были старые сифилитики, со вторичными и третичными формами. Сифилитики, которыхъ мнѣ приходилось видѣть, производили жалкое впечатлѣніе; эти запущенные, застарѣлые случаи указывали на полное отсутствіе санитарнаго надзора, который, въ сущности, при малочисленности ссыльнаго населенія, могъ бы быть идеальнымъ. Такъ, въ Рыковскомъ я видѣлъ еврея съ сифилитической чахоткой; онъ давно не лечился, разрушался мало-помалу, и семья нетерпѣливо ожидала его смерти,— и это въ какой-нибудь полуверстѣ отъ больницы! Въ метрическихъ книгахъ смерть отъ сифилиса упоминается 13 разъ **).

*) Русскій человѣкъ любитъ тепло; онъ даже лѣтомъ по утрамъ надѣваетъ полушубокъ, спитъ на печкѣ и зимою, идя на работу, напримѣръ, въ лѣсъ, надѣваетъ, кромѣ шубы, валенки, рукавицы и шапку до ушей. На Сахалинѣ онъ зябнетъ, легко простуживается, а это ведетъ за собой постоянные катарры бронхіальныхъ путей и ergo увеличиваетъ опасность заболѣть чахоткой.

**) Сифилисъ чаще всего наблюдается въ Александровскомъ посту. Въ отчетѣ объясняется это скопленіемъ здѣсь значительнаго числа вновь прибывшихъ арестантовъ и ихъ семействъ, войскъ, ремесленниковъ и всего пришлаго населенія, приходомъ судовъ на Александровскій и Дуйскій рейды, лѣтними отхожими промыслами. Въ отчетѣ указаны и мѣры, употребляемыя противъ сифилиса: 1) осмотръ каторжныхъ 1 и 15 числа каждаго мѣсяца; 2) осмотръ партій, вновь прибывающихъ на

Больныхъ цынгою было зарегистровано въ 1889 г. 271, умерло 6. Въ метрическихъ книгахъ смерть отъ цынги показана 19 разъ. Лѣтъ 20—25 назадъ эта болѣзнь встрѣчалась на островѣ несравненно чаще, чѣмъ въ послѣднее десятилѣтіе, и отъ нея погибало много солдатъ и арестантовъ. Нѣкоторые старые корреспонденты, стоявшіе за учрежденіе ссыльной колоніи на островѣ, совершенно отрицали цынгу и, въ то же время, восхваляли черемшу, какъ превосходное средство отъ цынги, и писали, что населеніе заготовляло на зиму сотни пудовъ этого средства. Цынга, свирѣпствовавшая на Татарскомъ берегу, едва ли стала бы щадить Сахалинъ, гдѣ условія жизни въ постахъ были нисколько не лучше. Въ настоящее время чаще всего эту болѣзнь привозятъ съ собой арестанты на пароходахъ Добровольнаго флота. Это удостовѣряетъ и медицинскій отчетъ. Окружной начальникъ и тюремный врачъ въ Александровскѣ говорили мнѣ, что 2-го мая 1890 г. на *Петербургѣ* прибыло 500 арестантовъ и изъ нихъ не менѣе ста болѣли цынгою; 51 были положены врачомъ въ лазаретъ и околодокъ. Одинъ изъ

островъ; 3) еженедѣльный осмотръ женщинъ сомнительной нравственности; 4) наблюденіе за бывшими больными сифилисомъ. Но, несмотря на всѣ эти осмотры и наблюденія, „значительный % сифилитиковъ ускользаетъ отъ регистраціи".

Д-ръ Васильевъ, командированный въ 1869 г. на Сахалинъ для поданія медицинскаго пособія инородцамъ, не встрѣчалъ гиляковъ больныхъ сифилисомъ. Айно называютъ сифилисъ японской болѣзнью. Японцы, пріѣзжающіе на рыбные промыслы, обязаны представить консулу медицинское свидѣтельство въ томъ, что они не больны сифилисомъ.

этихъ цынготныхъ, полтавскій хохолъ, котораго я еще засталъ въ лазаретѣ, говорилъ мнѣ, что заболѣлъ онъ цынгою въ харьковскомъ централѣ *). Изъ общихъ разстройствъ питанія, кромѣ цынги, я упомяну еще о маразмѣ, отъ котораго на Сахалинѣ умираютъ далеко не старые люди, принадлежащіе къ рабочимъ возрастамъ. Одинъ показанъ умершимъ 27, другой 30, остальные 35, 43, 46, 47, 48... лѣтъ. И едва ли это описка фельдшера или священника, такъ какъ «старческій маразмъ», какъ причина смерти у людей не старыхъ и не достигшихъ 60 лѣтъ, упоминается въ метрическихъ книгахъ 45 разъ. Средняя продолжительность жизни русскаго ссыльнаго еще неизвѣстна, но если судить на глазъ, то сахалинцы рано старятся и дряхлѣютъ, и каторжный или поселенецъ 40 лѣтъ большею частью выглядитъ уже старикомъ.

Съ нервными болѣзнями ссыльные обращаются въ лазареты не часто. Такъ, въ 1889 г. невралгіи и судороги были зарегистрованы только 16 разъ **). Очевидно, ле-

*) Продолжительное пребываніе въ центральныхъ тюрьмахъ и пароходныхъ трюмахъ располагаетъ къ заболѣванію цынгой, и случалось, что арестанты заболѣвали цѣлыми партіями вскорѣ по прибытіи на островъ. „Послѣдній транспортъ каторжныхъ съ *Костромы*,— пишетъ одинъ корреспондентъ,— прибылъ здоровымъ, теперь весь въ цынгѣ". *Владивостокъ* 1885 г., № 30.

**) Каторжнаго съ мигренью или ишіасомъ легко заподозрить въ симуляціи и не пустить въ лазаретъ; однажды я видѣлъ, какъ цѣлая толпа каторжныхъ просилась у смотрителя тюрьмы въ лазаретъ и онъ отказывалъ всѣмъ, не желая разбирать ни больныхъ, ни здоровыхъ.

чатся только тѣ нервные больные, которыхъ привозятъ или приводятъ. Воспаленіе мозга, апоплексія и параличъ дали 24 случая, съ 10 смертями, эпилепсія зарегистрована 31 разъ, а разстройство умственныхъ способностей 25 разъ. Психическіе больные, какъ я говорилъ уже, на Сахалинѣ не имѣютъ отдѣльнаго помѣщенія; при мнѣ одни изъ нихъ помѣщались въ селеніи Корсаковскомъ, вмѣстѣ съ сифилитиками, причемъ одинъ даже, какъ мнѣ разсказывали, заразился сифилисомъ, другіе, живя на волѣ, работали наравнѣ со здоровыми, сожительствовали, убѣгали, были судимы. Я лично встрѣчалъ въ постахъ и селеніяхъ не мало сумасшедшихъ. Помнится, въ Дуэ одинъ бывшій солдатъ все толковалъ про воздушный и небесный океаны, про свою дочь Надежду и шаха персидскаго и про то, что онъ убилъ Крестовоздвиженскаго дьячка. При мнѣ однажды во Владиміровкѣ нѣкій Вѣтряковъ, отбывшій пять лѣтъ каторги, съ тупымъ, идіотскимъ выраженіемъ подошелъ къ смотрителю поселеній, г. Я., и по-пріятельски протянулъ ему руку. «Какъ ты со мной здороваешься?» удивился г. Я. Оказалось, что Вѣтряковъ пришелъ попросить, нельзя ли ему получить изъ казны плотничій топоръ. «Построю себѣ шалашъ, потомъ буду избу рубить», сказалъ онъ. Это давно уже признанный сумасшедшій, былъ на испытаніи у врача, параноикъ. Я спросилъ, какъ зовутъ его отца. Онъ отвѣтилъ: «Не знаю». И, все-таки, ему выдали топоръ. Не говорю ужь о случаяхъ нравственнаго помѣшательства,

о начальномъ періодѣ прогрессивнаго паралича и проч., гдѣ нужна болѣе или менѣе тонкая діагностика. Эти всѣ работаютъ и сходятъ за здоровыхъ. Нѣкоторые пріѣзжаютъ уже больными или привозятъ съ собой зародышъ болѣзни; такъ, въ метрической книгѣ записанъ умершимъ отъ прогрессивнаго паралича каторжный Городовъ, осужденный за заранѣе обдуманное убійство, которое, быть можетъ, совершилъ онъ уже будучи больнымъ. Другіе же заболѣваютъ на островѣ, гдѣ каждый день и каждый часъ представляется достаточно причинъ, чтобы человѣку не крѣпкому, съ расшатанными нервами, сойти съ ума *).

*) Напримѣръ, угрызенія совѣсти, тоска по родинѣ, постоянно оскорбляемое самолюбіе, одиночество и всякія каторжныя дрязги, о которыхъ кн. Шаховской въ своемъ *Дѣлѣ объ устройствѣ о. Сахалина* разсуждаетъ такъ: „Кромѣ одежды, пищи и крова человѣкъ имѣетъ и другія потребности, и какъ бы ни былъ суровъ законъ, ограничивающій эти потребности, онѣ, однако, всегда будутъ имѣть мѣсто. Таковы чай, табакъ, стремленіе на минутное обладаніе женщиной и т. п. Какъ бы ни былъ разсчетливъ каторжный на выполненіе этихъ потребностей, все-таки, при мѣстной дороговизнѣ на нихъ, исполненіе оказывается невозможнымъ и субъектъ начинаетъ распродавать послѣднее свое богатство — одежду, за растрату которой его наказываютъ, а затѣмъ и пищу, растрату которой обнаружить невозможно. Послѣдствіемъ этого является истощеніе тѣла, слабосиліе на работѣ, разстройство всей нервной системы, раздражительность и окончательнымъ результатомъ или смерть, или крупное преступленіе. Но даже и тѣ субъекты, которые не продаютъ свою пищу, отчаявшись увидать тѣнь надежды на обзаведеніе себя какою-либо собственностью, начинаютъ относиться къ жизни и смерти, къ работѣ и всѣмъ требованіямъ закона такъ апатично, что достаточно ничтожнаго случая къ новому преступленію, послѣ котораго, по ихъ выраженію, „хуже не будетъ“, потому что и быть не можетъ.

Желудочно-кишечныя заболѣванія въ 1889 г. были зарегистрованы 1,760 разъ. За десять лѣтъ умерло 338; изъ этого числа 66% относятся къ дѣтскому возрасту. Самые опасные мѣсяцы для дѣтей—это іюль и особенно августъ, на долю которыхъ приходится треть всего числа умершихъ дѣтей. Взрослые отъ желудочно-кишечныхъ разстройствъ умираютъ чаще всего тоже въ августѣ, быть можетъ, оттого, что въ этомъ мѣсяцѣ идетъ періодическая рыба, которою объѣдаются. Катарръ желудка здѣсь обыкновенная болѣзнь. Уроженцы Кавказа всегда жалуются, что у нихъ «сердце болитъ», и послѣ ржаного хлѣба и тюремныхъ щей у нихъ бываетъ рвота.

Съ женскими болѣзнями обращались въ 1889 г. въ лазаретъ не часто, всего 105 разъ. Между тѣмъ, въ колоніи почти нѣтъ здоровыхъ женщинъ. Въ актѣ одной изъ коммиссій по продовольствію каторжныхъ, въ которой участвовалъ завѣдующій медицинскою частью, сказано, между прочимъ: «около 70% ссыльно-каторжныхъ женщинъ страдаютъ хроническими женскими болѣзнями». Случалось, что во всей вновь прибывшей партіи арестантокъ не оказывалось ни одной здоровой.

Изъ глазныхъ болѣзней чаще всего наблюдается конъюнктивитъ; эпидемическая форма его не переводится у инородцевъ *). О болѣе серьезныхъ страданіяхъ глазъ я

*) Д-ръ Васильевъ: „У гиляковъ имѣетъ большое вліяніе на происхожденіе болѣзни постоянное созерцаніе снѣжной пустыни... Я по опыту знаю, что въ нѣсколько дней отъ постояннаго созерцанія снѣжной пу-

не могу сказать ничего, такъ какъ въ отчетѣ всѣ глазныя болѣзни сплошь показаны одною цифрой 211. Въ избахъ я встрѣчалъ одноглазыхъ, съ бѣльмами и слѣпыхъ; видѣлъ и слѣпыхъ дѣтей.

Съ травматическими поврежденіями, съ вывихами, переломами, ушибами и ранами всякаго рода обращались въ 1889 г. за помощью 1,217 человѣкъ. Все это поврежденія, полученныя на работахъ, при всякаго рода несчастныхъ случаяхъ, въ бѣгахъ (огнестрѣльныя раны), въ дракѣ. Къ этой же группѣ отнесены 4 случая, когда были доставлены въ лазаретъ ссыльно-каторжныя женщины, избитыя своими сожителями *). Ознобленіе было зарегистровано 290 разъ.

Случаевъ неестественной смерти среди православнаго населенія за 10 лѣтъ было 170. Изъ этого числа 20 каз-

стыни можно получить бленорейное воспаленіе слизистой оболочки глазъ". Каторжные очень склонны къ заболѣванію куриною слѣпотой. Иногда она „наваливаетъ" на цѣлыя партіи, такъ что каторжные идутъ ощупью, держась другъ за друга.

*) Составитель отчета комментируетъ эти случаи такимъ замѣчаніемъ: „Раздача ссыльно-каторжныхъ женщинъ въ сожительство ссыльно-поселенцамъ имѣетъ характеръ принудительный для первыхъ". Нѣкоторые каторжные, чтобъ ихъ не посылали на работы, увѣчать себя, напримѣръ, отрубаютъ себѣ на правой рукѣ пальцы. Особенно изобрѣтательны въ этомъ отношеніи симулянты; они прикладываютъ къ тѣлу раскаленные пятаки, нарочно отмораживаютъ себѣ ноги, употребляютъ какой-то кавказскій порошокъ, который, будучи всыпанъ въ небольшую рану или даже ссадину, производитъ язву грязную, съ гнилостнымъ распадомъ; одинъ всыпалъ себѣ въ уретру нюхательнаго табаку и т. д. Больше всѣхъ любятъ симулировать манзы, которыхъ присылаютъ сюда изъ Приморской области.

нены черезъ повѣшеніе, 2 повѣшаны неизвѣстно кѣмъ; самоубійствъ произошло 27, причемъ въ Сѣв. Сахалинѣ стрѣлялись (одинъ застрѣлился стоя на часахъ), а въ Южномъ отравлялись борцомъ; много утонувшихъ, замерзшихъ, задавленныхъ деревьями; одинъ разорванъ медвѣдемъ. Помимо такихъ причинъ, какъ параличъ сердца, разрывъ сердца, апоплексія, общій параличъ тѣла и т. п., въ метрическихъ книгахъ показаны еще «скоропостижно» умершими 17 человѣкъ; изъ нихъ больше половины было въ возрастѣ отъ 22 до 40 лѣтъ, и только одному было больше 50.

Вотъ и все, что я могу сказать о заболѣваемости въ ссыльной колоніи. Несмотря на чрезвычайно слабое развитіе инфекціонныхъ болѣзней, я, все-таки, не могу не признать ее значительной, хотя бы на основаніи только что приведенныхъ цифръ. Больныхъ, обращавшихся за медицинскою помощью въ 1889 г., было 11,309; но такъ какъ большинство каторжныхъ въ лѣтнее время живетъ и работаетъ далеко внѣ тюрьмы, гдѣ лишь при большихъ партіяхъ находятся фельдшера, и такъ какъ большинство поселенцевъ, за дальностью разстоянія и по причинѣ дурной погоды, лишено возможности ходить и ѣздить въ лазареты, то эта цифра касается, главнымъ образомъ, той части населенія, которое живетъ въ постахъ, вблизи врачебныхъ пунктовъ. По даннымъ отчета, въ 1889 г. умерло 194 или 12,5‰ на 1,000. На этомъ показателѣ смертности можно было бы построить великолѣпную ил-

люзію и признать нашъ Сахалинъ самымъ здоровымъ мѣстомъ въ свѣтѣ; но приходится считаться съ слѣдующимъ соображеніемъ: при обыкновенныхъ условіяхъ на дѣтскіе возрасты падаетъ больше половины всѣхъ умершихъ и на старческій возрастъ нѣсколько менѣе четверти, на Сахалинѣ же дѣтей очень немного, а стариковъ почти нѣтъ, такъ что коэффиціентъ въ 12,5%, въ сущности, касается только рабочихъ возрастовъ; къ тому же, онъ показанъ ниже дѣйствительнаго, такъ какъ при вычисленіи его въ отчетѣ бралось населеніе въ 15,000, т.-е., по крайней мѣрѣ, въ полтора раза больше, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ.

Если судить по даннымъ метрическихъ книгъ, то больше всего умираютъ въ августѣ.

Въ настоящее время на Сахалинѣ имѣется три врачебныхъ пункта, по числу округовъ: въ Александровскѣ, Рыковскомъ и Корсаковскѣ. Лечебницы называются, по-старому, окружными лазаретами, а тѣ избы или камеры, куда помѣщаютъ больныхъ съ легкими формами,— околодками. На каждый округъ полагается по одному врачу, а во главѣ всего дѣла стоитъ завѣдующій медицинскою частью, докторъ медицины. У военныхъ командъ свои лазареты и врачи, и случается нерѣдко, что военные врачи временно исправляютъ должность тюремныхъ: такъ при мнѣ, за отсутствіемъ завѣдующаго медицинскою частью, уѣхавшаго на тюремную выставку, и тюремнаго врача, подавшаго въ отставку, лазаретомъ въ

Александровскѣ завѣдывалъ военный врачъ; также въ Дуэ при мнѣ во время экзекуціи военный врачъ замѣнялъ тюремнаго. Здѣшніе лазареты руководствуются уставомъ гражданскихъ лечебныхъ заведеній и содержатся на счетъ тюремныхъ суммъ.

Я скажу нѣсколько словъ объ Александровскомъ лазаретѣ. Состоитъ онъ изъ нѣсколькихъ корпусовъ барачной системы *), разсчитанъ на 180 кроватей. Когда я подходилъ къ лазарету, новые бараки блестѣли на солнцѣ своими тяжелыми, круглыми бревнами и издавали хвойный запахъ. Въ аптекѣ все ново, все лоснится, есть даже бюстъ Боткина, слѣпленный однимъ каторжнымъ по фотографіи. «Немножко не похожъ», — говорилъ фельдшеръ, глядя на этотъ бюстъ. Какъ водится, громадные ящики съ cortex'ами и radix'ами, изъ которыхъ добрая половина давно уже вышла изъ употребленія. Иду дальше въ бараки, гдѣ больные. Тутъ въ проходѣ между двумя рядами кроватей полъ устланъ ельникомъ. Кровати деревянныя. На одной лежитъ каторжный изъ Дуэ, съ перерѣзаннымъ горломъ; рана въ полвершка длины, сухая, зіяющая; слышно, какъ сипитъ воздухъ. Больной

*) Лазаретъ занимаетъ площадь въ 8,574 кв. саж., состоитъ изъ 11 построекъ, расположенныхъ на трехъ пунктахъ: 1) административный корпусъ, вмѣщающій въ себѣ аптеку, хирургическую комнату и пріемный покой, 4 барака, кухня съ женскимъ отдѣленіемъ при ней и часовня,—это собственно и называется лазаретомъ; затѣмъ 2) 2 корпуса для сифилитиковъ, мужчинъ и женщинъ, кухня и надзирательская; 3) 2 корпуса, занятые эпидемическимъ отдѣленіемъ.

жалуется, что на работѣ его придавило обваломъ и ушибло ему бокъ; онъ просился въ околодокъ, но фельдшеръ не принялъ его, и онъ, не перенеся этой обиды, покусился на самоубійство,—хотѣлъ зарѣзаться. Повязки на шеѣ нѣтъ; рана предоставлена себѣ самой. Направо отъ этого больного, на разстояніи 3—4 аршинъ отъ него,—китаецъ съ гангреной, налѣво—каторжный съ рожей... Въ углу другой съ рожей... У хирургическихъ больныхъ повязки грязныя, морской канатъ какой-то подозрительный на видъ, точно по немъ ходили... Фельдшера и прислуга не дисциплинированы, вопросовъ не понимаютъ и производятъ впечатлѣніе досадное... Одинъ только каторжный Созинъ, бывшій на волѣ фельдшеромъ, видимо, знакомъ съ русскими порядками и, кажется, во всей этой больничной толпѣ это единственный человѣкъ, который своимъ отношеніемъ къ дѣлу не позоритъ бога Эскулапа.

Немного погодя, я принимаю амбулаторныхъ больныхъ. Пріемная рядомъ съ аптекой, новая; пахнетъ свѣжимъ деревомъ и лакомъ. Столъ, за которымъ сидитъ врачъ, огороженъ деревянною рѣшоткой, какъ въ банкирской конторѣ, такъ что во время пріемки больной не подходитъ близко и врачъ большею частью изслѣдуетъ его на разстояніи. За столомъ рядомъ съ врачомъ сидитъ классный фельдшеръ и, безмолвствуя, играетъ карандашикомъ и, кажется, будто это ассистентъ на экзаменѣ. Тутъ же въ пріемной у входной двери стоитъ надзиратель съ револьверомъ, снуютъ какіе-то мужики, бабы. Эта стран-

ная обстановка смущаетъ больныхъ и, я думаю, ни одинъ сифилитикъ и ни одна женщина не рѣшатся говорить о своей болѣзни въ присутствіи этого надзирателя съ револьверомъ и мужиковъ. Больныхъ немного. Все это или febris sachalinensis, или экземы, или «сердце болитъ», или симулянты; больные-каторжные убѣдительно просятъ, чтобы ихъ освободили отъ работъ. Приводятъ мальчика съ нарывомъ на шеѣ. Надо разрѣзать. Я прошу скальпель. Фельдшеръ и два мужика срываются съ мѣста и убѣгаютъ куда-то, немного погодя возвращаются и подаютъ мнѣ скальпель. Инструментъ оказывается тупымъ, но мнѣ говорятъ, что это не можетъ быть, такъ какъ слесарь недавно точилъ его. Опять фельдшеръ и мужики срываются съ мѣста и, послѣ двухъ-трехминутнаго ожиданія приносятъ еще одинъ скальпель. Начинаю рѣзать—и этотъ тоже оказывается тупымъ. Прошу карболовой кислоты въ растворѣ—мнѣ даютъ, но не скоро; видно, что эта жидкость употребляется здѣсь не часто. Ни таза, ни шариковъ ваты, ни зондовъ, ни порядочныхъ ножницъ, ни даже воды въ достаточномъ количествѣ.

Въ этомъ лазаретѣ среднее ежедневное число амбулаторныхъ больныхъ 11 человѣкъ, среднее годовое число (за пять лѣтъ) 2,581; среднее ежедневное коечныхъ больныхъ 138. При лазаретѣ старшій *) и младшій вра-

*) Онъ же завѣдующій медицинскою частью.

чи, два фельдшера, повивальная бабка (одна на два округа) и прислуги, страшно вымолвить, 68 душъ: 48 мужчинъ и 20 женщинъ. Въ 1889 г. израсходовано было на эту больницу 27,832 руб. 96 коп. *). По отчету за 1889 г., судебно-медицинскихъ осмотровъ и вскрытій труповъ во всѣхъ трехъ округахъ было 21. Освидѣтельствовано повреждений 7, беременныхъ 58 и для опредѣленія способности перенести тѣлесныя наказанія по приговорамъ судовъ 67.

Дѣлаю выписки изъ того же отчета, касающіяся больничнаго инвентаря. Во всѣхъ трехъ лазаретахъ было:

*) Одежда и бѣлье стоили 1,795 руб. 26 коп., пищевое довольствіе 12,832 руб. 94 коп., лекарства, хирургическіе инструменты и аппараты 2,309 р. 60 к., расходы коммисаріатскіе, канцелярскіе и проч. 2,500 р. 16 к., медицинскій персоналъ 8,300 р. Ремонтъ зданій на средства тюрьмы, прислуга безплатная. Теперь прошу сравнить. Земская больница въ г. Серпуховѣ, Московск. губ., поставленная *роскошно* и удовлетворяющая вполнѣ современнымъ требованіямъ науки, гдѣ среднее ежедневное число коечныхъ больныхъ въ 1893 г. было 43 и амбулаторныхъ 36,2 (13,278 въ годъ), гдѣ врачъ почти каждый день дѣлаетъ серьезныя операціи, наблюдаетъ за эпидеміями, ведетъ сложную регистрацію и проч.—эта лучшая больница въ уѣздѣ въ 1893 г. стоила земству 12,803 р. 17 к., считая тутъ страхованія и ремонтъ зданій 1,298 р. и жалованье прислугѣ 1,260 р. (См. *Обзоръ Серпуховской земской санитарно врачебной организаціи за 1892--1893 г.*). Медицина на Сахалинѣ обходится очень дорого, между тѣмъ, лазаретъ дезинфицируется „черезъ обкуриваніе хлоромъ“, вентиляцій нѣтъ и супъ, который при мнѣ въ Александровскѣ готовили для больныхъ, былъ очень соленаго вкуса, такъ какъ варили его изъ солонины. До послѣдняго времени, якобы „за недоставленіемъ комплекта посуды и неустройствомъ кухни“, продовольствіе больныхъ производилось изъ общаго тюремнаго котла (Приказъ начальника острова 1890 г., № 66).

гинекологическій наборъ 1, ляринготскопическій наборъ 1, максимальныхъ термометровъ 2, оба разбиты; термометровъ «для измѣренія тѣла» 9, —2 разбиты; термометровъ «для измѣренія высокой температуры» 1, троакаръ 1, шприцовъ Праваца 3, —въ одномъ сломана игла; оловянныхъ спринцовокъ 29, ножницъ 9, —2 изломаны; клистирныхъ трубокъ 34, дренажная трубка 1, большая ступка съ пестикомъ 1—съ трещиной; бритвенный ремень 1, банокъ кровососныхъ 14.

Изъ *Вѣдомости о приходѣ и расходѣ медикаментовъ въ лечебныхъ заведеніяхъ гражданскаго вѣдомства на о. Сахалинѣ* видно, что во всѣхъ трехъ округахъ было израсходовано въ теченіе отчетнаго года: 36½ пудовъ соляной кислоты и 26 пудовъ хлорной извести, карболовой кислоты 18½ ф. Aluminum crudum 56 ф. Камфоры—больше пуда. Ромашки 1 п. 9 ф. Хинной корки 1 п. 8 ф. и краснаго стручковаго перцу 5½ ф. (сколько же израсходовано спирту, въ *Вѣдомости* не сказано). Дубовой коры 1 п. Мяты 1½ п., арники ½ пуда, алтейнаго корня 3 п., скипидару 3½ п., прованскаго масла 3 п., деревяннаго 1 п. 10 ф. Іодоформа ½ пуда... Всего, не считая извести, соленой кислоты, спирта, дезинфекціонныхъ и перевязочныхъ средствъ, по даннымъ *Вѣдомости*, потрачено шестьдесятъ три съ половиной пуда лекарствъ; сахалинское населеніе, стало быть, можетъ похвалиться, что въ 1889 г. оно приняло громадную дозу.

Изъ статей закона, имѣющихъ отношеніе къ здоровью ссыльныхъ, приведу двѣ: 1) Работы, вредно дѣйствующія на здоровье, не допускаются даже и по выбору самихъ арестантовъ (выс. утв. мнѣніе гос. сов. 6 янв. 1886 г., ст. 11) и 2) женщины беременныя, до разрѣшенія ихъ отъ бремени, а разрѣшившіяся до истеченія сорока дней послѣ родовъ, освобождаются отъ работъ. Послѣ сего срока женщинамъ, питающимъ младенцевъ грудью, работы облегчаются въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо для предупрежденія вреда самой матери или питаемому ею младенцу. На кормленіе грудью младенцевъ осужденнымъ женщинамъ полагается полуторогодичный срокъ. Ст. 297 *Устава о ссыльныхъ*, изд. 1890 г.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

Bayerische
Staats-
Bibliothek
München

3р

Государственная Центральная Книжная Палата.
БЮРО МЕЖДУНАРОДНОГО КНИГООБМЕНА.

Bayerische StaatsBibliothek

Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Čechov, Anton Pavlovič,

Ostrov Sachalin (Iz putevych zapisok) izd. redakcii žurnala 'Russkaja Mysl'
'. [Die Insel Sachalin. Reiseskizzen.]

Moskva 1895

36.5079
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11532958-5